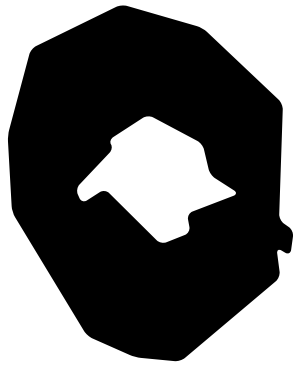


Археология периферии









ПОСВЯЩАЕТСЯ
НАТ
ЧАМАЕВОЙ

АРХЕОЛОГИЯ
ПЕРИФЕРИИ

ПРОЕКТ МЕГАНОМ



strelka.com

Исследование для Moscow
Urban Forum 2013

Куратор проекта
Юрий Григорян

Проектный офис
Василий Аузан
Таисия Осипова
Глафира Паринос
Мария Славнова
Наталия Татунашвили
Нат Чамаева

Литературные редакторы:
Александр Острогорский
Сергей Петров
Ответственный редактор
Таисия Осипова
Редактор англоязычной версии
Роджер Конна

Художественная редакция
МАСТЕРСКАЯ
Макет Дима Барбанель, Ждан Филиппов
Шрифты Женя Юкечев, Алексей Чекулаев
Инфографика Сергей Калинин
Сатрус: Константин Лукьянов, Максим Вольхин
Препресс Михаил Шишлянников
Принтменеджер Елена Капорская

Перевод
Ольга Гринкруг
Дарья Ермошина
Людмила Лежнева
Станислав Львовский
Сара МакДауэлл
Джон Николсон
Антон Размахнин
Дарья Сонькина
Арина Туркатенко
Светлана Теняева
Клайв Филлипс
Лера Швец
Анна Широкова-Коэнс
Александра Ягнюкова

Коррекция
Александра Багульник, Екатерина Баранова

Типография
ООО Принтмаркет, Москва Суцевский вал 49
Напечатано в России

Все права защищены. Перепечатка материалов
и их использование в любой форме, в том
числе в электронных СМИ, возможны только
с письменного разрешения правообладателей.
© Московский урбанистический форум

Благодарности 10
 Археология периферии 12

ВНЕ ЦЕНТРА

Жизнь на краю — Джастин МакГирк 34
 Культ центра и его последствия — Брендан Кормье 42
 У вас есть волшебная палочка — просто взмахните ею! — Роджер Конна 50
 Рост городов 58
 Революция городов — Леонид Смирнягин 66

ЧИКАГО 70

Новая жизнь американских пригородов: Чикаголенд — Эллен Данхэм-Джоунс

МЕХИКО 78

Периферизация Мехико — Кристиан фон Виссель

Нецауалькойотль: как «непокоренная земля» превратилась в Манхэттен на окраине Мехико —

Феликс Мадрасо 86

САН-ПАУЛУ 98

Сан-Паулу: опыт интеграции трущоб — Элизабете Франса

Социальная жилищная политика — Сильвиу Торрес 108

ПАРИЖ 112

Париж и его окраины — Софи Боди-Гендро

БЕРЛИН 120

Берлифери — Тео Дойтингер

СТАМБУЛ 128

Пределы роста — Онур Экмекчи

МУМБАИ 136

Танцующие периферии: город всмятку — Матиас Сендоа Эчанове и Рауль Шривастава

СИНГАПУР 142

Меньше слов, больше дела — Онур Экмекчи

ДЖАКАРТА 152

Под давлением окраин — Деден Рукмана

ПЕКИН 162

Шесть в одном: издержки централизации Пекина - Цзян Цзюнь

О том, как город пришел к господину Суну - Микель Хульсхоф и Дан Роггевен 170

ТОКИО 176

Развитие Токио: вариации на тему центра - Ясуси Аояма

SPACED

Москва вне центра: поляризация продолжается 192

Terra incognita 196

SPACED: междисциплинарность и гуманитарный поворот 200

АРХИТЕКТУРА

- Мобилизованный ландшафт 208
- Сетка, «бублик» и умные решения 222
- Открытое пространство 230
- Волны застройки 234
- Жилье 240
- Бразилиа. Жилые суперблоки 250
- Почему в Тольятти не любят гулять пешком 251
- Свободная планировка. Интервью с Ниной Крайней 252
- Город идей: история планирования 260
- Следы идей 266
- Уцелевший ландшафт 268
- Отпечатки 270
- Новая Земля: Суперпарк 274

КУЛЬТУРА

- Модернистский проект городской культуры и его судьба в Москве 280
- Интегральный анализ социально-урбанистических данных 290
- Очаги центральности на периферии Москвы:
 - Район Старых Черёмушек 302
 - Сокол 310
 - Измайлово 316
 - Марьино 322
- Центральность и периферийность в культуре городской жизни Нижнего Новгорода 330
- Берлин: город-эксцентрик 340
- Мета-города в стране Москва 345

ОБЩЕСТВО

- Текущее и недвижимое в московской периферии 353
- Об исходных материалах 353
- Настроения 353
- Самоописание жителей 354
- Гости — кто они? 356
- Мой дом, мой район 360
- Культпоход 362
- Перемещения по городу 364
- Восприятие района 365
- Кто проживает в районе 369
- Разные периферии 371
- Заключение: город и поток 376

ДААННЫЕ

- Самопознание города
 - 1. Облако данных над городом 382
 - 2. Транспортная сеть и социальная сеть: движение и мнение 384
 - 2.1. Мобильные телефоны вместо пассажиров 385
 - 2.2 Социальные сети о городе 394
 - 3. Пространство без «места» 402
 - 4. Методика 404

ЭКОНОМИКА

1. Введение 408
2. Особенности пространственной структуры Москвы 409
3. Основные дисбалансы в пространственной экономике города Москвы 412
 - 3.1. Плотность жилой застройки 412
 - 3.2. Рабочие места и промышленные зоны 414
 - 3.3. Предложение потребительских услуг 418
 - 3.4. Ценообразование на рынке жилья и качество городской среды 420
 - 3.5. Налоговое регулирование использования недвижимости 422
4. Теоретическая модель циклической деградации московской периферии 422
5. Новая модель последовательного развития московской периферии 423
 - 5.1. Контроль над плотностью жилой застройки на периферии 425
 - 5.2. Эффективное использование промышленных зон 425
 - 5.3. Качественная субурбанизация 427
6. Заключение 429

УПРАВЛЕНИЕ

- На пути к Суперпарку
Вступление 432
Движущие силы спальной Москвы 433
Обеспечить связанность территорий 441
Продуктивность микрорайонных ландшафтов 444
Краткие выводы 450
Транспортный аспект управления территориями микрорайонов 454
Экология периферии 456
- Вокруг окраин — Юрий Пальмин 462
Каталог неаследия 482
Москва. Развитие за пределами центра — группа SPACED 508
Список литературы 522

МЫ ХОТЕЛИ БЫ ВЫРАЗИТЬ ГЛУБОКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ, КТО ПОМОГ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

Московский урбанистический форум — создал прецедент возникновения первого междисциплинарного урбанистического исследования в постсоветской России.

Ольга Пападина и Варвара Мельникова — вдохновили «Археологию периферии».

Алексей Левинсон, Алексей Муратов, Ольга Вендина, Алексей Новиков, Григорий Ревзин, Сергей Ситар, Наталия Татунашвили — группа кураторов и сокураторов SPACED, исследовавших московскую периферию.

Брендан Кормье, Джастин МакГирк, Леонид Смирнягин, Татьяна Нефедова, Владимир Каганский, Цзян Цзюнь, Даан Роггевен и Михель Хулшоф, Софи Боди-Гендро, Матиас Сендоа Эшанове и Рауль Шривастава, Кристиан фон Виссель, Орхан Эзен, Элизабете Франса, Тео Дёйтингер, Ясуши Аояма, Деден Рукмана, Онур Экмекчи, Феликс Мадразо, Элен Данхем-Джонс, Сильвиу Торрес, Вартивар Жаклян, Пол Остергаард — помогли нам расширить представления о территориях вне городского центра.

Коллективы Левада — Центра (Аналитический центр Юрия Левады), Thomson Reuters, редакция журнала «Проект Россия», ОАО «МегаФон», Aegogecord.ru (аэрофотосъемка), Высшая Школа Урбанистики Национального исследовательского Университета Высшая Школа Экономики (ВШУ НИУ ВШЭ) и Александр Высоковский, Mathrioshka (визуализация данных), ScanEx RDC (спутниковые снимки) — оказали нам огромную поддержку и помогли осуществлению исследовательских идей

Василий Аузан, Анна Кочкина, Ефим Фрейдин — координировали работу с программной дирекцией Форума.

Дима Барбанель и его МАСТЕРСКАЯ — приоткрыли нам тайны графического дизайна

Валентина Архангельская, Людмила Марфина, Анна Науменко, Рена Иванян — оказали организационную поддержку в проведении общемосковского опроса и фокус-групп для сбора социологических данных к исследованию

Екатерина Дыба, Олег Киселев, Василий Яблоков — работали с географическими данными и статистикой

Дарья Носова, Светлана Дудина, Мария Серова, Александр Козихин, Ксения Чернобровцева, Станислав Козин, Марина Сёмушкина, Сергей Чекмарёв, Ольга Тарасова, Алёна Шляховая, Александр Плоткин, Владислав Капустин, Азамат Ныров, Василий Гончаров, Анна Гога, Николета Станкович, Наталия Комарова, Екатерина

Нуждина, Марина Скорикова, Анна Ленц — студенты Московского Архитектурного Института, которые помогли построить периодизацию зданий, а также исследовали доступность городских территорий.

Екатерина Сапожникова, Мария Никитина, Анна Каганович — студенты Московского Государственного Университета (Курс урбанистики под руководством Ольги Зиновьевой) помогли в создании интерактивной карты построек по периодам.

Дарья Корнеева, Татьяна Куманина, Полина Короткова, Регина Магомедзадилова, Мария Волик, Юлия Неронска, Богдана Герасимеза — студенты Московского Государственного Университета (Курс урбанистики под руководством Ольги Зиновьевой) оказали большое содействие в сборе данных и помогли создать фотобанк зданий, представляющих культурную и историческую ценность

Дмитрий Майорников, Анна Карташова и Aegogecord.ru — ввели новую исследовательскую точку зрения, создали аэрофотоснимки

Виктор Крылов — создал 3D макеты для выставки «Археология периферии»

Общественное движение Архнадзор, Сергей Клычков, Марина Хрусталева, Константин Чаморовский и Яну Миронцеву, главного редактора журнала «Московское наследие» — помогли создать полный список ценностей изучаемой территории

Ольга Казакова (НИИТАГ РААСН) — записала беседу с Ниной Крайней и помогла в создании списка ценностей рассматриваемой территории

Максим Дубинин и Артем Светлов из NextGIS — создали интерактивную карту архитектурных ценностей рассматриваемой территории

Ирина Асветян, Татьяна Гладенкова, Софья Латипова, Кристина Лебедева — студенты Географического факультета Московского Государственного Университета помогли с обработкой больших данных

Денис Ромодин — провел экскурсию по исследуемым районам и искренне поделился своими глубокими знаниями прошлого, настоящего и будущего рассматриваемой территории Александр Долгин и ВШЭ — наша академическая поддержка

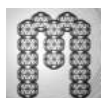
Александр Гаврилов — творческая поддержка, консультация и страсть к исследовательскому методу Елена Угловская и Меганом — за дизайн

и подготовку выставки исследования «Археология Периферии» в рамках Московского Урбанистического Форума 2013 в Манеже.

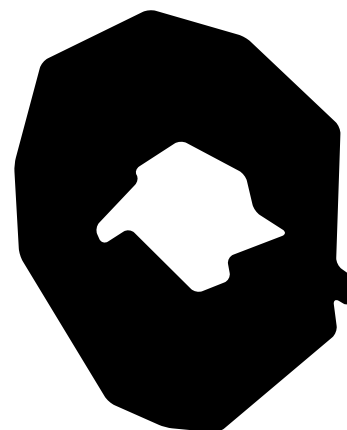
Николай Максимов — наш водитель, который умеет сохранять присутствие духа при любых обстоятельствах

МОСКОВСКИЙ
УРБАНИСТИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ОБЛАСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, АРХИТЕКТУРЫ, ЭКОНОМИКИ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДОВ. ФОРУМ ЕЖЕГОДНО ПРОХОДИТ В МОСКВЕ С 2011 ГОДА. ОРГАНИЗАТОРОМ ВЫСТУПАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ. ФОРУМ ЗАРЕКОМЕНДОВАЛ СЕБЯ АВТОРИТЕТНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЛОЩАДКОЙ ДЛЯ ДИСКУССИЙ СРЕДИ ПРИЗНАННЫХ В МИРЕ УРБАНИСТОВ, СИТИ-МЕНЕДЖЕРОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА. НА ФОРУМЕ ОТКРЫТО ОБСУЖДАЮТСЯ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ, АКТУАЛЬНЫЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАПОЛИСОВ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ РАССМАТРИВАЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ И ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ, НО И ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕКА — ЖИТЕЛЯ ГОРОДА. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «АРХЕОЛОГИЯ ПЕРИФЕРИИ» — ЭТО ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ ФОРУМА, НАЧИНАЮЩИЙ СЕРИЮ РАБОТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ.



Археология периферии



Это исследование посвящено окраинным районам крупных городов и в первую очередь — Москвы. Стремительный рост мегаполисов в XX столетии стал причиной диспропорций в развитии городских пространств. Процесс быстрого формирования новых районов вокруг исторических ядер городов, хотя и подстегиваемый прогрессом транспорта и промышленного производства, но начался всего около полувека назад — а сегодня такие районы порою занимают до 95% площади больших городов.

Разрастание агломераций и приток населения в крупнейшие из них сопровождались появлением и развитием **культы центра** как наиболее живого и притягательного места в городе. Это привело к еще большему разрыву в качестве жизни между центральными районами и отдаленными. Сказываясь на ценах на недвижимость, это обрекло большую часть урбанизированного пространства все дальше оставаться на **периферии внимания**. Сколько бы разрыв не сокращался, периферия в своем развитии никогда не успевала за центром, как Ахиллес за черепахой из апории Зенона.

Разнообразие культур крупнейших мегаполисов по-разному проявляется в городском развитии. Совершенно непохожи друг на друга американская

субурбия, латиноамериканские фавелы, индийские трущобы, окраины западноевропейских и постсоциалистических городов, капиталистической Азии. Их прямое сравнение не всегда уместно, так как само их происхождение принципиально различается. Но тем не менее их объединяют общие черты — нехватка, однородность ткани и монотонность среды обитания.

Обсуждение периферийных пространств для московской и российской аудитории даже более важно, чем для международной. Москва представляет собой один из ярчайших примеров концентрического развития. Ее граница в течение XX века постепенно отодвигалась от исторического ядра все дальше, создавая по мере присоединения новых территорий определенную иерархию опоясывающих пространств — от городских микрорайонов и пригородов до районных центров сопредельных областей. Суперцентрализация радиальной структуры Москвы, взрывообразный рост в XX веке, малые размеры исторического центра при его огромной значимости для города и для всей страны — вот что делает актуальным и необходимым исследование потенциала развития вне центра. При этом развитие для нас — это ни в коем случае не новое **строительство**.

Очевидно, что «гравитация» московского центра работает далеко за пределами МКАД и необходимо срочно принять общую стратегию развития всей агломерации. Эта задача, решение которой давно назрело, требует привлечения самых разных специалистов, обработки большого количества данных, координации усилий на всех уровнях власти. Наша работа посвящена менее масштабной, но не менее важной задаче: изучению советской Москвы, территории между третьим транспортным кольцом и МКАД. Этот первый пояс московской периферии был полностью застроен в XX веке и стал слепком уникального эксперимента по созданию идеального общественного устройства. Для того, чтобы понять истинную ценность и потенциал этой пространственной модели, и надо заняться «археологией».

Центр устанавливает определенное качество жизни, будучи в том или ином смысле эталоном для всего города, при этом высокая «гравитация» центра делает неразличимыми признаки города на окраинах. Для работы с нецентральной городской пространством требуется иная оптика. «Изъятие» центра города и «наведение резкости» на его окраинную территорию поможет увидеть прежде неразличимое. Исключение центра из поля видимости помогает открыть новые потенциалы города, и увидеть реально происходящие процессы, которые следует поддержать или ограничить.

Понятие «периферия», в основе которого лежит смысловое противопоставление центру, используется в широком круге научных областей. Обилие подходов лишь подчеркивает неоднозначность явления и в то же время дает повод для междисциплинарного исследования. В этой работе участвовали эксперты по социологии (S), управлению (P), архитектуре и градостроительству (A), культуре (C), экономике (E) и данным (D). Методология — SPACED — позволяет получить более широкий обзор реальных потенциалов и пересечений, выйдя за рамки привычной практики градостроительного планирования.

Процесс открытия потенциалов, изучения и поиска скрытых ценностей в окраине получил название — **археология периферии**. Основная цель этой работы — привлечение внимания: самое большое по площади московское пространство выходит из тени. Недооцененные прежде территории становятся предметом изучения и дискуссий, пространство подвергается переосмыслению и уже поэтому становится более ценным. Выравнивание потенциалов приведет к повышению общей комфортности и привлекательности города, в котором центростремительная тенденция развития уравновесится центробежной. Для этого скорее всего потребуются применить новые подходы к управлению, другие методы анализа данных и разработать единую стратегию для развития территории городских окраин.

Акценты в размышлениях о центре (или системе центров) и периферии уже изменились. Постепенно перестает работать пространственная иерархия, которая связывала ценность территории с ее близостью к ядру города. Современный город захватывают сетевые структуры, создающие принципиально новые городские возможности. В этих условиях исторический центр города, по-прежнему наделенный символически-сакральным смыслом, начинает работать принципиально иначе. Естественно предположить, что и на месте прежней периферии может возникнуть новая городская культура центра. Это только начало работы. Культ центра сменяется **культом периферии**.

Юрий Григорян

МОСКВА



СИНГАПУР



МОСКВА



ЛОНДОН



МОСКВА

Фото Юрий Пальмин



САНТЯГО



МОСКВА



МЕХИКО



МОСКВА

Фото Юрий Пальмин

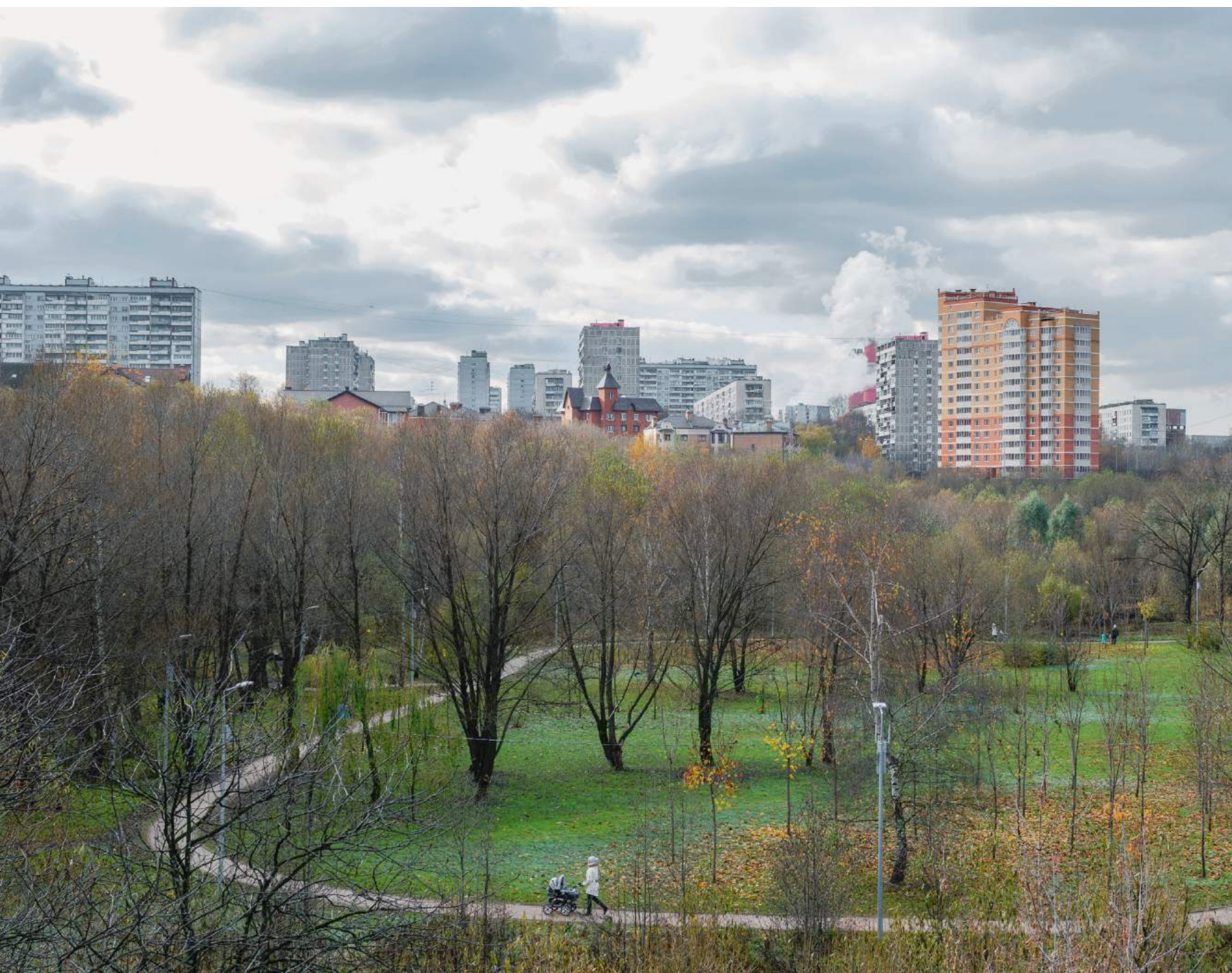


ЛОНДОН



МОСКВА

Фото Юрий Пальмин



КАЛЬКУТТА



МОСКВА

Фото Юрий Пальмин



БЕРЛИН



МОСКВА

Фото Юрий Пальмин



БУЭНОС-АЙРЕС



МОСКВА



БУДАПЕШТ



PAR — ИНДЕКС СООТНОШЕНИЯ
ПЕРИФЕРИИ И ЦЕНТРА ПОЗВОЛЯЕТ
СУДИТЬ О ТОМ, НАСКОЛЬКО ВЕЛИКИ
РАЗМЕРЫ ГОРОДА ВНЕ ЕГО ЦЕНТРА



Индекс рассчитывается по формуле

$$PAR = S^{total} / S^{center}$$

S^{total} — это общее значение урбанизированной территории, занимаемой городом

S^{center} — площадь центра города

Параметр для рассматриваемых городов был рассчитан, исходя из данных на 2013 год, полученных из открытых источников.

Существует немалое количество способов определения центра города. В нашем исследовании мы объединили территории, изображенные на самых популярных туристических картах городов, предполагая, что именно на них изображено историческое ядро города, сосредоточие торговой, развлекательной и бизнес активности, часто основные государственные учреждения. Также учитывалось административно-территориальное деление города, поскольку нередко границы территории, относящейся к центру города, официально закреплены.

Основываясь на данных дистанционного зондирования, мы выделили ареал урбанизированной территории по состоянию на 2013 год. Это отпечаток реального города, который выходит за его административные границы.

3,8	СИНГАПУР	13.15	—	50,2
7,1	КУВЕЙТ	10	—	71,2
8,9	МУМБАИ	6.1	—	54,6
16,6	ДЖАКАРТА	4	—	66,2
19,6	МОСКВА	6.6	—	129,3
20,7	ЛОНДОН	11.01	—	230,3
21,2	ПЕКИН	8.7	—	184,1
25,9	МАДРИД	3.1	—	80,2
33,5	ПАРИЖ	8.5	—	284,5
34,1	БЕРЛИН	3.95	—	134,7
42,0	БОЛЬШАЯ МОСКВА	6,6	—	277*
43,2	ЛАГОС	2.1	—	90,7
45	МЕХИКО	3.3	—	148,5
53,9	СТАМБУЛ	2.5	—	134,7
55,3	КАИР	3	—	165.8
59	ТОКИО	4.349	—	256,4
59,9	ТЕЛЬ-АВИВ	0.8	—	47,9
60,3	СЕУЛ	0.996	—	60,1
75,5	БУЭНОС АЙРЕС	3.5	—	264,2
78,3	СИДНЕЙ	2.6	—	203,7
117,5	САН ПАУЛУ	2.7	—	317,3
139,9	ШАНХАЙ	2.5	—	349,7
380,9	ЧИКАГО	1.8	—	685,6
2694	ЙОХАННЕСБУРГ	0.1	—	269.4
777	БАНГКОК	0.3	—	233,1
9 842,2	ЛОС-АНДЖЕЛЕС	0.064	—	629,9

ВНЕ ЦЕНТРА

ЧИКАГО

Новая жизнь американских пригородов: Чикаголенд

МЕХИКО

Периферизация Мехико

Нецауалькойотль: как «непокоренная земля» превратилась в Манхэттен на окраине Мехико

САН-ПАУЛО

Сан-Пауло: опыт интеграции трущоб

Социальная жилищная политика

ПАРИЖ

Париж и его окраины

БЕРЛИН

Берлифери

СТАМБУЛ

Пределы роста

МУМБАИ

Танцующие периферии: город всмятку

СИНГАПУР

Меньше слов, больше дела

ДЖАКАРТА

Под давлением окраин





ПЕКИН

Шесть в одном: издержки централизации Пекина

О том, как город пришел к господину Суну

ТОКИО

Развитие Токио: вариации на тему центра

-  Административная граница
-  Граница центра
-  Территория, обозначенная на туристических картах
-  Светло-серый ареал — это урбанизированная территория, отпечаток реального города

Жизнь на краю

Джастин МакГирк

Само понятие центра является историческим фетишем. Оно насыщено густой аурой греческого полиса, где центр был сердцем политического тела и идеей средневекового города, защищенного крепостными стенами. Центр предполагает наличие некоего идеального города, украшенного площадями и памятниками. Мы храним в памяти эти атавистические картинки и расстаемся с ними очень неохотно. «Современный город — это разделенный город», — написал Анри Лефевр в 1980 году. На основе этой максимы Лефевр выделил идею — которой он же затем придал более четкие очертания, — о том, что города больше не являются неким интегральным явлением: в них царит дуалистская логика расщепления на центр и периферию. И это не просто территориальное разделение, а, конечно же, общественное. Если центр был, предположительно, бастионом коммерции, принятия решений и средоточием богатства, то периферия была беспорядочно застроенным тылом, средоточием пролетарского жилья (по крайней мере так выглядела ситуация из окна его дома в Париже).

Периферия же, напротив, — относительно свежее явление. К разрастанию заводских районов и спальных окраин, которые не давали покоя воображению Лефевра, привела промышленная революция. Хотя «периферия» обозначает прежде всего географическое явление, она также, особенно в Европе, является символом социального неравенства. Периферия — синоним иммиграции (этнической напряженности) и нищеты (преступлений). Кольца многоэтажек на окраинах Парижа и Милана в воображении жителей этого города стали тождественны гетто. Их монотонность и нежелание следовать канонам продуманного до мелочей идеального городского пейзажа привели к тому, что мы навесили на них ярлык «ничейного пространства».

Периферию попеременно идеализируют, геттоизируют и романтизируют. В постоянном процессе драматических изменений находятся не только судьбы центра и периферии, но и отношения между центром и периферией. Сама диалектика «центр — периферия» перестает быть актуальной. Как отметил урбанист Эдвард Соджа, «старый социо-пространственный дуализм урбанизма и субурбанизма как отдельных, различных образов жизни начинает исчезать». Зададимся тогда вопросом: где берет начало периферия?

Массовая урбанизация Глобального Юга является одним из главных социальных и логистических вызовов нашего столетия. Особенно это актуально для Африки: первого континента, который переживет массовую урбанизацию без индустриализации. Одним из последствий этого явления станет пересмотр концепции города, который станет восприниматься не как планируемое, а как в основном спонтанное явление. Учитывая, что нашей единственной возможностью для урбанизации является компактный город, очевидно, что города больше не могут застраиваться так масштабно, как это было в XX веке. Однако они должны расти. В связи с этим мы должны будем пересмотреть отношение к перифериям и увидеть в них огромный потенциал. По мере того как мы будем отвечать на этот вызов, старые установки центра и периферии неминуемо отомрут.

Добро пожаловать в предместья

Предместья были изобретены в Лондоне, который раскинулся на огромной территории. Но периферия Лондона не подвержена той же степени социальной сегрегации, которая присутствует во многих городах континентальной Европы. Его окраины, как правило, являются зоной комфорта для представителей среднего класса. Два приведенных ниже фактора превращают Лондон в интересный объект для исследования. Во-первых, именно благодаря своему огромному размеру Лондон всегда был полицентричным городом. Конечно, у него есть центр: это бывшее сердце империи, бьющееся на Трафальгарской площади. Но этот центр не играет сколь-либо значительной роли в повседневной жизни 8 миллионов жителей британской столицы. Вместо этого такую роль играет периферия — кластеры включенных в городскую черту деревушек, каждый из которых имеет собственный рынок либо торговую улицу, выполняющую функцию коммерческого центра. Понятие полицентризма будет одним из важнейших для городского развития в XXI веке. Во-вторых, Лондон имеет четко обозначенные границы. Определенный Генеральным планом 1944 года Зеленый пояс Большого Лондона неподвластен новым девелоперским проектам: это естественная «смирительная рубашка», не позволяющая нашему городскому пациенту поглотить все и вся. Это была довольно смелая стратегия, которую рискнули повторить лишь немногие города.

Последние два десятилетия характеризуются постоянным ростом населения Лондона, которое вскоре вернется к своему пиковому размеру. Во многом этот рост обеспечивается международной миграцией — 95% иммигрантов, живущих в Лондоне, родились за пределами Великобритании. Лондон — это метрополис-полиглот

в центре мировой экономики. Это его преимущество несет за собой и новые вызовы для периферии. Учитывая, что земля в центре города — лакомый кусок для международных инвесторов, предместьям приходится постоянно растягиваться. Исторически Лондон избегал геттоизации периферии: его бедные жители были довольно равномерно распределены по всему городу. Но, учитывая серьезный жилищный кризис и космические цены на жилье даже во внутренних предместьях, бедняков все больше сталкивают на самый край или даже выталкивают за пределы города. С этим огромным вызовом Лондону необходимо справиться за ближайшее десятилетие.

Маргинальные граждане

Поскольку сама концепция периферии для XIX века была новостью, то и сегрегация, к которой она позже привела, не была исключением. Разделение города на промышленную и жилую зоны было нововведением, привнесенным индустриализованным городом, так же как и разделение на бедных и богатых. Париж, архетип музеифицированного центра, окруженного бесправной периферией, был пионером новой модели. Когда барон Осман расчищал средневековый городской пейзаж для создания новых бульваров, он запустил процесс вытеснения бедных на периферию и пролоббировал концепцию социального зонирования. И тем не менее даже в XIX веке в Париже все еще часто можно было встретить ситуацию, когда богатые и бедные жили в одном и том же здании. Классовые различия получили территориальное отражение только после Второй мировой войны, когда здесь начали строить дешевое многоэтажное жилье в пригородах (*banlieues*). Многоэтажки, которые строили на периферии, служили двум целям: во-первых, дать толчок строительной отрасли, а значит, и экономике, а во-вторых, дать жилье рабочим, многие из которых приехали из бывших североафриканских колоний, которые создавали благосостояние в середине прошлого века. Однако из-за спада промышленности и роста безработицы в 1980-х годах прошлого века *banlieues* попали в порочный круг обеднения, городского запустения и маргинализации.

Париж также является архетипом города с радиально-кольцевой планировочной структурой: его концентрические круги на первый взгляд идеально приспособлены к иерархии городского пространства, которая распределяет жителей согласно близости к историческому и политическому центру. Особенно это верно для предместий, лежащих за психологической границей Парижской окружной дороги. Однако, как и лондонский Зеленый пояс, эти кольца символизируют четкие зоны развития. С ростом населения Парижу придется уплотняться в районе 2-го и 3-го кольца, а это не легкая задача: Париж уже заселен в два раза плотнее, чем Лондон. Одним из возможных решений является новая 200-километровая линия метро Большого Парижа, строительство которой начнется в 2015 году. Эта линия будет насчитывать 72 новых станции, связанные поездами без машинистов, которые соединят окраины, находящиеся за пределами Парижской окружной дороги, с центром города. Новое «суперметро» поможет выманить жителей предместий из их автомобилей и поспособствует уплотнению городской застройки периферии.

Штампованные предместья

Российская столица во многом схожа с Парижем с точки зрения городского плана, который рассечен на концентрические круги. Эти круги отображают высокоструктурированный набор предместий от Садового кольца до нового Третьего транспортного кольца, а оттуда — до официальных границ Москвы, а затем до орбиты МКАД и далее. В этом ландшафте доминируют микрорайоны (стандартизированные жилищные районы), которые определяют вид многоэтажных предместий, а также дачи, на которых москвичи спасаются от лета, и города-спутники, построенные для обслуживания предприятий и научно-исследовательской работы. Конечно же, наиболее ярким примером являются микрорайоны. Социалистическая субурбанизация серьезно отличалась от той, которая в то же самое время проводилась на Западе. Столкнувшись с гигантской волной миграции в Москву, в 1954 году Хрущев издал указ о жесткой стандартизации и индустриализации жилищного строительства. Государство запустило невиданную по масштабу строительную программу. Фабрики производили строительные компоненты круглосуточно, и уже в скором времени периферия Москвы трансформировалась в ряды блочных строений, выглядевших абсолютно идентично. Согласно ортодоксальной модернистской моде, они занимали гектары пространства, на которых формировались микрорайоны, где могло жить до 100 000 человек.

От парижских banlieues их отличал не только масштаб. Во-первых, эта периферия не была предназначена для иммигрантов-рабочих, которых нужно было отделить от знати, жившей в центре города. Это были стандартные жилищные условия для большинства населения. Во-вторых, и это более очевидно, в стране не было рынка недвижимости, и поэтому потребители не имели возможности принять либо отвергнуть эти районы. Их просто туда селили. Таким образом, хотя в этих районах были свои проблемы, они не были зонами социальной изоляции. Однако после распада Советского Союза ситуация начала меняться. Москва поддалась давлению со стороны глобализованного рынка. И хотя это означает, что на периферии появились ИКЕА и другие розничные гипермаркеты, новые тенденции привели и к растущей социальной поляризации. Новая элита строит для себя офисные комплексы и роскошное жилье в центре города, в то время как растущие цены на землю все больше сталкивают остальных на край. Более того, хотя в России наблюдается постоянный демографический спад, темпы роста населения Москвы за последнее десятилетие составили 200 000 человек в год. Это привело к применению некоторых крайних мер.

В 2011 году мэр Москвы Сергей Собянин объявил, что территория Москвы будет расширена более чем в два раза, что привело к строительству

2 миллионов новых домов. Однако вряд ли это наиболее разумное и устойчивое решение. Вместо этого Москва могла бы использовать огромный неиспользованный потенциал микрорайонов. Спустя полстолетия после их строительства эти микрорайоны являются объектом жарких дискуссий. Нужно ли их сохранять, сносить или изобретать заново? Даже не принимая во внимание сами здания, микрорайоны обладают огромным ресурсом недостаточно эффективно используемой земли — земли, которая, что немаловажно, принадлежит государству.

Америка, Северная и Южная

Разительным контрастом с послевоенным периферийным ростом городов в Европе и Советском Союзе стали Соединенные Штаты. Именно там родилось определение того, что мы в наши дни называем предместьями. Вместо построенных государством многоэтажных окраин для рабочего класса Америка создала частные анклавы комфорта и уюта для среднего класса, который отказался от центральной части города. Для предместий Америки не характерно чувство коллективного существования (будь это в рамках гетто или нет), присущее парижским banlieues или московским микрорайонам. Американские предместья ориентировались на (теоретически) глубоко индивидуалистскую модель: дом, сад, парковочное место. Удивительно, как окраины Лос-Анджелеса смогли в 1950-х и 1960-х годах превратить это стремление в сепаратистское движение. Майк Дэвис описал, как частные районы, такие как Лейквуд, боролись за независимость от «главного» города. Фактически это был мятеж среднего класса против налогообложения, социальных выплат и других «зол» бюрократии. Таким образом, восприятие гражданами права на частную собственность привело к добровольной сегрегации, самосегрегации, если хотите, и это разительно отличалось от беспомощной маргинализации городского рабочего класса Европы. Как утверждает Дэвис, «началась антагонистическая борьба между поясами домовладельцев из Вестсайда и Долины — и растущим населением центральной части города, все более зависящим от государственной помощи».

Плотность населения не всегда является проблемой. На юг от США, в Мексике и в Латинской Америке в целом, в городских предместьях живет огромный процент населения, но этот тип городской застройки нуждается в срочной интервенции. В середине XX века, задолго до Китая или Африки, Латинская Америка пережила массовую урбанизацию невиданного масштаба. Городские предместья как губки впитывали в себя волны миграции из сельской местности. Все новые и новые правительства Бразилии, Венесуэлы и Аргентины пытались справиться с задачей заселения этого растущего населения в государственное жилье — и все они терпели крах. В конце концов миллионам новых горожан дали шанс участвовать в городской жизни неформальные поселения: фавелы, баррио и villas miserias («нищие поселки»). Уже только с этой точки зрения неформальный город оказался исключительно эффективным механизмом решения проблемы. Но с ним появились серьезные вызовы в области инфраструктуры, транспорта и качества жизни. В Мехико, в отличие от частной застройки предместий Лондона или Лос-Анджелеса или государственной застройки Парижа и Москвы, нет

доминирующего подхода к организации предместий. До настоящего момента город в основном воспроизводился с помощью двух противоположных тенденций: трущоб-самостроев и специальных районов, построенных девелоперами для бедных. Результаты этих двух процессов находятся бок о бок друг с другом: соседние районы Несы и Экатепек. Поразительно то, что и сквоттеры, и девелоперы в Мехико строят по 100 000 домов в год.

Какой же тип предпочтительнее? Казалось бы, любой формальный дом лучше неформального — с точки зрения капитала и долгов. Однако монокультура девелоперских домов не способствует коммерции либо активной уличной жизни, в ней нет того ритма и насыщенности, который характерен для Несы. Это градостроительство в худшем из своих воплощений. Несомненно, расстояния в Мехико не способствуют пешим прогулкам. И, несмотря на доступную и популярную систему метро, в Мехико самый высокий процент владельцев автомобилей во всей Латинской Америке, что приводит к постоянным пробкам и частым смертельным авариям. Город должен инвестировать в систему общественного транспорта, который свяжет периферию с центром, так, как это бывает в полицентрических городах.

У другого мегаполиса Латинской Америки, Сан-Паулу, подобные проблемы: огромная периферия, выходящая за рамки города, неразвитые инфраструктура и общественный транспорт, растущие неформальные постройки. Однако периферия Сан-Паулу — это разнообразный ландшафт, в котором воплощаются самые различные стратегии предоставления жилья растущему населению: от огромных охраняемых кондоминиумов, таких как Альфавиль, в которых богатые бежали из центра города в 1970-х и 1980-х годах, до коммунальных квартир. Наиболее заметны 1 500 фавел, расположенные по всему городу, многие из которых живут без водопровода, канализации или легальной электросети. В течение долгих десятилетий фавелы демонизировали в глазах населения, однако они были феноменальной системой для впитывания рабочих мигрантов. Сам их масштаб — свидетельство неудачи государственной жилищной политики в течение полувека.

В предместьях также расположены модернистские районы 1960-х, такие как разработанные Вилановой Артигасом и Мендесом да Рошей «Зезинью Магальяис»: эти районы близки по духу микрорайонам. Есть и районы, подобные «Сидади Тирандетес»: огромная, бездушная застройка в 25 км на восток от центра города. Этот самый большой в Латинской Америке жилой район строили в течение 20 лет, в основном во времена военной диктатуры. Здесь, на самом краю города, находится 45 000 квартир, которые не просто социально изолированы, но и лишены государственных услуг и общественного транспорта. Часто подобные жилищные проекты создавались в Бразилии для стимулирования экономики и ничего общего не имели с хорошей практикой

градостроительства. Бразильская диктатура, как и многие другие латиноамериканские диктаторские режимы, печально прославилась выселением жителей трущоб и массовыми жилищными проектами. Частично из-за очевидного провала подобных попыток решения проблемы, а частично — из-за неолиберальной экономики, которая пришла в Бразилию в конце 1980-х годов, правительство в конце концов в основном отказалось от решения «проблемы» фавел. Намного более многообещающими выглядят проекты по улучшению жизни в трущобах, которые в последнее время проводятся в фавелах, — таких, как «Параисополис». В последнем случае город улучшает качество жилья, снабжает эти районы водопроводной водой и очистительными сооружениями и строит культурные центры. Программы по улучшению жизни в трущобах, принятые в Рио и в Сан-Паулу с конца 1990-х, являются прогрессивным примером для других развивающихся стран, которые столкнулись с проблемами неформальных застроек. Опыт этих бразильских городов заключается в том, что только связь фавел с центром с помощью транспорта, общественных пространств и культурных инициатив сможет интегрировать их в город. В XX веке на периферии этих городов царила неформальность, а вызовом начала XXI века стало объединение их в единую гражданскую культуру. Это означает, что фавеладос должны получить нужные им услуги, а физические и социальные барьеры, которые вели к их стигматизации, должны исчезнуть. Когда это произойдет, термины «формальный» и «неформальный» останутся только в словарях.

Полицентрическое будущее

В разные периоды XX века периферия играла разные роли, но несомненно одно: она являлась симптомом роста. Для многих развитых наций XXI века ситуация будет иной. Старееющее население и сжимающиеся города потребуют сдвига концептуальной парадигмы. Например, в России и в Японии рождаемость постоянно снижается, что ставит перед ними беспрецедентные вызовы. Помимо сжимающихся предметов — что делать с опустевшими российскими городами, в которых пришли в упадок градообразующие предприятия? В то время как Москва впитывает в себя все больше и больше национальной экономики и человеческого потенциала, такие города, как бывшая текстильная столица Иваново, фактически вымирают. Еще более известным является пример Детройта, треть которого находится в запустении. Некоторые надеются, что пилотные проекты по городскому фермерству на месте бывших производств создадут новый тип городов, более аграрных и продуктивных в сельскохозяйственной сфере. Возможно. Но вряд ли одного этого будет достаточно. В других частях развивающегося мира, конечно, ситуация совсем другая. Не затухает стремительная урбанизация Китая. Пекин, город с кольцевой, как в Москве, структурой, растет темпами Лондона XIX века, поглощая окрестные деревни, в чем ему помогает поддерживаемый государством строительный бум невероятных масштабов. Чем закончится этот эксперимент, покажет время. Между тем в Индии и Африке городской рост, как правило, основывается на неформальном разнообразии. Здесь могут пригодиться уроки Латинской Америки: трущобы не всегда являются проблемой, если их обеспечить необходимой инфраструктурой и защитить их правовой статус. Однако сама постановка вопроса о периферии предполагает, что существует некий единый центр. А что если периферии станут объединяться? Такой процесс прогнозирует доклад ООН-Хабитат за 2010 год:

В XX веке на периферии этих городов царил неформальность, а вызовом начала XXI века стало объединение их в единую гражданскую культуру

мегаполисы будут объединяться, словно капли ртути, создавая «мега-регионы». Токио, самый большой город с пригородами в мире, первым опробовал полицентрический подход к росту. То же самое верно для Рандстада — городского образования в Нидерландах, которое соединяет Амстердам, Роттердам, Гаагу и Утрехт в единую конурбацию. Хотя города являются небольшими и отличаются друг от друга, их пригороды успешно сливаются. Именно такие сложные городские и межгородские сети будут определять будущее городов XXI века.

Старые бинарные отношения между периферией и центром меняются. Глобализация, гибкие рабочие графики и информационные технологии постепенно изменяют картину бизнес-центра, окруженного транспортным кольцом. Вызовы, которые стоят перед периферией, все меньше касаются роста и все больше — трансформации. Перед лицом растущей социальной поляризации периферии должны быть интегрированы, соединены между собой и насыщены жизнью. Этот сдвиг уже становится заметным в основных глобальных центрах. Периферии уплотняют, их концентрация увеличивается, их связывают с городом сложными транспортными сетями. Предместья урбанизируют.

Культ центра и его последствия

Брендан Кормье

Есть в градостроительстве культ, число сторонников которого постоянно растет. Его теоретические основы транслируются нам отовсюду — они звучат в речах экспертов на конференциях, слышны во вдохновляющих документальных фильмах, прочитываются в публикациях консультантов по всему миру. Этот культ — культ центра. Он провозглашает наивысшей ценностью традиционный город, в котором по улицам приятно ходить пешком, на площадях кипит жизнь и на каждом углу можно выпить капучино. Прислушайтесь: эхо этого культа слышно в речах местных политиков, в маркетинговых кампаниях девелоперов, и в словоблудии, которым полны официальные документы.

Оживленные улицы, рынки с фермерскими продуктами, комфортные общественные пространства и прочие радости жизни, — вне всякого сомнения, это очень красивый образ. Настолько красивый, что тысячи муниципалитетов платят большие деньги за то, чтобы им снова и снова рассказывали об этом. Они готовы платить большие гонорары консультантам, которые объяснят, как воплотить этот образ в жизнь. Консультанты же готовят целый ряд документов, якобы сделанных на заказ, но на самом деле написанных под копирку.

И в этом не было бы ничего плохого, если бы в результате города и правда становились бы лучше. В отдельных случаях лоббирование необходимых инвестиций в центры городов действительно принесло неоспоримо положительные результаты. Тяжело упрекнуть в чем-либо авторов таких проектов, как «Хай-лайн» в Нью-Йорке — из заброшенного участка железной дороги сделали красивый парк, — или обновление Крымской набережной в Москве — 4,5 гектара на берегу реки преобразовали в удобную и открытую для горожан пешеходную зону. Но мышление, которое способствует укреплению культа центра, полно предрассудков и стереотипов, влияние которых на города может быть скорее разрушительным, чем полезным.

Происхождение культа

Идея возвращения в город родилась именно в США как логичное развитие предыдущего сюжета — великого исхода белого населения из центра и строительного бума в пригородах в послевоенное время. К восьмидесятым годам несколько городов, бывших когда-то самыми



могущественными в стране, оказались практически заброшены и стали банкротами. Их захлестнули массовые беспорядки на почве расовых конфликтов, преступность и наркомания. Одновременно с этим в пригородах возникла особая социальная аномия: гиперразвитый индивидуализм и городская среда, построенная на зависимости от автомобиля, что привело к резкому снижению гражданской активности.

Примерно в это время группа архитекторов и специалистов по градостроительному проектированию, озабоченная как ситуацией в пригородах, так и состоянием центров, начала активную кампанию по пропаганде более традиционной застройки. Объединившись под знаменами «нового урбанизма», они разработали новые концепции: застройка, ориентированная на удобство пешеходов и работу общественного транспорта (здания строятся с учетом оптимальных маршрутов различных видов городского транспорта), традиционные кварталы (приоритет получают национальная архитектура и исторически характерная планировка уличной сети). Они защищали идею заселения зданий жителями с разным уровнем дохода и проекты, которые предусматривали пространство для мелкого семейного бизнеса. Они выступали с филиппиками в адрес расплзания пригородов и давали этим текстам патетические названия вроде «Нация пригородов» или «География района Нигде».

В 1981 году началось строительство первого крупного проекта по планам «новых урбанистов»: архитекторами «Сисайда» в штате Флорида стали верные последователи этого течения, Андре Дуани и Элизабет Платер-Зибек. Застройка предполагала некоторое количество реконструированных исторических зданий и сетку улиц, которая была типична для старых приморских городков. Увлеченные историческим ревизионизмом, они создали город настолько безупречный, что он позже был использован как декорация для фильма «Шоу Трумана», герой которого, сам о том не зная, всю свою жизнь с самого детства прожил под прицелом телекамер на съемочной площадке реалити-шоу. В 1993 году движение «Новый урбанизм» переросло в «Конгресс нового урбанизма» (Congress for the New Urbanism, сокращенно CNU), с помощью которого приверженцы движения могли транслировать свою миссию, ценности и идеалы и, что было еще более важно, вербовать новых сторонников.

«Конгресс» не был единственным, кто призывал к возвращению в город: по всему миру возникали похожие организации. В 1975 году был создан «Проект за общественные пространства» (Project for Public Spaces, или PPS), целью которого было распространение идей Уильяма Уайта, автора «Социальной жизни небольших городских пространств», и создание общественных пространств высокого качества. Участники PPS работают напрямую с городскими сообществами в разных странах, а также активно занимаются образованием в сфере организации городской среды и обустройства территорий — через их курсы проходит до десяти тысяч человек в год. В 1999 году был создан Комитет по архитектуре и строительству (Commission for Architecture and the Built Environment, сокращенно CABE). Формально его функции были значительно шире, чем у «Конгресса нового урбанизма», и информационно-пропагандистская деятельность не была столь узконаправленной, но во многих работах, опубликованных этим комитетом, провозглашались те же идеалы.

За последние двадцать лет многие из тех, кто активно поддерживал это движение, получили посты в правительствах различных городов или стали мировыми экспертами по вопросам градостроительства. Одна из самых заметных фигур такого рода — глава комитета городского планирования Ванкувера Ларри Бизли. В заслугу ему ставят появление «ванкуверизма» — отдельного вида застройки с многоэтажными башнями и малоэтажными постройками, высокой плотностью населения и улицами, «соразмерными человеку». После этого Бизли сосватал новый урбанизм Абу-Даби и занялся созданием градостроительных стандартов в этом эмирате, параллельно консультируя крупные города по всему миру. Настолько же известен стал Ян Гейл: он завоевал популярность проектами по созданию пешеходных зон и улучшению центра Копенгагена и с успехом поддерживает эту популярность публичными выступлениями. Гейл стал одним из наиболее востребованных специалистов по общественным пространствам в мире, его самое недавнее исследование «Общественное пространство — общественная жизнь» было выполнено по заказу правительства Москвы.

Риторика «возвращения в центр» оказалась хорошо монетизируемой и на примере Ванкувера или Копенгагена доказывала свою жизнеспособность. Теперь и крупным компаниям — таким как Агир и НОК — пришлось заговорить на этом языке, чтобы сохранить конкурентоспособность. Инструментарий новых урбанистов можно обнаружить в портфолио практически любого бюро, которое занимается градостроительством и планированием. С развитием феномена, который Саския Сассен называет «глобальным городом», концепция возвращения в города стала еще более коммерчески успешной. Рейтинги городов — например, журнала Monocle (Most Liveable Cities Index), журнала The Economist (Liveability Ranking), консалтинговой компании Mercer (Quality of Living Survey) — подталкивают политиков к инвестициям в инфраструктуру центров.

Близорукая повестка и ее противоречия

Амбициозное движение благодаря продуманной информационной политике и реальным успехам смогло найти себе последователей по всему миру — зачем нам потребовалась гипербола культа? Она подчеркивает близорукую ограниченность идеалистов — в данном случае ограниченность образа, в основе которого лежит представление об американском городе первой половины XX века, на которое наслаиваются выборочные сценарии развития европейских и не только столиц. Каждый из мегаполисов обладает своими характерными самобытными чертами, но этот культ отрицает множественность моделей городского развития. Стоит

подвергнуть сомнению хотя бы некоторые его положения. Плотность. В культе центра к плотности застройки обращаются постоянно. Стремясь оказать противодействие расплывающимся пригородам, сторонники культа упрашивают власти городов внести изменения в законодательство и разрешить застройку с более высокой плотностью. В реальности плотность может принимать самые разные формы — но культ вбирает в себя только то, что ему выгодно. Скажем, Лос-Анджелес является одним из самых плотно застроенных городов Северной Америки, он полон жизни и отличается развитой городской культурой. Но сторонники культа относятся к нему с пренебрежением из-за доминирующей в нем культуры передвижения на автомобиле. А вот Гонконг они считают слишком плотно застроенным и слишком переполненным, не «соразмерным человеку». Последователи культа предпочитают, чтобы было «ни горячо ни холодно», и выбирают проверенные временем типологии — кварталы, застроенные по периметру, построенные до Второй Мировой зиккураты Манхэттена, трехэтажные викторианские дома и сплошные ряды таунхаусов при строчной застройке.

Ностальгия. Культ центра многим обязан ностальгическим переживаниям и отрицанию сегодняшней действительности во имя идеализированного видения прошлого. Он предпочитает современной архитектуре традиционные образцы и национальный стиль и акварельные наброски компьютерной визуализации. Проекты, отражающие этот культ, полны людей, словно бы снятых для рекламы — играющих детей, целующихся влюбленных и заразительно смеющихся компаний. Предпочтение отдается градостроительным планам, разработанным пару столетий назад: это не просто культ центра, это культ градостроительства, неподвластного времени.

Наиболее тревожным является последний момент. В конце семидесятых годов Кристофер Александер опубликовал книгу под названием «Архитектура и строительство вне времени» («The Timeless Way of Building»), за которой вскоре последовала другая, «Язык шаблонов» («A Pattern Language»). В первой он утверждал, что существует универсальный способ строительства хороших зданий вне зависимости от времени создания проекта (и, конечно же, сопровождал это утверждение перечислением старых шедевров), а во второй попытался разобраться, в чем же именно этот способ заключается.

Образ жизни. Сторонники культа придерживаются точки зрения, что возможен и желателен только один-единственный образ жизни. И хотя они утверждают, что исходят из потребностей людей с разным уровнем дохода, лучшей иллюстрацией для их рекомендаций все равно является представитель среднего класса: потребитель, который работает пять дней в неделю, отдыхает по выходным и располагает достаточным количеством свободного времени, чтобы ходить по магазинам или празднично проводить время во двориках и парках. Центральные улицы объявляются успешными, только если они полны магазинов, а магазины, в свою очередь, полны людей. Общественные пространства считаются успешными, только если они привлекают достаточное количество людей, у которых есть время просто посидеть — то есть создают благоприятные условия для бездельников.

Язык. Большинство культов активно используют язык для закрепления определенных сюжетов, задействуя неологизмы, афоризмы и клише, не

способствующие критическому анализу. Эти риторические средства помогают справиться с когнитивным диссонансом, который может возникнуть, если начать сравнивать действительность с тем видением, которое предлагает нам культ. Планировка площади становится «созданием городской среды», реализация проекта превращается в «продвижение семимильными шагами» и в «мы сделали это», «разработка проекта» описывается как «создание мечты». Мы все знаем, что такое плохо спланированная площадь, но что такое на самом деле «создание городской среды»? И кто не хочет, чтобы «мы сделали это», если под «этим» может пониматься практически все что угодно?

Новые вызовы и старые решения

Культ центра завоевывает мир, и все больше городов заказывают себе нарядно украшенные улицы, заполненные магазинами, новые скверы и общественные пространства и мастер-планы в стиле «ретро-китч». И все мучительнее осознавать, как много городских проблем остаются нерешенными — и с каждым днем их все больше. Время не стоит на месте, и даже в американских городах, ради спасения которых и был придуман культ центра, на первый план выходят другие вопросы. Например, пустые и опасные кварталы в центре города, которые были характерны для многих городов, в том числе для Нью-Йорка и Сан-Франциско, давно уже стали спокойными и защищенными районами для более чем обеспеченных людей. Миссия культа по возвращению среднего класса в центр города провалилась, и не потому что средний класс не хочет туда переехать, а потому что платить арендную плату там теперь могут позволить себе только самые богатые. Жить в центре Ванкувера не по карману большей части представителей среднего класса, не говоря уже о рабочих. Манхэттен превратился в полуостров для миллионеров — а мы продолжаем нахваливать достижения департамента транспорта Нью-Йорка и их способность создавать замечательную городскую среду, не задаваясь почему-то вопросом, для кого же эти несколько улиц переделали в общественные пространства.

Культ не смог разрешить и противоположную проблему — уменьшение или исчезновение городов. Когда фабричные города, находящиеся в трудной ситуации, заказывали представителям культа проекты улучшения для центра города, они получали совершенно бессмысленные решения вроде культурных кластеров, которые не нужны никому из жителей, или символических трамваев, идущих в никуда. Как отметил Brent Ryan, стало то, что «новые урбанисты, загнавшие себя в ловушку своей приверженностью идеям высокой плотности, исторической застройки и неотрадиционной архитектуры, могли правильно поставить вопросы, которые нужно было решать городам, из которых утекало население, но не смогли начать давать ответы на эти вопросы». [1] Такие,

как Детройт, оказались повержены в прах, а мощнейшие центры притяжения на уровне стран — например, Москва, Париж и Мехико — соревнуются за внимание всего мира, вытягивая ценные человеческие ресурсы из других городов и регионов своих стран.

Кроме того, практически нет подтверждений тому, что культ способен справиться со сложными проблемами, с которыми сталкиваются мегаполисы. Скажем, в Китае многие города-спутники были построены по заветам новых урбанистов, но они стали не более чем вежливой данью культу — по всей стране растут колоссальными темпами жилые районы, а в центре появляются плотно заселенные многоэтажные башни. В таких «расползающихся» городах, как Мехико, и вовсе трудно представить, что может означать «возвращение в центр», если люди и так живут повсюду. В Москве только что завершился конкурс проектов на строительство нового парка в самом сердце города, в конкурсе приняли участие шесть высококлассных архитектурных бюро со всего мира. При этом очень мало говорится о микрорайонах, которые представляют собой устаревший жилищный фонд, остро нуждающийся в модернизации, ремонте и благоустройстве.

Но в наибольшей степени оторванность идеологов культа от реальной жизни проявилась на Гаити. В 2011 году — на фоне разрушительных последствий землетрясения, на фоне социальной напряженности и общественного недовольства, роста заболеваемости и несправности населения — Андре Дуани (и снова он) представил проект по восстановлению центрального района в Порт-о-Пренс. Акварельный аксонометрический чертеж, правильная сетка улиц, разнообразные здания, выдержанные тем не менее в едином, традиционном для Гаити стиле, и все магазины и сервисы, которые нужны среднему классу — включая и огромную подземную парковку. И это в стране, которая политически надломлена, опустошена Международным валютным фондом и потеряла почти всю свою инфраструктуру — неужели Дуани ждет, что мы поверим, будто ключевым для успешного восстановления Порт-о-Пренс является мифический средний класс, который только и мечтает, что о латте и бесплатной парковке?

Культ периферии?

Возникла острая необходимость отбросить все догматические представления и рассматривать каждый новый вызов свежим взглядом. Мы должны противостоять внедрению откровенно коммерческих, дискриминирующих отдельные социальные классы проектов, разработанных как часть парадигмы культа центра, и потребовать новых решений. Если маятник качнулся слишком далеко в сторону культа центра города, имеет ли смысл толкнуть его обратно в сторону культа периферии? Возможно, лучше вообще избегать слова «культ». Вместо этого стоит обратиться к парадигмам, которые рассматривают город как цельную систему и фокусируют внимание на проблемах в порядке их важности, а не по географическому принципу. К счастью, есть много примеров такого подхода.

Одним из них — получившим достаточное распространение за последнее десятилетие — является ландшафтный урбанизм. Его сторонники — Чарльз Вальдхейм, Джеймс Корнер и Мохсен

Мостафави — придерживаются убеждения, что центральным элементом устройства городов должны быть не здания, а ландшафт. Этот подход подчеркивает важность экологии, природной инфраструктуры и горизонтальности и рассматривает всю территорию города как сеть равноправных участков, не отдавая никакого преимущества центру. Неудивительно, что он подвергся жесткой критике со стороны приверженцев нового урбанизма за двойственное отношение к плотности застройки. Другие альтернативы могут быть найдены в архитектурных подходах, которые концентрируются на повышении архитектурного качества в периферийных районах. В качестве ярких примеров можно привести школу, которую недавно построили по проекту Кунле Адейеми в плавающих трущобах Лагоса, и проекты Джанкарло Маццанти в беднейших районах Медельина. Еще более удачными примерами по сравнению с приведенными выше единоразовыми заказами являются длительные проекты. Бюро Тедди Круза уже более десяти лет работает в неблагополучных районах Тихуаны и Южной Калифорнии, занимаясь не только архитектурными и строительными вопросами, но и исследовательской работой и даже лоббированием внесения поправок в законодательство с целью улучшить условия для местного населения. Проект Rural Studio занимается строительством качественного жилья для бедняков в сельских районах на западе штата Алабама на протяжении уже двадцати лет. Но на сегодняшний день подобные проекты все равно остаются каплей в бесконечном океане неразвитых периферийных районов в крупных городах. Понадобятся серьезные изменения в градостроительной политике, чтобы насытить периферию жильем, инфраструктурой, транспортными сетями и удовлетворить самые базовые человеческие потребности жителей этих районов. Это требует политического согласия на высоком уровне и перераспределения бюджетов с тщеславных проектов в центре городов на совершенно негламурные проекты на окраинах. Основной задачей для архитекторов и урбанистов станет убедительное обоснование таких инвестиций. Если из культа центра и можно извлечь какой-то урок, то это урок упорства его адептов в защите своей точки зрения и стремление убедить политиков и девелоперов, что центр города стоит спасать. Теперь эту же тактику надо применить по отношению к периферии.

Роджер Конна

Редактор английского издания

**У вас есть волшебная палочка —
просто взмахните ею!**

Заметки к словарной статье

Волк на пороге

Несказанное напряжение

Земля, которая не

Маргиналии

Танцпол на вершине горы

Читать периферически,

думать периферически!

Nomo Peripherus

Обвинен, виноват, виновен

Перевод

Станислава Львовского

ЗАМЕТКИ К СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ

ПЕРИФЕРИЯ

периферии, мн. нет, ж. (греч. *peripheria* — окружность):

1. окраина округлой плоскости, или вообще все части, или полоса, более удаленные от середины;

2. внешняя, удаленная от центра часть чего-л.

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ:

1. находящийся на ПЕРИФЕРИИ, образующий ее либо ей свойственный;

2. имеющий пограничную или сомнительную важность или значимость;

3а. относящийся ко внешней части органа или тела;

3б. относящийся к части нервной системы, соединяющей поверхность тела с головным и спинным мозгом;

4. дополнительный, внешний (например, компьютерная периферия).

ВОЛК НА ПОРОГЕ

На 341-й странице романа Джона Ле Карре «Особо опасен» (2008) читатель обнаруживает, что персонаж по имени доктор Абдулла, крепко вцепившись в руку британского банкира Томми Брю, проводит с последним краткий ликбез на предмет истории, забывчивости и необходимости никогда не забывать: «Завтра зародилось вчера, вот в чем дело. А также позавчера. Не замечать истории значит не замечать волка на пороге своего дома». Ле Карре выделяет вчера и позавчера. Ну и что, в самом деле, может послужить ключом к пониманию периферии и города лучше современного шпионского триллера? Знание о будущем городской периферии, знание о самой по себе периферии — какого угодно города, двух одинаковых не найти, — так вот, знание это нельзя получить в безраздельное владение. Суть его ускользает — и лишь на мгновение дается нам в руки, и только если мы сумеем постигнуть позавчера. Только если мы поймем язык волка, стерегущего нас на самом пороге дома.

Центр ли терроризирует периферию, погружая ее в дрящущийся страх, т.е. террор ли погружает периферию в состояние постоянного страха перед центром, — на этот счет нет более никакой ясности. Возможно, дела вообще обстоят противоположным образом. Искаженные реальности и практики социальной инженерии XX века послужили питательной средой для разрастания мегаполисов, часто бесконтрольного. Гигантские города истощили землю, не предназначенную для возделывания, изгнали с земли людей, которым не была предначертана судьба изгнанников. Они построились на заливных лугах, не предназначенных для застройки; от их тяжести просела земля, которой был предназначен покой. Наконец, города рассеяли по ветру прах всего, что смогли отобрать, и прах всех, у кого они отобрали гражданские и человеческие права — во имя притягательности центра. Диспозиция проста: периферия обретает возможность вести разговор с ЗАО «Центр» на равных только в борьбе.

Но как периферия, самое имя которой чуть ли не лишено (ясного) смысла; периферия, концепция которой так же размыта и не определена, как ее границы; периферия, погрязшая в собственной несущественности, — как она может восстать против центра? Как она развивается? Как она может развиваться? Как в этом контексте может развиваться Москва? Как мы можем определить приоритеты развития, если и самим определениям дышит в затылок сиюминутное — волнующее нас, но и безжалостное, неумолимое. У кого в руках магический жезл? Кто делает погоду на необъятных пространствах периферии? Город часто оказывается для нас местом опасным, но мы неплохо устроены в мире, который живет по правилам триллера. Деньги текут из постоянно смещающихся центров, а наша дорогостоящая одержимость системами наблюдения и контроля ничуть не мешает коррупции. Кто из нас не прибежит бы к помощи простенькой магии, если бы предложили? Когда выясняется, что шпион не в состоянии сделать, что должен, британский банкир Брю,

несколько переигрывая, дает ему отповедь следующего содержания: «Ерунда. Отборное дерьмо, уж простите за прямоту. Вы в бизнесе, где принято размахивать волшебной палочкой. Так махните разок-другой как следует». Итак, кто из наших экспертов, политиков и чиновников; из архитекторов, урбанистов, банкиров и журналистов; кто из живущих у самой черты бедности; кто из плательщиков ипотеки, из агентов Госстраха и профессиональных карточных игроков, — кто, наконец, из нас, втянутых в городской Мальстрём, в водовороты периферии, — кто из нас подражается в бизнесе, где принято размахивать волшебными палочками? Кто в городе одним взмахом заколдует периферию? Кто из ее обитателей обретет волшебную силу, подобную той, что позволяет дирижеру управлять оркестром? Вот он, легкий взмах, знаменующий начало симфонии, обрушивающий музыку в пространство молчания.

НЕСКАЗАННОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Информация умножается. Разумеется, да. Нет смысла отрицать этот факт или снова испытывать тревогу, которой нас контузило еще в момент первого информационного взрыва. Однако работа волшебной палочкой требует не только аналитических способностей — она требует гражданского мужества. Изменится все: наша манера письма, наши исследования, наша наука. Мы все одновременно принадлежим и периферии, и центру. Мы часто живем в несказанном, невысказанном напряжении: мы напряжены внутренне; наши отношения друг с другом напряжены; мы находимся в напряженных отношениях со своими собственными городами и странами. Чтение этого толстого отчетного труда — полнодиапазонного, многосоставного, забитого толпящимися реальностями — заставляет нас понять то, что постепенно понимают сегодня многие города, которых не касалась рука планировщика и которые, возможно, вообще не поддаются планированию: устойчивое развитие, выживание, жизнь, рост — все это более невозможно без того, что мы прежде считали протезисом, необязательным добавлением, аппендиксом, периферией. Вне зависимости от того, о какой именно окраине речь — пространства ли, территории, городка, города ли, страны, — мы неизменно вовлечены в несказанное напряжение, живущее по краям, обитающее в периметре. Напряжение здесь само собой разумеется. Последняя идиома эта чрезвычайно удобна, она всякий раз, как речь заходит о городах, приглашает внутрений момент «известное» отвечать «неизвестному». Но «известное» потерпело крах — в масштабах города, в масштабах страны, — и мы не знаем точно, когда это произошло.

В 1973?

В 1989?

В 2001?

Еще раньше в XX столетии?

Напряжение настоятельно требует передышки для себя самого. Не понимая этого, мы обрекаем себя на сиротство. Впрочем, не только себя, но и свои города. Мы даже можем вообразить себе самую дальнюю часть пространства периферии, но образ этот всегда с трудом осязаем, он ускользает от нас, даже если картография наша славится точностью определения границ, а статистика гарантирует контролируемое расширение. Самая природа границ отрицает точность, и городская периферия редко соглашается дожидаться выпуска новых карт, подписания очередных соглашений и сколько-нибудь окончательного оформления прав собственности на экстерриториальность. Быть может, образом более подходящим окажется для нас не «граница», а не-городская зона, размытое облако возможных положений границы. Или точнее: для меня зона эта совпадает с Зоной из фильма Андрея Тарковского «Сталкер». С Зоной предположительного заражения, недостижимой, недостижимой землей, заключающей в себе пустой центр, откуда наука взмахивает волшебной палочкой, освобождая тут же взмывающий к небесам нарратив. Очень интересно, что роман, послуживший основой для фильма, называется «Пикник на обочине». Невозможно выбрать более «периферийного» действия и места действия! Банкет на бегу! Вот периферия, вот ритуал непрекращающейся трансгрессии; незаконное вторжение в иной

мир. Здесь же — основание нашей приверженности слову периферия, или periphery, или даже la périphérique: это слово из языка краев. А края существовали всегда — и будем надеяться, пребудут. Финский поэт Пааво Хаавикко предлагает нам совершить путешествие в безместную местность, в землю, которая не:

Я прошел сквозь лес и прошел сквозь Зимний дворец,
 Построенный в 1754–1762.
 Я выпустил из бутылки мятущийся дух и се
 Окончился! Опустошился! Прервался!
 Я направляюсь в безместную местность,
 Слушайте, вы, вечно лезущие на памятники,
 Туристы, слушайте, вы же наверняка не знаете.
 Я едва покрываю расходы на сочинение этих стихов — по дороге
 В безместную местность.

ЗЕМЛЯ, КОТОРАЯ НЕ

Язык господствует, но язык же и освобождает. Заинтересовавшись синонимами для обозначения пространства, которое мы называем «периферией» (или периферийным — не о другом ли это?), мы многое узнаем, наблюдая, как один перетекает в другой, как из грани города возникает балансирование на грани городской окраины, где периметр уступает кайме. Все обусловленное городом поначалу удерживается в его границе, но затем опрокидывается за край. В нашем легкомыслии уже присутствует серьезность превращения вторичного в главное. Города теперь поглощают края за пределами своей зарубцевавшейся ткани, границы, выходящие за предел привычных окраин. Словарь наш также, танцуя, перемещается к периферийному, — как, скажем, у Мирослава Голуба в «Кратком размышлении об ограде»:

Ограда
 начинается нигде
 оканчивается нигде
 и
 отделяет место, где есть
 от места, где нет

Ограда распространяется на периферию нашего собственного сознания в тот момент, когда история оставляет нас и мы соглашаемся с тем, что города таковы и всегда были таковыми. Однако работа над городами еще идет. Некогда у многих из них были стены, укрепления, способные отбросить нападение, надвигающиеся орды, войска завоевателей. Но армии тьмы терпеливо ожидали момента неуверенности в себе, кратко мига расслабленности. И он наступал: города были заперты внутри себя самих, в собственном ожидании проникновения сквозь границу, стену, ограду. И вот внезапно внутреннее становится внешним, а внешнее — внутренним: наступает царство неразберихи! День, когда цирк покидает город, оставляя отметину там, где был вкопан столб, поддерживавший шатер, или как продолжает Голуб:

Однако, к несчастью, любые
 ограды относительно проницаемы
 одни для малых тел, а другие
 и для больших, так что на самом
 деле ограда не отделяет,
 но обозначает необходимость
 отделения и неотвратимость

Так начинаются: вытеснение, изгнание, лишение права голоса. Наказывающие неустанны; города — всех форм и размеров, бастарды и гибриды — делали все, что в их власти, чтобы удержать свою «власть». Города стали личностями, власть превратилась в «они»; мы говорим о «них», как если бы мы в точности знали, кто «они» есть. Ограда разделяет, вторгается в периферию. Однако никогда еще не было проще контролировать беспорядок, столь пагубный прежде, столь ненавидимый. С каждым оборотом периметр расширяется, «сокол сокольничего не слышит», как писал

У. Б. Йейтс — и далее: «распадется мир, не удерживаемый центром». Можно быть уверенным, что и язык непременно даст сдачи. Мы занимаем слова, как территорию, — присваивая. Антоним периферии становится синонимом. Что до обратного, то не нищие ли мы из нищих, если полагаем, что лишь центры определяют наше будущее?

МАРГИНАЛИИ

Периферия одновременно и центр, и окраина. Здесь как со зрением: без периферийного нам не справиться. Словарь психологических терминов в отношении периферийного несколько лапидарен: «противоположность центрального, употребляется в отношении поверхности органа или тела в целом». Ну хорошо, давайте попробуем иначе, откроем другой словарь и полистаем статьи о «периферии» или «периферийном». Одна из них посвящена «периферийной нервной системе». Немедленно берем на заметку, отсюда недалеко до города и городских пространственных структур. Словарь отсылает нас к статье о нервной системе для лучшего понимания сути периферийной нервной системы — точно так же мы отправляемся в город, чтобы понять его периферию.

«Нервная система обычно подразделяется на центральную нервную систему (ЦНС), в основном обеспечивающую взаимодействие главных систем организма между собой и с окружающей средой, и периферийную, ответственную за обеспечение взаимодействия ЦНС с органами чувств и мускулатурой». Разумеется, я немедленно проделываю незаконную подмену. Одна система не работает без другой — вот вам гипертрофия тех функций города, что обеспечивают взаимодействие. Город как мозг, да. Но как определить «автономную нервную систему» и где ее локализовать, если не на краю, за полями нелюбопытного сонного мозга? Есть действительно важные — экстерриториальные, с вашего позволения, — точки апроприации, вообще игры в этом роде. Нет места особо распространяться, но попробуйте лбами столкнуть Джорджа Стайнера («Экстерриториальность: статьи о литературе и языковой революции», 1972) с Делезом и Гваттари, с тем, что они пишут об экстерриториальности в «Анти-Эдипе» (1972). Что происходит, когда волк возникает на пороге, когда происходит встреча ризомы с экстерриториальностью? Кого из этих двоих придется переизобретать, а потом и переописывать — раз за разом, снова и снова? Что, у слов нет никаких интуитивных смыслов? Что, апроприация движется из центра к периферии, а затем возвращается? Ага! Обратимся лучше к слову поэта; отправимся лучше к еще одному периферийному локусу, к танцполу на вершине горы.

Я сижу на трех коробах
Корова на жару пахнет сосной
Овцы сегодня пришли на луг
Есть траву
Такое у них задание, такая работа
Так много цветов, так скоро лето

Если мы соглашаемся с тем, что «неформальное» может свободно проживать в неизвестных пространствах периферии, то микрорайоны могут оказаться декорациями нашего горного танцпола — там, где возможно сопротивление норме.

ТАНЦПОЛ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

Сан-Паулу, Джакарта, Стамбул, Пекин, Сингапур, Токио, Мумбаи, Лос-Анджелес, Мехико, Берлин и Москва. Бесконечный город? Как мы считываем периферию таких городов, откуда аплодисменты, чему аплодируют? Почему, когда уляжется пыль, а эксперты успокоятся, когда картографы информационных ландшафтов и журналисты напишут о городских скоростях все, что хотели, — почему в этот момент нам заново придется искать место, куда направить острие критического мышления? И где это место? Во дни, когда даже граффити очерчивают собственные пределы и назначают пространству те

«шаткости прав на землю»; во дни, когда не оскудевают одержимость и вероломство. В той тени, которую горячая Москва иступленно отбрасывает от себя, периферия окажется архитектурным эквивалентом империи, которая «нанесет ответный удар». Московская периферия может оказаться не просто периферией — она может оказаться центральным элементом любой из возможных проекций будущего.

Разумеется, есть множество исследований, на которые можно опереться. Первый вариант — любой из вышедших в свет за последние 30 лет томов, настоящих, толстых, с телефонный справочник толщиной. Второй — ну, можно ограничиться трудами чуть поскромнее, из тех, что предлагают периферии воспользоваться возможностями, доступными некогда и для центра (городского, издательского), но ныне потерянными. В этом смысле мне вспоминается одно — короткое — эссе Ричарда Сеннета о приватной идентичности и городской жизни: «Полезные следствия беспорядка» (The uses of disorder, 1970). Или его же монография «Падение публичного человека». Наконец, «Абстрактное общество» Антона Зийдervельда (1972). Они стоят того, чтобы вернуться к ним, до того как мы соблазнимся миром сиквелов, как уже соблазнились кинорежиссеры, критики, писатели, которые бесконечно множат повести о своих городах, об одном и том же, по кругу. Тем из нас, кто хотел бы пропасть из их поля зрения, они скажут: «Да провались ты пропадом!» Их незаконное проникновение аккуратно спланировано.

Мы становимся настолько разнообразными, насколько нам хочется, и настолько инклюзивными, насколько нам представляется необходимым. Это, разумеется, тоже иллюзия; любой роман Дж. Г. Балларда освежает нас, вперившись в очередное пособие по увеличению скорости жизни в городах по нашему выбору. Множество сил будут притворяться, что у них все под контролем, что они «сторожат город в его пределах», что они обеспечат безопасность в ходе наступления будущего с периферии. Безопасность, т.е. безрисковые инвестиции. В этом роль ЗАО «Центр». Прежде мы полагали, что это возможно, ведь старые города закрывали ворота и отражали нападения вражеских армий. Однако нынешний город уже не может отделить добро внутри от зла снаружи. Никогда прежде ожидание варваров не было таким захватывающим делом. Дистопический баллардианский сценарий куда более вероятен, чем кажется из современной теоретической урбанистики.

О нет, мы далеко не так свободно парим, как нам кажется, как нас уверяют издательские аннотации, как хотелось бы авторам путеводителей. Мы мечтаем о городе, нам более не принадлежащем; о городе, потерявшемся на окраинах всех остальных городов. Не принадлежим ли мы в то же время и сами к виду Homo Peripherus, человек окраинный? Как пишет Терри Иглтон, «лишь маргинальное, извращенное, сбившееся с пути и может противостоять этой давящей регламентации. Норма репрессивна, поскольку плавит разных, не похожих друг на друга людей — и отливает в новую форму, одинаковую для всех». Если мы не можем добраться до танцпола на вершине горы, наши благие намерения — лишь иллюзия, усыпляющая сознание. Политика периферии ни в какой мере не подчинена центру. Периферийное состояние не может стать просто частью центра, им же зачастую и передразниваемого, но периферия может совместно с центром определять, как далеко простирается власть последнего, создавая альтернативную силу. Мы также выступаем тут субъектами периферии, не менее важными, пытающимися понять потерю (часто это не наша потеря, но кого-то другого) или обрести идентичность (часто не нашу, но чью-либо еще). Тут Homo Peripherus открывает карты и признается во всем: отправляйтесь на край собственного ума (собственного, а не чьего-либо еще).

ЧИТАТЬ ПЕРИФЕРИЧЕСКИ, ДУМАТЬ ПЕРИФЕРИЧЕСКИ!

В структурной лингвистике известно понятие «периферийного языка». Марио Пеи определяет его как «язык, демонстрирующий типичные характеристики языка другой группы, предположительно приобретенные им в результате раннего отделения от остальных языков группы собственно и тесного контакта с другой». И вот это нам интересно, поскольку разделение («ограда»?) и бедность («периферия»?) — факторы, которые зачастую порождают и разного рода радикальные изводы теоретической урбанистики, и практики исключения. Оказавшись лицом

к лицу со множеством текстов, со «смертью автора», с информационным веком (тогда только разворачивавшим бутон), наконец с Интернетом, мы выяснили, что чтение уже неподвластно контролю. Чтение открылось — и навсегда: невозможно снова замкнуть его контур. «Закрывать» ничего нельзя, не получится.

Читатели, разумеется, также разнообразны, как горожане. Одним повезло, другие согнаны с мест; у одних много свободного времени, у других его нет; у одних — власть, у других ее нет. Сегодня чтение — это акт гибридный и трансгрессивный: правительственные чиновники должны уступить место поэзии города. А поэтам придется в свой черед уступить натиску предрассудков и образов, переживающих ныне демографический взрыв. Образы не должны сочетаться с неизбежным и сообщать нам уже известное. Ни один город не является отражением никакого другого — пусть городá, как пишет Франко Ла Секла, и «мечтают о других городах». Перед этим он цитирует Ахматову:

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

В промотанном наследстве, которым оказались города, нет стабильного дискурса, нет нарратива, который сгладил бы тоску, следующую за провокацией. Здесь город и периферия, сливаясь в одно, становятся волком-оборотнем: наполовину видимым, наполовину ускользящим от попытки прикосновения. Итак, **город — оборотень, а периферия... неужели не нравится?**

НОМО PERIPHERUS

Уникальность периферии входит, возможно, в противоречие с идеей о том, что в ядрах городских городов существуют «материнские» атрибуты, повторяющие себя на окраинах. Упоминание генерального плана способно ослабить любое предложение, однако я все же рискнул бы сказать, что Москва могла бы развиваться одновременно и более многообразно, и более уникально. Энергия и живость пространств Лондона — центров, не-центров, подвижных центров, где сообщества оберегают свою идентичность от гигантского мегаполиса, — все это, возможно, следует изучить внимательнее. Но ограда никуда не исчезла, вот она, ждет возможности укрыться от взгляда. Попробуйте усидеть на ней: пока вы читали этот абзац, она уже сдвинулась с места!

В этом смысле
вместо забора вполне
может послужить что-нибудь
другое, скажем гневное слово
или даже доброе, но, как правило,
никому это не приходит в голову.

Обдумывая сегодня значение удаленного, окраинного, отделенного, невозможно не вспомнить о феномене, описанном и введенном в широкий оборот Малкольмом Гладуэллом. В математической статистике «удаленность» характеризует то, насколько некий результат наблюдения или измерения несообразуется с основным массивом данных, насколько этот результат отделен от такого массива. С этим можно работать: вот язык, с которого статистики начинают определение пространства, региона ли, человека, существующего вне нормы, отдельно.

Ну и вот, мы видим методологию, которая может нас заинтересовать — особенно, если иметь своей целью провокацию, поиск альтернативного локуса, альтернативного (смещенного?) взгляда на периферию Москвы. Однако модели не следует принимать некритично.

Вот господин Сун, китаец, наш современник. Давайте посмотрим на его (довольно-таки шаткое) положение. Возрастают ли его (и его сограждан) шансы на повышение качества жизни? Куда приведет его нынешняя энергетическая реформа? К свободным от пут городам, к вырвавшимся на волю мелодиям? За разрушением следует созидание. Это просто: прежде вышедших из подчинения городов нам предстоит выстроить самих себя. Только в таком напряжении слуха, которое позволяет звуку проникнуть сквозь выстроенные системы защит, мы осознаем негромкую, но важнейшую истину: добиваться результата — не единственный способ получить результат.

Простой, но обескураживающий вывод, и, возможно, Москва нуждается в нем куда сильнее, чем большинство из нас полагает.

ОБВИНЕН, ВИНОВАТ, ВИНОВЕН

Как мы постепенно начинаем осознавать, для XX века не так важен прогресс, как регресс: модернизм, марксизм, Фрейд, Ницше, капитализм, коммунизм... Может, окраины мира и предлагают ограду, и на нее даже удастся присесть, но надолго ли? ЗАО «Центр» с его опустошенной нервной системой, недоедая, оборачивается периферией. Или центром — но центром периферийным.

Дорогой читатель, имейте в виду: будущее в ваших руках! В контекстах урбанистики, архитектуры ли, критики периферия оказывается одной из тех концепций, что привлекают нас по ассоциации и ассоциациями. Оттесняемая зачастую на окраины социальные и структурные, периферия не отпускает нас от себя. Она привлекает поэтов, писателей, кинематографистов, бродяг. Периферия резонирует с окраиной, резонирует с остаточным, с лиминальным; вот он — протезис, протез, позволяющий увечному не просто идти, но бежать, конкурировать наравне с остальными. Периферия до краев полна напряжением — и ненавидит выражения вроде «полна до краев». Здесь граффити важнее гравитации. Здесь важно отсутствие центра, его безместность. Периферия — не центр, но возможность однажды им стать. А в измученных войной городах вроде Бейрута центр и вовсе оказывается вечным беженцем на собственную периферию.

Периферия уже не просто тихая гавань, куда бегут от регламентации, доминирования, тесноты, перегрузки, от набитых животов центральных инстанций — политических или муниципальных. Уж не просто место изгнания, изгнанное даже из самих мест изгнания. Периферийное определяет потерю как силу, пустырь как возможность, самое себя как инициацию перед новым этапом. Бросать шишки в воду и смотреть, какая доплывет первой — город или периферия.

Соответственно, в этом смысле
по-настоящему идеальна ограда
которая ни
от чего ничего не отделяет
место, где ничего нет
от места, где есть ничто

«Это и есть абсолютная ограда, — завершает Голуб свое стихотворение, — похожая на слово поэта». В непринадлежности информации есть своя сила. И кем бы мы ни были: блогерами, активистами, чиновниками, архитекторами, уличными художниками, журналистами, предпринимателями или предпринимательницами, бездомными или жителями особняка, — мы все можем и должны совершить путешествие сквозь информационный ландшафт. Если для этого придется впервые перечитать его — так бывает по нынешним временам, — то и ладно, перечитаем.

Есть за нами вина ожидания поэтической провокации от самого что ни на есть «нормального» текста, от бесконечного потока информации на предмет городов, периферий, демографии. Мы виновны, но готовы отвечать за себя. Отделение одного ничего от другого означает, что периферия и есть центр любого из городов, что так часто пытались ее исторгнуть. Эта недостающая часть целого, эта заокраинная земля, эта не доросшая до города, разомкнутая, запретная зона — периферия. Старые правила и словарные определения, однако, упразднены. Скоро вам, читатель, придется давать сдачи: край только что впал в еще большую крайность.

Думайте периферически!
Заходите!
И выходите!

Если у вас есть волшебная палочка, томашите уже, пора, — хорошо машите, не за страх, а за совесть.



Буэнос-Айрес



Вашингтон



Мехико



Джайпур



Каир



Каракас



Лондон



Мадрид



Москва



Бангалор



Мехико



Йоханнесбург



Гонконг



Мумбаи



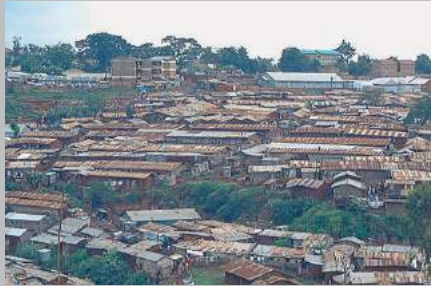
Сан-Паулу



Буэнос-Айрес

Стамбул

Солт-Лейк-Сити



Рио-де-Жанейро

Сан-Пауло

Кибера



Нью-Йорк

Сеул

Таллинн



Дубай

Габороне

Хьюстон



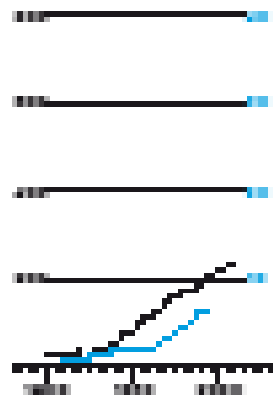
Панама

Шанхай

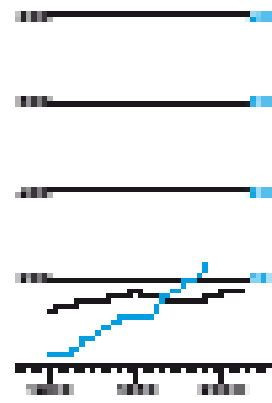
Токио

Рост городов 1990-2018

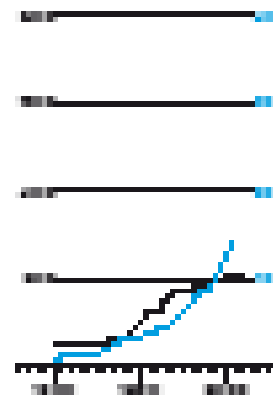
Москва



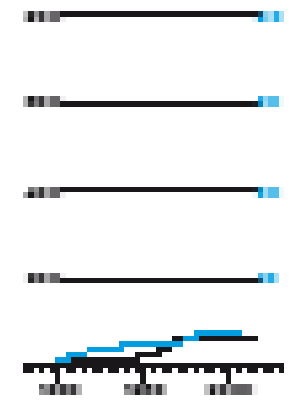
Лондон



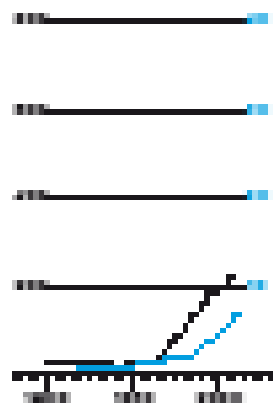
Париж



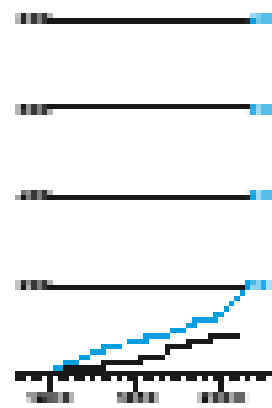
Мадрид



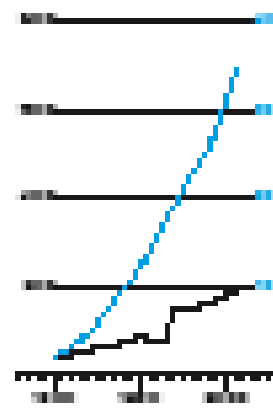
Стамбул



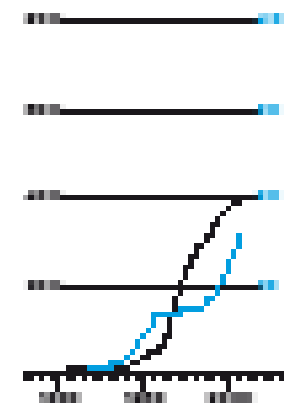
Сидней



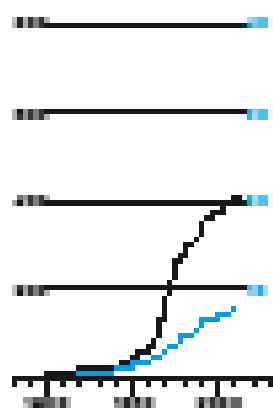
Чикаго



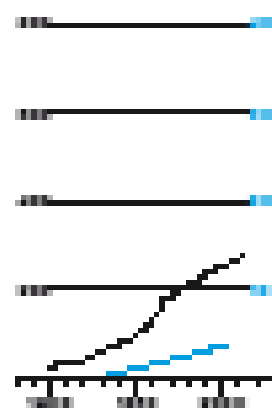
Сан-Паулу



Мехико



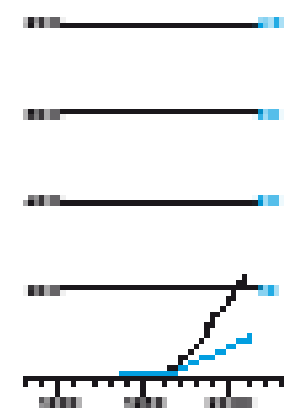
Буэнос-Айрес



Дубай

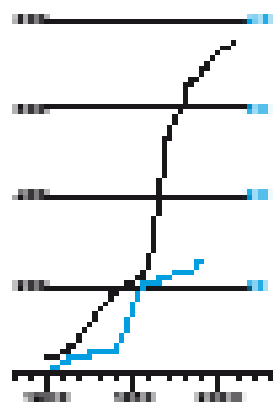


Лима

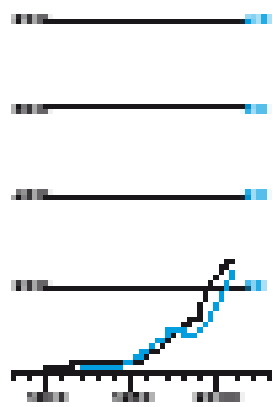


— население (включая метро)
— город (включая метро)

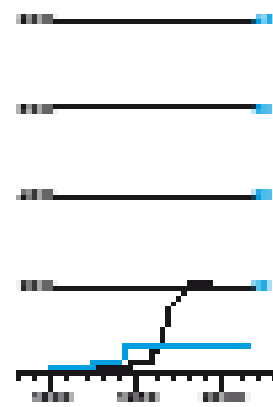
Токио



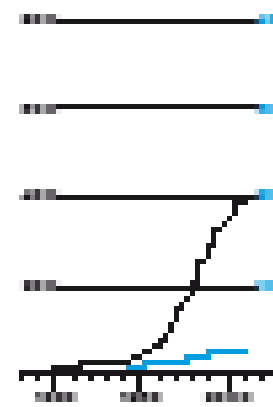
Бангкок



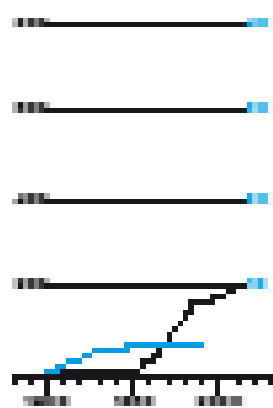
Оагу



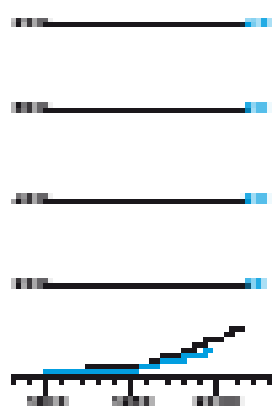
Алуштан



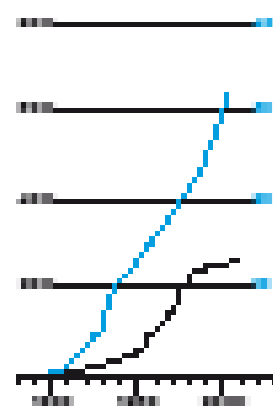
Джакарта



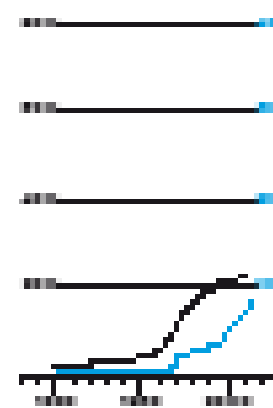
Сингапур



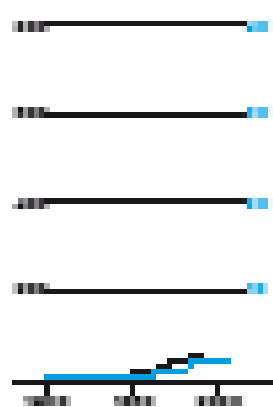
Лос-Анджелес



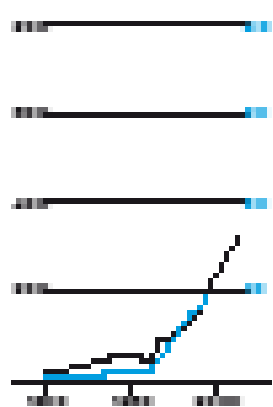
Клар



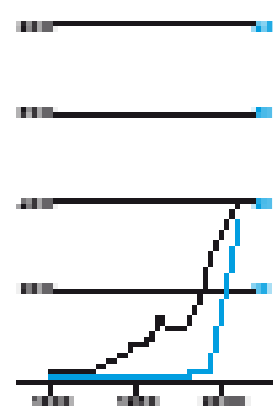
Таль-Авив



Пекин



Шанхай



Вокленбург

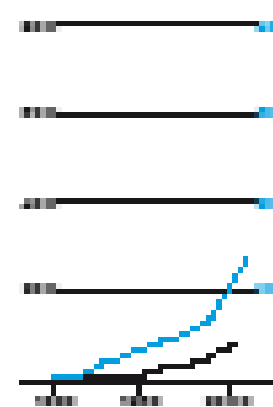
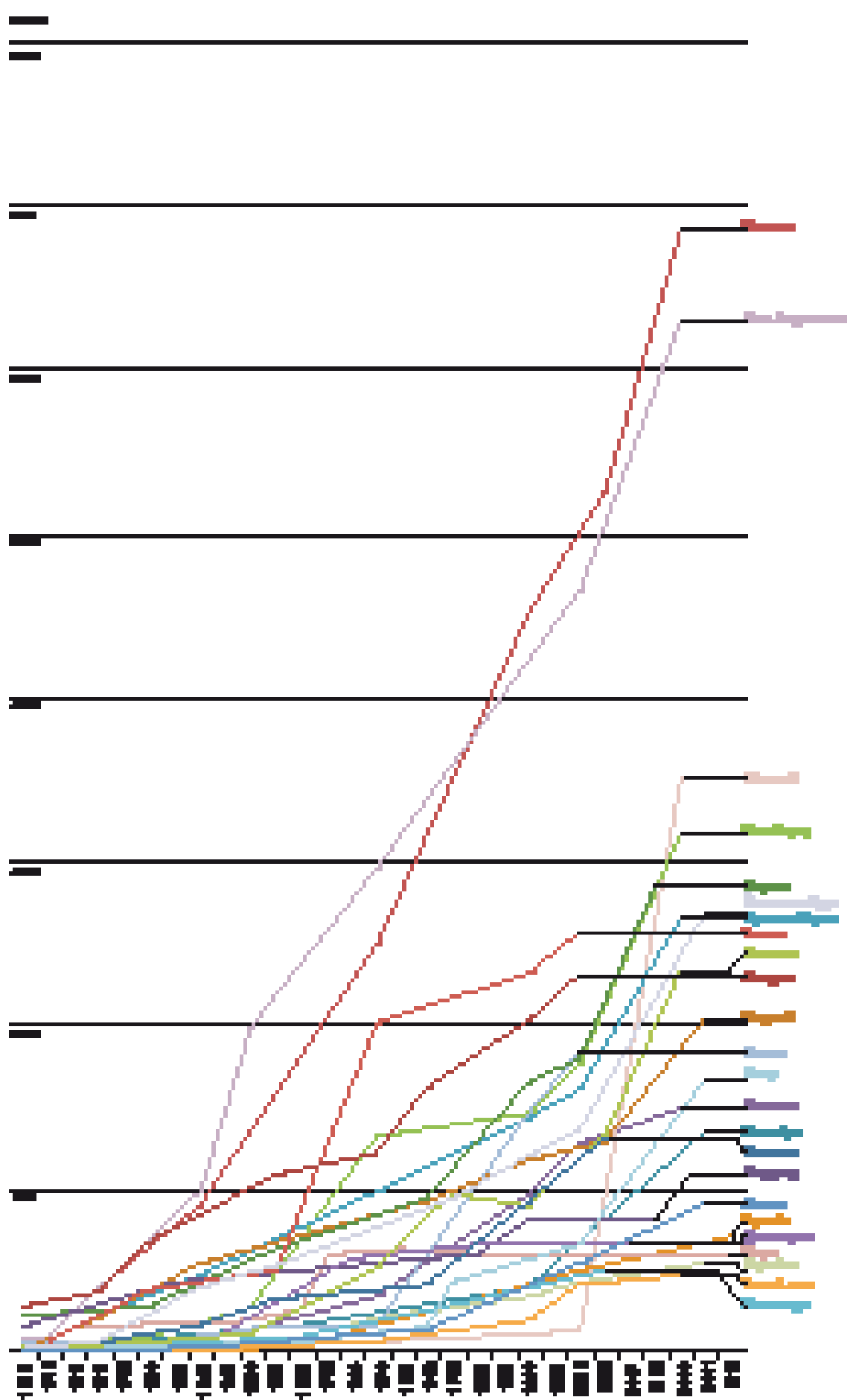
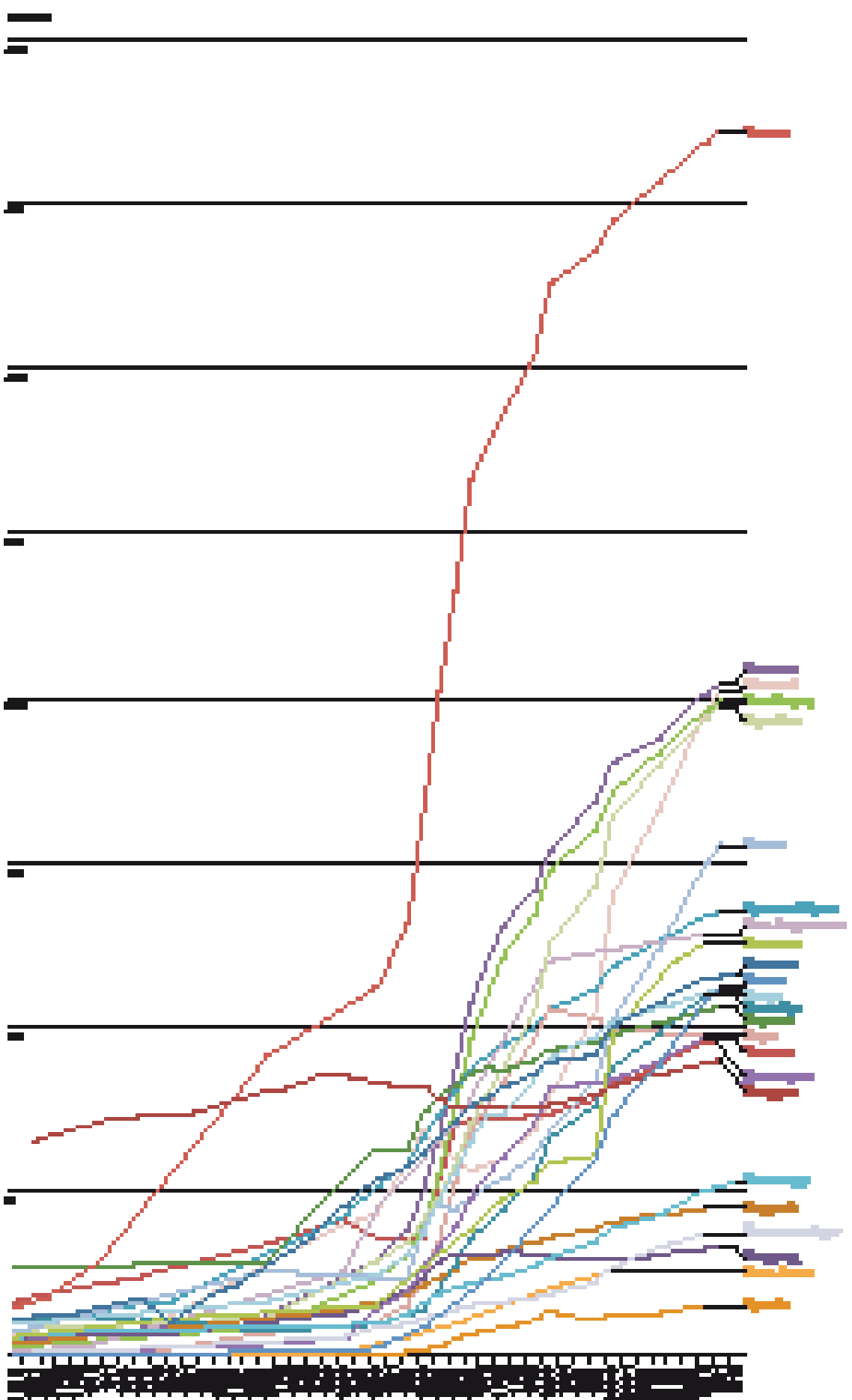
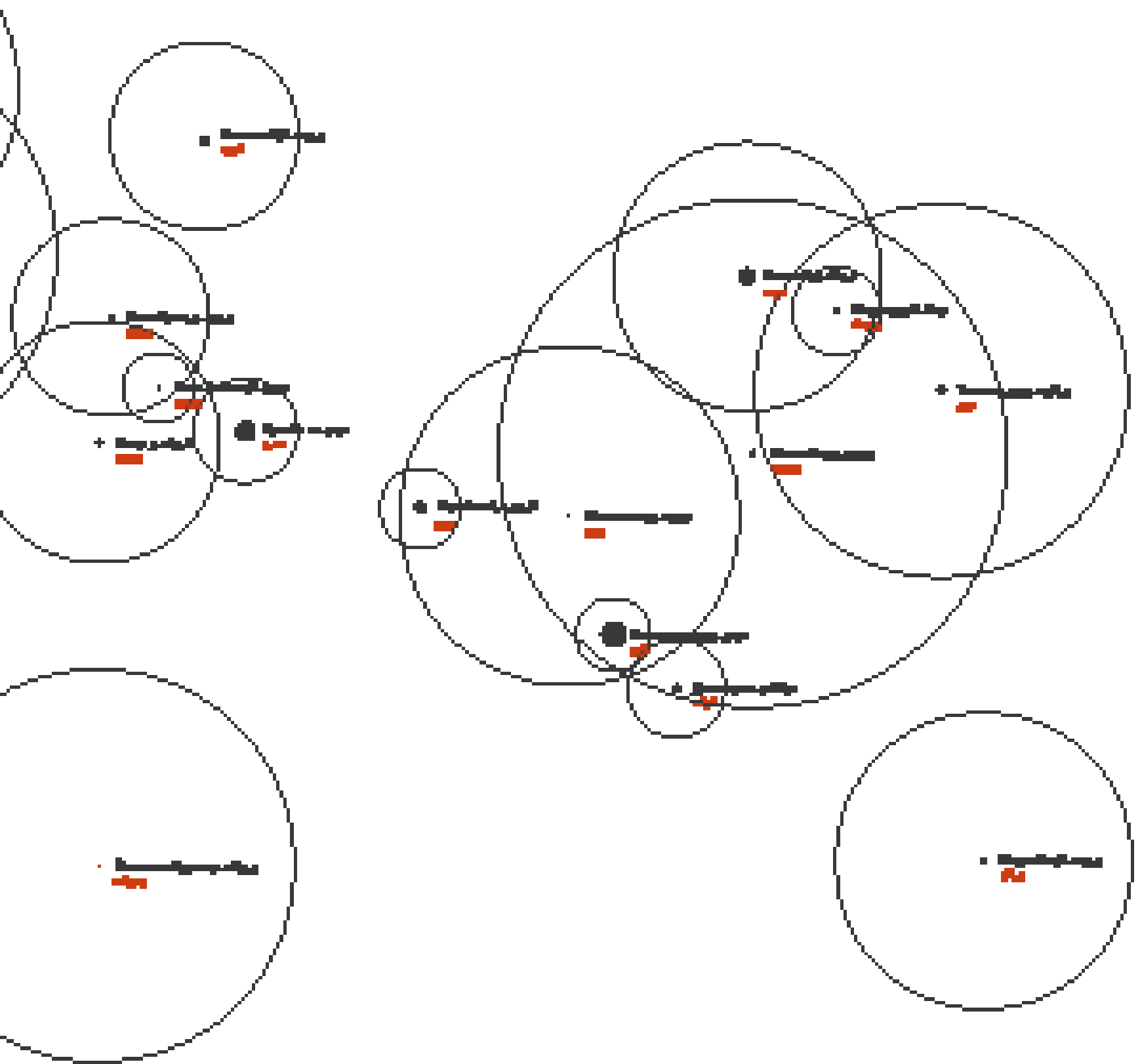


Figure 1
Figure 2
Figure 3



11





=====

■ Red square marker
 ● Black dot
 ○ Circle

Революция городов

Леонид Смирнягин

Всего два века назад города были крайне редким явлением на нашей планете: в городах жили примерно 3% людей, и к 1900 году эта доля возросла только до 12–15%. Зато XX век стал веком настоящей урбанистической революции, и сразу после его окончания, в промежутке между 2010 и 2012 годом, доля городского населения в мире перевалила за половину. На этом закончилась вторая урбанистическая революция в истории человечества (если первой считать само появление городов в долинах Инда, Нила, Янцзы и Евфрата).

В наши дни набирает силу третья революция — стремительный рост городов особо крупных размеров по людности (то есть не менее чем по 500 тыс. жителей). Сегодня в мире насчитывается почти 900 таких городов, в них живут примерно 2 млрд. людей, т. е. уже гораздо больше четверти всего человечества. Крупнейшие из них достигают гигантских размеров, сопоставимых с целыми государствами.

Важно подчеркнуть, что эта третья революция охватила весь мир, а во все не только развитые страны.

Крупные города, особенно мегагорода, — особая среда обитания человека. В сущности, это уже не просто города как таковые, а скопища соседствующих городов, со множеством муниципалитетов, со сложной системой взаимосвязей по линии трудовых поездок, а главное — с такой широкой гаммой социальных ролей, которую прежде не мог предоставлять даже самый большой город планеты. Ориентироваться и функционировать в такой среде нелегко, и современный обитатель таких городов — это поистине новый тип человека. Он живет в искусственной, рукотворной среде громадного территориального размера, по которой он перемещается с невиданной ранее скоростью, у него есть выбор для великого множества занятий, он умеет повседневно контактировать со множеством людей совершенно иного, чем он сам, склада и образа жизни. «Воздух города делает человека свободным», — говорили в средневековой Европе; воздух мегагорода меняет человека не меньше.

Все это выглядит неким гимном урбанизации, летописью ее неодолимого хода. Есть немало авторов, которые буквально воспевают урбанизацию как символ человеческого прогресса. Увы, третья урбанистическая революция принесла с собою и немало проблем. В странах третьего мира это просто бросается в глаза: трущобы окружают Бомбей, Дакку или Джакарту, и растут подобные города прежде всего за счет

разрастания трущоб. Следствие этого — кричащий контраст в благосостоянии горожан, который постоянно питает здесь социальные напряжения и конфликты, чреватые развалом социальной жизни. Окружение больших городов в развитых странах выглядит гораздо лучше, но и здесь много проблем: сегрегация, расползание застройки, дороговизна жилья и спекуляция им, да к тому же рост имущественного неравенства. Половина жителей Нью-Йорка имеют доход ниже черты бедности или чуть выше нее, зато на самый богатый 1% населения приходится больше четверти совокупного дохода горожан. Причина — коренная перестройка структуры экономики, типичная для мегагородов. Отсюда почти совсем ушла промышленность: в 1950 году она давала 1 млн. рабочих мест, а сегодня — лишь 75 тыс.

Но главная проблема, которую подняла третья урбанистическая революция, — это неспособность управлять городами по-старому, через муниципалитеты. Сегодняшние крупные города — это огромные пятна сплошной застройки, которые принято называть урбанизированным ареалом. В рамках такого урбареала центральный город играет обычно скромную роль. Например, доля Лондона в населении Большого Лондона — 24%, у Парижа в Большом Париже — 19%, причем эти доли сокращаются, так как людность центральных городов, как правило, падает абсолютно. Остальные же части пятна — это множество отдельных муниципалитетов, которые конкурируют друг с другом за ресурсы. Озаботить их общими интересами всего урбареала — проблема трудная, зачастую неразрешимая.

Проблема эта обостряется тем, что урбареал — это только часть агломерации. Это лишь его морфология. В реальности влияние урбареала распространяется далеко за его пределы — и экономическое, и социальное, и культурное. Транспорт позволяет осуществлять трудовые поездки на расстояния в десятки километров. В результате образуются агломерации, в которых урбареал занимает обычно 15–20% территории. Тем самым число взаимодействующих муниципалитетов возрастает еще больше, а их интересы различаются еще сильнее.

Из-за этого разнобоя урбанизационные процессы долгие десятилетия текли стихийно. Лишь в последние годы, когда негативные последствия приобрели слишком широкий размах, в развитых странах Запада начались попытки найти способы управления поверх, так сказать, муниципальных рамок. В США, например, планировочные комиссии, в которых муниципалитеты агломераций имеют равное или пропорциональное представительство для решения общих проблем и выделяют для этого части своих бюджетов. Однако таких случаев мало, полномочия этих комиссий скромны, в основном совещательные. Поэтому приходится признать, что до реального овладения управлением агломерациями все еще далеко.

Между тем отсутствие такого управления все сильнее сказывается

на судьбе муниципальных властей. На весь мир прогремело банкротство властей американского Детройта, в котором еще в 1950 году было почти 2 млн. жителей, а ныне нет и 700 тыс., зато есть около 90 тыс. пустующих зданий. За последние 3 года 37 городов США объявили о банкротстве, еще 20 готовятся сделать это. Дело тут не только и даже не столько в бедности местных бюджетов, дело в несовершенстве законодательного регулирования городского развития, которое явно не готово к переменам в ходе урбанизации.

Управление новыми формами урбанизации становится главной проблемой развития крупных городов всех стран, притом управление именно в рамках всей агломерации.

Крупные города сами по себе стали занимать большие территории, которые становятся все разнообразнее и лишают город прежнего единства. Все труднее строить единую стратегию развития города, игнорируя особенности его частей. Традиционным стало представление об историческом ядре города и противостоящей ему городской периферии, но в реальности различия внутри города редко сводятся к такой простой схеме. Положение осложняется еще и тем, что обитатели крупного города ментально делят его территорию на части, которые живут в их восприятии реальности.

У градостроителей же все еще господствует представление об агломерации как о едином морфологическом образовании, то есть как о пятне сплошной городской застройки. В большом ходу выделение таких пятен с помощью ночных космических снимков, когда свет городских огней наглядно выдает очертания урбанизированного ареала. Очевидно, что это — отставание от реального хода урбанизации, и это чревато грубыми ошибками в попытках найти формы управления агломерацией.

Пригородная «субурбия» существует в развитых странах уже больше полувека, она заметно усложнилась. Почти сошла на нет прежняя строгая ориентированность субурбии на центральный город, трудовые поездки превратились в сложную сеть со множеством встречных потоков. В недрах субурбии, на отдалении от центрального города, выросли так называемые окраинные города (edge cities), которые берут на себя многие функции центрального города по обслуживанию прилегающих частей агломерации, которая начинает распадаться на несколько мало зависящих друг от друга частей.

Наконец, уровень региональный. В самых разных частях планеты начинает происходить срастание нескольких агломераций, образующих единый рынок труда. Окраинные города делают необязательным взаимодействие центров этих агломераций друг с другом, достаточно взаимосвязей окраинных городов соседствующих агломераций. Такие сростки образуют обширные «поля» диаметром в несколько сотен километров. Поля эти насыщены инфраструктурой настолько плотно, что издержки на транспортировку внутри такого поля приближаются к нулю. В их рамках умещается практически весь спектр современного производства, и они оказываются во многом самодостаточными. Складывается странная тенденция, противоречащая логике развития прошлых двух столетий: падает территориальное разделение труда, поскольку основная доля экономических взаимодействий замыкается в этих «пятнах». Ричард Флорида, исследователь новейших социальных тенденций, выявил на планете сорок таких «мегарегионов». Их доля в населении

В наши дни набирает силу третья революция – стремительный рост городов особо крупных размеров по людности, то есть не менее чем по 500 тыс. жителей

планеты меньше 20%, зато в них производится две трети мирового ВВП. Появление мегарегионов заставляет существенно менять представление о территориальной структуре современного мира, потому что мегарегионы становятся слишком крупными социально-экономическими образованиями. Примечательны в этом отношении выводы Н. Пейрса, автора книги «Города-государства»: «С экономической точки зрения многие города-государства в США сопоставимы по размеру с крупными странами мира. По валовому продукту район Нью-Йорка занимал бы 13-е место в мире, опережая Австралию, Аргентину и Россию. Лос-Анджелесский район больше Кореи, Чикагский больше Тайваня или Швейцарии».

Есть основания полагать, что мегарегионы фиксируют новую, еще более высокую ступень развития урбанизации — ступень в цепочке «поселение — город — агломерация — мегарегион». Необходимость восхождения на эту ступень выглядит особенно тревожным: история уже призывает нас осваивать новые формы, а наши власти, градостроители, да и само общество еще не научились управлять формами предыдущего этапа.

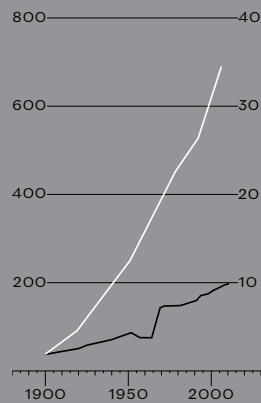
Чикаго

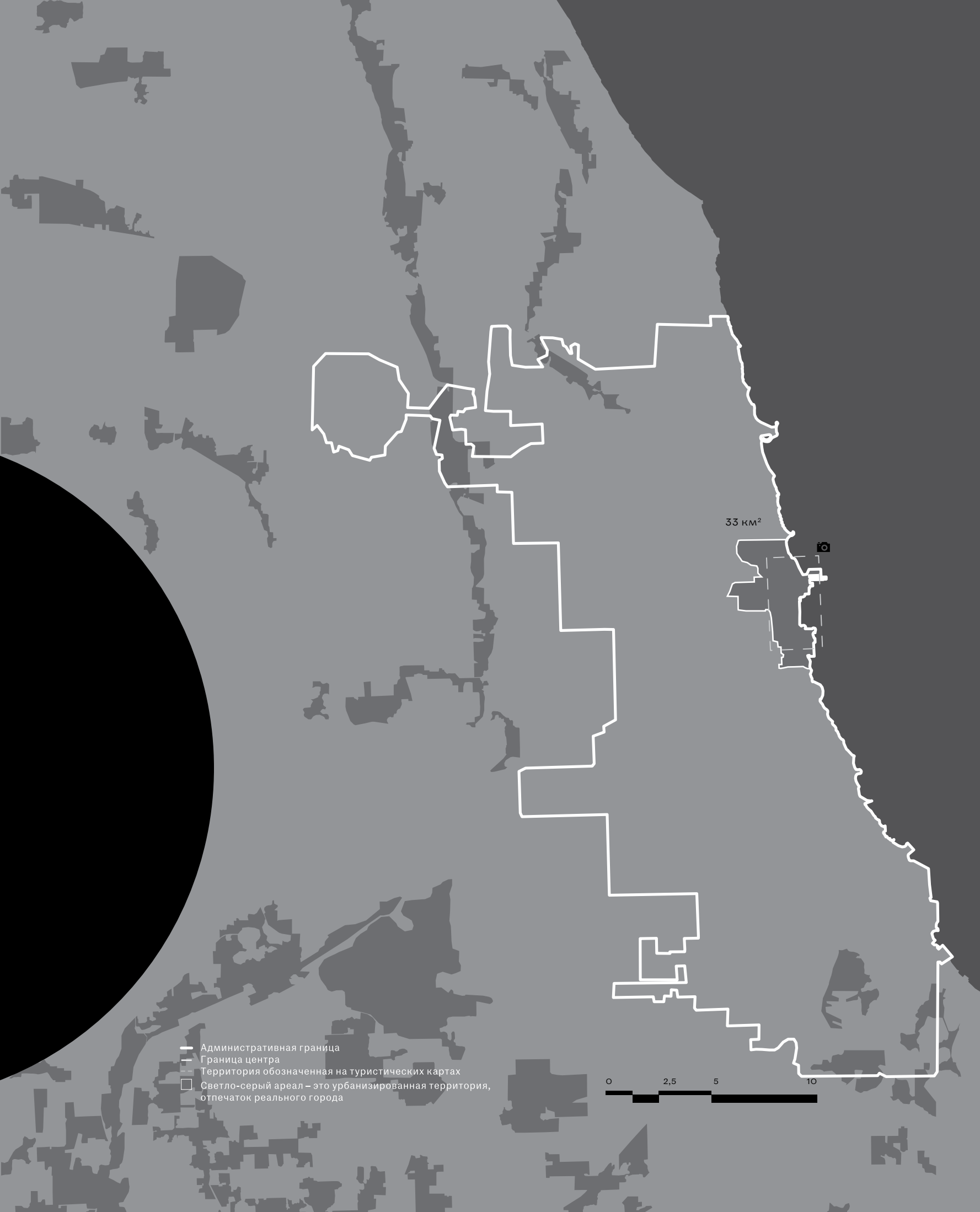
9.68 МЛН ЧЕЛОВЕК. 685600 ГА



• 1,8 - 685,6

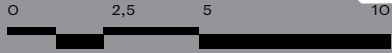
380,9 PAR





33 км²

- Административная граница
- - - Граница центра
- - - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Новая жизнь американских пригородов: Чикаголенд

Эллен Данхэм-Джоунс

Чикаго принято считать классическим американским городом, а его окрестности — типичным пригородом. Чикаголенд — так в 1926 году редактор газеты Chicago Tribune придумал называть густую сеть пристанционных городков, поселков и фермерских хозяйств, протянувшуюся на 300 километров во все стороны от центра города. Термин по-прежнему в ходу: он применяется к бескрайним, лишенным рельефа, все более и более разреженным пригородам, в послевоенные годы в несколько приемов поглотившим всю прежнюю периферийную застройку. Большая часть элементов, составляющих чикагский пригородный ландшафт, успела состариться и прийти в негодность. Однако вымершим моллам, пустующим ангарам, заброшенным промзонам, безнадежно устаревшим бизнес-паркам, безжизненным скоплениям магазинов и километрам пустующих автостоянок можно придать новый смысл, вдохнуть в них жизнь.

Экономия невозможна

Классическое устройство североамериканского пригорода — отдельно стоящие дома с лужайками вокруг — позволило многим поколениям американцев реализовать свою «американскую мечту». Но рост цен плюс постепенное осознание тяжести непредвиденных последствий разрастания пригородов поставили под вопрос жизнеспособность этой модели. Почти все, что удается сэкономить, покупая жилье на самой окраине, в итоге приходится тратить на непрерывно дорожающий транспорт.

Вопреки всем стереотипам с 2005 года большая часть находящегося за чертой бедности населения Америки живет именно в пригородах, а вовсе не в городах или сельской местности. Расходы по поддержанию этой инфраструктуры лишь в малой степени покрываются местным налогом на недвижимость, так что, утверждают некоторые эксперты, пригороды по сути своей не что иное как финансовая пирамида, создающая иллюзию благосостояния. Относительно Чикаголенда проведенное в 2001 году исследование показало, что разрастание породило больше налоговых нарушителей, чем примерных налогоплательщиков. Проще говоря, пригороды экономически несостоятельны.

Потребность в переменах

Учитывая все неожиданные и неприятные последствия субурбанизации, несложно понять, почему урбанисты полагают, что потребность в трансформации уже назрела. Конечно, любой намек на перемены в американских пригородах по-прежнему встречает сильнейшее отторжение, однако существует целый ряд факторов, которые делают необходимость перемен очевидной, а сами перемены возможными.

- 1 Рост числа пустующих или неполностью загруженных пригородных объектов. Около трети крытых торговых центров на территории США находятся при последнем издыхании или уже отправились в мир иной. Никто, в сущности, не задумывается о том, как много кругом пустующих гипермаркетов. Отраслевое издание *Chicago Real Estate Daily* в мае 2009 года подсчитало, что в окрестностях Чикаго их 227 — а значит, около 900 тыс. м² пустуют.
- 2 Относительно центральное расположение исторически сложившихся послевоенных пригородов в разросшихся агломерациях. Скачкообразное развитие последних 50 лет постепенно лишило самые первые пригороды привычной доли рынка: потребителей увлекли за собой более современные торговые центры в отдаленных районах.
- 3 Радикальные демографические перемены. Чуть больше половины всего населения США обитает в пригородах. Принято считать, что здесь распространен прежде всего семейный образ жизни, однако данные переписей населения с 2000 года свидетельствуют, что две трети пригородных домохозяйств — это люди без детей. Дело в том, что ни беби-бумеры, ни поколение Y, образующие в США две крупнейшие демографические группы, не находятся в оптимальном для деторождения возрасте. Беби-бумеры постепенно начинают выходить на пенсию; они по старой памяти живут в пригородах и собираются тут же встретить старость. Однако пенсия в их представлении отнюдь не обязывает к тихому, уединенному существованию. У поколения Y, парадоксальным образом, устремления аналогичные: они тоже отрицают родительский опыт пригородной жизни. Не желая сталкиваться с дорожными затруднениями, сегодня они садятся за руль на 24% реже, чем представители той же возрастной группы всего 10 лет назад. От машины они с удовольствием отказываются ради хождения пешком, велосипеда или общественного транспорта.
- 4 Увеличение арендной платы в пешеходных кварталах и ее снижение в автомобилизованных пригородах. Спрос со стороны представителей поколения Y и беби-бумеров, которому стремятся соответствовать и работодатели, и владельцы розничных торговых точек, вызвал рост арендных ставок от 71 до 112% как на жилые, так и на офисные помещения, даже расположенные за городскими пределами. Чикаго не стал исключением: развитие пригородных районов в 2010–2012 годах существенно замедлилось, а в пределах города спад сменился ростом.

Проекты перепланировки

В Чикаго, как и в остальных регионах США, вышеперечисленные факторы вызвали к жизни разнообразные и разномасштабные проекты перепланировки пригородных территорий. Самые первые, стартовавшие в 1990-х и продолжающиеся до сих пор, были главным образом инициативами девелоперов, которые занялись перепланировкой отдельных участков дешевой земли в ближайших к центру пригородах. Множество начинаний такого рода можно разделить на три основных категории по типу применяемого подхода: новое заселение, новая застройка, новая экология. Новое заселение предполагает скромное вмешательство в структуру общественных пространств либо адаптацию имеющихся сооружений и их переориентацию под нужды населения. Таким образом, среда становится более разнообразной, чем в первоначальном варианте. Можно привести сотни примеров переоборудования гипермаркетов и стрип-моллов в школы, библиотеки, рестораны, спортзалы, бизнес-инкубаторы, административные и медицинские центры. В последнее время подобные помещения часто занимают медицинские и образовательные учреждения и церкви.

Один из самых эффективных примеров в этом смысле — превращение торгового центра Park Forest Plaza в традиционный, решающий самые разные задачи городской променада. В начале 1950-х годов это был очень прогрессивный торговый центр: его 194 000 м² крытого пространства были заняты тремя якорными арендаторами, многочисленными магазинами и городскими учреждениями, а вокруг имелась пешеходная торговая зона. К 1995 году торговый центр прогорел. Властям «Парк-Фореста» пришлось приобрести комплекс, попытаться уменьшить его и повернуть лицом к местным жителям. Теперь это уже не молл, а променада, фактически — главная улица городка. Здесь устроены театр, библиотека, художественная галерея, муниципалитет и городской парк, так что теперь комплекс стал по-настоящему общедоступным. На месте парковки возвели два жилых дома для престарелых, а вместо универмага — многоэтажку на 63 квартиры.

Следующая история — пример того, как масштабы можно не сокращать, а наращивать. Рассказывают, что когда преподобный Джим Уинстон затеял христианский центр «Живое слово» на месте бывшего магазина, у него было 20 прихожан и 150 долларов в кармане. Но паства постепенно росла, понадобилось новое помещение. Дешевый вариант он нашел в 16 километрах от города, в торговом центре Forest Park Mall, где пустовало 120 с лишним тысяч квадратных метров. В 1997 году христианский центр выкупил эту площадь. Сегодня это гигантское объединение: 17 000 прихожан собираются в зале, перекроенном из бывшего кинотеатра, христианский центр управляет бизнес-школой в подвале и выходящими на улицу магазинами. Налоговые льготы позволили возместить часть затрат на реконструкцию.

При новой застройке пригородных территорий, как правило, используется сочетание следующих приемов: здания, заслоняющие собой парковки; упрощение пешеходного доступа и переориентация магазинов на работу с улицей; новое зонирование, при котором максимально разнообразные функции сосредотачиваются в центре города; внедрение в бизнес-парки и складские помещения жилой застройки и розничной торговли; внедрение общественного транспорта, а также пешеходной и велосипедной инфраструктуры в периферийные центры и прочие центры притяжения; замена уличных автостоянок на многоэтажные;

проектирование пешеходных зон и кварталов, закрытых для транспорта; превращение перехватывающих парковок при остановках метро и железнодорожных станциях в многофункциональные транзитные центры; расширение тротуаров, интеграция общественного транспорта и велосипедных дорожек в систему пригородных магистралей и шоссе.

Наиболее резко контраст между «до» и «после» проявляется, когда вышеописанные стратегии применяются для урбанизации зеленых или лесистых территорий типа загородных полей для гольфа. В 1990-е их строили очень много, пытаясь завлечь покупателей недвижимости, но оказалось, что содержание таких площадок обходится очень дорого, а смысла в них немного, так как популярность гольфа стремительно падает. В итоге гольф-поля закрываются с рекордной скоростью. Во всей Америке на разных стадиях реконструкции находятся 43 таких участка.

Реорганизация участков, прилегающих к транспортным артериям, меняет ситуацию не менее радикальным образом. В подобных случаях урбанизация предполагает не расчистку, а, напротив, высаживание деревьев и прочих культур. Таких проектов на территории США реализуются многие сотни, и в окрестностях Чикаго они тоже начинают возникать.

Чикаго окутывает обширная — вторая в стране по протяженности — сеть железных дорог и линий метрополитена, уступающая разве что нью-йоркской. Поэтому здесь возникло особенно много пересадочных узлов. Окрестности железнодорожных станций предоставляют массу возможностей для реорганизации и перепланировки.

Важнейшая из недавно появившихся моделей развития, — объединение кварталов, проектируемых вокруг транспортно-пересадочных узлов и грузовых логистических центров. Именно она была применена в Харви и Блю-Айленде — обедневших промышленных центрах к югу от Чикаго. Производства, которые здесь когда-то базировались, закрылись, но теперь, из-за роста цен на бензин и потребности в более экологических способах транспортировки товаров, здесь активизировалась грузоперевозка.

Третья стратегия — это новая экология: превращение малоэффективных пригородных объектов в парки, городские сады с расчищенными или восстановленными водоемами и лесными насаждениями. Именно такой ход событий предусматривался проектом перепланировки городка Нормал в штате Иллинойс. Уродливый пятисторонний перекресток с очень интенсивным движением, никак не приспособленный для пешеходов, спланировали заново, и теперь он связывает городок со станцией

скоростной железной дороги Amtrak. Тут же устроен новый детский музей и возведено несколько новых жилых зданий с торговыми помещениями. В основе этого изящного и эффективного решения — создание кольцевой развязки, упрощающей движение транспорта.

Чикаго занимает ведущие позиции в области внедрения и интеграции экологических подходов. FarmedHere LLC — одна из крупнейших вертикальных ферм на территории США, занимающая более 14 000 м² — разбита на месте безликого и безоконного складского помещения в пригороде Бедфорд-Парк. Такое расположение оказалось выгодно фермерам благодаря близости транспортно-пересадочного узла и логистических центров, а также конечного потребителя: урожай моментально доходит до покупателя.

В конце 2011 года мэр Чикаго совместно с губернатором штата Иллинойс объявил о запуске самого амбициозного проекта перепланировки в регионе. Создание заповедника «Миллениум» подразумевает экологически ориентированную реорганизацию территории в 566 км² в окрестностях озера Калумет. Территория должна превратиться в крупнейший пригородный парк страны. Надо учитывать, что здесь располагались гигантские металлургические комбинаты со всей причитающейся инфраструктурой. Проект парка подразумевает не только экологически ориентированную реорганизацию, но и признание культурной ценности индустриального наследия.

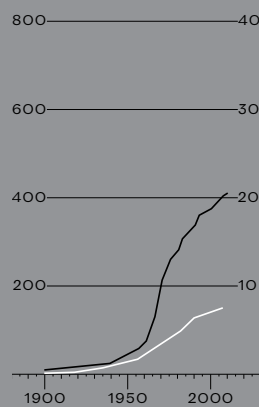
Какие уроки могли бы извлечь из реорганизации пригородов Чикаго прочие мегаполисы — и в том числе Москва? Очевидно, что исключительно велика роль государства, стимулирующего масштабные проекты перепланировки — превращение заброшенных торговых центров в жилые комплексы, появление жилых кварталов рядом с транспортными узлами, озеленение загрязненных промышленностью территорий. Однако и частному сектору экономики отводится больше значение. В Атланте, к примеру, владельцы коммерческой недвижимости объединяются в консорциумы и устанавливают сами для себя специальные сборы, позволяющие находить финансирование для проектов по перепланировке и благоустройству. Девелоперы от Далласа до Торонто и от Вашингтона до Ванкувера как никогда внимательно относятся к поискам территорий, подходящих для перепланировки, которые позволили бы им отвечать новым требованиям рынка.

Удастся ли Москве подобрать новый подход к своим окраинам, повысить планку требований к проектам реконструкции и перепланировки? В Соединенных Штатах в этой области делаются лишь первые шаги, и здесь есть огромное пространство для совершенствования. А если и имеется тут какая-то мораль и основа для предостережений, то мы должны предупредить тех, кто во всех точках земного шара пытается воссоздать систему американских пригородов: будьте осмотрительны в своих желаниях. Не повторяйте ошибок прошлого — задумайтесь о трансформациях уже сейчас.

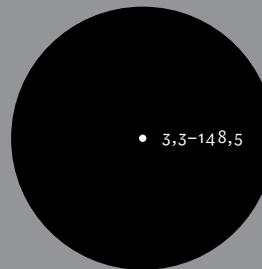
**Сегодня это гигантское объединение:
17 000 прихожан собираются в зале,
перекроенном из бывшего кинотеатра,
христианский центр управляет бизнес-
школой в подвале и выходящими
на улицу магазинами**

Мехико

20.45 МЛН ЧЕЛОВЕК. 148500 ГА

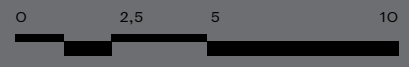


45 PAR





- Административная граница
- Граница центра
- Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Периферизация Мехико

Кристиан фон Виссель

На сегодняшний момент все исследователи сходятся в том, что город стоит рассматривать прежде всего как процесс, а не как статичный объект. Таким образом, очевидно, что, описывая город, необходимо рассказать о цепи перемен, с ним происходящих. Это огромное множество разных процессов, идущих в разных направлениях и запутанных на совершенно разных уровнях. Город в таком случае представляется нам как ледяной доскопос тенденций урбанизации, а также ареной их противоречий. Мехико, очевидно, не стал исключением и ярко демонстрирует обе эти составляющие.

Мехико-Сити и Мексиканская долина

Мехико XXI века — это скорее не город, а городская агломерация, раскинувшаяся более чем на 1 600 квадратных километров, она включает в себя пять бывших озер и небольшой остров, на которых постоянно продолжается строительство. Да и сама территория неуклонно растет. На сегодняшний день агломерация включает три основные административные единицы: Федеральный округ Мехико, в который входит собственно территория города Мехико, какой она была до стремительного разрастания в 1950–1980 гг., а также штаты Мехико и Идальго. Тем не менее весь Мехико-Сити умещается в одну, хотя и обширную, долину. Вот почему регион носит название Мегалополис долины Мехико. Именно тут живут более 20 миллионов человек. Границы этой урбанистической долины уже вплотную подбираются к соседним мегалополисам Толука и Пачука, что вполне может дать начало Центральному мегалополису Мексики.

Необъятность

Первая из основных тенденций урбанистического роста связана с последствиями захвата и удержания городом все новых и новых территорий. Жителям мегалополиса постоянно приходится иметь дело с необъятностью собственной родины. Формула здесь приблизительно такая: близость к центру в квадрате плюс расстояние, умноженные на разность культур в квадрате плюс одновременность событий, — и все это

поделить на повседневность. Таким образом, умение справляться с такой суммой «городской бездонности» стало неотъемлемой частью жизни в Мехико-Сити.

Превращение в мегаполис

Говоря об этой гетерогенности, стоит сразу упомянуть вторую основную тенденцию: физическую и демографическую экспансию города. За последние несколько десятков лет население четырех районов Мехико снизилось почти вдвое, в то время как муниципалитеты Кидад Незахокойотль, Экатепек, Текамак и Икстапалука, расположенные в штатах Мехико и Идальго, достигли максимума популяции и скорости прироста населения в регионе. Таким образом, население долины перетекает из центра на окраины. По данным последней переписи (2005), «всего лишь» девять миллионов жителей все еще живут в Федеральном округе, в то время как остальные одиннадцать — это жители прилегающих двух штатов.

Диффузия

Все очевиднее становится реорганизация территории по «региональному» урбанистическому типу (против привычного «городского»). Такой ход событий подвергает сомнению устойчивую и понятную концепцию развития изнутри вовне. Как следствие, начинает строиться новая урбанистическая формация — «диффузный город», система, при которой все сильнее стираются привычные границы между центром и пригородами, не только в территориальном и функциональном смысле, но также и в концептуальном, в самом понимании города как сущности. Экспансивный паттерн роста долины Мехико все отчетливее характеризуется смешением городских, пригородных и деревенских черт, где промышленные и сельскохозяйственные территории связаны воедино в урбанизированную композицию вместе с полигонами, пустырями и заповедниками.

Дополнительная и обратная централизация

Несмотря на эту диффузию или даже благодаря ей, этот новый город-агломерат создает собственные формы централизованности, считает специалист по социальной географии Адриан Агилар. Нынешние трансформации долины Мехико свидетельствуют одновременно о нескольких направлениях централизации: повторной, дополнительной и обратной. Эти тенденции заново создают множество городских

Диффузный город стирает привычные различия между тем, чем город является, а чем еще нет. Тем не менее его фрагменты никогда не перестают конкурировать ни духовно, ни физически

центров и периферийных контуров разных масштабов. Под воздействием центрифугальной дисперсии эти дополнительные централизованные комплексы принимают форму «полицентрических островов» и идут по пути «линейного развития поселений высокой плотности». Эта морфологическая переменная в городском ландшафте, очевидно, влияет на экономическую и культурную сферу жизни: становится все больше именно коммерческих узлов, где центр цивилизации — это торговый центр. Или же, напротив, обратная централизация принимает формы сопротивления.

Фрагментация

Диффузный город-регион — это не процесс чистой энтропии, где белый и черный сливаются в ровный серый. Все возрастающая дифференциация отношений центра и периферии и одновременность их противоречий скорее расплывает, а не отменяет городские функции, элементы, группы и формы, их проблемы и конфликты, а также их названия. Диффузный город стирает привычные различия между тем, чем город является, а чем еще нет. Тем не менее его фрагменты никогда не перестают конкурировать ни духовно, ни физически. Все более дифференцированной становится территориальная дезинтеграция, расширение частей города и расширение социальных границ.

Разнонаправленность

Первая из субтенденций, свойственных фрагментации, — это дефицит общих городских сущностей при ненадлежащем управлении. Долина состоит из 76 округов и муниципалитетов, расположенных в трех федеральных субъектах. Все эти уровни управления работают совместно с государственной властью (расположенной здесь же). «Таким образом, управление, планирование и городская налоговая система (налоги на собственность) не имеют никакого общего основания», — утверждает географ Альфонсо Ирахета. В итоге руководство процессом урбанизации превращается в соревнование сил, что приводит к ситуации, когда части одной концепции уже совершенно лишние для другой.

Сегрегация

Социально-пространственная сегрегация — это вторая основная субтенденция, следующая из фрагментарности города и общества. Экстремальное во всех проявлениях социальное расслоение населения Мехико создает слишком уж неоднородную картину даже по отношению

ко всем остальным бесчисленным территориям мегаполиса. Там, где кончается большой город, начинаются коттеджи и частные улицы. Поэтому городская жизнь все чаще перемещается внутрь за высокий забор, где есть надежная охрана и спутниковое телевидение.

Финансирование

Наблюдая за строительными фирмами, «создающими» и «продающими» урбанизацию, можно выделить третью основную тенденцию. По сравнению со старой застройкой, представленной домами, которые люди строили себе сами (такая застройка занимает около 40% территории города), новый тип городского развития становится определенным вызовом. Это массовый продукт, одинаковые дома, число которых уже догнало самостоятельно построенные — и тех и других теперь прибывает по 100 000 в год. Этот новый тип урбанизации — прямое следствие все возрастающего притока финансирования Мехико-сити.

Аномальные пространства

С ростом числа коттеджных районов, продуктов сегрегации и «островного урбанизма» между заборами начал возникать новый тип микропространства. Я бы предложил называть этот социофизический тип заполнения промежутков «приграничными пространствами» (*espacios limítrofes*), подчеркивая соответствия социальных различий границам между территориями обитания. Это пустыри, полоски земли после ограживания, просто случайно оставшиеся невостребованными. С социальной же точки зрения это совершенно разные пространства — активные или пассивные, конфликтные или спокойные, это новые места для новых возможностей по исследованию города. Приграничные пространства возникают в поделенном на куски городе не в последнюю очередь благодаря двум самым «неприглядным» сторонам жизни диффузного мегаполиса — по выражению Адриана Агилара, это «отсутствие умения использовать пространство и господство беззакония».

Исключительность

Это растущее беззаконие, на которое указывает Агилар, требует особого внимания. С одной стороны, такие приграничные пространства не скованы формальностями, но и не очернены откровенным игнорированием законов. Но важнее «легальная система исключений», в которой действуют «надзаконные» отношения (протекционизм и коррупция), замена законодательным нормам. Внутри этой системы власти делают

исключение из правил, оставляя безнаказанными или даже поощряя не-санкционированные действия, оставляя людей самостоятельно выпутываться из сомнительных ситуаций. С другой стороны, отсутствие законного регулирования вызывает рост откровенных нарушений: криминальный кодекс занимает место официального закона. Во времена, когда доверие к власти, а особенно к полиции упало до абсолютного нуля, а криминала все больше, люди оказываются наедине со своими страхами без надежд на безопасность и защиту.

Рост ответственности

Выходит, что там, где местные власти ничего не предпринимают (намеренно или нет), или там, где вмешательство власти вносит сумятицы и ставит лишние ограничения, обнаруживается множество путей, которые жители мегаполиса уже используют, чтобы взять на себя ответственность за собственный город. Неформальный, внезаконодательный подход, таким образом, означает не свободу творчества и действий, как часто считают, а прежде всего налагает новую ответственность за те проблемы, с которыми государство отказывается иметь дело.

Демократизация

Тенденции к нахождению исключений из правил и переносу ответственности на население — далеко не единственный путь развития; есть и обратные потоки, характерные в том числе и для долины Мехико. Это, например, текущий процесс демократизации. Примеры можно найти на всех уровнях: муниципалитет Текамак недавно отвоёвал право самостоятельно разрабатывать градостроительный план, была создана сеть творческих центров FAROs.

Консолидация

Последняя тенденция — это процесс интеграции. Дисперсия людей и функций неминуемо приводит к росту тех связей — а вместе с ними и проблем, — которые связывают и удерживают их вместе. Направления движения и пути его материализации вместе предлагают пример отношений между ядром мегаполиса и его периферией. Например, на пересадочной станции Индиос Вердес можно увидеть, как множество межрегиональных и междугородних и внутригородских автобусов и такси связываются в одну транспортную сеть, позволяющую пассажирам с легкостью пересекать границу Федерального округа, несмотря на все политические дискуссии.

Заключение: компактная периферизация

Сделать надежные выводы из этих противоречивых и многочисленных тенденций городского развития Мехико, которые мы перечислили, конечно, не представляется возможным. Город как процесс не подчиняется никаким попыткам описать его на бумаге. Тем не менее мы можем поместить этот клубок противоречий в реальное пространство и понять,

Мехико – это множество маленьких городских комплексов, не просто соседствующих, но и вторгающихся в границы друг друга

какой из всего этого получают опыт те, кто живет в этой изменяющейся вселенной. Писатель Хуан Виллоро говорит о своем родном городе как о случае «обмана на плоскости», ведь ни «Мехико», ни тем более слово «сити» на самом деле не имеют отношения к реальности. То, что они обозначают, — это множество маленьких городских комплексов, не просто соседствующих, но и вторгающихся в границы друг друга. Конечный результат этого «обмана» — порожденный хаос, следствие разрозненных и разнонаправленных векторов урбанизации.

Однако восприятие Виллоро простирается еще дальше: с одной стороны, он понимает периферийность как результат разрастания долины и превращения ее в «городской негород»; именно это явление Эдвард Соджа назвал «экзополисом»: городом, которого нет, и который, тем не менее, существует здесь и сейчас. Этот «иллюзорный город» представляет собой процесс всеобъемлющей периферизации, феномен, который одновременно является доминантной тенденцией перемен и стилем жизни; это географическое, экономическое, социальное и культурное явление, продолжающее сопровождать жителей ежедневно. За счет этого воздействия заостряются уже существующие различия, и их отголоски распространяются на весь регион...

С другой стороны, Виллоро подчеркивает факт этого обмана «на плоскости» — именно это мошенничество, называемое «Мехико-Сити», имеет решающее значение. Если сравнить долину Мехико с регионом Лос-Анджелес, оказывается, что мексиканский мегаполис вдвое меньше, но при этом занимает третье место в мире по численности населения. Таким образом, Мехико — это сравнительно компактный мегаполис по сравнению с другими. Перефразируя высказывание Канклин о топографической бездонности долины, можно утверждать, что Мехико — это весь континент в кратком изложении. Используя концепцию Виллоро об обмане на плоскости, мы можем рассуждать о регионе Мехико как о процессе компактной периферизации.

Несауалькойотль: как «непокоренная земля» превратилась в Манхэттен на окраине Мехико

Феликс Мадрасо

«Раз уж понятие периферии теперь считается устаревшим, можно заново осмыслить его, превратить предлог «вокруг» в его составе в обязательный, что может придать новый импульс развитию этого понятия и исследованию его потенциала».

Сара Надаль

Вечное противопоставление понятий город/периферия в последнее время стало неудобным, поскольку сами эти понятия не отвечают действительности и не способны описать неожиданные противоречия, когда, например, в самом центре появляются характерные для периферии черты — незастроенные участки, бедность населения и туманные перспективы будущего, или когда бывшая окраина вдруг становится ядром города. Возможно, будет полезно попробовать новые термины, которые описывают другие стороны жизни, чтобы по-новому подойти к пониманию города. Так, определение «развивающиеся страны» помогло выделить некоторые государства, не вписывавшиеся в понятия стран второго или третьего мира. Еще любопытней термин «экономические тигры», применимый к таким странам, как Южная Корея, и наглядно показывающий их активность в сравнении с развивающимися. В терминологии, касающейся города, пока слишком мало определений, которые соответствовали бы современным быстрым изменениям и описывали бы города не только с точки зрения их географического расположения. Проект «Убывающие города» исключителен в этом отношении, однако сегодня мало других подобных концепций, способных описать текущие удивительные превращения городов, места, которые испытывают специфические преобразования, например, когда временное поселение становится сплоченным городским ядром.

Особый интерес вызывает преобразование периферийных трущоб в привлекательные районы как ответ на вызов, брошенный приграничными территориями города. Немногие неофициальные или хаотичные поселения в действительности выходят из тупика, не говоря уже о том, чтобы стать успешными. Однако именно поэтому и стоит внимательнее приглядеться к цепочке событий, которые превратили периферийные трущобы на окраине Мехико, Несауалькойотль (или коротко Неса), в урбанистическую территорию, привлекающую сегодня самых разных застройщиков и жителей. Предположение, что на сомнительной территории может вырасти интересный город, не базируется на вере в неизбежность прогресса или слепом оптимизме. Бедные трущобы, находящиеся в подобных условиях на периферии Мехико, могут опуститься еще ниже, если на них не будут обращать внимания и вкладывать в них средства. Успех Несы — это сочетание упорной борьбы его жителей, вся сила

которых состояла в одной их численности, за внимание представителей власти, их сплоченности и целеустремленности, которые неожиданно привели к незапланированному улучшению ключевых элементов инфраструктуры. Наконец, особенная, решетчатая система улиц Несы, нетипичная для периферии, позволила распределить новые блага по всему городу. Вот, наверное, и все секретные составляющие этого урбанистического чуда в окрестностях Мехико.

Несауалькойотль, или Неса-Йорк

Несауалькойотль — или, как его еще называют, Неса-Йорк — совершенно непохож на Манхэттен. Однако в отношении плотности населения город Несу можно прочесть как горизонтальный небоскреб. На плане он представляет собой сеть улиц площадью около 10 x 4 км — и при этом является одним из самых густонаселенных малоэтажных поселений в мире, где на площади всего в 4 190 га уживаются 1,11 млн. человек. Это означает, что на гектар площади приходится 264 жителя и плотность населения практически равномерна по всему городу-сети. Густонаселенный Рандстад в Нидерландах с его плотностью 83 чел./га или Париж с его 70 чел./га сильно отстают от Несы. Округ Манхэттен, одна из самых густонаселенных городских территорий в мире, имеет плотность населения 273 чел./га — практически такую же, как и Неса. Это поразительно, поскольку большинство зданий в Несе не выше двух этажей. Размеры кварталов тоже удивительным образом напоминают Нью-Йорк; большинство кварталов Несы — прямоугольники со сторонами 220 x 35 м, тогда как кварталы Манхэттена сопоставимы с ними по длине, но на 20 м шире. Неудивительно, что недавние переселенцы из Несы легко адаптируются в городской среде Нью-Йорка. Очевидно, оба города вполне сопоставимы, в том числе и в своей любви к культуре улиц. У них есть еще кое-что общее — это разнообразие архитектуры. В случае Несы оно представлено 285 027 домами собственной постройки, которые отражают способности, возможности и амбиции владельцев участков, берущихся их возделывать и облагораживать. Основанный 50 лет назад на тогдашней периферии Мехико, сегодня город Неса — второй по численности населения муниципалитет в независимом штате Мехико, окружающем Федеральный округ, где расположена столица. И хотя Несауалькойотль не входит в число муниципалитетов столицы Мексики, в последнее время де-факто он стал частью мегаполиса-Мехико за счет своей близости и значимости. Нельзя не отметить тот факт, что в течение 50 лет он поднялся от полугалганского поселения, построенного несколькими тысячами семей, до одного из самых населенных и активных районов Мехико-Сити. Если бы вам попалось на глаза такое объявление в газетах Мехико, вы бы, наверное, сочли эту недвижимость ценной, достойной внимания и вложения средств. Цена в 1 672 000 мексиканских песо (около 125 000 долларов США), быть может, слегка и кусается, но все же предложение хочется рассмотреть поподробнее. Разве может такой дом быть расположен в захолустном пригороде Несауалькойотль, всем известном как самый неприятный район города, зона, которую многие обходят стороной? Ведь СМИ все еще говорят о нем как о месте, где живут только «накос». И все же если вы перечитаете объявление, то поймете, что это действительно привлекательная недвижимость, а карты Google покажут вам,

что там действительно есть и школы, и парки, и много зелени, и даже, что самое невероятное, частный университет прямо за углом. Неподалеку аэропорт, и не только метро, но и в ближайшем времени скоростной автобус свяжет этот район со столицей и близлежащими зонами. Шопинг здесь — далеко не только стихийные рынки, но и шопинг-моллы с самыми высококлассными товарами. Рядом музеи. Трудно правильно оценить сложившийся медийный образ, однако нетрудно поверить, что сам по себе уровень цен показывает — этот город достаточно привлекателен, раз цены на недвижимость здесь могут быть столь высоки.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ

Прекрасный 2-этажный дом, просторный, имеются апартаменты с отдельным входом. Участок 1,53 сотки. Дом 247 м². Эксклюзивный 2-этажный дом, есть гостиная, столовая, кухня, 5 комнат с санузлами, студия, дворик, 2 парковочных места. Везде очень просторно, отлично расположен, рядом магазины, школы и колледжи, университет, магистрали, парки, музеи. Все удобства. В апартаментах гостиная, столовая, кухня, ванная, спальня. Прекрасное месторасположение, отличное освещение, ждем вас.

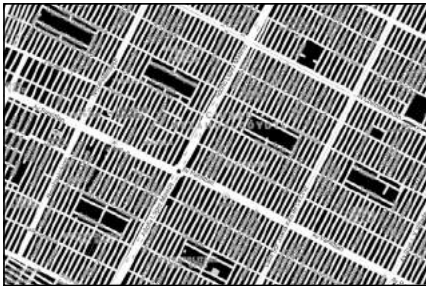
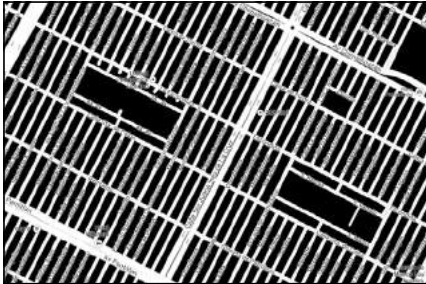
Освоение Несы

С самого своего основания в 1325 году Мехико-Сити страдал от сильных наводнений ввиду своего географического положения и бессточного бассейна, т.е. таких топографических условий, которые предполагают скопление дождевой воды из-за отсутствия стока. Для защиты от наводнений требовалась специальная система отвода воды. Работы по созданию инфраструктуры для осушения бассейна велись неоднократно еще с далеких времен прибытия испанцев. Поскольку озера были окончательно осушены в начале XX века, в это время встал вопрос о том, что с этой новой землей делать и кто будет ее осваивать. Это был ключевой момент для возникновения города Несауалькойотль на земле, которая была раньше дном Текскоко, самого крупного и глубокого из всех озер. Осушение озер точно совпадает с демографическим взрывом в Мехико, который дал непосильную нагрузку на жилищный фонд с 1940-х. За какие-нибудь 30 лет столичный регион вырос с 1 600 000 жителей в 1940 году до 9 200 000 в 1970-м. Цены на недвижимость в центре города стали расти, и революционное правительство попыталось сдержать неприятную для народа тенденцию, издав в 1942 году декрет о «замораживании», или сдерживании, ренты. Домовладельцы нанесли ответный удар, прекратив обслуживание жилья. Для пущей остротки рехенте (назначенный мэр) города, господин Уручурту, запретил в 1950 году создание новых районов внутри Федерального округа. За несколько лет обветшание доходных домов в центре, прирост и все возрастающая плотность населения побудили тысячи недавно приехавших в город семей к поискам земли, где они могли бы недорого построить дома. Муниципалитеты соседнего штата Мехико были наиболее очевидным вариантом, и Несауалькойотль стал первым доступным для людей районом.

Виды на новую землю

Первые попытки по-новому использовать осушенные территории были сделаны в 1919 и 1921 годах — и были спровоцированы внезапным

Земля была продана правительством по смешной цене в один песо за гектар при условии, что покупатели будут следить за ней и очистят ее от остатков высохшего озера

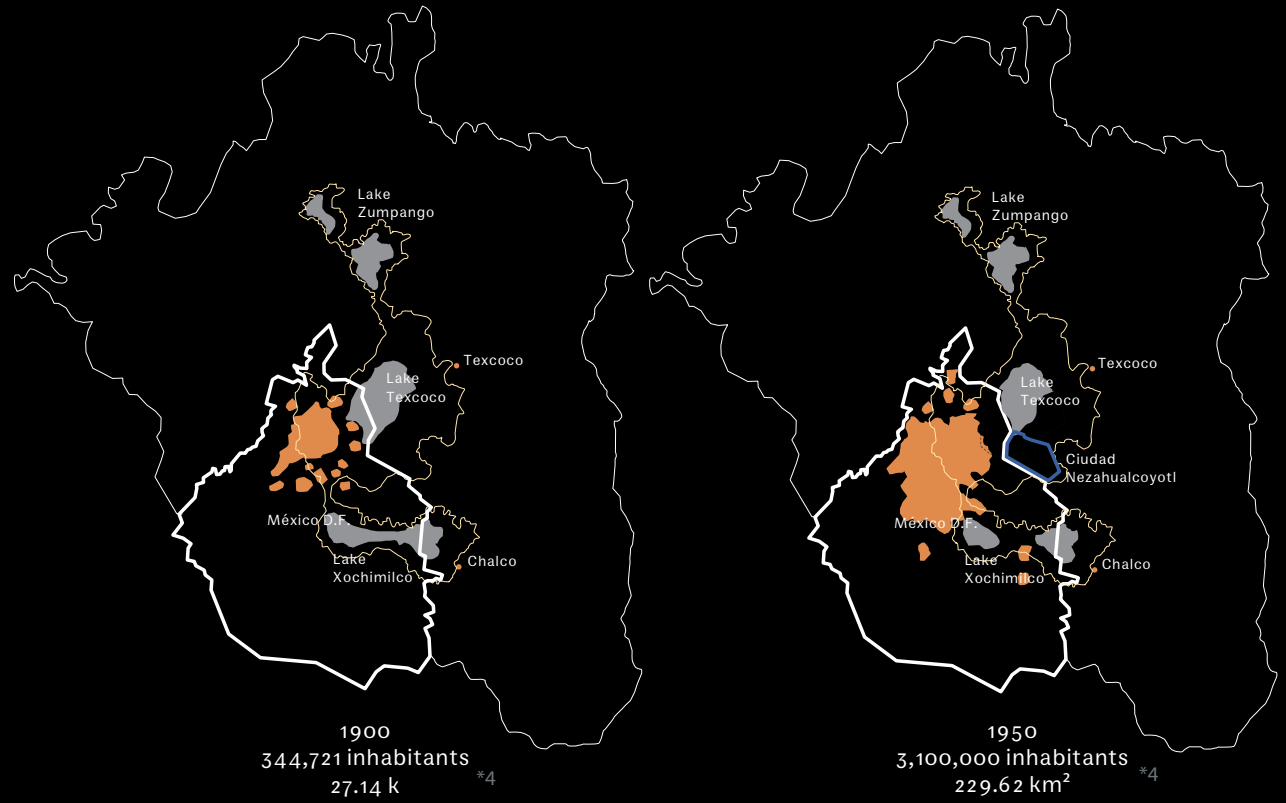
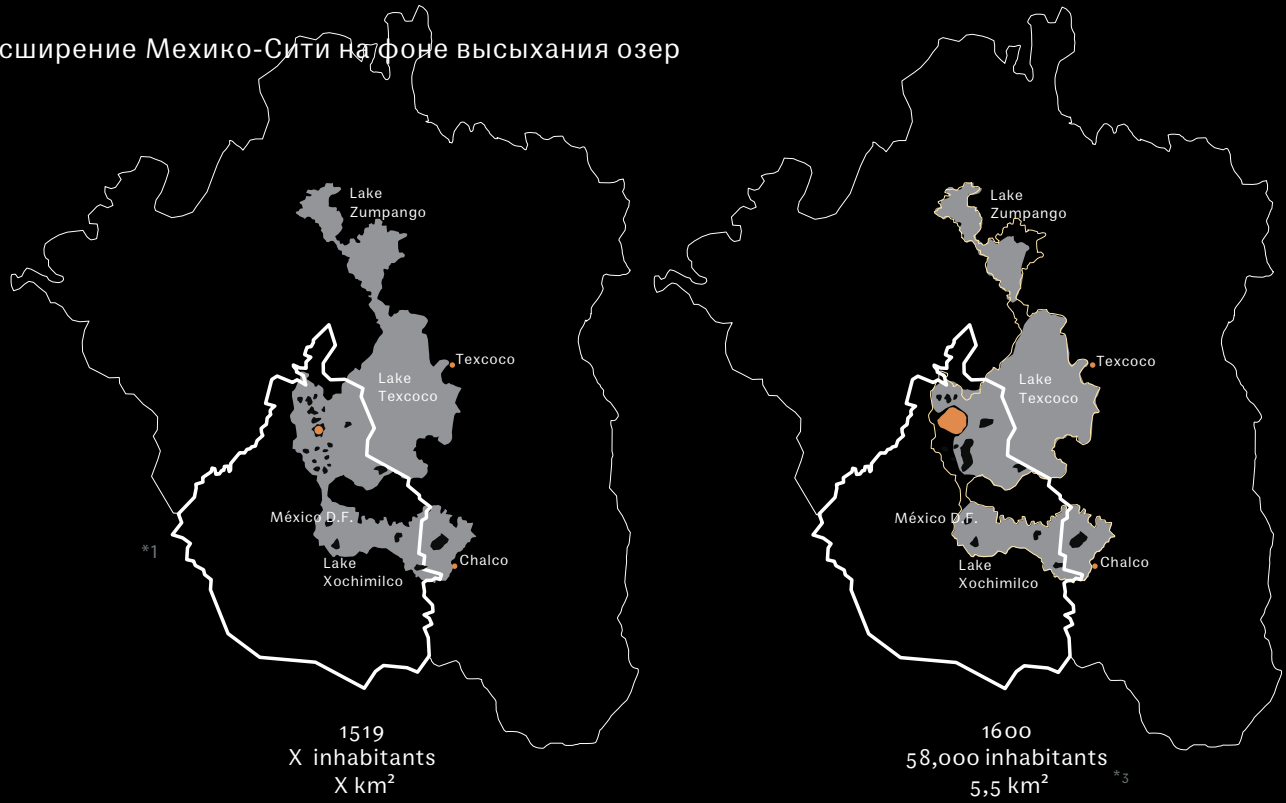


появлением пылевых бурь, которые обрушивались на город со дна осушенных озер и загрязняли его. Федеральное правительство собиралось использовать эти земли как сельскохозяйственные, а затем как зону разведения рыбы, однако оба проекта провалились, не успев начаться. Неудачи натолкнули правительство на мысль, что полезно было бы привлечь частный капитал к проектированию и застройке этой земли. Инженер Анхель Пеймберт и архитектор Луис Макгрегор предложили в 1930 году проект, который предполагал активное внедрение сельского хозяйства, промышленности и по мере необходимости застройку путем разделения на участки. Идея привлечения недавно осушенных земель к расширению города стала казаться очевидной. К 1932 году губернатор штата Мехико Филиберто Гомес продал 7 000 га государственной земли нескольким частным лицам. Земля была продана правительством по смешной цене в один песо за гектар при условии, что покупатели будут следить за ней и очистят ее от остатков высохшего озера. Необычный товар оказался в руках высших военных чинов (включая будущих высокопоставленных политиков Ласаро Карденаса, Франсиско Мухику и Леопольдо Тревиньо), чиновников федерального правительства и даже проектировщиков этой зоны, Макгрегора и Пеймберта. Размер участка был не меньше 40 гектаров, один человек мог приобрести два участка.

В бой!

Хотя озеро было осушено федеральным правительством, передачу собственности в частные руки вскоре начали оспаривать местные крестьянские общины, которые объявили, что часть земель принадлежит им, начав тем самым многолетние споры о том, кто является законным владельцем земли. Несмотря на возникшие трудности, власти не отказались от проекта, и вскоре земля стала доступна инвесторам для застройки. Несколько застройщиков, часть из которых имела недавний опыт постройки «пролетарских» районов города, заинтересовались предложением и начали давать объявления о продаже участков. Варианты оплаты были разными, в основном это была рассрочка на несколько лет. Большинство предлагаемых участков были небольшими, 10 x 20 метров. Продажи велись без особого контроля со стороны правительства и без оглядки на закон. За несколько лет были распроданы тысячи участков без мощенных дорог, тротуаров, уличного освещения, воды, канализации и электричества, и во многих местах годами ничего не менялось. Базовая инфраструктура должна была появиться, когда все владельцы выплатят займы застройщикам — когда, согласно их заверениям, на это появятся деньги. Некоторые застройщики сразу предложили покупателям участков взять эту ответственность на себя. Другие же, как выяснилось, не завершали (или не начинали) работы десятилетиями. Отчасти вина за эти вопиющие нарушения лежала на правительстве штата Мехико,

Расширение Мехико-Сити на фоне высыхания озер



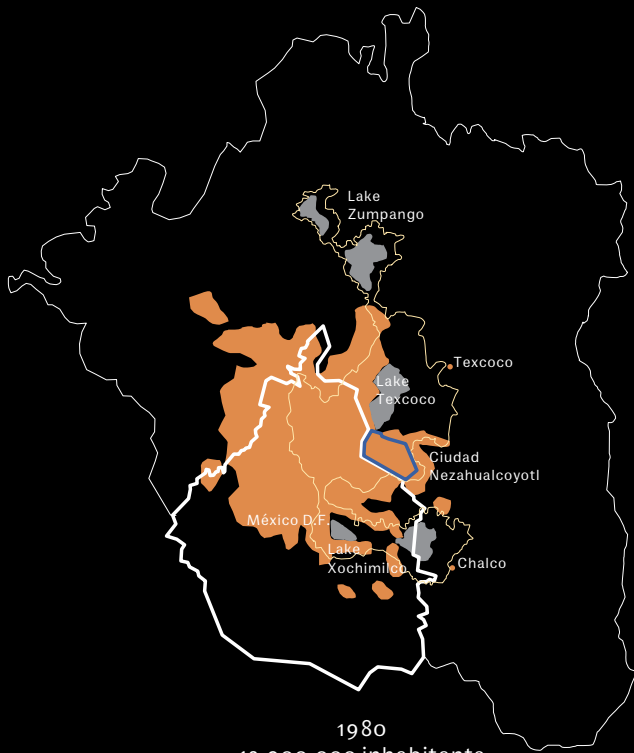
- Федеральный округ Мехико
- Политическое деление долины Мехико
- Высыхание озер в долине Мехико
- Рост города
- Город Нецауалькотль



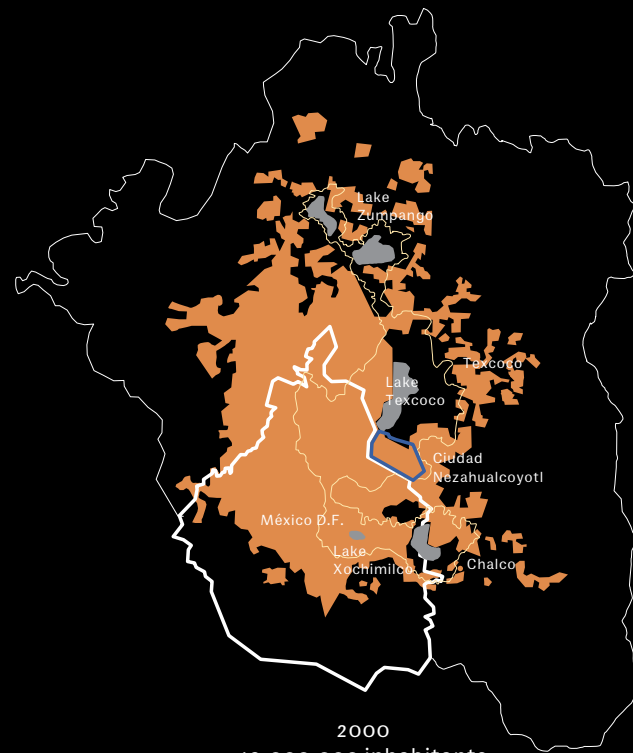
1700
105,000 inhabitants
6,6 km² *3



1800
137,000 inhabitants
10,8 km² *3



1980
12,900,000 inhabitants
1056.64 km² *4



2000
19,000,000 inhabitants
1,325.76 km² *4

1 Niederberger Betton, Christine. Paléo-paysages et archéologie pré-urbaine du Bassin de Mexico, México: Centro de estudios mexicanos y centroamericanos .1987
 2 Ingeniero Gerardo Cruickshank García. Rescate hidroecológico. Proyecto Lago de Texcoco.
 3 Exequiel ezcurra. Las chinampas a la megalópolis. La ciencia para todos. 2005
 4 ZMVM, Zona Metropolitana del Valle de México, México, 2000.







Av. Nezahualcoyotl



Lago Xochimilico



Lago Michigan



Ing. Luque Loyola



Lago Patzcuaro



Lago Peipus



Lago Patzcuaro



Lago Peipus



Lago Atitlan



Lago Wetter



Lago Mask



Lago Mayor



Lago Omega



Lago Ontario



Lago San Pedro



Lago Zirahuen



Lago Tequesquitengo



Lago Trasimero



Lago Winnipeg



Lago Yojoa

поскольку один из изданных им в 1948 году законов фактически позволил застройщикам легально защититься от исков со стороны землевладельцев о недостроенных базовых элементах инфраструктуры.

По мере того как отчаяние становилось нормой, политические группировки понемногу начали наращивать активность в борьбе за защиту своих прав перед застройщиками и государством. И все же на то, чтобы осознать, насколько действенны могли быть их усилия при условии правильной организации, ушли годы. В первые десятилетия репрессии и угрозы по отношению к главам этих организаций сдерживали их инициативу до минимума. Толчком к первому принесшему успех спору стали слухи о том, что один из застройщиков, которому они выплачивают деньги, не является собственником земли. Организация, состоящая из жителей, смогла устроить встречу владельцев участков с полицией, представителями властей штата Мехико и застройщиком. Ответом общины на отсутствие документов на землю была забастовка: ежемесячные выплаты были прекращены вплоть до выдачи застройщиком обещанных свидетельств на собственность. После этого успеха некоторые объединения решились требовать от застройщиков завершения объектов инфраструктуры или бороться с попытками государства дополнительно обложить их налогами, чтобы обеспечить средства для строительства недостающих объектов. Также объединения начали принимать меры против выселений, а контракты с застройщиками включали такие жесткие меры против задержки платежей более чем на два месяца, как выселение. Начинаясь как *terra indomita* (лат. «непокоренная земля». — Прим. пер.), Неса постепенно стал подчиняться голосу и власти организованных объединений.

От культуры бедности к Карлосу Слиму

Именно в эту пору отчаяния и борьбы появление Несы на окраинах Мехико стало расхожим объектом для местных и зарубежных исследователей и журналистов. Американский антрополог Оскар Льюис описал быт пяти семей из Мехико в своей работе «*La Vida; A Puerto Rican Family in the Culture of Poverty*». Одна из них, семья Санчес, только начала обустроиваться в почти незаселенном районе Несауалькойотль. Антрополог рисует скрытую от посторонних глаз непростую жизнь семьи, члены которой с трудом добывают себе воду, оторваны от мира из-за плохо организованного общественного транспорта, вынуждены разводить домашний скот, чтобы хоть отчасти себя обеспечить, и с большой неуверенностью смотрят в будущее. Другой американский эксперт по Мехико-Сити, географ Питер М. Уорд, хотя и смотрит с большим оптимизмом на поселения собственной застройки и их возможности, все же предрекает данной зоне серьезные проблемы из-за ее обособленности: «Для целого ряда *colonias proletarias* (исп. «пролетарских поселений». — Прим. пер.) на востоке от столичного региона (город Несауалькойотль), отрезанных от каких-либо удобных для доступа торговых или промышленных зон, проблема действительно очевидна».

И все же со временем битвы за воду, канализацию, электричество, дороги и документы на собственность были выиграны, а у жителей

и потенциальных инвесторов появилось больше уверенности. Постепенно небольшие перемены усложняли и оживляли образ Несы, побеждая представления о ней как бедных, изолированных окраинных трущобах. Проблема отрезанности от города, которую обозначил Питер Уорд, неожиданно отошла на второй план, когда главное дорожное кольцо (Periferico) связало Несу с центром, а в 1991 году открылась параллельная границе Несы линия метрополитена, Линия А. К 1970 году доступное жилье от государства или жилищно-строительных корпораций покрывало только 35% спроса. Инициатива жителей Несы внесла огромный вклад в устранение дефицита жилья в Мехико.

Последняя глава в истории Несы открылась недавно, когда видный предприниматель Карлос Слим предложил тогдашнему губернатору штата (ныне президенту Мексики Энрике Пенья Ньето) превратить Хосиака, открытую городскую свалку отходов в Неца (одну из крупнейших в мире) в небывалый парк: Parque Bicentenario.

Активность жителей является ключевым фактором в улучшении любой части города, их вложения в самих себя и повышение уровня жизни притягивают, как магнит, последующие инвестиции

Город наоборот

В первые десятилетия существования Неца основная работа по долгосрочному и постоянному усовершенствованию города велась по инициативе объединений горожан и доступными им средствами. Похоже, сложилось так, что именно высокая плотность населения сыграла свою роль в том, что ни один политик – а значит, и ни один работодатель – не может просто закрыть глаза на этот район. По контрасту с Европой или Америкой, где полемика сконцентрирована вокруг того, как вовлечь общественность в развитие окраины, в случае с Неца вопрос звучит с точностью наоборот: как созданные обществом стратегии могут заставить правительство решать задачи, которые ставит город?

Настойчивость и опыт жителей доказали, что для успешного исхода битвы нужно не только время от времени демонстрировать недовольство, но настойчиво задавать четкие и справедливые вопросы. Случай Неца показывает, что активность жителей является ключевым фактором в улучшении любой части города, и что их вложения в самих себя и повышение уровня жизни притягивают, как магнит, последующие инвестиции.

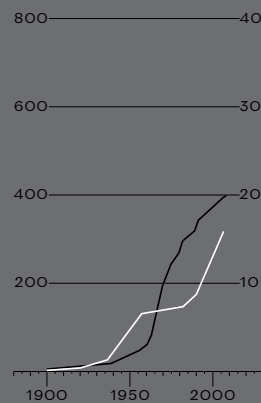
Когда я возвращаюсь к картам Google, чтобы с помощью функции просмотра улиц еще раз пройтись мимо заинтересовавшего меня дома, я вдруг осознаю, что больше не могу отличить Неца от множества знакомых мне улиц других районов Мехико. Неца смешался с Мехико, и теперь его нельзя назвать ни центром, ни периферией.

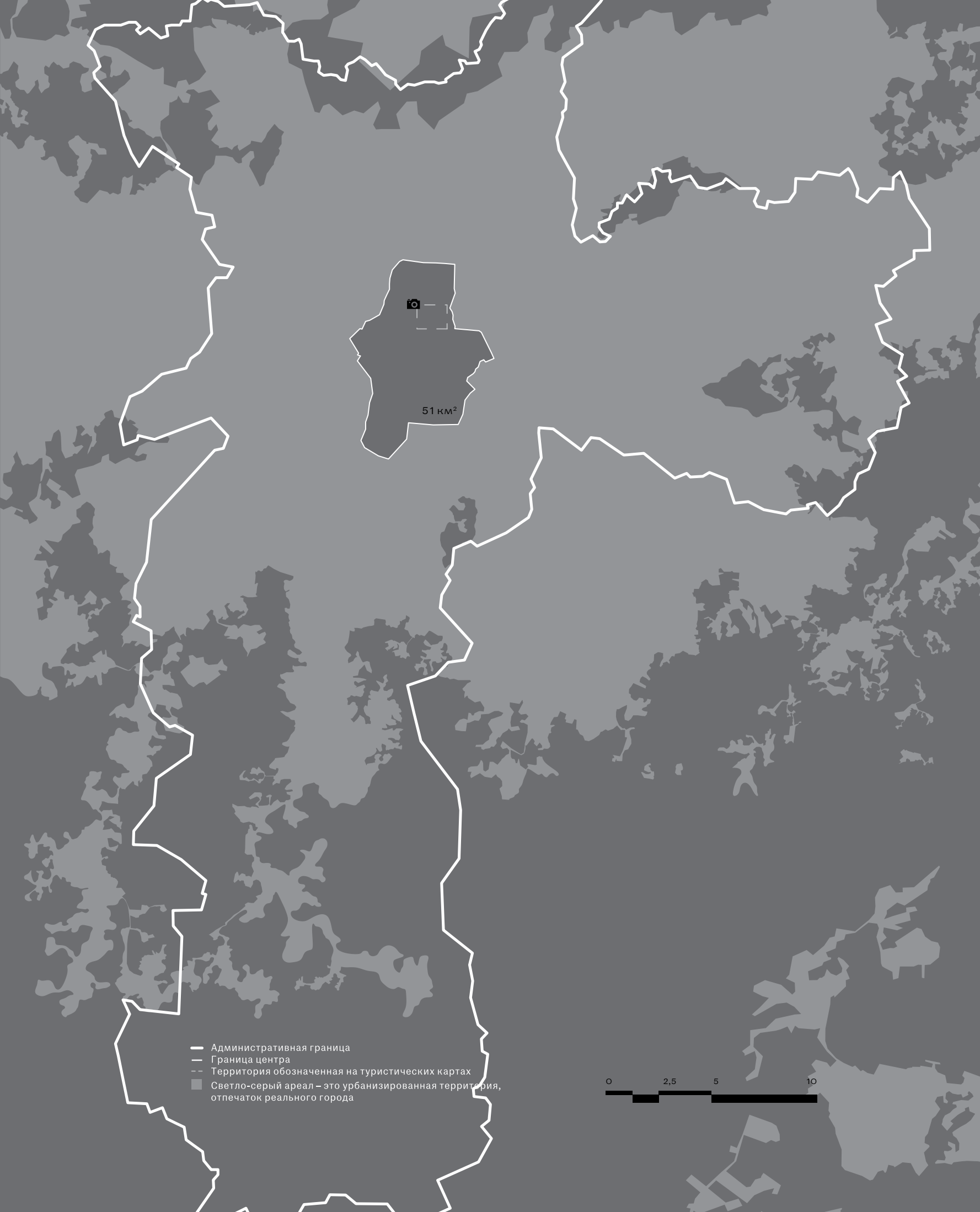
Сан-Паулу

19.00 МЛН ЧЕЛОВЕК. 317300 ГА



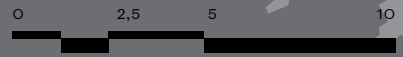
117,5 **PAR**





51 км²

- Административная граница
- Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Сан-Паулу: опыт интеграции трущоб

Элизабете Франса

Введение

В начале XX века городское население Бразилии составляло 6 миллионов человек, а спустя столетие — 160 миллионов. Это наглядно показало, насколько бразильцев привлекает городская жизнь. Рост городского населения требовал нового операционного потенциала и возможностей, и Бразилия оказалась к этому не готова. Уроки прошлого и традиционные знания в области градостроительства оказались не просто не к месту — они не могли стать адекватным ответом на новые вызовы. В наши дни «неформальный город» является неотъемлемой частью города, городским феноменом, который проявляется на его территории; ключевым элементом урбанистической морфологии, из которой формируется городская дизайн.

Город будущего, несомненно, будет разительно отличаться от города гетто, города изоляции, города закрытых кондоминиумов, города, где люди готовы сосуществовать только в окружении себе подобных, своих единомышленников. В этом смысле, возможно, одним из наиболее мощных инструментов, которые помогут нам, станут фавелы. Именно фавела обладает собственной морфологией (или набором морфологий), и если она будет воспринята как неотъемлемая часть города со своими собственными механизмами и новой инфраструктурой, она сможет стать более пригодным для жизни местом. Если ее жители получают доступ к необходимым им социальным благам, то со временем фавела станет неотъемлемой частью городской жизни, способствуя развитию, разнообразию и культурному обмену между горожанами. Это новое понимание роли фавел предоставило нам теоретическую почву для создания нового способа мышления о «неформальном городе» как о городе, который включает в себя различные районы, созданные беднейшими горожанами, которые строят его, основываясь на предыдущем семейном опыте, и сделать это мышление отправной точкой для плана будущих действий.

Бразильцы воспринимают город как место с лучшими возможностями для образования, получения медицинских услуг, трудоустройства и даже, в определенной степени, более полноценной жизни. Но в то же время стремятся к городам так же сильно, как отвергают. Где-то до 1980-х годов города в Бразилии страдали

от всевозможных последствий неосторожного планирования, что привело к нарушению устройства их жизни и даже к потенциальному исчезновению с лица земли. Сейчас в Сан-Паулу насчитывается 1 500 фавел, 1 000 нерегулируемых поселений и 2 000 «кортисуш» (беднейших коммунальных квартир и многоквартирных домов). Этот конгломерат занимает 136 км² в городе, общая территория которого составляет 1 500 км². То есть 30% городского населения заселяет — густо и вертикально — менее 10% территории Сан-Паулу. Иными словами, около 3 миллионов людей живут в условиях некоторой городской нестабильности. Отделенные от так называемого «формального города», эти поселения являются недвусмысленными примерами неравенства в городском пространстве. Однако городские власти активно стараются соединить эти части с «формальным городом»: соединяя эти районы с инфраструктурой города, создавая новые рабочие места и тем самым делая «неформальный город» более устойчивым, экономически жизнеспособным и экологичным. Главная цель городской жилищной политики — подчеркнуть важность проектов по урбанизации так называемого «неформального» города. Городские власти сформулировали такие цели развития, согласно которым город является привилегированным пространством для межчеловеческих демократических отношений.

Социальное жилье в Бразилии

Урбанизация Сан-Паулу долгое время проявлялась в единичных проектах, в то время как количество трущоб и сквоттерских поселений неуклонно возрастало. К концу 1980-х правительство штата Сан-Паулу, при поддержке городских властей, подало заявку во Всемирный банк на получение кредита для финансирования борьбы с деградацией бассейна водохранилища Гуарапиранга. Эта проблема затрагивала площадь около 65 тысяч гектаров, на которой жили 450 000 человек. Одним из главных компонентов программы стало улучшение условий жизни в трущобах и иных неустойчивых поселениях, расположенных в районе водохранилища. Это касалось 27 000 семей, 90% которых жили в границах города Сан-Паулу. Программа Гуарапиранга стала важным примером для подражания, одним из самых главных наших уроков. Позитивные результаты первого бразильского проекта по улучшению условий жизни в трущобах дали толчок новому направлению городской политики и решения жилищных проблем. Мы поняли важность уважения социального и экономического вклада, сделанного на протяжении многих лет этими сообществами и их жителями в налаживание жизни трущоб, и это позволило нам провести реструктуризацию их физического пространства более гибко и уважительно.

Что такое трущобы Сан-Паулу

Трущобы Сан-Паулу следует рассматривать как неотъемлемую часть города, один из его структурных элементов. Будучи неформальными, они, тем не менее, обладают двумя общими признаками, отличающими их от «легального города». Во-первых, их застройка не следует никаким принятым в городе правилам и нормам градостроения; дорожная сеть не планируется заранее и не связана с жилой застройкой, а водная и санитарная инфраструктура создается только после заселения построек жильцами. Во-вторых, дома строятся по принципу свободных пустых пространств. Этот процесс заселения известен как «незаконное заселение» — как частной, так и государственной земли.

Трущобы также подрывают основы идеальных городских стандартов. Это наиболее яркая демонстрация городского социального неравенства. Следует понимать, что трущобы возникли в качестве ответа на социальную изоляцию и территориальную сегрегацию. В то же время они дают своим жителям четкую альтернативу, защиту от колоссального роста городов.

Улучшение жизни в трущобах

Улучшение условий жизни в трущобах стало неотъемлемой частью жилищной политики, так как оно способствует улучшению жилищных условий семей с низким доходом, не имеющих доступа к кредитам и легальному рынку. В 1996 году изменения моделей жилищной политики привели к принятию Глобального плана действий, основанного на поиске путей социального развития и искоренении нищеты (это произошло в Стамбуле на Второй конференции ООН по населенным пунктам (Хабитат II). Этот план определил новые ценности и концепции, которые стали основой для государственной политики Бразилии.

Основная цель улучшения жизни в трущобах — преодоление дефицита инфраструктуры, обеспечение доступности для граждан общественных и государственных услуг, а также предоставление нового подходящего жилища семьям, чьи дома пострадали от государственных работ. При этом главное — уважительно относиться к местному сообществу, с тем чтобы большинство семей остались жить на прежнем месте. Вторая задача — улучшение качества общественных пространств. Таким образом, эти проекты должны еще и предоставить жителям качественные, хорошо оборудованные общественные пространства, содействуя социальному взаимодействию и активной общественной жизни. Проекты должны учитывать сложные почвенные и топографические условия, существующую городскую и архитектурную структуру, доступность земли. Цель — создать среду, в которой все жители имеют доступ к основной инфраструктуре и общественным местам, услугам и ресурсам, позволяющим проявлять добрососедство и более полно реализовывать свою гражданскую позицию. Проекты по улучшению жизни должны индивидуально учитывать особенности каждой ситуации и обязательно отличаться друг от друга. Кроме того, их надо широко обсуждать с жителями трущоб и учитывать культурное разнообразие.

Важнейшим моментом для улучшения качества трущоб является создание системы дорог с твердым покрытием. Жилье переносится из экологически небезопасных районов. Общественное оборудование, пространства для парков, отдыха и рекреации определяются как общественные



Мы больше не рассматриваем трущобы как здания, не соответствующие стандартам, а их жильцов – как кандидатов на выселение; мы видим в них сообщества, вложившие жизнь и сбережения в то, чтобы обеспечить себе место в границах города



центры и дают доступ к полному набору деятельности, которая укрепляет отношения внутри сообщества.

Улучшение жизни в трущобах и их интеграция в город в разы увеличивает возможность доступа этих сообществ к рабочим местам, учебе и учреждениям здравоохранения, а также побуждает жителей инвестировать в улучшение их жилищных условий.

Опыт Сан-Паулу

В 2005 году городские власти Сан-Паулу при содействии Городского жилищного секретариата начали одну из крупнейших в Бразилии программ по улучшению жизни в трущобах. Одна из первых задач заключалась в том, чтобы провести количественное и качественное исследование реальных нужд населения, которые требуют решения. Для этого нужно было понять ситуацию каждого из жилищных проектов людей с низким уровнем доходов, их особенности — трущоба ли это, нелегальное разделение дома, коммунальная квартира или дом, находящийся в запустении.

Следует также оценивать ресурсы, необходимые для инвестирования в каждую из жилищных программ, и выбирать те, которые позволят оптимизировать государственные инвестиции и помогут наибольшему числу нуждающихся в жилье людей.

Жилищная политика Сан-Паулу соответствует Стратегическому генеральному плану города 2002 года, который определяет достойное жилье как жилье, которое не просто обеспечивает безопасность, но также «предоставляет необходимый санитарно-гигиенический уровень, гарантирует условия для жизни, обеспеченные необходимыми государственными услугами, в том числе: водой, канализацией, электричеством, уличным освещением, уборкой мусора, тротуарами и общественным транспортом, с доступом к основному социальному оборудованию».

Пользу от уже проведенных, либо проводимых работ получило 130 000 семей, в то время как финальная стадия проекта позволит семьям владеть землей на условиях специальной концессии, предназначенной для обеспечения заселения этих земель. Трущобы стали новыми районами, присоединенными к городу, а семьи получили доступ к важной части своих гражданских прав. «Урбанизация», как это называется португальски, включала в себя работы, которые повышают качество здравоохранения, строительство 10 000 единиц жилья вместо домов, расположенных в зоне риска. С 2005 по 2012 годы были сделаны инвестиции на общую сумму в 3 миллиарда долларов США. Власти увеличили статью расходов в муниципальном бюджете и дополнили их средствами от правительства штата и федерального правительства.

Городской жилищный план Сан-Паулу (2009–2024)

В 2006 году Городской секретариат Сан-Паулу по социальному жилью создал городскую информационную систему социального жилья (Habisp — Sistema de Informações para Habitação Social). Веб-интерфейс системы позволяет жителям города и властям общаться в интерактивном режиме на темы государственного жилья, способствует

Эти сообщества строят по-настоящему современный город, пусть даже в настоящий момент им часто не хватает возможностей, доступа к правильно оформленному землевладению, общественным услугам

прозрачности планов и решений властей. Сайт предоставляет информацию о жилищной политике города, программах, планах, условиях проектов, новостях и публикациях, позволяет получать сведения о муниципальном жилье.

В то же время Секретариат начал подготовку долгосрочных целей, которые разбиты на четыре четырехлетних периода (с 2009 по 2024 годы). Эти шестнадцать лет необходимы для минимального повышения уровня безопасности в условиях угроз окружающей среды для города Сан-Паулу. План основан на пяти основных принципах: а) право на достойное жилье; б) социальная справедливость; в) экологическая устойчивость как право города; г) демократическое правление и д) эффективное управление государственными ресурсами.

Заключение

Всегда следует помнить о том, что объектом нашего внимания является город и те его новые районы, которые строятся каждый день — небезопасные, не имеющие надлежащей инфраструктуры, с чрезвычайно низкими экологическими стандартами. Мы больше не рассматриваем трущобы как здания, не соответствующие стандартам, а их жильцов — как кандидатов на выселение; вместо этого мы видим в них сообщества, которые вложили собственную жизнь и сбережения в то, чтобы обеспечить себе место в границах города, единственное место, которое они смогли получить. Социальные связи помогли им пережить трудности каждодневной жизни и достичь максимально для них возможного стандарта жизни. Эти сообщества строят по-настоящему современный город, пусть даже в настоящий момент им часто не хватает возможностей, доступа к правильно оформленному землевладению, общественным услугам, образовательным и экономическим ресурсам.

Постепенно городские власти Сан-Паулу начали пересматривать свои приоритеты и концентрироваться на реальных жилищных проблемах, отвечая на запросы хорошо организованных сообществ. В последние годы Секретариат по жилищной политике тесно работал с этими районами и их жителями. Сегодня можно с уверенностью сказать, что жилищная политика Сан-Паулу — повод для гордости ее разработчиков. А главное — это наследие, которое должно перейти в историю как позитивный пример проведения государственной политики. Признанием этих усилий стал тот факт, что Программа улучшения условий жизни в трущобах получила «Почетный свиток» Программы ООН по населенным пунктам .



Cantinho do SeuPark до реновации



Cantinho do CeuPark - после реновации (Boldarini & partners)

Социальная жилищная политика

Сильвиу Торрес

Агломерация Сан-Паулу выступает в роли лаборатории, в которой как на местном, так и на региональном уровне тестируются различные меры государственной политики по восстановлению и развитию городской среды, а также по реконструкции периферийных районов, возникших в основном за счет мощного притока сельского населения в последние тридцать лет.

В 1970 году население региона составляло 8 миллионов человек. Сегодня конурбация насчитывает уже 39 городов и 22 миллиона жителей и генерирует примерно 30% ВВП Бразилии. Однако инфраструктура здесь развита слабо и неравномерно, жилищно-бытовые условия обитателей сильно разнятся и часто далеки от идеальных, и, в целом, городская ткань чрезвычайно фрагментирована.

Роль правительства штата Сан-Паулу заключалась в том, чтобы определить основные задачи инклюзивной политики городского развития. Приоритет получили транспортная сфера, оздоровление окружающей среды и налаживание механизмов, которые стимулируют местное социально-экономическое развитие. Вклад Жилищного секретариата штата Сан-Паулу заключался в поиске возможностей создать инновационную модель управления строительством на основе лучших практик при финансовой поддержке различных муниципалитетов региона. В основных положениях руководства по социальной жилищной политике Сан-Паулу отмечается, что периферия не может рассматриваться как отдельный субъект, и, более того, эти районы должны быть незамедлительно интегрированы. Процесс интеграции должен включать в себя создание крупных инфраструктурных проектов — что, в свою очередь, влечет за собой восстановление периферии. В трущобах и стихийных поселениях, возникших в последние десять лет, примером подобных проектов стали новые «оси движения общественного транспорта» и реорганизация автомагистралей.

Преодоление непреодолимого

Из недавней практики Жилищного секретариата штата Сан-Паулу можно привести два примера удачных проектов подобного рода. Более 8 000 семей живет в запутанной сети трущоб, расположенных

вдоль одной из самых главных автомобильных дорог региона Сан-Паулу, проходящей через пойму реки Тиете, – Жардим Пантанал. В проекте восстановления городской среды в этом районе упор делался на три основных аспекта:

- А интенсивность, с которой качественные проекты будут взаимодействовать с местным сообществом;
- Б урбанизация посредством улучшения санитарно-гигиенических условий, технического оснащения и оздоровления жилищных условий;
- В эффективные проекты по развитию социальной включенности и укреплению потенциала сообществ, которые позволяют создавать новые возможности для самореализации на рынке труда.

Этот процесс был довольно длительным и действительно преобразил район: общее состояние здоровья населения улучшилось, количество зон отдыха и возможностей для социализации было увеличено, новое жилье строилось по самым высоким стандартам, был создан проект завода по переработке мусора, построены швейные фабрики, обновлены фасады домов и детских учреждений. Все это привело к сокращению количества убийств, которое достигло самой низкой отметки за 10 лет. Вторым примером успешного преобразования периферии стали трущобы в муниципалитете Кубатау, расположенные на горной гряде в природоохранной зоне. Таким образом, помимо задачи экстренного переселения семей, требовалось спасти тропические леса, так как постоянное присутствие на этих территориях более 7 000 семей серьезным образом сказалось на качестве водных ресурсов. Это повлекло длительные переговоры с разными социальными группами, ставшие важным этапом подготовки к переезду этих людей в новую реальность, в городские условия. Этот проект был осуществлен при поддержке банка IDB с привлечением средств из локальных и государственного бюджетов. Он включал в себя создание полностью интегрированного в разросшийся город района. Важной составляющей для успеха проекта стало предоставление коммунальных услуг высокого качества. Также проводились работы по восстановлению окружающей среды и раскопки древних поселений. Социально-экологическая программа восстановления окружающей среды в регионе Серра-ду-Мар послужила образцом для развития проектов по «социальной включенности» и разработки моделей для решения социальных и образовательных вопросов. В процессе ее реализации были продемонстрированы новые методы взаимодействия с органами государственной власти — а именно была доказана необходимость создания междисциплинарных команд, которые работают над улучшением трущоб. Предложенные семьям образовательные курсы в области озеленения, искусства, радио, телевидения и индивидуального предпринимательства оказались ключевыми факторами для успешных социальных изменений и беспроблемной интеграции домохозяйств в новые районы.



Общее состояние здоровья населения улучшилось благодаря мощению улиц и установке водопровода и канализации, количество зон отдыха и возможностей для социализации было увеличено, новое жилье строилось по самым высоким стандартам, был создан проект завода по переработке мусора, построены швейные фабрики, обновлены фасады домов и детских учреждений

Проблемы центральных районов

Вышеописанные примеры указывают нам на новый важный вопрос для жилищной политики в штате Сан-Паулу. Мы должны также заниматься реконструкцией центральных районов, находящихся в состоянии упадка, и проблемой неиспользуемой земли. В этом году начато строительство 20 000 единиц жилья для малообеспеченных семей в центральных районах Сан-Паулу.

Этот проект является одновременно примером городского и экономического обновления и развития социальной включенности. Предложение направлено на содействие улучшению качества жизни рабочих в центре города: они получают жилье в непосредственной досягаемости от работы и объектов городской инфраструктуры. Эта инициатива должна помочь реабилитировать районы, пришедшие в упадок, создать рабочие места и обеспечить рост доходов — и одновременно улучшить городскую транспортную систему.

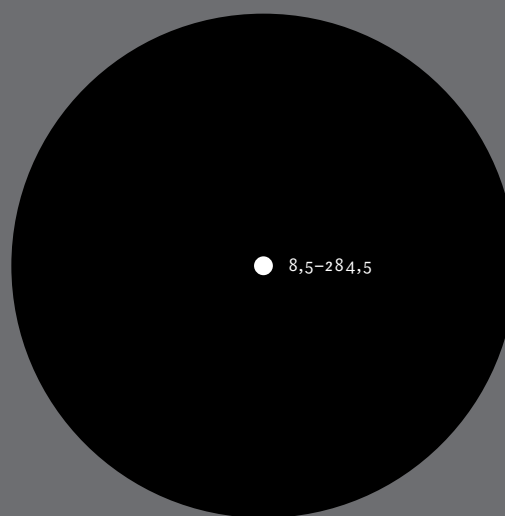
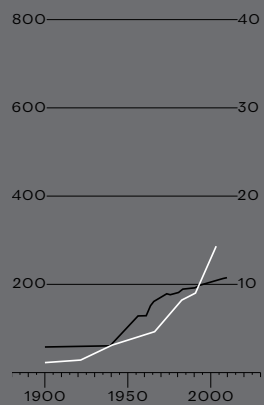
В этих проектах мы видим, как власти попытались справиться с огромными сложностями, возникающими при интеграции бедных слоев городского населения. Такой подход является революцией, и тот факт, что чиновникам необходимо быть в партнерских отношениях с предпринимателями — важный урок для власти на всех уровнях. В штате Сан-Паулу самая большая проблема заключается в том, чтобы найти творческий подход к урбанизации трущоб, криминальных районов и незаконных поселений, и вместе с тем продолжать эксперименты с использованием городских площадей, с учетом взглядов всех заинтересованных сторон, горожан и градостроителей.

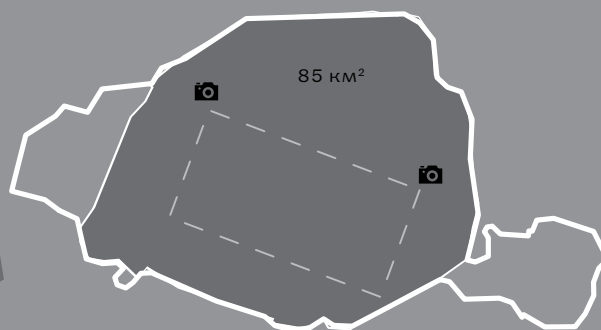
Париж

10.62 МЛН ЧЕЛОВЕК. 284500 ГА



33,5 PAR





- Административная граница
- - Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Париж и его окраины

Софи Боди-Гендро

Париж отчасти напоминает Москву: 20 округов, расположенных в пределах городской черты, занимают каких-то 100 км². Между тем площадь 33 районов Большого Лондона с 8 миллионами населения — 1580 км²; примерно столько же населения в 5 районах Нью-Йорка. Большому Парижу, вобравшему в себя 1300 муниципальных образований с 11,3 миллионами жителей, пришлось бы растянуться на 1200 км², чтобы достичь сопоставимых масштабов.

Исторические корни

Сегодня в Большом Париже налицо огромный дисбаланс между плотно населенными кварталами внутри городской черты и окружающими их городами-спутниками с двумя миллионами жителей. Сходным образом обстоят дела и в Большой Москве, где исторически сложившийся город не обращает никакого внимания на 85% окружающей территории, чье население составляет 7 миллионов человек.

В Париже такое положение вещей имеет обоснования исторического и политического характера. Раздел между современным Парижем и близлежащими зонами был проведен во времена барона Османа. Осман, несомненно, стремился изолировать богачей от черни, чьи идеи воплотили революционеры-коммунары, и параллельно поднять цены на недвижимость, идя навстречу устремлениям негоциантов. Однако его задачи были еще и политическими. Главное, что унаследовал Париж от Османа, — это первое настоящее предместье (*banlieue*) — территорию на окраине города, куда, начиная с времен Второй империи (1852–1870) в несколько этапов переселили рабочих. Ситуация конца XIX века очень сильно напоминала то, что сегодня происходит в социально неблагополучных районах Большого Парижа — «горячих точках», куда полиция старается лишней раз не соваться.

Раскол между историческим Парижем, лежащим в пределах городской черты, и окружающими его муниципальными образованиями, образующими три зоны на возрастающем расстоянии от центра, также имеет историческую природу. В регионе 1280 населенных пунктов и семь географических департаментов (причем сам Париж является одновременно и городом, и департаментом). В первой зоне насчитывается

21 населенный пункт, во второй их уже 400. Проект Большого Парижа был затеян в 2008 году с целью преодоления институциональных, социальных и культурных преград, созданных в силу существования большого количества разных департаментов и муниципальных образований. Дорогостоящие реформы, направленные на упрощение административных процедур, благополучно провалились. У новейшего административного образования — региона Иль-де-Франс — не хватает ни властных, ни финансовых ресурсов, чтобы сколько-нибудь эффективно контролировать политику на местах.

Парижская агломерация (Paris-Métropole, MGP), за учреждение которой палата представителей проголосовала в июле 2013 года, должна к 2016 году вобрать в себя 8 из 10 жителей Большого Парижа, 124 населенных пункта, 19 объединенных коммун (intercommunalités), четыре департамента (Париж, О-де-Сен, Валь-де-Марн и Сен-Сен-Дени) плюс собственно регион Иль-де-Франс. Новообразование будет иметь право самостоятельно принимать решения в сфере жилищной политики, охраны окружающей среды и торговли. Впрочем, прежде законопроекту предстоит еще пройти сенат, где подобная реорганизация вызывает большое недовольство.

Транспортная сеть и плотность населения

В то время как Париж с первой периферийной зоной связаны густой сетью транспортных маршрутов и программ жилищного строительства, облегчающих перемещение населения, во второй и третьей зонах не хватает ни транспортных сетей, ни рабочих мест. В итоге эти периферии населены менее густо: они застроены рядами одинаковых коттеджей, периодически перемежающихся обширными массивами государственного жилья, зачастую плохо связанного с внешним миром. Новая программа развития транспорта, предусматривающая появление метрополитена в 200-километровом радиусе от центра, должна быть запущена в 2015 году, а строительство линий планируется завершить между 2020-м и 2030-м. У 90% жителей агломерации ближайшая станция будет располагаться не далее чем в 2 километрах от дома. Новые экспресс-линии метрополитена должны создать более 115 тысяч рабочих мест, тем самым подстегнув развитие экономики на прилегающих к станциям территориях. Однако никаких научных исследований, доказывающих, что такой сценарий сработает, произведено не было; никаких данных нет и у Министерства финансов. В стоимость проекта, составляющую около 4 миллиардов евро, входит продолжение существующих линий метрополитена. В идеале Большой Париж должен породить многофункциональные центры, сконцентрированные вокруг транспортных узлов, точек пересечения людских потоков, природных и культурных объектов, расположенных за пределами центра, который,

сохраняя политическое и административное господство, перестанет создавать преграды для возникновения взаимосвязей между прочими стратегическими точками в пределах окружающего столицу региона. Уплотнение второй и третьей периферийной зон Парижа — экологическая необходимость, поскольку из-за нехватки общественного транспорта именно в этих районах больше всего пользуются автомобилями, что загрязняет атмосферу и работает на глобальное потепление. Строительство должно вестись в пределах уже застроенной территории, оставляя нетронутыми плодородные участки, пригодные для сельского хозяйства, и соблюдая Киотские протоколы о сокращении энергопотребления.

Предлагаемые проекты предусматривают расплывчатые границы населенных пунктов внутри сквозной территории мегаполиса, связанные между собой не только на поверхности, но и под землей элементы ландшафтного дизайна и зеленые насаждения на крышах домов. Один из инновационных архитектурных проектов предусматривает более высокие дома для семей со взрослыми детьми и сокращение этажности по мере старения владельцев, которое позволит снизить расходы энергии. Протекающая здесь Сена также будоражит воображение: крупные и мелкие речные артерии можно использовать, чтобы снизить интенсивность движения по обычным дорогам и уменьшить загрязнение воздуха.

Преодоление страха перед Другим

В истории социальных репрезентаций боязнь предместий заменила собой страх перед опасными районами в центре города. Окраины Парижа воспринимаются сквозь призму недостатка экономической динамики, общественного веса, качества жизни, общего уровня цивилизации. Расширение территориальных полномочий позволяет решать социальные проблемы и проблемы ухудшения окружающей среды, однако это палка о двух концах. С одной стороны, можно облегчить положение беднейших слоев, живущих в неблагополучных районах, и помочь им преодолеть социальные преграды, поскольку подразумеваются программы модернизации и реконструкции, обеспечивающие смещение различных групп населения, строительство жилья с продуманной планировкой и улучшение качества жизни с помощью развития транспортных сетей. С другой стороны, подобные программы предусматривают трудоустройство молодежи с помощью образовательных инициатив и подключения государственных субсидий (дотационные рабочие места). Но по-прежнему целые поколения покидают районы хронической безработицы, а миграционные потоки приносят на их места новых бедняков и неблагополучные семьи; люди продолжают жить среди незнакомцев, ничего не зная о собственных соседях. Государственная политика не поспевает за нарастанием глобальных социальных и экономических

У 90% жителей агломерации ближайшая станция будет располагаться не далее чем в 2 километрах от дома. Новые экспресс-линии метрополитена должны создать более 115 тысяч рабочих мест

проблем, и они всякий раз заново просачиваются в предместья, невзирая на проделанную работу. Вдобавок на местном уровне обнаруживается, что профилактические меры и территориальные программы отталкивают общество от тех самых районов и людей, которым призваны помогать, поскольку привлекают широкое внимание к их бедам и недостаткам.

Что можно предпринять, чтобы предотвратить эти негативные последствия? Среди прочего представляется целесообразным сменить терминологический аппарат. Вместо того чтобы использовать для обозначения периферий один общий термин с негативной окраской, можно было бы описывать каждый район по отдельности, акцентируя его положительные стороны: специализированные школы, научные центры, драматические и оперные театры, парки, децентрализованные органы власти, качественную архитектуру. С другой стороны, просто поддерживать эти районы без лишней шумихи — не слишком удачная стратегия для государственных органов, которым в таком случае будет сложно выбивать на свои проекты финансирование. Многоукладные, сложившиеся из отдельных муниципальных образований агломерации с трудом утверждают свою значимость в качестве самостоятельных игроков, поскольку зачастую воспринимаются как апофеоз пустоты, вакуума. Это специфически французская проблема, поскольку вся страна долгое время подчинялась единому центру — Парижу.

На проведение информационной и коммуникационной политики, нацеленной на укрепление целостности агломераций, выделяются, как правило, небольшие средства, и Париж по-прежнему воспринимается как сердце, оторванное от прочих органов.

Неблагополучные районы на северо-восточной окраине Парижа — лишь отдельные фрагменты в общем массиве агломерации. Главная проблема Большого Парижа заключается в том, что сочетать в пределах одной программы укрепление социальных связей и территориального единства крайне непросто. Социальная сегрегация и маргинализация в городском пространстве совместно с дефицитом адекватных общественных услуг порождают фрустрации самого разного толка, ведущие, в свою очередь, к одиночным преступлениям и массовым беспорядкам, примеры которых мы могли наблюдать в окрестностях Парижа осенью 2005 года.

У обитателей многоэтажных жилых комплексов накапливается недовольство окружающей средой, которое в конечном итоге обращается против тех, кто придумывал эти проекты, никак не учитывая мнения будущих жильцов. Они чувствуют, что тоже имеют право на этот город. Однако экономический кризис усугубляется, а государственная машина работает слишком медленно, чтобы хоть как-то спасти ситуацию, и в результате многие выплескивают свой гнев, поддерживая экстремистские партии и их лозунги.

Таким образом, необходимо как можно быстрее восстановить у этой категории населения ощущение гражданственности и самоуважения, с помощью социальных сетей укрепить их самооценку и создать дополнительные возможности через участие в общественных проектах. Выпущенный в июле 2013 года правительственный отчет содержит значительное количество многообещающих предложений, однако напряженность с обеих сторон достигла такого накала, что идея «доверия к полиции», подотчетной населению, которое она охраняет, неспособна здесь привиться. Чтобы вернуть горожанам ощущение принадлежности к некоему широкому урбанистическому контексту, нужно прежде всего восстановить уважение: оно должно ясно чувствоваться в том, как с ними обращаются государственные служащие, какие дома для них строятся и как проектируется среда их обитания. Подключение городских пространств, объединяющих жителей неблагополучных районов с прочими горожанами, — спортивных центров, уличных рынков, развлекательных комплексов — также может способствовать восстановлению единства в раздробленном пространстве.

Опора на локальные культуры как двигатель перемен

У большинства мелких городков свои отношения с агломерацией: они одновременно и связаны, и отделены друг от друга. У каждого населенного пункта свои жители, своя история, свои проекты — иным словом, он обладает определенной автономией. В то же время важно, чтобы эти обособленные муниципальные образования ощутили свою принадлежность к одному мегаполису и региону, свою вписанность в единую транспортную сеть, в территорию, обладающую некими традициями и ресурсами — реками, лесами, землями, памятными местами. Со временем потенциал таких территорий можно было бы укрепить, лишив его политической и административной привязки. Весь вопрос в том, какое ощущение создается у горожан в ходе повседневной жизни. Для стороннего человека все окраины выглядят одинаково. Безместность этих пространств угнетает: везде одинаковый общественный транспорт, железнодорожные станции, торговые центры и фастфуд с парковками. Восприятие сторонних наблюдателей — включая и правоохранительные структуры, прежде всего полицию — является важной предпосылкой для возникновения социального неравенства и формирования устойчивого детерминизма, с которым нужно бороться более энергично и прицельно. Зачастую обитатели периферии оказываются приговорены к заточению в пределах своего увязшего на социальном дне микрокосмоса и лишены всякой надежды на масштабные общегородские реформы.

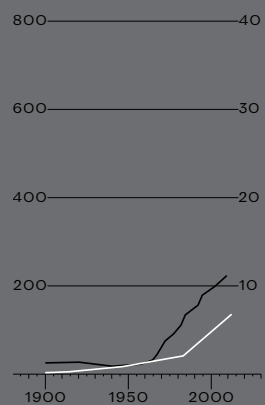
Напряженность с обеих сторон достигла такого накала, что идея «доверия к полиции», подотчетной населению, которое она охраняет, неспособна здесь привиться

И все же даже у этих районов и муниципалитетов есть своя специфика, и они значительно разнятся между собой. Культура — это не только сумма подходов и общественных взаимосвязей: приспособление к тому или иному окружению являет собой непрерывный творческий акт. Как отмечали, среди прочих, Поль Анри Шомбар де Лов и Роберт Сэмпсон, некоторые виды самоидентификации и культурного самосознания обязательно требуют действия, творчества, обновления; даже неблагополучные группы населения способны, находясь в незавидном положении, искать из него выход, придумывать новые вариации своей крайне скудной повседневной жизни и взаимосвязей с окружающим миром. Им свойственны дерзость и отвага, способные в корне перевернуть представления о том, что такое жизнь и совместное действие в подобных обстоятельствах. Они придумывают новые приемы в обход сложившихся законов и правил, компенсируя таким образом отсутствие материальных ресурсов. В качестве примеров можно привести инновационные детские развлечения или коммунальный транспорт. Активность и теснота взаимодействия в подобных дезорганизованных, на первый взгляд, сегментах общества могут привести к возникновению новых отношений, связей, способов разрешения конфликтов и выработки приемлемых норм, которые, в свою очередь, способны вдохновить урбанистов, архитекторов и прочих влиятельных деятелей, возьми они на себя труд внимательно и терпеливо слушать и наблюдать.

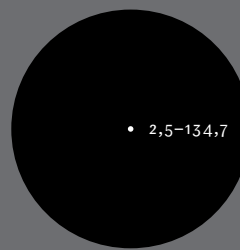
Здоровье общества зависит от укрепления социальных связей и территориального единства в рамках полицентричной агломерации. Сосредоточение в мегаполисах людей с самым разным опытом требует гибкости подходов и веры в их способность к гражданскому взаимодействию. Непонятное, загадочное, противоречивое — повод не для страхов, а для радости: ведь в нем кроется зачаток новых решений.

Берлин

3.00 МЛН ЧЕЛОВЕК. 134000 ГА



34,1 PAR





38 км²



- Административная граница
- Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал — это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Берлифери

Тео Дойтингер

Европейский архипелаг

«Если ехать по направлению к Европолии, европейскому архипелагу агломераций, который раньше называли «голубым бананом», с востока, из Китая или Японии, — писал Роже Брюне, — то первым форпостом на пути станет Москва. Если же ехать дальше, оставив Москву позади, то следующим островком, пусть и намного менее обширным, будет Берлин, удаленный от Европолии всего на каких-то несколько сот километров». В 1989 году, после падения Берлинской стены, французский географ Роже Брюне ввел для обозначения наиболее урбанизированной зоны, простирающейся от северо-запада Англии до Милана, термин «голубой банан». Внутри этой огромной мощно урбанизированной территории «центра Европы» лежат такие города, как Брюссель, Страсбург, Люксембург и Франкфурт, где находятся самые важные организации Евросоюза.

Берлин расположен за пределами этой территории экономической и политической силы. Он всегда был на европейской периферии. Когда Берлин вновь стал столицей объединенной Германии, ожидалось, что «голубой банан» распространит свое влияние на восток, однако этого не случилось. Берлин просто-напросто оказался слишком далеко. Как следствие, ему пришлось сформировать собственный центр притяжения — экономический и политический стержень. Новый главный вокзал (построен в 2006 году) помог связать Берлин с международной железнодорожной сетью, а приближающееся открытие аэропорта Берлин-Бранденбург должно сделать его мировым пересадочным узлом. Новые маркетинговые проекты, такие как «Силиконовая аллея», призваны привлечь в столицу IT-компании. Другими словами, Берлин все еще строится.

Даже в ту золотую эпоху, когда Берлин наряду с Парижем и Лондоном был одной из трех главных европейских столиц, Карл Шеффлер описывал его как «колониальный и новаторский город», подчеркивая его периферийное положение в европейском контексте. На сегодняшний день Берлин по-прежнему «новаторский город», который пользуется преимуществами своего особого положения — роли культурного посредника, живущего слишком далеко на востоке, чтобы быть настоящим немцем, и слишком далеко на западе, чтобы быть славянином.

Такое одиночество на периферии превращает Берлин в остров в огромном море, но также и в оазис в пустыне. Если Берлин хочет, чтобы его услышали в другой агломерации, ему придется очень громко кричать. Построение связей с другими островами стало главной задачей города, ведь на 240 километров в любую сторону от него простирается скудно населенная зона, которая в будущем, скорее всего, продолжит терять своих жителей.

Там ничего нет, кроме Берлина. В этом отношении ситуация с немецкой столицей очень похожа на Москву. За что ни Берлину, ни Москве точно не приходится бороться — это изоляция, часто недооцененное состояние в условиях поклонения глобализации. Берлину и Москве повезло: им нужно всего лишь апеллировать к своему праву на взаимодействие, что в идеале приводит к формированию «связанной изоляции». Тем не менее, все это позволяет Берлину и Москве сочетать преимущества открытых и закрытых систем. Находясь в этом состоянии изоляции, можно одновременно наслаждаться роскошью островной жизни и в то же время оставаться на связи с остальным миром. Однако Берлин, вместо того чтобы ценить свое исключительное положение между двух миров, стремится стать частью европейского архипелага. Но реальность же такова: чем отчаянней он стремится к этому присоединению, тем дальше оказывается. Парадоксально, но факт — Берлин никогда не был дальше от политической жизни Европы, чем с момента восстановления его столичного статуса; такая судьба может стать главным его ресурсом. Он обречен вечно бороться за право быть включенным в европейскую городскую сеть; именно поэтому он всегда должен оставаться на острие, чтобы не стать еще дальше. Быть может, Берлину необходимо быть мегаполисом, чтобы выжить.

Мегаполис

13 апреля 1990 года немецкая газета Die Zeit провозгласила Берлин будущим «городом-магнитом и сверхновой политической, экономической и культурной звездой». Предполагалось, что население вырастет с 3,4 до 6 миллионов всего за несколько лет. Этому не суждено было сбыться, и сегодня в Берлине живет приблизительно столько же людей, сколько было на момент объединения. Тем не менее определенные перемены все же произошли. В какой-то момент Берлин превратился в мегаполис. Мы можем предположить, что это случилось в 1999 году, когда сюда из Бонна переехали парламент и правительство.

Однако на чем же основан статус мегаполиса в нашем случае? Совершенно точно не стал тому причиной экономический статус Берлина, ведь в бизнес-рейтинге он занимает лишь 47-е место из 50 крупных немецких городов INSM. Точно так же не стала тому причиной международная инфраструктурная сеть, ведь Берлин занимает лишь четвертое

место в Германии по значимости железнодорожных маршрутов и третье — по объему воздушных перевозок. И даже культурный статус не был одним из аргументов, так как Берлин занял всего лишь четвертое место среди немецких городов в рейтинге HWWI/Berenberg. Кажется, Берлин все еще не стал настоящим мегаполисом!

Очевидно, мы наблюдаем рождение мегаполиса, заявку на этот статус, и не будет преувеличением сказать, что Берлин до безумия хочет его заполучить.

Такое нетерпение привело к вечному процессу вместо результата, положению дел, которое иногда — причем незаметно — приводит к абсурдным состояниям. Заброшенный аэропорт Темпельхоф превратился в социально-политический ландшафт: народ желал видеть там райские сады, парки, горы и озера, а градостроители представляли себе небоскребы и берлинскую версию Манхэттена. В случае с аэропортом Берлин-Бранденбург такой подход привел к постоянному откладыванию завершения строительства, что чуть было не вылилось в национальный (если не сказать — международный) скандал.

Остров в политическом море

В эпоху, когда города в большинстве своем раздумывают о расширении границ, интересно наблюдать, как Берлин идет в обратном направлении. Разделение на восточную и западную часть аннулировало имевшийся у города возможный политический статус и одновременно привело к усилению культурного разнообразия. Чем дольше существовали две части, тем более явно оба Берлина становились периферийными поселениями в международном контексте. В то же время связь с собственной периферией свелась к нулю, особенно для Западного Берлина, который де-факто был закрытым городом. Западный Берлин был островом, с одной стороны упирившимся в стену, с другой — окруженным территориями Восточной Германии, связанный четырьмя шоссе, железной дорогой и тремя воздушными коридорами со своей «большой землей» (в политическом, культурном и экономическом смысле), Западной Германией.

В Восточном Берлине основную роль играла не стена сама по себе, а плановая экономика и жесткие градостроительные директивы ГДР, предотвращавшие разрастание города в пригороды. Стена, а также строгое городское планирование Восточного Берлина оказались сильными изоляторами. Объединение показало, что урбанистические формы обеих частей прекрасно сочетаются. Однако переход от Берлина к окружающим периферийным территориям был резким и неожиданным. Возможно, для восточных планировщиков это и было нормой, но для западных «это урбанистический пустой экран, будто погруженный в сон, не подкрепленный никакими политическими концепциями».

Заброшенный аэропорт Темпельхоф превратился в социально-политический ландшафт: народ желал видеть там райские сады, а градостроители представляли себе небоскребы и берлинскую версию Манхэттена

Настоящие масштабы этого приобретения лишь постепенно становятся понятны: столица с населением в три миллиона в одну ночь обретает новый центр, который необходимо либо заново строить, либо восстанавливать из исторических руин».

Независимо от идеологической принадлежности все исследователи сходились во мнении, что следствием иллюзорного капиталистического развития могла стать субурбанизация. Нужно было найти новые изоляторы, чтобы сохранить обособленность Берлина. Первоначально (1991 год) правительства Берлина и федеральной земли Бранденбург предложили идею слияния двух частей в одну федеральную территорию. В 1998 году Берлин и Бранденбург вместе составили «столичный регион Берлин-Бранденбург», чтобы принять общий генеральный план строительства (LEP), основанный на доктрине децентрализованной концентрации. Целью этого плана было предотвратить разрастание урбанистических структур и защитить природные ландшафты земли Бранденбург. Децентрализованная концентрация, основная концепция немецкого планирования, подразумевает скопление населения, рабочих мест и инфраструктуры в городах разного масштаба, довольно равномерно разбросанных по стране. Такая система, своего рода «неокристаллизм», не просто подвергает сомнению идею о едином центре, но еще и присоединяет к каждому из многочисленных городов его периферийные территории; децентрализуя на высшем уровне в условиях роста городов, эта система ведет к централизации на уровнях более низких.

Стратегия децентрализованной концентрации продолжает приносить плоды, хотя и не всегда ожидаемые. Помимо укрепления периферии Бранденбурга к берлинскому архипелагу были присоединены новые острова, которые получили соответствующие функции. Небольшие города, имеющие удобную связь с центром, такие как Ораниенбург, Эберсвальд и Потсдам (для более состоятельных людей) стали спутниками Берлина. Пространства между этими городами остались совершенно нетронутыми таким развитием. В реальности эти острова пустеют, что приводит к закрытию школ и разрушению инфраструктуры. Эти тенденции усиливают изолирующие свойства периферии. Пусть это прозвучит жестоко, но, вспоминая Рема Колхаса, можно сказать, что «насыщенная пустота» Бранденбурга оказывается изолятором настолько сильным, что градостроители о таком и мечтать не могли. Таким образом, не Берлин обособливается сам по себе, а его периферия отделяет его от «большой земли». Благодаря ей Берлин становится мегаполисом. Новый план развития 2007 года отменяет концепцию децентрализованной концентрации и заменяет

ее еще более слабым и бессмысленным лозунгом «Напрягая силы». Очевидно, что необходимо приложить административные усилия к созданию единой центральной сущности, но оказывается, что инструменты власти носят скорее теоретический характер, а сама власть слишком слаба, чтобы эффективно действовать. Тем не менее план 2007 года все же затрагивал актуальные проблемы: европейское планирование пространства, энергии и климата, аэропорт Берлин-Бранденбург и пространственный анализ. Отсутствие законодательного давления и бюрократические абстракции могли бы хорошо работать в условиях сильного правительственного планирования и достаточно слабого частного сектора. Но в реальности все наоборот: частный сектор имеет огромный вес, а государственные модели размыты и обобщены, поэтому быстро стали очевидны финансовые и законодательные дыры.

Остров удовольствий

Нет другого более известного берлинского бренда, чем Стена. Хотя она и не оставила Берлину ни малейшей возможности превратиться в европейскую столицу и стать частью немецкого экономического бума 1960-х, после своего падения она стала возвращать долги сторицей. Стена изменила не только город, но и его обитателей. Для восточного лагеря Западный Берлин был не чем иным, как идеальным объектом для провокаций. Первый секретарь компартии СССР Никита Хрущев говорил: «Берлин — это яйца Запада в нашей руке. Когда мне что-то нужно, я сжимаю Берлин». Сложно придумать более четкое определение для тогдашнего обособленного и периферийного положения города. В условиях холодной войны город был своего рода наблюдательной башней, форпостом Запада у границ Восточного блока.

Разделенный Берлин стал площадкой для идеологических игр. Запад начал свою «игру» строительством башни Axel Springer прямо у границы своей территории. Противостояние продолжилось строительством комплекса на Лейпцигер-штрассе, который должен был стать второй стеной, отделяющей восток от запада. Словно два полушария мозга, обе стороны работали друг на друга: все, что делал Запад, имело лишь одну цель — спровоцировать Восток, — и наоборот. В наследство об этих сорока годах психологических игр в центре Берлина остались уникальные архитектурные и урбанистические артефакты.

Парадоксально, но город делает все возможное, чтобы уничтожить эту уникальность. Единственные в своем роде памятники той эпохи стирают с лица земли, чтобы заменить их ничем не выдающимися копиями. Или же пустоты вроде Постдамер-платц заполняют современной архитектурой, превращая их в самые скучные места Берлина. Хотя Филипп Освальт говорил: «берлинский парадокс состоит в том, что именно отсутствие исторических в строгом смысле слова зданий и делает Берлин местом, наполненным историей». Может быть, неаккуратное обращение с городской сутью Берлина усиливает постоянную внутреннюю периферизацию города. Удивительно, что основная причина, по которой люди приезжают жить в этот трехмиллионный мегаполис, это его «деревенская» атмосфера.

Остров на острове — зеленый архипелаг

Назвать Берлин островом — значит сильно упрощать положение дел, на самом деле это архипелаг. В 1709 году столица Пруссии Берлин образовалась путем слияния городов Берлин, Кёльн, Фридрихсвердер, Доротеенштадт и Фридрихштадт. Таким образом, город с самого своего рождения сильно фрагментирован. Для берлинца столица состоит не из районов, а из единиц, называемых киц (Kiez). Оно имеет славянское происхождение и обозначало славянское поселение недалеко от германского города.

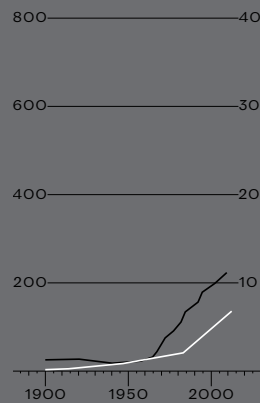
Устойчивость понятия киц показывает, насколько прочен берлинский полицентризм. Берлин — не просто периферия, эта периферийность — внутри Берлина. Этот город — архипелаг, где каждый киц — это город или даже дом, а периферия — это пространство от одного кица до другого. Похоже, берлинцы вывели магическую формулу расширения пространства путем расщепления города. Во времена обособленного существования Западного Берлина искусство расширять пространство превратилось в методику выживания. Как Манхэттен прибегнул к вертикальному строительству ради обретения новых площадей, Берлин расширял свои границы на горизонтали с помощью кицев. Главный спорный момент в обеих системах — это вопрос иерархии элементов. Районная структура Берлина и отсутствие четкого единого центра может мешать, если хочется встретиться с друзьями и родственниками, живущими в других кицах. Где пересечься в городе, у которого нет центра?

Когда дело доходит до городского планирования, у Берлина включается автопилот. Город пошел по пути «города в городе — Зеленого архипелага» неосознанно и невольно. С момента воссоединения Берлин развивается «параллельно реконструируясь и деконструируясь», что, по мнению Рема Колхаса, привело к ситуации, когда «архипелаг из архитектурных островов плавает на поверхности пост-архитектурного ландшафта опустошения, где то, что было городом, стало насыщенной пустотой». То внутреннее взаимодействие, которого город может достичь, не гомогенно и не может являться единой композицией. Оно может лишь стать системой фрагментов, многочисленных реальностей».

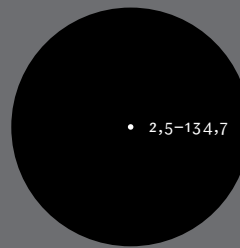
Пустота — это среда, в которой берлинский архипелаг процветает, и пустота — то, что окружает его. Берлин — это антипод идеального города. Берлин — это что угодно, только не идеал, и одновременно — все, что есть на самом деле. Если бы существовала концепция реального города, то Берлин и его концепция были бы ее воплощением. Парадоксальным образом, и абсолютно идеальный город, и абсолютно реальный — это острова, Берлинопериферия. Это два одиноких города, эксцентричных и исключительных, лежащих на противоположных концах гауссовой кривой.

Стамбул

10.00 МЛН ЧЕЛОВЕК. 134000 ГА



53,9 PAR





- Административная граница
- Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Пределы роста

Онур Экмекчи

В последние несколько десятилетий Стамбул превратился в одну из крупнейших мировых агломераций. На протяжении всей своей истории, а это 2 600 лет, город служил «точкой сборки» — местом, куда стекались люди в поисках новых возможностей и новой жизни. Это приводило к росту площади и населения Стамбула, что стало особенно заметно в 1950-х годах, когда урбанизация в Турции достигла прежде невиданной интенсивности. Резкая эволюция Турции, переход от преимущественно аграрного общества к индустриальному, пожалуй, наиболее ярко проявился именно в крупнейшем городе страны: с одного млн человек в 1950 году население к 2012 году выросло до 13 млн. Площадь за этот период утроилась — с 1 800 до 5 300 км², так что город стал третьей по площади агломерацией Европы после Лондона и Москвы. По прогнозам ООН, к 2025 году население Стамбула будет равно уже 18 млн человек. Однако, учитывая постоянную миграцию в город из остальных регионов Турции и отсутствие целенаправленной политики по сдерживанию роста, эта цифра, скорее всего, будет выше — к 2023 году здесь будет уже 21 млн человек. К 2050 же году в Стамбуле будут жить уже 49 млн человек, то есть половина населения всей Турции.

Нет сомнений, что это сильно скажется на отношениях между городом и страной — и скажется негативно. Ползучая экспансия Стамбула в пригороды — проблема не только для города, но и для страны: ВВП беднейших регионов впятеро меньше, чем богатейших; неудивительно, что Стамбул сейчас продолжает привлекать тысячи и тысячи мигрантов. Результат этого дисбаланса, как пишет Деян Суджич в своей работе (вкратце обычно называемой «Город, слишком большой, чтобы пасть»), таков: внутренняя миграция в Турцию способствовала «скорее обострению неравенства в Стамбуле, чем его смягчению, несмотря даже на то, что в последние десятилетия города процветал». Это процветание особенно хорошо заметно в отдельных районах, таких, например, как Левент и Этилер: там можно найти офисные небоскребы, все сильнее меняющие панораму города; гигантские торговые центры и вокруг них дорогие рестораны, ясно говорящие об экономическом росте и города, и страны в целом. Что касается многочисленных торговых центров, то возникает чувство, что — как это описано

у Фредрика Джеймисона — «они хотят быть не частью города, но скорее его эквивалентом, заменителем, суррогатом». Распад городской ткани не ограничивается торговыми центрами и другими побочными пространственными эффектами неолиберальной политики. Другая сторона медали состоит в том, что городская периферия представляет собой «поселки внутри городских границ, в которых курдские мигранты из сельских районов Анатолии пасут отары овец под окнами блочных многоэтажек».

Начиная с 1980-х годов неолиберальная политика, к которой добавились еще и эффекты глобализации, имела огромное влияние на социоэкономическое положение Турции, которое, в свою очередь, напрямую повлияло на пространственные очертания крупнейшего города страны. В рамках этой неолиберальной политики Стамбул усилил свою роль финансового центра, переходя от модели индустриального города в сторону модели, основанной на экономике услуг. Результатом стало уменьшение числа рабочих и распределение промышленных предприятий по предместьям. Между тем, кварталы, называемые *gesekondu* (они же фавелы), где живут работники этих предприятий, продолжают существовать и в центральной зоне. В центре стоимость земли астрономически выросла из-за спроса со стороны частных застройщиков на участки под офисные небоскребы, торговые и многофункциональные комплексы. Теперь многим из обитателей этих фавел вокруг центра грозит перспектива оказаться без крова: стать жертвой насильственного переселения городской бедноты из центральных районов на периферию, где расположены жилые новостройки. Чтобы оправдать эти преобразования, было издано специальное постановление правительства, подписанное Реджепом Эрдоганом, в котором неформальные поселения были названы «раковыми опухолями на теле города» и провозглашалась необходимость их «зачистки».

При этом многоэтажные кварталы муниципального жилья, названные ТОКІ (аббревиатура от «Управление жилищной застройки Турции»), как правило, расположены в изолированных местах, вдали от нормального общественного транспорта и центральных районов, в которых имеются рабочие места; в этих кварталах слишком плохо развита социальная инфраструктура, а живут там по большей части мигранты-курды. «Депрессивное окружение и отвратительное качество этой застройки» — свидетельством тому служат солидные трещины в стенах новостроек и плохо спланированные, нефункционирующие общественные здания. Санузлы в таких домах хронически протекают на нижние этажи, лифты не работают, обои отклеиваются, кухонные сливы вечно засоряются (это почти неразрешимая проблема, так как здесь живут бедняки, которым нечем заплатить за ремонт, не говоря уже о коммунальных платежах). Квартиры часто слишком малы для больших семей,

и люди спят на полу даже в кухне. Ирония заключается в том, что планировка этих кварталов напоминает модернистскую схему «башни в парке», которая применялась в развитых странах в XX столетии и была уже достаточно давно признана нежизнеспособной. Для города, претендующего на звание «глобальный», такая практика как минимум труднообъяснима — непонятно, почему в наши дни в разных концах города строятся эти заведомо устаревшие и сулящие в будущем множество проблем кварталы.

Проживание в центре стало не по карману для семей с доходом ниже среднего, но ядро города перестало быть привлекательным и для богатых — в силу «низкого качества жизни», обусловленного нехваткой открытых пространств, зелени, наличием пробок и высоким уровнем преступности. Богатые перебираются в так называемые «закрытые кварталы» в северной части города — там больше зелени и водоемов. Проблема этих районов (не говоря даже о высокой классовой однородности и закрытости) в том, что они по большей части не интегрированы в общий план развития агломерации. Таким образом периферия Стамбула сейчас принадлежит и очень богатым, и очень бедным. Эта дихотомия порождает глубокую неопределенность; даже местные жители подчас не могут понять, где проходит городская граница, где начинается и заканчивается этот город.

В этом контексте составные части периферии и ее восприятие очень разнятся в зависимости от точки зрения — особенно если речь идет о тех, кто поневоле обитает в муниципальном жилье. В силу экономических проблем и вытекающей из них маломобильности Стамбул, доступный этим людям, весьма невелик: фактически они видят лишь несколько десятков одинаковых жилых многоэтажек, в которых все одинаково бедно и одинаково оторваны от мира. В таких обстоятельствах диссонанс между центром и периферией города нарастает; многие опасаются, что он потенциально способен породить тяжелые экономические и социальные конфликты, а в долгосрочной перспективе такие кварталы превращаются в гетто. Как полагает Ив Кабанны, заведующий кафедрой градостроительного планирования в Университете Лос-Анджелеса, возглавляющий группу экспертов ООН по насильственному выселению, в течение 20 или даже менее лет районы социального жилья в Стамбуле станут источником «серьезных проблем и будут снесены». Уже сейчас видны первые симптомы этих социальных проблем: в этих районах многие жители не в состоянии выплачивать ипотеку. В некоторых кварталах школьники бросают учебу и нанимаются на работу — например, на обувные фабрики, — чтобы помогать содержать семью. Верхушка айсберга — этнические противоречия (тюркско-курдские взаимоотношения), разрыв социальных связей и соседских отношений, которые играли главную роль в жизни фавел. Все это делает положение крайне серьезным.

Периферия принадлежит и очень богатым, и очень бедным — так что даже местные жители не могут понять, где начинается и где заканчивается этот город

Таким образом, уже сейчас видно, как городская периферия преобразуется в крайне проблематичные анклав. Вместо того чтобы предлагать стратегии, которые сократили бы расширяющуюся пропасть между центром и периферией, городские власти и застройщики планируют и реализуют новые безумные проекты; в долгосрочной перспективе это ведет к катастрофе. Один из таких спорных проектов — мост через Босфор. Торжественная церемония закладки первого камня в фундамент третьего в Стамбуле моста через Босфор, названного в честь противоречивой фигуры султана Селима I (Грозного), состоялась 29 мая 2013 года. Проект нового моста, постройка которого обойдется в более чем \$4 млрд (девятый по длине висячий мост в мире), уже вызвал недоумение общественности, когда планы были обнародованы несколько лет назад (а разговоры о проекте шли с 1980-х). Помимо разделяемого многими мнения, что этот мост окажет минимальное влияние на транспортные проблемы города, нарекания вызывает и само его расположение: эксперты опасаются, что из-за моста город еще больше вытянется по оси север-юг за счет растущих окраин. Новый мост возводится на северном конце Босфора, где ради него уничтожаются драгоценные леса и водоемы. Большинство турецких урбанистов и экологов уверены, что появится еще больше фавел вдоль дорог, ведущих к мосту, — как это произошло ранее с окрестностями моста, построенного во второй половине 1980-х. Кроме того, крупное строительство в северной, еще не урбанизированной, зеленой части Стамбула может, как многие опасаются, нанести необратимый экологический ущерб системе водоснабжения города.

С другой стороны, трудно переоценить политическое значение таких проектов, как Третий Босфорский мост. Исторически идея объединения двух частей Стамбула — европейской и азиатской — никогда не была лишь транспортным проектом. Это всегда была глубокомысленная геополитическая метафора. В британской *The Daily Telegraph* когда-то было написано: «Стоя одной ногой на одном континенте и второй — на другом, этот город всегда был шлюзом, через который веяния Востока достигали Европы, а идеи и методы Запада — Азии и исламского мира». Восточные по духу настолько, насколько можно предполагать по их названиям, муниципалитеты Стамбула и правительство страны всегда искусно играли на исключительном географическом положении этого города. Но за метафорой, обыгрывающей соединение мостом двух континентов, могут скрываться и более простые вещи — Третий мост, в сущности, символизирует неудовлетворенную тягу центрального правительства к расширению урбанизированной зоны мегаполиса, что даст еще больше участков, пригодных для застройки. Независимо от социальных, политических и экологических последствий.

Чтобы остановить разрастание хаоса, следует исследовать проблемы города в масштабе страны и столичного региона, причем не только в границах собственно стамбульской агломерации. Хусейн Каптан, известный турецкий урбанист, формулирует проблему так: «Планировка Стамбула никогда не делалась только внутри городских границ. Сегодня этот мегаполис в одиночку обеспечивает половину экономики и экспорта Турции. Если принять во внимание районы Гебзе, Текирдаг и Измит, очевидна огромная плотность промышленности, фактически здесь сосредоточены 50% всей индустрии Турции. Под стать этому и транспортная система. Географически агломерация Стамбула, Измит, Мраморное море и Трейс составляют единое целое. Не зная и не понимая эту синергию, невозможно определить, что такое Стамбул, невозможно заниматься его планированием. Стамбул потребляет всю имеющуюся в регионе пресную воду. Таким образом, невозможно определить агломерацию, не выходя за ее границы». По словам Каптана, критически важно оценивать любой крупный инфраструктурный проект или решение, касающиеся Стамбула (таков Третий мост), не только с точки зрения воздействия на территорию внутри границ агломерации, но и с учетом его влияния на более широкую территорию. Следует задать вопросы, необходимые для обнаружения обратной связи между городом и окружающими его регионами: «может ли этот проект оказать негативное влияние на окружающий регион?» или «поможет ли этот проект увеличить стабильность развития Стамбула в долгосрочной перспективе?» Разумеется, важно также инвестировать в другие города Турции. Пока «доля пирога» Стамбула в экономике Турции остается такой большой, практически невозможно продолжать расширение города.

Кроме того, нужно уделить больше внимания созданию субцентров внутри города, чтобы снизить степень его моноцентричности. И здесь важно не повторять ревизионистские стратегии обновления города за счет бедных районов центральной зоны, жителей которых принудительно выселяют в районы с социальным жильем на периферии. Проекты, в которых задействованы ценные, престижные земли, следует разрабатывать в контакте с людьми, живущими на этих землях, не сгоняя их с земли, а предлагая достойные альтернативы и решения. Если не произойдет радикальной смены градостроительной политики, которая сейчас ведет к маргинализации городской бедноты, то, несомненно, отношения между центром и периферией в Стамбуле все больше и больше будут способствовать разделению жителей на «своих и чужих» по географическому признаку. Проекты же, подобные Третьему мосту, лишь усугубляют проблему.

Наконец, возможно, самое большое беспокойство по поводу ситуации в Стамбуле вызывает бездумное управление городом на протяжении последнего десятилетия. Авторитарные решения в парадигме «начальству лучше знать» стали нормой в градостроительной сфере и вызывают растущее раздражение. «Все большую критику вызывает риторика правительства и лично премьера страны, использующих мегапроекты в пиар-целях, конвертирующих инженерию в политический капитал ради подавления оппозиции, — говорит историк архитектуры Сибель Боздоган. — Для них дороги, тоннели и мосты — это несомненные элементы прогресса. Любая критика или озабоченность — с точки зрения ли исторического наследия, экологии, социальной справедливости либо

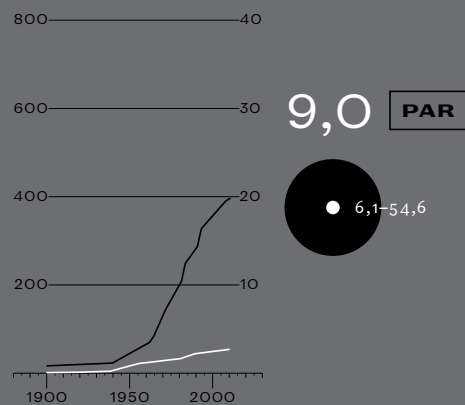
Необходимо повысить степень участия горожан в принятии решений, иначе город могут уже в ближайшем будущем ждать беспорядки и необратимый хаос

даже безопасности — отмечается как враждебная». В таком дистопическом контексте взгляды представителей различных лагерей — в том числе архитекторов, градостроителей, экологов, НКО и просто горожан — не принимаются во внимание, когда речь идет о таких весьма спорных проектах, как Третий мост, Канал Стамбула или так называемый проект превращения площади Таксим в пешеходную зону.

Кстати, о площади Таксим: массовые протесты июня 2013 года против уничтожения Гези-парка, небольшого и редкого для центра города зеленого уголка, показали страх и недовольство общества, накопленные за многие годы, и то, как люди относятся к спорным проектам. Стало очевидно: жизненно необходимо немедленно повысить уровень прозрачности власти и степень участия горожан в принятии градостроительных решений, иначе город могут уже в ближайшем будущем ждать беспорядки и необратимый хаос.

Мумбаи

19.00 ЧЕЛОВЕК. 54600 ГА





61 км²

- Административная граница
- - Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Танцующие периферии: город всмятку

Матиас Сендоа Эчанове
и Рауль Шривастава

За пределами центра и периферии

Индию когда-то называли плодородной почвой, из которой появляются на свет новые и новые цивилизации. Мумбаи сейчас можно описать как город, где такое же множество вещей сходится самым неожиданным образом, порождая новые и новые «глобально-локальные» диалекты — они приходят из отдаленных селений, но при этом подключены и к глобальному миру.

Урбанисты и архитекторы всегда любили выдумывать концептуальные архетипы. Они любят свести сложные, беспорядочные реальности в одну картинку. Например, Седрик Прайс описывал средневековый город как крутое яйцо с четкой внутренней иерархией и твердой оболочкой, отделяющей внутреннее от внешнего. Продолжая эту аналогию, современный город — это глазунья, где четко определено ядро, а периферия беспорядочно растеклась по плоскости.

Что касается города эпохи постмодерна, то это, пожалуй, яйцо всмятку — в котором нет четких границ и все переплетено. Ядро города, как желток, просачивается в каждую щель желтоватой стружкой. Дихотомия ядра и периферии размывается, потому что всеобщая мобильность и информационные технологии соединяют всех и вся, при этом уравнивая всех со всеми. Прайсовский «город всмятку» отсылает к замечанию Жоржа Батая о феномене *informe* (иногда не вполне верно переводимом как «бесформенность» или даже, что еще хуже, «неформальность»). Понятие «*informe*» противостоит стремлению академической науки классифицировать и именовать все, что наблюдается. Итак, прайсовский город постмодерна не напоминает ничего. Это *informe*, подобное «пауку или капле», если использовать батаевские примеры этого термина. В качестве рабочей модели примем городскую форму Мумбаи как яйцо всмятку. Или, простите грубоватую аналогию, как плевков.

Сила аналогии с пауком и его сетью выросла с появлением глобальной Сети. Одна из наиболее привлекательных черт Сети — это отсутствие центрального контроля. Государства могут, как мы теперь знаем, вторгаться в базы данных и даже пытаются цензурировать часть непрерывно поступающей в Сеть информации. Но они не могут предвидеть и контролировать развитие интернета, не могут даже полностью закрыть его. У Сети нет периферии. Из Сети можно изъять пользователя,

но внутри интернета нет субординации, зависимости от ядра. Структурно Сеть и представляет собой бесконечное число соединенных ядер или узлов. Иерархические различия между узлами (нодами) образуются исключительно из-за разницы в числе соединений, которые есть у конкретного узла с другими. Контент в Сети также порождается пользователями, как и кварталы Мумбаи. Они постоянно видоизменяются под воздействием двух сил: абсурдного, сюрреалистичного рынка недвижимости, ответственного за «рост в высоту», и миллионов обитателей трущоб, которые день за днем, как могут, ремонтируют и украшают свои домишки. Но, возможно, куда более прозаическая аналогия с плевком для Мумбаи более точна. На взгляд многих, этот город отвратителен и непонятен. Антисанитарный, с транспортными артериями, пораженными «склерозом» пробок, переполненный людьми и домами, насквозь коррумпированный и прогнивший, нищий и богатый одновременно, очень жаркий и влажный на протяжении большей части года, а в другое время — залитый дождем и грязью. Наша любовь к этому городу — любовь, несомненно, извращенная. Мы любим его постоянный хаос, который неизменно стимулирует наше воображение. И для нас потому вопрос «Как работает этот город?» значит, скорее, «Что этот город разрешает нам делать?»

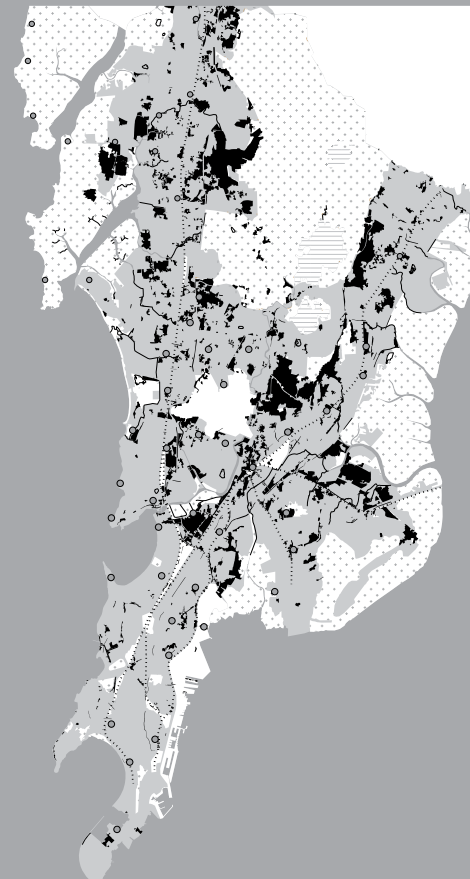
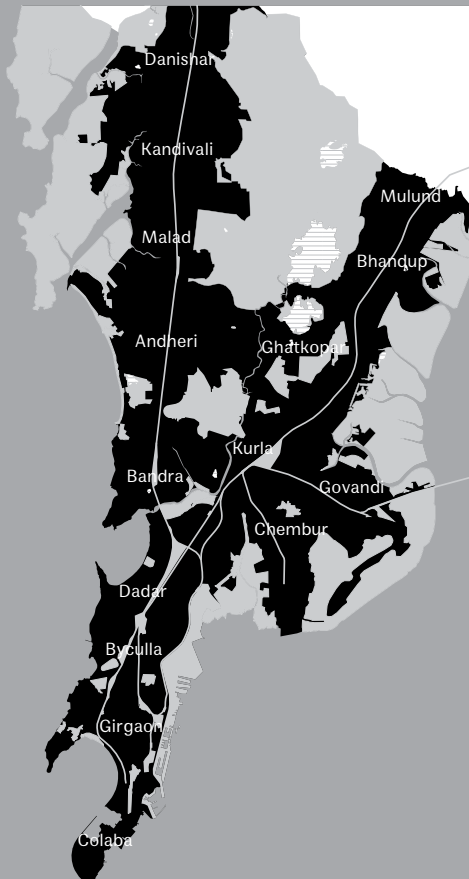
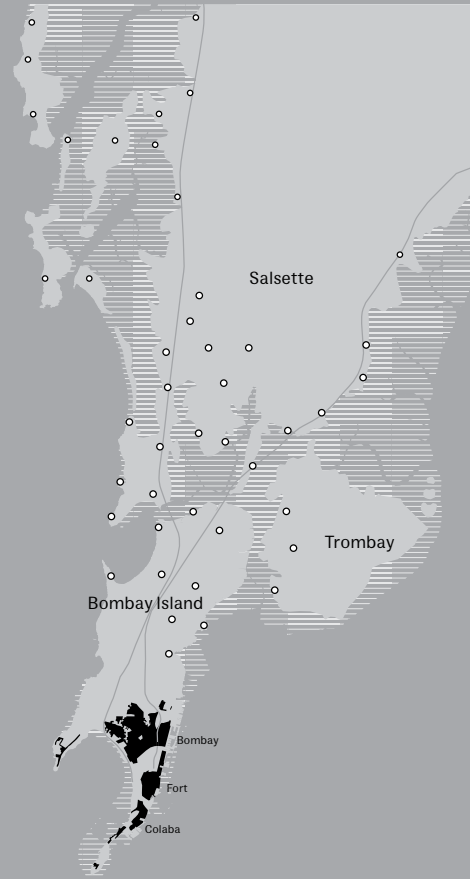
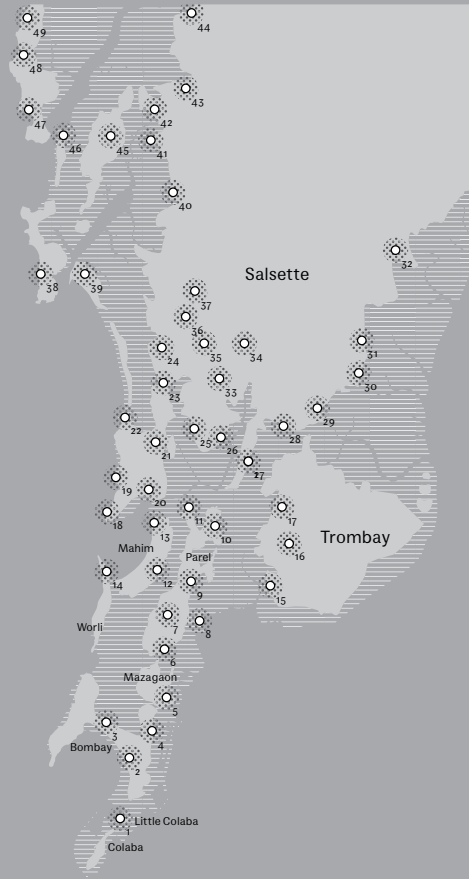
Притягательность Мумбаи — не в его блистательном колониальном прошлом, не в его сияющем, пузырящемся спекулятивном настоящем. Попытки ограничить его рост (поощряя стратегии развития Индии, разработанные еще Ганди), решить проблему тесноты его кварталов и улиц (путем создания города-близнеца Нью-Мумбаи) или превратить его в мировой мегаполис (стерев с лица земли трущобы и заменив их небоскребами) потерпели сокрушительную неудачу. Мумбаи сопротивляется любому осознанному планированию как мало какой другой город. Стратегический генплан города известен обилием просчетов и ошибок. Он описывается как «известный своей невоплощенностью» и как «предлагающий оправдания для отказа жителям трущоб в элементарных городских сервисах». Тот факт, что более 60% жителей Мумбаи обитают в трущобных районах, в которых слабы государственные услуги и почти отсутствует инфраструктура, лишь подчеркивает неспособность и нежелание властей планировать или хотя бы контролировать рост города.

На макроуровне Мумбаи — это 20-миллионная агломерация, где центр и периферия смешаны до загадочной неразличимости. Исторический колониальный центр, построенный под влиянием англичан в XVIII столетии на самом южном из островов устья Мумбаи (задолго до того, как множество островов, составляющих сегодняшний город, были соединены и Бомбей стал называться

Стратегический генплан Мумбаи известен своей невоплощенностью и как предлагающий оправдания для отказа жителям трущоб в элементарных городских сервисах

Мумбаи), — это сейчас Старый город. При том, что в историческом центре находится большинство общественных учреждений и некоторые важные базары, деловая жизнь — то есть предприятия и бизнес-центры — перебрались в бывшие пригороды, которые превратились в центр агломерации. И здесь не столько сдвинут центр города, сколько произошел взрывообразный рост по всем направлениям. На микроуровне по всему городу мы найдем связующие людей и районы нити взаимозависимостей. Наиболее архетипичные взаимоотношения — это небоскреб бизнес-класса, и рядом с ним трущобный райончик, где живут те, кто обслуживает небоскреб. Эти отношения, чаще всего восходящие к средневековым связкам «замок — слобода» — напоминают нам, как отмечает Умберто Эко, что Средневековье, в целом, не заканчивалось. Собор и базар, замок и деревня, хозяин и слуги — это те оппозиции, которые не перестают вспоминаться нам, когда мы смотрим на современный Мумбаи.

1. Colaba
2. Cavel
3. Girgaon
4. Mandivi
5. Mazagaon
6. Tank Bundar
7. Parel
8. Sewri
9. Wadala
10. Sion
11. Dharavi
12. Dadar
13. Mahim
14. Worli
15. Mani
16. Marouli
17. Chembur
18. Colwad
19. Chimbai
20. Bandra
21. Santa Cruz
22. Juhu
23. Ville Parle
24. Irla
25. Vakola
26. Kalina
27. Kurla
28. Kiroli
29. Ghatkopar
30. Wankola
31. Wikhroli
32. Bhandup
33. Sahar
34. Marol
35. Chakal
36. Gundowli
37. Amboli
38. Aldea Mar
39. Versova
40. Goregaon
41. Orlem
42. Kandivali
43. Poinsur
44. Mount Poinsur
45. Malvani
46. Marve
47. Manori
48. Culvim
49. Gorai



Legend:

- informal settlements
- kolivadas
- ▨ wild nature

Сингапур

5.31 МЛН ЧЕЛОВЕК. 50200 ГА



800 ————— 40

600 ————— 30

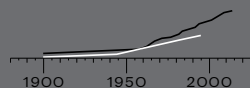
3,8 PAR

400 ————— 20



200 ————— 10

1900 1950 2000





- Административная граница
- - Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Меньше слов, больше дела

Онур Экмекчи

«После Второй мировой этому городу пришлось начинать фактически с нуля. За 60 с небольшим лет ему удалось поднять уровень жизни на невероятную высоту, разместив неуклонно растущее население», — утверждает Ян Гейл.

Как все устроено

Объективно рассказать, как все устроено в Сингапуре, — задача не из простых. Начать с того, что это редчайшее в современном мире явление — город-государство, почти как Монако или Ватикан. Почти — потому что здесь есть собственное независимое правительство, зато полностью отсутствует какая бы то ни было провинция: в Сингапуре нет ничего, кроме собственно города.

На этом небольшом куске суши, занимающем каких-то 700 квадратных километров, живет около 5 миллионов человек. Это уникальный пример городской среды, чья повышенная плотность обусловлена целым рядом политических, социальных, исторических и пространственных обстоятельств. Все, что с ним происходит, любят преподносить как невероятное достижение. К примеру, журнал *The Economist* поместил Сингапур на четвертое место в списке самых пригодных для жизни городов Азии, а в общемировом рейтинге лучших городов для жизни журнала *Monocle* ему отведена 15-я позиция.

До запуска программ государственного жилищного строительства, оказавшихся невероятно эффективными и позволивших за относительно короткое время расселить огромное количество людей, условия, в которых существовали неимущие жители Сингапура, описывались красочно: «Дряхлые трущобы, чудовищная теснота, жуткие барачные поселки, деревянные лавки с матрасами в крохотных съемных комнатках». Но сегодня даже беглого взгляда достаточно, чтобы оценить, насколько далеко страна продвинулась в деле обеспечения своих граждан жильем.

Превратить недостатки в достоинства

Одним из ключевых факторов, позволивших Сингапuru войти в число богатейших городов мира и стать глобальным финансовым центром, считается упор, сделанный на последовательное формирование и планирование городской среды. Всякое развитие подчиняется здесь прописанному до мельчайших деталей генплану, который гарантирует: «Все, что только можно или даже нельзя вообразить, будет срежиссировано, распланировано и спроектировано». К тому же, поскольку речь

идет о городе-государстве, способы структурирования городской среды оказываются теснейшим образом переплетены с национальными амбициями: здесь убеждены, что если город сделать удобнее и приятнее для жизни, это непременно притянет иностранные инвестиции и благотворно скажется на экономике. Чем благоприятнее будут условия, тем больше иностранных денег и зарубежных специалистов удастся завлечь. По крайней мере, в Сингапуре в это верят.

Можно было бы ожидать, что здесь в полную меру проявятся все отрицательные свойства, которые принято ассоциировать с островами: замкнутость, удаленность, ограниченность пространства, изолированность, зависимость от внешних факторов. Многие из этого, действительно, в той или иной мере ощущаются, но Сингапuru удалось достаточно эффективно обернуть свои недостатки в достоинства. Земли действительно не хватает, никакой отдаленной провинции тут не может быть в принципе, и государство изначально видело в развитии урбанистики одну из своих первоочередных задач. В русле этого подхода был разработан Концептуальный план (стратегический план освоения территории и развития транспорта на ближайшие 50 лет), а также Генплан (имеющий законодательную силу документ, где описаны планы землепользования и проектируемая плотность застройки на ближайшие 10–15 лет). Оба документа определяют стратегические направления: из них ясно, где, когда и что должно трансформироваться и перестраиваться.

Новый облик и расширение территорий

Одна из стоящих перед Сингапуром задач — найти технологичные способы искусственного расширения территории острова. Это стремление проявляется, в частности, в программах по осушению земель. Намывные территории изначально понадобились, чтобы строить там государственное жилье и заодно обеспечивать растущее население условиями для отдыха, а развивающиеся коммерческие и промышленные мероприятия — местом для работы. Все это требовало инфраструктуры: скоростных магистралей, разветвленных линий метрополитена, работающего порта. Насыпные и намывные территории появились в прибрежных районах и на месте осушенных болот; аналогичным способом удалось соединить несколько небольших островков. Сегодня искусственные земли, отвоеванные у моря, составляют примерно одну пятую часть всей сухопутной территории острова.

Однако пространства для экспансии в сторону моря уже не осталось, тем более что Малайзия, Индонезия и другие соседние государства не слишком довольны действиями Сингапура. И все же правительству придется что-то придумывать, чтобы справиться с траекторией перемещения 6,9-миллионного населения в ближайшие два десятилетия — и оно предлагает освободить пространство для жилых домов

и промышленных комплексов за счет закрытия площадок для гольфа и военных полигонов, а также использования части природоохраненных зон. Таким образом планируется освободить под застройку около 5 200 гектаров земли.

Один из крупнейших проектов по намыванию земель реализован в Центральном районе (он же — Центральный деловой округ), средоточии всей финансовой и торговой деятельности на острове. Район Марина-Бэй возник в южной оконечности острова, на территориях, планомерно осушавшихся, начиная с 1970-х годов. Сейчас это самая динамичная часть города, к тому же расположенная в непосредственной близости от центра. Многие объекты — парк «Сады у залива», гостинично-развлекательный комплекс Marina Bay Sands — уже завершены; остальные пока находятся в стадии разработки.

Авторы проекта неустанно подчеркивают, что здесь будет обеспечено все необходимое для жизни, работы и развлечений. Общая панорама описывается так: «На набережную выходят жилые дома, окруженные пышной растительностью. Местные жители и гости Сингапура наслаждаются парками и идущим вдоль моря променадом, участвуют в культурных и торжественных событиях, происходящих на заливе. Спроектированные по последнему слову техники офисные пространства и транспортная инфраструктура обеспечивают компаниям и отдельным специалистам возможность органичного развития и обмена деловыми идеями. Квартал охвачен кольцом аттракционов, где жизненная энергия пульсирует сутками напролет как в рабочие, так и во вне рабочие часы».

Новый облик сингапурского центра определяет не только Марина-Бэй, но и другие масштабные проекты. В августе 2013 года, обращаясь к нации по случаю Дня независимости, премьер-министр Ли Сянь Лун объявил, что под жилую и деловую застройку после 2030 года будут отданы две огромных территории — контейнерные терминалы в Танджонг Пагаре и авиабаза Пайя Лебар. Контейнерные терминалы планируется полностью перевести в Туас в связи с истечением срока аренды на нынешнем месте. Это случится не раньше 2030 года, но девелоперы проявляют пристальный интерес к происходящему уже сейчас — ведь речь идет об исключительно выгодно расположенном участке: 1 000 га незастроенной земли на южном краю острова, которые могут превратиться в новый приморский город с жилыми домами, общественными пространствами и офисными башнями.

Эффектность и проблемы

Широко разрекламированные девелоперские проекты в окрестностях залива можно воспринимать и как доказательство намерений правительства Сингапура не просто заботиться о повышении туристической привлекательности острова и укреплении его репутации, но и решимости обеспечить пространство для долгосрочного развития и расширения городского центра. С другой стороны, знаковые общенациональные проекты вроде застройки Марина-Бэй призваны скорее создавать и поддерживать имидж, чем добиваться результатов, имеющих практическое значение для города в целом, и здесь налицо очевидная



Район Марина-Бэй и центрального делового квартала



Сингапурский порт к 2030 году освободит место для нового строительства



Тьенг-Бахру — популярный район с современной застройкой и домами 1970-х годов



Один из самых важных элементов городской ткани — кварталы муниципального жилья



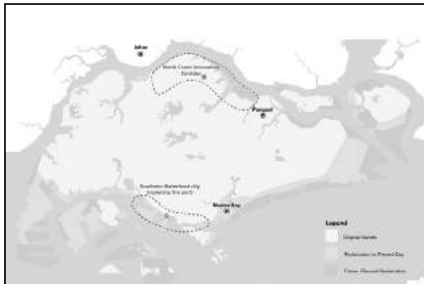
Пангол — один из недавно законченных районов на северо-востоке острова

проблема. Ночное небо разрезают лазерные лучи, которые пущены с крыши курортного комплекса, спроектированного Моше Сафди и считающегося самым дорогим отдельно стоящим казино в мире (оно обошлось в 8 миллиардов долларов, считая стоимость участка), — это зрелище, безусловно, эффектное. Из описания концепции следует, что в завершенном виде проект будет представлять собой сказочный мир, безусловно яркий, ошеломляющий и запоминающийся, но вряд ли рассчитанный на участие в общей жизни города. Подобного рода затеи заставляют взглянуть на отношения между центром и периферией под новым, неожиданным и парадоксальным углом. Растущий интерес к проектам в центральной части острова, рассчитанным на создание национального имиджа и прирост капитала (как это было в случае с Марина-Бэй) доказывает, что между окраинными и центральными районами постепенно возникает пропасть.

Начиная с 1990-х годов при любом проектировании в Сингапуре учитываются принципы децентрализации; постепенно удалось внедрить иерархию общерегиональных, субрегиональных и локальных торговых центров. Все это делается, чтобы устранить пробки и хоть отчасти разгрузить центральный округ. Но подобная переориентация означала также, что государственные дома, за которые отвечает жилищно-строительный департамент, начали возводиться преимущественно на периферии, в отдаленных концах острова. Это закономерное продолжение тенденции, наметившейся еще в 1970-е годы, когда необходимость строить более просторные квартиры, способные вместить растущее население, привела к выводу жилых микрорайонов за городские пределы: тогда казалось, что более логичного и разумного принципа проектирования следующих жилых массивов быть не может.

Именно поэтому новый экогородок Пангол — демонстрация последних достижений государственного жилищного проектирования — расположился на периферии. Сама по себе северо-восточная окраина Сингапура отличается повышенной плотностью населения: здесь сосредоточено 50 тысяч человек (к моменту завершения проекта это число должно возрасти до 100 тысяч). Однако на территории экогородка плотность населения не превышает 30 тысяч человек на квадратный километр, а его застройка состоит из нескольких однотипных башен высотой в 16 этажей. Здания стоят на открытых опорах: пустое пространство под ними может использоваться для многолюдных собраний. В некоторых зданиях цокольный этаж отведен под районные дома культуры, социальные центры или детские сады, хотя порой там располагаются и жилые помещения. Во внутренних дворах устроены незаметные снаружи многоэтажные парковки, а на крышах у них разбиты сады. Пространство между домами превращено в зеленую зону отдыха для местных жителей: там имеются детские и спортивные площадки и разного рода павильоны. В микрорайоне предусмотрено несколько школ, а коммерческая застройка сведена к минимуму: несколько магазинов с фудкортами рядом со станциями метро и пара малогабаритных торговых центров. Относительно удачный и интересный проект Пангола особенно примечателен на общемировом фоне, поскольку слова «государственное жилье», как правило, повсеместно вызывают резко негативные ассоциации. Такие дома зачастую оказываются некрасивыми, скучными; жить в них неприятно. Но в Панголе и ему подобных новостройках уровень

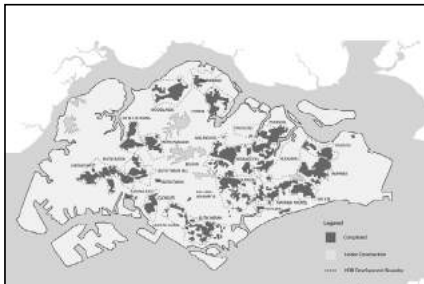
В Сингапуре слово «окраина» не имеет резко отрицательной окраски, но и там многие жители пригородов порой ощущают себя отрезанными от остального общества



Планы развития новых центров



Планы расширения островного государства



Строительство жилья в Сингапуре

жизни высок, и не только благодаря тому, что дома (и составляющие их квартиры) гораздо лучше продуманы, но еще и потому, что между ними достаточно много свободного, благоустроенного пространства, а вдобавок налажены бытовые услуги и транспортная инфраструктура, связывающая спальный район с центром города. В Сингапуре слово «окраина» не имеет резко отрицательной окраски, но и там многие жители пригородов порой ощущают себя отрезанными от остального общества. Новые кварталы, возводимые в пригородах, намеренно проектируются как самодостаточные, пусть и связанные с прочими частями агломерации, — и действительно такими становятся. Однако основная причина феноменального успеха государственных жилищных программ заключается в том, что на первых порах подобные проекты, как правило, строились в центре или почти в центре и оказались тесно интегрированы в городскую структуру — доказательством тому служат Квинстаун, Туа Пайо или жилые массивы вокруг Тьенг-Бахру. Иными словами, благодаря государственным жилищным программам люди с очень разным уровнем доходов до недавнего времени могли жить в самом городе или в непосредственной близости от него. Хотя, безусловно, новые микрорайоны не сразу оказались полностью интегрированы в окружающую жизнь, и наверняка у градостроительных экспериментов вроде Пангола это тоже займет некоторое время — пусть и небольшое, учитывая скорость, с которой меняется сингапурская городская среда.

Планы на будущее

В ближайшие годы Сингапuru предстоит дать ответ на ключевой вопрос: возможно ли будет и дальше изыскивать для доступного государственного жилья участки в центре города. Ведь тут очень важно соблюсти тонкий баланс, чтобы периферийные зоны не превратились в гетто, а центральный округ — в чрезмерно джентрифицированный, недосягаемый для большей части населения район. Пока, по крайней мере, попытки включить социальное жилье в планы застройки центральных районов по-прежнему делаются. Проект недорогого жилого комплекса The Pinnacle@Duxton показывает, «каким образом государственное жилье можно вписывать в плотно застроенные участки, оптимизируя использование дорогостоящей земли» в центральном округе. Комплекс состоит из семи 50-этажных башен, соединенных парой навесных мостов, откуда открывается панорама острова. История их небанальна: комплекс появился в результате международного конкурса на строительство социального жилья, в котором участвовало 227 фирм со всего мира. Благодаря продуманному дизайну территорий общего пользования и декорированному фасаду здание кажется скорее

кондоминиумом, чем муниципальной новостройкой: в глаза бросается контраст с тем, какое ничтожное значение придается качеству проектов социального жилья в остальном мире. Но самое важное в этих башнях, несомненно, — место, где они стоят: дорогостоящий участок в самом центре. Для того чтобы относительная социально-пространственная гармония, достигнутая за последние десятилетия, не нарушилась, категорически необходимо перекидывать мостики между центром и периферией с помощью таких проектов, как Pinnacle@Duxton.

В то же время полемика, связанная с расширением окраин Сингапура за пределы острова, имеет дополнительное измерение. Отношения между Сингапуром и Малайзией отличались напряженностью с того самого момента, как последняя в 1965 году получила независимость. Между соседями шла жесточайшая конкуренция не только за ценные ресурсы вроде воды, но и за иностранные инвестиции. Несмотря на столь бурные страсти, обе страны совместно заняты освоением территории в султанате Джохор близ северных границ Сингапура и к югу от Малайзии. Поскольку свободное место в Сингапуре постепенно заканчивается, звучали предложения превратить эту территорию в запасной плацдарм, где можно будет разместить штаб-квартиры транснациональных компаний, промышленное производство и немного жилья. Как писала *The Wall Street Journal*, «если удастся добиться процветания Джохора на юге Малайзии, то это пойдет на пользу и Сингапуру, поскольку крупные компании останутся в регионе, вместо того чтобы перебираться в более дешевые страны». Подобные проекты в очередной раз поднимают вечный вопрос о том, надо ли считать периферией Сингапура регионы, лежащие за пределами самого острова, и не следует ли рассматривать Сингапур в более широком географическом контексте. До тех пор, пока это государство будет нуждаться в дополнительном пространстве, вопрос о том, где оно начинается и где заканчивается, будет по-прежнему стоять ребром.

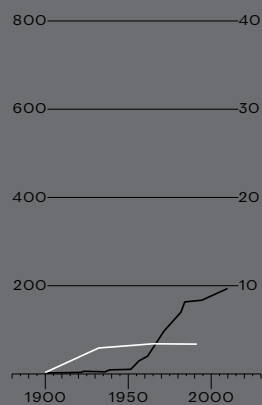
Опыт Сингапура может пригодиться многим столицам: многие из них вместе со своими перифериями страдают от нехватки стратегического и долгосрочного планирования, что неизменно выливается в социальные, экономические или экологические катастрофы. В таких местах градостроительные решения принимаются, как правило, бессистемно, в качестве популистской меры, в надежде на достижение краткосрочных целей, без должного научного обоснования или расчета. В Сингапуре же планирование и перепланировка изначально были заложены в программу развития как одна из ее фундаментальных основ. Продуктивно работающие государственные организации вроде Департамента жилищного строительства или Управления городского развития получили огромное влияние — в их руках находится контроль за всей градостроительной деятельностью на острове с момента возникновения государства. Успешная реализация государственных жилищных программ, обилие ухоженных зеленых насаждений и парков, современная система общественного транспорта — прямой результат тщательно продуманной и проработанной во всех деталях стратегической политики. Однако в будущем эффективно управлять государством-машиной с высочайшим уровнем экономической конкуренции может оказаться недостаточно для развития. Сингапуру есть чем поделиться с миром в области разработки и реализации масштабных урбанистических проектов, но этому городу-государству предстоит еще немалая работа, если

оно хочет стать более справедливым городом, основанном на понятиях демократии, равенства и разнообразия. Можно было бы возразить, что три вышеупомянутых параметра не входят в систему сингапурских градостроительных координат; но, вероятно, пришло время опереться именно на них. Жители острова уже начали возмущаться неравенством, низким уровнем зарплат, порожденным исключительно либеральной миграционной политикой, высокой стоимостью жизни и теснотой. Но и этим причины для недовольства не заканчиваются: ни у местных, ни у приезжих рабочих практически нет никаких прав, при этом мигранты вызывают все большую неприязнь, уровень ксенофобии в обществе зашкаливает, а это значит, напряжение в обществе невозможно продолжать игнорировать. В своем последнем обращении к нации даже премьер-министр Ли признал, что проблемы есть. «Технология и глобализация углубляют пропасть между богатыми и бедными, и в нашем обществе нарастает напряженность. Теперь, когда Сингапур добился статуса экономически привлекательной глобальной столицы, ему следовало бы обратить внимание на приемы, позволяющие четко соблюдать градостроительную и социальную справедливость, прилагать больше усилий к преодолению растущего неравенства, потому что будущее острова зависит далеко не только от его экономического развития и деловой активности».

С точки зрения организации пространства важно помнить, что большая часть людей, испытывающих на себе растущее неравенство, живет на периферии. Проекты вроде Марины-Бэй или насыпных земель на месте бывшего порта, безусловно, положительно скажутся на международном имидже Сингапура, но вряд ли смогут хоть сколько-нибудь конструктивно удовлетворить нуждам всей страны. Наоборот — вряд ли будет натяжкой предположить, что реализация этих проектов приведет к усугублению неравенства между центральными и периферийными районами. Если заняться разработкой проектов дешевого жилья не только для периферии, но и для центра, это поможет центру избежать судьбы эксклюзивного анклава, доступного лишь самой богатой части населения. Сейчас Сингапуру нужно меньше броских затей и больше внимания к качественным проектам социального жилья: инициативы и традиции, возникшие за последние десятилетия, предстоит распространить на весь остров.

Джакарта

9.63 МЛН ЧЕЛОВЕК. 66200 ГА



16,6 PAR





- Административная граница
- Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Под давлением окраин

Деден Рукмана

Введение

Джакарта — столица Индонезии и одновременно самая крупная агломерация Юго-Восточной Азии с широким спектром городских проблем. Ее население неуклонно растет. Количество жителей за XX столетие выросло со 150 000 человек в 1900 году до почти 28 млн. в 2010 году. Этот мегаполис также иногда называют Джабодетабек, по первым буквам его административных округов (Джакарта, Богор, Депок, Тангеранг и Бекаси). Центр Джабодетабека — это сам город Джакарта, который еще называют «особый столичный регион Джакарта». Суммарная площадь мегаполиса сейчас составляет 5 897 квадратных километров.

Трансформация Джакарты

Современную Джакарту начал строить президент Сукарно, задумав превратить столицу в самый великий город из всех когда-либо задуманных. Великая стройка продолжилась и при Новом порядке, установившемся в 1967 году. В период Нового порядка Джакарта росла необыкновенно быстро. С января 1967 по март 1998 года на Джакарту приходилось больше всего местных (68 500 млрд. рупий) и иностранных (3,2 млрд. долларов) инвестиций. Мураками и ее коллеги (2005) сравнивали процесс урбанизации и градостроительные паттерны Джакарты с Бангкоком и Манилой. Используя линейную экспонентную модель Кларка, а также квадратную экспонентную модель Ньюлинга, эти исследователи пришли к выводу, что Джакарта недавно вступила в субурбанистическую фазу, в то время как Манила находится на этой стадии уже довольно давно, а Бангкок уже достиг среднего уровня субурбанизации. Джакарта и другие «глобальные города» связаны в единую функциональную систему коммуникациями, транспортом, услугами и финансами. Ряды высотных зданий занимают обе стороны на главных улицах города. Эти небоскребы вмещают офисы индонезийских и международных компаний. Экономический кризис, обрушившийся на Индонезию в 1998 году, нанес серьезный ущерб городскому развитию. Джакарта превратилась из «глобального города» в «город кризиса». Кризис, получивший в индонезийском языке название *krismon*, практически разрушил экономику страны.

Субурбанизация в мегаполисе Джакарта

Чтобы понять, как проходил процесс субурбанизации в мегаполисе, важно осознать социально-экономический дуализм, пронизывающий индонезийское городское общество. Проявлением этого дуализма является, например, соседство современного города и трущоб — кампунгов — в городских районах. Для кампунга характерны неформальная занятость, нищета населения и сохранение сельских традиций в городских условиях. Фирман (1999) утверждает, что параллельное существование кампунгов и современных городов отражает тенденции пространственной сегрегации и социально-экономического неравенства.

Возрастающее число приезжих, а также огромное количество бедняков среди коренных жителей способствовали росту трущобных городков на окраинах Джакарты. Иногда жителям кампунгов приходилось переселяться в периферийные районы из-за начавшихся в центре строек. Часто периферия оказывалась привлекательной для переселенцев еще и благодаря улучшившимся жилищным условиям и инфраструктуре. Лиф (1994) отмечал быстрый рост количества огороженных кварталов пригородного жилья в Джакарте в начале 1990-х. Такие закрытые поселения предназначались для семей со средним и высоким доходом и стали характерной чертой пригородной зоны Джакарты. Расположенные на периферии города, эти поселения были снабжены хорошими автомобильными подъездами и различными удобствами высокого качества, такими как современные гольф-поля. Семьи с высоким уровнем дохода также переехали из центра города в поисках лучшего качества жизни. Высокая стоимость домов и необходимость передвигаться на автомобиле сделали рынок загородного жилья закрытым для семей с низким доходом. Автомобиль был у одной из пяти семей в пригороде Джакарты. Исследователи утверждают, что субурбанизация в Джакарте была прямым результатом реализации по крайней мере двух стратегий: программы субсидий на жилье и системы муниципальных разрешений для развития земли. Кроме того, множество градостроительных компаний, начавших работу во времена Нового порядка, получили серьезные преимущества после реализации этих политических концепций.

Помимо жилых районов периферия Джакарты также состоит из специализированных зон для коммерческих и промышленных предприятий. В начале 1980-х в рамках совместного проекта Буми Серпонг Дамай на периферии Джакарты было заложено нескольких новых городов. Первый новый город должен был вместить население в количестве 600 000 человек и занять общую площадь 6 000 га; проект разработали несколько частных компаний под руководством крупнейшего частного градостроительного комбината. В некоторых из этих новых городов Государственное агентство по вопросам предоставления жилья сотрудничало с частными застройщиками, чтобы сделать жилье доступным для семей

Население мегаполиса Джакарта в 1980–2010 гг.
(млн чел.)

ТЕРРИТОРИЯ	1980	1990	2000	2010
ЦЕНТР РЕГИОНА	6,50	8,39	8,26	9,60
ДЖАКАРТА	6,50	8,39	8,26	9,60
ВНУТРЕННЯЯ ПЕРЕФИРИЯ	—	—	—	—
ТАНГЕРАНГ	—	—	1,33	1,80
ЮЖНЫЙ ТАНГЕРАНГ	—	—	0,80	1,29
ДЕПОК	—	—	1,14	1,75
БЕКАСИ	—	—	1,66	2,38
ВНЕШНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	5,41	8,88	7,31	11,20
БОГОР	0,25	0,27	0,75	0,95
ОКРУГ ТАНГЕРАНГ	1,53	2,77	2,02	2,84
ОКРУГ БЕКАСИ	1,14	2,10	1,62	2,63
ОКРУГ БОГОР	2,49	3,74	2,92	4,78
ВСЬ МЕГАПОЛИС	11,91	17,14	20,63	28,02

с низким и средним доходом. Первоначально предполагалось создать полностью автономные сообщества, но от этой концепции практически ничего не сохранилось. Вместо этого новые города стали «спальными пригородами», где жители были намертво привязаны к большому городу. Развитие промышленных зон в периферии мегаполиса также сделало очевидной пространственную реструктуризацию, а именно — смещение производства из центра города к периферии. Фирман (1998) пишет, что центральная часть города привлекала непропорционально много инвестиций в сферу услуг, торговлю, гостиничный и ресторанный бизнес. Периферии же привлекали в основном тех, кто планировал промышленное строительство. Продолжая тему субурбанизации, необходимо упомянуть, что серьезное значение имело строительство трех автомагистралей от Джакарты к периферии — платных дорог Джагарави, Джакарта–Кикампек и Джакарта–Мерак. Развитие частных промышленных парков на периферии стало естественным следствием такого строительства. Эти промышленные парки занимают от 50 до 1800 га, а средняя площадь составляет около 500 га.

Проблемы и сложности в Джакарте и отдаленных районах

В последние несколько десятилетий Джакарта страдает от неконтролируемого роста населения и, соответственно, сталкивается с полным спектром городских проблем. Две основные проблемы — это пробки и наводнения. Несмотря на запуск нескольких городских программ, направленных на регулирование транспортных заторов и борьбу с наводнениями, ни та, ни другая проблема не решена ни в Джакарте, ни в периферийных районах.

Наводнения. Наводнения стали ежегодной угрозой для жителей Джакарты. В 2007 году случилось, возможно, самое страшное наводнение за всю историю города. Было затоплено около 70% площади, по крайней мере 57 человек погибли и около 450 000, спасаясь от бедствия, были вынуждены бросить свои дома. В 2008 году наводнение затронуло большую часть Джакарты, включая платную дорогу Седьятмо. В 2012 году были затоплены сотни домов вдоль основных водных путей Джакарты. В январе 2013 года многие части Джакарты были затоплены после сильного дождя.

Однако ежегодные наводнения — не единственная угроза устойчивости Джакарты; в последнее время угрожающие формы приняло оседание грунта. К этому привела многолетняя эксплуатация грунтовых вод. Выяснилось, что особенно в северной части города грунт проседает все сильнее. Крупнейший уровень просадки грунта имел место в самом центре города. В 1993 году центр находился на высоте 3,42 метра





Первоначальный взнос за мотоцикл – всего 30 долларов. Люди, которые живут на окраине Джакарты, могут сократить транспортные расходы на 30%, добираясь на работу на мотоцикле, а не на общественном транспорте

над уровнем моря. Этот показатель снизился на 102 см к 2005 году. Высота Северной Джакарты составляла 1,46 м над уровнем моря в 2005 году по сравнению с 2,03 м в 1993 году.

Скопление транспорта. Посчитано, что Джакарта теряет 3 млрд. долларов на пробках, которые стали прямым следствием интенсивного роста количества владельцев частного транспорта (от 9% до 11% ежегодно) в сочетании с полным отсутствием развития дорожных сетей (менее чем 1% роста в год).

Первоначальный взнос за мотоцикл – всего 30 долларов. Люди, которые живут на окраине Джакарты, могут сократить транспортные расходы на 30%, добираясь на работу на мотоцикле, а не на общественном транспорте. Строительство новых дорог лишь будет сводить на нет усилия по разработке системы массового общественного транспорта в Джакарте. Разработка дорожной сети вряд ли догонит темпы роста количества обладателей личных автомобилей. Новые шоссе решают проблему заторов лишь на короткое время. После нескольких лет любые новые или расширенные шоссе оказываются новым очагом пробок, которых бы не было, если бы эти автомагистрали не были построены. Это явление получило название «индуцированный спрос». Именно из-за него ни строительство новых дорог, ни расширение существующих не станут жизнеспособным долгосрочным решением. Основная цель разработки системы общественного транспорта в том, чтобы сократить число автомобилистов и мотоциклистов на улицах Джакарты. Именно для этого планируется запустить автобусы TransJakarta и монорельс. Ожидается, что водители переседают на общественный транспорт и это снизит загруженность, в то время как новые дороги только привлекут больше автомобилистов.

Усилия градостроителей по решению проблем мегаполиса Джакарты

В 1975 году исполнительные власти Западной Явы и Особого столичного региона Джакарты учредили BKSP (Агентство по застройке в Джабодетабеке), чтобы планировать и отслеживать развитие Джакарты. Однако оно оказалось беспомощным и неэффективным в деле координации программ развития Джакарты.

Чтобы решить проблему транспортных заторов, были разработаны два флагманских проекта: по развитию морского порта Силамайя и строительству метро. Порт планируется построить в округе Караванга. Таким образом промышленные предприятия получают новый транспортный узел. Строительство метро станет самым дорогим бюджетным проектом в истории Джакарты. Предложения по его строительству

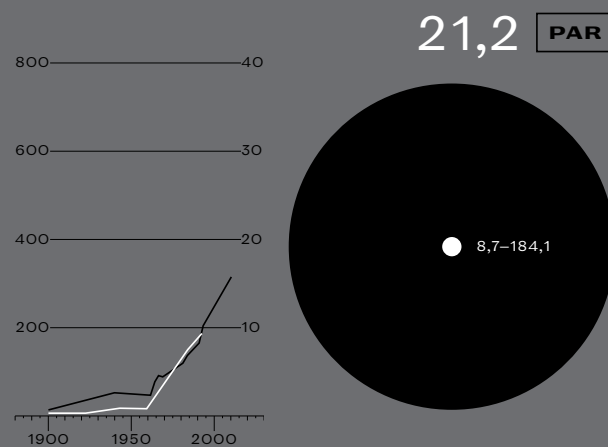
обсуждаются уже по меньшей мере в течение 20 лет. Активистам и неправительственным наблюдателям очевидно, что возможное строительство уже стало золотым дном для коррумпированных политиков и подрядчиков. Один поезд метро будет состоять из шести вагонов и сможет перевозить максимум 1 200 пассажиров за рейс. В метро Джакарты будет 16 поездов, перевозящих 1,5 млн. пассажиров в день. Первая линия свяжет Лебак Булус, Южную Джакарту и кольцевую линию «Отель Индонезия» с шестью подземными станциями и семью надземными станциями, чтобы перевозить 173 000 пассажиров в день.

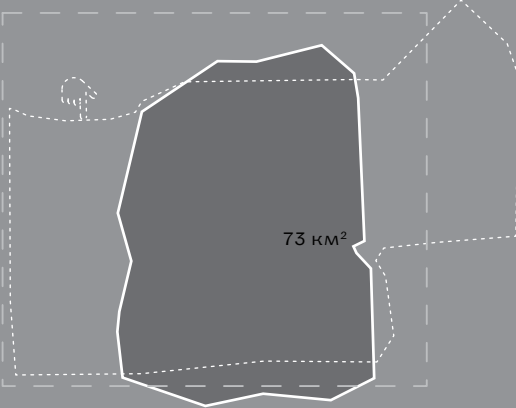
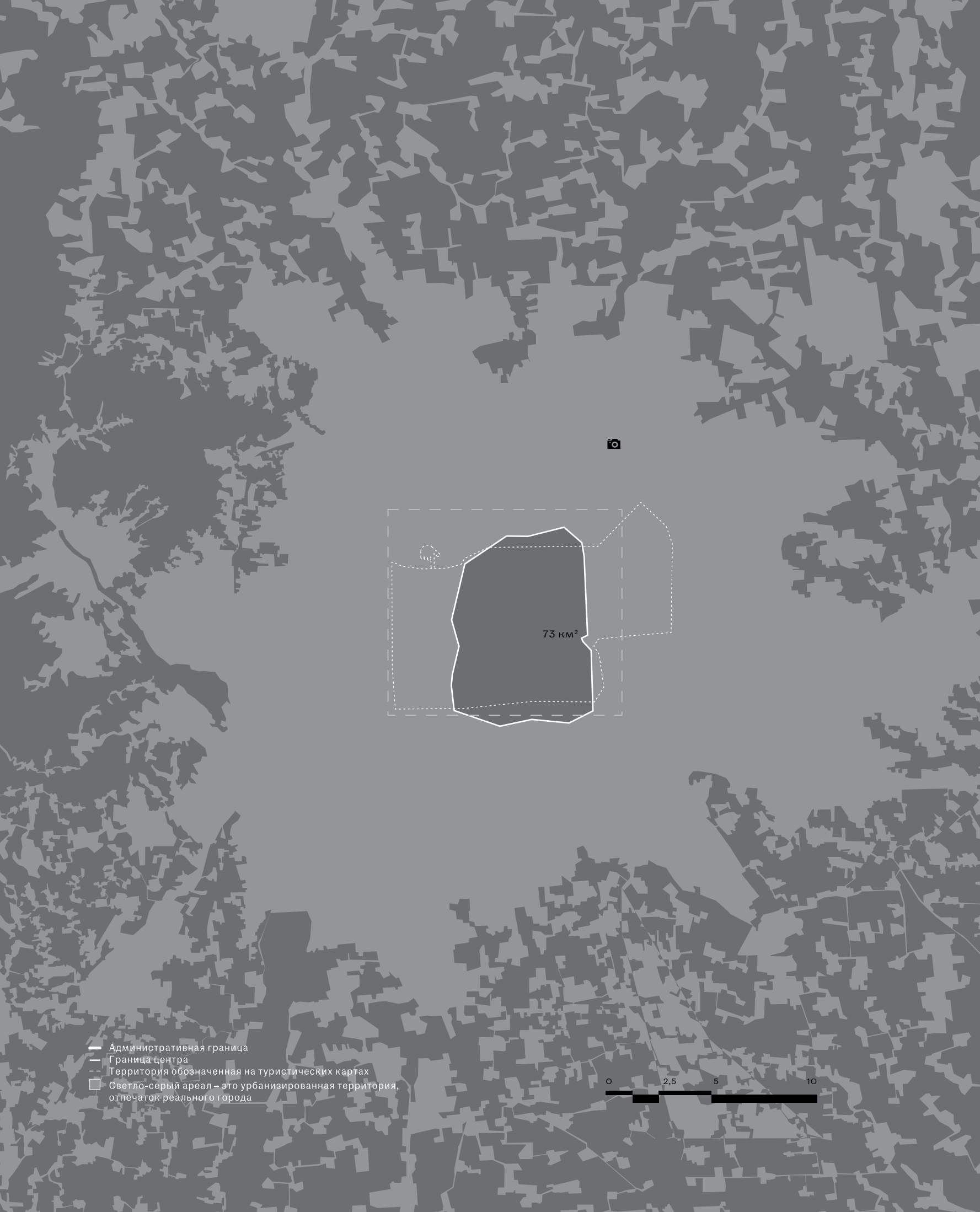
Уроки, которые мы можем извлечь из опыта Джакарты

Джакарта лежит на равнине, где течет 13 рек. Все притоки и бассейны этих рек расположены в периферии мегаполиса, и это напрямую связано с наводнениями в Джакарте. Промышленные парки и новые жилые районы были построены на окраинах, и многие из них заняли бывшие водосборные районы. Такие преобразования повлияли на тяжесть наводнений в регионе. Ежегодные наводнения — это довольно веский аргумент в пользу сокращения скорости урбанизации. До тех пор пока Джакарта остается центром национального развития, экономический рост будет сильно связан с темпами экономического роста Индонезии и будет вызывать интенсивную урбанизацию в регионе. Кроме того, эти процессы вызывают приток мигрантов из других частей страны, особенно из бедных районов острова Ява. В течение 1995–2005 годов в среднем на окраины Джакарты переезжали 1,6 млн. человек в год. Нищета в сельских районах Явы стала фактором, который толкнул людей на переезд из сельских районов в городские. Существует неразрывная связь между быстрой урбанизацией в Джакарте и нищетой в сельских районах острова. Повышение уровня жизни в деревнях не только решит проблемы сельских бедняков, но и ослабит давление на город и его окраины.

Пекин

15.59 МЛН ЧЕЛОВЕК. 184100 ГА





- Административная граница
- Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Шесть в одном: издержки централизации Пекина

Цзян Цзюнь

Централизация

Пекин — общеизвестный пример предельной централизации, главный город сильно централизованной страны. Парадоксальным образом именно традиция централизации власти создала условия для концентрации ресурсов при переходе к рыночной экономике. С началом экономического бума централизация ресурсов в Пекине дошла до невиданных степеней, — пожалуй, из всех городов мира с ним может сравниться только Москва.

Ресурсы Пекина: краткий обзор

Руководство. На Пекин приходится 64,6% чиновников, занимающих посты от министра и выше. А поскольку китайская система управления строится на личных связях, то в совокупности родственники, коллеги, подчиненные и знакомые высшего руководства — как нынешнего, так и уже ушедшего на пенсию — образуют одну из самых мощных групп влияния в Китае и во всем мире.

Территориальные представительства. В Китае действует огромное количество официальных представительств различных территориальных образований: к 2010 году их число дошло до 971. Такие представительства упрощают коммуникацию и взаимосвязи между центральными и региональными органами управления, а предоставляемые ими услуги — отели, рестораны, конференц-залы — вплетаются в столичный контекст.

Иностранные учреждения. В Пекине имеются посольства более чем 200 стран, а также их визовые центры и представительства, обслуживающие северо-восточные провинции.

Финансы. В Пекине базируется Народный банк Китая, он же Центробанк КНР, а также отвечающие за финансовое регулирование департаменты Государственного совета. Под их наблюдением и управлением функционирует несколько государственных финансовых институций, входящих в число 500 мировых лидеров в своем секторе.

Ведущие предприятия. 245 из 500 участников рейтинга крупнейших компаний мира имеют филиалы или представительства в Пекине. По состоянию на июнь 2013 года среди них было 48 китайских предприятий из числа лидеров в своих отраслях и 87 региональных

представительств иностранных компаний.

Две академии наук. В Пекине имеется целых две академии — Китайская академия наук и Академия инженерных наук Китая, а потому в городе сосредоточено огромное количество ученых. Их почти столько же, сколько во всех остальных концах страны вместе взятых.

Наукоград и Силиконовая долина. Расположенный в северо-восточной части Пекина Чжунгуаньцунь (см. мастер-план Пекина в конце статьи) традиционно считается китайской Силиконовой долиной. Сила Чжунгуаньцуня, равно как и прилегающего к нему города-спутника Чанпина, кроется в сочетании и взаимодействии двух моделей — академического наукограда и технологий Силиконовой долины.

Образование. В китайский «Проект 211» попал 121 вуз, причем 26 финалистов оказались из Пекина. Университетская публика (профессора и студенты) не только пополняет население Пекина, но и повышает качество местных кадров.

Экспертно-аналитические центры. По числу экспертно-аналитических и научно-исследовательских центров Китай уступает лишь только Америке. По данным программы «Экспертно-аналитические центры и гражданское общество», в 2012 году из 150 ключевых мировых центров 15 сосредоточены в Китае, причем 9 из них — в Пекине.

Изобразительное и исполнительское искусство. В Пекине расположено 8 крупнейших художественных вузов. Поскольку вся художественная деятельность сосредоточена в столице, здесь же живет и большая часть влиятельных художников.

Медиа. Большинство китайских государственных СМИ базируется в Пекине. Голос Пекина, по сути, формирует общественное мнение всей страны.

Киноиндустрия. По данным китайских рейтингов, 8 из 10 наиболее прибыльных кинокомпаний работают именно в Пекине.

Древний Пекин. С X века Пекин успел послужить столицей пяти династиям. Заметнее всего здесь наследие династий Юань (XIII–XIV века) и Мин (XIV–XV века). «Запретный город», «Храм неба», Великая Китайская стена — уникальные исторические памятники, которые дают Пекину важнейшее конкурентное преимущество.

Горы. От столицы всего час езды до двух величайших хребтов Китая: к северу расположен Яньшань, к западу — Тайханшань.

Кочевники. В двух часах езды от Пекина начинаются прерии, переходящие в пустыню. Пекин был исторической столицей кочевников. Сегодня, чтобы очутиться в мире кочевников, столичным жителям нужно всего лишь два часа пути.

Море. До него от столицы можно добраться за три часа. У всех государственных органов есть собственные санатории на побережье. Государственные руководители и ушедшие на пенсию партаппаратчики строят себе приморские дачи.

Почему именно Пекин? В современном Китае геополитическое положение Пекина получило дополнительный смысл: столица, расположенная вблизи побережья, помогает уравнивать морское и сухопутное могущество страны. Иначе говоря, Пекин стал тем, чем стал, в силу своей стратегической позиции, помогающей поддерживать в Китае шаткое равновесие.

Перекрывающиеся центры. Накладывающиеся друг на друга разнообразные центральные функции Пекина появились вследствие нескольких исторических решений:

- В 1949 году Пекин был провозглашен столицей Китайской Народной Республики (отчасти) в силу своей близости к СССР.
- В начале 1950-х, когда разгорелась война в Корее, Китай решил воспроизвести сталинскую модель плановой экономики.
- Пекин предпочел не обзаводиться городами-спутниками для размещения новосозданного правительственного аппарата.

Легко объяснить, каким образом накладываются друг на друга эти «центры Пекина», если сравнить китайскую столицу с городами Америки.

Пекин — это: Вашингтон (где находятся Белый дом, Пентагон и штаб-квартира НАСА), Нью-Йорк (Уолл-стрит), Сан-Франциско (Силиконовая долина), Лос-Анджелес (Голливуд), Бостон (Гарвард и MIT) и старый город. И все это собрано в одном городе. Пекин — город не просто большой, но грандиозный.

От плановой экономики к планированию рыночной экономики.

Распределение ресурсов входило в задачу Пекина как столицы: сюда должны были стекаться ресурсы со всей страны. Это позволяло в короткие сроки ликвидировать возникший дефицит в том или ином регионе и обеспечить скачок в развитии. Автономия, предоставленная прочим китайским мегаполисам — Шанхаю, Чунцину, Шэньчжэню, — открыла массу возможностей для быстрого обогащения. Но развернуться по-настоящему, минуя Пекин, невозможно: именно здесь определяется развитие китайского государственного капитализма.

Олимпиада: мегасобытие в мегаполисе. Развитие Пекина как столичного мегаполиса в огромной степени было подстегнуто гигантскими инвестициями, приуроченными к Олимпиаде. Из 290 миллиардов юаней (около \$42 миллиардов) приблизительно 253 миллиарда пошли

На Пекин приходится 64,6% чиновников, занимающих посты от министра и выше. А поскольку китайская система строится на личных связях, то в совокупности родственники, коллеги, подчиненные и знакомые высшего руководства, как нынешнего, так и уже ушедшего на пенсию, образуют одну из самых мощных групп влияния в Китае и во всем мире

на реализацию долгосрочных, в том числе инфраструктурных (180 миллиардов) проектов, а также на улучшение городской среды (71,3 миллиарда юаней) и прочие программы. Инвестиции, само собой, привели к дальнейшему увеличению ценности города и послужили основанием для выделения все новых и новых ресурсов.

Внешний эффект. В Пекине все доходит до предела: и власть, и деньги, и наука, и искусство, и секс, и дизайн, и еда. Однако бурные столкновения между разными жизненными укладами вызывают существенные долгосрочные последствия.

Загрязнение воздуха. Пекин, по последним данным Азиатского банка развития и агентства «Синьхуа», занимает третье место в мире по загрязненности атмосферы.

Пробки. Пекин входит в мировую пятерку городов с самым худшим дорожным движением. Остальные четыре позиции в списке занимают Москва, Мехико, Сан-Паулу и Лагос. Пробки заставляют Пекин терять ежегодно 105,6 миллиарда юаней, то есть 7,5% его ВВП на 2010 год.

Стремительный рост стоимости жизни. Попытки удовлетворить спрос на жилье со стороны растущего потока мигрантов привели к тому, что индекс цен на недвижимость и аренду в Пекине стал едва ли не самым высоким в стране. Стоимость жизни увеличивается, а вместе с ней растут коррупция в сфере недвижимости и социальное неравенство, создающие для города серьезную опасность.

Стихийное разрастание. Стремительно растущие цены на землю фактически сделали градостроительство бесконтрольным. Сегодня город выглядит скорее как сплошная масса, размазанная вокруг расширяющихся колец: таковы последствия непродуманного расширения города.

Спальные районы. Большинство городов-спутников вокруг Пекина (и прежде всего те, что расположены за пределами 5-го кольца) постепенно превратились в спальные районы. Лишь у двух из них есть шансы на самостоятельное развитие: это Чанпин, ставший своего рода продолжением наукограда и Силиконовой долины Чжунгуаньцуня, и Тунчжоу, где образовалась колония художников.

Поселения на окраинах. На периферии Пекина существуют кварталы, обеспечивающие доступным жильем тех, кому низкий доход не позволяет жить в центре. Однако сельские угодья находятся в коллективном владении (в отличие от городской земли, принадлежащей государству), что лишает горожан возможности строить себе частные дачи. Тем не менее втихаря, на основании нелегальных соглашений между горожанами и крестьянами, в таких местах все же ведется незаконная застройка. Пусть и идя на определенный риск, их владельцы обеспечивают себе просторное, дешевое жилье, чистый воздух и отдых от городской тесноты.

Сверхцентрализация. Централизация в Пекине уже достигла критической точки: преимущества города как места сосредоточения ресурсов превратились в недостатки. Столица попросту перегружена.

С геополитической точки зрения местоположение Пекина идеально для столицы, но для долгосрочного развития мегаполиса этот регион решительно не подходит. Не говоря уже о том, какие чудовищные последствия вызовет любое нападение на Пекин. Если он пострадает, наступит полный паралич.

Выход

Чтобы сделать жизнь в городе приемлемой, Пекину нужно работать прежде всего в двух направлениях: повышать эффективность и децентрализоваться.

Повышение эффективности — это, во-первых, усиленное развитие общественного транспорта, который должен постепенно заменить на территории пекинской агломерации частные средства передвижения.

Во-вторых, это миграционная и жилищная политика, нацеленная на привлечение творческих специалистов. Пытаясь справиться с жилищными проблемами и растущими транспортными заторами, Пекин ввел практику регистрации, ограничивающей возможности мигрантов при покупке квартир и автомобилей.

В-третьих, это самодостаточные города-спутники с конкурентоспособной и экологичной промышленностью.

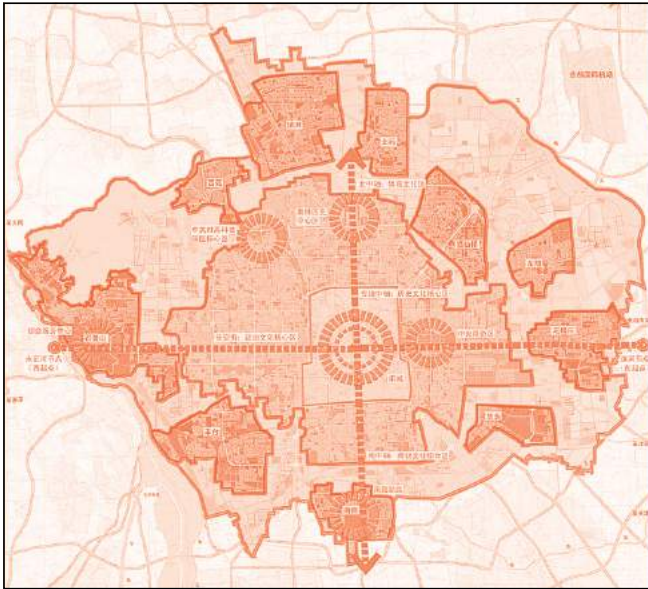
В-четвертых, возобновляемый запас воды и полноценная программа борьбы с загрязнением окружающей среды. Именно из-за качества воды и воздуха многие жители Пекина испытывают к своему городу сложные чувства.

Децентрализация — это, во-первых, вывод креативных производств, штаб-квартир крупнейших предприятий и, возможно, городской администрации на окраины города. Во-вторых, децентрализация в соседних с Пекином областях, перевод в другие части страны государственных предприятий, расположенных в близлежащих городах.

Новая столица. В долгосрочной перспективе столицу лучше перенести во внутренний Китай, в идеале — куда-нибудь на берега реки Хуайхэ, между Хуанхэ и Янцзы. Не следует думать, что получится еще один административный центр вроде Бразилиа: столица окажется на равнине, в окружении воды и нескольких ключевых мегаполисов (самого Пекина, Шанхая, Гуанчжоу, Уханя, Сианя и Чунцина), и там можно будет спроектировать менее плотную застройку.

Сам Пекин после переноса столицы не потеряет своего значения. Если вернуться к исходному сравнению, ресурсы «Вашингтона» и «Нью-Йорка» из города предстоит убрать, но «Сан-Франциско», «Лос-Анджелес» и «Бостон» никуда не денутся, равно как и старый центр, возникший на много столетий раньше Соединенных Штатов. То, что останется в городе, будет бережнее сохраняться и развиваться.

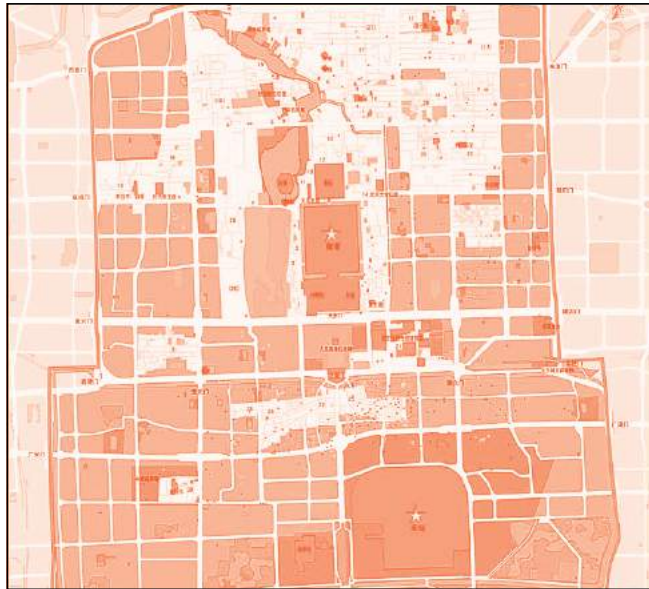
Изменившись, Пекин родится заново.



Мастер-план Пекина (2004–2020 гг.)



Мастер-план Пекинской агломерации



Исторический центр города, защищенный мастер-планом

О том, как город пришел к господину Суну

Микель Хульсхоф
и Дан Роггевен

Сун — жилистый мужчина 65 лет. Курит так же, как и говорит: много и сосредоточенно. Еще недавно, в 1980-х годах, Сун — обыкновенный крестьянин из деревни Чжианлин, в которой насчитывалось 1200 дворов. От Чжианлина полчаса пешком до окраины Сидзячжуани, столицы провинции Хэбей. Сидзячжуань достаточно молодой город, который в начале XX века образовался из десятка деревень на перекрестке двух железных дорог. В 1950—1960-х годах начала бурно развиваться текстильная и химическая промышленность, и население города выросло до полумиллиона. В начале девяностых огромное количество людей приезжает из других концов провинции, одновременно фермерские хозяйства начинают поглощать быстро растущий город. Вместе с остальными Сун подписывает петицию к властям провинции против отъема земель, однако петиция не имеет эффекта — его поля проданы гольф-клубу.

Вскоре обнаружился новый источник дохода: сдача квартир трудовым мигрантам, приезжающим в Чжианлин во все большем количестве со всей провинции. Сун решил: 3000 долларов, полученных им в качестве компенсации за отнятую землю, он вложил в строительство дома по собственному проекту. Чжианлин превратился в типичную «чен чжон кун» — «деревню в городе». Чем больше у такой «городской деревни» возможностей бесконтрольной застройки, тем меньше она напоминает деревню традиционную. Иногда доходные дома крестьян достигают в высоту 15-20 этажей: получают своего рода «мини-Манхэттены» различных стилей и форм.

Однако растущие мегаполисы Китая лишь до времени терпят эти «деревни в городе». Схватка чиновников с бывшими фермерами разворачивается в декорациях социоэкономической модели, описанной Ясен Хуаном, профессором экономики Массачусетского технологического института. По его наблюдениям, сейчас идет напряженная борьба между двумя Китаями: деревенским, пропитанным духом частного предпринимательства и рынка, и городским, где главенствует государство. Там, где и когда верх берет сельский Китай, капитализм по-китайски политически независим, полон духа предпринимательства, конкурентен и в результате поражает своими успехами. Там же, где и когда побеждает городской Китай,

речь уже идет о зависимости от государства и сильной коррупции. Нет никаких сомнений, какой именно Китай побеждает в быстро-растущих мегаполисах. Как сказал однажды бывший мэр Пекина Ван Кисан, «мы никого не выселяем насильно — за исключением, конечно, тех, кто упирается».

Незащищенность частного лица дает властям Китая огромные возможности улучшения жизненных условий граждан. В 2007 году секретарь обкома партии провинции Хебэй Цзян Юнхуань принял решение, что Синьцзянчжуань должен окончательно распрощаться со своим крестьянским прошлым. Официальное заявление властей звучит восторженно: «Редевелопмент указанных районов не только дает возможность рациональнее распорядиться земельными участками, оптимизировать планировку города и воплотить генеральный план его развития, но и является наилучшим способом улучшить городскую среду, привести город в соответствие с эстетическими критериями современности, ускорить его модернизацию, стимулировать внутренний спрос, значительно ускорить темпы экономического роста города и расширить социальные программы. Уверены, что этот проект начнет давать первые плоды уже сейчас, а благотворный эффект от него будет длиться столетия». Появился анекдот: летит над Синьцзянчуанем тогдашний премьер КНР Вен Чжибао, смотрит на город и спрашивает — почему, мол, меня не информировали о землетрясении?

В 2008 году нехорошие слухи стали ходить и в Чжианлине. Некоторые из жителей района начали говорить, что деревня «приговорена» к сносу. Чуть позже крупное риэлторское агентство Wanda открывает офис продаж в ста метрах от дома Суна. Компания Wanda — своего рода символ нового китайского урбанизма. Во всех крупных городах страны эта фирма возводит «Wanda Plaza»: многофункциональные комплексы на сотни тысяч квадратных метров.

Сельсовет, рассказывает Сун, предлагает ему и его односельчанам компенсацию: за каждый квадратный метр их построек они получают по 1,3 кв. м в жилых зданиях Wanda Plaza. Это значит — две квартиры, а возможно, даже три. Но максимальная площадь, которую предоставляют по этой программе, — 300 «квадратов». А это для Суна вдесятеро уменьшает его собственность, его доход от аренды. Чиновники, как предполагают рассерженные жители, спустили общественные деньги на веселую жизнь с дорогими машинами и вечеринками с девочками в караоке-барах, а в результате муниципалитет оказался в долгах на более чем 3 млн долларов. «Мне, в общем, плевать на коррупцию, — говорит Сун, — Но вы же должны заботиться о жителях!» Когда от деревни осталось лишь 300 «дворов», атмосфера в Чжианлине накалилась. Отключили электричество, водопровод.





Сун поднимается на крышу — там всюду цветет его сад. Он смотрит на горы щебня — все, что осталось от его родной деревни. «Я не хочу больше здесь жить, — говорит он. — Разрушение. Смерть. Вот все, что я теперь здесь вижу». Спустя несколько недель после нашего разговора он принял компенсацию сельсовета — 75 тысяч долларов. А через несколько месяцев, 30 декабря 2009 года, на деревню напали неизвестные с кольями и ножами. Запугивание и нападения на держащих оборону жителей — обычная практика для китайских городов. То, что эта тема беспокоит многих жителей китайских городов, ясно видно по популярности компьютерной онлайн-игры: «Заноза против гопников» — правила для тех, кто играет за горожан, простые: «мочи» всеми средствами девелоперов, чиновников и бандитов.

Но некоторые деревни становятся городскими районами по своим собственным сценариям. Как и все китайские деревни, Фаньбэй до 1978 года был колхозом. Когда наступили времена экономической либерализации, в деревне организовывались все новые и новые бизнесы: типография, металлургический завод, рыбный рынок. В 1994 году последнее деревенское поле ушло под застройку — здесь прошла автомагистраль. Администрация деревни сразу же выстроила вдоль шоссе «стену» из домов, которые были сданы в аренду под ночные клубы. Фаньбэй стал известен как «район красных фонарей Синьцзячжуани». А в 2002 году сельсовет Фаньбэя, который возглавлял секретарь Рен, принял драматическое решение. Фаньбэй совершил самоубийство. Компания Fangbei Property должна была снести существующие здания и заменить их на более подходящие для большого города.

Фаньбэй версии 2.0 состоит из светло-серых башен высотой каждая около 100 метров. Они собраны вокруг площади — это городской сквер, под которым большой паркинг. В смысле оптимизации проект получился удачным, но за это пришлось заплатить свою цену. В Фаньбэе 2.0 теперь нет темных закоулков и проституток, нет и комнатушек, сдаваемых внаем мигрантам. Но нет здесь и ресторанов, магазинов или других общественных пространств для развлечения. На следующий день после сдачи квартир около сотни жителей вышли на площадь. Днем ранее все семьи деревни, в зависимости от численности, получили по одной или более квартир в новых домах, распределяли их по жребию. В центре площади женщина развернула образцы кухонных гарнитуров Formica. Свой клиент находит на каждый цвет, но белую кухню не хочет никто. «Это же теперь пыльный город, в Синьцзячжуани белые панели станут серыми недели через две!»

Апрель 2010 года. Сун Хуанчжон закуривает сигарету, сидя в своем кресле в квартире на шестом этаже. Сун никогда не вернется посмотреть на свою деревню — это для него слишком тяжело. Ни ему, ни его жене не очень-то нравится жить в городской квартире: «Мы тут никого не знаем, нам скучно». Одна радость: переселившись к сыну, они каждый день видят внуков. Наверное, как-нибудь они привыкнут жить в городе, думает Сун: «Но здесь же нечего делать, совершенно нечего! Скучаю по моим полям...».

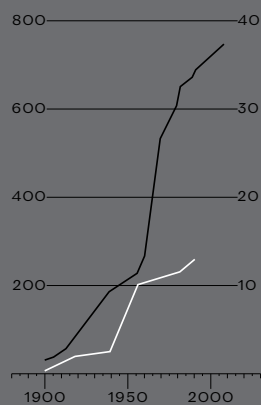


Токио

37.22 МЛН ЧЕЛОВЕК. 256000 ГА

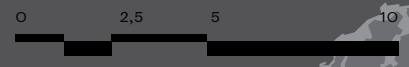


59 PAR





- Административная граница
- Граница центра
- - Территория обозначенная на туристических картах
- Светло-серый ареал – это урбанизированная территория, отпечаток реального города



Развитие Токио: вариации на тему центра

Ясуси Аояма

Квазидецентрализация посредством умножения центров города

В Токио раньше считалось, что города должны развиваться радиально вокруг единого центра, с зонированием функций (офисные здания в центре, торговля и услуги в следующем поясе, а за ними — жилые кварталы). Однако городу много веков, и его разрастание дошло до некой точки насыщения. Единый центр больше не справлялся с поддержкой всего остального гигантского города. Тогда было решено децентрализовать городские функции Токио. В результате в 1982 году появился проект «исправления сверхцентрализованной городской структуры посредством многоцентровой планировки». Согласно ему, субцентры определялись как «округа с большим потенциалом к будущему городскому развитию, транспортные узлы и районы, где намечается крупное строительство и реконструкция». На тот момент, когда проект был сформулирован, из других городов Японии все громче раздавалась критика сверхцентрализации страны вокруг Токио. Многоцентровая планировка города должна была решить вопрос децентрализации. На деле же это было одновременно и средство расширения центрального района Токио, и попытка избежать излишней концентрации населения в центре города.

Авторы идеи «многоцентровой планировки города» видели в ней переход от традиционной городской структуры к новой конфигурации — построению города вокруг нескольких субцентров. В частности, этот план включает в себя распределение городского офисного, торгового пространств и промзон — в порядке приоритета — между семью субцентрами. Из них три субцентра существовали ранее — это Икэбукуро, Синдзюку и Сибуя; еще три субцентра создавались заново — Уэно-Асакуса, Кинситё-Камэйдо и Осаки; седьмым субцентром должен был стать водный фасад города. В той или иной степени каждый из этих субцентров либо был транспортным узлом, либо находился неподалеку от такого узла — в зоне, где разумно было ожидать дальнейшей концентрации торговых и офисных площадей. Кроме того, пять городов-спутников были запроектированы в районе Тама — это холмы к юго-западу от центра Токио: Татикава, Хатиодзи, Матида, Омэ и Тама-Ньютаун; рассчитанные в качестве «магнитов» для массивированной

коммерческой застройки, эти города-спутники все же несравнимы по рангу с субцентрами Токио. Токио официально принял многоцентровой подход в качестве основного принципа городского планирования во Втором генеральном плане развития Токио, в ноябре 1986 года, тогда же началась полномасштабная реализация этой концепции. Этот план предусматривал особый статус водного фасада: «Субцентр водного фасада, сгруппированный вокруг Токийского телепорта, выполняет многочисленные городские функции с учетом тенденций к интернационализации и компьютеризации, IT-деятельности, с учетом международного биржевого центра, жилых кварталов, культурных и развлекательных учреждений... На основе этого субцентра впоследствии будет развиваться футуристичное информационно ориентированное городское пространство, где в том числе живут и работают иностранные специалисты». Эта концепция многоцентровой планировки города также послужила теоретическим базисом для переноса головного офиса корпорации TMG из района Маруноути в Синдзюку и массированных инвестиций в водный фасад города, продолжавшихся в течение нескольких лет.

С самого начала критики плана отмечали, что при таком подходе недостижимо радикальное «распределение городских функций по нескольким субцентрам», зато вместо этого создается один гигантский центр. Исторический центр города и район Синдзюку, отмечали они, не слишком различаются между собой, поскольку они практически соединились вдоль оси проспекта Синдзюку-дори. А район Сибуя на протяжении многих лет поглощается центром по оси проспекта Аояма-дори. Администраторы обнаружили, что районы Синдзюку и Сибуя изначально не являются деловыми и торговыми, поскольку, стоит только проехать вдоль Синдзюку-дори или Аояма-дори, становится видно: в этих районах стоят малоэтажные жилые дома. А в соответствии с генпланом здесь должны были образоваться «многофункциональные районы» со среднеэтажными зданиями смешанного назначения — офисная, коммерческая и жилая недвижимость. По мере осуществления плана выяснилось, что имеется спрос на очень разнообразную недвижимость в центральной зоне, в том числе на жилую, места обмена информацией, общественные здания, культурные и развлекательные учреждения. В результате большая часть зоны внутри кольцевой линии Яманотэ токийской городской железной дороги превратилась де-факто в обширный городской центр с более диверсифицированными функциями, чем исторический центр города. Концепция многоцентровой планировки города оказалась полезной для планирования развития города в масштабе равнины Канто в целом, то есть развития мегаполиса, но не города Токио в его административных границах, узкого и вытянутого с запада на восток. Говоря о городской планировке Токио, имеет смысл сосредоточиться на всей территории, в рамках которой проходит жизненный

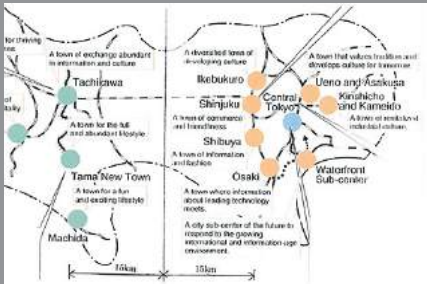
Концепция многоцентровой планировки города оказалась полезной для планирования развития города в масштабе равнины Канто в целом, то есть развития мегаполиса, но не города Токио

цикл горожанина — либо с точки зрения городских функций, либо сосредоточившись на повседневной жизни. Для Токио такая зона ограничена Центральной кольцевой автодорогой диаметром около 100 км и береговой линией Токийского залива. Центральная кольцевая автодорога соединяет окружающие Токио города (от востока к западу): Нариту, Цукубу, Куби-Сираоку, Омэ, Иокотэ, Хатиодзи, Сагамихару и Эбину. Все эти районы играют огромную роль в жизни столичного региона. Одним из знаковых понятий 1990-х стала «культура шоссе № 16». Национальное шоссе № 16, еще одна кольцевая дорога вокруг Токио, окружена огромным количеством коммерческих заведений, в том числе магазинами одежды, ресторанами, книжными и музыкальными магазинами, залами для японского бильярда и другими развлечениями. Это сделало дорогу одним из главных мест притяжения для молодых автомобилистов, приезжающих сюда за покупками и развлечениями. Шоссе № 16 распространяет токийскую городскую культуру на жителей пригородов, так что они могут удовлетворять все свои основные нужды, не выбираясь в центр города. Или же можно сказать — протест против сверхцентрализации города получил поддержку снизу. Многоцентровая концепция развития города, сыграв свою роль, была затем отменена, оставив два крупных артефакта в память об этом этапе городского планирования: это здание правительства Токио в Синдзюку (мэрия переехала туда в 1991 году) и застройка водного фасада. В обстановке непрекращающегося роста населения акцент естественным образом был сделан на строительстве железных и автомобильных дорог по традиционным радиусам от Токио. Но по мере снижения темпов роста населения и спада в экономике эру городского планирования, ориентированного на внешнюю экспансию коммерческих и деловых районов, пришлось завершить. В официальном генеральном плане развития Токио, принятом в 1995 году, провозглашается переход от многоцентровой планировки к «обновлению функций исторического центра». Эта новая политика отражает понимание необходимости сменить приоритеты в городском планировании от постройки новых городов-спутников к проектам обновления существующей городской инфраструктуры, оснащению и расширению новых развивающихся городов, улучшению качества городской среды для людей, живущих и работающих в городах.

Город, в котором можно обойтись без машины

Удобство токийской системы городского транспорта не нуждается в доказательстве. Сравнивая применения различных видов транспорта в Токио, Киото — Осаке, Нагое, мы увидим, что коэффициент применения рельсового транспорта в японской столице равен 25%, что выше, чем в Киото — Осаке (18%) и Нагое (10%). Коэффициент применения

Олимпийская деревня-2020, Old Harumi International Convention Center



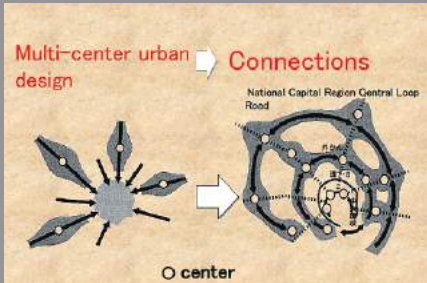
1. Многоцентровая планировка города в 1986 г.



2. Долина Канто и Центральная кольцевая автодорога



3. Центральная кольцевая автодорога и ее роль



4. От многоцентровой планировки к «связности»



5. Водный фасад Токио



6. План кольцевых дорог (1927, 1946)



7. Разноуровневое пересечение в Токио: Акасака-Мицзүкэ



8. План кольцевых дорог — построенные и строящиеся



9. Транспортный опрос граждан (1988 и 1998)



10. Центральная кольцевая дорога Metropolitan Expressway

общественного транспорта в ЕС (включая не только рельсовый транспорт, но и автобусы!) составляет всего 10%. Понимая, что эти показатели требуют улучшения (в том числе по экологическим соображениям), власти ЕС в настоящее время внедряют проекты, известные как CIVITAS (аббревиатура от City-Vitality-Sustainability, то есть «устойчивость экосреды города»), которые предусматривают субсидии в размере до 50 млн. евро отдельным городским администрациям.

Система рельсового транспорта в Токио настолько разветвленная, что большинство жителей города легко обходятся без собственного автомобиля. Общее количество станций метро и городских железных дорог в 23 районах Токио — включая государственные и частные — уже превысило 520. Это заметно превышает показатели Нью-Йорка, Лондона, Парижа, где таких станций приблизительно по 400. В Токио сеть железных дорог настолько плотна, что практически в любой точке города вы найдете станцию в пределах шаговой доступности. В районах, расположенных вокруг центра города, более 90% домовладений находятся в пределах 10-минутной ходьбы от станции метро или электрички. Другая важная характеристика железнодорожной сети в Токио — обилие общих участков между государственными и частными линиями разных направлений, в том числе пригородных. В результате во многих случаях пересечь с одной линии на другую можно без перехода. Пересадки такого типа имеются лишь в нескольких городах мира (в том числе в Сеуле, где существуют подобного типа пересадки на аэроэкспресс), но нигде они не применяются так активно, как в Токио. Беспереходные пересадки сейчас воспринимаются в Токио как должное, и время в пути на типичных городских маршрутах за счет них заметно сократилось. Если брать крайний случай, то сейчас возможно проехать из Тиба-Ньютауна до аэропорта Ханэда по непрерывной линии (на которой, однако, работают разные операторы): линия Хокусо — Кёдо (Hokusô Development Railway и ныне выбывшая из игры Urban Development Corporation); линия Кэйсэй (Keisei Electric Railway), линия Тоэй-Асакуса (Tokyo Metropolitan Bureau of Transportation) и, наконец, линия Кэйкю (Keihin Electric Express Railway). Непрерывный маршрут с линии Хокусё до аэропорта Ханэда функционирует ежедневно. Будучи одной из составных частей поддержки горожан, развитие инфраструктуры, в том числе железных дорог, автострад и портов, необходимо частным лицам и предпринимателям для различных экономических, социальных и культурных целей.

Самая удобная в мире рельсовая система

Токийская беспереходная система рельсового транспорта появилась не в одночасье. Первая такая пересадка с продлением линии Тоэй-Асакуса от Асакусабаси до Осиагэ была создана в 1960 году. Прежде чем сопряжение стало возможным, токийский департамент транспорта

В Токио сеть железных дорог настолько плотна, что практически в любой точке города вы найдете станцию в пределах шаговой доступности

и Keisei долго и тщательно координировали свои планы развития сети и согласовывали многочисленные детали. На сегодняшний момент протяженность частных линий наземных железных дорог в Токио составляет 330 км, а подземных — 240 км, в то время как государственные железные дороги насчитывают 300 км. Это говорит в пользу важности сопряжения между метрополитеном и частными железными дорогами, которое сделало перемещение по Токио на общественном транспорте заметно удобнее. Еще одна особенность, делающая токийскую железнодорожную сеть уникальной, — это две полные кольцевые линии, Яманотэ (государственный оператор; открыта в 1925 году) и Тоэй-Эдо (подземная). Эта последняя линия открылась в 2000 году, и пассажиропоток на ней продолжает увеличиваться, благодаря многочисленным точкам пересадки на другие линии (21 из 28 станций).

Между тем, несмотря на не имеющие аналогов удобство и сложность системы токийских городских железных дорог, проблема их переполнения стоит весьма остро. Следующая фаза развития сети — это, скорее всего, внедрение тонких систем выстраивания приоритета в движении. Таким образом, существующие линии будут соединяться намного более удобным способом. Еще один из приоритетов городских властей — строительство новых кольцевых линий. Это необходимо, чтобы удовлетворить потребности изменившихся пассажиропотоков: сейчас они перераспределяются от традиционной схемы «окраины — центр» в более сложную систему связей между периферийными районами Токио. Доказательство этого — переполненные хордовые линии, такие как Мусасино и Намбу.

План развития кольцевых дорог в Токио после землетрясения

В нью-йоркском Манхэттене постоянные пробки, несмотря на то что плотность улично-дорожной сети составляет более 20%. Причина такой высокой плотности — в скоплении небоскребов. Однако трафик между Средним и Нижним Манхэттеном (где и стоит основное количество небоскребов) также напряженный, и причина здесь в жесткой «решетке» уличной сети. Автомобили вынуждены постоянно останавливаться на светофорах.

Самым рациональным способом улучшить условия для автомобильного движения можно назвать строительство нескольких скоростных транспортных колец в дополнение к сложившейся улично-дорожной сети. Кольцевые магистрали строятся внеуличными, пересекают городские улицы при помощи тоннелей или эстакад. Подобный план строительства кольцевых дорог был и в Токио. К сожалению, он так и не осуществлен. План кольцевых дорог Токио включает в себя восемь транспортных

колец — такого не запроектировано нигде в мире. Он был принят в 1927 году как составная часть плана реконструкции города после разрушительного землетрясения Канто 1923 года. Сейчас, 80 лет спустя, построены лишь две кольцевые магистрали — 7-я и 8-я. Токио необходимо активизировать строительство остальных колец, особенно тех двух, которые проходят непосредственно через возрожденный центр города: это 3-е транспортное кольцо (Гайен-Хигаси-дори — Котогои-дори — Митсумэ-дори) и 4-е транспортное кольцо (Гайен-Ниси-дори — Синобазу-дори — Мэйдзи-дори — Марухачи-дори). Когда эти трассы вступят в строй, дополняя две уже возведенные кольцевые магистрали, Токио станет одним из самых легких и приятных для водителя городов мира.

Облегчение транспортной ситуации посредством системы магистралей Сьюто

Согласно результатам Транспортного опроса граждан (сравниваются результаты 1988 и 1998 годов), проведенного совместно муниципалитетами Токио и окрестностей, основное направление пассажиропотока в черте города уже меняется от челночной схемы «центр — окраины» к более сложной связи между разными районами города. Как показывает иллюстрация, модель роста трафика (темп роста отражен в толщине линии) стала заметно сложнее и разнообразнее. Это результат перемен в типе офисной работы — если ранее львиную долю работы составляло обслуживание документооборота, то сейчас это творческая работа и переговоры, что вполне соответствует зафиксированному переходу Японии от индустриального к информационному типу общества. На протяжении многих лет четырехполосная внутренняя кольцевая автомагистраль Сьюто была единственной кольцевой дорогой, соединяющей радиальную сеть национальных автомагистралей, сходящихся к Токио. Весь поток легковых и грузовых автомобилей, пересекавший долину Канто, должен был идти по этой дороге, даже те, кому в Токио делать было нечего. Кольцевые дороги могут играть огромную роль в облегчении транспортной ситуации не только на внутригородской улично-дорожной сети, но и на автомагистралях.

После Второй мировой войны в Лондоне и Париже были приняты планы кольцевых магистралей, проходящих по окраинам города, и на данный момент эти проекты практически завершены. Лишь в Токио эти планы далеки от воплощения. Городу требуется увеличить темпы дорожного строительства и достроить кольцевую систему автомагистралей. Когда будет открыт последний участок, шоссе Синагава, пробки на кольцевой магистрали Сьюто будут сведены к минимуму.

Как обеспечить согласные действия в администрации большого города Национальной особенностью японцев считается склонность к жестким и быстрым правилам и процедурам и четкое их соблюдение. Однако управление таким городом, как Токио — одним из величайших в мире, дает проявиться и другим качествам: гибкости и способности к адаптации. Токио как «столичная префектура» состоит из 23 специальных районов и 39 городов, поселков и деревень. 23 специальных района площадью 6000 гектаров насчитывают 8,5 млн. человек населения, имеют особые административные полномочия. Как гласит Закон о местном самоуправлении, в специальных районах административные функции, требующие координированного управления «для обеспечения согласного

и единого администрирования крупной и густонаселенной городской территории», осуществляются непосредственно правительством Токио, а не на уровне районов.

На практике это означает, что специальные районы не могут независимо друг от друга обеспечивать водоснабжение, канализацию, пожарную охрану и тому подобное. Ими занимается правительство Токио, управляющее ими как единым целым. Впрочем, полномочия в сфере градостроительства, утверждения застройки и тому подобного постепенно передаются на уровень районов — хотя в масштабных проектах право решающего голоса по-прежнему принадлежит правительству Токио. Сбор бытовых отходов относится к компетенции районов, но его вывозом и утилизацией занимается правительство Токио. Оно же держит под контролем огромное количество услуг, которые обычно оказывают мэрии крупных городов: обеспечивает работу общественного транспорта, государственного здравоохранения и образования, муниципального жилого фонда, кладбищ и крематориев. Впрочем, и здесь в некоторых аспектах полномочия города передаются на уровень районов.

Токио, хотя и не является полноценным муниципалитетом, собирает некоторые налоги, обычно являющиеся прерогативой региональных правительств: муниципальный налог по числу жителей с корпораций; фиксированный налог с имущества, специальный налог на землю, налог на открытие бизнеса, налог на развитие города. Муниципальные налоги делятся между городским правительством и администрациями 23 районов, причем районам предоставляется «балансирующая субсидия» по мере необходимости. Размер этой субсидии устанавливается мэрией после консультаций между правительством Токио и районными властями. Система финансовой стабилизации специальных районов перераспределяет доходы по вертикали подобно системе местного налогообложения, в соответствии с которой центральное правительство распределяет доходы от налогообложения между регионами. Однако особенность токийской системы в том, что доходы перераспределяются еще и горизонтально, между 23 районами.

23 района и их развитие

Изначально 23 района Токио не были самоуправляемыми единицами, а лишь подразделениями города Токио с унитарным управлением. Перед Второй мировой войной город Токио (Токио-си), в свою очередь, входил в более крупный столичный регион Токио (Токио-фу) вместе с окружающими районами. В 1943 году, упрощая систему управления ради сокращения издержек в военное время, районы слили в единый столичный регион Токио (Токио-то). С тех времен — в результате нескольких административных реформ — появилось нынешнее территориальное деление

города на 23 специальных района. Они развиваются из полностью зависимых подразделений городской мэрии в сторону самоуправляемых единиц. Введение выборности глав районов в 1975 году было важным шагом на этом пути — до этого главы районов назначались мэрией. На протяжении этого периода районы отстаивали для себя все больше и больше прав, преодолевая сопротивление правительства Токио, которое апеллирует к важности единства и согласия в администрировании большого города. Результатом этого конфликта стала постепенная ревизия системы, проявляющаяся в последовательных изменениях. Являются ли сейчас районы Токио самоуправляемыми единицами? Простого ответа на этот вопрос не существует. С одной стороны, жители районов сами выбирают себе глав администрации и депутатов районных собраний. Однако полномочия тех и других заметно ограничены по сравнению с другими японскими муниципальными образованиями. Эта гибкая и аморфная система делает управление Токио уникальным и удобным. В Токио городская политика весьма запутана, а подходы к городскому планированию хаотичны. Не существует единой философии или видения будущего города в целом. Тем не менее конфликты между конкурирующими группами интересов обычно решаются, город управляется в штатном режиме и указанная хаотичность может даже показаться заволаживающей.

Заключение

Чтобы исправить перекос в сторону концентрации бизнеса в нижнем Токио и создать приемлемый образ жизни с балансом между жильем и рабочими местами, следует предложить дальнейшую диверсификацию столичной территории: предпринимателей нужно стимулировать распределять офисы по субцентрам. Однако в самом историческом центре Токио в 2002 году был построен крупный бизнес-центр Маруноути-билдинг. В 2003 году появился центр Роппонги-хиллз, и в этом году впервые за десятилетие возрос пассажиропоток в направлении от окраин к центру. Этот рост был связан не с работниками, а с посетителями, желавшими посмотреть на новые достопримечательности в самом центре города.

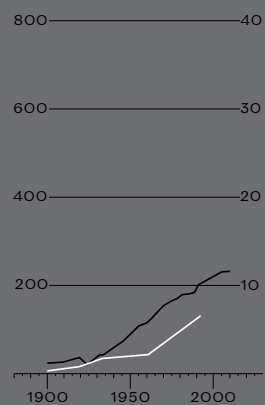
Это было больше 10 лет назад. С тех пор в центре Токио и на прилегающих к нему площадках продолжают возводиться бизнес-центры, большая часть которых не ограничивается деловыми функциями: там есть отели, рестораны, магазины, салоны услуг, университеты и так далее. Причина этому — то, что в наш информационный век основное назначение офисного здания — не массовая переработка бумажных документов и прием посетителей, а творческая работа и обмен знаниями. В наше время машины берут на себя большую часть рутинной канцелярской работы, а люди посвящают себя занятиям более высокой интеллектуальности. Именно так в нынешнем мире создается капитал. Культуры и цивилизации процветают и движутся вперед через взаимный обмен. Контакт со специалистами в других областях знания вдохновляет людей и стимулирует их к дальнейшему интеллектуальному росту. Вот почему люди продолжают движение вперед, улучшая свои знания и понимание ситуации. В XXI веке горожанин высоко ценит качество застройки и городской среды, любит зелень и воду поблизости от дома. Токио нуждается в новом подходе к планированию, чтобы отразить эти новые приоритеты.

В 2020 году статус Паралимпийских игр значительно возрастет, и, таким образом, для создания подлинно безбарьерной среды потребуются особые усилия

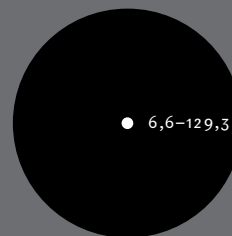
Токио мог бы извлечь пользу из Олимпийских и Паралимпийских игр, изменив в процессе подготовки к ним социальную среду. Из промышленного мегаполиса Токио должен стать центром искусств, развлечений, спорта. Токио может показать всему миру пример зрелого общества, в котором качество жизни поднято на новую высоту. Столица Японии уже сейчас достаточно хорошо приспособлена для пожилых и маломобильных людей по сравнению с другими городами; однако еще есть куда стремиться в плане создания безбарьерной среды. Учтем, что в 2020 году статус Паралимпийских игр значительно возрастет, и, таким образом, для создания подлинно безбарьерной среды потребуются особые усилия. Олимпиада в Японии, как предполагают, еще усилит страсть японцев к спорту — и здесь потребуются создание новой массовой инфраструктуры. Направление развития города сменилось: от требований, которые предъявлялись с 1960-х годов — справиться с разрастающимся потоком транспорта, — сейчас в Токио переходят к более тонким материям, характерным для развитых и зрелых обществ. Во втором десятилетии XXI века фокус градостроительной политики продолжает смещаться — от сооружения железных и автомобильных дорог, необходимых в 1960-х, к улучшению жилищной среды, экологии, водных угодий и озеленения. Все это необходимо для улучшения качества жизни горожанина .

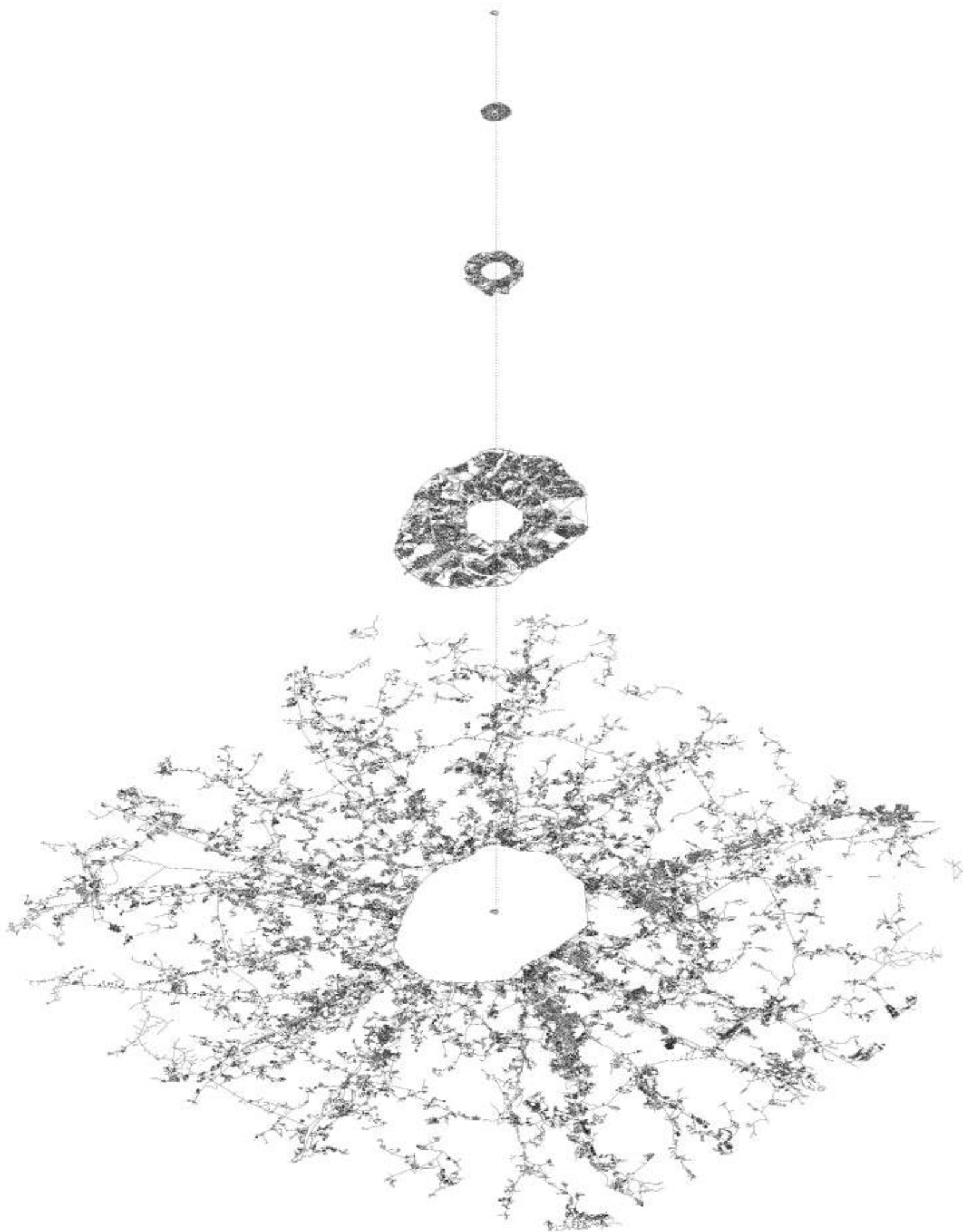
Москва

11.61 МЛН ЧЕЛОВЕК. 129300 ГА



19,6 PAR





S P A C E D

SOCIOLOGY ОБЩЕСТВО

Куратор
Алексей Левинсон

Рабочая группа
Валентина
Архангельская
Людмила Марфина
Анна Науменко
Рена Иванян

Организации
Левада-Центр

POLITICS УПРАВЛЕНИЕ

Куратор
Алексей Муратов

Сокуратор
Ольга Вендина

Эксперты,
авторы текстов и
аналитических записок
Михаил Блинкин
Валентин Богоров
Анна Броницкая
Наталья Волкова
Александр Ложкин
Тимоти Мизир
Глафира Паринос
Мария Ромакина
Джемал Сурманидзе
Ксения Толкачева
Эдуард Трутнев
Евгений Шингарёв
Алексей Щукин
Брайан Эванс
Алексей Яценко
Анатолий Белов

Организации
Высшая Школа
Урбанистики
Национального
исследовательского
Университета Высшая
Школа Экономики
ВШУ НИУ ВШЭ
SVESMI

ARCHITECTURE АРХИТЕКТУРА

Куратор:
Юрий Григорян

Сокураторы:
Сергей Ситар
Наталья Татунашвили

Рабочая группа:
Виктор Каровский
Марко Михич-Ефтич
Семен Расторгуев
Мария Славнова
Серафима Тельканова
Полина Филиппова

При участии:
Рубена Аракеляна
Марии Федоровой
Анастасии Фроловой

Эксперты:
Анна Броницкая
Нина Крайняя
Ольга Казакова
Валентина Мельникова
Хелен Афанасьев
Федерико Паролотто

Организации:
NextGis
АЭРОРЕКОРД
АРХНАДЗОР

CULTURE КУЛЬТУРА

Куратор
Григорий Ревзин

Рабочая группа
Розалия Тарновецкая
Маргарита Чубукова

Эксперты
Александр Гаврилов
Михаэль Шиндхельм

ECONOMICS ЭКОНОМИКА

Куратор
Алексей Новиков

Автор текста
Валентин Богоров
Александр Пузанов
Надежда Косарева
Татьяна Полиди

Рабочая группа
Екатерина Дыба
Мария Головина
Елена Путилова

Организации
Высшая Школа
Урбанистики
Национального
исследовательского
Университета Высшая
Школа Экономики
ВШУ НИУ ВШЭ

DATA ДАННЫЕ

Куратор
Алексей Новиков

Автор текста
Екатерина Серова
Валентин Богоров
Алексей Новиков

Рабочая группа
Филипп Кац
Андрей Лукашенко
Олег Киселев
Ирина Маслова
Сергей Христюков
Вадим Смахтин
Эдуард Хайман

Организации
Thomson Reuters
ОАО «МегаФон»
Mathrioshka

Москва вне центра: поляризация продолжается

Т. Г. Нефедова

В России уже давно принято осваивать территорию, исходя из неисчерпаемости человеческих ресурсов, а во второй половине XX века к этому добавилась эйфория от нефтедолларов, позволявших планировать затратные стройки в слабоосвоенных районах. Население России выросло с 67,3 млн человек в 1897 г. до 147,4 млн в 1989 г., а затем стало убывать: страна подошла к уровню развитых стран по рождаемости, но смертность при этом была намного выше. По прогнозам демографов и Федеральной службы государственной статистики, несмотря на принимаемые правительством меры по увеличению рождаемости, население будет убывать и дальше. Кроме того, за XX век оно стало другим. Если перепись 1897 года показывала, что в городах жили лишь 12% населения, то сейчас – 73%. Это означает, что сельская в начале XX века Россия, расширяя освоенное пространство, постепенно сжималась в городские сгустки. Рост городов и концентрация населения и его деятельности в отдельных очагах приводят к формированию центров и периферии. Этим проблемам посвящено множество работ (Грицай, Иоффе, Трейвиш 1991, Каганский 2001, Каганский 2012, Родоман 2002, Родоман 2012, Трейвиш 2003, Нефедова 2008, Нефедова 2013 и др.) Понятие российской периферии можно рассматривать полимасштабно: 1) в мелком масштабе - как периферию внешнюю, т.е. регионы и города, удаленные от столицы государства, 2) в среднем масштабе - как внутреннюю (районы и небольшие города, удаленные от центров регионов и расположенные между зонами непосредственного влияния крупных центров), 3) в крупном масштабе - как локальную (сельские территории, удаленные от городов, городские районы, удаленные от административного центра города). Показателем периферийности обычно служит физическая удаленность от некоторого центра – столицы государства, региона, большого или любого города, городского или сельского центра. Но не это главное. Возникновение периферии обусловлено поляризацией российского пространства и контрастами в направлениях и степени социально-экономического развития его частей.

Ареал притяжения

Усиление поляризации городов и сельской местности, в т.ч. по оси «центр-периферия», особенно заметно в последнее время. Расчеты по-

РИС. 1 ОСНОВНЫЕ УРБАНИСТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ЦЕНТРЕ РОССИИ



Авторы: А. Г. Махрова, Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. 2012

Возникновение периферии обусловлено поляризацией российского пространства и контрастами в направлениях и степени социально-экономического развития его частей.

казывают, что чем меньше размер города, тем больше вероятность его социально-экономической депрессии. В 2000-2010 г. к экономически неблагополучным (депрессивным) можно было отнести от 60 до 70% всех малых городов России (Нефедова, Трейвиш 2010, Нефедова 2013). Как правило, это удаленные от региональных центров города (исключение составляют «нефтегазовые» города, а также города с иностранными инвестициями и энергетическими предприятиями). На другом полюсе – крупнейшие центры, особенно Москва, для которых характерны лучшие возможности трудоустройства, более высокие доходы, дополнительные возможности неформальных заработков, креативная среда и т.п. В сельской местности различия между центром и периферией выражены еще больше.

Общий тренд усиления пространственных контрастов наиболее ярко проявляется на примере Московского региона. За 20 лет доля Москвы в численности занятых выросла с 6,9 до 9,5%, в розничном товарообороте – с 11,5 до 17,5% и даже в промышленном производстве (несмотря на то, что это один из основных постиндустриальных городов) – с 6,7 до 10,3%. Москва – это главный в стране центр контроля финансовых и товарных потоков, основное окно в мир, глобальный город. Москва и Московская область недостижимы: в 2009–2011 гг по объемам валового продукта, доходов и потребления они опережали Петербург с Ленинградской об-

РИС. 2. ЗАРПЛАТА В ГОРОДАХ ЦЕНТРА РОССИИ В 2010 Г., ТЫС. РУБ. ИСТОЧНИК: МАХРОВА, НЕФЕДОВА, 2013.

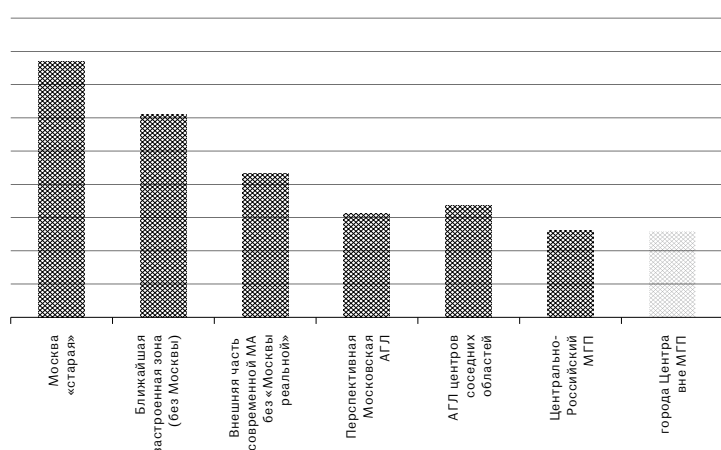
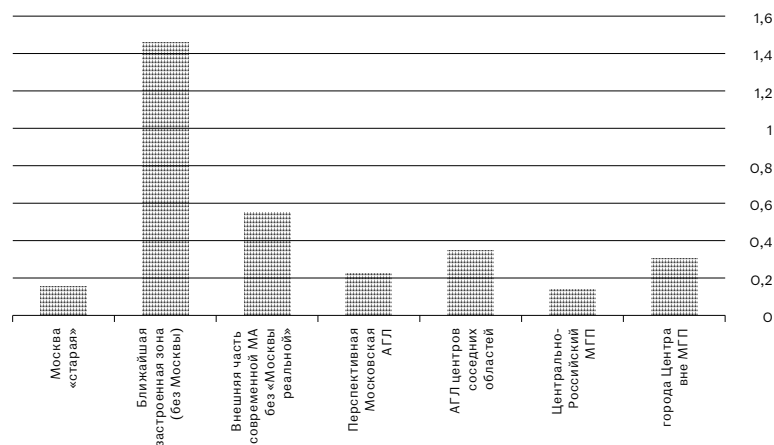


РИС. 3 ВВОД ЖИЛЬЯ В ГОРОДАХ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ЦЕНТРА РОССИИ В 2010 Г., МЕТРОВ. ИСТОЧНИК: МАХРОВА, НЕФЕДОВА, 2013.



ластью в 4–6 раз, по массе рублевых банковских вкладов – в 7 раз, по доходам консолидированных бюджетов – в 13,5 раза.

Обычно роль Москвы и Московской области рассматривается в официальных границах субъектов РФ. Однако главное в центре России не столько сами границы, сколько градиенты между Москвой и ее обширной периферией (рис. 1).

Сама столица четко делится на деловой центр и огромные зоны спальных районов. И хотя плотность постоянного населения различается в них не сильно, контраст между дневным и ночным населением выше на порядки. Ближайшая к столице зона за МКАД фактически сливается со спальными районами на окраинах «старой» Москвы. Эта зона сплошной застройки представляет собой так называемый «реальный» город. Административные границы здесь действительно условны: они делят части одной урбанизированной зоны. При этом из-за нехватки вылетных и хордовых магистралей МКАД давно стала барьером, препятствующим функционированию города и вызывающим автомобильный коллапс. Концентрация в центре рабочих мест с более высокой зарплатой (рис. 2) превращает московскую агломерацию в ареал притяжения трудовых мигрантов не только с ежедневным, но и с недельным, месячным и более длительным вахтовым режимом. Расширяясь из-за дачной экспансии москвичей, такая зона почти сливается с агломерациями столиц соседних регионов. А длительное «выкачивание» населения обеими столицами сформировало между ними своеобразную социально-демографическую «пустыню», типичную внутреннюю периферию. Чтобы представить степень централизации расселения достаточно сказать, что 53% всего городского населения областей в центре России сосредоточено на территории «реального» города, то есть в Москве и в почти слившихся с ней городах. Агломерации столиц соседних с Московской областью регионов концентрируют 22% горожан. В целом, в Центрально-Российском мегалополисе (рис. 1) сосредоточено 168 городов и 24 млн. городского населения – каждый четвертый горожанин России. Вне мегалополиса в регионах Центра России остается 86 малых и средних городов, но их доля в городском населении регионов составляет всего 2%.

Расползания не остановить

Что касается возможного развития ближайших к Москве зон мегалополиса, то его хорошо отражает рис. 3, где показаны огромные масштабы ввода жилья в «реальном городе» за МКАД. И хотя по сравнению с тремя предыдущими последнее расширение территории Москвы на юго-запад выглядит новацией, прошедший год показал, что расползания Москвы по типу масляного пятна не остановить. Несмотря на декларации о комплексном использовании и малоэтажном строительстве, застройка в радиусе до 15-20 км от МКАД в основном многоэтажным жильем представляется неизбежной (Махрова 2006, Махрова, Нефедова 2013).

Выплескиваясь за МКАД, спальные районы во многом несут в себе проблемы застройки 1970-1980-х гг. Преобладающее жилье эконом-класса разбавляется домами бизнес-класса, и дифференциация районов по качеству жизни и обеспеченности инфраструктурой остается. А планы правительства Москвы довести число москвичей, работающих рядом с местом жительства, до 40% так и не реализованы. Увеличение числа магазинов, торгово-развлекательных центров и офисов в старых спальных районах создает лишь видимость решения проблем, которые все более обостряются в более удаленных от центра местах. И хотя МКАД превращена в главную торговую улицу столицы, работает она не на местное население. Все вместе это превращает ближайшие пригороды и окраины «старой» Москвы в проблемные районы, где периодически возникают очаги возбуждения.

Разрастание и уплотнение спального кольца столицы одновременно с опустошением других регионов России продолжается. Это неизбежное следствие российской сверхцентрализации и доминирования Москвы и Московской агломерации за счет «столичной ренты» (Зубаревич 2013), незавершенности крупногородской урбанизации и отсутствия внятной региональной политики. Подавляющая часть строящегося многоэтажного жилья в Московском регионе приобретают или арендуют приезжие. Это способствует только усилению центрально-периферийных контрастов на всех уровнях: от различий внутри самого «реального» города до головокружительных перепадов между столицей, с одной стороны, и внутренней и внешней периферией, с другой.

Terra Incognita

МОСКВА

Владимир Каганский

Интервью: Глафира Паринос

Рассказать о роли и перспективах пространства между Третьим транспортным кольцом (ТТК) и Московской кольцевой автодорогой (МКАД) — так называемого бублика — мы попросили кандидата географических наук, старшего научного сотрудника Института географии РАН, теоретика российского культурного ландшафта Владимира Каганского.

— Какова, на ваш взгляд, роль «бублика» между ТТК и МКАД в функционировании Московской агломерации?

— Я рассматриваю эту весьма важную для города и агломерации территорию исключительно с теоретико-географической позиции на основе теоретически фундированных понятий. Эта зона — неизвестная, неизученная, непонятная! Серое пятно, у него даже нет названия, но ведь это значительная часть Москвы, существенная часть Московской агломерации и, что чрезвычайно важно, срединная зона Московской агломерации, чуть ли не ее пространственная основа.

Б. Б. Родоман ввел представление о позиционном принципе: «пространственное положение обязывает», в том числе определяет состояние ландшафта и наличие определенных функций территории, а я его дополнил принципом «статусной детерминации». Пространственное положение и статус территории в основном (на советско-постсоветском пространстве особенно) и задают состояние и функции места.

«Бублик» зажат между центром (Москвы, Московской агломерации, Центральной России, Российской Федерации) и МКАД, бывшей формальной границей города, а сейчас важнейшей внутренней контактной границей и линейной осью агломерации. «Бублик» — это внутренняя периферия.

Периферия обычно трактуется как дальняя/внешняя (углы Московской области — периферия Московской агломерации, Сибирь — России).

Внутренняя же периферия совмещает основные черты периферии (подчиненное положение вплоть до колониального, экономическая и культурная слабость и неразвитость, фрагментированность, ориентация на внешние центры) с положением внутри освоенных территорий, нередко на месте ранее полноценных культурных ландшафтов, сейчас деградирующих. Внутренняя периферия задается извне внешними активными территориями. Это новое представление и понятие для городской среды! Удручающее состояние ландшафта и социума — обычный удел внутренней периферии. «Бублик» обеспечивает город утилитарными неспецифичными функциями — селитьбы и производства, в том числе производства услуг. Это территория, без которой город не может обойтись, но которая не дает ничего для жизни города в полном смысле: для образа города, для его уникальности.

Периферия — это совокупность отдельных несамодостаточных мест, связанных исключительно с центром; в пространстве периферии решают свои задачи не соотнесенные со спецификой ее мест иные внешние

территории, центр; периферия живет не для себя. «Бублик» как внутренняя периферия — внутренняя колония Москвы!

— **Является ли пространство между ТТК и МКАД транзитной зоной между Замкадьем и территорией внутри Садового кольца?**

— Эта зона является транзитной только в той части и в том смысле, что через нее проходят транзитные магистрали. Будучи транзитной зоной, контактной зоной она не является, функций посредничества и медиации она не выполняет. По ней внешним образом, рассекая ее на фрагменты, идут магистрали. Налицо опять парадокс: транзитные для города и агломерации транспортные магистрали для «бублика» — препятствия (их трудно пересечь). То есть ее территорию используют именно как периферию, для решения внешних задач.

Но всякая полноценная зона культурного ландшафта, тем более городского, должна выполнять связующие, опосредующие, контактные функции. «Бублик» этого лишен, несмотря на обязывающее пространственное положение.

— **Есть ли в пределах изучаемой территории потенциал развития новых центральных точек, которые могут стать точками роста, либо все развитие будет происходить уже только за МКАДом?**

— Возможности есть, может быть и значительные, но шанс их реализации неясен, поскольку зависит от общей ситуации в стране. Московская агломерация — важнейшая часть страны, и потому ее срединная зона не может не реагировать на общую ситуацию. Внутри «бублика» уже есть вполне реальные точки роста. Например, на Юго-Западе так называемый золотой полумесяц (престижные вузы, новые театры и т.д.). Вторая ось — это Сокол — «Динамо» и т.д. Город в узком, точном смысле (уже МКАД) вытянут на северо-запад и юго-запад.

Важнейшими ресурсами «бублика» являются:

- срединное (потенциально богатое) пространственное положение;
- наличие некоторых частью старых, частью новых отдельностей, то есть потенциальная структурированность и оформленность;
- достаточное территориальное разнообразие, в том числе важные парки, свободные или освобождаемые территории.

— **Находясь в городской черте, обладает ли «бублик» чертами города?**

— Нет. «Бублик» обладает чертами городской среды, урбанизированной, в том смысле, что это не сельская среда. Чертами города он не обладает, потому что город — это не только концентрация населения, но еще и концентрация разнообразия и непременно центральные функции. В целом «бублик» для города, и тем более для страны, центральных функций не несет. Кроме протуберанцев центра, направленных в сторону Кутузовского проспекта, Сокола и Юго-Запада. Там могут возникать реальные точки роста, и они уже возникают.

— **Как сильно повлиял центр на формирование территории в том виде, в каком мы видим ее сейчас?**

— Центр сформировал под себя колонию для решения своих задач: для создания промзон, для расселения пролетариата. Это участь всякой периферии. Здесь центр решал свои, внешние по отношению к территории задачи, а не территория развивалась. Периферия не развивается

сама — ее проектируют. Аналогична Северо-Западная Сибирь, которая существует не сама по себе, а лишь для обеспечения определенных государственных интересов. Если бы эта территория развивалась самостоятельно, она была бы, наверное, другой. Периферия — это территория не развития, а функционирования, выполнения внешних, навязанных центром задач.

— **Так ли сильно сейчас влияет центр? Не является ли сегодня периферия самостоятельной формацией?**

— Так и есть. Она живет в определенной — неизвестной — мере самостоятельно. «Бублик» — это самая неизвестная, самая непонятная зона всей Московской агломерации. Впрочем, и сама Московская агломерация плохо изучена и еще хуже понята, как и советско-постсоветский город вообще.

— **При проработке программы развития «бублика» можно ли воспринимать ее как единое целое?**

— Нет, нельзя. Или очень частично и условно. «Бублик» — сумма фрагментов одного или нескольких узловых районов. Это фрагментарная территория. Ее единство только в пространственном положении. Изучать его без изучения территорий за МКАДом и внутри ТТК — это изучать фрагмент. Эта территория обладает определенными чертами однородности. Но, чтобы иметь программу и даже шанс развития, надо быть осознанной целостностью. Эта территория не является осознанной целостностью. Это опять будет внешняя программа развития, которая войдет в конфликт с какими-то неизвестными, невыявленными интересами, и ситуация только усугубится. Для самостоятельного развития территории необходимо инициировать субъектность. Но при нынешнем формате центральной власти это не представляется возможным. Только район, который реален для населения, представляет для него ценность, может служить предметом заботы, социального, культурного действия. Какие реально сформировались районы внутри «бублика» — неизвестно. Понять, как именно дифференцирована территория «бублика», увидеть систему ее зон и районов, пространственно-ландшафтную (и смысловую) структуру без эмпирического изучения, и мощного теоретизирования, и полевой работы нельзя. Пока это фиктивный объект, белое пятно. Это terra incognita.

— **Влияют ли на «бублик» территории за МКАДом? Каким образом?**

— Да, влияют. Во-первых, что тривиально, это рекреационный ресурс. Во-вторых, МКАД надо понимать уже не как линейную магистраль, а как торгово-логистическую зону с утилитарными, но центральными функциями. МКАД и ближнее Замкадье — это по отношению к «бублику» внешний центр, альтернатива старому центру.

Но эта зона — неполноценная альтернатива центру, поскольку она не выполняет культурных, символических, сервисных, досуговых и т.п. функций. Там нет большого количества концертных залов, театров и т.д., потому что нет фантазии и креативности. Креативные ресурсы уходят в иные пространства: Интернет, социальные сети, медиа и т.д. Инициатива и активность уходят из офлайна в онлайн, из ландшафтного пространства в фазовое пространство...

SPACED: междисциплинарность и гуманитарный поворот

Сергей Ситар

«Археология периферии» — по сути первое крупное междисциплинарное урбанистическое исследование в постсоветской практике, поэтому его формат и методологический каркас представляют особый интерес. Пояснения здесь требуют четыре ключевых момента. Во-первых, сознательный выбор в пользу равноправной междисциплинарности, что можно считать выражением исторической «смены вех» в системе формирования научных представлений о городе и его развитии. Во-вторых, происхождение и релевантность набора из шести «монодисциплинарных» направлений, по которым строилось исследование, обозначенное аббревиатурой SPACE(D) — по первым буквам английских слов Sociology, Politics, Architecture, Culture, Economics, Data. В-третьих, особенности форматов и методик работы по каждому из этих направлений, как пришедшие из практик соответствующих дисциплин, так и ставшие результатом перекрестных взаимодействий между ними в ходе дискуссий. В-четвертых, синтетическая и эвристическая ценность, а также принципиальные ограничения междисциплинарного подхода, выявившиеся в процессе.

Иллюзия нейтральности

За последние несколько десятилетий междисциплинарность в мировой урбанистике стала ведущим трендом. Сегодня уже трудно поверить, что в начале 1960-х годов эта сфера знаний стремилась к прямо противоположному. Казалось важным отмежеваться от всех остальных академических дисциплин, доказать свое монопольное право на подлинно научное описание и истолкование предмета под названием «город». Город как предмет науки при этом мыслился и конституировался в виде абстрактной, трансисторической и трансгеографической сущности: не Калькутта, не Мехико, а то общее, что объединяет все города мира. Претензии же других дисциплин на значимые исследования данного предмета отвергались под тем предлогом, что это исследования «в городе», а не «о городе»¹. Культурные и социологические ракурсы, темы вроде подростковой преступности или религиозных убеждений жителей принципиально выводились за рамки рассмотрения как не связанные с проблемами урбанистики «в строгом смысле».

Закономерным итогом этой эссенциалистской стратегии стало сведение предмета «научной» урбанистики к комбинации двух понятий: демографической структуры и пространственной (экологической) локализации. При этом даже экономические аспекты, не говоря уже о политических и социальных, принимались во внимание лишь в той мере, в которой их можно было трактовать как производные от двух «базовых». Причиной радикального изменения ситуации послужил энергичный выход на сцену в 1960-е годы гражданского активизма, направленного против сложившихся

1 АБСТРАКТНЫЙ ГОРОД

«Правда тем не менее в том, что с точки зрения точной науки "город" — это не какое-то конкретное место. Это не Цинциннати, не Бангкок или Нью-Дели, не Ливерпуль, Лима или Себу. Скорее, это все эти города, рассмотренные в определенном ракурсе. Что именно становится значимым в этом ракурсе, определяется лишь им самим, но не тем, что физически присутствует или отсутствует в том или ином городе».

Urban Research Methods / Jack P. Gibbs ed.
Toronto — London — New York — Princeton:
D. Van Nostrand Co Inc., 1961. P. XIV–XV.

модернистских практик планирования и развития городов. Одна из ведущих ролей в подъеме этого движения принадлежала американской журналистке и исследовательнице Джейн Джекобс², основные теоретические работы которой были в ускоренном темпе и с большим успехом опубликованы на русском языке за несколько последних лет. По мере перерастания разрозненных оппозиционных выступлений в массовые протесты стало очевидно, что в основе политического кризиса лежит не столько несовершенство конкретных планировочных решений, сколько сам присутствующий профессиональной урбанистике способ концептуализации своего предмета. Стремясь очистить научное определение города до состояния предельно «объективной» абстракции, урбанисты и планировщики на деле создавали инженерно-биополитическую модель, которая в наибольшей степени отвечала интересам государственной бюрократии и крупных девелоперских корпораций. Показательно, что этот недуг одновременно и одинаково глубоко поразил урбанистику как в западных государствах «всеобщего благосостояния», так и в восточных государствах «развитого социализма». Оказалось, что исследовательская оптика профессионалов — в полном соответствии с постулатами феноменологии — не нейтральна, а интенциональна. Она искажена их безотчетной расположенностью в пользу вполне конкретных процедур практического воздействия на мир (в данном случае — индустриального девелопмента), осуществляемых с совершенно определенных (высоких) позиций в системе общественного производства.

Но как прийти к неискаженному пониманию городской действительности, если, как утверждает феноменология, любое знание неизбежно является проводником и инструментом практических устремлений тех или иных конкретных исторических субъектов: социальных групп, политических классов, профессиональных сообществ и т.д.? Ответом на этот вопрос и стало развитие междисциплинарного подхода, основанного на принципе эпистемологического плюрализма. Поскольку в индустриально-модернистский период урбанистика отдавала явное предпочтение техническим и физиологическим моделям, наиболее заметной и типичной чертой нового этапа оказался поворот внимания в сторону гуманитарных дисциплин: стремительно возросло влияние социологии, истории, культурологии и антропологии, усилились позиции политической критики и институционального анализа, возник и утвердился новый жанр «художественного исследования» городских территорий.

2 ДЖЕЙН ДЖЕКОБС

Наиболее влиятельная в политическом плане работа Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов» (*The Death and Life of Great American Cities*, 1961) была выпущена в переводе Л. Мотылева московским «Новым издательством» в 2011 году.

Выход в SPACED

Для «Археологии периферии» прототипом набора дисциплинарных направлений для интеграции в общую повестку стала методология ESPAC:

Economics, Sociology, Politics, Art, Culture. Эта методология — образовательный формат, который был разработан в 2011 году программными директорами Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» А. Смирновой и Д. Эриксоном преподавателями Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» в качестве опорного каркаса учебной программы и рекомендуемой методической базы для студенческих исследований. Матрица SPACED включила в себя все дисциплинарные компоненты ESPAC, только в измененном порядке и с одним содержательным отличием: символом А было обозначено направление «архитектура». При этом подразумевалось, что в рамках этого направления, помимо художественных аспектов городской среды и культуры, будут рассмотрены темы, традиционно входящие в компетенцию градостроительного анализа: пространственно-планировочная структура, ее история и физические составляющие городской ткани. Кроме того, к набору ESPAC в новой дисциплинарной матрице добавился обозначенный буквой D раздел «Данные» (Data), посвященный осмыслению новых исследовательских и практических возможностей, которые возникли в связи с происходящей на наших глазах ускоренной информатизацией городского пространства. Хотя основным предметом изучения в данном случае стала индустриально-модернистская периферия Москвы, этот пространственный комплекс решено было проанализировать в контексте гораздо более масштабного и разнообразного класса явлений, а именно целого спектра новых периферийных и полупериферийных городских типологий, рождение которых стало результатом глобального урбанизационного скачка XX века. Каталог этих типологий представлен и прокомментирован во вступительной части исследовательского отчета. Работа с каталогом позволила проектной команде, с одной стороны, выделить универсальные, транскультурные характеристики и факторы «городской акселерации», а с другой — составить более рельефное и выверенное представление о том, что в действительности делает микрорайонный пояс Москвы специфическим и уникальным.

Общую стратегическую тенденцию, которая проявилась в работе всех шести направлений уже на стадии исходной формулировки их «внутренних» задач, можно определить как стремление к качественному обновлению концептуального аппарата классической урбанистики, строившегося вокруг таких редуктивных понятий, как «население», «трудовые ресурсы», «места приложения труда» и «материальные потребности». На смену этой фордистской оптике пришел существенно более заинтересованный, «включенный» и интерактивный способ восприятия живущих в городе людей как носителей определенных мотиваций, культурных архетипов, идеологий, понятийных фреймов, ментальных карт и ритуалов повседневного поведения. В рамках каждого из направлений такой гуманитарный сдвиг выразился по-своему, при этом на самом базовом уровне методической дифференциации шесть направлений разделились на три группы: ретроспективную (физические отпечатки идей и сложившихся практик), интроспективную (анализ мышления и действия акторов в настоящем) и проспективную (проблемно-ориентированный подход, видение будущего).

Особые пути

Первые два направления — А и С («архитектура» и «культура») — «археологические» в наиболее непосредственном смысле. По своему характе-

ру они ближе всего стоят к классической урбанистике, поскольку рассматривают территорию прежде всего как систему физических артефактов и сценариев их использования. Однако общая смена эпистемологического ракурса в полной мере распространяется и на них.

Направление А ставит перед собой задачу не только реконструировать телесно-функциональную сторону формирования застройки и инфраструктуры микрорайонного пояса, но и вскрыть истоки стоявшей за этим процессом технократической социально-преобразовательной идеологии. Кроме того, в рамках направления А осуществляется кропотливая инвентаризация существующих элементов микрорайонного пояса (как своего рода *objets trouvés*), а также учет их сравнительной ценности в восприятии как официальных, так и неофициальных институций, занимающихся проблемой наследия.

Направление С ориентируется на сформулированный Мишелем де Серто и близкий ряду постклассических социологических течений (этно-методология, социология повседневности) принцип, согласно которому использование физических объектов человеческим сообществом представляет собой особый вид коллективного творчества, позволяющий гуманизировать эти объекты и наделить их ценными свойствами, в том числе символического плана. Взяв на вооружение эту логику и переведя ее в урбанистический масштаб, раздел С обращается к процессу стихийного размножения на территории «первой периферии» коммерческих городских сервисов. Фиксация неравномерностей в спонтанно сложившейся сети обслуживания позволяет выявить очаги «естественного» формирования новых, альтернативных общегородских центров.

Направления S и D («социология» и «данные»), в отличие от двух предыдущих, исследуют именно те аспекты города, которые классическая урбанистика не хотела или была не в состоянии включить в сферу своего внимания. Они представляют территорию как ландшафт ансамблевого мышления, мгновенных эмоциональных реакций и непрерывной турбулентной подвижности.

Раздел S на базе традиционных для социологии методов полевых опросов и глубинных интервью освещает проблемы, связанные с такими тонкими социально-психологическими факторами и понятиями, как локальная идентичность, резидентность и социальная стратификация. Материалы этого раздела представляют особый интерес в связи с постоянно растущей актуальностью (для Москвы и других крупных городов) темы интеграции мигрантов. Раздел D, как уже было сказано, делает предметом рефлексии и практически инструментализирует недавно открывшиеся возможности анализа городской инфосферы, в первую очередь данных операторов мобильной связи и цифровых социальных сетей. Новые технические средства, к которым обращаются авторы этого раздела, включают в себя не только поразительно информативный живой мониторинг мобильности по разным категориям

коммутеров в масштабе всего мегаполиса, но и технологии статистической обработки потоков содержательных сообщений, которыми обмениваются интернет-пользователи в системах с открытым доступом. Специально подобранные методы контент-анализа, в том числе анализ частотного распределения и сопряженности семантических единиц в привязке к городским топонимам, позволяют превратить этот беспокойный «информационный гул» в осмысленную динамическую картину восприятия и понимания городом самого себя.

Наконец, в разделах Е и Р («экономика» и «управление») исследуемая часть города предстает как ландшафт институциональных практик и становления новых типов политэкономической субъектности. Оба направления исходят из гипотезы о наличии у московской «первой периферии» скрытого потенциала, реализация которого наталкивается на барьеры в виде структурных диспропорций в использовании территории и/или недостатков системы управления.

Раздел Е, рассматривающий проблему слабой эффективности перехода к рынку в приложении к сектору жилой недвижимости на территории микрорайонного пояса, оперирует вполне классическими методами эконометрии, графического анализа и системного моделирования, что не мешает его авторам добиться впечатляющего результата за счет обширности и представительности собранных данных. Эти данные, помимо всего прочего, красноречиво свидетельствуют о том, что «монотонность» московских жилых новостроек — это не только и не столько эстетический, сколько экономический феномен, обладающий тревожными гомеостатическими и даже автокаталитическими свойствами. Формат направления Р — своего рода мысленный эксперимент, в ходе которого демонстрируется принципиальная зависимость вероятности позитивного сценария, принятого в качестве исходной гипотезы, от сочетания трех факторов:

- а) сбалансированного территориального развития Москвы в масштабе агломерации;
- б) успешной интеграции в систему управления гражданского общества в качестве «контрагента власти»;
- в) внедрения в практику управления микрорайонным поясом новых прогрессивных технологий, в том числе апробированных в других странах методов комплексной реконструкции и «резиденциализации» массового индустриального жилья.

Ограничения метода

Очевидно, что на системе методов и внутренней структуре проекта «Археология периферии» в полной мере отразилось общее для постклассической урбанистики стремление к сокращению теоретической дистанции и переносу площадки наблюдения в гущу городских процессов, в пространство живого повседневного опыта и исторической памяти каждого конкретного горожанина. В то же время данная исследовательская инициатива, как и ряд сходных международных проектов последнего десятилетия, наглядно показала, что уход от классического «эссенциализма», обращение к междисциплинарности и гуманитарный поворот отнюдь не ведут к отказу от теоретического моделирования как такового в пользу полного растворения исследователя в своем предмете и типичной для политического неolibерализма идеологии *laissez-*

Урбанисты и планировщики на деле создавали инженерно-биополитическую модель, которая в наибольшей степени отвечала интересам государственной бюрократии и крупных корпораций

faire. Каждая из включенных в проект дисциплин-участниц и каждая исследовательская методика принесла с собой свои специфические приемы обобщающей концептуализации и, соответственно, свою дистанцию моделирования. Основное отличие от классического этапа состояло в том, что ни одна из этих теоретических платформ уже не могла рассчитывать на привилегированный статус в общем контексте. Специализированные дисциплинарные языки описания все еще конкурируют друг с другом — свидетельством тому были жаркие дебаты между кураторами и контрибьюторами различных направлений практически на всех стадиях реализации проекта. Но именно столкновение и взаимодействие языков служили в данном случае гарантией конструктивности совместного поиска решений. Стало понятно, что команда исследователей превращается при таком подходе в миниатюрное отображение городского сообщества в целом, со всей его внутренней сложностью и неоднородностью.

Как справедливо отмечают критики междисциплинарности, в результате исследований такого типа редко появляются на свет описательные модели и сценарии практических действий, способные претендовать на титул единственно верных. Но это естественное ограничение (проявившееся и в данном случае) с лихвой компенсируется тем, что такие исследования создают условия для напряженного творческого переосмысления и совершенствования концептуальных инструментов, формирующихся в русле отдельных дисциплин. Каждый элемент системы категорий, в которых мы мыслим город, так или иначе влияет на траекторию законодательных и управленческих решений в конкретных ситуациях их принятия. Непрерывное уточнение и обогащение этой системы, осуществляемые в интенсивном междисциплинарном диалоге, возможно, не обещают внезапных революционных изменений, зато открывают перспективу преемственного и сбалансированного развития, примиряющего множество разнонаправленных интересов. Движение по эволюционному и дискурсивному пути, которое, увы, столь часто прерывалось в Москве резкими и разрушительными поворотами городской политики, со временем сможет подарить нам город, который представляет собой не панораму хронических противоречий, а слепок последовательного роста самосознания его жителей.

Куратор:
Юрий Григорян
Сокураторы:
Сергей Ситар
Наталья Татунашвили

Рабочая группа:
Виктор Каровский
Марко Михич-Ефтич
Семен Расторгуев
Мария Славнова
Серафима Тельканова
Полина Филиппова

Эксперты:
Хелен Афанасьефф
Анна Брновицкая
Нина Крайняя
Ольга Казакова
Валентина Мельникова
Федерико Паролотто

При участии:
Рубена Аракеляна
Марии Федоровой
Анастасии Фроловой

Дизайн выставки
«Археология периферии»:
Елена Угловская

Студенты МАРХИ, принимавшие участие
в создании карт доступности территории
и периодизации зданий:

Анна Гога
Василий Гончаров
Светлана Дудина
Владислав Капустин
Станислав Козин
Александр Козихин
Наталья Комарова
Анна Ленц
Дарья Носова
Екатерина Нуждина
Азамат Ныров
Александр Плоткин
Мария Серова
Марина Семушкина
Марина Скорикова
Николета Станкович
Ольга Тарасова
Сергей Чекмарев
Ксения Чернобровцева
Алёна Шляховая

Студенты МГУ курса «Урбанистика»
Ольги Зиновьевой, принимавшие
участие в создании интерактивной карты
периодизации зданий:

Анна Каганович
Мария Никитина
Екатерина Сапожникова

Студенты МГУ курса «Урбанистика» Ольги
Зиновьевой, принимавшие участие
в создании фотобанка ценных объектов:

Мария Волик
Богдана Герасимеца
Дарья Коренева
Полина Короткова
Татьяна Куманина
Регина Магомедзагирова
Юлия Неронска

Организации:
NextGis
АЭРОРЕКОРД
АРХНАДЗОР

S P A C E D

АРХИТЕКТУРА

Мобилизованный ландшафт — Сергей Ситар
Сетка, «бублик» и умные решения: Плотность населения
и использование площадей — Федерико Паролотто
Бразилиа: Жилые суперблоки — Хелене Афанасьевф
Почему в Тольятти не любят гулять пешком — Валентина Мельникова
Свободная планировка. Интервью с Ниной Крайней — Ольга Казакова
Город идей: История планирования — Анна Броновицкая
Новая земля. Суперпарк — Юрий Григорян

Мобилизованный ландшафт

АРХИТЕКТУРА

Сергей Ситар

Старая человеческая мысль говорит про новую, что она «тронулась». Вот почему для кого-то большевики — сумасшедшие.

Д. Хармс, 1930 г.

Введение: парадокс технологически ускоренного роста

Советский этап российской истории принято связывать с тотальным, сверхцентрализованным, избыточно детерминистским планированием. Изучение застройки московской «первой периферии» — территории между Третьим транспортным кольцом (ТТК) и Московской кольцевой автодорогой (МКАД) — показывает, однако, что ее весьма своеобразная морфология стала результатом процесса, не укладывающегося в рамки привычной для градостроительного мышления оппозиции между стихийным ростом и развитием по заранее разработанному плану. Начиная со знаменитой «Схемы размещения строительства» 1957 года генеральные планы Москвы носят все менее «проективный» и все более «ретроактивный», нагоняющий характер, то есть превращаются из проектов в документы, призванные узаконить и по возможности откорректировать нечто, уже свершившееся. Общие пространственные качества московской «первой периферии» задаются парадоксальным, исторически беспрецедентным алгоритмом развития, который, будучи в основе своей не только рациональным, но и по-своему поэтическим, оказывается в то же время полностью оторванным от классической градостроительной традиции с ее ориентацией на создание пространственных иерархий.

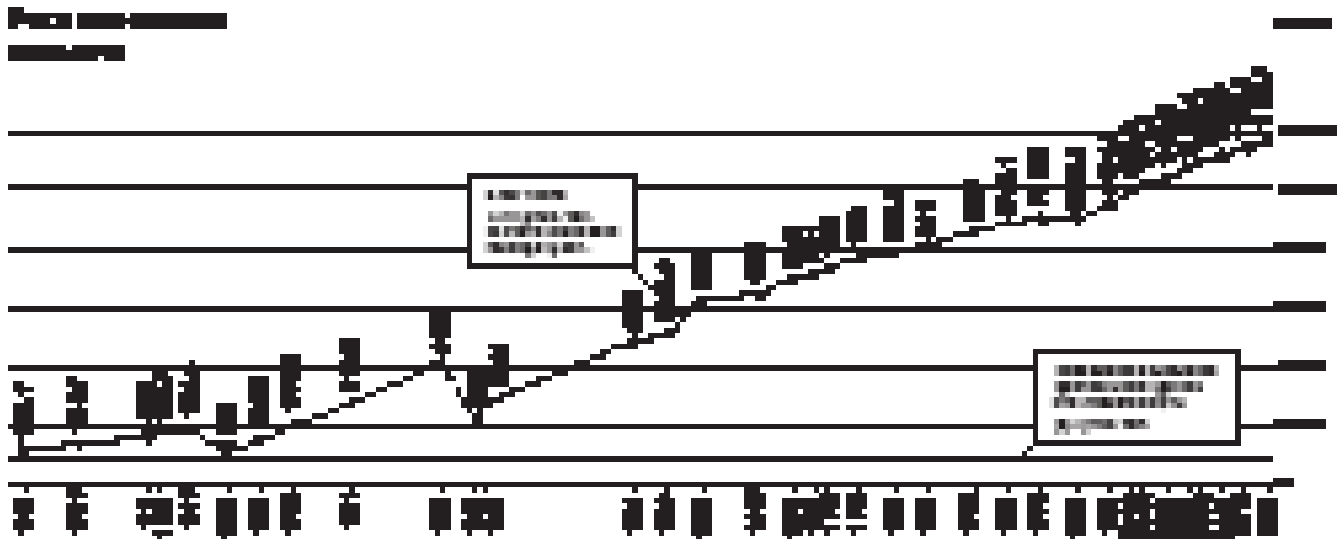
В противоположность прежнему «суверенному» режиму развития города, при котором политическая субъектность была связана прежде всего с укорененностью в том или ином конкретном географическом месте, новый алгоритм — режим массовой урбанизации, или **технологически ускоренного роста**, — является отражением резко увеличившейся мобильности населения, упразднения словных барьеров и необратимой ломки традиционных «хтонических» форм социальной идентичности, в итоге которой «основным местом жительства» человека становится система абстрактных экономических отношений и информационно-коммуникативная сфера. Теснее всего этот новый алгоритм соотносится с мышлением научно-техническим, а также с описанной французским философом Мишелем Фуко в 1970-е годы парадигмой «биополитики», или «биовласти», прочно завладевшей умами новоевропейского управленческого класса примерно с рубежа XVIII–XIX веков¹. У профессиональных архитекторов утверждение этой парадигмы до сих пор вызывает почти инстинктивный протест, в то время как инженеры и администраторы, воспринимающие действительность по преимуществу уже в этой новой «биополитической» оптике, все еще довольно слабо осознают ее суть и фундаментальную культурно-преобразовательную роль.

Хотя в Москве, в России, а также в странах бывшего социалистического лагеря алгоритм ускоренного роста осуществлялся (и продолжает

1 О ПАРАДИГМЕ БИОПОЛИТИКИ:

Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011;

Фуко М. Воля к знанию / Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.



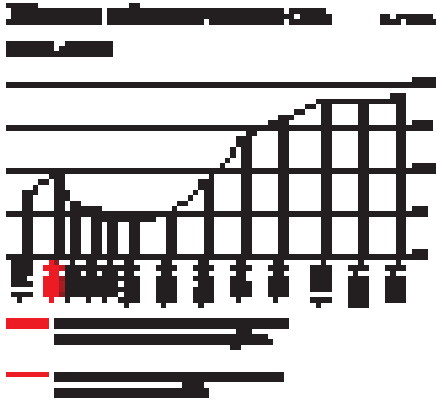
осуществляться) с заметными историческими особенностями, все же по своим истокам и распространению он представляет собой глобальное явление, не привязанное жестко к каким-либо конкретным формам государственно-политического устройства. Чтобы точнее охарактеризовать универсальную идеологическую основу этого алгоритма, имеет смысл попытаться разобрать ее «слой за слоем» — как результат наложения и взаимного усиления по меньшей мере трех масштабных модернизационных сдвигов:

- 1 Революции в области формализации и инструментализации знания, подготовившей переход к «информационному обществу» и «экономике знаний»;
- 2 быстрого и успешного проникновения в городскую жизнь достижений технической революции, резко изменившего повседневный опыт людей и ставшего опорой технократического оптимизма — веры в универсальную благотворность и потенциальную беспредельность возможностей техники;
- 3 драматического сдвига в понимании смысла и задач художественной коммуникации, породившего феномены «современного искусства» и «современной архитектуры».

1 Знание: числовая матрица вместо пространственно-геометрического и символического воображения

Архитектор и теоретик Пьер Витторио Аурели в своей недавно вышедшей книге «Возможность абсолютной архитектуры»² предложил четко противопоставить друг другу, с одной стороны, развитие города по архитектурным принципам, а с другой — урбанизацию как процесс, радикально чуждый архитектурной логике. В этой же работе Аурели напомнил, что само слово «урбанизация» и исходные принципы **теории** урбанизации были введены в европейский обиход инженером и планировщиком Ильдефонсом Серда, который в 1860 году предложил инновационный план расширения Барселоны, основанный на применении потенциально бесконечной прямоугольной сетки кварталов. Наиболее примечательным аспектом этого плана была, впрочем, не равномерная сетка как таковая, применявшаяся в градостроительстве как мини-

Начиная со «Схемы размещения строительства» 1957 года генпланы Москвы носят все менее «проективный» и все более «ретроактивный» характер



мум со времен планировки Гипподамом Пирее и Милета в V веке до н. э. Квартал в теории Серда служил не только и не столько элементарной ячейкой городского пространства, сколько единицей для расчета всего спектра функциональных потребностей населения: одна церковь на 9 кварталов, рынок — на 4, больница — на 16 и т. д. Иными словами, город освободился у него как от традиционной исторической «центрированности», так и от всякой материально-телесной пространственности, оказавшись сведенным к абстрактной, чисто математической формуле, напоминающей формулу химического вещества. Спустя менее чем столетие подобные же предельно компактные количественно-математические представления легли в основу массовой застройки на территории Москвы и других городов СССР: упрощенные планировки квартир определялись нормой жилой обеспеченности и демографической статистикой; конфигурация зданий — этими планировками и сведенным к минимуму набором выпускаемых ДСК типовых элементов; композиция районов и расстановка зданий — нормами по инсоляции, а также установленными СНИПом потребностями в различных видах обслуживания на душу населения и радиусами доступности.

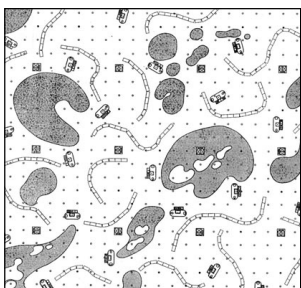
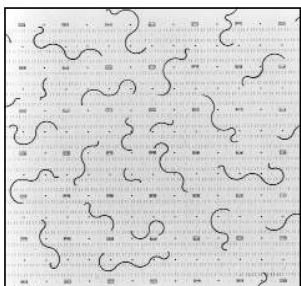
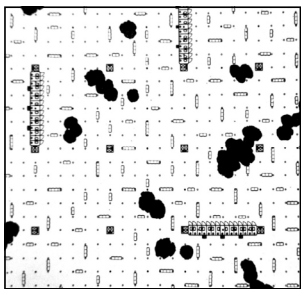
Все, что оказывалось вне сферы действия этих нормативных констант, рождалось в порядке циклопической скульптурной импровизации, которая на волне революции в домостроении получила название «свободной планировки», и которая по сути представляла собой вторжение в проектный процесс элемента чистой произвольности — наподобие применявшейся американским живописцем Джексоном Поллоком «техники дриппинга». Сценарий проектирования вплотную приблизился к черте, после которой каждая следующая необходимая порция городской среды могла бы автоматически моделироваться несложной компьютерной программой на основе одного-единственного плавающего параметра — числа людей, которых необходимо разместить.

Неудивительно поэтому, что понимание города как простого набора данных и продукта технического тиражирования стандартных решений до сих пор почти не встречает поддержки со стороны архитекторов. Такое понимание осталось чуждым для Ле Корбюзье, который ратовал за стандартизацию деталей, но в своих градостроительных проектах продолжал придерживаться принципов иерархии и центричности. Не разделяли его и члены московской архитектурной группы НЭР, расцвет деятельности которой совпал с кульминацией советского массового домостроения, — в НЭР-овских концептуальных схемах, при всей их абстрактности, всегда чувствуется стремление удержать город в состоянии целостного иерархизированного организма, не допуская его превращения в однородную «биомассу».

Для осмысления неограниченной однородности и серийности в качестве «открытой», но полноценной формы требовался концептуальный прорыв, в осуществлении которого первыми преуспели математики, которые еще в начале XX века усвоили и включили в аппарат своей дисци-

2 AURELI PIER VITTORIO.

The Possibility of an Absolute Architecture. Cambridge: MIT Press, 2011; русск. перевод первой главы: Проект International 35. М.: А-Фонд, 2013. С. 165.



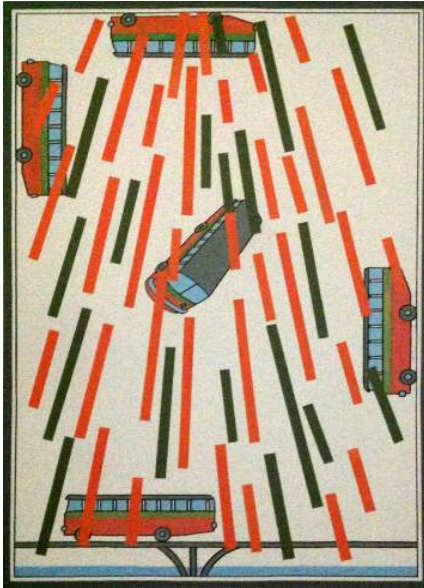
БЕЗОСТАНОВочный ГОРОД
Archizoom Associati. 1969–1971

плины выдвинутые Георгом Кантором понятия «открытого множества», «трансфинитных» и «кардинальных» чисел. В области же градостроительства как искусства, **производного от архитектуры**, апроприация открытой серийности продвигалась с трудом и произошла с огромным историческим опозданием — в период, когда советские микрорайоны и американские массовые типовые «левитт-тауны» уже стали вполне осязаемой повседневной реальностью. Манифестом усвоения архитекторами понятия «открытого множества» стал разработанный на рубеже 1960–1970-х годов итальянской группой Archizoom проект «Безостановочный город» (No-Stop City). На связь этого проекта с принципом технического тиражирования отчетливо указывает и то обстоятельство, что предварительные эскизы к нему были выполнены с помощью печатной машинки — беспрецедентный факт в истории архитектурного проектирования. При этом проект до сих пор воспринимается в профессиональной архитектурной среде скорее как маргинальный эпизод — остроумная, но мрачноватая пародия на тему «абсурдности современной цивилизации». Чем же объясняется это устойчивое идеологическое противостояние между архитектурным цехом и движущими силами урбанизации? Представляется, что на самом фундаментальном уровне архитектура неразрывно связана с **логикой вмещения разнообразий**, а значит ограничения и **дедукции**, в то время как наука, техника и индустрия упорно стремятся к тому, чтобы все более сложные и необъятные по масштабам явления получались (хотя бы в модели) из минимального числа простых элементов: нуклеотиды — из пяти типов атомов, геном — из двух пар нуклеотидов, организмы — из генома и т. д. Соответственно, районы массовой жилой застройки, родившиеся в момент глобального торжества этой научно-технической оптики, отвергают по ее требованию волнующую пестроту традиционного городского обитания ради предельно лаконичной трехэлементной формулы: **зеленый ландшафт, повисшие в небе спальные места, транспорт**.

Иными словами, помимо «функциональной», «индустриальной» или «фордистской» системы планирования эти районы олицетворяют собой также и всю стоящую за этим типом планирования просвещенческую поэтику всеобщего равенства, поворота к научному мировоззрению и рациональному преобразованию мира. Это поэтика радикального кенозиса, бескомпромиссного отречения от всех милых сердцу иллюзий и суеверий во имя грандиозного миростроительного начинания. И какими бы слабыми и двусмысленными ни казались в данный момент постиндустриальные «тени» просвещенческого проекта — такие, к примеру, как «информационное общество» и «экономика знаний» — мифо-поэтический потенциал этого проекта и присущей ему эгалитарно-экстенсивной пространственной логики пока далеко не исчерпан.

2 Техника: механизированная мобильность, конвейер и тотальный интерьер

Самый простой пример научно-технической генеративной абстракции — понятия «скорость» и «ускорение». Самое очевидное (хотя далеко не единственное) объяснение принятого в 1960 году решения о резком расширении границ Москвы до нынешнего МКАДа — возросшие возможности пассажирского и грузового транспорта. В своей знаменитой книге «Культура Два»³ Владимир Паперный кра-



УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ?

Илья и Эмилия Кабаковы. 2012. Фрагмент проекта «Утопия и реальность? Эль Лисицкий, Илья и Эмилия Кабаковы»

3 ПАПЕРНЫЙ В.

Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

4 В частности, за период с 1950 по 1975 год автомобильный транспорт почти сравнялся с железнодорожным по процентной доле в дальних грузовых перевозках (данные Госкомстата СССР).

5 Любопытно, что приводимая Хрущевым в мемуарах цифра для 1964 года выглядит заниженной в сравнении с официальными данными, согласно которым к 1965 году ввод жилья в Москве составил 5,02 млн м² (ЦСУ РСФСР. Народное хозяйство за 60 лет. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1977. С. 222).

6 ХРУЩЕВ Н.

Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 381.

сочно описал дромоманию и всеобщую эйфорию по поводу «отрыва от корней», которые отличали советскую послереволюционную культуру вплоть до наступления сталинских «заморозков». Всплеска подвижности населения в период хрущевской оттепели Паперный коснулся лишь вскользь и в основном в связи с возникновением обширной субкультуры организованного и неформального туризма. Между тем именно хрущевский и ранний брежневский периоды стали эпохой одновременной масштабной диверсификации⁴ и интеграции транспорта в единую общегосударственную сеть, а также существенного переосмысления его роли как инструмента развития территории и обеспечения безопасности.

Разумеется, весьма значимым в этом смысле оказался полученный советским руководством, включая первых лиц, жестокий опыт ВОВ как «войны моторов». Показательно, например, что начало массового преобразования стрелковых частей ВС СССР в мотострелковые пришлось на 1954 год, то есть совпало по времени с «Всесоюзным совещанием строителей» (1954) и выходом «Постановления об устранении излишеств в архитектуре и строительстве» (1955) — событиями, которые решительно развернули советское архитектурное проектирование в индустриально-типовом направлении.

Признаки этого внезапно разразившегося триумфа мобильности рассыпаны во множестве по страницам советских публикаций, которые так или иначе посвящены теме массового жилья. На рисунке И.Семенова из журнала «Крокодил» за 1966 год (озаглавленном «Великое переселение народов») два еще толком не достроенных дома омываются настоящим цунами из счастливых переселенцев, которые спешат доставить к новому месту жительства свой нехитрый скарб с помощью разнокалиберных грузовиков, прицепов, мебельных фургонов, тракторов, верблюдов и даже оленьей упряжки. Сильное впечатление производит также выпущенная «Детгизом» в 1963 году тонкая иллюстрированная книжка «Как машина в кубики играет», призванная, по замыслу авторов (Э.Мошкова, Е.Перников), дать советским детям общее представление о новой прогрессивной технологии строительства жилья из объемных железобетонных блоков размером в комнату, включая технологию изготовления самих этих блоков на заводских стендах. На одном из центральных разворотов строящийся по этой технологии дом вписан в завораживающую панораму образцового модернистского города, которая ритмично размечена вертикалями панельных башен и просто кишит различными видами движения: по небу несутся самолеты и вертолеты; ниже, у самого горизонта, водную гладь бороздят большие и маленькие теплоходы, сухогрузы и яхты; из нижнего левого угла вправо тянется озелененная многополосная магистраль, по которой мчатся в разных направлениях легковые машины, автобусы и трейлеры; нижнюю правую часть изображения занимает открытый футбольный стадион, на котором идет напряженный матч.



Разворот из книги Э. Мошковской
и Е. Перникова «Как машина в кубики
играет». 1963



11

Почему вы
стали так добрыми.
И вы сами добрыми стали
для нас в трудные минуты.
Для нас в трудные минуты.
Для нас в трудные минуты.



Рисунок И.Семенова из журнала «Крокодил». 1966 г.

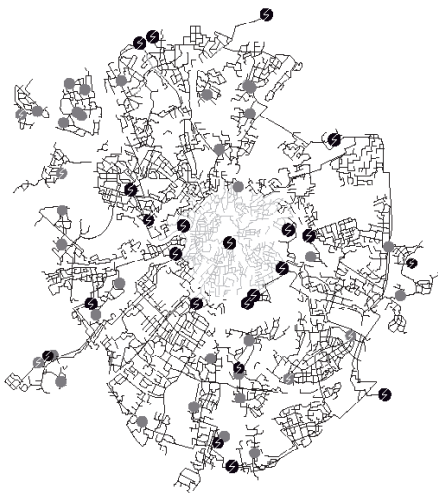
Если общая атмосфера эпохи была отмечена пафосом движения ради самого движения, то для административного класса и участников производства скорость движения была прежде всего синонимом производительности. К предложенному Серда набору количественных показателей, определяющих статичные пространственные соотношения, практика индустриального домостроения добавила принципиально новый параметр, связанный со временем и оставивший, вероятно, наиболее глубокий отпечаток на облике новых районов, а именно параметр скорости строительства, или ввода новых жилых площадей в год, измеряемый в миллионах квадратных метров. В своих, вышедших уже в постсоветской России, воспоминаниях Н. С. Хрущев приводит не так уж много цифр, но две из них, судя по всему, особенно четко сохранились в его памяти как предмет заслуженной гордости: во-первых, почти десятикратное увеличение объема ежегодно вступающих в эксплуатацию жилых площадей, которого удалось добиться в период с 1949 по 1964 год (0,4 млн. и 3,8 млн. м² соответственно⁵); во-вторых, тот факт, что уже за первые несколько лет работы стройкомплекса в новом индустриальном режиме было построено столько же жилья, сколько было построено за всю предшествующую 800-летнюю историю Москвы (11 млн. м²).

В России вкусы и интуитивные предпочтения властителей всегда играли судьбоносную роль, и, хотя переход на «крупную панель» в начале 60-х был практически одновременно осуществлен во всех странах социалистического лагеря, все же, задумываясь об истоках этого резкого поворота к «утилитаризму», трудно отвлечься от того обстоятельства, что Сталин в юности был слушателем духовной семинарии, тогда как Хрущев считал своей дореволюционной alma mater донецкий машиностроительно-металлургический завод Боссе. За два месяца до «переломного» ноября 1954 года на страницах «Архитектуры СССР» еще вполне серьезно обсуждались перспективы строительства на Воробьевых горах гигантского «Пантеона» — то есть (в буквальном переводе с греческого) «святилища всех богов» — посвященного памяти Ленина, Сталина и других «великих людей советской страны». В то же время, если следовать «Воспоминаниям» Хрущева, первые экспериментальные шаги в направлении наладки конвейерного производства зданий он (в тандеме с Булганиным) инициировал еще находясь на посту главы московской парторганизации в 1930-е годы. Позднее, вернувшись в столицу из послевоенного Киева,

Хрущев лично курировал все подготовительные и промежуточные стадии перевода строительства на сборный железобетон и отработки промышленного производства панелей, включая подбор инженерных кадров и борьбу с Госстроем, для победы в которой он с мастерством опытного функционера использовал свое знание тонких особенностей характера Сталина⁶. Таким образом, к моменту восхождения Хрущева на вершину государственной власти задуманная им реформа стройкомплекса была не просто давно созревшей, но и уже давно **действующей** программой: два крупнейших в мире на тот момент комбината по производству железобетонных панелей, на Пресне и в подмосковных Люберцах, открылись в 1952 году, за год до кончины вождя народов. Один из ключевых идеологических терминов в словаре хрущевских воспоминаний — слово «рассредоточение» (например, вузов по периферийным городам). Многое указывает на то, что основные пункты его



КОНКУРСНЫЙ ПРОЕКТ ПАНТЕОНА НА
ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ
Архитектурная мастерская-школа
И. В. Жолтовского. 1954



Принципиальная схема московской системы
централизованного теплоснабжения
с размещением ТЭЦ, PТЭС и PТC.

административно-политической повестки, такие как восстановление демократических норм внутривластной жизни и создание совнархозов, мыслились им как взаимосвязанные аспекты общей смены вектора развития с вертикально-центростремительного на горизонтально-центробежный. При этом по-настоящему структурную роль в начавшемся под его руководством ускоренном «рассредоточении» Москвы сыграли все-таки не транспорт и конвейерное производство зданий, а технологическое нововведение, о котором он ни разу не упоминает, — создание в столице крупнейшей в мире системы сетевого теплоснабжения на основе новой технологии совместного производства тепла и электричества (когенерации).

Строительство крупных теплоэлектроцентралей и разветвленных теплосетей началось в Москве еще в 1930-е годы, но именно в канун хрущевского «рывка» на фронте жилищного строительства — между 1950 и 1955 годами — была осуществлена масштабная кампания по ликвидации всех довоенных угольных котельных и переводу существующего жилого фонда на центральное отопление.

С рубежа 1960-х начинается запуск в эксплуатацию серии из шести ТЭЦ-миллионников, каждая из которых способна отапливать целую группу городских районов; в совокупности они до сих пор вырабатывают более 70% городской электроэнергии. КПД теплоэлектроцентралей достигает невиданного уровня в 90% и более — именно потому, что к ним подключаются сравнительно компактные ряды многоквартирных секционных домов, которые усваивают миллионы гигакалорий тепла, образующегося как **побочный продукт** при выработке электроэнергии. Микрорайоны и ТЭЦ образуют, таким образом, своего рода экономический биоценоз, позволяющий максимально эффективно использовать каждый кубометр сжигаемого топлива. Переход к микрорайонной застройке с разветвленной системой центрального теплоснабжения можно трактовать как радикальное расширение (рассредоточение) родового и полисного хабитата: эквивалентом традиционной базовой жилой единицы на новом этапе эволюции города оказывается не квартира, не многоквартирный дом и даже не микрорайон в целом, а огромная зона, охватываемая сетью, подключенной к одной теплоэлектроцентрали или тепловой станции. Членения территории, принципиальные с функциональной и символической точек зрения, определяются в такой пространственной модели границами необозримого и неизвестного рядовому жителю «эксплуатационного района» теплосети, а квартиры и дома становятся, соответственно, внутренними, интерьерными элементами одного гигантского «ойкоса» с единым энергетическим центром.

Все это весьма созвучно основным положениям «сферологии» немецкого философа и теоретика дизайна Петера Слотердайка, который говорит об исторически необратимом превращении обитаемого пространства современной цивилизации в **тотальный интерьер**, главными прообразами которого послужили созданные Джозефом Пэкстоном

в середине XIX века «Великая оранжерея» и «Хрустальный дворец» — титанические сооружения с искусственно регулируемым климатом, вмещавшие в себя, в частности, просторные парки для массовых гуляний⁷. В этом смысле вполне понятно желание некоторых современных архитекторов и критиков рассматривать здания модернистской эпохи уже не как произведения архитектуры, а как предметы мебели⁸. Слова «мобильность» и «мебель» происходят от общего латинского корня, а потому вполне естественно понимать **индустриально мобилизованный ландшафт** в том числе и как ландшафт **меблированный**.

3 Искусство: нулевая репрезентация и мир впервые

Разгадка парадокса «технически ускоренного роста» заключается, по видимому, в следующем: на уровне сил, управляющих развитием города, в какой-то момент происходит осознание того, что возможности машинной техники (включая индустриализированный строительный комплекс) превосходят всякое заранее выдвинутое наглядное представление, а стало быть, не обязательно должны регулироваться таким опережающим представлением. Именно поэтому генеральные планы перестают быть директивными документами и превращаются в инструменты нагоняющей корректировки. Переход в этот режим не может произойти иначе, как через разрыв всякой миметической связи с предшествующим опытом, сознательный отказ от трансляции архитектурными средствами любых ранее сложившихся культурных содержаний. Здесь реализуется общее для всего модернистского искусства стремление позволить вещи **быть лишь тем, что она есть**, не превращаясь в выражение чего-то большего (мифов, национальных и классовых идентичностей, идеологических доктрин и т. д.). При этом очевидно, что сам топос такого «рождения заново», как и оптимистическая вера в безграничный потенциал техники, наследуются хрущевско-брежневским модернизмом преимущественно от первой, предсталинской волны русского художественного авангарда. Вот, к примеру, как описывает момент перехода через интересующую нас точку «обнуления» мимесиса Эль Лисицкий в одном из своих докладов 1920-х годов:

«В 1913 году Малевич выставил «Черный квадрат», написанный на белом фоне. Была показана форма, противопоставленная всему, что понимается под картиной, живописью, искусством. Автор хотел этим свести к нулю все формы и всю живопись. Но для нас этот нуль стал поворотным пунктом. Если мы имеем ряд, идущий из бесконечности, ... 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0, доходящий до 0, то обратно он идет по восходящей линии 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, ...».

Таким образом, «Проуны» Лисицкого, парящие в бесконечном открытом пространстве, — это самые первые, минимальные и ничем не обусловленные «сцепления» формы в освободившемся от всякой культурной памяти мире, что-то вроде «первичного бульона» новой Вселенной. Возникший на почве революционного художественного авангарда (в том числе работ Лисицкого), русский архитектурный конструктивизм за прошедшие годы прочно вошел в архив мировой культуры, и его трактовка в качестве предтечи послевоенного модернизма воспринимается сейчас как что-то само собой разумеющееся. В то же время между довоенным авангардом и послевоенным модернизмом имеется смутно осознаваемое, но пока

7 СЛОТЕРДАЙК П.

Хрустальный дворец / Проект Россия 68. М.: А-Фонд, 2013. С. 193.

8 Наиболее последовательная трактовка модернистской архитектуры как мебели выдвинута французским архитектором и теоретиком Бернаром Кашем (Cache Bernard. *Terre meuble*. Orléans: Editions NUX, 1997; русск. перевод фрагментов: Проект International 16. М.: А-Фонд, 2007. С. 161).



КОМПОЗИЦИЯ
ЭЛЬ ЛИСИЦКИЙ, 1922



ПОКОЛЕНИЕ ТЭЦ
Коллаж. 2012

не получившее исчерпывающей артикуляции различие, которое так или иначе не позволяет теоретикам и критикам автоматически перенести сам термин «конструктивизм» на архитектуру хрущевско-брежневского периода. Различие это, на мой взгляд, касается в первую очередь глубины упомянутого выше «отказа от выразительности» — художественного кенозиса. Позволить зданию быть лишь тем, что оно есть, в свете исповедовавшегося конструктивистами «функционального метода» означало отбросить все, что не является практически полезным для жизни и труда.

К слову сказать, далеко не все конструктивисты шли в этом направлении до конца. Но даже у наиболее последовательных, таких как Веснин и Гинзбург, на место выразительности декора непроизвольно вставало нечто вроде выразительности самой функции и конструкции. Определив для себя функциональную программу как свободную от всякой риторики, онтологическую основу здания, конструктивисты тут же переключились с формальных экспериментов на эксперименты с этой самой программой, создавая принципиально новые функциональные схемы и через них внося в архитектуру утопический или символический пафос (= риторику) становления нового, более совершенного общества.

Типовые проекты, разработанные для массовой застройки, особенно на раннем ее этапе, в этом смысле гораздо радикальнее, поскольку они уже не стремятся ничего заявить, в том числе на уровне функциональной программы. Точнее, они распространяют императив кенозиса — отказа от генетически свойственного искусству желания что-то сказать и тем самым что-то изменить — в том числе на функциональную программу и конструктивные решения. Соответственно, в послевоенном модернизме нет уже конструктивистских «социальных катализаторов», эксплуатируемых крыш и консольных аудиторий, — только сон, еда, работа, воспитание детей и прогулки на свежем воздухе. С этой точки зрения хрущевскую пятиэтажку серии П-38 справедливо рассматривать не просто как более полную (в сравнении с экспериментами 1920-х годов) инкарнацию в архитектуре «Черного квадрата» Малевича, но даже как своего рода «квадрат в квадрате».

«Черный квадрат» как «нуль живописи» и «дистиллированное» серийное жилье как «нуль архитектуры» — все это, конечно, не какой-то абсолютный метафизический нуль. И то и другое все еще дают некое определение человека, транслируют какую-то идентичность, пусть и редуцированную до минимума. Малевичем в качестве такого минимизированного определения человека берется способность к созерцанию, способность зрительно воспринимать или не воспринимать что-то предметное. Массовая застройка, как уже говорилось, определяет человека как представителя биологического вида. Экономический смысл пятиэтажки совершенно понятен, но каков культурный смысл этих радикальных редуций, и есть ли здесь вообще какой-то выразимый культурный смысл?

Разобраться с этим вопросом может помочь известное логическое правило обратного соотношения объема и содержания понятия. Катастрофически упрощая содержательное определение человека, авангардные редуцирующие стратегии резко расширяют объем понятия «человек». Иначе говоря, улавливая свое отражение в предельной простоте модернистских структур, житель современного мегаполиса осознает себя, если воспользоваться словами Даниила Хармса, как существо, «утратившее отца, дом и почву», то есть как существо «максимально всеобщее». Умалаясь до содержательного минимума, человек тем самым приобретает весь мир.

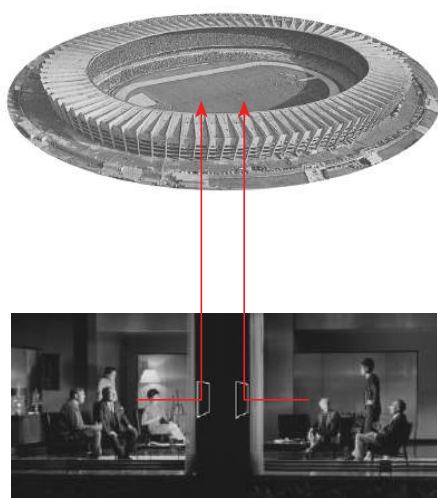
Заключение: приземление или телеотсутствие?

Дальнейшая архитектурная судьба территорий ускоренного роста, несомненно, будет складываться в ходе столкновений и игры двух противоборствующих начал: с одной стороны, начала абстрактного, космополитического, требующего от архитектуры все более универсального определения человека, с другой — конкретизирующей, «приземляющей» энергии, которая применительно к Москве выражает себя в стремлениях сделать модернистскую среду «более московской» или «более европейской», придать каждому району уникальный узнаваемый облик, взрастить внутри периферийных районов собственные локальные центры и т. д. Совершенно не исключено, что по мере последовательного старения вчерашних и сегодняшних новостроек в них начнут созревать крупные соседские сообщества со все более выраженной местной идентичностью. При этом стоит учитывать, что смещение существующего контекста в сторону цветущего разнообразия едва ли обойдется без заметной диверсификации территории по имущественному и этническому признаку, вплоть до возникновения моноэтнических и «геттоизированных» анклавов.

Противоположная «универсально-космополитическая» тенденция — на фоне сегодняшнего бурного умножения идентичностей, политического размежевания государств, децентрализации управления и распространения чувства «конца истории» — может казаться почти или полностью угасшей. Но, спрашивается, не свидетельствует ли все вышеперечисленное, наоборот, о ее сохраняющемся и все более неоспоримом господстве? Не являются ли все эти настойчивые попытки уклониться от глобализации, отрицать ее или открыто ей противостоять косвенными, но убедительными знаменами ее повсеместного триумфа, признаками того, что, не нуждаясь более в поддержке на уровне идеологических деклараций, глобализация шаг за шагом, необратимо берет свое на уровне инфраструктурно-техническом? Территории ускоренного роста дают множество поводов думать, что все именно так. Будучи кровно зависимыми от механического транспорта, они, кроме того, самой своей содержательной стерильностью и пространственной рыхлостью не менее красноречиво демонстрируют возросшую роль массовых электронных коммуникаций, прежде всего телевидения и радио.

Телекоммуникации в определенном смысле «вытягивают» внимание и само бытие человека из сферы телесно-физических взаимодействий. На место каменного собора, приходской церкви и парадной площади

Хрущевскую пятиэтажку серии II-38 справедливо рассматривать не просто как более полную (в сравнении с экспериментами 1920-х годов) инкарнацию в архитектуре «Черного квадрата» Малевича, но даже как своего рода «квадрат в квадрате»



ТЕЛЕОТСУТСТВИЕ

Коллаж. Телекоммуникации изымают внимание и само бытие человека из сферы телесно-физических взаимодействий

как символических опор общинного самосознания приходит «электронный собор» информационного пространства. Сегодняшний восточноевропейский и российский опыт показывает, что именно районы послевоенной индустриальной застройки оказываются наиболее **структурно предрасположенными** к массовому внедрению телекоммуникационных систем нового поколения, таких как кабельное телевидение, линии волоконно-оптической связи и wi-fi. Вершины техногенных «панельных гор» тонут в слоистых облаках виртуальной реальности, а «телеприсутствие» на электронных форумах оборачивается «телеотсутствием» на городской земле.

С традиционной архитектурной точки зрения эту ситуацию трудно назвать благоприятной и многообещающей. Новые «материализованные» идентичности, которые со старанием, достойным лучшего применения, создавали на протяжении последних десятилетий архитекторы-постмодернисты, в широкой культурной перспективе выглядят либо слишком консервативно-реакционными, либо, наоборот, слишком произвольными и немотивированными, чтобы превратиться в какую-то подлинную символическую ценность. Возможно, даже такая сугубо утилитарная проблема, как московские автомобильные пробки, своими масштабами и своей затянувшейся беспросветностью подспудно указывает на то, что физическое измерение в современном мегаполисе перестает быть чем-то жизненно важным.

Есть, впрочем, и основания для оптимизма: распространение гражданских инициатив по охране исторического наследия, возникновение энергичных культурных кластеров на заброшенных промтерриториях, развитие локального самоуправления и все более активное включение жителей в обсуждение планировочных решений. Пространственное развитие территорий всегда определялось сложной диалектикой ведущих культурных трендов. Насколько живым и продуктивным окажется в обозримом будущем развитие московской «первой периферии», прямо зависит от того, в какой мере продуманную, ответственную и инклюзивную стратегическую позицию займет каждый из многочисленных участников этого процесса.

Сетка, «бублик» и умные решения

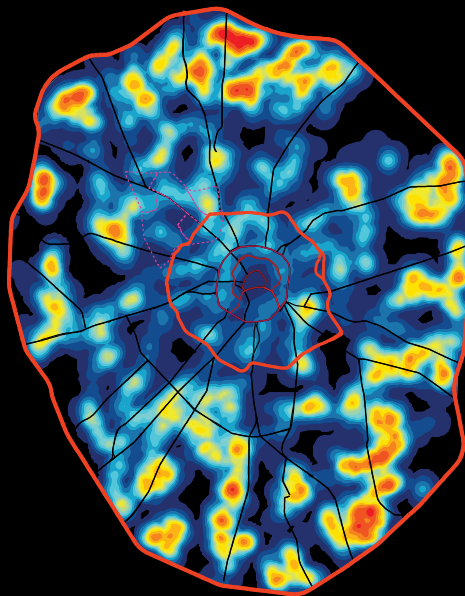
Федерико Паролотто

В последние годы московская конурбация росла и изменялась с невероятной скоростью. Именно из-за такого стремительного расширения городского ландшафта Москва переживает своего рода потерю идентичности; ей становится все труднее контролировать строительную экспансию. Этот процесс оказывает серьезное влияние на то качество жизни, которое город может предложить своим жителям.

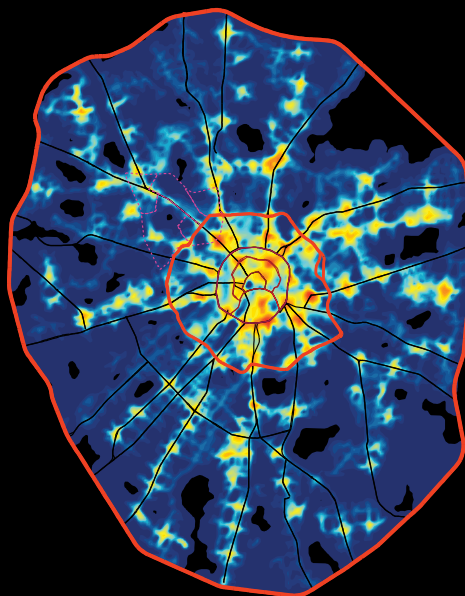
Нынешняя Москва — классический пример моноцентрической городской структуры, на что указывают в том числе основные транспортные потоки и распространение частной и общественной застройки. Если говорить о транспортной сети, то система московских радиусов и орбит нашла отражение как в расположении основных магистралей, так и в линиях общественного транспорта. Нынешняя сеть разрабатывалась и строилась постепенно, и в основе ее строительства всегда лежало предположение о том, что основная потребность — это перемещение в центр. Исходя из этого принципа, урбанизированная территория Москвы сложилась в «суперфункциональные блоки», в которые можно добраться только строго определенным путем. Очевидно, что такая конфигурация оказывает прямое влияние на транспортные потоки. Таким образом, многочисленные крупные магистрали и негибкие пути циркуляции приводят к перегрузке и колоссальным пробкам. Москва в тупике!

Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что неравномерное распределение населения и рабочих мест носит все более тревожный характер. Средняя плотность населения в Москве составляет 10 500 человек на 1 км². Внутри границ, обозначенных Московской кольцевой автодорогой (МКАД), 90% жителей живут между МКАД и Третьим транспортным кольцом (ТТК). Это обширное пространство заполнено жилыми районами и промзонами, в то время как социальная инфраструктура и транспортные сервисы представлены там недостаточно. При этом, если рассмотреть территориальное распределение рабочих мест, становится очевидно, что около 70% из них расположены, напротив, внутри ТТК. Половина из этого количества сконцентрирована внутри Садового кольца. Такая структура и пространственное распределение рабочих мест стали окончательно неприемлемыми и представляют собой одну из основных причин транспортных заторов. Эту проблему можно и нужно решать, используя разные средства, в том числе междисциплинарный подход.

1 Распределение плотности населения внутри МКАД

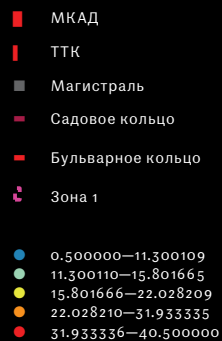


2 Существующее положение
Индекс транспортной доступности



2013

3 Сценарий развития до 2025 г.
Индекс транспортной доступности



2025

5 АВТОМОБИЛЬНЫЕ МАРШРУТЫ



6 ПЕШЕХОДНЫЕ МАРШРУТЫ



7 МАРШРУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА



Нынешняя Москва – пример моноцентрической городской структуры, на что указывают в том числе основные транспортные потоки и распространение частной и общественной застройки

Уровни доступности общественного транспорта

Такой анализ распределения плотностей в пространстве, демонстрирующий степень доступности разных районов с помощью имеющихся или строящихся линий общественного транспорта, позволяет внести важные коррективы в городское планирование. Он стал основным методом определения транспортной доступности в британской столице. Анализ основан на вычислении расстояния, которое надо пройти пешком от интересующей точки до ближайшей остановки общественного транспорта, а также частоты обслуживания маршрута на этой остановке. Используя данные о нынешней ситуации с общественным транспортом в Москве, этот метод применили по отношению ко всей территории внутри МКАД. Был составлен долгосрочный план развития, собранный из разных источников¹, вплоть до 2025 года.

Эти данные показывают, как возрастет доступность территорий именно между ТТК и МКАД.

Система общественного транспорта, несомненно, станет основной для стабильного городского развития, но все же невозможно строить это развитие исключительно на преобразованиях транспортной сети; необходимо также работать над многофункциональными улучшениями, уделяя особое внимание общественным местам и городским пространствам.

Анализ связей

Рассматриваемая зона будет обозначена на схемах красным: это уникальный городской кластер, окруженный значимой железнодорожной инфраструктурой, полученной из слияния пяти московских районов, а именно: Хорошевского и Савеловского, Сокола, Аэропорта и Беговой. Эти пять районов – примеры разных типов застройки, они имеют разные территориальные характеристики, но совершенно точно используют одну и ту же транспортную систему, в частности Ленинградское и Волоколамское шоссе, а также Ленинградский проспект (см. схему 5).

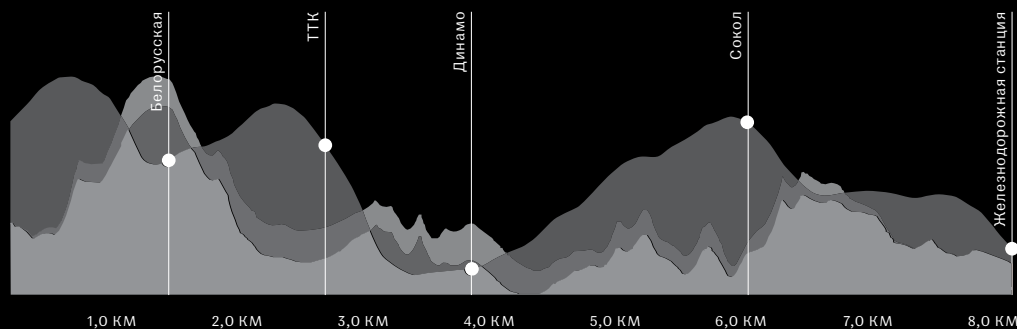
Благодаря использованию стандартных алгоритмов комплексного анализа сетей для каждой из частей сети был вычислен индикатор связанности. Он показывает, сколько кратчайших маршрутов можно построить между каждыми двумя узлами сети внутри изучаемой зоны; такой показатель был вычислен для каждой дуги в нашей структуре и составил на выходе иерархический паттерн пешеходных маршрутов внутри взятой территории (см. схему 6). В ходе анализа не обрабатывались те магистрали, где предполагаются пешие подходы (такие как Волоколамское шоссе).

¹ stroi.mos.ru, mkzd.ru и dt.mos.ru.

Индикаторы

Плотность населения и уровни доступа к общественному транспорту

- Население
- Существующий доступ
- Доступ в будущем



В ходе этого анализа выявляются два основных типа барьеров для пешеходов: крупные дорожные (а также железнодорожные) магистрали и крупные промышленные или частные зоны. Результаты анализа отображены на схеме 7. Узлы сочленения этих двух сетей находятся на остановках автобусов, троллейбусов, трамваев и возле станций метро. Совместный анализ пешеходных путей и линий общественного транспорта показывает, что в южной части сложилась достаточно эффективная система поверхностных связей. На севере же, напротив, вследствие недостаточного покрытия линиями наземного транспорта имеет место дисперсия пеших маршрутов, сходящихся у станции метро «Динамо». Решениями в такой ситуации видятся, во-первых, разумное планирование пешеходных маршрутов, а во-вторых, распределение линий наземного транспорта. Теперь можно перенести индикаторы, рассчитанные для всего города, на наш конкретный изучаемый район (см. схему 8), что наглядно продемонстрирует, какой эффект будут иметь запланированные транспортные улучшения.

Разумные решения?

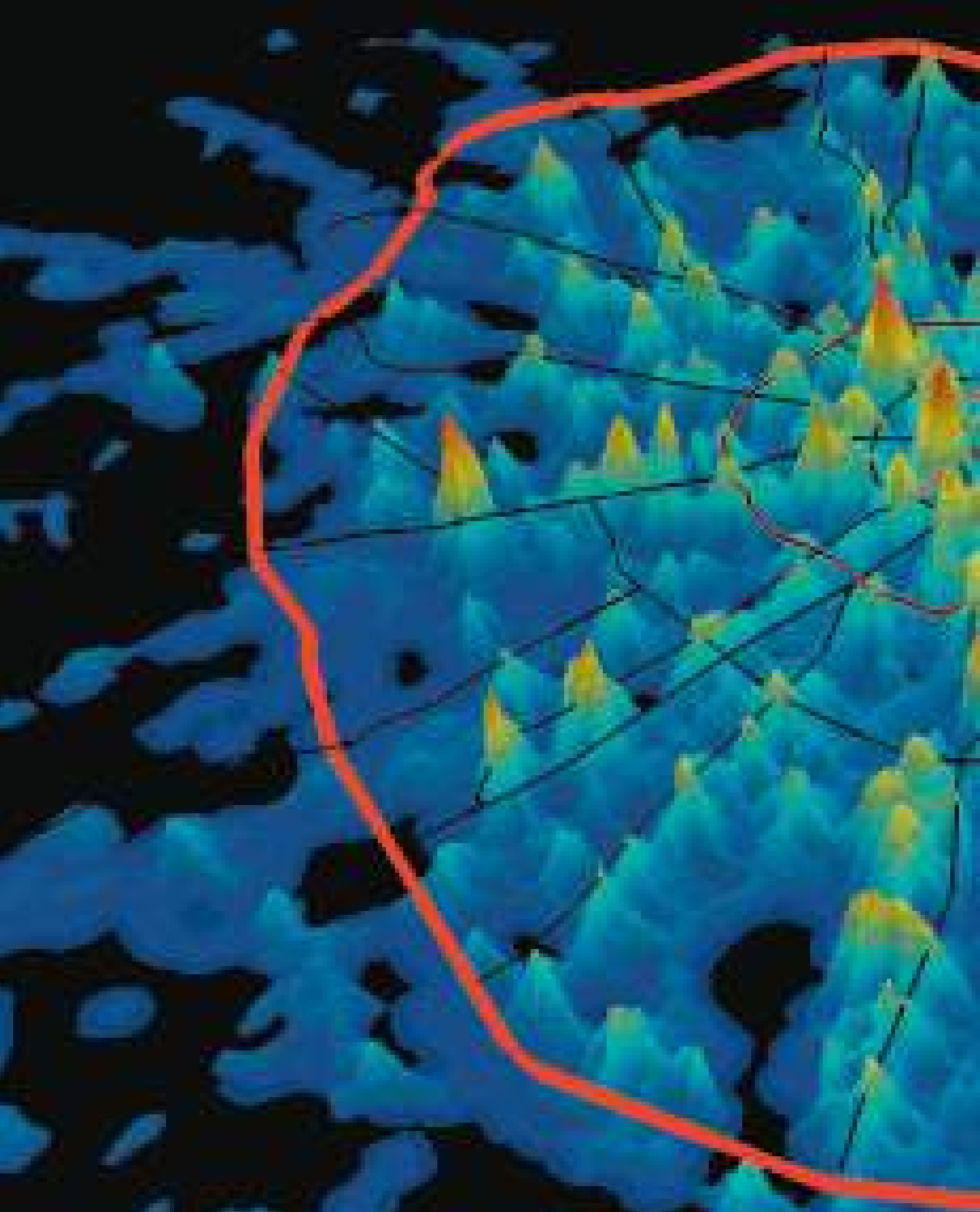
Планирование развития транспортных сетей радикально меняется; очевидно, имеет место необходимость создать стабильные и гибкие связи, которые потребуют новых методов оперирования. Традиционный подход необходимо пересмотреть в пользу более эффективных видов транспорта. Основное внимание всегда было сконцентрировано на автовладельцах, но теперь очевидно, что мегаполисы Запада успешно идут по пути перераспределения пространства и времени, разумно перестраивая баланс в пользу других видов транспорта. Город будущего неизбежно столкнется с необходимостью снизить количество машин в центре; эти перемены так или иначе придется пережить, сокращая площади, доступные автомобилям, или же вводя разумную политику в их отношении.

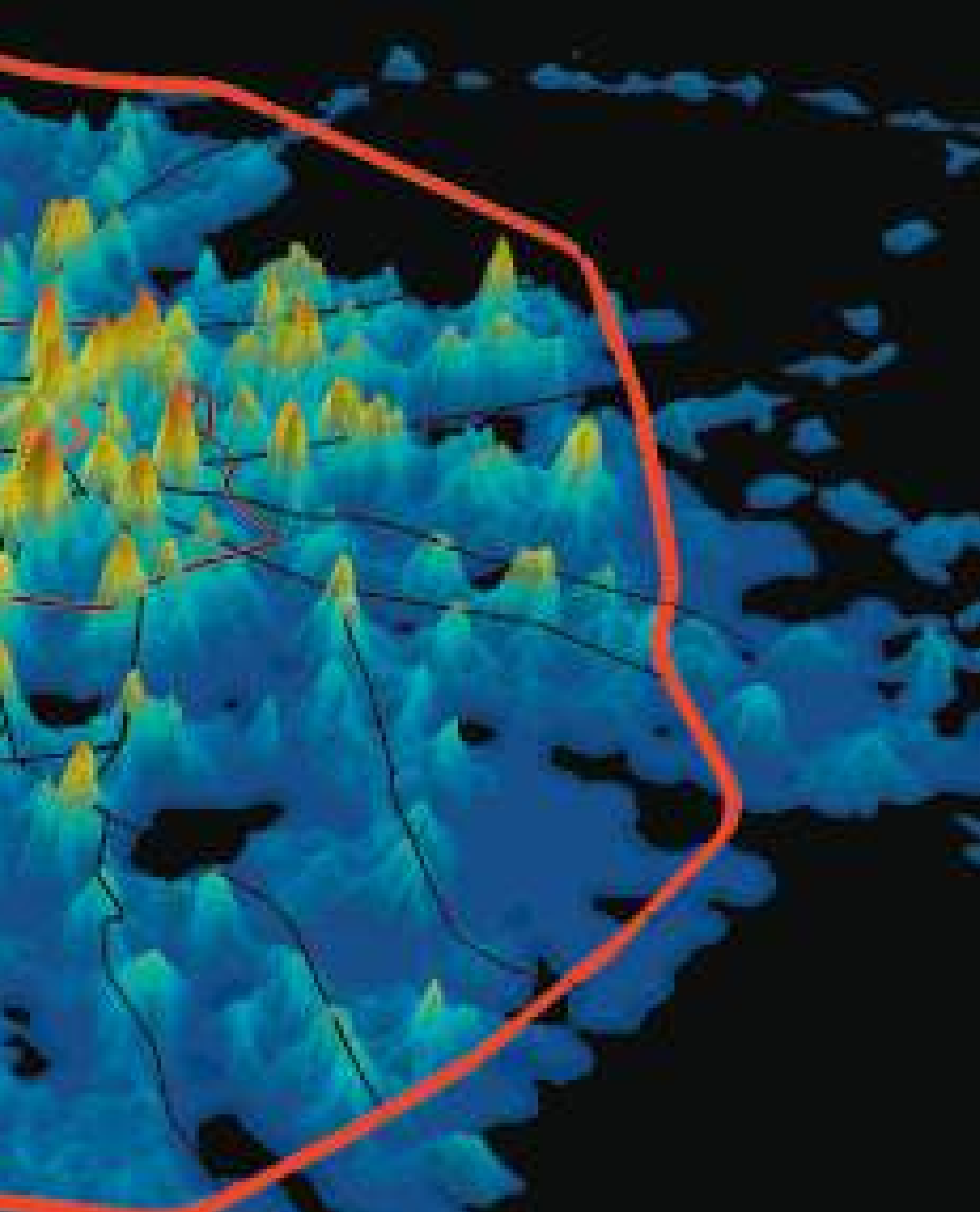
Москве повезло иметь небольшое количество жителей в центре, в то время как «бублик» вмещает большую часть населения. Это ведет к формированию строго определенного паттерна перемещений, который необходимо сбалансировать, перенося инфраструктуру в этот са-

Город будущего неизбежно столкнется с необходимостью снизить количество машин в центре; эти перемены так или иначе придется пережить, сокращая площади, доступные автомобилям, или же вводя разумную политику в их отношении

мый «бублик», одновременно переселяя все больше жителей в центр. Узловые точки должны стать важнейшими местами в городе, включенными в многослойную стратегию формирования жизнеспособных сообществ, поддерживаемых мощной системой общественного транспорта.

Перевозки на небольшие расстояния, связывающие соседние районы с радиальными или кольцевыми маршрутами с помощью пересадочных станций, являются необходимым элементом системы, которая могла бы дать жителям доступ к важнейшим магистралям. Оптимальным способом обслуживать такие перевозки являются обыкновенные автобусы, поскольку их количество и маршруты можно легко варьировать в соответствии с изменяющимся спросом. Москве будущего необходимо уделить внимание именно тому, как в городе работает транспорт: снизить количество автомобилей и повысить эффективность общественного транспорта при разумном перераспределении целей использования земли.





Открытое пространство

Исследование открытости и пешеходной доступности территории. Работа велась 20 студентами МАРХИ в два этапа: сначала собиралась информация с разных карт, после чего проводилось натурное исследование, во время которого данные проверялись и уточнялись. Выделено четыре категории доступности территории.

ЗАКРЫТАЯ

Вход только для людей, работающих на этой территории.

Примеры: железные дороги, реки и озера, бессветофорные магистрали, военные территории и т.д.

86,72 км² — 11%

ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП

Вход по пропускам или документам через КПП.

Примеры: промзоны, гаражные кооперативы, офисные комплексы, новые жилые комплексы.

122,75 км² — 15,6%

ВРЕМЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ

Вход на территорию открыт без проверки/досмотра, но ограничен рабочим временем. В нерабочее время территория недоступна.

Примеры: учебные заведения, государственные учреждения, парки.

89,72 км² — 11,4%

ОТКРЫТАЯ

Зоны огорожены забором, но не имеют ограничений на вход.

Примеры: парки, спортивные объекты и т.д.

19,45 км² — 2,4%

Общая площадь всех как-либо ограниченных территорий (все четыре типа) — 40% от ТТК до МКАД (318,64 км²).

Из них реально закрытыми являются только первых два типа, а это 26,6% (209,47 км²).

Территорию московской периферии можно считать открытой: фактически доступно для свободного доступа граждан в светлое время суток

Пешеходная доступность
Существующее положение

- Закрытые территории
- Ограниченный доступ
- Временное ограничение
- Открытые территории
- Территории, не имеющие границ

73,4%.

Промышленные зоны формируют самые крупные территории ограниченного доступа. Потенциально эти территории будут открываться, а значит, доля закрытых территорий в городе может еще уменьшиться.

В районах жилой застройки большая часть территории полностью открыта. Закрытыми в основном являются только участки школ и детских садов.







Волны застройки 1917 — 2013

ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Выбрано семь принципиальных этапов развития застройки. Обработка цифровой карты Москвы была осуществлена на основе данных Росреестра. Выявлено в процентном соотношении количество единиц застройки на каждом этапе. Менее 2% застройки относится к периоду до 1917 года. Наибольшее количество застройки приходится на периоды с 1957 по 1970 и с 1970 по 1991.

На период с 2000 по 2013 года застройка в основном носит уплотнительный характер. Неопределена дата постройки 27% объектов — к таковым в основном относятся гаражи, некапитальные, промышленные и технические сооружения.

Периодизация

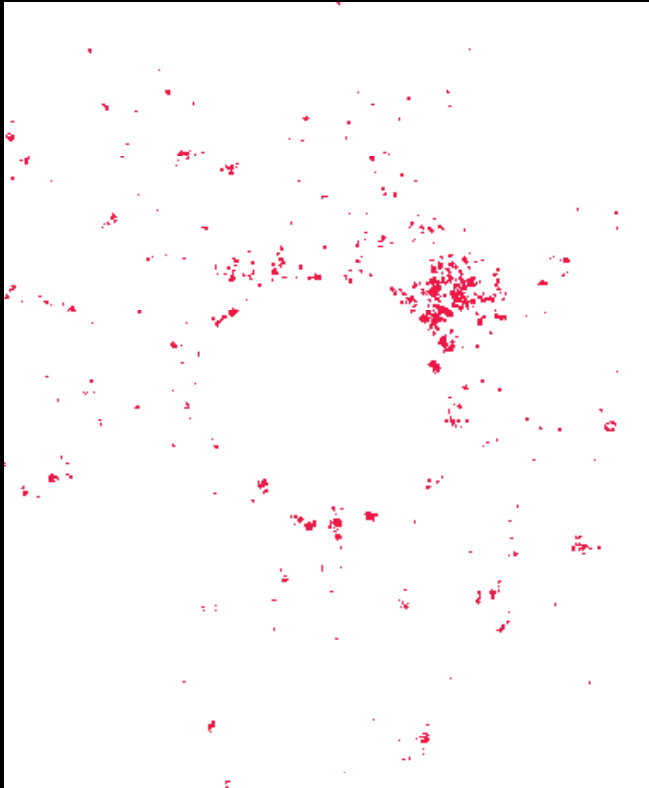
- До 1917 — 1.17%
- 1917-1935 — 2.83%
- 1935-1957 — 9.62%
- 1957-1970 — 23.29%
- 1970-1991 — 25.8%
- 1991-2000 — 5%
- 2000-2013 — 4.8%
- Не опознано — 27.49%



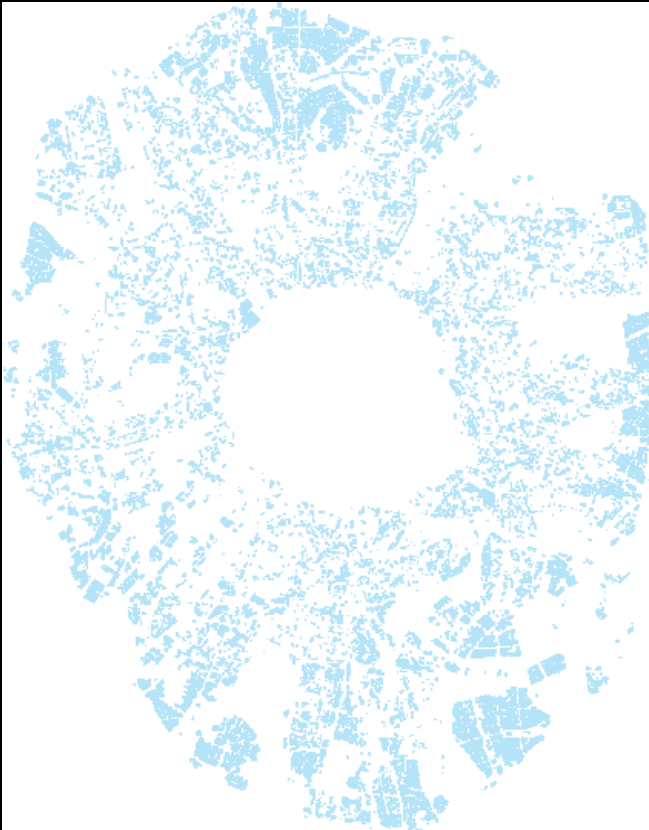




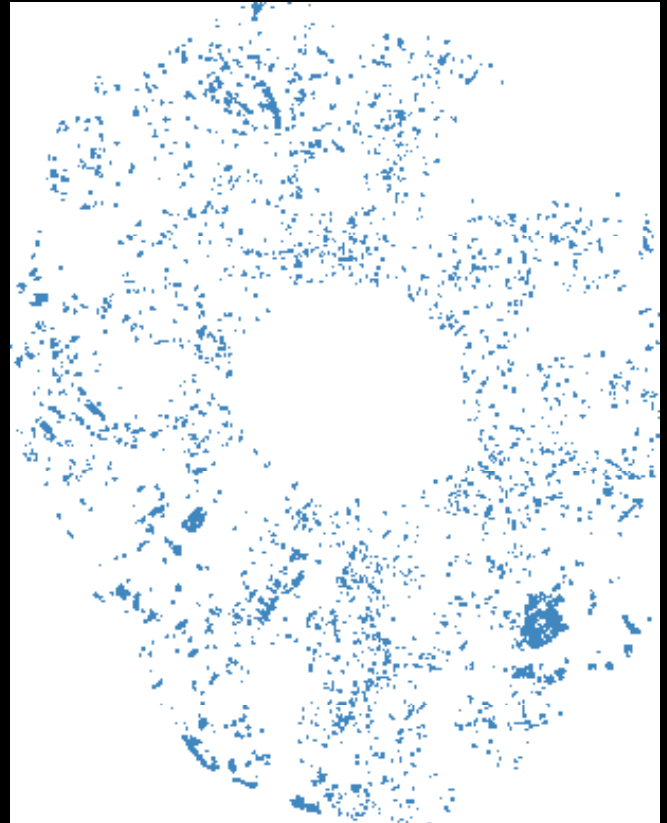




До 1917 гг.

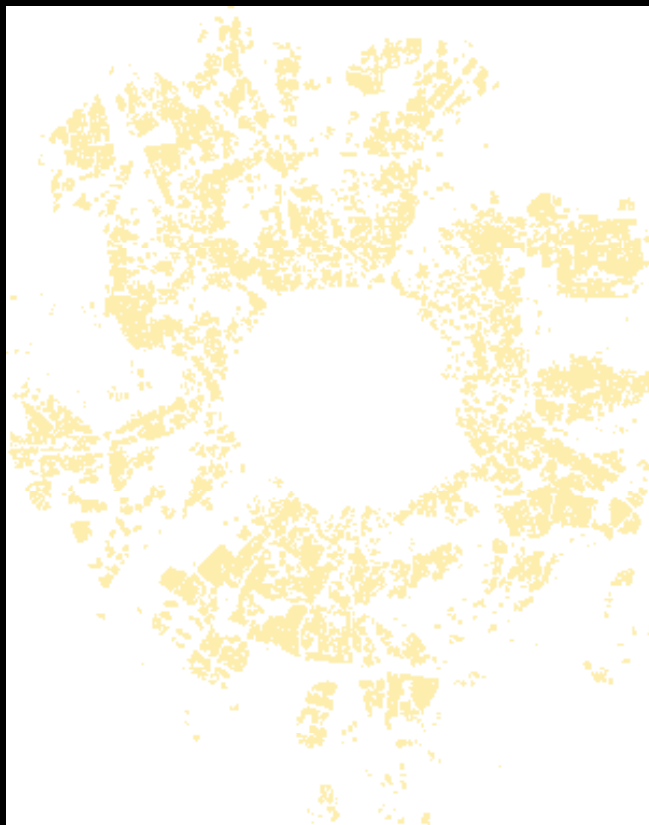
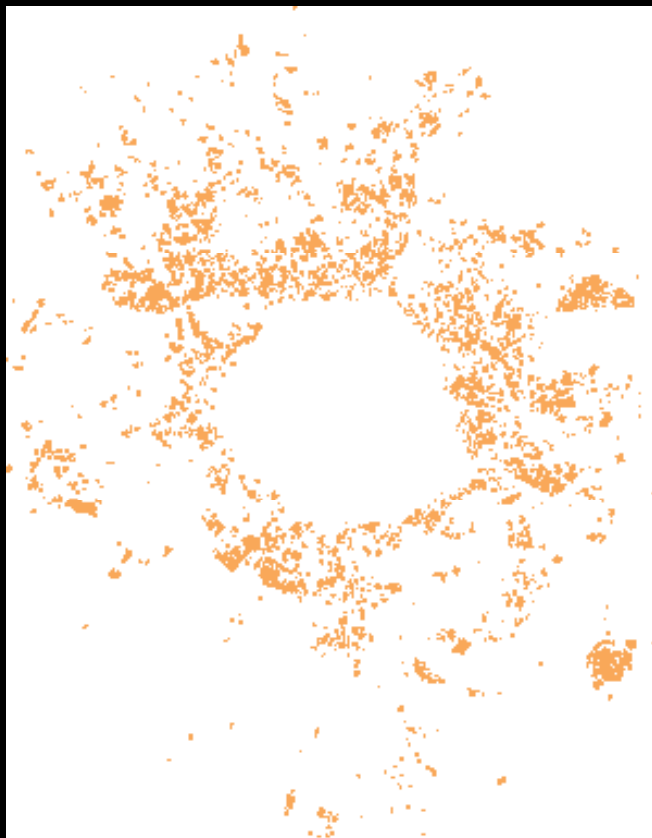


1917–1935 гг.

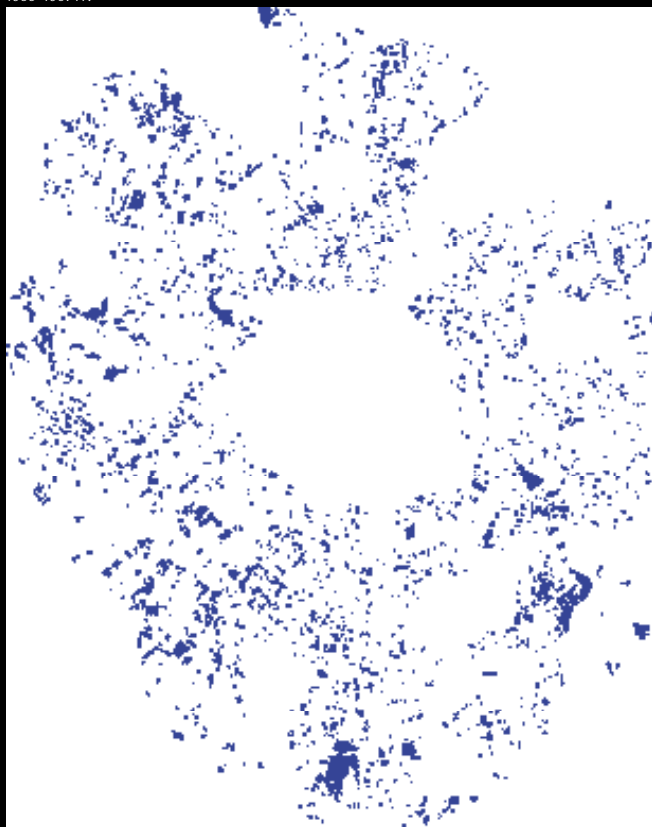


1970–1991 гг.

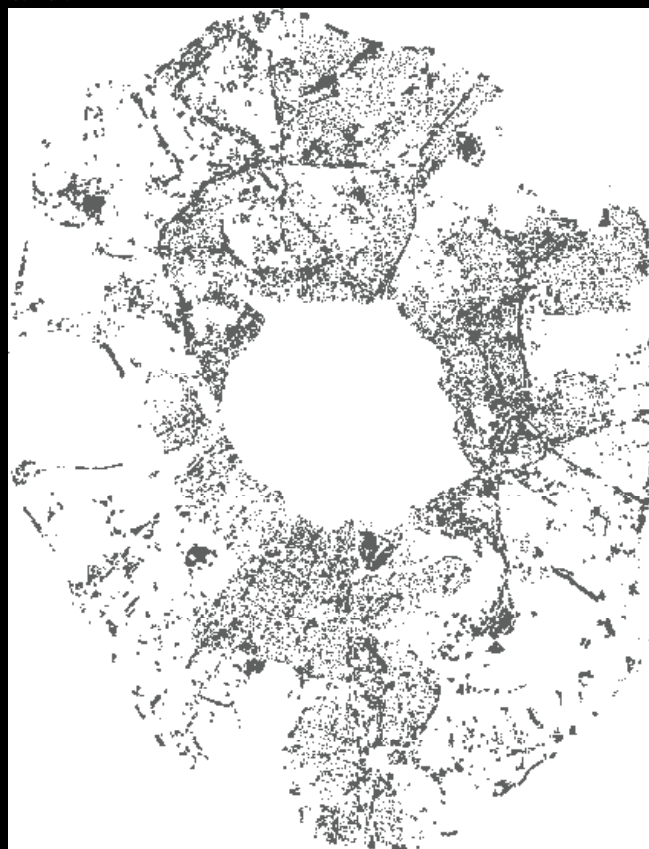
1991–2000 гг.



1935–1957 rr.



1957–1970 rr.

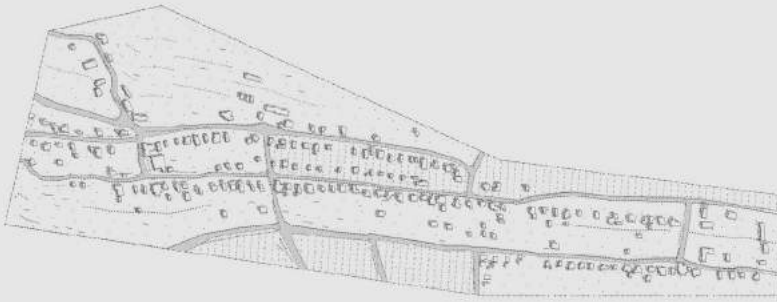


2000–2013 rr.

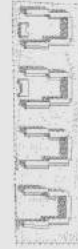
Не опознано

Жилье

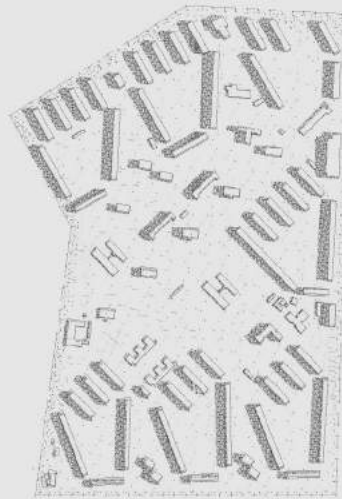
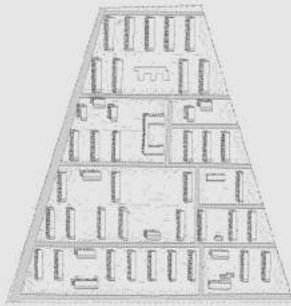
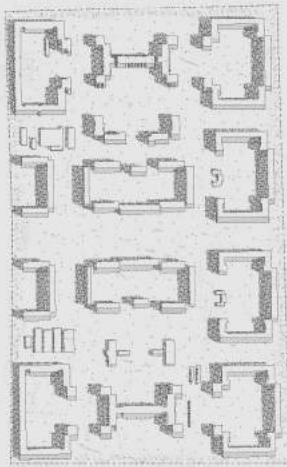
- 1 Деревни — индивидуальные жилые дома — 1,4%
- 2 Рабочие поселки 1920–1930 гг. — 0,4%
- 3 Сталинская застройка — 7%
- 4 Пятиэтажки первых серий, «хрущевки» — 22,1%
- 5 Панельные дома ранних серий, 9–12 этажей — 28,1%
- 6 Панельные дома поздних серий, 14–22 этажа — 27%
- 7 Современный жилой комплекс — 6,3%
- 8 Смешанная типология — 7,7%



1



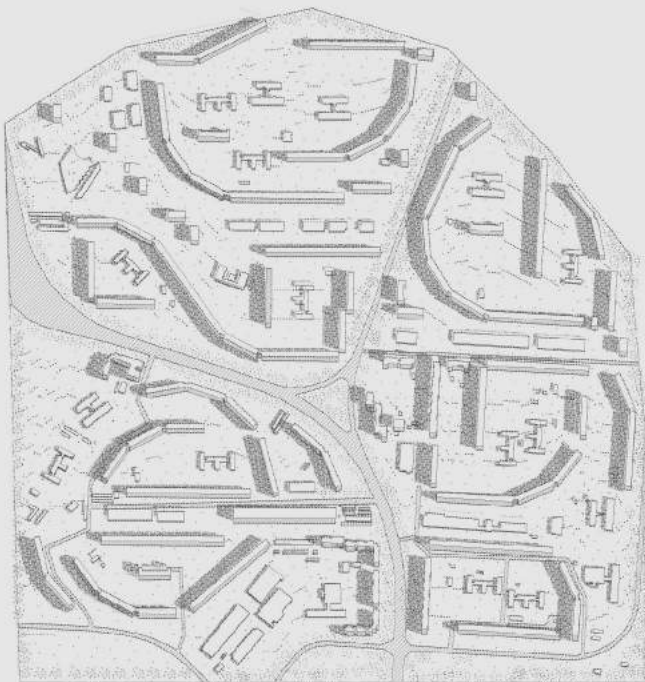
2



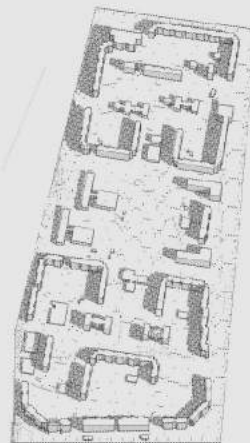
3

4

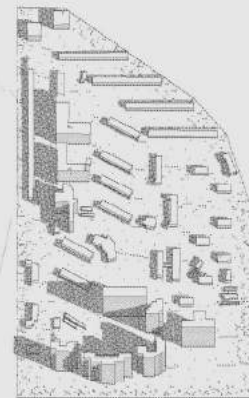
5



6



7

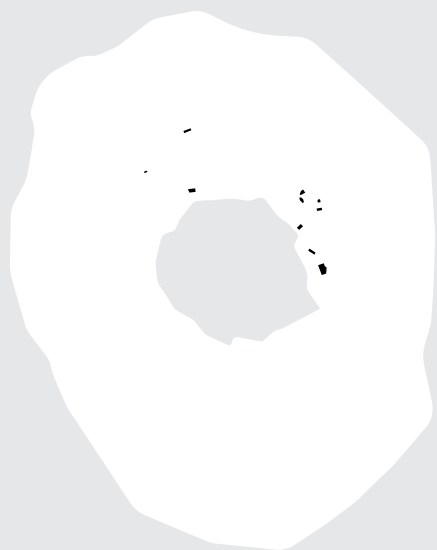


8



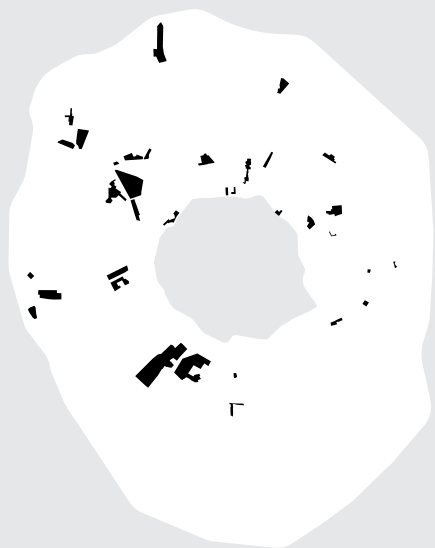
ДЕРЕВНИ — ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА (%)

1,4



РАБОЧИЕ ПОСЕЛКИ 1920–1930 ГГ. (%)

0,4



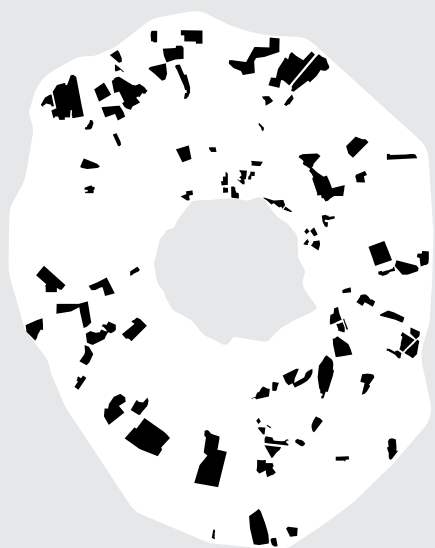
СТАЛИНСКАЯ ЗАСТРОЙКА (%)

7



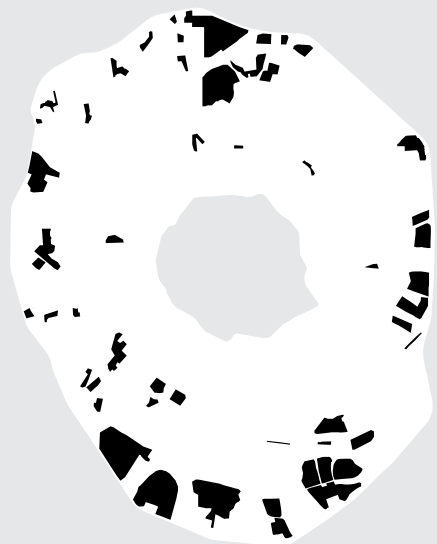
ПЯТИЭТАЖКИ ПЕРВЫХ СЕРИЙ, «ХРУЩЕВКИ» (%)

22,1



ПАНЕЛЬНЫЕ ДОМА РАННИХ СЕРИЙ, 9–12 ЭТАЖЕЙ (%)

28,1



ПАНЕЛЬНЫЕ ДОМА ПОЗДНИХ СЕРИЙ, 14–22 ЭТАЖА (%)

27



СОВРЕМЕННЫЙ ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС (%)

6,3



СМЕШАННАЯ ТИПОЛОГИЯ (%)

7,7

Бразилиа: Жилые суперблоки

Хелене Афанасьефф



Концепция жилых суперблоков, которые архитектор Лусио Коста предложил в «Пилотном плане Бразилиа», восходит к раннему модернизму, в том числе к русскому конструктивизму конца 1920-х годов. На модернистское четкое разделение города на разные части — жилые районы, кварталы для работы и места для отдыха — сильно повлиял и нереализованный проект Ле Корбюзье «Лучезарный город».

Жилые суперблоки Бразилиа организованы в духе модернизма и с точки зрения урбанистики, и с точки зрения архитектуры — над разработкой специальных проектов для суперблоков трудились разные архитекторы, в том числе и Оскар Нимейер в 1959 году.

Основная урбанистическая характеристика этой концепции — город должен быть устроен так, чтобы избежать плотной застройки, исторически свойственной бразильским городам. В Бразилиа архитекторы спроектировали жилые кварталы в виде многофункционального комплекса, окруженного парковой территорией, с коммунальными центрами обслуживания и 6-этажными жилыми зданиями и коридорами, опоясывающими каждый этаж и являющимися общественными территориями. Высота здания не превышает шесть этажей — так, чтобы родители могли видеть и слышать своих детей, играющих во дворе. Кварталы, как правило, занимают площадь 280 x 280 м. Несмотря на свою автономность, суперблоки соединяются между собой. Наличие торговых точек и школ рассчитывается исходя из размеров комплекса суперблоков. Различные цветовые решения для фасадов и отделки зданий обеспечивают интересное разнообразие между суперблоками.



Почему в Тольятти не любят гулять пешком

Валентина Мельникова



Тольятти — один из немногих российских городов последнего поколения, сформированный на базе крупного производственного комплекса. Быстро растущий город-гигант, основной структурной единицей планировки которого является межмагистральная территория (ММТ), пришедшая на смену микрорайону. Модуль планировочной сетки ММТ — 1 x 1 км, количество жителей — 32–34 тыс. человек. Первые два квартала ММТ были реализованы в полном объеме, далее жизнь стала вносить свои коррективы. Отсутствие мелкоструктурной сети магазинов привело к тому, что в конце рабочего дня торгово-бытовые комплексы не справлялись с людским потоком, так как большинство жителей города работали на одном предприятии. Крупномасштабная сетка улиц, однообразие жилой среды, сформированной из типовых домов, длина которых порой превышает 300 м, заставили население города отдавать предпочтение передвижениям на транспорте, а свободное время проводить дома.

Последующие этапы формирования города пошли с отклонениями от генерального плана: на смену малочисленным, но крупным торгово-бытовым комплексам пришла дисперсная сеть небольших магазинов и предприятий обслуживания. При проектировании Нового Тольятти не были учтены последовательность формирования городской культуры, постепенность «наращивания» образцов городского образа жизни.

И если в застройке более позднего периода отклонения от проекта, продиктованные реальной жизнью, увеличили степень комфорта проживания, то в первых кварталах строительства предлагается реконструкция среды, направленная на ее уплотнение с целью возврата к человеческому масштабу, разнообразию функций, обеспечивающих возможность выбора — отличительную черту городской культуры.



Свободная планировка

АРХИТЕКТУРА

Нина Крайняя

Интервью: Ольга Казакова

НИНА ПЕТРОВНА КРАЙНЯЯ

Окончила МАРХИ в 1959 году. С 1960 по 1966 год работала в институте Моспроект-1 в планировочной бригаде мастерской №10, где занималась планировкой и застройкой Юго-Западного района. В 1976 году защитила диссертацию по проблеме организации пешеходных путей в планировочной структуре микрорайона. Сегодня — ведущий научный сотрудник НИИТИАГ РААСН.

— **В чем вы видите ценность модернизма в градостроительстве?**

— Я нашла три ценных момента в модернизме, причем ценных пространственно, не культурологически. Во-первых, ценна сама функционально-планировочная организация — микрорайон. Он уцелел как некое градостроительное завоевание, просто очень сильно трансформировался в своем понимании. Раньше микрорайон был «нашим всем»: градостроительные нормы — это же просто описание в деталях планировки, застройки и функционального содержания микрорайона. Читайте нормы, выкладывайте на макете эти кубики, и у вас будет готовый проект. Этого достаточно было для того, чтобы пройти утверждение. Сегодня микрорайон — это некий территориальный контрольный ареал. Важно, чтобы в его пределах соблюдалась пешеходная доступность до остановок транспорта, чтобы там был утвержденный нормами набор учреждений социального обслуживания. В этот минимум входят, например, школа и детский сад.

— **Каким был второй ценный момент, который вы нашли?**

— Второе, что мне показалось важным, — это дискретность застройки. Никогда раньше у нас не было, за исключением первой волны авангарда, так, чтобы отдельно стоящие многоквартирные здания заполняли дисперсно некую территорию, скажем, квартал. А вот сначала в авангарде, а потом и в модернизме, это было главное. Потому что лозунг еще корбюзианских времен был — дом, свободно стоящий, со всех сторон окруженный свободным пространством, зеленью, и освещенный солнцем, — это лучшее жилище.

— **Вы при проектировании опирались на этот корбюзианский принцип?**

— Безусловно, потому что когда мы начали проектировать, примеры такой дискретной застройки в Москве уже были. Мы начали работать в 1962 году, проектировать четыре микрорайона района Беляево. Лева Долинин был блестящий рисовальщик, я выдумщик, Сусанна Ораевская — великолепный организатор и проектировщик, и каждый из нас себя там нашел. Яков Борисович Белопольский нас отпустил на полную катушку, что называется. Это руководитель мастерской, в которой мы работали в Моспроекте. Вообще-то это была архитектурная ссылка — планировочная бригада.

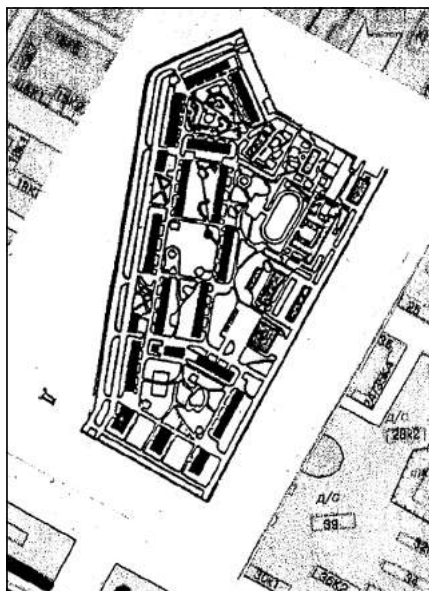
— **То есть известные архитекторы тогда не хотели заниматься вопросами планировки микрорайонов, да?**

— Первый крупный руководитель, который обратился к этому не то чтобы с интересом, а с ответственностью, был Александр Григорьевич Рочегов, директор Моспроекта. Тогда вышло грозное постановление о необходимости уплотнения уже построенных и проектировавшихся районов, и он стал ежедневно ходить по бригадам, смотрел, как мы

справляемся с этим уплотнением.

— **А это в какие годы примерно было, это требование об уплотнении?**

— Вероятно, это был 1965 год. Не хватало территорий в Москве свободных. Даже при таких больших присоединенных в то время территориях — когда они уже были в значительной степени освоены — стало понятно, что разбрасываемся территориями, что слишком низкая плотность, дорогая инфраструктура. Тогда стали «вставлять» дополнительные дома. Нетрудно сегодня проследить три волны уплотнения. Это видно по сериям типовых домов, которые вставлялись, по их этажности, прежде всего. Первыми начали вставлять 14-этажные дома, потом 16-этажные, а потом уже и еще выше.



Коллектив во главе с арх. Н. Остерманом.
Застройка экспериментального квартала №9
в Новых Черемушках, 1956–1958

— **А у вас, когда вы работали над Беляево, какой был выбор, из домов какой высотности вы могли выбирать?**

— Это отдельный вопрос, очень важный. Если перейти от идеи дома, свободно стоящего в пространстве, к неким конкретным, экономическим интересам, условиям такого строительства, то я нигде не встречала на Западе такой стандартизации, такой жесткой экономической заданности. И там, и у нас было дешевое жилье, так и задумывалось. Но у нас, поскольку строительство велось в таких объемах, все было очень жестко. Нам давались в основном только дома меридианального типа. Это очень важное для морфологии застройки понятие. Меридианальный дом ставится длинной стороной с севера на юг, по меридианам. И нам давали только один дом с широтной ориентацией — где большинство квартир на две стороны. Но и он жестко ограничен по постановке — он ставится обязательно с ориентацией восток-запад. Кроме того, были и другие жесткие требования к постановке домов — подъезды и входы в дома должны выходить на наименее инсолируемые фасады. И вот при таком соотношении — десять меридианальных и один широтный дом — попробуйте сделать какую-нибудь композицию, кроме строчной. Это чрезвычайно тяжело. А что касается эстетики, то это отдельный сюжет. Я думала, почему мы были очень увлечены современными формами, начиная от табуретки, вазочки, и кончая домами. Вероятно, мы очень устали от чего-то — от того ли, что жилье было плохое, и его мало было, и оно было запущено? Были дома красивые, дорогие — модерн. Но стиль модерн тогда не привлекал людей абсолютно, все были увлечены именно новыми формами. Это было подсознательное ожидание комфорта и отдельного проживания. Я думаю, в этом была причина — социально-психологическая. Мы были увлечены самой новизной задачи, считали, что отражение в архитектуре одинаковой комфортности жилья для всех и есть новая эстетика.

— **Мы обсудили ценность микрорайона как территориальной единицы. А что можно сказать о дискретности застройки?**

— Тему дискретности наш домостроительный комплекс, наша экономика и наша власть стали очень сильно эксплуатировать. Солнце, зелень, нормы земли большие, земля бесплатная, государственная, значит, можно дома производить в большом количестве и ставить. Мы, государство, не тратим на дома ничего, мы выбрали абсолютно дешевейший и при этом наименее комфортный тип дома и тиражируем его в бесконечном количестве. А вы, архитекторы-градостроители, вы попытайтесь лепить каким-то образом городское пространство. То есть

единовременное освоение больших территорий, организованных в виде крупных микрорайонов, — этого требовала как градостроительная идеология укрупнения жилых единиц ради их комплексного обслуживания, так и технология поточного строительства. А архитектурно-планировочная мысль не успевала за этими темпами. Но дискретная архитектура вступила в очень интересные отношения с природными элементами. Ну, собственно, Скандинавия на это и рассчитывала с самого начала, что дома стоят среди зелени, на рельефе.

— **Но вот нет ли такой проблемы при дискретной застройке, как отсутствие понятия своего места, своего двора?**

— Расстояния между пятиэтажными домами были нормальные. А если говорить о высотных, например, 22-этажных домах, то это уже не модернизм. Это постмодернизм. Вот там эта проблема ярчайшим образом и проявилась. Отсутствие полное какой-либо связи между человеком, домом, прилегающим пространством. Пока дом соразмерен с деревом — это одна ситуация. Вот, например, береза достает практически до девятого этажа. Сейчас не делят периоды советского модернизма и постмодернизма между собой. До 80-х годов — это классический советский модернизм, после 80-х годов — это уже другой период. И я имею в данном случае под модернизмом не столько архитектуру зданий, сколько именно градостроительные приемы и решения. Вот там произошли изменения.

— **Хорошо бы провести верхнюю временную границу для модернистского подхода к застройке микрорайонов, если многие проблемы, на которые сейчас жалуются, — более поздние.**

— Вот по 1985 году я бы провела границу. Что произошло в 1985 году? Изобрели угловую секцию. Появилась возможность стыка зданий под разными углами. Потому что захотелось дворов и улиц. То есть начался поворот в пространстве города, в его формировании, как раз к средовому подходу, к постмодернизму, к традиционным построениям, появились полузамкнутые дворовые пространства. Но одновременно выросла этажность. Чтобы и территория двора инсолировалась, и инсолировались эти дома, нужно было их раздвинуть на очень большое расстояние. Пришлось внутри этих дворов ставить ЦТП, детские учреждения, которые тут же разбили это внутреннее пространство на какие-то линейные зоны вдоль корпусов. И у вас нет ни двора, ни придворовой территории толком нет никакой.

— **Мы определили с вами верхнюю временную границу советского модернизма в градостроительстве, а нижнюю его границу где можно провести?**

— Вот я не помню, в каком году, когда именно отказались от укрупненного квартала. Но я могу сказать, почему это произошло — потому, что

перешли на сборное панельное строительство, у которого не было угловых зданий и угловых секций. Как только закончились угловые композиции и как только преобладали стали дома одной ориентации, мы сразу перешли в абсолютно другую морфологическую систему — свободно стоящая россыпь. Такая морфология позволяла осваивать большие территории — микрорайоны, величина которых диктовалась пешеходной доступностью школы.

— **А как выбиралась подошва, пятно застройки для этих меридианальных или даже, если повезет, широтных домов? Как вы их ставили?**

— С рельефом мы считались, безусловно. И работали инженеры-вертикальщики раньше обязательно, они и сейчас работают, которые моделировали определенным образом рельеф. Сидела группа архитекторов, которая делала планировку, расставляла дома, делала композицию, а рядом работала бригада вертикальщиков, которая говорила, что если вы, например, вот так сделаете, то это слишком большие объемы земляных работ — давайте изворачивайтесь иначе. И потом шла привязка домов уже к конкретным условиям рельефа, мы давали вертикальщикам свои пожелания в смысле сохранения рельефа и размещения основных групп домов, они прорабатывали эти варианты и говорили, где такая композиция возможна, а где нельзя идти на срезки и на насыпки, потому что это приведет к удорожанию строительства, к большому объему земляных работ. Но вы понимаете, что такая жесткая заданность типов домов, она работать-то с рельефом нам и не позволяла — это вам не Скандинавия, где много было башен с самого начала, где было много односекционных домов, где были действительно какие-то возможности обогнуть, загнуть, поставить.

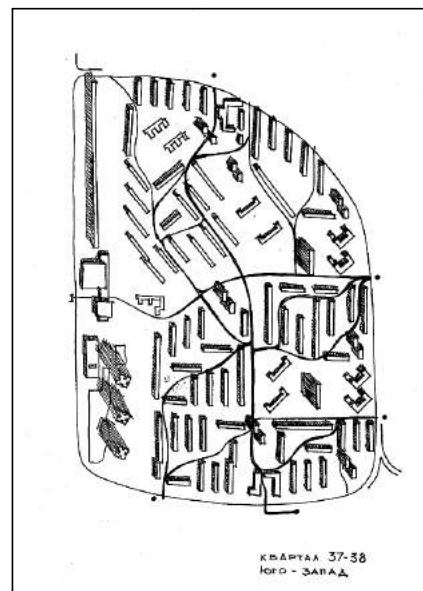
— **А система улиц и внутренних проходов в микрорайонах как была устроена?**

— Меня уже в 1965 году, наверное, стала мучить вот эта гороховая россыпь домов, появился протест. Я тоже не могла понять смысл и структуру этого модернистского пространства. И мы стали делать как: микрорайон, внутри которого рисовались так называемые жилые группы. Жилая группа состояла из многих строчно поставленных домов и где-нибудь перегороджена была одним девятиэтажным домиком. Реально мы имели девятиэтажный дом и меридианальные пятиэтажные дома, и кое-где изредка появлялась возможность перекрыть широтным, чтобы образовался двор, чтобы это не было совсем сквозное пространство. И между домами мы делали детские площадки, места для пожилых людей. Вокруг были городские магистрали, и поскольку у нас в Беляево была довольно трудная и долгая доступность до автобусных остановок, то мы проектировали внутреннее маршрутное такси, которое будет подвозить людей к этим остановкам. Разумеется, потом ничего реализовано не было, не состоялось. Мы делали жилые группы домов, между двумя жилыми группами — торговый центр, школа, детский сад, если удавалось — микрорайонный сад. И между ними пешеходная аллея, на это которую из жилых групп все выходят и движутся. И эти настроения крепчали — и особенно у нас, и Яков Борисович Белопольский нас поддерживал. Мы говорили — надо делать другую структуру. Не просто жилые группы аморфные, инертные по отношению к передвижениям людей, а надо создавать внутренний каркас. И вот на эти внутримикрорайонные каркасы сажать застройку. А что это такое — переход к кар-

Это было подсознательное ожидание комфорта и отдельного проживания. Мы были увлечены самой новизной задачи, считали, что отражение в архитектуре одинаковой комфортности жилья для всех и есть новая эстетика



Массив микрорайонов однотипной застройки в районе Новые Черемушки в Москве, начало 60-х годов XX века



Сеть стихийно сложившихся пешеходных путей в крупном микрорайоне типовой застройки на Юго-Западе Москвы

касу и расстановка зданий в соответствии с каркасом? Это градостроительный постмодернизм уже, это не модернизм. Модернизм — это когда действительно свободно расположенные здания среди зелени и солнца.

— **Да, но вот мы говорим — свободная застройка при модернизме, а в результате нашего разговора становится понятно, насколько она была несвободная: земляные работы — дорого, разнообразие домов — тоже дорого, повышение этажности — дорого.**

— Я совершенно согласна. Получается, что наш модернизм — это и не модернизм вовсе. Это такая государственная спекуляция на принципах модернизма, потому что из модернизма были отобраны жестко только те условия, которые позволяли предельно экономить на всем — на жилье, на земле, на типе дома. В результате мы получили соответствующую среду. И только несколько спасает, что потом прошли волны уплотнения, появилось некое разнообразие силуэтное в застройке и вмешалась природа.

— **Ну а была возможность подумать на эту тему разнообразия среды или нет? Или главное было только дать людям жилье?**

— Ну, никто не заблудился, кроме этого героя из фильма «Ирония судьбы». Мы искали новые идеи, конечно, старались создать архитектурными средствами условия, в которых горожанин мог бы идентифицировать себя в новом окружении. Например, в одном из микрорайонов в Беляево мы сохранили пруды и сады — сделали зеленую сердцевину и рельеф обыграли. Церковь здесь я сохранила. Здесь был эскиз, когда на нее дом поставили, а это нарышкинское барокко. И в общем, мы ее отбили, а сейчас ее отреставрировали.

— **А вообще в хрущевские времена церкви не очень жаловали, сложно было церковь сохранить?**

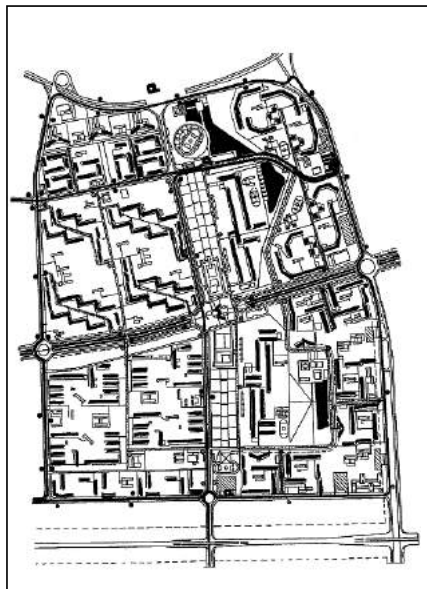
— На нее не обращали внимания, это просто был неопорный объект, то есть мы имели право с ним не считаться, расставляя дома, и, наверное, это наша заслуга, что все же посчитались.

— **Конечно! Но вот в районе Беляево нет никаких мест приложения труда, он так и проектировался вами как спальный?**

— Да, это чисто жилой район. Хотя вот тут он граничит с крупной промзоной. Но никаких мыслей в процессе проектирования о их связях, о том, что эти две территории должны быть как-то сбалансированы, у нас не было.

— **То есть работайте где хотите?**

— Да, и будьте довольны, что у вас есть это жилье. Так вот, какой я подвожу итог. В Беляево проработка каркаса была довольно внимательная, и я думаю, что я имею право это называть попытками уже постмодернистского градостроительства именно потому, что мы здесь начали формировать такие связанные в пространстве группы. Это совсем не свободная планировка. И поэтому это не яркий представитель советского модернизма — Беляево. Хотя оно пользовалось очень большим успехом у руководителей других мастерских. Это значит, уже настроения отказа от свободной планировки были в это время, созрели в профессиональном кругу. Но как только к этому присоеди-



Коллектив во главе с арх. Я. Б. Белопольским.
Проект застройки жилого массива Беляево-
Коньково в Москве, 1964–1965

лось повышение этажности, эта идея умерла тут же, постмодернистская, потому что это просто дискомфортно. Дискомфорт теперь уже не от отсутствия организованного пространства, а от его организации — совершенно неправильной. Дома не тех масштабов, которые должны быть.

— **Мы с вами начали с того, что до сегодняшнего дня сохранились три ценных черты градостроительства эпохи модернизма: микрорайон, дискретность застройки — что третье?**

— Это как раз масштаб застройки. Он не нами изобретен, а привезен из Европы, из той же Скандинавии. Он достаточный, чтобы эту застройку считать именно городской, это явно город, не деревня, не поселок. А с другой стороны — этот масштаб социально эффективен. Все-таки люди, живущие в домах в 9 этажей, в 5 этажей, — они еще каким-то образом имеют возможность друг с другом контактировать, они знают более или менее друг друга. Потолок в этом отношении — это дом в 14 этажей. В 22-этажном доме это уже невозможно. Уже начинаются лифтовые холлы и приквартирные холлы отдельно. Лестничная клетка не работает — все ездят на лифте, — и придомовая территория тоже. Если над вами 22 этажа стоят, то это пространство абсолютно не привлекательно.

— **Но вы под ценным масштабом модернизма имеете в виду именно масштаб домов, верно я понимаю? А масштаб самого микрорайона?**

— Микрорайон очень ограничен обязательной пешеходной доступностью некоторых элементов социальной инфраструктуры. Вот школа, например, — такой микрорайонообразующий элемент. Доступность школы — 750 метров, она и определяет величину микрорайона.

— **То есть с точки зрения «пятна застройки» микрорайон тоже себя оправдывает — пешеходная доступность школ, детских садов необходима, а в квартальную застройку сложно уместить столько объектов социальной инфраструктуры.**

— Да, да. Объяснение перехода к квартальной застройке два. Первое — это уплотнить транспортную сеть, чтобы можно было «просачиваться» через эти, так сказать, капилляры, а не ездить только по основным городским магистралям. А второе — это необходимость сделать дворы. А дворы — это проблема этажности. Двор и высотность — несовместимые понятия. Высотные дома могут быть только при дискретной застройке. И этот дискретный тип городской ткани вполне конкурентен квартальной модели и может войти в будущую морфологическую номенклатуру городской массовой застройки.

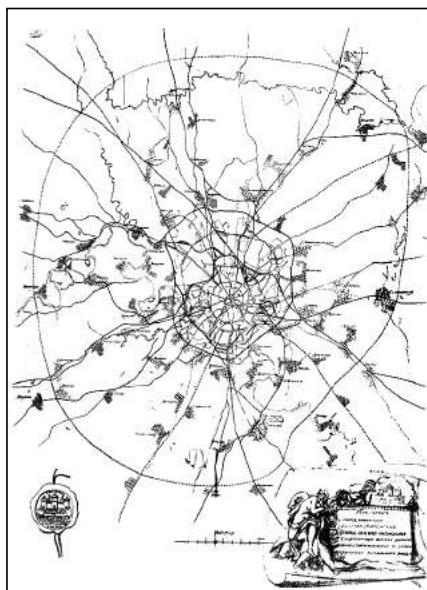
Город идей: история планирования

АРХИТЕКТУРА

Анна Броновицкая

В прошлом столетии Москва интересовала градостроителей и планировщиков едва ли не больше, чем какой-либо другой город планеты. Вопрос о том, как должна выглядеть столица начали обсуждать как-только городу вернули статус политического центра страны — в 1918 году. Академик И.В. Жолтовский предложил сохранить и усилить историческую радиально-кольцевую планировку и довести ее до полной регулярности. В этой идее В.И. Ленину увидел сходство с Городом Солнца Томмазо Кампанеллы, чьи сочинения он тогда читал — и аналогия ему пришлось по вкусу.

Схема перепланировки Москвы, выдвинутая в 1919 году И.В. Жолтовским, предполагала придание Окружной железной дороге, служившей с 1911 года границей города, более правильной формы, для чего она отодвигалась на юго-запад, охватывая Воробьевы горы. На дистанции 10 верст (ок. 15 км) от нее предполагалось провести второе кольцо железной дороги. В образовавшемся поясе располагались поселки-сады, привязанные к рекам и к радиальным дорогам, как железным, так и автомобильным, связывающим Москву с ближайшими городами, трактуемыми как спутники Москвы.



И.В. Жолтовский. Схема перепланировки 1919 г.

«Новая» и «Большая Москва»

На основе схемы Жолтовского и началась разработка более конкретных планов. Группа под руководством А.В. Щусева в Архитектурной мастерской отдела сооружений Моссовета проектировала «Новую Москву» примерно в существующих границах, а инженер С.С. Шестаков, работавший по заказу Московского отдела коммунального хозяйства, был в большей степени занят организацией связей между населенными пунктами в пределах «Большой Москвы». Так как план «Новая Москва» был опубликован уже в 1923-м году, а план «Большая Москва» дорабатывался до 1926-го, последний учитывает закрепившееся к тому времени совпадение политического и делового центра Москвы с историческим. Важнейшая особенность плана «Новая Москва» — сочетание существующей радиально-кольцевой планировки с принципом полицентризма и идеей города-сада. А.В. Щусев, для которого первостепенной задачей было сохранение ценного архитектурного наследия (и расчистка города от «безобразных» сооружений второй половины XIX — начала XX века), предложил сосредоточить новое строительство в «Красном городе» — широком кольце, опоясывающем Камер-Коллежский вал и заканчивающемся близ Окружной железной дороги. Жилым районам, имевшим вид поселков-садов с небольшими домами на одну-четыре семьи, отводилось внешнее кольцо, переходящее в лесной защитный пояс, отделявший Москву от области.

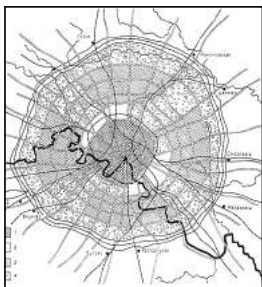
План «Большая Москва» С.С. Шестакова принимал во внимание начавшийся быстрый рост населения города. Шестаков исходил

из того, что для комфортного проживания плотность населения в жилых районах не должна превышать 60-70 человек на гектар (в «старой» Москве она составляла 192 человека на гектар). Кроме того, городу необходимы промышленные территории и незастроенные зеленые зоны, так что общая площадь Большой Москвы определялась в 200 тыс. га. Существующая Москва становилась Центральным планировочным районом, где сосредоточена административная и торговая жизнь. Следующее кольцо — Парково-промышленная зона: в ее юго-восточном и северо-западном секторах концентрируется промышленность, а юго-западный и северо-восточный сектора отдаются под лесопарки. Вокруг Парково-промышленной зоны располагается Садовая, где создаются новые жилые районы по типу городов-садов. Шестаков считает нужным четко отделить город от окружения, чтобы предотвратить дальнейшее расползание. При выборе поселений, дальнейшее развитие которых необходимо поощрять, предпочтение отдается тем, что находятся на примерно одинаковом расстоянии от Москвы и образуют вокруг нее «венки»: Дмитров, Сергиевский Посад, Богородск, Подольск, Бронницы, Звенигород, Воскресенск. Но и их, опасается Шестаков, может оказаться недостаточно для восприятия возможной перегрузки населения Москвы, поэтому в агломерацию включается и второе кольцо городов — Клин, Волоколамск, Руза, Можайск, Верей, Боровск, Серпухов, Кашира, Коломна, Егорьевск, Орехово-Зуево, Киржач, Александров и Ленинск (Талдом). Все это вместе и есть Большая Москва. В отличие от Щусева, Шестаков видит Москву моноцентричным, хоть и дополненным второстепенными узлами, городом. План Шестакова, выполненный по заказу Московского отдела коммунального хозяйства, начали фрагментарно осуществлять с 1926 года, но в 1929 году он был отвергнут, а сам Шестаков репрессирован.



А.В. Щусев. «Новая Москва». 1923 г.

В январе 1930-го, в журнале «Строительство Москвы» появилась статья Николая Ладовского «Москва историческая и социалистическая». Он подверг критике все существующие проекты реконструкции Москвы, основанные на кольцевой системе, так как сама эта форма, будучи статичной, препятствует нормальному росту города. Выход Ладовский видит в том, чтобы разорвать кольца по одному направлению, вытянув центр по оси Тверская — Ленинградское шоссе и сосредоточив новое строительство в расширяющемся веером секторе между двумя новыми полюсами тяготения, создаваемыми в районе Ходынки и в Останкине. Перепланировку остального города, трактуемого как музей, производить не нужно. В результате, строительство социалистической Москвы по плану Ладовского позволило бы в наибольшей степени сохранить Москву историческую. Официальные претензии к этому плану заключались в том, что у Ладовского «столица, как таковая, отпала. Ее мозг уничтожен, остается очень крупный рабочий центр».

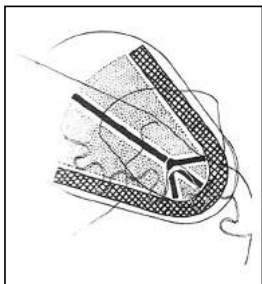


С.С.Шестаков. Большая Москва. 1926 г.

Ле Корбюзье и Курт Майер

В июне 1930-го года журнал «Коммунальное хозяйство Москвы» разместил анкету, задачей которой было выяснить «социальный заказ», определить программу, на основе которой должны работать планировщики. На анкету отвечали как профессионалы, так и простые горожане. Спектр полученных ответов был чрезвычайно широк, но в то же время

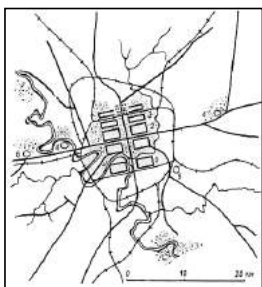
Будущий автор сталинского генплана отреагировал на проект Корбюзье лаконично: «Когда нужен хирург, не зовут палача»



Н. Ладовский. Проектные предложения по реконструкции и развитию Москвы. Конкурс. 1932 г. (Сплошная заливка — центр, клетка — промышленность, точки — жилье)

позволял выявить общую тенденцию в пользу ограничения численности населения и территории Москвы, сохранения основ существующей структуры и повышения архитектурной выразительности ключевых участков города и главных магистралей. Собранный материал был использован для выработки видения будущего Москвы руководством страны, направлявшим планировщиков на пути к созданию Генерального плана Москвы, принятого в 1935 году. Самым примечательным результатом анкетирования стал ответ Ле Корбюзье, приславшего эскизный проект Новой Москвы, в котором на московскую топографию принципы своего плана «Вуазен» 1923 года: функциональное зонирование и застройка в виде одинаковых регулярно поставленных башен, окруженных парком. Четкая симметрия геометрически правильных районов, поделенных на административные, промышленные и жилые, делает только одну уступку конкретному месту: Кремль и небольшой участок исторического центра вокруг него попадал в зазор между обширными площадями новой застройки, полностью заменявшей существующий город. Предложение было использовано для дальнейшей дискредитации современной архитектуры. Будущий автор сталинского генплана отреагировал на проект Корбюзье лаконично: «Когда нужен хирург, не зовут палача».

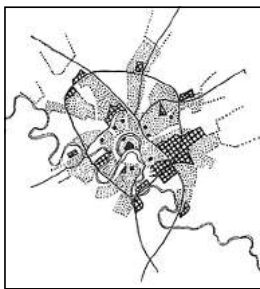
Московский отдел коммунального хозяйства поручил разработать новую концепцию плана коллективу под руководством иностранного специалиста, бывшего главного архитектора Кельна Курта Майера. Задание определяло население будущей Москвы в 4 миллиона человек, а площадь — 56 000 га (территория в 15-километровом радиусе от центра). В принятой весной 1931 года схеме Майер впервые предложил поделить город на радиально расположенные вокруг центра районы, каждый со своим административным и культурным центром. Районам должны были быть приданы очертания вытянутых прямоугольников, между которыми протягивались к центру зеленые клинья. Радиальные магистрали ближе к окраинам разветвлялись; дополняющие их тангенциальные магистрали обеспечивали связь районов друг с другом. План Майера хвалили за правильный классовый подход: формирование районов на основе промышленности «способствовало пролетаризации населения». Вопросы связи с областью не рассматривались: изначально было оговорено, что пригороды представляют собой самостоятельные аграрно-промышленные поселения.



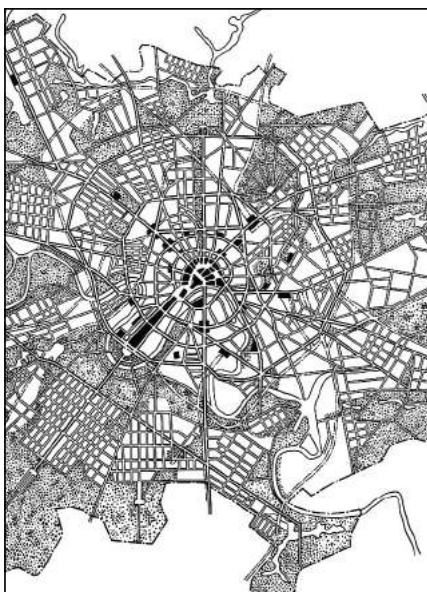
ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ
Ле Корбюзье. 1932 г.

«Сталинский генплан»

Утвержденный постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 июля 1935 года генплан, по всей вероятности, подвергся влиянию «личных указаний тов. Сталина», о которых постоянно упоминается в посвя-



К. Майер. Проектные предложения по реконструкции и развитию Москвы. Конкурс. 1932г. (Сплошная заливка — центр, клетка — промышленность, точки — жилье)



Генплан. 1935 г.

ценных принятию плана публикациях, а также Л.М. Кагановича, непосредственно руководившего реконструкцией Москвы. Ближайшие сельскохозяйственные земли, традиционно поставлявшие в столицу свежие продукты, казались неприкосновенными авторам более ранних планов, но к 1935 году были по-новому осмыслены как наиболее здоровые, благоприятные для жизни территории. Немаловажно, что выдвинутая Кагановичем идея о расширении на юго-запад позволяла сделать более правильной круглую форму Москвы.

Другой новый момент связан с усилением роли рек: не только Москва-река, но и Яуза мыслятся как активно используемые пути сообщения. Подмоскovie трактуется уже исключительно как обслуживающий придаток столицы. Для минимизации транзитного движения через территорию города была запроектирована Московская кольцевая автомобильная дорога. Генплан 1935 года продолжал действовать, с некоторыми корректировками, до второй половины 1950-х годов.

Последняя версия сталинского генплана, подготовленная коллективом под руководством Д.Н. Чечулина и утвержденная в 1951 году, была рассчитана на 10 лет, но после хрущевской архитектурной реформы оказалась непригодна. Разработка генплана — дело долгое, а массовое строительство жилья требовалось развернуть немедленно. Поэтому в 1957 году Институтом генерального плана был подготовлен временный «технический» генплан, предусматривавший освоение т.н. «резервных» территорий Москвы. Самым большим новшеством послевоенных лет было решение перенести политический центр на юго-запад, где выросли такие образования общегородского значения, как стадион Лужники и новый комплекс МГУ.

После 1971 года

К 1960-му были готовы Технико-экономические основы генерального плана развития Москвы на 1961-1985 годы. Сам генплан приняли только в 1971 году, так что ТЭО (скорректированные в 1966-м) в течение 10 лет исполняли его роль. 18 августа 1960 года границей города стала МКАД, что снова скачкообразно увеличило его площадь — до 87,5 тысячи га, а число жителей — до 6,13 миллиона человек.

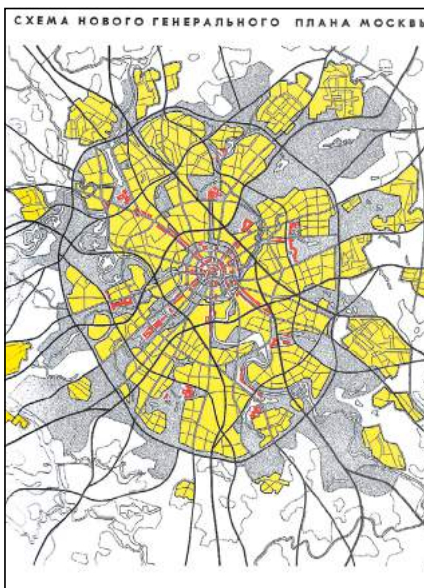
В утвержденном в 1971 году генплане, подготовленном под руководством главного архитектора Москвы М.В. Посохина, в очередной раз возобладала логика концентрической планировки. В нем отчетливо заметно сходство с планом Курта Майера 1931 года. Территория делится на восемь планировочных зон, каждая со своим центром, производственной базой и полным набором социальной инфраструктуры, чтобы жители могли удовлетворить все свои потребности, не покидая своей зоны; внутри Садового кольца размещаются административные и культурные учреждения общегородского, республиканского и союзного значения. Возросшие расстояния предлагается преодолевать как с помощью метро, так и на автомобилях. Новшество: задумано активное освоение подземного пространства, особенно в центральной планировочной зоне, где оно позволит сохранить историческую среду. Тема наследия звучит активнее, чем во всех предыдущих — он даже называется не «планом реконструкции», а «планом развития». Численность населения стабилизируется на уровне 8 миллионов человек.

Объявленная Михаилом Горбачевым в 1985 году политика гласности вскрыла наличие в Москве тяжелых проблем. В 1987 году Совет мини-

Тема наследия звучит в плане 1971 года гораздо активнее, чем во всех предыдущих – он даже называется не «планом реконструкции», а «планом развития»



Схема генплана. 1957 г.



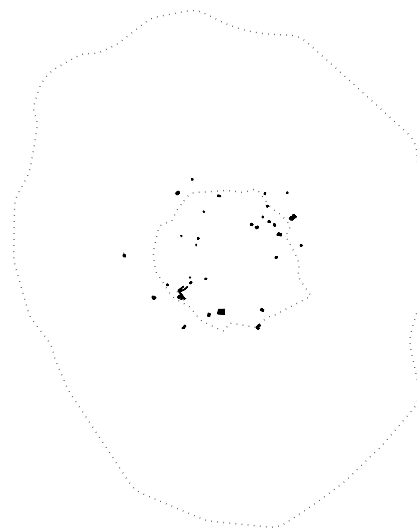
М.В. Посохин. Схема генерального плана Москвы. 1971 г.

Строительный комитет ЦК КПСР принял постановление «О разработке Генерального плана Москвы и Московской области на период до 2010 года». Отправной точкой было признание того, что Москва находится в кризисе, и поиски путей выхода из этого кризиса начались с широких общественных консультаций. Центр Москвы в пределах Камер-Коллежского вала был признан памятником градостроительного искусства. Детальное проектирование центра в пределах Садового кольца, отдающее приоритет регенерации среды, было выделено в отдельное направление работы. Еще до конца 1987 года был проведен конкурс на новый московский генплан, результаты которого были вынесены на общественное обсуждение. Экономический коллапс, а затем и распад СССР надолго затруднили проведение какой бы то ни было градостроительной политики. Работа над новым генпланом, начатая в 1989 году, затянулась на десятилетия, реагируя на меняющиеся обстоятельства. Конечным ее итогом стал принятый в 2010 году генеральный план Москвы, фактически признанный негодным сразу после утверждения.

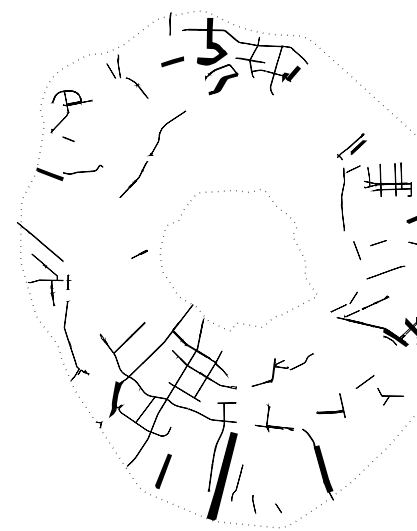
В отсутствие выраженной административной воли в два постсоветские десятилетия, практически единственной движущей силой развития стал рынок. С одной стороны, оставшийся в наследство от социалистической эпохи город насыщался объектами сервисной инфраструктуры. С другой, в наиболее выигрышных местах стали строиться «элитные» жилые дома, офисные центры и торговые комплексы. С третьей, неиссякающий спрос на массовое жилье позволил продолжить работу домостроительным комбинатам, превратившимся в высокодоходные предприятия. Практика "ручного управления" строительным процессом привела к глубокому инфраструктурному дисбалансу, трудноразрешимым транспортным проблемам, кризису наследия; возникли предпосылки для возникновения социально неблагополучных гетто. Вследствие непродуманной политики приватизации, из ткани города оказались выключены обширные промзоны: даже там, где производство полностью остановилось, редевелопмент осложнен нерешенными вопросами собственности.

Предпринятое в 2012 году расширение Москвы за счет присоединения юго-западного сектора Московской области стало, по сути, признанием неспособности решить накопившиеся проблемы иначе, как экстенсивным путем. Такой выбор может привести только к количественному умножению хаоса. Чтобы остановить его и создать работоспособный каркас для следующего этапа жизни города, требуется вмешательство ясно выраженной градостроительной воли.

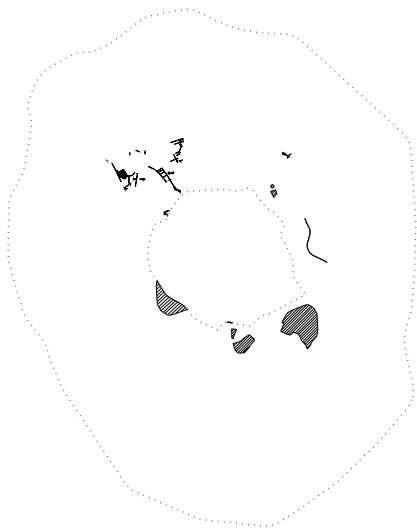
Следы идей



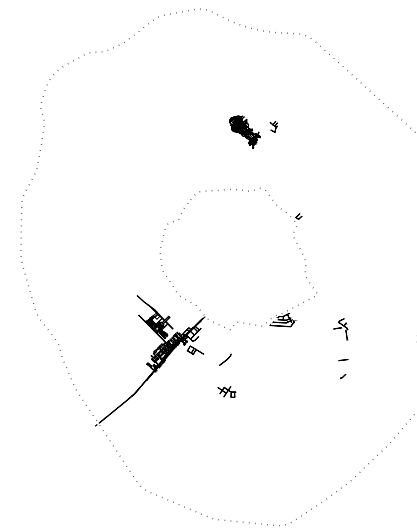
3



6



2



5

ПЛАНЫ

1 Схема перепланировки 1919 г.

И. В. Жолтовский. Каркас поселков-садов.

2 «Новая Москва» 1923 г. А. В. Щусев.

Промышленная зона на юго-востоке, часть железной дороги на востоке, поселки-сады на севере.

3 «Большая Москва» 1926 г. С. С. Шестаков.

Проекты авангарда 1920-х гг. При размещении объектов авангарда в 1920-е гг. руководствовались планом Шестакова.

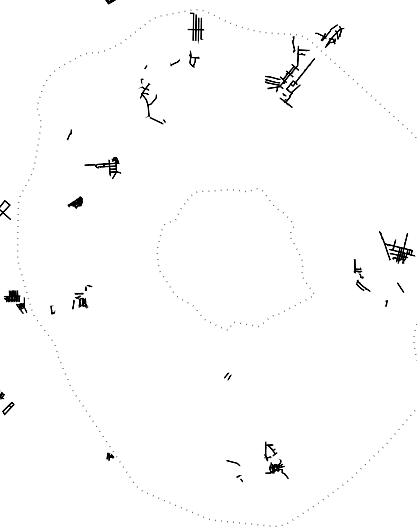
4 Сталинский генплан 1935 г.

С. Е. Чернышев. Химкинское водохранилище, каналы Москва-реки, дорожная сеть, квартальная застройка, часть МКАД на востоке.

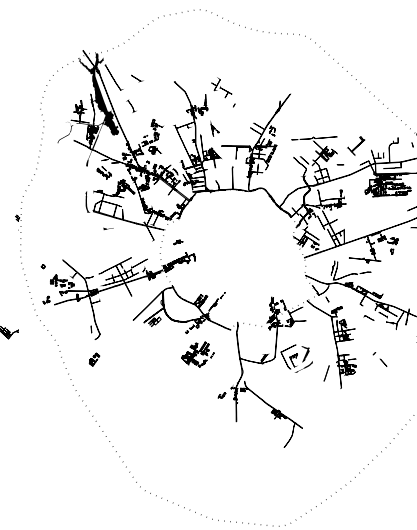
5 Большие проекты. ВСХВ 1939 г.; ось с большой спортивной ареной и главным зданием МГУ 1949 г.; Ленинский проспект и скорректированные части генплана 1935 г. (согласно техническому генплану 1957 г. Д. Н. Чечулина).

6 Генплан 1971 г. М. В. Посохин. Дорожно-транспортная сеть; проекты административно-общественных центров в микрорайонах.

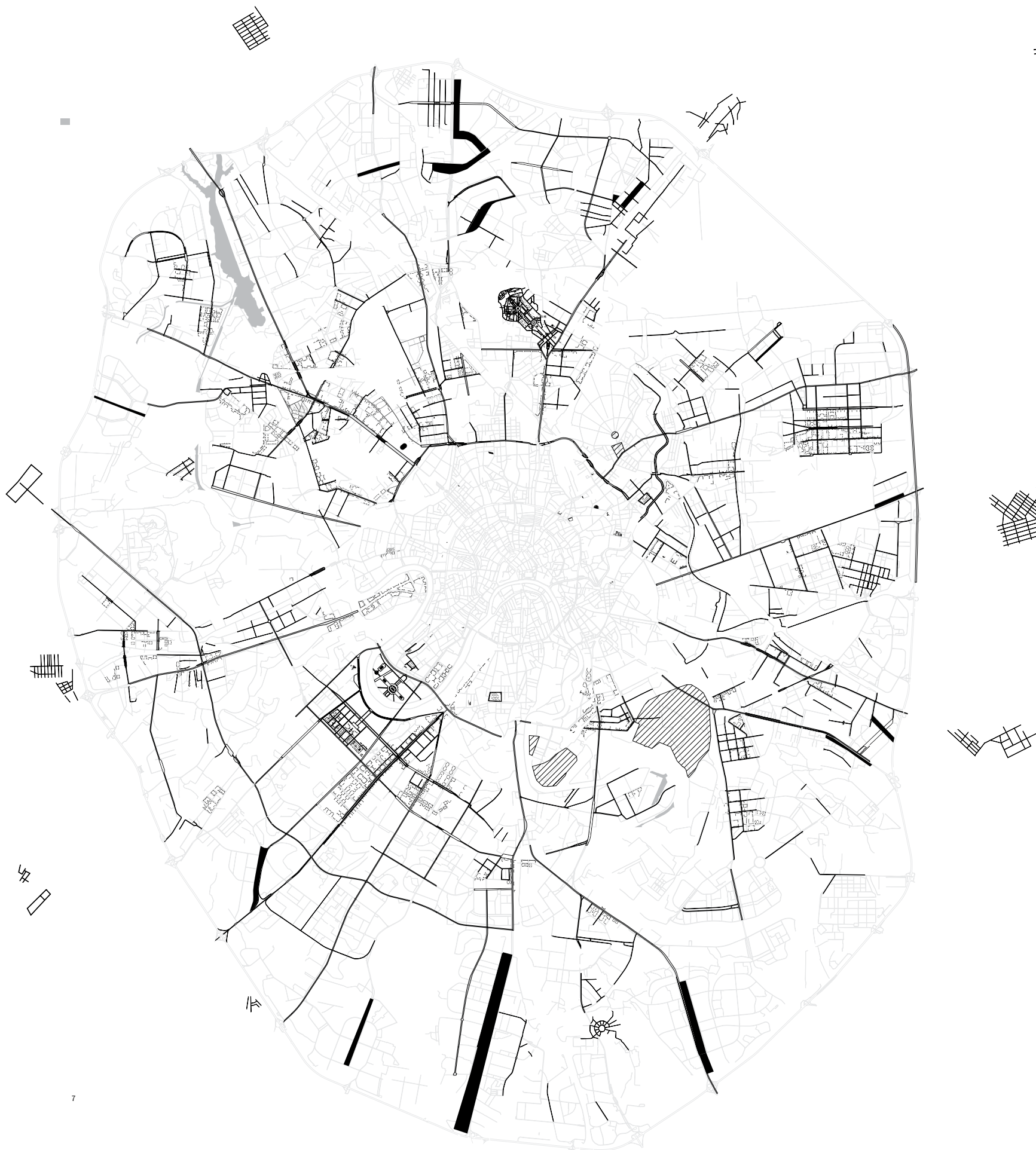
7 Установлены реализованные части градостроительных проектов при помощи картографии утвержденных генпланов, больших проектов спутниковых съемок и исторических карт Москвы.



1



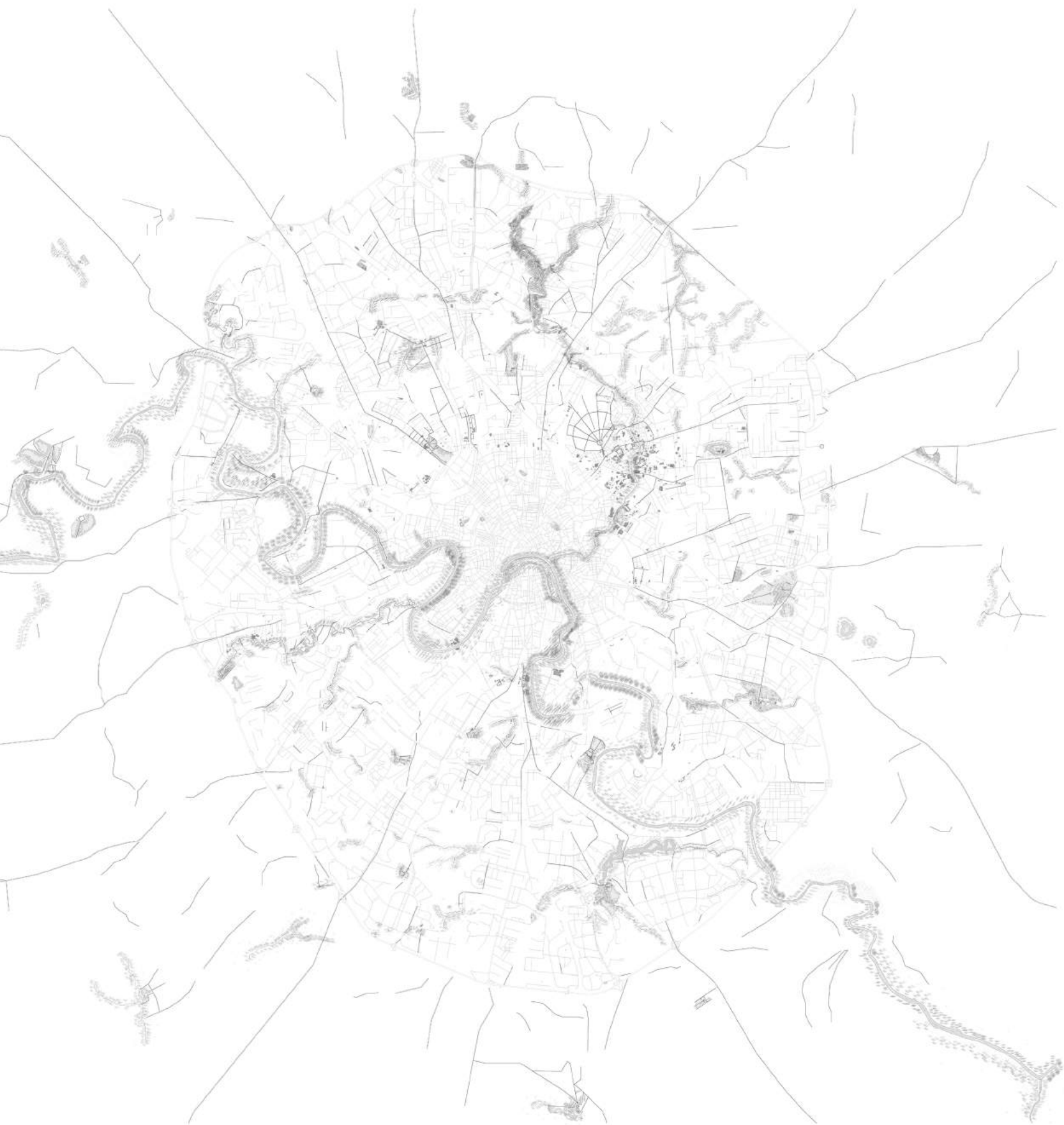
4

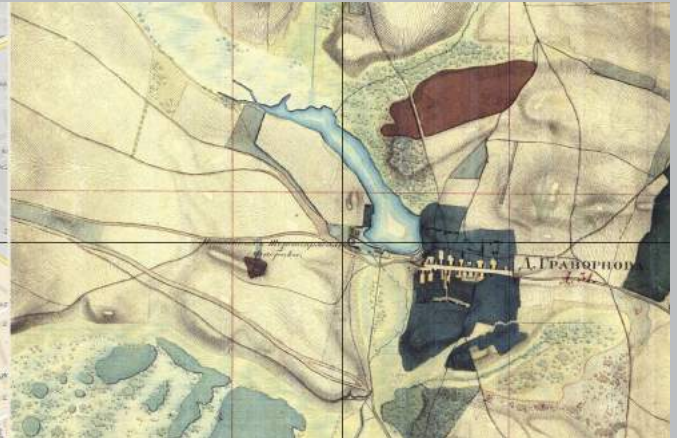


Уцелевший ландшафт

Исследование ландшафта окраинных районов позволило выделить в их структуре пространственные и физические структуры города, сохранившиеся с XIX века. Среди них — естественная акватория, которая включает в себя реки, ручьи, озера и пруды, находящиеся на своих местах (с 1818 года), сохранившиеся усадьбы и парки. При совпадении транспортной автомагистрали с исторически сложившимися путями такие автодороги тоже считались следом исторического ландшафта. Двадцать четыре развязки МКАД (из тридцати четырех) расположены на местах старых дорог и деревень.

В основу исследования легли: топографическая карта окружностей Москвы, снятая офицерами квартирмейстерской части 1818 года; план инструментальной топографической съемки города Москвы и ее окрестностей 1838 года; топографическая карта окрестностей Москвы Шуберта 1848 года; топографическая карта окрестностей Москвы, исправленная офицерами Генерального штаба и чинами Военно-топографического депо, 1856 года.





Деревня Граворнова — Граворновская улица



Деревня Марьина — Калибровская улица



Деревня Никольская — Олимпийские пруды



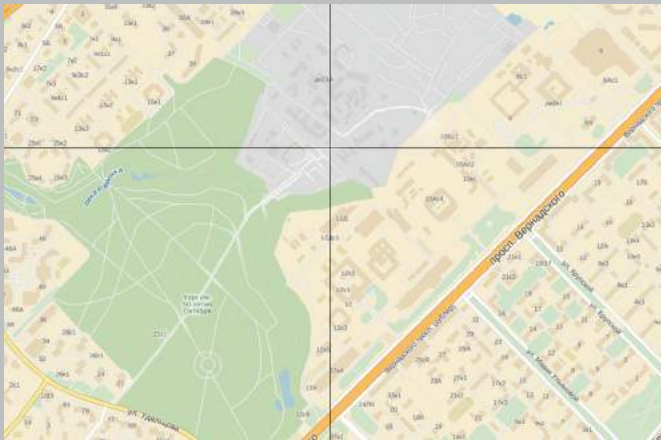
Деревня Никулина — Ландшафтный заказник «Тропаревский»



Деревня Семеновская — 15-е кварталы Юго-Запада



Казенный Измайловский зверинец — Измайловский парк



Парк 50-летия Октября



Село Кунцево — «Пионерская»

История места

Исследование исторических этапов развития территории на примере села Семеновское (кварталов 15, 15А, 15Б Юго-Запада Москвы).

На основе карт и аэрофотосъемок разных годов были составлены карты одного участка Москвы за 200 лет.

На участок наложен проект магистральной застройки 1950-х годов и зафиксированы существовавшие положения в 1838, 1952, 1959, 1970, 1991, 2013 годах.

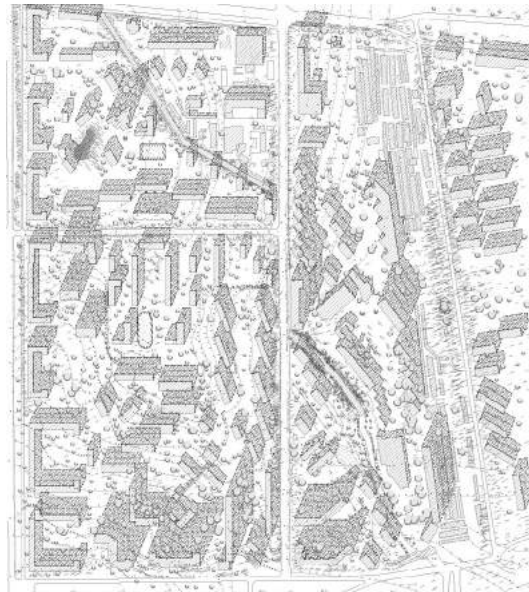
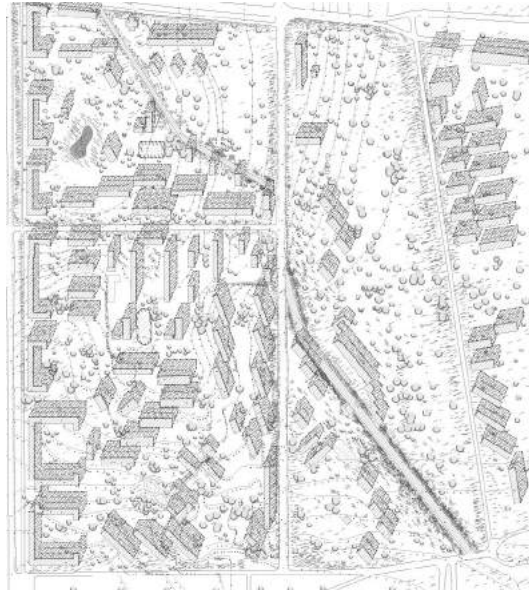
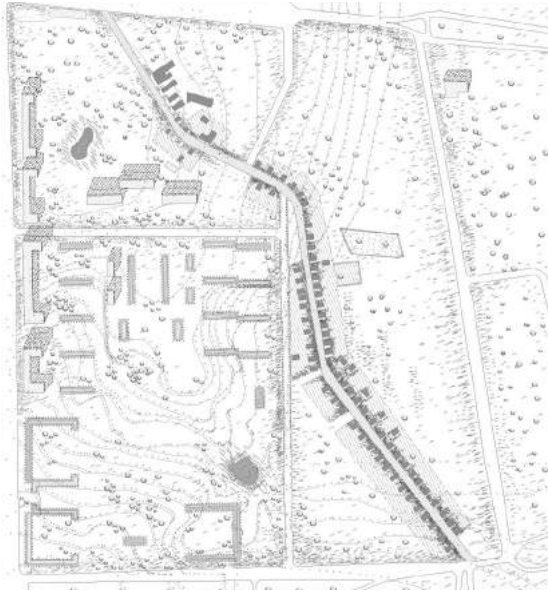
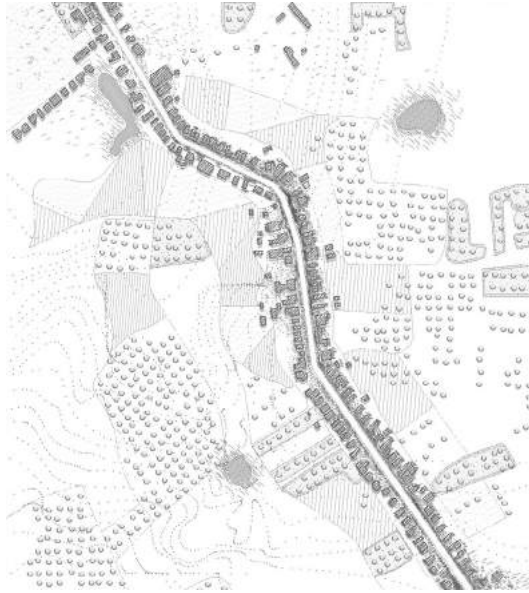
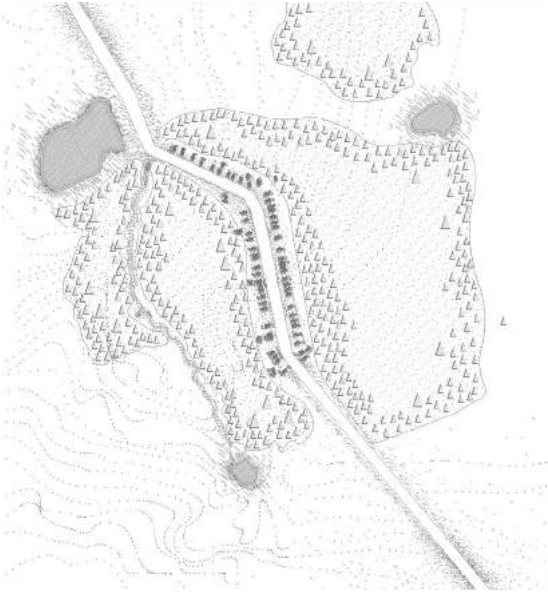
Несмотря на разработанные в 1950-е годы планы магистральной застройки, которые полностью игнорировали существовавший контекст, заметно, как структуры села Семеновское и Калужской дороги повлияли на их реализацию.

Квартал 15А, проектировавшийся как единый, сегодня разрезается внутриквартальной дорогой, у которой нет имени. Фактически это уцелевший кусок Калужской дороги.

В квартале 15Б Юго-Запада эта дорога не сохранилась, как и находившееся там село, но вся структура застройки подчинена им.

В квартале 15 зафиксировано, как менялись типы жилого строительства за последние 50 лет:

- сталинская фасадная застройка,
- первые серии хрущевских пятиэтажек,
- 8–14-этажные кирпичные и панельные дома,
- точечная застройка последнего десятилетия на месте снесенных пятиэтажек.



Новая земля. Суперпарк

АРХИТЕКТУРА

Юрий Григорян



Куратор
Григорий Ревзин

Рабочая группа
Маргарита Чубукова
Розалия Тарновцкая

Эксперты
Михаэль Шиндхельм
Александр Гаврилов

Благодарим профессора ВШУ Александра
Долгина, с которым подробно обсуждали
все идеи нашего раздела

Отдельная благодарность А.П. Гаврилову,
который выполнил очень сложные расчеты
практически из одного интереса к делу

S P A C E D

КУЛЬТУРА

Модернистский проект городской культуры и его судьба в Москве —

Григорий Ревзин, Розалия Тарновецкая, Маргарита Чубукова

Интегральный анализ социально-урбанистических данных —

Александр Гаврилов, Розалия Тарновецкая

Очаги центральности на периферии Москвы:

Район Старых Черемушек - Розалия Тарновецкая

Сокол - Маргарита Чубукова

Измайлово - Маргарита Чубукова

Марьино – Розалия Тарновецкая

Центральность и периферийность в культуре городской жизни Нижнего Новгорода – Розалия Тарновецкая

Берлин. Город-эксцентрик — Михаэль Шиндхельм

Метагорода в стране Москва — Григорий Ревзин,

Розалия Тарновецкая, Маргарита Чубукова

Модернистский проект городской культуры и его судьба в Москве

Григорий Ревзин, Розалия Тарновецкая,
Маргарита Чубукова

Специфика периферии Москвы определяется тем, что перед нами реализация советского модернистского проекта индустриального города. Помимо экономических, урбанистических, архитектурных и социальных аспектов, у этого проекта была и своя культурная стратегия. Она основывалась на двух принципах: равенстве и идеологии.

Равенство. Одна из главных задач культуры вообще — порождение иерархий, но модернистский проект, наследуя авангардному, стремился к прямо противоположной цели — максимальному равенству культурного производства и потребления. В конкретной ситуации Москвы тут соединились две разные идеи равенства. Одна по происхождению функциональная и диктуется потребностью индустриального (фордистского) города в рабочей силе с одинаковыми характеристиками. Для конвейерного производства все работники должны быть примерно одинаковыми в своих ценностях, мотивациях и жизненных рисунках, в том числе обладать примерно одинаковым культурным уровнем. Вторая идея носит специфически социалистический характер, речь идет о равенстве граждан, о реализации их права на равный доступ к культурным благам.

Идеология. Культура понималась как средство коммунистического воспитания граждан, и все институты культуры несли в себе функцию пропаганды ценностей советского государства и коммунистической идеологии.

Практическим воплощением этих принципов стала специфическая инфраструктура культуры, которая создавалась в районах модернистской периферии, исходя из количества проживающих на основе государственных норм. Имеются в виду следующие институты культуры (это нормирование культурной насыщенности территории действует до сих пор¹):

- библиотека (2,5 на 1 тыс. жителей);
- музей (1 на 25 тыс. жителей);
- картинная галерея или выставочный зал (1 на 150 тыс. жителей);
- театр (1 место на 1 тыс. жителей);
- кинотеатр (3 места на 1 тыс. жителей);
- концертный зал (3 места на 1 тыс. жителей);
- детская школа искусств (1 место на 5 учащихся 1–8 классов).

Разумеется, такой подход к культурной политике никогда не был воплощен 100%-но, тем более что при его воплощении сталкивались между собой территориальный и ведомственный способы обеспечения поселения (театр, кинотеатр и концертный зал могли заменяться одним дворцом культуры предприятия). Практически территория считалась культурно обустроенной при соблюдении нормы «полметра культуры на одного жителя»².

Главным принципом в распределении культуры по территории считалась равная доступность к культурным благам, а идеал заключался в создании равнонапряженной культурной сети. Этот идеал воплощался в телевидении и радиовещании (равное количество культуры в каждой квартире), которые тоже нормировались (одна радиоточка с двумя программами вещания и не менее трех программ телевещания в каждой квартире), однако институты культуры так распределить нельзя (отсюда, в частности, абсолютно решающая роль телевидения в структуре культурного потребления). Но здесь важен идеал по возможности равного распределения по ячейкам размером, определяемым их пешеходной доступностью (с шагом ячейки примерно в 2–3 км — получасовой интервал).

В истории урбанистики это, вероятно, наиболее последовательное и масштабное воплощение утопического проекта, и мы продолжаем существовать в рамках созданной им инфраструктуры. Сегодня в Москве на балансе государства находится 470 библиотек, 25 выставочных залов, 245 домов культуры и клубов, 82 концертные площадки, 309 музеев, более 200 детских школ искусств, 242 театра и 99 парков культуры и отдыха; бюджет культуры города — 12,7 млрд руб. на 2012 год³; это гигантская культурная сеть. В данной связи вопрос о культуре на периферии города в случае с Москвой приобретает несколько специфические

1 Распоряжение Правительства РФ от 23.11.2009 г. № 1767-р.

2 Региональные нормативы градостроительного проектирования // do.gendocs.ru/docs/index-50487.html?page=57.

3 www.mos.ru/press-center/infographics/results_2011/culture.

характеристики. Это вопрос об утопии как наследии. Сказать, что вся эта гигантская культурная сеть не имеет значения для культуры городской периферии, было бы абсурдом. Опросы показывают, что парки остаются главным достоинством периферийных районов в глазах их жителей, детские школы искусств (прежде всего танцев и музыкальные) высоко востребованы; хуже с периферийными театрами, музеями и библиотеками, но и они отнюдь не прекратили своего существования. Некоторые ДК и выставочные залы в 1990-е годы были перепрофилированы в торговые центры, ряд кинотеатров и музеев был закрыт, но в основном вся эта сеть продолжает существовать, и высокий сравнительно с мегаполисами развивающихся стран уровень жизненных стандартов московской периферии определяется в том числе ею.

В то же время достаточно очевидно, что культура города на периферии никак не исчерпывается этой инфраструктурой, а в каком-то смысле мало от нее зависит. Основное направление реформ культурной сферы, предпринимаемое московским правительством в последние годы, заключается в том, чтобы сделать парки, библиотеки, театры и музеи востребованными москвичами, и на этом пути многое сделано. Но сама постановка вопроса свидетельствует о том, что сегодня горожане существуют отдельно, а инфраструктура культуры — отдельно, и задача заключается в том, чтобы соединить одно с другим. Культура города и культурная инфраструктура города — разные вещи. Это ставит вопрос о методологии исследования культуры городской периферии Москвы с урбанистической точки зрения.

Существует множество пониманий культуры, в данном исследовании мы исходим из двух. Первое — культура в антропологическом смысле. Это багаж наследия, система ценностей, норм, цивилизационных стандартов с одной стороны и правил обращения со всем этим с другой. Такое — антропологическое — понимание культуры было выработано в рамках этнографии, первоначально для описания культур примитивных народов, далее было перенесено на изучение истории европейской культуры в рамках школы «Анналов» и далее на исследование современных профессиональных и территориальных сообществ. В соответствии с таким пониманием культура периферии Москвы — это система всех цивилизационных институтов, действующих на этой территории, не только культурных в узком смысле этого слова, но и политических, экономических, социальных — всего, что характеризует жизнь социума.

Культура в смысле объекта муниципального управления — это нечто куда более узкое — сеть учреждений культуры, которые существуют на определенной территории. Они, несомненно, связаны с культурой в антропологическом смысле и когда-то из нее выросли. Проект соцмодернистского устройства культуры на тот момент, когда он начал реализовываться (рубеж 1950–1960-х годов), являлся одной из самых крайних форм рационализации культуры в антропологическом смысле: культурные навыки и традиции были типологизированы; часть из них была отброшена, часть — оформлена в отдельные институты (библиотеки, дома культуры, кинотеатры, школы); институты были организованы в территориальные сети и дальше функционировали в соответствии с собственной логикой.

До известной степени эти территориальные сети культуры зафиксировали антропологические характеристики культуры советского общества 1960-х годов (разумеется, не вобрав ее полностью). Общество меняется, а логика развития любых институтов заключается в том, что они тратят довольно значительные усилия на то, чтобы себя сохранить и относительно преуспевают в этом. Разрыв между ними и потребностями общества, между культурой в антропологическом смысле и культурой как сетью учреждений соответствующего профиля предопределен и зависит от того, насколько сильно меняется общественная система. В случае с Москвой — очень сильно.

Вячеслав Глазычев, корректно подводя итог этой истории, пишет: «Старая система учреждений уже никого не устраивает. Потому что она была создана для пассивно-просветительской эпохи, в которой предполагалось, что человек должен сходить и послушать музыку, сходить в библиотеку и взять книгу, сходить в кино — посмотреть синематограф, — и на этом представление о культуре завершалось. То, что человек, в общем-то, наверное, еще может ее создавать, не входило в рамки этой модели»⁴.

4 Глазычев В. Культура в городе — город в культуре // www.glazychev.ru/courses/2003-10-16_lecture_cultura_v_gorode.htm.

Можно высказаться и жестче. Система равнонапряженной сетки одинаковых жилых единиц с принципом равного обеспечения потребностей устарела дважды. С одной стороны, ушел в прошлое коммунистический идеал построения общества равенства: государство больше не озабочено поддержанием равенства путем репрессирования исключительности — и имущественной, и всякой иной. В бюджет города заложены большие средства на поддержку социально слабых (за исключением мигрантов), и город пытается не дать им упасть ниже определенного уровня жизни. Вместе с тем сегодняшняя Москва в большей степени предоставляет права на первенство, которое закрепляется разрывом в уровне доходов между богатыми и бедными в 15 и более раз.

С другой стороны, индустриальный город сменился на постиндустриальный, и это не российская, а общемировая история. Мы живем в эпоху большой смены культурной парадигмы, которая трансформирует культуру в антропологическом смысле слова. Основным свойством культуры постиндустриального города, как по крайней мере он предстает в исследованиях лос-анджелесской школы⁵, является стремление к увеличению разнообразия, максимального расширения спектра состояний, средовых впечатлений, рисунков поведения и сообществ, мест приложения труда и способов проведения свободного времени, которые город способен предоставить. В экономическом смысле город движется от индустриального к постиндустриальному, в смысле культурном — от города модерна (в философском смысле, с эпохи Просвещения

5 From Chicago to LA: Making Sense of Urban Theory / M. J. Dear ed. Thousand Oaks: Sage, 2002.

до 1960-х годов) к городу постмодерна⁶. Мы исходим из того, что город модерна основывался на идее воплощения идеала — идеала просвещения, прогресса и революции (промышленной и социальной). Город предлагал жителю ясный сценарий того, как ему следует устроить свою жизнь, и все возможные стратегии поведения так или иначе были увязаны с этим сценарием. При всех глубочайших различиях между архитектурными ансамблями Просвещения и урбанизмом соцмодернизма 1960-х представление о городе как воплощении идеи, городе как инструменте для воспитания горожанина вполне живо в модернистском урбанизме, и Вячеслав Глазычев уместно вспоминает здесь об идеях Просвещения. Как нам представляется, город постмодернизма — это не город воплощения, а город обмена. Он предлагает жителям прежде всего возможность не становится никем, избегать определенности и менять разные маски.

Для города воплощения время человеческой жизни — это ресурс, который следует потратить на то, чтобы максимально быстро стать полезным членом общества и, после того как ты им стал, служить общественному благу с максимальной отдачей. Для города обмена время — это капитал, который можно потратить на разное, а еще лучше не тратить ни на что: как во всех иных сферах экономики общества потребления, возможность что-то приобрести гораздо ценнее самой покупки. Для города воплощения городское пространство — это часть машины по производству общественного идеала, причем в соответствии с идеей модерна об эффективности разделения труда качественное пространство — то, за которым закреплена одна функция этой машинки (производство, управление, распределение, воспроизводство рабочей силы). Для города обмена пространство — это магазин, где разнообразные ситуации, социумы, роли, которые человек может для себя избрать, меняются на время его жизни, и в соответствии с принципом торговли, чем разнообразнее продуктовая линейка, тем выше интерес.

В этих условиях идеал равнонапряженной сетки, который был реализован в реальности периферии Москвы, крайне неэффективен. Создание микрорайонов жилой застройки, один из которых обеспечен 0,05 м² на жителя цирком, а другой — театром кукол, приводит к тому, что гибнут и цирк, и театр.

В Европе образцом города постмодерна является Берлин, переживший гигантскую реконструкцию в 1990-е годы. В Берлине дешевый молодежный Кройцберг и дорогой буржуазный Далем, модный сегодня советский Митте и американизированный Адлерсхоф — это, по сути, разные города со своими субкультурами, и с той или иной степенью определенности это можно сказать о каждом из 21 района Берлина. Тем более это касается Лос-Анджелеса, в котором соединение Голливуда, закрытых военных институтов, главного центра IT-индустрии, университетских районов, районов афроамериканского населения с уличными бандами и качественной современной музыкой, районов отелей и пляжного отдыха и т.д. заставляет говорить о городе как о модели всей американской культуры⁷ — там есть все, что есть в Америке, кроме разве что бескрайних полей кукурузы. Разумеется, такое различие и разнообразие присущи всем историческим городам Европы: Риму, Лондону, Парижу — там они складывались веками и, хотя могут постепенно исчезать под воздействием глобальных факторов (сравните с постепенным

исчезновением различий между районами Венеции под влиянием глобального туризма), все же продолжают определять облик старых столиц. Но и современные азиатские центры явно стремятся к воспроизведению той же логики: Гонконг с его Каулуном, рыночным, банковским, правительственным районами также демонстрирует нам соединение по сути разных городов; то же касается Сингапура.

Но если спрашивать современных москвичей или приезжих, чем различаются между собой Бибирево и Чертаново, Перово и Беляево и т.д., то ответы на эти вопросы будут не слишком четкими. На уровне культурной рефлексии, закрепленной в городском фольклоре, кино, литературе и т.д., вся московская периферия представляет собой один район. Единственное место, которое в Москве ведет себя в соответствии с характеристиками города постмодерна, — это центр, где различия между Лубянской и Остоженкой, Зарядьем и Замоскворечьем вполне понятны.

Вероятно, наиболее актуальным направлением культурной стратегии Москвы в ближайшее десятилетие было бы брендинг районов московской периферии, с тем чтобы через понятный отрезок времени мы бы столь же ясно видели различия между Матвеевским и Измайлово, как между Веддингом и Темпельхоффом в Берлине или Хаверингом и Кенсингтоном в Лондоне. Однако пока мы даже не понимаем, на что опираться в таком брендинге, что является основой, от которой мы отталкиваемся, не говоря уже о том, что не вполне понятны потенциальные выгодоприобретатели такой культурной политики (за исключением горожан в целом, но такая культурная политика не может осуществляться в экономике общественного блага).

В свое время Льюис Мамфорд определил город как машину для производства и воспроизводства культуры⁸. Основным условием успешного функционирования этой машины он считал наложение друг на друга в городском ядре многообразных функций, полифункциональность ядра. Современная урбанистика исходит ровно из тех же принципов: город функционирует настолько эффективно, насколько умеет соединить в себе разнообразие потоков и порождающих их функций, культуры это касается в первую очередь. Идея равнонапряженной сетки культурного потребления прямо этому противоречит, однако два поколения людей живут в этой сетке и обживают ее. Само это обживание, по сути, и есть

8 Mammford L. The Myth of the Machine (1967–1970).

В экономическом смысле город движется от индустриального к постиндустриальному, в смысле культурном — от модерна к постмодерну



Фото Юрий Пальмин

проявление культуры в антропологическом смысле, и мы можем увидеть логику этого обживания. Если Мамфорд был прав, то логично предположить, что город сам начнет воспроизводить свою собственную логику, выделяя из себя места с наложением функций, станет сам выстраивать свой центр.

Мы взяли в качестве основы для эмпирического исследования тот самый принцип, который изначально был заложен в распределение городских сервисов в социалистической сетке, — пешеходную доступность функций — и проанализировали всю территорию Москвы с позиций того, какие функции и в каком количестве доступны в каждой точке. Возникла карта функциональной изометрии, которая демонстрирует, каким образом было обжито пространство периферии. А оно оказалось обжито весьма неравномерно. Мы можем сказать, что если понимать центр как наложение функций, то в структуре города обнаружилось явное тяготение к возникновению субцентров — мест на периферии, которые по количеству функций, накладывающихся друг на друга на одной территории, соответствуют тому, что мы имеем в историческом центре Москвы. Их нельзя назвать центрами города в буквальном смысле, поскольку градостроительно и архитектурно они никак не выражены. Мы можем их обозначить как протоцентры, которые сложились в среде, задуманной в совершенно иной логике.

Почему происходит это формирование протоцентров? Одно из наиболее остроумных объяснений логики такого процесса приводит Александр Долгин⁹. Он задается вопросом о том, почему основная часть бутиков люксовой категории на Кутузовском проспекте расположена на левой стороне улицы, по направлению движения из области в Москву, а торговые центры экономического класса — на правой стороне, по направлению движения из Москвы в область. Ответ оказывается парадоксальным: для этого нет оснований. Просто первый бутик открылся на левой стороне проспекта, к нему прилепился второй, третий...

В нашем случае (мы анализировали более 100 функций) магазины цеплялись за потоки к местам приложения труда, банкоматы, кафе, рестораны, кинотеатры — за магазины, салоны красоты и массажные салоны — за все это, функции нарастали как снежный ком, и иногда даже уничтожение первоначальной функции не приводило к уничтожению центра, поскольку совокупность функций порождала новый поток. Наиболее значимым для нас оказывается то, что этим процессом невозможно управлять напрямую. Поэтому в известном смысле такой процесс формирования протоцентров можно считать «естественным» (что, разумеется, не означает, что на него нельзя воздействовать).

⁹ Долгин А. Экономика символического обмена. М., 2005.

В то же время в качестве естественного процесс этот все же подчинен некоторым законам формирования естественного города. Линии функциональной изометрии Москвы не соответствуют планировке микрорайонов, замыслам архитекторов разного времени о создании представительных пространств, букве генеральных планов города. Центры возникают не там, где их проектировали.

Однако они соответствуют той первичной логике естественного построения города, которую в свое время Альберт Гутнов в средовой теории города сформулировал следующим образом: «Сложение вместе разных попыток понять сложность города привело к тому, что мы стали различать: 1) «путь», прокладываемый каждым в отдельности и всеми вместе через толщу города; 2) «ориентир», позволяющий всякий момент уяснить, какую точку в системе координат города мы ощущаем под ногами. Мы увидели «район», границы которого отнюдь не обязательно совпадают с юридическими границами района или микрорайона, но он явно имеет какой-то собственный центр. Мы заново осмыслили понятие границы, по ту и другую сторону которой городская среда видоизменяется ощутимым образом. И еще раз мы заново осознали, что есть в городе 3) «узлы» — сгустки человеческой активности, у которых есть собственная энергия развития; вдруг транспортная остановка обрастает сначала торговым центром, затем к нему присоединяется культурно-досуговый центр, и происходит это все отнюдь не обязательно там, где предполагалось»¹⁰.

¹⁰ Гутнов А. Э., Глазычев В. Л. Мир архитектуры: Лицо города. М., 1990.

В этой терминологии «протоцентры», которые мы выделяем, следовало бы назвать «узлами». Формирование этих узлов возникает, как нам кажется, на пересечении двух логик. Одна из них — это логика путей, причем сюда включаются как линии и станции метро, так и в большей степени линии дорог. Вторая — это логика мест. Наложение карты функциональной изометрии на карту Москвы и ее окрестностей 1939 года с обозначением деревень, которые сегодня вошли в черту Москвы, показывает прямую и обратную зависимость формирования новых центров от тех поселений, которые здесь существовали ранее. Новые центральные места нередко возникают в противовес деревенским, в то время как раннесоветские планировочные действия видят продолжение своего развития.

Протоцентры периферии Москвы представляют собой центры поселений с мерностью в сотни тысяч человек — это уникальные образования, и, прежде чем перейти к выводам, следует сначала подробнее рассказать о методике их анализа.

**Линии функциональной изометрии
Москвы не соответствуют планировке
микрорайонов, замыслам архитекторов,
букве генеральных планов. Центры
возникают не там, где их проектировали**



Фото Юрий Пальмин

Интегральный анализ социально-урбанистических данных

Александр Гаврилов,
Розалия Тарновецкая

Интегральный анализ социально-урбанистических данных

Жизнь современных городов представляет собой наложение множества слоев — материальных и социальных. Материальные слои — это все физические предметы, которые окружают людей в городе: видимые и невидимые (инфраструктура), публичные (общественные блага) и частные. Этот «хард» города предопределяет поведение людей. Его особенности влияют на то, как в городе выстраиваются социальные отношения и формируются институты — на «софт».

В советское время все возможные вариации социального взаимодействия полностью продуцировались и контролировались государством. Люди ходили работать на завод, отдыхать в дом культуры, читать в библиотеку, стоять в очереди за колбасой в магазин. Государство занималось строительством объектов и регулировало их контент. Сейчас функция создания городского «харда» разделена между властью и бизнесом. «Софту» предоставлена свобода самому решать, как развиваться. Государство сохранило за собой право контроля только над основными институтами, регулирующими жизнь общества (образование, медицина, культуру).

В результате обеспечение населения различными услугами стало сферой деятельности бизнеса. Мелкие институты в виде магазинов, банков, салонов красоты, клубов, частных мастерских и других заведений стали хаотично заполнять улицы городов, перековывая своим присутствием индустриальный городской «софт» в постиндустриальный. В масштабах мегаполиса, такого как Москва, довольно сложно понять, как формируется этот «софт», почему он неодинаков в разных районах города. От его разнообразия и концентрации зависят качество жизни населения, безопасность на улице, культурная жизнь районов и настроение горожан, да и вообще понимание, насколько культура жизни в районах города является городской. Интегральный анализ социально-урбанистических данных дает возможность получить полную картину развития территорий в масштабе города. Этот анализ является частью методики А. П. Гаврилова при расчете ценовых поверхностей в задаче массовой оценки недвижимости¹. Объектом исследования в данной работе выступили районы первого пояса периферии города Москвы, рас-

¹ Гаврилов А. П. Методические подходы к формированию зон однородности и построению ценовых поверхностей в задаче массовой оценки недвижимости. М., 2011.

положенные между Третьим транспортным кольцом (ТТК) и Московской кольцевой автодорогой (МКАД). Объектом исследования в данной работе выступили районы первого пояса периферии города Москвы, расположенные между ТТК и МКАД. Потенциал территории определяется, исходя из логики обеспеченности пространства в пешеходной доступности (2 км) различными сервисами обслуживания населения (бытового, культурного, медицинского, финансового и др.). Этот метод позволяет вычислить уровень культурного усложнения городской среды на основе реальных данных. Анализ территории методом интегрального анализа социально-урбанистических данных состоит из следующих этапов:

- поиск данных об объектах городских сервисов (кафе, театров, торговых центров и др.) с географической привязкой;
- подготовка картографической основы для расчетов;
- расчет потенциалов обеспеченности территории различными услугами и их визуализация с помощью тематических тепловых карт;
- применение метода главных компонентов для «сложения» тематических тепловых изображений;
- интерпретация главных компонент и их визуализация;
- выявление областей, однородных по характеру культурного развития, кластеризация подобных территорий;
- анализ полученных изображений.

Поиск данных

При интегральном анализе социально-урбанистических данных территорий важно понимать, что вся информация о городском пространстве взаимосвязана, т.е. коррелирует между собой. Это означает, что информация избыточна, как речь. Пропуск части ее позволит все равно получить представление о территории. Также есть информация наблюдаемая и информация ненаблюдаемая. Если даже явных носителей признака нет, при анализе этот признак может проявиться. Не всегда полученный результат может интерпретироваться, во многом интерпретация зависит от уровня подготовки эксперта¹.

Для комплексного анализа значительной по площади территории московской периферии используются данные об объектах инфраструктуры (станции метро, школы, медицинские учреждения), культуры (музеи, театры, библиотеки, парки, исторические памятники и т.д), бытового обслуживания (банкоматы, парикмахерские, туристические агентства, ателье, кафе, рестораны), развлекательных сервисов (ночные клубы, кинотеатры, бары), образования (вузы, центры дополнительного образования, научные организации). Всего 94 вида городских сервисов и 50 968 самих объектов. Данные об объектах имеют географическую привязку, то есть точно известно их местоположение в пространстве. Основными источниками такой информации стали

¹ Гаврилов А. Построение аналитической ценовой поверхности стоимости жилой площади в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 2012.

порталы с открытыми данными: Портал открытых данных правительства Москвы (data.mos.ru), OpenStreetMap (openstreetmap.ru), Генеральный план развития Москвы (gpinfo.mka.mos.ru/kniga_2), Викимания (wikimania.org). Частично информация собиралась самостоятельно, в ручном режиме. При отборе видов данных исходили из логики оценки потенциала культуры города. Влияние некоторых видов объектов считалось вместе, в силу того что они редко распространены и оказывают схожее воздействие на городскую среду. Например, влияние ярмарок и торговых комплексов считалось вместе, также суммировались аквапарки, водные аттракционы, акватеррариум и океанариум.

Подготовка картографической основы расчетов

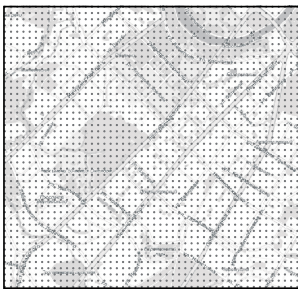


Рис. 1. Каркас из опорных точек на карте города — картографическая основа расчетов

Для того, чтобы производить расчет тепловых потенциалов, нужен покрывающий территорию города каркас, в котором будет храниться информация. Поэтому следующий этап работы — подготовка картографической основы для расчета тепловых потенциалов влияния объектов на городскую среду. Для этого вся территория города была покрыта сетью из 62 400 точек, расстояние между которыми составляет 100 м. На основе этого каркаса была создана матрица (62 400 x 94), где каждой точке соответствует своя строка. В матрице хранится информация о том, как окружающие городские сервисы влияют на опорные точки, покрывающие исследуемую территорию.

Расчет потенциалов обеспеченности территории различными услугами и их визуализация с помощью тепловых карт

Для расчета влияния объектов (ресторанов, кинотеатров и др.) на точки городского пространства используется принцип распространения тепла на плоскости, такой же как в физике. Он описывается фундаментальным решением уравнения Лапласа для двумерного случая и рассчитывается как логарифмическая зависимость потенциала влияния (в условных единицах) от расстояния (в метрах), поэтому мы говорим о тепловых моделях. В исследовании рассматривается пешеходная доступность до объектов, поэтому наш расчет ограничивается расстоянием в 2 км; при большей удаленности мы считаем, что потенциал влияния равен 0. Если расстояние между объектом и опорной точкой не более 50 м, то значение потенциала максимально.

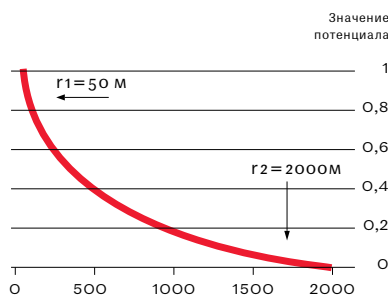


Рис. 2 Зависимость «теплого» потенциала влияния городских сервисов от удаленности опорных точки

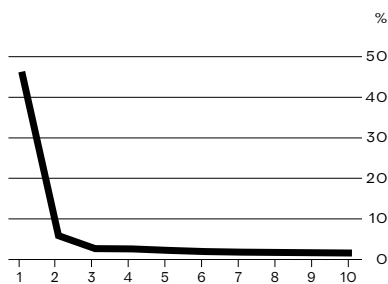
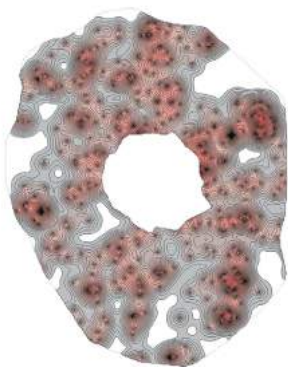
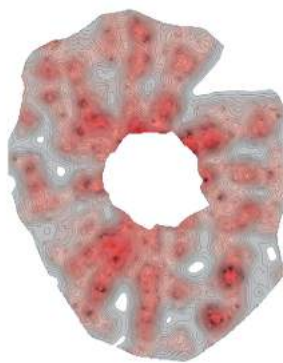


Рис. 3 Распределение дисперсии между главными компонентами

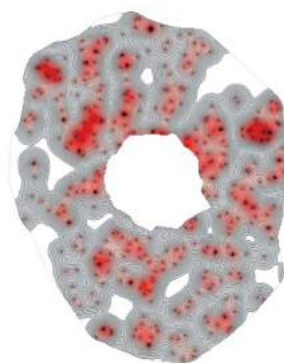
Удаленность от объекта определенного вида сервиса (ресторан, театр, банкомат и т.д.) влияет на потенциал каждой точки пространства в соответствии с графиком. Если рядом с одной опорной точкой в радиусе 2 км находится несколько объектов одного вида, например кафе, то потенциал влияния в опорной точке рассчитывается как сумма значений потенциалов влияния каждого кафе на эту точку. Также итоги расчетов визуализируются в виде тепловых моделей по каждому виду сервисов городской среды. Здесь мы приводим лишь наиболее интересные примеры получившихся тепловых карт.



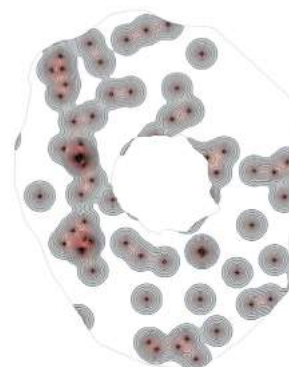
Бани и сауны



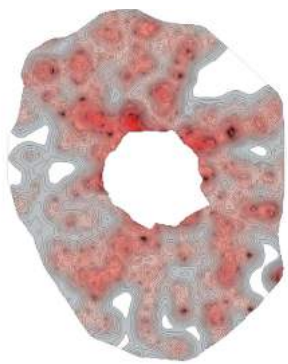
Банкоматы



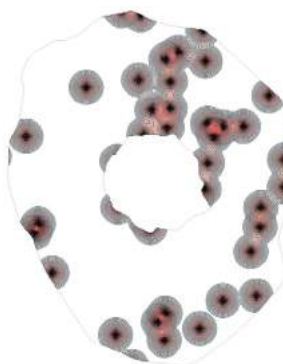
Библиотеки



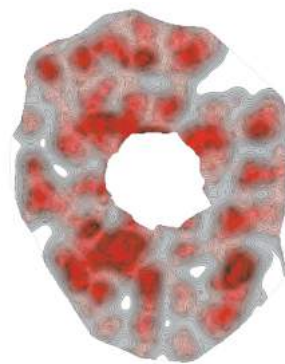
Дома и дворцы культуры



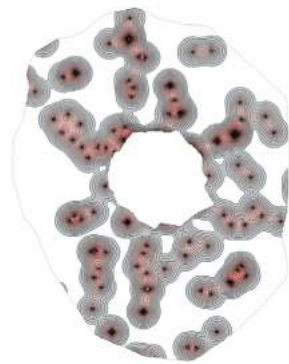
Кафе



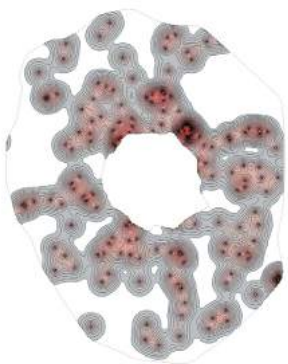
Кладбища



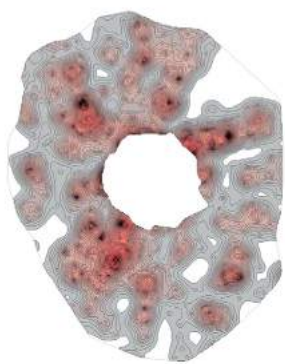
Косметические салоны



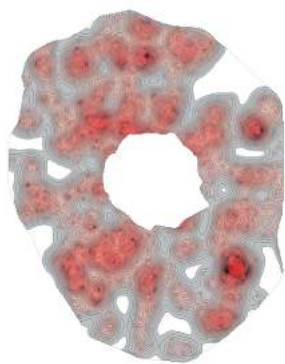
Ночные клубы



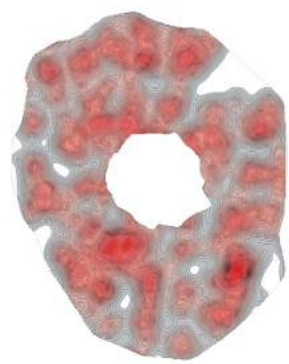
Общественные туалеты



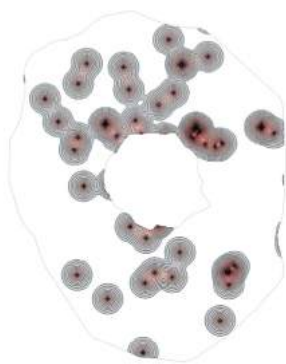
Рестораны



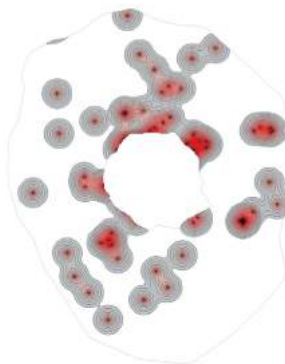
Стоматологические центры



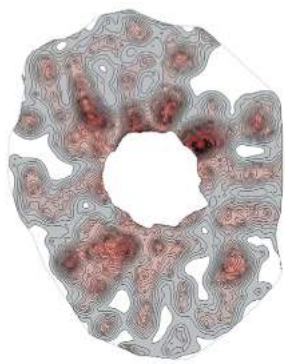
Студии маникюра



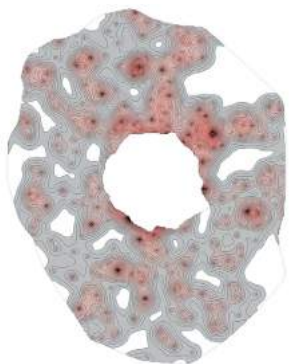
Тату-салоны



Театры

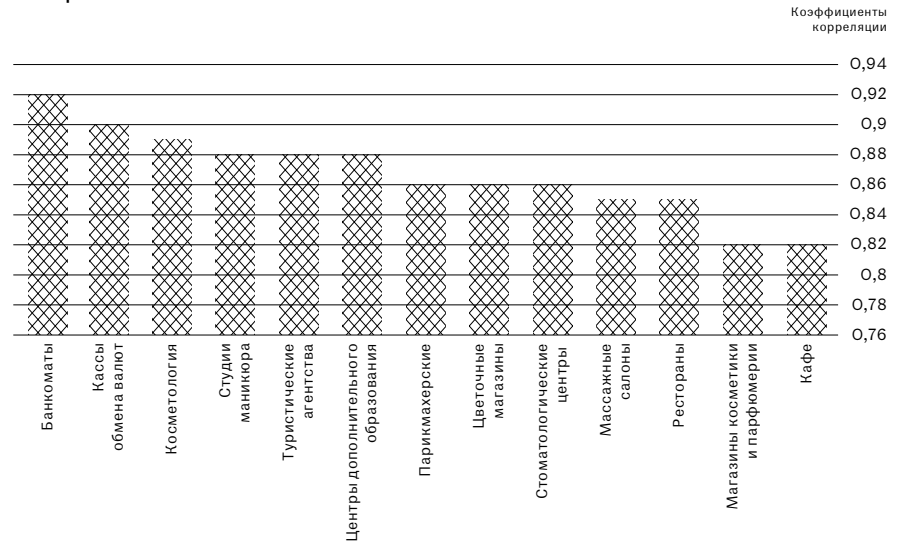


Центры дополнительного образования



Церкви, мечети и синагоги

Рис. 5. Виды объектов максимально коррелирующие с первой главной компонентой



Применение метода главных компонент для «сложения» тематических тепловых изображений

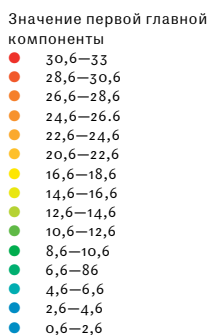
Благодаря тепловым моделям были определены концентрации потенциалов влияния по различным видам объектов в городе. На следующем этапе решается задача поиска и анализа наложений всех потенциалов влияния (по 94 видам объектов) в городском пространстве.

Особенностью восприятия человека является возможность производить оценку ситуации по небольшому количеству параметров (менее 7). Факторов, характеризующих территорию, может быть несколько сотен, некоторые из них являются дискретными, некоторые непрерывными. Определение их значимости для описания территории при анализе каждой конкретной проблемы не всегда является простой задачей. Нужен универсальный подход для анализа большого количества данных. Один из таких подходов — метод главных компонент (principal component analysis, PCA²). Это один из популярных способов уменьшить размерность данных, при этом теряется наименьшее количество информации. Метод применяется в различных научных областях, например, для сжатия данных и распознавания образов. Вычисление главных компонент сводится к вычислению собственных векторов ковариационной матрицы исходных данных.

Метод главных компонент анализирует изменчивость параметров (в нашем случае это влияние конкретного вида объектов) на изучаемой территории и находит по результатам этого анализа наиболее изменяемую линейную форму параметров. Обобщая, можно сказать, что мы ищем лучшие коэффициенты для суммирования изображений, т.е. те, которые будут содержать как можно большее количество информации. Метод главных компонент служит для анализа изменчивости факторов (влияние определенного вида объекта на городское пространство) на территории и находит по результатам этого анализа наиболее изменяемую линейную форму. Важно понимать, что если фактор слабо меняется на территории, то он и слабо учитывается. Главных компонент получается

2 Pearson K. On Lines and Planes of Closest Fit to Systems of Points in Space // Philosophical Magazine. 1901. Vol. VI. T. 2. P. 559—572.

Рис. 6. Карта распределения первой главной компоненты на территории периферии Москвы



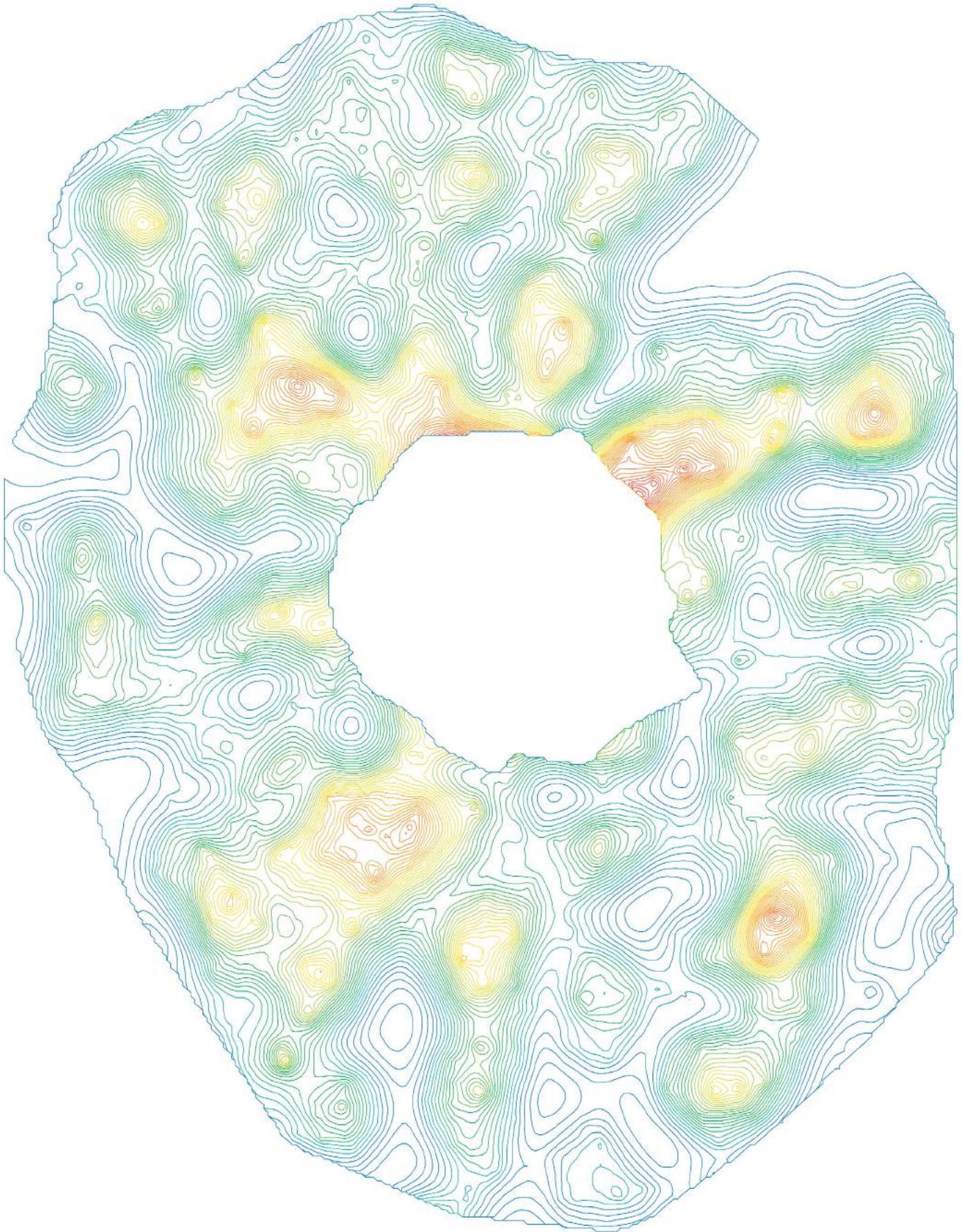
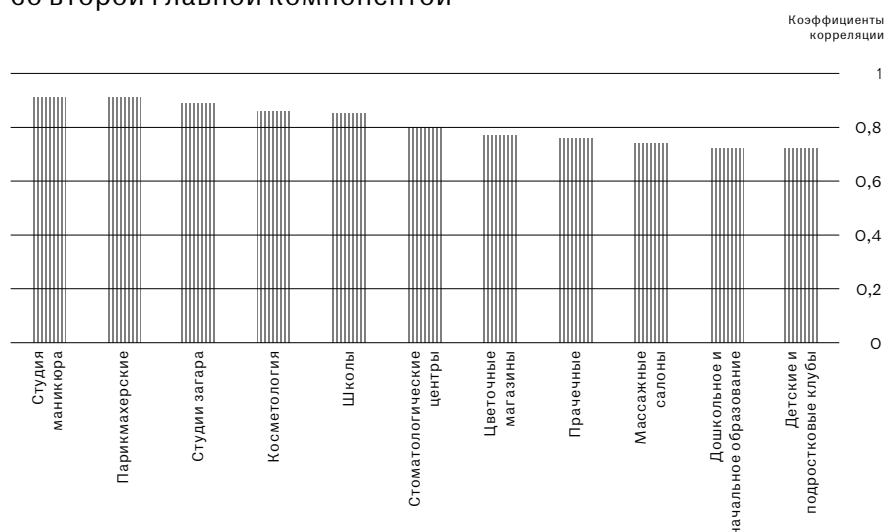


Рис. 7 Виды объектов максимально коррелирующие со второй главной компонентой

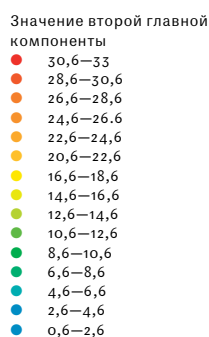


несколько, но не больше количества исходных факторов. Они не коррелируют друг с другом. Наиболее информационно емкой является первая главная компонента. Она может аккумулировать более 50% информации. Метод главных компонент позволяет работать с неограниченным количеством информации о территории, как по составу, так и по количеству. Применение этого метода позволяет говорить об интегральном анализе территории.

Результаты расчетов, визуализированные в тепловых картах, сводятся в матрицу, содержащую значения потенциалов по каждому виду объектов для каждой опорной точки. Она является основой для расчета математической модели методом главных компонент.

После расчета модели мы получаем значения главных компонент для каждой опорной точки сетки. На графике отображено распределение дисперсии (информации) между главными компонентами. Видно, что первая главная компонента, обладающая наибольшей информационной емкостью, содержит в себе более 46% данных, вторая — более 6% и т.д.

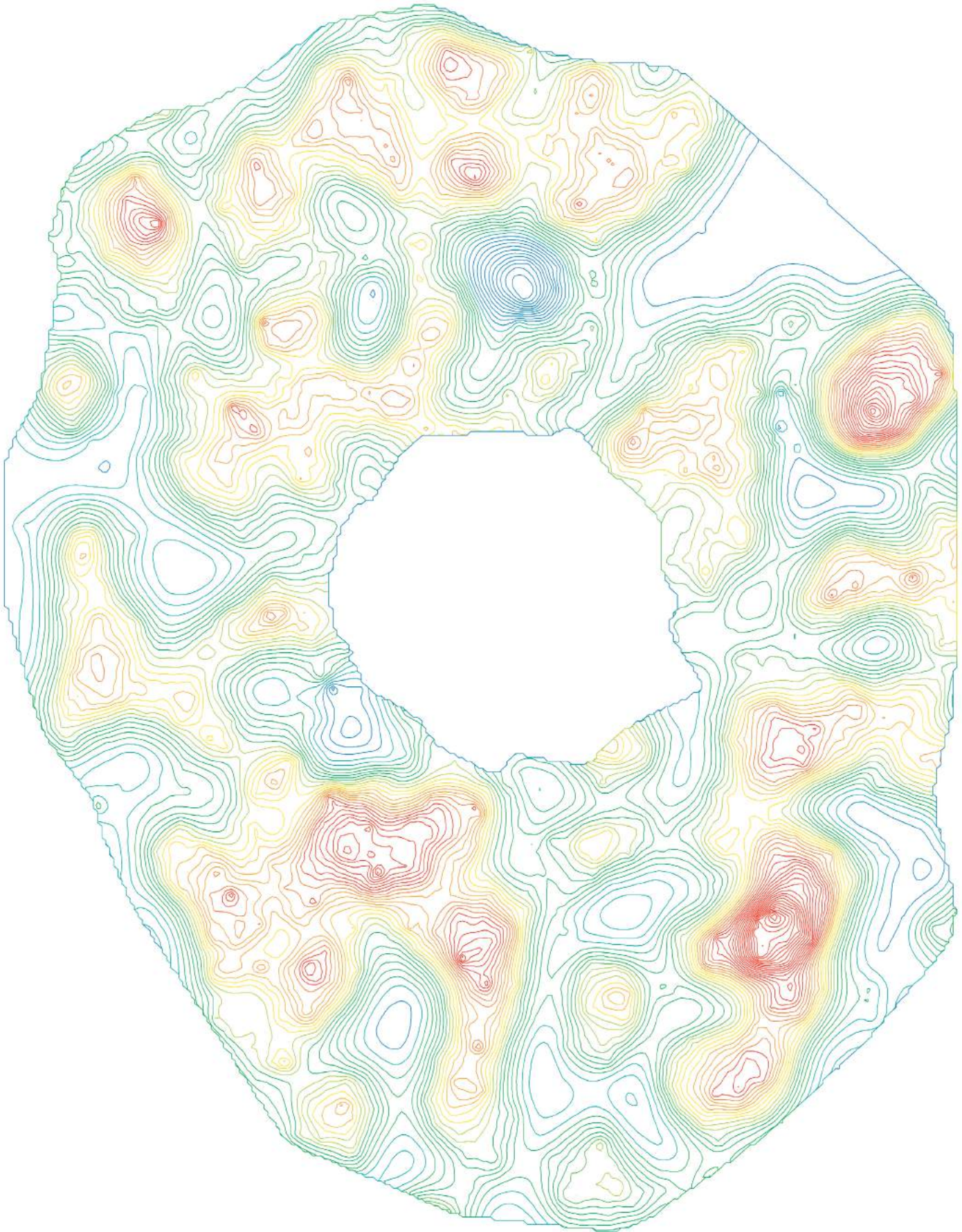
Рис. 8. Карта распределения второй главной компоненты на территории периферии Москвы



Интерпретация главных компонент и их визуализация

Выходной информацией после расчета модели является таблица значений корреляционных коэффициентов по видам объектов сервисов относительно главных компонент. Эти коэффициенты корреляции позволяют интерпретировать смысловые значения главных компонент через показатели, наиболее сильно меняющиеся по анализируемой территории. Например, карта распределения первой главной компоненты (рис. б) и тепловая карта банкоматов (рис. 4). Визуализация результатов расчетов методом главных компонент происходит способом изолиний функциональной концентрации.

На диаграмме отображены виды объектов, максимально коррелирующих с первой главной компонентой и, следовательно, влияющих на нее.



Исходя из графика, первую главную компоненту можно проинтерпретировать как обобщенный показатель, сочетающий в себе информацию о распределении на некоторой территории финансовых институций (в виде банкоматов — источника денег — и пунктов обмена валюты); объектов индустрии красоты (косметические салоны, студии маникюра, парикмахерские, массажные салоны, стоматология); инфраструктуры общественного питания (в виде кафе и ресторанов, причем кафе быстрого обслуживания сюда не вошли, это говорит о другой природе их распространения) и прочих, сопроводительных, видов объектов (туристические агентства, цветочные магазины, центры дополнительного образования — автошколы, различные курсы). Информации об иных видах объектов в первой главной компоненте содержится меньше; это значит, что они меньше повлияли на ее итоговое значение.

Про вторую главную компоненту можно сказать, что это она содержит в себе данные, связанные с индустрией красоты и школьно-дошкольного образования. Также сюда вошли стоматологические центры, цветочные магазины и прачечные. Исходя из неглубокого анализа корреляционных коэффициентов, можно смело говорить о том, что расположение в городской среде цветочных магазинов и стоматологических кабинетов опосредованно взаимосвязано. Возможны и другие сочетания видов объектов на территории города.

Выявление областей, однородных по характеру культурного развития, — кластеризация подобных территорий

3 Lloyd S. Least Square Quantization in PCM's. Bell Telephone Laboratories Paper. 1957.

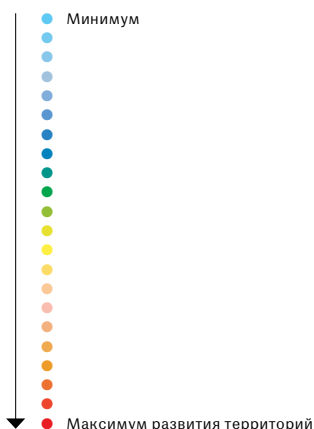
Следующий этап работы подразумевает поиск зон городской среды, однородных по качеству. Он строится на анализе значений главных компонент каждой опорной точки. Для решения этой задачи используется кластеризация — процесс группировки территорий по принципу близости совокупности признаков. Его можно делать разными методами. В работе используется метод K-means³, особенностью которого является выращивание кластера путем присоединения к точкам роста новых объектов. В результате получается набор однородных территорий, близких по используемым в анализе параметрам. Это облегчает целостное понимание разнородности территорий в городе.

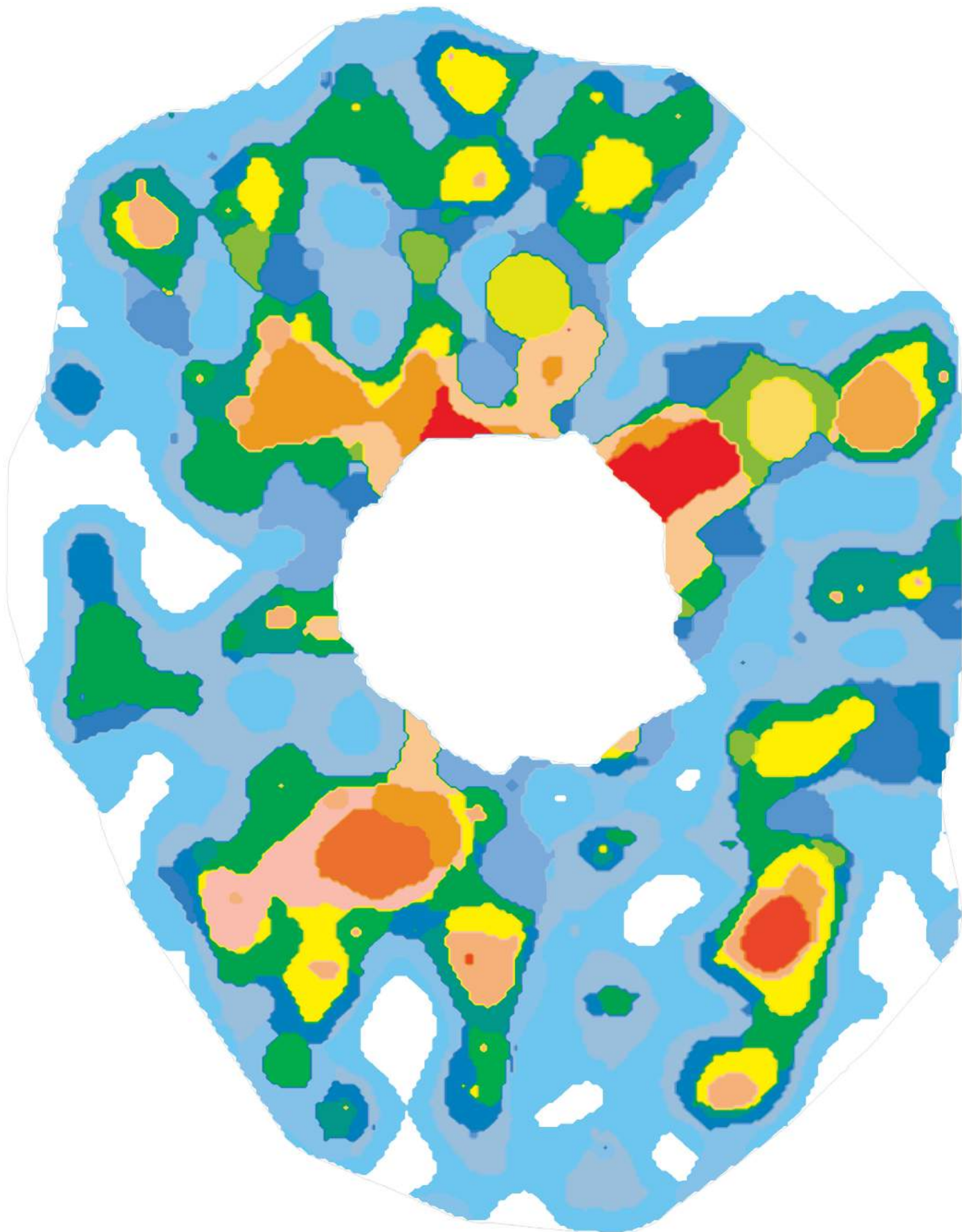
На каждой однородной территории идут свои процессы, формируется определенный уровень городской культуры. Расчет среднего значения первой главной компоненты для каждого кластера позволяет их упорядочить по степени ценности для города. Результаты расчетов кластеризации визуализированы на карте кластеризации территории периферии Москвы.

Анализ полученных изображений

Вглядываясь в космические снимки территории, можно определить ее общий характер, но невозможно вскрыть мельчайшие детали, распознать особенности среды. Городской «хард» можно полноценно оценить, лишь погрузившись в городскую среду. При этом собрать полную

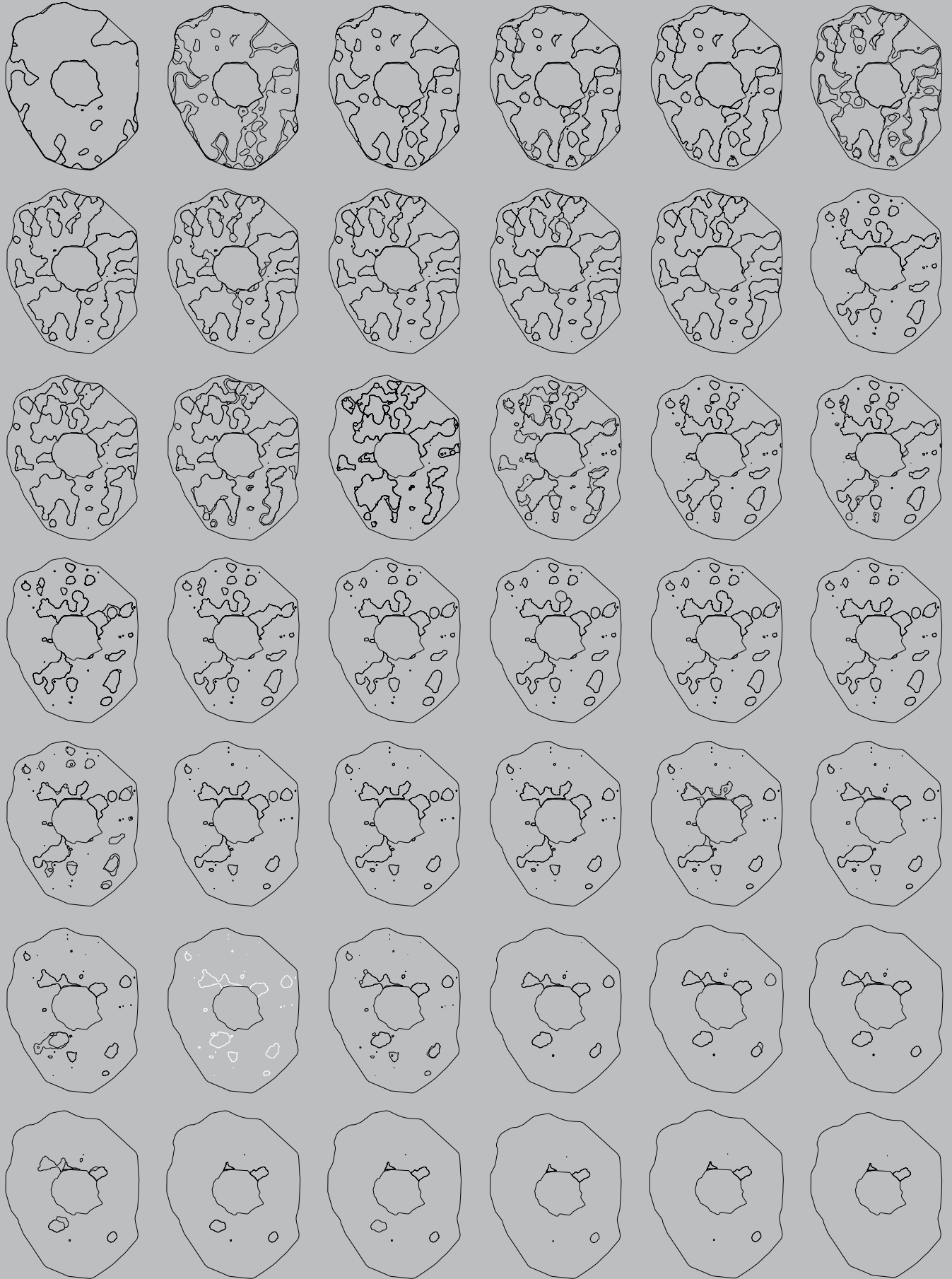
Рис. 9
Карта кластеризации территории периферии Москвы





информацию о городской инфраструктуре сегодня практически невозможно, но часть этой информации можно получить, анализируя данные об объектах различной природы на территории города. Благодаря этому возможно достичь внятного понимания уровня развития территорий в городе.

Кластеризация территории позволила выявить однородные (во-первых, с точки зрения качества среды, во-вторых, с точки зрения культурного наполнения) городские пространства. Используемый метод помог выявить пространства с высокой концентрацией активной городской жизни. Это в первую очередь районы, примыкающие к ТТК, такие как Сокольники, район Савеловского вокзала, Марьино. Они представляют собой продолжение высококоразвитого центра города, но не выступают в роли самостоятельных центральных образований, являются инертными «хвостами» развития центральных функций в городском пространстве, следовательно, причина их развития — внешняя, а не внутренняя. Другой тип городских территорий, вобравших в себя высокий уровень развития городской среды, выступает в роли самостоятельных центров, сформированных благодаря действию внутренних факторов. Примеры таких районов — Измайлово, Сокол, Марьино, территория на границе районов Академический — Ломоносовский, Черемушки — Обручевский. В контексте исследования «Археология периферии» именно эти территории представляют наибольший интерес, так как они были построены в эпоху индустриального роста городов.



Очаги центральности на периферии Москвы: Район Старых Черёмушек

Розалия Тарновецкая

Район Старых Черёмушек

Исследуемый район расположен на юго-западе от центра Москвы. Это пространство – зона концентрации городской жизни и культуры, которая сформировалась на транспортном каркасе из улиц – Профсоюзная, Дмитрия Ульянова; и проспектов – Ленинского, Нахимовского, Ломоносовского. Точками аккумуляции общественной жизни здесь выступают станции метро Академическая, Профсоюзная, Новые Черёмушки, Калужская. Многоэтажная застройка появилась после Второй мировой войны, в эпоху индустриального роста городов, до этого здесь была деревня Черёмушки.

Концентрация центральных функций на исследуемой территории произошла «изолировано» от центра Москвы, это самостоятельный очаг городской жизни, а не продолжение исторического города, как в хорошо развитом районе Сокольников. Территория Старых Черёмушек впитала в себя потенциал окружающих ее престижных советских районов, построенных для работников МГУ и РАН, и превратилась в локальный центр давно сложившейся округи. Близость района к центру города также дает дополнительный импульс для его развития.

Концентрация городской жизни происходит на всех основных магистралях, кроме Ленинского проспекта. Если рассматривать его в контексте философии о комфортной городской среде, то можно однозначно сказать, что он рубит ее на части, так как является транзитным каналом, соединяющим периферию Москвы с центром города. Ленинский проспект, обслуживающий в первую очередь автомобилистов, выступает «границей» между зонами, ориентированными на пешеходов. Из-за этого на первых этажах жилых зданий расположенных на Ленинском проспекте находятся не гастрономы и кафе, а магазины с товарами более редкого потребления (продажа кухонь, обоев, утвари для дома, дорогие рестораны, нотариусы), жизнеспособность которых зависит от потока покупателей-автомобилистов.



Рис. 1. Тротуары ул. Профсоюзная

Пешеходный поток здесь слабый, тротуары довольно пустые из-за высокого уровня шума и сильного ветра. Точка роста городской среды располагается на перекрестке, где проспект пересекается трамвайными путями, здесь сосредоточены сетевые кафе и продуктовые магазины. Скорость автомобильного потока ниже, что повышает чувство безопасности у пешеходов. Также на Ленинском проспекте располагаются институты РАН и множество жилых домов позднего сталинского периода, но насыщенная уличная жизнь сконцентрировалась на улице Профсоюзная.

Городская среда активно развивается вдоль этой улицы от станций метро Академическая до Профсоюзной. Фактически этот отрезок – полноценный городской променад, с непрерывной публичной жизнью, высокой плотностью коммерции и постоянным дублированием различных сервисов. Разнообразие услуг представлено кафе, суши-барами, ресторанами, банками, туристическими агентствами, салонами красоты, скверами, магазинами с сувенирами, ювелирными изделиями, книгами, косметикой, цветами, вином, мебелью, одеждой, обувью, продуктами, товарами для будущих мам и т.д.

Кроме «официального» “street retail”, здесь имеется множество других объектов, таких как ларьки с чебуреками и музыкальной продукцией, торговые палатки с овощами и печатными изданиями, бабушки, торгующие кабачками, общественные туалеты и др. Причем, объекты бытового обслуживания населения (ремонт обуви, фотографии, товары для животных, стоматологии, ателье, прачечные, парикмахерские) располагаются внутри кварталов, на самой улице для них места нет. Описываемый участок территории комфортен для пеших прогулок: перейти дорогу можно почти в любом месте, скорость движения машин невысокая. Побочным симптомом, подчеркивающим центральность этого района, являются перекрытые заборами и шлагбаумами внутренние двory жилых домов. Чужаков там не ждут, от них огораживаются, эта потребность жителей в приватном дворовом пространстве, свойственна обитателям центра города.

Городской «хард», сомасштабный человеку, с плотной улично-дорожной сетью, квартальная застройка сталинского периода, выдержанные красные линии и дома средней этажности стали хорошей основой для формирования полноценного районного центра. Решающим драйвером развития территории оказались социальные группы, локализованные в районе Старых Черемушек.

Местные жители – уже укоренившиеся москвичи, с большим социальным и человеческим капиталом.

Также в рассматриваемом районе расположены общежития МГУ, комплексы зданий Российского государственного университета нефти и газа им. Губкина и ГИТИСа, которые привлекают сюда студентов и аспирантов со всего города. Наличие большого потока молодых людей стимулирует развитие кафе и клубов на территории, так как они являются местом для общения.

Вокруг описываемого отрезка ул. Профсоюзной застройка имеет смешанное функциональное использование, кроме жилых домов и институтов РАН, здесь есть общественные здания с государственными организациями и бизнес-центры. В результате здесь сложился диверсифицированный рынок труда, формируемый множеством научных, государственных, образовательных, торговых, оптовых, строительных и др. организаций.

Расположение в плотной городской застройке разных по функциональному использованию объектов, порождает множество перекрестных коммуникаций на улицах и скверах, которые создают уникальную городскую среду. Мозаика из различных миров позволила сложиться здесь полноценной городской культуре постиндустриального общества – город живет по принципу “mix used”. Высокое качество жизни социальных групп района стимулирует востребованность объектов культуры, локализованных поблизости. В первую очередь это отразилось на детской библиотеке им. Агнии Барто. По своей сути это обычная районная детская библиотека, каких по городу сотни, но ее местоположение – красивое здание помещено в плотную оживленную городскую среду и окружено многочисленными образовательными учреждениями – сделали ее весьма успешной. Сюда приходят не только дети, но и взрослые, чтобы поработать. Социолог-урбанист Рей Ольденбург называет такие пространства «третьим местом», это ни дом и ни работа, но при этом люди приходят сюда за общением. Жизнь библиотеки насыщена событиями, она формирует вокруг себя сообщества многодетных матерей, школьников, изучающих английский, кружки по рукоделию и т.д. Это место социального инжиниринга района. Интенсивность и сложность городской жизни настолько насыщена в выявленном центре, что позволяет библиотеке работать эффективно и быть востребованной.

Самым значимым объектом культуры, расположенным в исследуемом районе, является Государственный Дарвиновский музей. Он генерирует порядка 700 посетителей в будни и 1500 в выходные. Сюда приезжают школьники не только со всей Москвы, но и из соседних регионов. Среди посетителей много взрослых людей. Важным аспектом в работе музея является его событийная жизнь. Здесь несколько раз в неделю происходят мероприятия – детские праздники, игры, мастер-классы, спектакли детских театральных студий, концерты для взрослых. Залог востребованности и бурной жизни музея сложился из сочетания таких компонентов, как столетняя история формирования экспозиции музея, местоположение здания относительно центра и в контексте окружающей городской среды, грамотный менеджмент и качество архитектуры самого здания. Наличие на территории подобных объектов указывает не просто на центральность места в масштабе района, но и в масштабе всего города



Рис. 2. Малый бизнес на ул. Дм.Ульянова

Рядом с Дарвиновским музеем улицу Дмитрия Ульянова пересекает высоковольтная ЛЭП, образуется разрыв городской среды, который когда-то был пустырем. Сейчас на его месте расположен элитный жилой дом с высоким забором, заправка, гаражный комплекс, здание технического назначения. Обычно стены подобных трансформаторных подстанций служат основой для уличных граффити, на них пишут емкие фразы-мысли из тех, что живут в умах горожан. Но, здесь этот объект выступил основой для качественного стрит-арта, обращенного к русской классической литературе (см. фото), что говорит о качественной перемене в характере оформления городской среды.

После ЛЭП качество городского «харда» на улице Дмитрия Ульянова снижается. Эта улица застроена панельными пятиэтажками и невысокими сталинками, лишенными помпезности и шика. застройка в целом квартальная, местами здания не стоят на красной линии, поэтому образуются разрозненные с архитектурно-градостроительной точки зрения общественные пространства; они выглядят как насильно «вскрытые» внутренние двory. Внутри кварталов располагаются, огороженные высотные панельные дома, в которых проживают работники посольств иностранных государств. Своим присутствием они ломают внутриквартальные связи, нарушается целостность и плотность городской публичной жизни дворов. Количество коммерческих точек на улице Дмитрия Ульянова увеличивается по мере приближения к метро Академическая. Малый бизнес пытается приспособить первые этажи жилых зданий, не предполагающих общественного использования. Это выглядит как временная точка, она неудобна для использования.

Апогей несоответствий «софта» и «харда» города отразился в «поведении» жилого здания по адресу ул. Профсоюзная 2/22К1, которое было построено в начале 50-х гг XX в. Оно располагается на оживленном перекрестке улиц Профсоюзная и Дмитрия Ульянова, в 10 метрах от выхода из станции метро Академическая. Местоположение на столько выгодно для ведения бизнеса и настолько же некомфортно для проживания, что со временем жилая функция этого дома сама собой трансформировалась в коммерческую. Сейчас здесь находятся несколько интернет-магазинов, издательство, туристическая компания и др. предприятия малого и среднего бизнеса. Правда «естественная смена софта» здания прошла с большими потерями для его внешнего вида – уровень дизайна вывесок организаций, локализованных в нем, оставляет желать лучшего. Серьезная фирма никогда не поселится в дом, визуальный вид которого говорит о том, что все это временно.



Рис. 3. Визуальный образ здания по адресу ул. Профсоюзная 2/22

Внешний вид уличных сервисов, расположенных на улице Дмитрия Ульянова между станцией метро Академическая и Дарвиновским музеем, является симптомом несбалансированности пространственной организации этого места. Оно располагается между двумя грамотно застроенными районами с качественной квартальной сталинской застройкой и высоким уровнем жизни населения. На этой улице также располагаются серьезные места приложения труда, такие как институты РАН. Также через улицу проходит транзитный поток людей. Из-за этого здесь сложился большой и разнообразный потребительский спрос, под который пытается подстроиться рынок. Магазины и объекты высокой культуры потребления кристаллизовались в более дорогие и гармоничные кварталы по соседству, а здесь расположился малый и средний бизнес, не претендующий на высокий уровень обслуживания потребителей. Поэтому описываемый участок улицы ведет активную общественную жизнь, но низкую визуальную привлекательность. С другой стороны, эта картина доказывает центральность всей рассматриваемой территории городской ткани.

За Нахимовским проспектом улица Профсоюзная превращается в магистраль, на обочине которой локализованы жилые микрорайоны. Функции общественного пространства здесь выполняют торговые центры, плотная улично-дорожная сеть, трансформируется в редкие проезды между микрорайонами, этажность застройки повышается. Пути пешеходных потоков начинают проходить через дворы жилых домов, а не на тротуарах запланированных проездов.

Подобная картина хорошо читается вокруг станции метро Новые Черемушки, выходы из которой расположены на уже магистральной Профсоюзной. В этом месте с одной стороны проезжей части расположены 2 торговых центра, разделенные парковкой, а с другой – огромный газон, окруженный дорогой и жилыми многоэтажками 80-х годов. Поток людей, выходящих из станции метро, оказывается в неуютном городском пространстве «нечеловеческих масштабов», которое продувается ветрами. Поэтому он устремляется во дворы жилых домов и за торговые центры, потоки людей не движутся по тротуарам, заложенными архитекторами, а использует пространство, исходя из условий комфортности.

На поверхность всплывают проблемы застройки микрорайонами: однажды архитекторы пренебрегли стандартной системой коммуникаций в городе (магистраль, улица, переулок, площадь), а сегодня у людей нет каналов, чтобы нормально осваивать пространство, они ищут их там, где им удобно.

Очагом культурной жизни территории вокруг станции метро Новые Черемушки, являются 2 торговых центра «Черемушки» и «Панорама», которые аккумулируют в себе различные сервисы. ТЦ «Черемушки» специализируется на продаже вещей, покупка которых осуществляется не каждый день – электротехника и мебель, поэтому значительный поток людей обходит это здание с левой стороны.

Этот пешеходный проход формируется зданием торгового центра и жилой пятиэтажкой, он превратился в пешеходную зону, на которой стоят ларьки с фастфудом, молоком, книгами, с грузовых машин торгуют продуктами. Картина с точки зрения городского дизайна неоднозначная, но довольно живая.



Рис. 4. Крыльцо театра "Бенифис"

За ТЦ «Панорама» располагается скучный район пятиэтажек, во дворе которых расположен театр «Бенефис», работающий в режиме выживания. Причина этого – низкий спрос на культурные события у местных жителей. Работникам театра приходится ходить по району и собирать зрителей на спектакли. Картиной, демонстрирующей жизнь театра, служит фото ниже. Картина собаки, спокойно спящей у входа в театр, говорит о многом. Театр возник в середине 80-х гг. по инициативе администрации города, с тех пор она его и содержит. Очевидное отсутствие спроса на подобное учреждение культуры в спальном районе дает сделать вывод о том, что она там и не нужна. Складывается следующая ситуация: событийно место активно, но востребованности в событиях данного уровня нет. Может быть, детский дом творчества чувствовал бы себя лучше в этом здании.

Вторая активная точка городской жизни района вблизи метро Новые Черемушки, сложилась на ул. Новочеремушкинская. Здесь расположены высотные здания Газпрома, Российская академия Правосудия, здание МВД и другие организации.

Наличие мест приложения труда стимулирует здесь активную уличную жизнь в виде итальянских ресторанов, салона тайского массажа и красоты, качественное продуктовое магазина. Сама улица довольно узкая, скорость движения автомобилей низкая, поэтому пешеходы чувствуют себя здесь комфортно.

Близость к центру Москвы, хорошая транспортная доступность, высокая плотность улично-дорожной сети, плотная целостная застройка окружающей территории – внешние условия, которые обусловили возникновение высокого потенциала этого места

Драйвером развития района стало строительство главной штаб-квартиры Газпрома на перекрестке улиц Новочеремушкинская и Наметкина – это грандиозный проект в масштабе города. В городской среде он выступает абсолютно закрытым комплексом зданий, представляет собой своего рода индустриальный завод: вся его жизнь консолидирована внутри него, но из-за большого экономического потенциала, он оказывает внешний эффект на окружающую среду. Так, на ул. Наметкина, выкристаллизовался бизнес-центр, в котором располагаются организации, обслуживающие Газпром (банки, консалтинг и т.д.). Рядом с бизнес-центром появились рестораны, сетевой гипермаркет спортивных товаров, банкоматы, магазины одежды и другие заведения. В общем, изначально спальный район улиц Новочеремушкинская и Наметкина превратились в район с улицами полными городской жизнью.

Формирование исследуемого района, как локального городского центра, выделяющегося на фоне других территорий Москвы, произошло благодаря синергии внешних и внутренних факторов. Близость к центру Москвы, хорошая транспортная доступность, высокая плотность улично-дорожной сети, плотная целостная застройка окружающей территории – это те внешние условия, которые обусловили возникновение высокого потенциала этого места. Внутренними факторами, позволившими ему реализоваться, стали станции метро, высокий материальный и интеллектуальный уровень социальных групп, локализованных на территории (работники РАН, студенты престижных вузов, жители сталинских районов, работники офисов ведущих компаний), диверсифицированный рынок труда, смешанное функциональное использование территории, частично квартальная застройка, наличие зданий высокого качества.

Рис. 5. Стрит-арт на ул. Дм. Ульянова



Очаги центральности на периферии Москвы: Сокол

Маргарита Чубукова

Район "Сокол"

Район «Сокол» – локальный центр Северного административного округа. Это динамичное и сравнительно небольшое по площади пространство (3,72 км², в то время как, например, Хамовнический составляет – 10,08 км²) ограничено на севере и западе железнодорожными путями, с юга – 3-ей Песчаной улицей, на востоке – Чапаевским переулком, Ленинградским проспектом и Балтийской улицей.

Пространства, наиболее востребованные с точки зрения пешеходов, связаны с общественным транспортом; традиционными ключевыми объектами являются станция метро («Сокол»), а также автобусно-троллейбусная конечная остановка (между Ленинградским проспектом и Песчаной улицей) и трамвайное кольцо у истока Волоколамского шоссе. Автомобилисты активно пользуются крупнейшими московскими транспортными магистралями – Ленинградским и Волоколамским шоссе, улицами Алабяна и Балтийской, которые дублируются одноименными тоннелями – Ленинградским, Волоколамским, Алабяно-Балтийским. Так, можно легко заметить, что транспортный каркас здесь играет главенствующую роль, именно по нему движутся основные потоки горожан-пешеходов и владельцев автомобилей. Две эти группы обладают разным видением пространства.

Пешеходы – это владельцы района: они здесь живут, работают, учатся и отдыхают, пользуются бытовыми и «лакшери»-услугами. В то время как автомобилисты используют «Сокол» как транзитную территорию. Уникальность рассматриваемой территории состоит в том, что она способна удовлетворить интересы и одних, и других горожан.

Район практически состоит из четырех частей, отделенных друг от друга магистралями, которые представляют собой одну из крупнейших московских транспортных развязок. Во-первых, это территория между Ленинградским шоссе и Балтийской улицей, на которой находится ряд промышленных и производственных

объектов. Во-вторых, пространство между Волоколамским и Ленинградским шоссе, почти полностью предназначенное для студгородка Московского Авиационного Института. В-третьих, преимущественно жилая среда между Волоколамским шоссе и улицей Алабяна. Оставшаяся, четвертая часть, располагается на юго-востоке района, она отделена улицей Алабяна и Ленинградским проспектом. Пешком перемещаться из одной части в другую не очень удобно, необходимо пользоваться либо надземным, либо подземным пешеходным переходами.

Не только у пешеходов, но и у автомобилистов особые трудности вызывает строительство Алабяно-Балтийского тоннеля. Балтийская улица почти полностью парализована в транспортном смысле – отведено лишь по одной полосе в каждую сторону, однако с точки зрения городской жизни это пространство явно просто временно законсервировано. Несмотря на то, что отчетливо заметны пустующие на зданиях места для рекламы (магазины, преимущественно специализирующиеся на продаже кухонь, строительных материалов и т.п., просто закрываются из-за невысокой посещаемости), улица пытается сохранить прежние высокие качества. Можно отметить, что тротуар, вымощенный плиткой, поднят над уровнем автодороги; в теплое время года на это пространство претендуют сетевые городские кафе, которые активно посещаются средним классом – например, «Il Ratio» или «Япоша». Здесь же работает супермаркет «Перекресток». Есть отрезок улицы, на котором часто поставлены уличные фонари, лаконичные, но с плафонами; к ним прикреплена дополнительная подсветка, направленная на соседнее офисное здание. «Приостановленная» в глобальном смысле жизнь улицы проявляется в мелких деталях. Удивительно довольно гармоничное соседство классической советской проходной (КПП системного конструкторского бюро Концентра ПВО «Алмаз-Антей» им. академика А. А. Расплетина – предприятие оборонно-промышленного комплекса) и небольшого кафе «Кофе здесь», подразумевающего, что покупатель берет кофе с собой. В привычную среду, сформировавшуюся в эпоху социализма, внедряется принципиально инородный, «капиталистический» по своему происхождению объект.



Рис. 1. Проходная на Балтийской ул.

«Алмаз-Антей» занимает несколько кварталов. Внушительное здание, выполненное в имперском стиле, выходит на Ленинградский проспект (№80). Напротив одного из входов установлены велосипедная парковка, табличка рядом с ней гласит «ВЕЛОСИПЕДНАЯ ПАРКОВКА для сотрудников ОАО «ГСКБ «Алмаз-Антей»»; рядом пронумерованы парковочные места для автомобилей. Так улица, ориентированная на горожан, превращается в рабочий день в дворовое корпоративное пространство. Другой конец этого здания занимают пивной ресторан и ряд офисов других организаций. За огороженным забором научно-исследовательскими и промышленными предприятиями, построенными вдоль Ленинградского шоссе, находится Московская финансово-промышленная академия, за ней 1-й троллейбусный парк, испытательные и конструкторские бюро («ОКБ им. А.И.Микояна» ОАО «РСК МиГ»). Тротуары Ленинградского шоссе – вовсе не променада, здесь можно встретить лишь редкие рекламные щиты, аудитория

которых – автомобилисты. Сталкиваясь с внешней границей района – трамвайными путями и железнодорожным полотном – Ленинградское шоссе уходит на второй уровень двухуровневой развязки. Описанное пространство (между Балтийской улицей и Ленинградским шоссе) непроницаемо, посторонний человек не может пройти его насквозь; только лишь следуя вдоль магистралей.

Совсем иной по характеру второй пешеходный «остров» расположен между Волоколамским и Ленинградским шоссе. Это пространство наполовину занято студенческим городком Московского Авиационного Института. Вдоль Ленинградского шоссе расположены учебные корпуса. Главный административный корпус выглядит более помпезно, остальные – лаконично. Инфраструктура студенческого быта включает в себя общежития, автошколу, столовую, дворец культуры, студенческую городскую поликлинику.



Рис. 2. Развязка на Ленинградском шоссе. Трамвайные линии

Застройка, датируемая частично 30-ми годами XX века, частично началом 60-х местами ветшает и приобретает неопрятный вид. В целом изначально достаточно комфортная среда – на проезжую часть выходят многоэтажные дома, а внутри квартала спрятаны здания малой и средней этажности – постепенно приходит в негодность. За трамвайными путями, чуть в отдалении от студгородка, находится микрорайон «Сокола», застроенный четырехэтажными кирпичными домами, отвечающим запросам на качественную, соразмерную человеку среду. Жилая застройка вдоль железной дороги обрамлена гаражами и складами, что вполне традиционно, т.к. это своего рода зона отчуждения.

Если двигаться в обратную сторону к развязке, вдоль Волоколамского шоссе, то можно обнаружить более позднюю, хрущевскую застройку. В блочных многоэтажках расположено несколько магазинов и ресторанов, видны следы «свежезакрывшихся» торговых точек – продуктового магазина, интерьерного салона. По мере движения вновь возникают сталинские высотки 50-х гг.; в них магазины примерно с таким же ассортиментом – продукты, кухни, сантехника. В точке сращения Волоколамского шоссе с Ленинградским находится институт «Гидропроект» – здание, в которое «упирается» Ленинградский проспект. Важно, что на фасад этой постройки высотой почти в 30 этажей прикреплена реклама, светящаяся круглосуточно. Световое мелькание, особенно в темное время суток, делает здание визуальной доминантой, тем самым отчасти обезличивает остальное пространство, переключая на себя внимание и пешеходов, и автомобилистов.



Рис. 3. Здание Гидропроекта

Третий выделенный «материк» – пространство с границами, очерченными Волоколамским шоссе и улицей Алабяна. Его юго-западная часть – это несколько сталинских жилых многоэтажных домов, пара учебных заведений и еще один студгородок в миниатюре. У съезда с эстакады развязки автомобилистов встречает дом с установленной надписью «Район “Сокол”»; двигаясь дальше, автомобилист видит огромную вывеску-рекламу лотерейного клуба, мельче – названия магазинов, расположенных на первых этажах этого дома. Здания, выходящие на шоссе, представляют парад эпох и стилей: старый корпус Московского государственного



Рис. 4. Пример застройки поселка Сокол

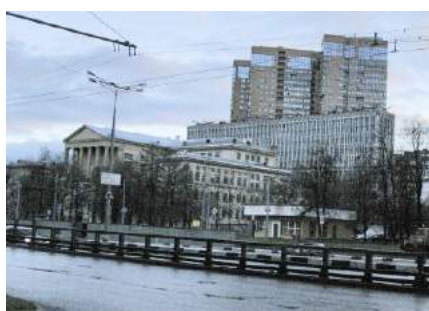


Рис. 5. Вид на разностилевую застройку с Волоколамского шоссе

художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова с портиком авторства И.В.Жолтовского, за ним – корпус «коробка», на заднем плане – жилой комплекс «Посёлок Художников», справа от МГХПУ – девятиэтажный кирпичный дом; рядом можно увидеть и конструктивистские постройки (например, Волоколамское шоссе, 7). (См. Рис. 5) Подобное стилевое разнообразие создает уникальную городскую среду.

За авангардом зданий, выступающих на Волоколамское шоссе, спрятаны учебные корпуса и общежития Московского государственного университета пищевых производств (МГУПП), еще несколько территорий МАИ и ряд жилых домов.

Настоящим градостроительным событием выделенного участка в частности и района в целом остается первый корпоративный поселок «Сокол», строившийся в 1920-е годы. Он скрыт в глубине, частично выходит на улицу Алабяна. История до сих пор сохранившегося поселка связана с послереволюционной градостроительной деятельностью архитектурно-художественной мастерской Строительного отдела Московского Совета РК и КД,



Рис. 6. Пересечение Новопесчаной улицы и Ленинградского проспекта

которая провозгласила «распределение территории г. Москвы на фабричные районы, сады-города, торговые центры и пр.», чтобы преодолеть перенаселенность существующего города. «Сокол» в соответствии с готовящимся на тот момент генеральным планом «Новая Москва», над которым работали И.В.Жолтовский и А.В.Щусев – как раз должен был стать таким городом-садом, плоды этого творчества живы и сегодня. «Поселковая» среда с двухэтажными, преимущественно деревянными домами комфортна в силу того, что сохраняет «человеческий» масштаб. Уголок старой Москвы не выглядит помпезно, скорее скромно и гармонично – в духе немецких пригородов с частной застройкой и качественной инфраструктурой. Удивительно и похвально отметить, что поселок «Сокол», поделенный на кварталы живописной, а не регулярной сеткой улиц, названных в честь русских художников (Брюллова, Левитана, Васнецова и др.), не претерпел метаморфоз и имеет исконный облик, не состоит не из частных особняков и вил – с ним такое могло бы случиться. Сохранилась и уникальная социальная организация: жители, объединенные неординарностью собственного жилого пространства и идеей о сохранении памятника, активно пользуются преимуществами местного территориального органа самоуправления. Один из домов, по адресу улица Шишкина, 7 занимает Управа района – она не выделяется особо среди остальной застройки – исполнительная власть здесь не требует к себе особого внимания.

Интересно, что чуть позже хронологически – в 1935-м году, уже после «Новой Москвы», во время работы над генеральным планом реконструкции города один из разработчиков снова уделит внимание ленинградскому направлению. Парабола Н.А.Ладовского представляет собой попытку разорвать радиально-кольцевую систему Москвы, в которой в определенный момент может случиться «конфликт колец». Чтобы избежать его, автор идеи предлагает дать городу возможность развиваться по оси, каркас которой – Ленинградский проспект, продолжающий центральную Тверскую улицу. Выбор направления, очевидно, не случаен, оно видится архитектору-рационалисту как наиболее перспективное. Территория «Сокола» с прилегающими к нему районами – Хорошевским, Аэропортом и отчасти Щукинским – рассматривается как метафора о линейном городе в духе Сория-и-Мата (автора идеи о ленточной организации пространства, созданной в конце XIX века). Однако современное устройство больше напоминает реализацию генерального плана Москвы 1971 года. Сегодня вдоль Ленинградского проспекта, перетекающего в Волоколамское и Ленинградское шоссе, расположены общегородские и зональные центры так, как это было запланировано во второй половине XX века. Еще одним подтверждением этого факта может служить последний пример – пространство, отделенное от остальной территории района улицей Алабяна и Ленинградским проспектом. Каркас, состоящий из самого Ленинградского проспекта, Новопесчаной улицы, улицы Алабяна и др., предлагает горожанам достаточно широкий спектр услуг: помимо продовольственных магазинов и банков, наземных вестибюлей метро, на нем находятся – авиакассы, небольшие кафе, игровые клубы, магазины одежды.



Рис. 7. Кафе на Новопесчаной улице

Ткань преимущественно составляют жилые дома, огороженные от парковки посторонних автомашин заборами. В частных дворах кирпичных «сталинок» Песчаных улиц, возведенных в рамках экспериментального строительства, размещаются детские сады; с этими кварталами соседствуют более поздние панельные «хрущевки». Здесь немало небольших «зеленых» пространств – ряд скверов, мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны, которые позволяют создать уютные, «укромные» места вблизи крупнейшей московской транспортной развязки. Динамичность каркасных улиц умело компенсируется статичностью «ткани».

Местные достопримечательности – это Всехсвятская церковь, хранящая память об исконном происхождении местного поселения, возникшего здесь еще задолго до строительства района; конструктивистское здание бывшего Госпиталя гражданской авиации. Равномерность ландшафта нарушает жилой комплекс Триумф-Палас, возведенный в 2006-м году на границе между «Соколом» и «Аэропортом», в Чапаевском переулке. Эта жилая постройка самая высокая в Европе, по форме и своему характеру напоминает сталинские высотки – к огороженному и охраняемому зданию непросто подойти вплотную.

Стоит отметить, что материальные приметы района – не единственный предмет для изучения; эта часть города уже довольно давно живет в виртуальном пространстве. Сегодня самое крупное московское «соседское» сообщество в соцсетях – это комьюнити «Airport/Sokol Da Neighborhood» в Facebook, в котором местные жители достаточно активно обсуждают свои насущные проблемы (покупку тех или иных товаров, локальные преобразования, городские нововведения). Примечательно, что таким образом анонимное соседство приобретает лица и голоса. Проблемы общегородского размаха активно обсуждаются в сообществе «Живого Журнала» – «Развязка на Соколе» (razvyazka-sokol.livejournal.com). Эти факты – показатель искренней заинтересованности в том, что и как происходит в районе.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что высокая транспортная ангажированность района представляет собой главный потенциал и сложность для развития. Большие людские потоки – это большой спрос на те или иные услуги. Важно, «выравнивать» качество среды (например, гастроном «Азбука вкуса» на улице Алабяна сосуществует в рамках одного района с малопривлекательными гаражными пространствами вдоль МКЖД), но при этом сохранять функциональное разнообразие района, т.к. именно эти параметры являются признаками центральности.

Очаги центральности на периферии Москвы: Измайлово

Маргарита Чубукова

Район «Измайлово»

Организация пространства, а вместе с тем досуга и быта в Измайлово прекрасно соответствует стереотипному восприятию России в целом и ее столицы в частности, как самими россиянами, так и иностранцами. Мифический Кремль у воды, полный диковинок, многовековой сказочный лес, и в то же время отзвуки развитого социализма, плоды перестроечного азарта, новое индустриальное строительство из 2010-х – эти и иные вымышленные и реалистичные образы России удалось вобрать в себя району, расположенному на востоке Москвы. Вероятно, именно высокая степень концентрации культурно-исторических примет в виде современных действующих институций служит главной причиной пространственной самодостаточности, присущей самостоятельным населенным пунктам с историческим и деловым центром, жилыми кварталами.

Подлинный исторический центр этого небольшого «города» – бывшая царская усадьба XVI века, расположенная на Измайловском острове. Однако остров отделен от ближайшего метро («Партизанской») Серебряно-Виноградным прудом, поэтому куда большей популярностью у гостей этого района пользуется псевдоисторический Кремль, построенный в середине 90-х на месте бывшего вернисажа. Открытой полемики между бывшей усадьбой и Кремлем нет, дело в том, что они представляют для района в частности и для Москвы в целом разную ценность.

Островной центр связан с именами Ивана Грозного, Алексея Михайловича Тишайшего, Николая II. Измайлово никогда не было обделено правительственным вниманием. Важно понимать логику трансформации этого пространства.

Дворцовое село Измайлово Грозный жертвует дворцкому Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву; в 16-м веке вотчина разоряется крымской ордой (что означает, что она представляла интерес), позже переходит наследнику прежнего владельца – Ивану



Рис. 1. Жилая застройка в Измайлово

Никитичу Романову, чашнику Бориса Годунова. В этот момент закладывается деревянная церковь Покрова Богородицы – предтеча современного краснокирпичного Покровского храма, украшенного яркими изразцами. Никита Иванович держит на своем дворе «европейские органы, глобусы, часы, оружие, посуду, немецкие и посольские книги, восточные ткани, восточную и европейскую сбрую» и английский бот. Перечень имущества необычен, говорит об особом духе, вероятно, царившем в селе.

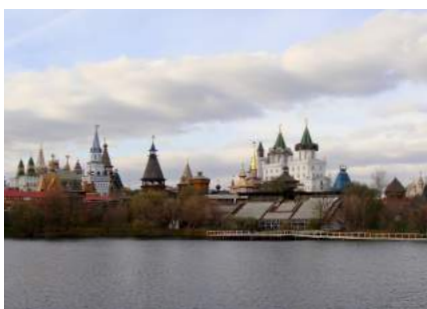


Рис. 2. Измайловский Кремль

После смерти Никиты Ивановича земля получает статус загородной усадьбы царской семьи. Давая распоряжения об устройстве, новый владелец, царь Алексей Михайлович, учреждает хозяйственные заведения – «заводы». Среди них можно было найти государеву пашню, мельницы, стекольный и кирпичный заводы, винокуренный и льняной дворы, «Виноградный и Тутовый сады, Аптекарский и Просянский огороды, пруды для разведения рыбы, пчельники, птичник и скотный двор. Это масштабное строительство происходит в 70-е годы XVII века. Его результаты отражены в топографии района: перегороженная плотинами речка Серебрянка образует Серебряно-Виноградный пруд, и по сей день окружающий Измайловский остров

К этому же историческому периоду относится строительство в Измайловской слободе (чуть севернее острова) действующего Храма Рождества Христова, который не закрывался и в советское время; при нем имеется кладбище с захоронениями XVIII-XX вв.

Изменение функционального назначения территорий и уже существующих объектов, вероятно, связано с трансформацией потребностей, как глобальных (царское/императорское/правительственное видение назначения территории), так и локальных (потребности людей, населяющих тот или иной пункт). В николаевский период истории района преобразования вновь касаются острова: строится богадельня для инвалидов 1812 года по проекту придворного архитектора К.А. Тона. Корпуса были пристроены к Покровскому собору с трех сторон, на месте прежнего Государева двора разместили служебные здания, действовавшие до 1918 года.



Рис. 3. Смотровая башня и Покровский собор на Измайловском острове



Рис. 4. Гостиница Измайлово

Современный облик острова отдаленно напоминает тот, что был создан два века назад. В советское время постройки получили адрес: пронумерованные здания – корпуса, флигели, кузницы, кладовые и прочие общественно-бытовые постройки – объединило название улицы «городок им. Баумана», данное в честь революционера. Бывшее жилье ветеранов Отечественной войны заняли семьи рабочих авиационного завода «Салют», которому была передана в ведение территория Измайловской усадьбы. Позже на берегу пруда был построен стадион Московского электролампового завода, его «руины» можно заметить и сегодня: нынешний владелец сохранившегося одноэтажного спортзала с заасфальтированной функциональной крышей пишет о возможной сдаче внаем. В одном из корпусов бывшей богадельни работает Институт реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация», в остальных располагаются постоянные и временные экспозиции. В Мостовой башне, некогда выполнявшей роль таможи, сегодня находится выставка изразцов. Потенциал этой территории, сейчас носящей парковый характер, достаточно хорошо реализован, она отлично используется как местными жителями, так и гостями, интересующимися краеведением. В то же время упомянутый выше Кремль, бутафорский древнерусский замок, расположенный на противоположном берегу Серебряно-Виноградного пруда, работает совершенно иначе. Лубочная архитектура, медведь на привязи, ряженные, продавцы матрешек и павловопосадских платков, а также военного обмундирования, фототехники, географических карт, значков и прочих антикварных, экзотических, самобытных вещей – такова его атмосфера. Кроме того, за «крепостными» стенами спрятаны музеи хлеба, истории основания Российского флота, истории водки, русской народной игрушки, они призваны удовлетворить интерес об «истинно русском». «Правильные» сувениры и впечатления достаточно активно притягивают иностранцев, гостей и горожан столицы. Вероятно, мифический исторический центр востребован потому, что играет роль чудесного Эльдорадо или дивного острова Буяна, возможно даже, своеобразного Диснейленда на русский лад. Успех этого места потрясает. Интересно, что культурные ценности не являются основной этого предприятия, партнеры легальной точки для торговцев «блошиного» рынка и рынка живописи и изделий прикладного искусства. – Департамент поддержки и развития малого предпринимательства города Москвы, Префектура округа, Фонд развития физкультуры и спорта округа.

Рис. 5. Корпуса бывшей богадельни и гостиница Измайлово



Говоря об очагах центральности делового характера, стоит отметить, что еще одним «магнитом» для иностранцев оказывается гостиница «Измайлово», построенная для размещения гостей к Олимпиаде 1980-го года в нескольких минутах ходьбы от современного метро «Партизанская» (в те годы – «Измайловский парк»). Пять многоэтажных корпусов одинаковой планировки, ворвавшиеся в равномерную малопримечательную среду более тридцати лет назад, до сих пор выглядят довольно дерзко. Высотки так и стоят в одиночестве, отчего рядом с ними очень ветрено и неуютно. На пути вдоль гостиничного комплекса располагаются заведения общественного питания, в глубь корпусов – их качество выше, ближе к метро – значительно ниже. Высокий контраст скорее всего связан с тем, что здесь кроется попытка удовлетворить требования как посетителей гостиницы, так и пассажиров Измайловской автобусной станции, с которой ежедневно в Ногинск, Балашиху, Электрогорск, Павловский Посад, Электросталь, Купавну и в других направлениях отправляются более 250-ти автобусных рейсов.

Тут пересекаются людские потоки москвичей, соотечественников, иностранцев, нелегальных мигрантов, число которых здесь значительно сократилось в последнее время вследствие закрытия одного из самых больших вещевых рынков столицы – Черкизовского.

Крупнейшая коммерческая точка Москвы – рынок, работавший с середины 90-х до 2009 года, был отнесен на север от гостиницы, начинался ровно за Измайловским Кремлем. «Город в городе», как его еще называли «Черкизон», обслуживавшийся приезжими, имел собственную инфраструктуру и власть. Причины прекращения его работы многочисленны: нарушение торговых, пожарных и санитарных норм, столкновение бизнес-интересов. До закрытия потенциал этой территории был реализован сполна – здесь осуществлялся значительный оборот товаров, финансов. На «выжженной» земле остались пагоды, обшитые сайдингом, стоят одинокие контрольные пункты, на прежнем заборе узор-логотип компании «АСТ», принадлежавшей бывшему владельцу рынка. Насущная проблема территории связана с необходимостью ее грамотного переустройства. По сообщениям СМИ, один из вариантов развития – открытие здесь музейного хранилища с выставочным залом и хоккейного центра ЦСКА. В случае реализации задумки неоспоримым преимуществом станет оживление мертвой сегодня территории.



Рис. 6. Бывший Черкизовский рынок

Еще один неоспоримый признак привлекательности территории – наличие Измайловского лесопарка. Он и дал название Парковым улицам (с Первой по Шестнадцатую) и ближайшим станциям метро («Измайловский парк», «Измайловская»). Западная часть лесного массива была преобразована в Парк Культуры и Отдыха в 1930-е годы. Советский стереотип об активном отдыхе был исправно реализован: на территории парка была устроена парашютная вышка, кинотеатр и театр. Концертные площадки и аттракционы, конно-спортивный комплекс действуют и сегодня. Любой парк – зеленая рекреационная зона – всегда обладает большим потенциалом, служит точкой притяжения, Измайловский в этом отношении – не исключение. В разные десятилетия на различных площадках (полянах) собирались представители самых разных социальных (возрастных, национально ориентированных, профессиональных) групп.



Рис. 7. Логотип рынка

Все перечисленные выше местные «достопримечательности» служили и по-прежнему служат точками притяжения общегородского масштаба. При этом, естественно, что эти очаги инкорпорированы в местную инфраструктуру.

На примере района «Измайлово» в том числе можно увидеть закономерность развития Москвы по направлению от центра к периферии на восток. Первая станция метро здесь появляется в 1944-м году – «Измайловский парк культуры и отдыха имени Сталина» (современное название – «Партизанская»). До этого момента из общественного транспорта в «измайловскую глубинку», присоединенную к Москве лишь в 1935-м году, с 1920-х годов ходил только 14-й трамвай.

Массовое строительство и усиление транспортной составляющей происходит в 1960-е годы: индустриальное домостроение, новые станции метро наземная «Измайловская» и неглубокого заложения – «Первомайская», выполненные по хрущевским заветам без излишеств. Результат работы этого периода – 17 аккуратных кварталов модернистской застройки, состоящей из многоэтажных панельных домов и кирпичных пятиэтажек, дополненных по нормативам общеобразовательными учреждениями, а также торговыми комплексами, небольшими конторами и отделом ЗАГСа. Оригинальностью выделяется на фоне «плановой» организации среды Центр циркового искусства (Измайловский проезд, 12). Каркасом этой застройки служит осевая, словно «парадная», Первомайская улица. Ее украшает сталинское наследие из 50-х – торжественные фасады жилых домов, первые этажи которых сегодня, естественно, насыщены торгово-рекреационными функциями: их наводняют кафе, продуктовые и специализированные магазины. Здесь же, на «главной» улице, размещено здание бывшего Дома культуры строителей, выполненное в стиле, свойственном павильонам ВСХВ. Когда-то он играл роль места встречи: был площадкой для идеологически ориентированных собраний, местом отдыха населения, клубом по интересам, а сегодня служит пристанищем для продукции временно приезжающей белорусской ярмарки. Так снизилась потребительская планка – площадка для самовыражения превратилась в крытый вещевой рынок. При наличии точек, сохранивших свое назначение и ориентированных при создании на проведение досуга, район «Измайлово» в культурном отношении, безусловно, не является мейнстримом.

Прослеживая изменения функциональной структуры района, нетрудно заметить, что промышленная составляющая, некогда занимавшая здесь важное место, утратила прежние позиции. Название одной из остановок наземного транспорта («Меховая фабрика») и череда Прядильных улиц говорят о существовавших здесь прежде производствах. Бывшую меховую фабрику №1 «Пролетарский труд» снесли на излете нулевых годов для строительства жилых домов с видом на царскую усадьбу. Прядильно-ткацкая фабрика «Измайловская мануфактура», основанная еще в 19 в. до сих пор работает, хотя и не широко известна. Индустриальное прошлое совсем отошло на второй план.



Рис. 8. Центр циркового искусства

Подводя итог пунктирного обзора территории района «Измайлово», можно сделать вывод о том, что сконцентрированные здесь точки притяжения имеют исторический, коммерческо-деловой и природный потенциалы, при этом они внедрены в довольно статичную среду традиционного столичного спального района. Рассмотренные очаги центральности работают довольно стабильно, а значит, не требуют кардинальной корректировки собственной деятельности. Основным потенциалом района, связанный с созданием проекта (и объекта) общегородского значения, сегодня связан с территорией, которую ранее занимал Черкизовский рынок, она при положительном исходе может получить принципиально новый смысл.

Очаги центральности на периферии Москвы: Марьино

Розалия Тарновецкая

Ярко выраженная зона концентрации функциональной насыщенности на территории периферии Москвы наблюдается в районе Марьино. Качественно этот район принципиально отличается от предыдущих рассмотренных территорий.

Во-первых, он расположен дальше всех от центра города, у него нет прочной связи с центром через насыщенные жизнью зоны (ср. у Измайлово – через Сокольники, Преображенский район, у Старых Черемушек – через Ленинский проспект, у Сокола – через районы Аэропорт, Динамо.) Хотя эти районы и являются самостоятельными центрами с внутренней природой формирования, но они не оторваны от центра города пустой зоной, так как это случилось с Марьино.

Район Марьино располагается на левом берегу реки Москва, ниже по течению относительно полуострова ЗИЛ. Эта территория в XIX веке представляла собой болото, в конце XIX века здесь были организованы поля орошения, на которых сточные воды проходили очистку. Западная граница района проходит по железной дороге, с севера район граничит с районом Люблино, граница, между районами проходит по ул. Верхние поля, но фактически городская жизнь у этих районов общая, так как физических преград, делящих ее на части, нет (железных дорог, автомагистралей, рек).

Восточная граница района Марьино проходит вдоль санитарно-защитной зоны нефтеперерабатывающего завода Капотни, которая представляет из себя местами взрытое поле, заросшее кустарником и маленькими деревьями, пересеченное высоковольтными ЛЭП. За этим полем виднеются факелы завода, эта картина

напоминает пейзажи из произведений братьев Стругацких. Территория современного района Марьино до 1960 г. относилась к г. Люблино, также как и современные районы Печатники, Капотня, Люблино, Текстильщики. Индустриальная застройка здесь появилась независимо от роста Москвы, а сама собой в рамках развития г. Люблино. В результате сложилась следующая картина: вокруг полей орошения, «не самых живописных мест», сформировалась урбанизированная территория модернистского характера. Такое положение дел было обусловлено необходимостью обеспечить жильем людей, работающих на Люблинском литейно-механическом заводе и других предприятиях. В итоге посреди модернистски-урбанизированной территории, оставался незастроенный пустырь, не обладающий какой-либо природно-экологической ценностью (как например, национальный парк «Лосиный остров»), и усиливающий общую депрессивность индустриальной действительности.

В 1977 году началась застройка полей орошения (западнее ул. Люблинской) – сегодня это место называют «Старое Марьино». Район был застроен панельными домами, собранными в 5 микрорайонов, четыре из них формировали крестообразную центральную общественную зону, которая представляет собой широкие скверы с вкрапленными прудами. Пятый район, расположенный с запада, отделялся сквером от основных микрорайонов.

На тот момент окраины Москвы активно застраивались, а основная городская жизнь кипела за границами центра города в индустриальных районах – на заводах и фабриках.

К началу 90-х годов темпы промышленного производства падают, заводы останавливаются, людям перестают платить на них зарплату, наступает время постиндустриального развития. Обмен становится главным драйвером развития городов. Москва предлагает один эксклюзивный товар – квадратный метр недвижимости – и это порождает бум строительства массового панельного жилья.

К середине 90-х годов на территории района Марьино открыли две станции метро, Марьино – в районе «Старого Марьино», и Братиславская – в районе Верхних полей орошения.

Сложившаяся экономическая ситуация в Москве того периода, и характеристики территории южнее района Люблино (пустая непривлекательная территория, имеющая станцию метро и выход к реке Москва), вызвали массовое строительство жилья, несмотря ни на поля аэрации, ни на близость нефтеперерабатывающего завода. Все факторы препятствующие урбанизации района оказались несущественными под давлением рынка недвижимости, здесь сложилась среда, сильно отличающаяся от других районов.

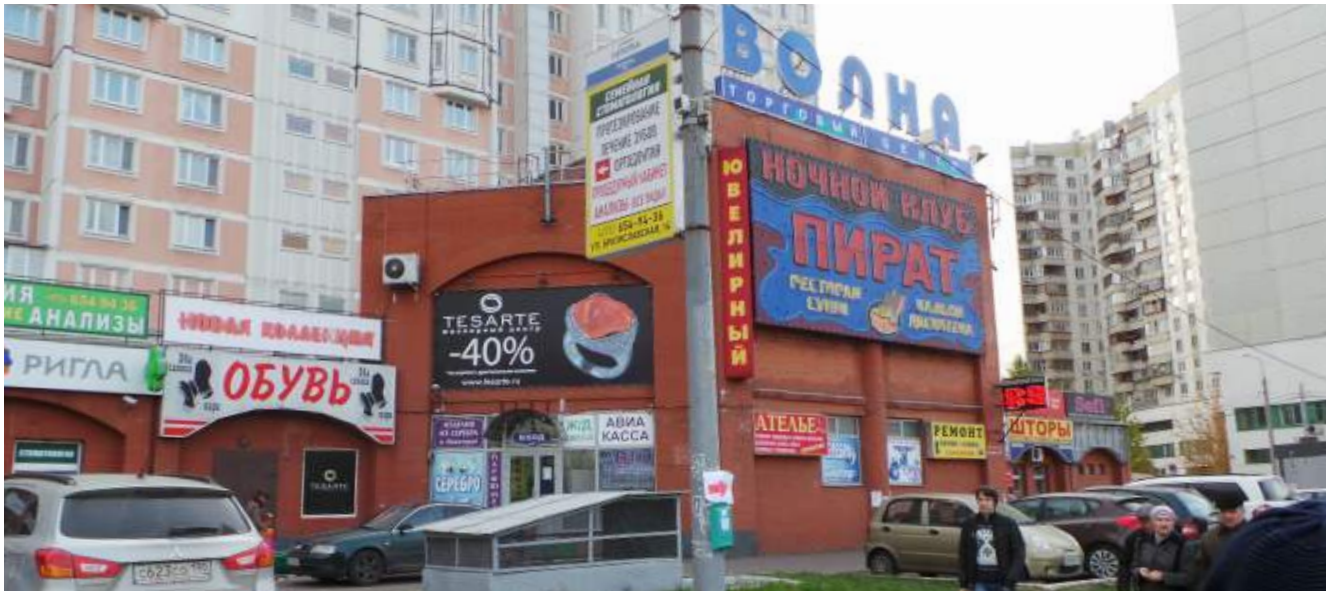


Рис.1 Организация застройки под коммерческое использование на улице Братиславской

Рис.2 Гостиница во дворе д.1 по ул. Братиславская



Застройка вокруг метро Братиславская (район Марьинский Парк) – это город, построенный для потребителей, потребителями, чтобы потреблять. В силу заинтересованности девелоперов в том, чтобы получить как можно больше выходных квадратных метров площади, здесь самая высокая плотность застройки в Москве. Средняя этажность зданий – 20 этажей, дома расположены на предельно близком расстоянии друг относительно друга. При этом была создана развитая улично-дорожная сеть внутри района Марьинский парк, позволяющая ему нормально функционировать.

Район построен после постсоветской бесплатной приватизации квартир, здесь проживают люди, которые покупали квартиры сами. Из-за этого здесь поселилось население с более высоким уровнем жизни, нежели в соседних районах. Своим появлением они превратили бывший пустырь индустриальной эпохи в центр городской жизни, а людей из соседних районов – в жителей окраины функционально наполненной среды.

В районе Марьино первые и вторые этажи жилых домов, расположенные вдоль красных линий основных улиц, проектировались под общественные функции – магазины, кафе, бытовое обслуживание населения (ул. Братиславская).

Здесь изначально неплохие условия для насыщения городской среды различными опциями, хотя в центре района запланированных по советским градостроительным нормам помещений оказалось недостаточно, и сервисы начинают уходить во дворы. Например, во дворе дома 1 по улице Братиславской располагается гостиница, причем общий вид двора этого дома не вызывает ощущения приватности пространства, это скорее всего не очень удобно организованная парковка, посреди которой почему-то находится детская площадка и котельная, на стене которой – живописная композиция, посвященная дружбе района со Словенией.

Жители Марьино хорошо обеспечены различными сервисами из-за того, что в районе высокая плотность населения, которая позволяет эффективно работать малому бизнесу. Правда комфортная городская среда здесь так и не сложилась в силу нечеловеческих размерностей пространственной организации. По улицам и новым («лысым») скверам гулять не особо приятно: ветер сильный, да и пейзаж особо не меняется. Все выглядит однообразно, единственное, что формирует акценты в пространстве – это вывески магазинов и ресторанов. Самым удобным способом передвижения по району является автомобиль, в районе даже по меркам Москвы много автомобилей, как на тротуарах, так и во дворах. Геометрия публичных пространств вокруг жилых домов

нарушена и не располагает к активной городской жизни. Общественные пешеходные пространства района развивались также в модернистском ключе -- за счет создания больших парков, которых в районе -- четыре. Главный из них, парк Артема Боровика, задуман как центр района.

Он находится рядом со станцией метро Братиславская, в плане он представляет собой идеальный круг, окруженный дорогой и панельными домами. Также эта пространственная организация работает, как огромный перекресток двух центральных улиц района Братиславской и Перерва. Площадь этого парка -- более 10 га, деревьев на нем растет крайне мало, если и есть, то они молодые и невысокие, за последние несколько лет здесь проложили несколько велодорожек, построили прокатный пункт (ролики, велосипеды), разместили лавочки и спортивные площадки. Здесь довольно пустынно. Видимо, архитекторы, пытались создать «священную пустоту» (точку отсчета района), но в результате такой тип центральности оказался нежизнеспособен. Людям нужна не пустота, а сложная городская среда, со множеством различных функций и архитектурных форм человеческого размера. В силу однообразности застройки, недостатка функций, рядом со станцией метро Братиславская возникли своего рода «перекиоски», это двухэтажные торговые центры с неважной архитектурой, где располагается малый бизнес.

Проблема парка имени Артема Боровика заключается и в том, что он хоть и находится в центре района, но оказывается не в центре потоков. Людям комфортней пройти по тротуарам вдоль домов, которые окружают парк, нежели пересечь парк, так как для этого нужно будет идти до ближайшего подземного или наземного перехода, спускаться (подниматься) или ждать пока загорится светофор, а потом еще терпеть сильный ветер в парке. Слишком сложная схема для пешеходов, проще пройти более длинной, но чуть более комфортной дорогой.

Дюссельдорфский и Братиславский парки представляют собой небольшие регулярные парки с прудами, спортивными площадками, дорожками. Поверхности рельефа в них спроектированы заново, имеются искусственные неровности, позволяющие сделать среду сложнее. Зелень в парках пока молодая, поэтому пространство не достаточно комфортно для людей. Парки пользуются популярностью у местных жителей.

Значимый парк в масштабе города -- это парк 850-летию Москвы, который расположен вдоль берега реки Москва и отделен от жилой застройки дорогой. Парк не имеет транзитного потока пешеходов, люди могут зайти туда только специально. Фактически парк разбит для того, чтобы сделать живым берег реки Москвы, который в силу реализованных градостроительных решений оказался на задворках жизни района. С этой задачей он как-то пытается справиться -- там появились велосипедные дорожки, памятники, благоустроенная набережная, спортивные площадки и т.д.; однако сказать, что он сильно востребован, пока нельзя. Идея создать систему открытых публичных пространств, представляющих собой широкие скверы, в центре которых пруды неправильной формы, несколько обесценивается из-за

Рис.3 Парк Артема Боровика



нечеловеческих масштабов этих пространства застройки вокруг. Возможно, однако, что по мере роста деревьев среда станет более востребованной.

Фактически район Марьино – это новый город внутри Москвы, который с точки зрения потребления может полностью обеспечить потребности среднего москвича, независимо от центра Москвы. Здесь можно потреблять все, кроме эксклюзивных благ (оперы, балета, торговля роскошью). Стоит отметить, что у жителей Марьино нет возможности работать рядом со своим местом жительства, так как здесь практически нет массовых мест приложения труда (офисов крупных компаний, масштабных предприятий и т.д.). Активное население Марьино трудится за пределами своего района просто потому, что в Марьино нет работы.

Так в описываемом районе складывается исключительно культура потребления, а разнообразие городской среды выражается в «градациях» этой культуры. Высокая культура транслируется через сетевые рестораны и магазины (ресторан «Тануки», магазин «Л'Этуаль», и др.). Культуру среднего уровня потребления представляют сетевые кафе быстрого питания, магазины среднего бизнеса, успевшие занять неплохие помещения, а невысокую культуру представляет мелкий бизнес, располагающийся в ларьках, помещениях худшего качества, виде палаток и продавцов, торгующих с рук. Также интересной особенностью, характеризующей культурный и социальный уровень населения района, оказывается значительное количество бань, саун и стриптиз-клубов. «Город» Марьино еще не успел усложниться, отчасти напоминает американские фронтиры XIX века – центры общественной жизни формируют салуны и стрип-клубы. Вероятно. Со временем их сменяют рестораны высокой кухни и опера, но пока это не произошло.

Подлинный исторический центр этого небольшого «города» – бывшая царская усадьба XVI века, расположенная на Измайловском острове. Однако остров отделен от ближайшего метро («Партизанской») Серебряно-Виноградным прудом, поэтому куда большей популярностью у гостей этого района пользуется псевдоисторический Кремль, построенный в середине 90-х на месте бывшего вернисажа. Открытой полемики между бывшей усадьбой и Кремлем нет, дело в том, что они представляют для района в частности и для Москвы в целом разную ценность.

Островной центр связан с именами Ивана Грозного, Алексея Михайловича Тишайшего, Николая II. Измайлово никогда не было обделено правительственным вниманием. Важно понимать логику трансформации этого пространства.

Дворцовое село Измайлово Грозный жертвует дворецкому Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву; в 16-м веке вотчина разоряется крымской ордой (что означает, что она представляла интерес), позже переходит наследнику прежнего владельца – Ивану Никитичу Романову, чашнику Бориса Годунова. В этот момент закладывается деревянная церковь Покрова Богородицы – предтеча современного краснокирпичного Покровского храма,

украшенного яркими изразцами. Никита Иванович держит на своем дворе «европейские органы, глобусы, часы, оружие, посуду, немецкие и посольские книги, восточные ткани, восточную и европейскую сбрую» и английский бот. Перечень имущества необычен, говорит об особом духе, вероятно, царившем в селе.

После смерти Никиты Ивановича земля получает статус загородной усадьбы царской семьи. Давая распоряжения об устройстве, новый владелец, царь Алексей Михайлович, учреждает хозяйственные заведения – «заводы». Среди них можно было найти государеву пашню, мельницы, стекольный и кирпичный заводы, винокуренный и льняной дворы, «Виноградный и Тутовый сады, Аптекарский и Просянский огороды, пруды для разведения рыбы, пчельники, птичник и скотный двор. Это масштабное строительство происходит в 70-е годы XVII века. Его результаты отражены в топографии района: перегороженная плотинами речка Серебрянка образует Серебряно-Виноградный пруд, и по сей день окружающий Измайловский остров

К этому же историческому периоду относится строительство в Измайловской слободе (чуть севернее острова) действующего Храма Рождества Христова, который не закрывался и в советское время; при нем имеется кладбище с захоронениями XVIII-XX вв.

Центральность и периферийность в культуре городской жизни Нижнего Новгорода

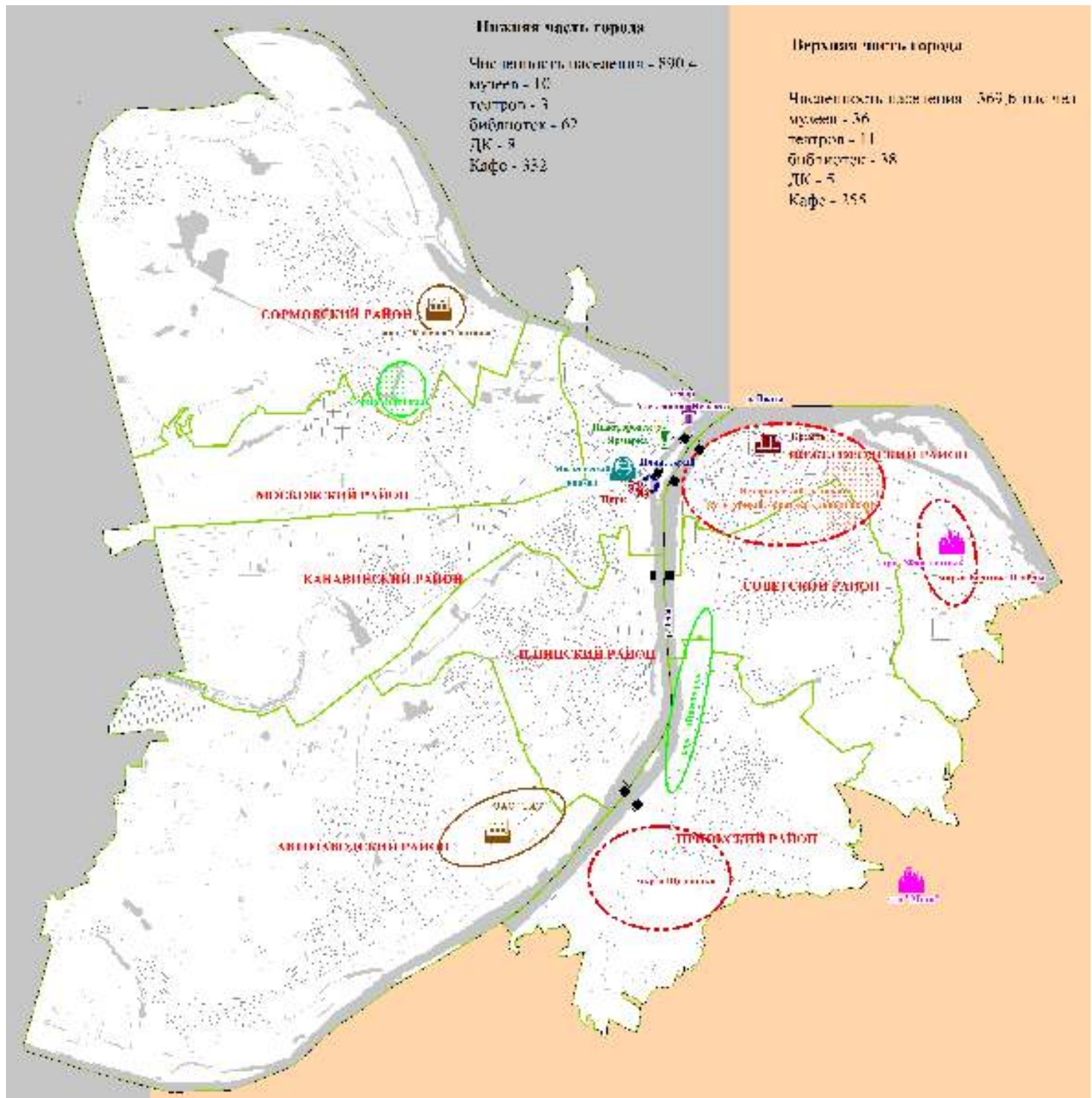
Розалия Тарновецкая

Взглянув на карту постсоветского пространства, можно увидеть не один город, представляющий собой продукт модернистских нововведений. Флагманскому городу – Москве – вторили и продолжают вторить другие отечественные города, прежде преуспевшие в собственном интерпретировании социалистической модели, сегодня держащие курс на постмодернизм. Для того, чтобы понять, как нестоличный российский город меняет свой образ жизни в связи с переменой эпох, вновь используя взятый нами за основу антропологический подход, мы зафиксировали современное состояние Нижнего Новгорода. В ходе анализа мы попытались понять, как работает и живет меняющийся город, какова природа его новых центральных мест и с какими трудностями он сталкивается.

Среда Нижнего Новгорода весьма неоднородна, так как город имеет полурadiaльную структуру, разделенную на две неравные части рекой Ока (см. карту). Фактически это два разных города, недостаточно связанных между собой: действует лишь система из 3-х автомобильных мостов и одного метро-моста с автомобильным движением сверху, которого явно не достаточно.

Верхняя (историческая) часть города расположена на правом холмистом берегу Оки. Ее центр имеет структуру средневекового города – с крепостью (Кремлем), плотной улично-дорожной сетью и плотной исторической застройкой. За пределами центра начинается пространство индустриального города, развивающегося по направлению трех основных, но мало связанных друг с другом магистралей, среди них – проспект Гагарина, улица Ванеева и улица Родионова, перерастающая в Казанское шоссе. Сильная пересеченность рельефа определяет основной признак городской ткани: ее можно охарактеризовать как рваную, потому что немало соседних микрорайонов изолировано друг от друга, из-за этого невозможно организовать удобную систему общественного транспорта. Движению по автомобильной дороге в верхней части Нижнего Новгорода, например, по улице Ванеева, сопутствуют то сельские,

Рис. 1
Городской
«хард» Нижнего
Новгорода



то городские пейзажи, так как множество садовых товариществ и прежних деревень продолжают жить своей жизнью на территории города. С урбанистической точки зрения это пространство обречено на неуспех: улицы плохо выполняют свою роль – чувствуется недостаток предложения различных услуг (магазины, кафе и т.д.), неэффективно работает общественный транспорт. Эти и другие детали указывают на то, что плотная комфортная городская среда здесь пока никак не может сформироваться. Она кристаллизуется лишь на пересечениях основных магистралей, причем в виде торговых центров, рынков, гипермаркетов.

Главным объектом постсоветской индустрии культуры в верхней части города оказывается Центральный Парк культуры и отдыха «Швейцария». Сегодня его наличие можно расценить как градостроительную ошибку: в силу своего местоположения и конфигурации он не функционирует, как полноценное общественное пространство. Парк представляет собой ленту зеленых насаждений вдоль холмистого берега Оки, который полностью отрезан от городской жизни магистралью (проспектом Гагарина). Житель города не может зайти туда мимоходом, возможно лишь намеренное посещение парка. Транзитного потока людей, например, подобного такому, как в Централ Парке Нью-Йорка, где городская зелень окружена плотной городской застройкой, в «Швейцарии» нет. Для того чтобы парк оживал, он должен генерировать какие-то активности и сам привлекать горожан. Это удастся ему благодаря работе малого бизнеса локализованного здесь в виде летних кафе, транслирующих не высокую культуру потребления, аттракционов для взрослых и детей, ларьков со сладостями, воздушными шарами и игрушками. Из уникальных объектов городского сервиса там есть зоопарк, колесо обозрения, пункт проката велосипедов и сноубордов. Качество благоустройства парка крайне низкое, нет качественных дорожек для велосипедистов и роллеров. Единственным «плюсом» парка оказывается прекрасный вид, открывающийся с откоса главной пешеходной дорожки. Действительно «живых» мест в парке только два – недалеко от остановок ул. Медицинская и ул. Сурикова, хотя протяженность парка составляет более 3-х км, и вдоль него расположено 6 остановок общественного транспорта. Самое интересное в этой ситуации, что для автомобилистов проезжающих мимо парка, он выглядит довольно приятно, а вечером на его фоне с дороги виден красивый закат.

Плотная городская среда в верхней части Нижнего Новгорода сохранилась лишь местами в исторической части города, граница которого проходит по рекам Ока и Волга, по улице Белинского. Здесь стоит отметить варварскую градостроительную политику последних 10 лет, которая была нацелена на очищение исторической части города от старой деревянной застройки. Помимо очевидного урона – потери исторического наследия, разрушение претерпевает складывавшаяся веками система улиц и переулков, вместо них начали прорубаться новые городские магистрали, пронизывающие центр города. Городская среда, организованная естественным образом, просто уничтожена. Со- масштабные горожанину объекты городской инфраструктуры

заменены укрупненными каналами для автомобилей, которые проходят по «омертвлённой» территории старого города (ул. Малая Ямская, часть улиц Горького и Ильинской). Свои прежние черты старый город пытается сохранить в виде двухэтажных жилых домов конца XIX начала XX века, которые спрятаны от магистралей за высоким забором. Эта изгородь одновременно выполняет две функции: защищает жителей домов от дорожного шума и в то же время уничтожает память об уютной жизни старого города в сознании проезжающих по этим дорогам людей. На высвобождающихся пространствах строят невысокого качества многоэтажные жилые дома, и огромные торговые центры, востребованность которых остается под вопросом. Плодами избранной политики оказывается не только смерть бывшей общественной городской жизни, но и отсутствие перспектив для ее будущего возрождения. Этот факт может повлиять на уровень безопасности в городе, связанный с ростом преступности на заброшенных территориях.

Городской «хард» вынуждает людей пересаживаться на личные автомобили, заполнять дороги до предела и создавать пробки. Сложившаяся система общественного транспорта работает крайне неэффективно. Автобусы ходят редко, многие маршруты проложены по основным магистралям, в результате складывается не городская, а сельская система передвижения, которая подразумевает, что горожанин пользуется лишь одной остановкой (приехал в определенный район, сделал там свои дела и оттуда же уехал). Такая система не способствует комплексному и устойчивому развитию территории, она, подобно магниту, стягивает все городские активности на остановки, не оставляя при этом возможностей и жизненных сил для развития остальной территории районов. Так, достаточно хорошо заметно, что верхняя часть города обладает наиболее высоким потенциалом для развития пространства. В исторической части города – на улицах Большая Покровская, Минина, Рождественская, Малая Покровская, на части Ильинской, на Верхневолжская набережной, набережной Федоровского – сконцентрирована настоящая активная городская жизнь. Она сопровождается хорошей архитектурой, дублированием различных городских сервисов (кафе, ресторанов, дорожных магазинов) и объектов культуры, она привлекательна с эстетической точки зрения, востребована туристами. Она же является деловым центром города, т.к. здесь расположено множество офисов с престижными рабочими местами, а также ВУЗы.

В противовес центру остальная часть правого берега Оки в Нижнем Новгороде неудобна, носит депрессивный характер, во-первых, потому, что нарушен прежний облик исторических улиц, во-вторых, вследствие «бесчеловечности» модернистской застройки, приятной для автомобилиста, но не для пешехода.

Из-за холмистого рельефа здесь часто дуют сильные ветра, поэтому большее количество дней в году на улице чисто физически находится некомфортно. Ветер и автомагистраль, подталкивают горожан к тому, чтобы скорее скрыться либо в личных автомобилях, либо в торговых центрах (эта схема хорошо читается в районе Щербинок и Верхних Печер). Поэтому вся концентрация общественной жизни происходит «капсулировано» в торговых центрах, а не на улице.

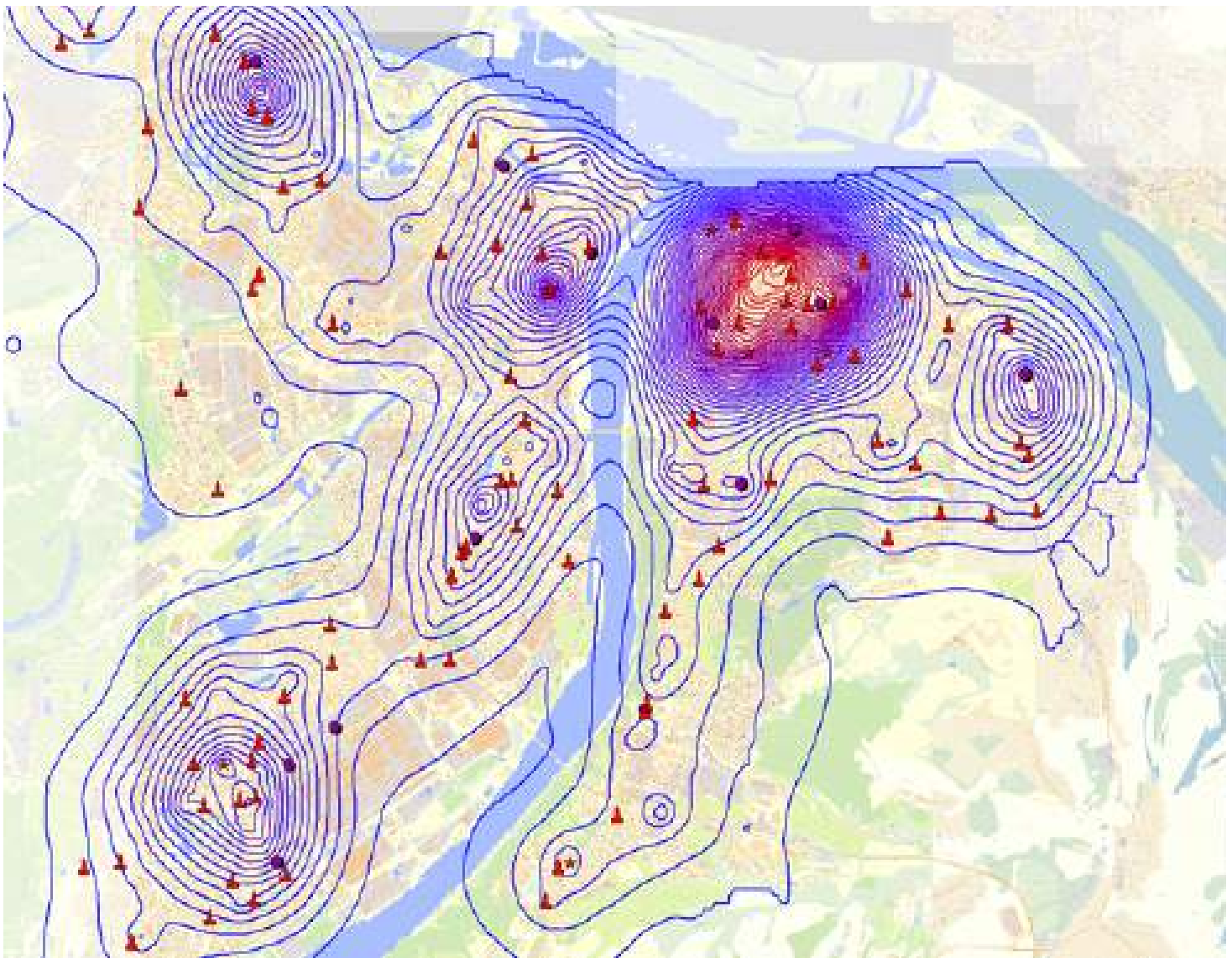
Пешеходный способ передвижения по городу становится самым неудобным способом из всех возможных. Эта положение дополняется плохим состоянием общественного транспорта: частные маршрутные такси марки ПАЗ низкого качества и муниципальные автобусы достаточно быстро изнашиваются. Поэтому все, у кого есть возможность, пытаются пересесть на личные автомобили. Нижняя часть города, представляет собой классический индустриальный промышленный город, точками роста которого были заводы и железнодорожный вокзал с вкраплениями массивов малоэтажной (часто деревянной) застройки начала XX в. Рельеф здесь плоский, улично-дорожная сеть местами плотная, но связность магистральями между районами невысокая. Архитектурные изыски здесь встречаются исключительно в застройке сталинского периода (микрорайон «Соцгород», ул. Коминтерна (Сормово), ДК им. Ленина, Здание Детской железной дороги, Автозаводский ЗАГС и др.). Как таковых улиц, полных городской жизнью и комфортных для пешеходов прогулок, здесь мало, в основном гибриды улиц и магистралей. Пешеходных улиц нет вовсе. Вся эта «нижняя» часть города является периферией. Внутри районов городская ткань достаточно плотная (район Автозавода, Сормово, Ленинский район), но есть и «оторвавшиеся» из-за наличия магистралей и железных дорог районы (Бурнаковка, Сортировка, Московский район).

В этой части города проживает основная часть населения, около 900 тысяч человек. На этой территории находится около 3-ти театров, при этом известен на весь город всего один – детский театр «Вера». Они не пользуются спросом. Подобная ситуация складывается с музейной инфраструктурой: их всего десять, и самый известный из них посвящен паровозам. Объекты высокой культуры здесь живут плохо.

Рис. 2
Распределение
первой главной
компоненты
на территории
Нижнего
Новгорода

Располагающееся здесь метро представляет собой одну ветку, состоящую из 13-ти станций, которые в силу невысокого пассажиропотока не играют такой роли в городской жизни, как станции московского метрополитена. Общественная городская жизнь концентрируется в основном в торговых центрах и парках. В этой части города находится самый востребованный Сормовский парк. Залог его успеха заключается в наличии внутренних водоемов, различных по своему характеру рекреационных зон, зоопарка, спортивного комплекса, сложной структуры организации потоков, сохранившихся исторических построек, разнообразием видов зеленых насаждений, и безусловно, в окружающих спальных районах-поставщиках спроса на это пространство.

Если сравнивать верхнюю и нижнюю части города с позиции обеспеченности транспортом и услугами первой необходимости, то можно однозначно сказать, что гораздо удобнее жить в нижней. Однако важным негативным условием жизни там является экологическая обстановка и низкое качество визуального облика улиц, что в свою очередь не способствует переезду туда активных и успешных людей.



Также интересной особенностью городского «харда» г. Нижнего Новгорода, заключается в том, что 2 крупнейших торговых центра с высокой культурой потребления (ТЦ Мега, ТЦ Фантастика) расположены в верхней части города. В нижней объектов подобного размера и качества предоставляемых услуг нет.

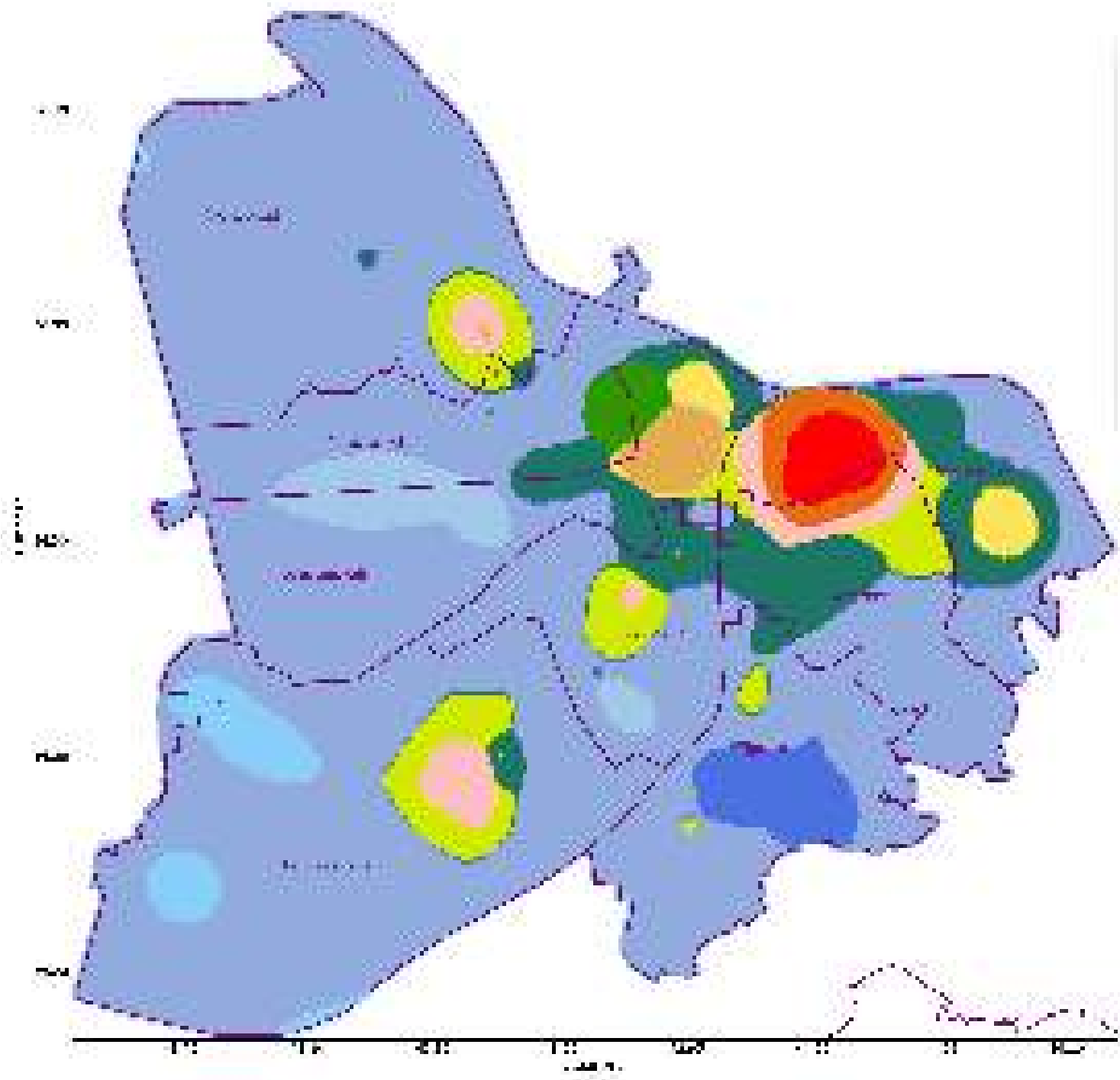
Территория Нижнего Новгорода так же, как и территория Москвы, была исследована с помощью метода интегрального анализа социально-урбанистических данных. В результате были получены изображения первой главной компоненты и результаты кластеризации территории. Согласно изображению распределения первой главной компоненты, кроме исторического центра города, выделяются несколько субцентров. Среди них – центры Автозаводского, Сормоского районов, территория вокруг Московского вокзала и микрорайон Верхние Печеры. Потенциально развивающимся субцентром становится центральная часть Ленинского района. Официальный центр города в силу своего «харда» и «софта» – это постиндустриальный город, к нему плотно привязана территория вокруг Московского вокзала, в которой происходит трансформация от индустриального к постиндустриальному. Это связано с сохранившейся здесь системой исторической застройки деревни Кунавино, и совмещением множества функций в одном месте (престижные рабочие места, железнодорожные ворота города, цирк, планетарий, нижегородская ярмарка-главное выставочное пространство города, храм Александра Невского, порт, центральный рынок и универмаг). Важным моментом является наличие ветки метрополитена между станциями Горьковская и Московская, которая связывает центр города и Московский вокзал. В целом это пространство успешно работает как единая городская система.

Рис. 3
Кластеризация территории Нижнего Новгорода



Формирование центральных функций на территории Верхних Печер, связано с мощными темпами престижной застройки этого района последних лет, наличием здесь множества торговых центров транслирующих высокую культуру потребления, также здесь располагаются учебные корпуса нескольких ВУЗов, комплекс зданий областной больницы, офисы IT-компаний. В целом этот район представляет собой современный фордисткий центр. Возникающий здесь «хард» имеет масштабы нечеловеческих размеров – деревьев на улице крайне мало, городской среды как таковой нет, есть лишь объекты, генерирующие большой поток умных и обеспеченных людей. Передвигаться по этому району удобно исключительно на автомобиле, так как центральная улица Родионова – это в первую очередь автомобильная магистраль.

Абсолютно другая ситуация сложилась в центрах городской жизни в районах Автозавода и Сормово. Здесь продолжают развиваться спланированные когда-то центры промышленных территорий. Масштабы объектов формируют довольно комфортную среду, средняя этажность местной сталинской застройки здесь в основном составляет – 5 этажей. Эти «протоцентры» с одной



стороны граничат с заводами, для обслуживания которых строились эти районы, с другой – они окружены широким поясом спальных районов. Сюда стекаются все потоки, первые этажи зданий сдаются под общественные заведения. Здесь же представлен весь спектр объектов советской инфраструктуры культуры (Дом культуры, Универмаг, Кинотеатр, Парк Культуры и Отдыха).

По большому счету оба эти района – это самостоятельные города советской цивилизации. Многие люди, проживающие в них, практически не бывают в центре города, так как все свои потребности, связанные с городской жизнью, могут удовлетворить в своем районе. Однако культурный уровень среднего жителя Автозавода или Сормово, принципиально различается с уровнем жителя Верхней части города. Из-за этого в описываемых районах сформировалась социальная группа активных молодых людей, которые «живут» в историческом центре города, а в «домашних» районах спят.

В целом пространственная структура Нижнего Новгорода очень рыхлая, город не плотный, каркас города развит плохо, недостаточно дорог, дублирующих основные магистрали, городская ткань в основном состоит из застройки микрорайонного типа средней этажности. Квартальная застройка встречается редко, в основном в районе центра Автозаводского района, местами в районе Сормово, и редко вокруг исторической части города.

В силу этих обстоятельств говорить о целостности городской среды достаточно трудно. В городе очень много воды (реки Ока и Волга), но в городскую жизнь они включены исключительно в центральной части города, в остальных же частях жизнь районов организована таким образом, что реки оказываются на втором плане, а ведь вода это важный элемент городской жизни.

Периферия Нижнего Новгорода так же, как и в Москве занимает значительную часть города, во многом она продолжает жить в индустриальном режиме. Промышленные территории и сегодня являются основными источниками доходов как для бюджетов граждан, так и администраций. Среди жителей этих периферийных пространств сохраняется прежний образ жизни и мировоззрение. Можно уловить следующие закономерности и настроения: люди ходят работать на заводы, много смотрят телевизор, редко выезжают из своих районов, из города, привыкли думать, что ничего не могут изменить в своем образе жизни. Есть и зачатки постиндустриального режима жизни в городе – он в основном реализуется в центральной части исторического города, эта территория насыщена событиями и мероприятиями, здесь друг на друга накладываются различные связи, концентрируются различные виды городской активности, появляются первые маленькие кафе, открытые молодыми людьми, в которых они же сами и работают. Но основной поведенческий паттерн активной и образованной части молодых людей связан со сменой места жительства. Переезжают в Москву, Санкт-Петербург, Казань – туда, где гораздо больше возможностей для самореализации, не на последнем месте стоит реализация потребности в комфортной и обустроенной городской среде. В конкуренции между городами за креативных людей и за «мозги» Нижний Новгород явно проигрывает своим ближайшим конкурентам. Не зря в 2012 году ООН признала Нижний Новгород «самым вымирающим» городом России¹.

¹ The State of the World's Cities 2012/2013. Prosperity of Cities, UN-HABITAT, 2012.

Пространственная структура Нижнего Новгорода очень рыхлая, город не плотный, каркас города развит плохо, недостаточно дорог, дублирующих основные магистрали, городская ткань в основном состоит из застройки микрорайонного типа средней этажности

Те люди, которые могли бы нести более высокую культуру жизни, эффективно работать и приносить новые технологии в город уезжают отсюда. Да и что говорить сам автор этого текста, недавно переехала в Москву из Нижнего Новгорода, из-за отсутствия перспектив самореализации в этом городе, то есть многим целеустремленным людям городу нечего предложить.

Если попытаться вписать Нижний Новгород в контекст мировой культурной жизни, то можно констатировать, что она отсутствует. В городе не гастролируют звезды мировой величины – такие как Элтон Джон, Стинг, Мадонна, Цирк Дюссолей, хотя в соседнюю Казань, численность населения которой меньше Нижнего Новгорода, они приезжают, наряду с Санкт-Петербургом и Москвой. Кстати, в городе до сих пор нет аквапарка, поэтому многие Нижегородцы ездят в Казань и Москву для удовлетворения таких потребностей. Во всех отношениях Нижний Новгород проигрывает Казани в качестве жизни, и это связано не только с неудачно сложившимся городским «хардом» города, но и с отсутствием профессионального менеджмента, кадров, понимающих, как на самом деле функционирует и живет город, и что ему нужно.

Берлин. Город-эксцентрик

Михаэль Шиндхельм

Берлин не мегаполис, каковым, например, является Москва. И не глобальная столица, в отличие от Лондона или Нью-Йорка, в которых жизнь бьет ключом. Шедевров архитектуры, подобных тем, что украшают Париж и Рим, в нем тоже нет. Его географическое положение и климат не дают никаких особых преимуществ и не сравнимы с тем, чем может похвастать Барселона. Несмотря на это, последние десять лет город испытал головокружительный подъем, вошел в число самых популярных у туристов городов Европы, а значит, и мира. Его жители известны своей раздражительностью по любому поводу, но вот о собственном городе отзываются в целом положительно.

Берлин — столица самого экономически сильного государства в Европе, но, несмотря на это, экономисты уже много десятилетий не выказывают к нему совершенно никакого интереса. Примерно десять лет назад, когда позитивные тенденции только начали проявляться, мэр города Клаус Воверайт охарактеризовал его так: «Берлин бедный, зато сексуальный».

Четыре качества

Где ключ к пониманию успеха Берлина? По всей видимости, Берлин обладает некими качествами, которые присущи только небольшому числу традиционных центров притяжения.

- 1 Уравнительная политика берлинского общества основана на том, что им, в отличие от общества во многих других городах как в Германии, так и за ее пределами, не управляют изолированные или давно закрепившиеся элиты. Единственным признанным статусным символом в этом городе является то, насколько ты cool — «классный». Но «классным» ты можешь считаться только если говоришь и ведешь себя дружелюбно по отношению к окружающим, приветствуешь общинность и объединение в сообщества, считаешь, что общество не должно никого изолировать.
- 2 Берлин общителен. Он разговаривает, спорит и флиртует — как сам с собой, так и со своими гостями. Его развитые сети и способы передачи информации позволяют каждому человеку, вне зависимости от того, владеет



ли он немецким, найти себе применение и реализовать свой потенциал за какой-то разумный промежуток времени. Сегодня большая часть коммуникации неформальна, непостоянна и уже никак не налаживается и даже не контролируется государством. Помимо культуры использования iPhone'ов и раздачи листовок, значительную роль здесь играют граффити.

- 3 Берлин представляет собой ироничную альтернативу буржуазному гедонизму, особенно в те моменты, когда он пытается быть роскошным и пленительным. Экомагазинчик предпочитают дорогой кулинарии, авангардный бутик — бутику Prada, велосипед — Mini Cooper'у.
- 4 Самое главное, Берлин — эксцентрик. Жители этого города не любят заимствовать тенденции и веяния, выбирая собственный путь. Поиск местного жителя, гордого тем, что он живет в столице, — задача, заранее обреченная на провал. Человек, родившийся и выросший в Берлине, — не берлинец, а житель своего района. Если вы въезжаете в город по автостраде с юга, указатели предложат вам выбрать, хотите ли вы в «центр запада» или в «центр востока». Таким образом, центр Берлина лежит либо на западе, либо на востоке, но не посередине, как в других городах.

Как в Интернете

По своей структуре городское пространство Берлина напоминает Интернет. В Интернете все равны, общительны, эксцентричны и критично настроены по отношению к потреблению. Политическая и культурная шкала ценностей определяется глобальными вопросами и отношением к ним. И Берлин притягателен в первую очередь для людей в возрасте от 20 до 40 лет, потому что олицетворяет собой их стиль жизни. Отрицание консюмеризма, скептицизм по отношению к традиционным инстанциям и устоявшимся авторитетам, солидарность и терпимость — это основные принципы жизни в городе. Берлин представляет собой физическое воплощение этого виртуального образа.

Неудивительно, что город, переживший несколько режимов государственного подавления, сегодня стремится утвердить принципы политической прозрачности и социального равенства. Чем крепче Берлин усваивает эти ценности, тем надежнее он удаляется от качеств, которые были ему присущи в прошлом. А значит, за то уважение и любовь, которыми город пользуется сегодня, он должен в первую очередь благодарить свою способность перерождаться. Он все менее «прусский», менее «западногерманский», менее «социалистический» и, да, даже менее немецкий, чем когда бы то ни было. И гостям, и жителям города использовать его также легко, как перелистывать страницы хорошо продуманного интернет-портала.

Интернет не делает различий между центром и периферией. С каждым

Жители Берлина известны своей раздражительностью по любому поводу, но вот о своем городе отзываются в целом положительно

днем это все больше относится и к Берлину тоже. Как невозможно определить единственный и настоящий центр Берлина, так нельзя найти и его подлинную периферию. Берлин стал сетью, где местные жители и гости, прошлое и настоящее — все участники процесса на равных. Отказавшись драматизировать свое прошлое или придавать себе космополитический шарм и пестуя сегодняшний zeitgeist как дух равенства, Берлин успешно бросил вызов традиционному образу европейского города и изменил его.

Если вы въезжаете в город по автостраде с юга, указатели предложат вам выбрать, хотите ли вы в «центр запада» или в «центр востока». Таким образом, центр Берлина лежит либо на западе, либо на востоке, но не посередине, как в других городах

Метагорода в стране Москва

Григорий Ревзин
Розалия Тарновецкая
Маргарита Чубукова

Главным в образовании протоцентров, на изучении которых было сфокусировано исследование, оказываются характеристики «путей», пролегающих через городскую ткань. Градостроительно ситуации районов Сокола и Академической — Черемушек оказываются практически тождественными: центр образуется на месте слияния двух крупных городских магистралей, Волоколамского и Ленинградского шоссе в случае Сокола и Ленинского проспекта с Профсоюзной улицей в случае «Академической». Ситуация протоцентра в районе «Черкизовской» иная: здесь он образуется на одной трассе, Большой Черкизовской улице, переходящей в Щелковское шоссе. Однако следует учесть, что эта дорога — единственная, которая идет через длинный клин города, зажатый между двумя лесопарковыми массивами — Лосиным Островом и Измайловским парком. Наконец, если говорить о Марьино, то здесь протоцентр возникает на пересечении двух сравнительно неразвитых магистралей: улиц Верхние Поля и Люблинской, однако добавляется и новый фактор — излучина Москва-реки, четко обрамляющая район.

Сама по себе картина возникновения протоцентров в таких ситуациях не может не вызывать изумления. Дело в том, что она полностью соответствует логике формирования городов в неурбанизированной местности. Город, контролирующий Y-образное разветвление дорог, город, контролирующий единственную дорогу, проходящую через ущелье, город, возникающий в излучине реки, — в истории формирования городов это настолько классические ситуации, что бессмысленно даже приводить примеры и проводить аналогии. Так возникают, собственно, все города во все времена. Изумление же вызывает то, что это происходит вовсе не в ущелье Тичино в Альпах, которое контролировала Беллинцона, не на развилке дорог из Франции на Милан и Геную, которую контролировал Турин, и не в излучине Сены рядом с большой дорогой в Нормандию, где выросли Узель и Турвиль-ля-Ривьер, а внутри городской же территории.

Из этого следует достаточно парадоксальный вывод: Москва ведет себя не как город, а как страна, внутри которой образуются города. Однако этот вывод выглядит странным только на первый взгляд. Он достаточно хорошо согласуется и с представлением об экономике Москвы, сравнимой, собственно, с экономикой целой страны, причем экономике

плантационного типа (см. экономический раздел), и с тем, что Москва — это город с гигантским населением, и с тем, что это население не слишком активно перемещается, а в основном совершает броуновское движение внутри своих районов. Это позволяет нам лучше понять природу рассматриваемых протоцентров. Они не являются центрами города в традиционном понимании — было бы абсурдным считать Марьино центром Капотни и Братеево, а Черкизово — центром Гольяново, Измайлово и Богородского, это совершенно не так. Их природа принципиально иная. Это не центры города, но своего рода отдельные города в урбанизированной земле Москва.

Такой вывод хорошо согласуется с картиной, которую мы описали во вступлении. Напомним, что периферия Москвы в рамках социалистического проекта представляла собой равнонапряженную сетку равных возможностей для любой точки территории. Мы исходили из того, что это искусственно созданная жизненная среда, которую, однако же, люди начинают обживать естественным образом в соответствии с теми кодами, которые диктует им культура в антропологическом смысле термина. Теперь мы можем ответить на вопрос о том, как именно они ее обживают. Они создают в ней города второго уровня, метагорода в урбанизированной среде¹, и именно этими метагородами и являются выявленные нами протоцентры.

Это принципиально новые объекты в рамках урбанистической культуры. Они выявлены нами в рамках эмпирического исследования московской периферии и, насколько нам известно, еще не были описаны в урбанистической литературе; вероятно, их исследование и описание было бы полезно продолжать дальше. Здесь нам хотелось бы отметить некоторые их черты, которые уже ясны. Из-за того, что они возникают в урбанизированной среде, для них оказываются нерелевантными факторы первичной урбанизации, т.е. городские сети. Разумеется, они не могут существовать без канализации, водопровода, электричества, но наличие всех этих систем является для них свойством местности как таковой, таким же как для сельской местности является геология, водная система, климат, растительный и животный мир. Иначе говоря, все эти системы вообще никак не влияют на их образование.

Важно понимать, что именно относится к первичным сетевым свойствам урбанизированной территории, а что является исключительным фактором. По-видимому, общим свойством территории является наличие метрополитена. Иначе трудно объяснить, почему само по себе наличие станций метро не ведет к образованию этих метагородов. Во всех рассмотренных случаях метро, разумеется, есть, и как минимум две станции, однако объяснить, почему в других районах, также обеспеченных метрополитеном, таких центров не образуется, невозможно. Тогда получается, что наличие метро — это просто общее свойство Москвы. То, что в Москве можно ездить на метро, — такое же распространенное явление, как то, что в Москве можно попасть под дождь. А вот наличие больших магистралей — явление гораздо более исключительное, и оно гораздо больше влияет на образование подобных протоцентров. Это, впрочем, хорошо согласуется с тем фактом, что более 80% москвичей передвигаются с помощью метрополитена, то есть передвижение на автомобиле является сравнительно уникальным благом.

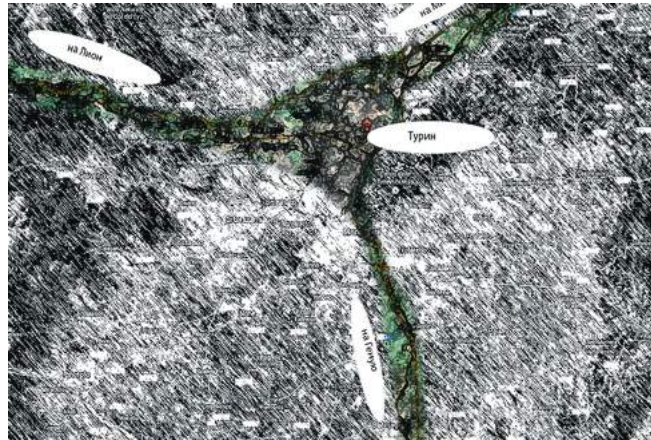
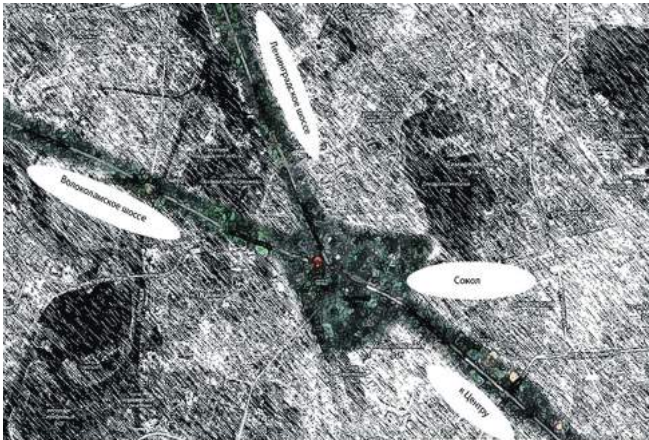
¹ Под метагородом обычно понимаются агломерации с населением больше 20 млн человек, возникающие под влиянием мегаполиса. Метагородами сегодня называют Большой Лондон, Большой Токио, Большой Нью-Йорк (см. http://www.unhabitat.org/documents/media_centre/sowcr2006/SOWCR%202.pdf). Однако мы не проводим аналогии и имеем в виду нечто принципиально иное — возникновение малых городов второго уровня на базе урбанизированной среды.

Вероятно, следует с некоторым разочарованием признать, что к таким же общим, не влияющим на процесс метаградообразования свойствам урбанизированной территории относится и архитектура. Ни один из выявленных нами метагородов не представляет собой с точки зрения архитектуры что-либо интересное, они никак не реагируют на наличие или отсутствие значимых памятников либо произведений современной архитектуры. Конечно, можно объявить причиной возникновения центра в Черкизово строительство местного диснейленда — Измайловского кремля — рядом с памятником брежневского модернизма — гостиничным комплексом «Измайлово»; заявить, что на Соколе самым главным фактором градообразования оказалось наличие уникального здания Гидропроекта Григория Яковлева; считать гений Леонида Павлова в здании ИНИОН главной причиной возникновения центра в районе «Академической». Но, что делать с Марьино, вообще сказать невозможно: на весь этот район нет ни одного интересного произведения архитектуры, весь он представляет собой апофеоз развитого панельного домостроения. Центром района является большое круглое пустое место, называемое парком имени Артема Боровика, что само по себе достаточно говорит о влиянии архитектуры на образование метагородов. Но и в других случаях все перечисленные архитектурные события никак не являются исключительными, и более значимые памятники и качественные произведения архитектуры не стали катализаторами градообразования.

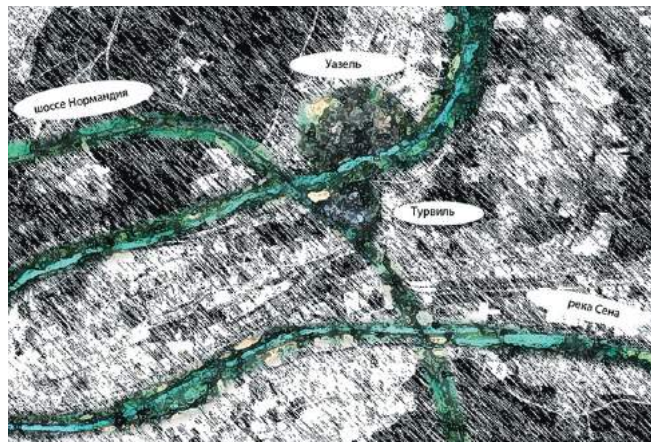
С известной долей осторожности позволим себе предположить, что именно с этим связаны расхождения между выявленными нами метагородами и теми городскими центрами, которые предполагались генеральным планом 1971 года и последующими попытками создать центры спальных районов в Москве. Архитекторы справедливо диагностировали возможность появления зон повышенной активности на периферии, но попытались отреагировать на них традиционным способом — путем создания значимых сооружений, выделяющихся среди окружающей застройки масштабом, композицией и прежде всего пустотой, которая должна была сигнализировать об особой торжественности места. В каком-то смысле это являлось модернистской рационализацией традиционного опыта создания городского центра — большой площади торгового или административного назначения и зданий дворцового типа на ней. В определенной степени эта же тенденция продолжается и сегодня, только вместо дворцов культуры, советов, науки стали строить дворцы торговли (большие торговые центры). Однако природа метагородов такова, что, по-видимому, эти зияющие пустоты и высоты скорее отпугивают их, чем заставляют концентрироваться вокруг себя.

Метагорода крайне чувствительны к появлению урбанистических структур, соответствующих масштабу социальной жизни: квартальной застройке, красным линиям, первым этажам, способным вместить в себя торговлю, услуги или малые офисы. В трех случаях из четырех рассмотренных такими структурами оказывались вкрапления в модернистскую застройку архитектуры сталинского времени, причем надо учитывать, что для сталинской Москвы эти районы были дальней периферией, поэтому архитектура, возникавшая здесь, была не имперского, а более камерного масштаба. В Марьино подобную среду попытались

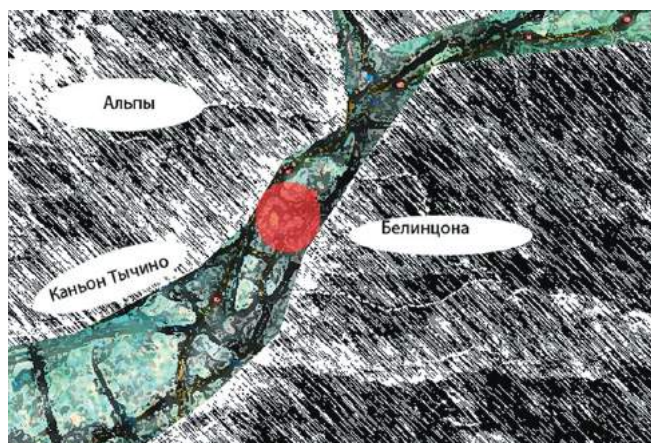
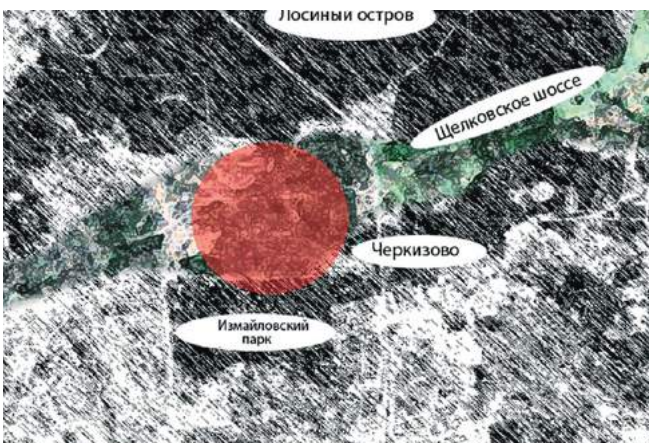
Сравнение протоцентра Сокол и города Турин



Сравнение протоцентра Марьино и города Узель



Сравнение протоцентра Черкизово и города Беллинцона



создать заново, выстроив около метро линии двухэтажной застройки с торгово-потребительской функцией. Архитектурно эти сооружения откровенно чужеродны району и вообще находятся за границами профессионального качества, однако же необыкновенно востребованы жителями, и учреждения, расположенные в них, процветают.

С еще большим разочарованием следует признать и то, что культурные учреждения сами по себе тоже не являются фактором образования метагородов. Не совсем понятно, могли бы они образоваться без существования в урбанизированной стране Москва сети библиотек, музеев, театров и домов культуры, однако же мы видим, что их наличие или отсутствие скорее не влияет на появление метагородов. Культура в смысле массовых культурных институций оказывается опять же свойством сетевым, а не исключительным и никак не оценивается как преимущество. Те сравнительно заметные культурные учреждения, которые появляются в составе территории метагородов (ДК МАИ на территории Сокола, ДК «Меридиан» в районе «Академической»), не являются исключительными по качеству в Москве, а становятся в ряд других подобных учреждений, вокруг которых, однако, никаких метагородов не возникло.

Собственно, главное, что характеризует эти метагорода, — это большая по сравнению с соседними территориями активность городской жизни, наложение различных функций, более активные процессы обмена между горожанами. В принципе, это хорошо согласуется с идеей о том, что главными событиями постиндустриального города оказываются социумы, а не архитектурные сооружения, памятники, культурные учреждения и другие артефакты. В то же время очевидно, что та большая плотность социальной жизни, которая возникает в рассмотренных случаях, не находит себе имени и выражения. Мы не можем сказать сегодня, чем марьицы отличаются от измайловцев и соколян; концентрации активности социума возникают там достаточно случайно и имеют разный генезис. Так, Марьино, возможно, превратилось в метагород постольку, поскольку это один из самых поздних по времени возникновения московских районов, половина застройки там возникла уже в 1990-е годы, квартиры там в основном покупались, а не приватизировались, и поэтому само собой образовалось состоятельное (по сравнению с соседней Капотней) население. И Сокол, и Академическая — это, возможно, остатки высокотехнологической брежневской Москвы, московских институтов военно-промышленного комплекса и Академии наук, которые создавали вокруг себя зоны сравнительно привилегированного населения, сумевшего так или иначе воспроизвести себя в новых условиях. Объяснить возникновение метагорода на «Черкизовской» сегодня довольно трудно; в качестве гипотезы можно сказать, что это убывающий метагород, след функционировавшего здесь в течение десятилетия Черкизовского рынка. Та концентрация функций, которая возникла здесь, вероятно, была рассчитана не на местных жителей, но на большой поток извне. Возможно, этот метагород со временем рассосется, а остальные в процессе развития получат большую определенность профиля, и мы сможем брендить «Академическую» и Сокол как метагорода креативного класса (студенты, ученые, инженеры), а Марьино как метагород преуспевающих офисных работников, сумевших купить себе жилье в постсоветской Москве. Пока, однако, для этого есть лишь предпосылки, никак не реализованные.

С достаточной степенью определенности мы можем сказать, что все эти метагорода сегодня никак не связаны с наличием мест приложения труда для их жителей. Процветающее Марьино вообще район, практически не имеющий никаких предприятий, институтов или офисов; три других метагорода наращивают очень небольшое количества рабочих мест в своих границах. С экономической точки зрения перед нами города потребителей. Именно потребление, а не производство их центрирует и создает новое качество сложности городской жизни. Если к этому добавить устойчивость пребывания населения там (по данным, которые получены в рамках социологической части этого проекта и сбора данных в реальном времени, до 2/3 населения не выезжает из этих районов), то мы получаем картину каких-то удивительных рантье, которые массово расселились в этих местах, активно потребляют все возможные блага и, не совсем понятно, за счет каких источников живут.

Можно попытаться соотнести эту ситуацию с экономической картиной существования Москвы, созданной в рамках настоящего исследования Алексеем Новиковым, то есть с идеей о том, что Москва сегодня — это экономика плантационного типа, сбывающая на внешний рынок продукты девелопмента. Тогда невольно приходит мысль о том, что описанные метагорода — это поселения плантаторов, получающих через сложные цепочки перераспределения средства от выращивания квадратных метров на соседних территориях и их продажи людям, получающих средства от продажи нефти и газа. Это ставит вопрос о том, насколько описанные метагорода в Москве похожи на метагорода на периферии других мировых мегаполисов. Хотя, на наш взгляд, сам по себе открытый нами принцип спонтанного центрообразования через концентрацию функций по модели метагородов может быть универсальным для постиндустриальных мегаполисов, специфика сегодняшней российской экономической ситуации слишком сильно проявляется в них, чтобы заявить об этом иначе, чем в виде гипотезы.

Куратор
Алексей Левинсон

Рабочая группа
Светлана Королева
Ася Сатурян

Организации
Левада-Центр

Искренняя благодарность за организацию и проведение общероссийского опроса и восьми фокус-групп Валентине Архангельской, Людмиле Марфиной, Анне Науменко и Рене Иванян

Спасибо проектному офису исследования: Таисии Осиповой, оказывавшей нам постоянную помощь в работе, а также Марии Славновой, выполнявшей сложные менеджерские функции, Александру Острогорскому, редактировавшему текст статьи, Сергею Калинин и Константину Лукьянову за визуализацию данных.

Благодарим всех сотрудников офиса, зримое присутствие и незримая помощь которых создавали прекрасную атмосферу наших встреч.

Отдельная благодарность всем кураторам, а также Ю. Григоряну и В. Аузану за создание особого творческого климата, давшего возможность в короткие сроки получить интеллектуальный продукт, который мы решаемся вынести на высокий суд международной общественности.

S P A C E D

ОБЩЕСТВО

Текущее и недвижимое на окраинах Москвы
Об исходных материалах
Настроения
Самоописание жителей
Гости — кто они?
Мой дом, мой район
Культпоход
Перемещения по городу
Восприятие района
Кто проживает в районе
Разные периферии
Заключение: город и поток

**Текущее и недвижимое
в московской периферии**

Алексей Левинсон

Об исходных материалах

Эта глава исследования построена на материалах массового опроса москвичей, проживающих и находящихся в зоне, обозначенной в проекте как «периферия Москвы», а также на фокус-группах с жителями четырех районов этого пояса. Предметом опроса и фокус-групп стал район. Люди, которые ответили, что они живут в данном районе, далее в тексте называются «жители района» — таких набралось 700 человек. Те из них, кто, по их словам, родились в Москве, называются «урожденные москвичи», иногда «коренные москвичи». Те, кто родились не в Москве, но проживают в ней и в данном районе, называются описательно или как «приехавшие жители района». Те, кто ответили на вопрос в том смысле, что они не являются жителями данного района и находятся в нем временно, в тексте именуется «гости» — их в опросе поучаствовало 300 человек. Те из них, кто постоянно проживают в Москве в другом ее районе, называются в тексте «гости-москвичи». Те, кто приехал из других субъектов РФ или из других стран, именуется «приезжие». Для анализа были выделены четыре половозрастные группы: мужчины и женщины, до 40 лет и старше 40 лет, они иногда именуется как более молодые и более пожилые. По признакам располагаемого дохода респонденты были разделены на категории имеющих менее высокий доход и более высокий — первые названы менее зажиточными, вторые — более зажиточными. Анализ в основном построен на ответах москвичей, жителей тех районов, где проводился опрос (700 опрошенных). Данные из опроса 300 «гостей» имеют меньшую надежность и привлекаются в отдельных случаях для сравнения. Также в некоторых случаях привлекаются свидетельства участников 8 фокус-групп, проведенных с жителями четырех районов московской «периферии».

В разделах главы приводятся в табличной форме распределения полученных ответов в процентах от общего числа опрошенных (соответственно 700 или 300 человек). Это средние данные по соответствующим массивам. Представляют интерес и ответы респондентов из оговоренных выше категорий (мужчины и женщины до 40 и после 40 лет, коренные и некоренные москвичи и др.) По ходу анализа внутри разделов предлагаются короткие выводы и заключения. Они выделены полужирным шрифтом.

Настроения

Начнем описание с характеристики настроений. У всех категорий опрошенных преобладает хорошее настроение. Среди жителей района особенно часто преобладает хорошее настроение (прекрасное — у 24% зажиточных, «нормальное» у 60% молодых мужчин). Настроения приезжих (не-москвичей) несколько менее лучезарное (табл. 1).

В ходе опросов на территории «периферии» 4–11 октября среди жителей соответствующих районов — урожденных москвичей такие настроения отмечали 80%, а среди жителей районов, родившихся вне Москвы, 72%. Среди гостей, считающих себя москвичами, позитивные настроения находили у себя 76%, среди собственно приезжих — 68%. Для сравнения можно сказать, что среди москвичей, опрошенных 12–17 октября в ходе другого исследования Левада-центра, позитивный настрой отметили 69%. (Не исключено, что на их настроения негативно повлияли происходившие незадолго до опроса погромы в одном из московских районов — в Бирюлево. Наши фокус-группы отразили обеспокоенность москвичей в этой связи).

Настроение плохое (напряжение, раздражение, страх, тоска) испытывают женщины чаще, чем мужчины. Более всего им охвачены женщины до 40 лет из числа гостей (34%). В этой же категории но среди жителей района таких 28%. Среди старших женщин — жительниц района с таким настроением 23%, среди старших женщин гостей — больше, а именно 27%. Мужчины в целом настроены более оптимистично. Сохраняется закономерность, что более молодые чаще испытывают негативные переживания, нежели более пожилые. Мужчины до 40 среди жителей района в 12 случаях из 100 испытывают описываемые отрицательные переживания, а мужчины старше 40 — в 10 случаях. Среди более молодых мужчин из числа гостей жалуются на депрессию 20 человек из 100, а среди старших — вдвое реже. Среди жителей района уроженцы Москвы меньше жалуются, чем некогда приехавшие из других мест (17% против 25%). Среди гостей района москвичи жалуются реже собственно приезжих: (20% к 28%). Наконец, видна явная связь настроений и материального положения людей. Среди жителей района менее зажиточные жалуются чаще (23%), более зажиточные — реже (15%). Среди гостей различия еще резче (32%: 16%)

Таким образом, можно заключить, что максимум социального оптимизма сосредоточен в мужской части урожденных москвичей, постоянных жителей района, имеющих уровень жизни выше среднего, а минимум — среди женской части более бедных приезжих.

Самоописание жителей

Наиболее значительная категория жителей (более четверти от их общего числа) трудится в качестве специалистов (со специальным образованием). Среди мужчин старше 40 их доля достигает почти 45%. Чуть менее четверти всего населения составляют пенсионеры. Но среди молодых женщин их более 47%. Служащие без специального образования — это одна пятая населения. Рабочие — одна десятая, при этом женщин до 40 лет на рабочих должностях — 22%. Управленцы в целом составляют менее 6% взрослого населения, но среди женщин до 40 лет их доля — почти 10%. Среди этих женщин управленцев вдвое больше, чем предпринимателей. А среди мужчин того же возраста бюрократов и буржуа поровну — по 7%. (Примечательно, что вообще все предприниматели этого пояса Москвы — моложе 40 лет).

Наш опрос не мог захватить крупных предпринимателей, как и крупных начальников (они редко ходят по улицам). Но если говорить о мелких и средних чиновниках и бизнесменах, то в московском населении в целом бюрократов в два раза больше, чем капиталистов. Что касается доходности среднего и мелкого бизнеса по сравнению с доходностью средних и мелких руководящих должностей, то обратим внимание

ТАБЛИЦА 1 ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

	ЖИТЕЛИ РАЙОНА	«ГОСТИ» НЕМОСКВИЧИ
ПРЕКРАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ	20	21
НОРМАЛЬНОЕ, РОВНОЕ СОСТОЯНИЕ	57	47
ИСПЫТЫВАЮ НАПРЯЖЕНИЕ, РАЗДРАЖЕНИЕ	16	19
ИСПЫТЫВАЮ СТРАХ, ТОСКУ	4	9
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	4	4

на следующее: среди зажиточного населения чиновников втрое больше, чем предпринимателей, а среди бедной части — их вдвое меньше чем предпринимателей.

Имущественное положение москвичей, проживающих в изучаемой зоне видно из их ответов на традиционный набор вопросов Левада-центра. Рядом приводятся результаты опроса населения всей Москвы, осуществленного в том же месяце. Из сравнения видно, что в общих чертах материальное положение изучаемого контингента и населения Москвы совпадает. Однако среди населения «периферии» несколько меньше доля наиболее зажиточных граждан. Есть основания полагать, что значительная часть этого контингента проживает внутри Третьего транспортного кольца, иначе говоря — в центре, а не на периферии Москвы (рис. 1).

Что касается общего баланса материального положения, то видно, что доля зажиточных составляет около одной десятой, почти половина московских жителей живет в положении ограниченного достатка. Остальные — жители со скромными возможностями. Существенно, что тех, кто сообщает о значительных материальных трудностях, немного, менее 10%. Говорить о наличии значительного «среднего класса» не приходится, но надо обратить внимание на очень высокую концентрацию (85%) оценок на двух позициях в середине шкалы с несравненно меньшими наполнениями крайних позиций. (Отметим еще раз, что самые богатые, как и совсем нищие, как правило, недопредставлены в таких опросах. Их достижимость очень мала).

Важный момент: среди родившихся в Москве доля покупающих «дорогие вещи» 51%, среди приехавших в Москву, пусть и давно, она равна 44%, в еще более высокой категории перевес, пусть небольшой, снова в пользу «коренных» москвичей. В менее зажиточных группах картина обратная. Очевидно, что социальный и иной капитал, накапливаемый более чем одним поколением в московской семье, выше, чем тот, который может быть накоплен на протяжении жизни одного поколения в условиях того же города. Другой фактор — относительно более старший (средний) возраст приезжих, нежели «коренных», соответственно, более высокая доля пенсионеров, что в свою очередь, объясняет более низкие располагаемые доходы. Вот каковы источники доходов у москвичей, проживающих в этой зоне (рис. 8):

Доходы от предпринимательской деятельности выше всех у молодых мужчин (7%), у остальных категорий они составляют совсем малую долю. Заработки лиц свободных профессий везде ничтожно малы. Доходы от индивидуальной трудовой деятельности выше у женщин моложе 40 лет (8%). Доходы от сдачи квартир внаем достигают 5% у более зажиточных — им есть что сдавать и это их делает еще богаче. Большинство (77%) москвичей живут на зарплату: среди мужчин старше 40 лет этот показатель достигает 95%, около трети живут на пенсию — собственную или члена своей семьи (о таком существовании сообщают, ни много ни мало 38% женщин до 40). В сегменте менее зажиточных зна-

чение пенсии — 48%, в сегменте более зажиточных в два с лишним раза ниже — 21%. Отметим еще раз, что массовый достаток в Москве создается службой, а не бизнесом. Зажиточные москвичи в 9 случаях из 10 имеют достаток от зарплаты, и эта зарплата, если она высокая — тоже зарплата руководителей, чиновников. Опрос дает информацию о том, чем располагают москвичи, проживающие в изученной зоне (рис. 9).

Отметим прежде всего очень высокий уровень автомобилизации. Даже среди семей незажиточных 37% располагают какой-то машиной. Из других опросов известно, что в этом сегменте сконцентрирован парк неновых и просто старых отечественных автомобилей. Но второго автомобиля там нет ни у кого. Среди более зажиточных семей одним автомобилем располагают 63%, вторым и более — 17%.

Две и более квартир имеют 13% мужчин моложе 40 лет — вдвое больше, чем у женщин их возраста и почти вдвое больше, чем у мужчин старше 40. Среди коренных москвичей вторую квартиру имеет примерно каждый десятый, среди «некоренных» москвичей — в полтора раза меньше. Незажиточное население тоже в какой-то мере (5%) владеет таким ресурсом.

Весьма интересна картина владения загородным жильем, недвижимостью вне Москвы. Как видно, наиболее распространенный вид загородных владений — домик на садовом участке. Он имеется у 38% более зажиточных и 22% менее зажиточных москвичей. Дом в деревне, наоборот, чаще имеется у более бедных (16%), реже у более зажиточных (13%), аналогично он есть у 16% родившихся не в Москве и у 13% урожденных москвичей. Ясно, что часть приехавших сохранила связь с своими корнями в деревне, ясно и то, что их отставание от москвичей в динамике урбанизации сказывается на их накопленном в Москве капитале.

Приехавшие некогда в Москву по-видимому частично сохранили и иную недвижимость в других местах (7%), у «коренных» москвичей ее можно встретить вдвое реже. Коттеджи, загородные дома в целом имеются у примерно 8% опрошенных. (Еще раз напомним, что наиболее богатые москвичи, во-первых, реже всего живут в изучаемых районах, во-вторых, те, из них, кто там живут, скорее всего не охвачены опросом).

Гости — кто они?

Мы не можем на основании результатов опроса говорить о том, каково общее число приезжих из других стран в обследованной зоне, поскольку есть основания полагать, что в момент опроса, который проводился, напомним, на улицах и в жилых кварталах города, основное число гастарбайтеров находились на рабочих местах — на стройках, на предприятиях, на рынках, либо (о чем много говорилось на фокус-группах с жителями Гольяново и Капотни) на транспортных узлах, таких, как автовокзал. Однако опрос проводился именно на тех пространствах, которые жителям района естественно считать «своими» и где присутствие «чужих» наиболее ощутимо. Стало быть, именно про эти пространства мы можем сказать, что для их постоянных жителей вероятность встреч там с приезжими из других республик не велика, а с приезжими из других стран еще в три раза меньше: из ста не-проживающих в данном районе менее 9 человек — приезжие из иных частей РФ и менее трех — из иных стран.

Среди гостей резко смещен гендерный баланс. Гости существенно моложе постоянных жителей. Их средний возраст 38 лет, тогда как средний возраст местных 44. Среди гостей не-москвичей ощутимо преобладают мужчины (64%).

Сравнение имущественного положения гостей не-москвичей и жителей района показывает, что приезжие — менее обеспеченные люди. (Еще раз подчеркнем, что речь идет о тех приезжих, кто встречается на улицах района. Можно предполагать, что гастарбайтеры на стройках и рынках принадлежат к существенно более бедным слоям).

Гости—немосквичи, собственно «приезжие», отличаются от москвичей (и гостей и жителей района) существенно более низким уровнем образования. У них он почти в два раза ниже (27%), нежели у жителей района—уроженцев Москвы (51%). Среди гостей немосквичей имеют среднее специальное столько же, сколько высшее (27%), среднее общее—23%. С неполным средним и ПТУ на его базе около 12%. Разумеется, наименее грамотные гастарбайтеры, которых расселяют вне черты города и содержат гуртом на стройках и пр., опросом не охвачены. Но данные исследования не позволяют говорить о том, что приезжие, которые встречаются на улицах районов—это полностью неграмотные люди. Между тем, это часто повторяют москвичи.

Среди охваченных опросом не-жителей района москвичи, т.е. приехавшие из других частей города, в 60 случаях из 100 находятся здесь по личным, семейным делам, менее 10% — на прогулке или за покупками, и только остальные (менее трети) — по делам работы, бизнеса, учебы. Таким образом, коммуникации внутри «периферии» в очень большой степени связаны с личными, а не деловыми целями (об этом же свидетельствуют ответы участников фокус-групп). И хотя почти пятая часть намерены здесь гулять, пешком в этот район пришли всего 7%. Среди гостей не-москвичей соотношение целей пребывания обратное. Почти 70% из них находятся здесь по делам, никто не пришел «гулять». Почти никто не пришел пешком, очень мало кто прибыл за покупками. Вдвое реже отмечаются семейные контакты. Это не удивительно, учитывая молодой возраст приезжих, их гендерную диспропорцию в пользу мужчин, такие их цели пребывания в России и Москве, как заработок. Собственно, даже указанный респондентами уровень в 8% «семейных» целей пребывания говорит об изрядном уровне закрепления в Москве через образование семей. Почти все цели пребывания, кроме рабочих и деловых, названы «личными». Учитывая предположительно высокий уровень их включенности в неформальную экономику, можно предположить, что под этим именем скрыты также деловые контакты неформального характера (табл. 2). Около 60% москвичей, прибывших в другой район, приехали на метро, еще 22% на автобусе, 11% на маршрутке. Более 15% прибыли на личном автомобиле. Отметим, что внутригородской наземный электрический транспорт (трамвай, троллейбус, электричка) для москвичей, приехавших из одного района города в другой, не играет роли, сопоставимой хотя бы с маршрутками (5% в сумме против 11%). Среди приезжих не-москвичей почти треть ночевали в этом районе. На метро прибыли столько же, сколько посредством электрички и автобуса (24%, 23%, 23% соответственно). Почти вровень

Bom, rye & nearby



Вот где я живу.

МЕТАПОЛЧЕ



с москвичами стоит использование маршруток (9%). Личным автомобилем пользовались не менее часто (11%). Ясно, что почти треть «приезжих» находит приют где-то в данном районе, а почти четверть приезжает из пригородов на электричке. Примечательно, что уровень пользования личным автомобилем для попадания в этот район у них сравним с приехавшими туда москвичами (11% против 16%), а уровень пользования метрополитеном — в два с лишним раза ниже (24% против 57%).

Мой дом, мой район

Часто говорят о том, что нынче в Москве люди не знают, кто живет рядом с ними. Но доля затруднившихся ответить на вопрос «Кто в основном проживает в вашем подъезде, доме?» была менее 1/6 от всех опрошенных. «Очень многих» в своем микрорайоне знают 44%, а среди женщин старшего возраста — 54%. Знают «несколько человек» 46%. Сказавших, что они «никого не знают» — менее 2%. При этом постоянно или иногда обсуждают проблемы дома и прилегающей территории с соседями более половины (среди пожилых женщин 70%).

Своими соседями люди полагают в основном родившихся в Москве (28%) или приехавших в Москву более 15 лет назад (29%). При этом чем старше люди, тем более они склонны видеть в соседях «коренных» москвичей. И те, кто родились в Москве, уверены, что и среди соседей таких, как они, существенно больше (36%). Важно, что доля недавно приехавших оценивается местными жителями как невысокая: 7% — приехавшие 2–5 лет назад, и 5% — приехавшие менее 2 лет назад. Собственно «приехавшие» — гости с минимальным стажем пребывания в Москве, эту долю полагают еще ниже.

В целом о населении своего района люди высказываются сдержанно. Основной ответ — уклончивый («есть разные люди...» — 60%). Такой же ответ преобладает в оценке населения Москвы в целом. Но говоря о жителях Москвы в целом опрошенные практически поровну давали ответы «они мне в основном нравятся» и «они мне в основном не нравятся» (по 13%). А оценивая жителей своего района, люди все-таки несколько чаще давали положительную оценку (15% против 12%). При этом у женщин моложе 40 лет преобладает недовольство соседями, а у женщин старше 40, напротив, преобладает позитивное отношение. Что касается знакомства с территорией района, то более всего она знакома молодым мужчинам. В целом 37% знают «каждый дом, двор, улицу», только 6% с районом в основном не знакомы. 97% жителей района проживают в отдельных квартирах, доля проживающих в коммунальных квартирах колеблется от 1% для более зажиточных до 4% для наименее зажиточных. При этом 78% сообщают, что квартира принадлежит им или членам их семьи, еще 13% ответили, что квартира принадлежит их родственникам. Показательно, что среди родившихся в Москве владельцы составляют 84%, среди родившихся вне Москвы — 69%. Для последней категории жить в квартире, принадлежащей родственникам приходится 17%, для москвичей — только 10%. Неприватизированное (муниципальное, ведомственное) жилье в среднем у 7%, но среди менее зажиточной части в таких условиях проживают 11%, а среди более зажиточных — менее 5%.

Показательно распределение разных по состоятельности жителей по этажам. Среди менее зажиточных в пределах 5 этажей живут 52%, из них 18% на 1–2 этажах. А среди более зажиточных в пределах пяти этажей — 43%, в том числе на первых двух — 12%. Среди первой катего-

ТАБЛИЦА 2 КАК ВЫ СЕГОДНЯ ПОПАЛИ В ЭТОТ РАЙОН?	МОСКВИЧИ	НЕМОСКВИЧИ
НОЧЕВАЛ(-А) ЗДЕСЬ, А ПОТОМУ НАХОЖУСЬ ЗДЕСЬ С САМОГО УТРА	7	31
ПЕШКОМ	6	1
МЕТРО	57	24
ЭЛЕКТРИЧКА	1	23
АВТОБУС	22	23
МАРШРУТКА	11	9
ТРОЛЛЕЙБУС	2	0
ТРАМВАЙ	2	4
ТАКСИ	2	1
ЛИЧНЫЙ АВТОМОБИЛЬ	16	11
СЛУЖЕБНЫЙ АВТОМОБИЛЬ	0	1
ВЕЛОСИПЕД	0	0

рии на 11 этаже и выше проживают 16%, а среди второй—19%. Можно сделать вывод, что более бедное население гораздо чаще, чем зажиточное, размещается в пятиэтажках, построенных давно, а более зажиточное — в более новых домах более высокой этажности (рис. 12).

Две трети жителей района сообщают, что магазин, где можно регулярно покупать подходящие им продукты питания расположен «недалеко». «Не очень далеко», сказали еще около 30%, пожаловались, что «далеко» лишь 4%. Что касается ближайшей станции метро, то находят, что она «недалеко» 47%, что «далеко» — говорят 16%. Недавние москвичи более снисходительны, среди них 50% считает, что метро близко и только 13% находит, что оно далеко.

Для москвичей имеет большое значение возможность (хотя бы принципиальная) регулярно совершать прогулки по парку. Парк, большой сквер, где можно гулять, отдохнуть расположен недалеко от их дома, сообщают 47% жителей (среди молодых женщин—51%, среди немолодых—43%). «Не очень далеко» сказали 41%. По мнению 11% (а среди немолодых женщин 15%) такой парк «далеко». Примерно так же жители районов оценивают доступность ближайшего кафе, бара, ресторана, где им хотелось бы бывать. Чаще всех ответ «недалеко» дают люди моложе 40 лет, прежде всего—мужчины (48%). Они в наибольшей мере включены в соответствующую культуру. Пожилые женщины, группа наименее включенная в эту «культуру кафе», реже всех считают, что такие заведения близко (39%). Но речь видимо идет в том числе о символической близости. Они же в пять (!) раз чаще молодых мужчин вообще не знают, далеко ли эти заведения. Взятые под углом зрения зажиточности примерно эти же группы показывают такое же разительное различие в информированности о размещении «значных мест» в их районе (4:1).

Опрос позволяет, таким образом, заключить, что для большинства жителей московской «периферии» доступность метро, магазинов и парков удовлетворительная. Из данных опроса ясно, что в принципе торговая сеть внутри «периферии» Москвы обеспечивает население продовольствием (рис. 10). 95% всех жителей пояса покупают продукты в пределах своего района. Наиболее мобильная часть населения (28%–29% мужчин) приобретает также продукты в других районах Москвы и часть из них (16%–17%) также покупает их за пределами МКАД. Во всех обсуждаемых группах порядок именно такой: 9/10 закупаются в своем районе, далее

еще $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{4}$ в других районах, $\frac{1}{6}$ – $\frac{1}{8}$ — за пределами Москвы и еще меньше (13%–14% мужчин) в центре Москвы. Центр Москвы — не для этого.

Культпоход

Потребление культуры устроено иначе. Вначале о тех, кто не посещал учреждений культуры в течение последнего года: их 33% среди молодых женщин. Видимо, это матери с маленькими детьми. Среди их ровесников (и отцов их детей) не посещавших учреждения культуры ни разу за год чуть ли не в 5 раз меньше. Женщины моложе 40 почти в 2 раза реже своих ровесников-мужчин посещают такие учреждения в центре Москвы. Это немобильное население. Другая категория с такой же сниженной частотой посещения — это наименее зажиточные (33% не были нигде за последний год). В других районах Москвы они, как и вообще пожилые женщины, бывали (с культурными целями) меньше всех — 21 человек из 100 (среди зажиточных — 38 человек).

В норме, которую нам показывает среднее по массиву, половина населения периферии заявляет, что потребляет культуру в центре города. Много выше нормы использует центр мужская часть населения (70% мужчин старше 40 и 62% моложе 40). Более половины «коренных москвичей» против 43% тех, кто в Москве не с рождения, считают нужным ездить за культурным досугом в центр (или хотя бы утверждать это). На втором месте стоит получение культурных услуг в своем районе. Мужчины и здесь пусть немного, но активнее женщин, «коренные москвичи» снова активнее тех, кто в Москве жил не всегда (39% против 33%). Интересно отметить, что зажиточная часть населения опережает более бедную по посещениям учреждений культуры в своем районе (38% против 35%) гораздо менее, чем «на выезде» в центр (59% против 36%) или другие районы (38% против 22%). Потребление культуры за пределами Москвы почти не происходит, всего 4–5 человек из 100 делали это в течение последнего года. Какой же культурой окормляются те москвичи, которые не могут или не привыкли к посещениям учреждений культуры, в особенности городские, центральные? (рис. 3) Материалы исследования показывают, что компьютер (интернет) не взял на себя эту роль. Те, кто меньше посещают учреждения культуры, в свою очередь меньше потребляют интернет-информацию или используют для развлечения компьютер. Молодые женщины в 10 раз чаще молодых мужчин объявляют, что не пользуются компьютером вообще. Материально-недостаточные говорят, что не пользуются компьютером, в 4 раза чаще, чем более зажиточные. Роль культурного очага для массовых категорий населения московской периферии играет телевидение. Об антагонизме интернета и телевидения сказано немало. Мы можем показать это на таких примерах. Молодые женщины, как сказано, в разы чаще мужчин не пользуются компьютером. Но у них же в два с половиной раза ниже чем у мужчин доля не пользующихся телевидением. Интернетом больше пользуются богатые, нежели бедные. С телевизором — наоборот. Коренные москвичи чаще, чем приехавшие в Москву пользуются интернетом, но реже — телевизором. Треть молодых женщин и более трети — немолодых держат телевизор включенным по 3–5 часов в день, еще 18% более молодых и 24% старших женщин находятся рядом с включенным

РИС. 1 КАКОВ УРОВЕНЬ ДОХОДОВ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

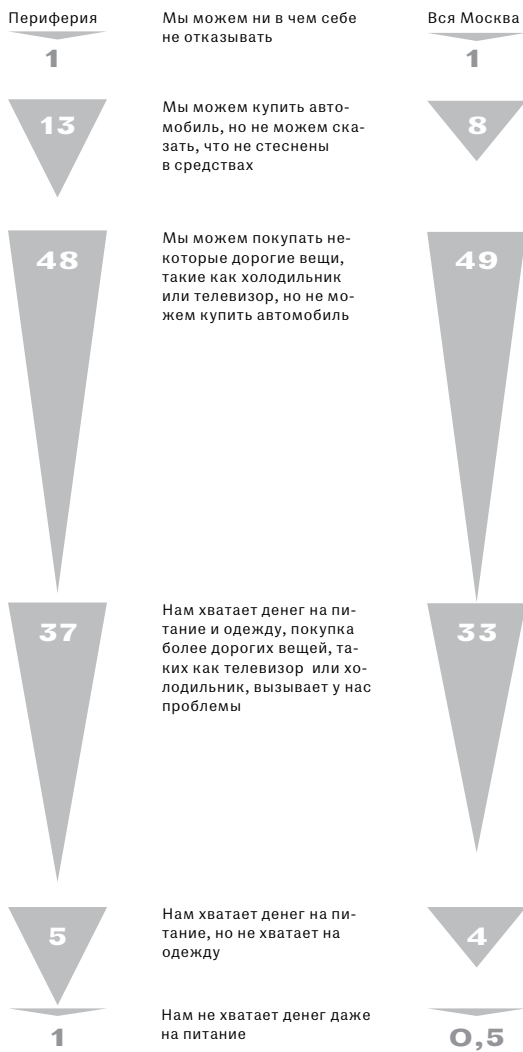
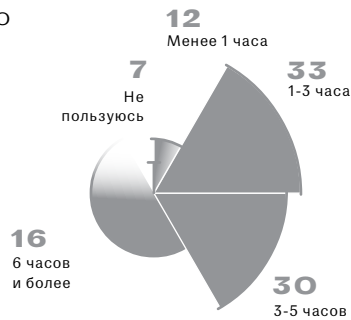


РИС. 2 СКОЛЬКО ЧАСОВ В ДЕНЬ, В СРЕДНЕМ, У ВАС ВКЛЮЧЕН ТЕЛЕВИЗОР?



СКОЛЬКО ЧАСОВ В ДЕНЬ, В СРЕДНЕМ, ВЫ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ КОМПЬЮТЕРОМ?



РИС. 3 ПОСЕЩАЛИ ЛИ ВЫ УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ (КИНО, КОНЦЕРТЫ, ТЕАТРЫ, МУЗЕИ И ПР.) В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 12 МЕСЯЦЕВ, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКИХ РАЙОНАХ ГОРОДА?

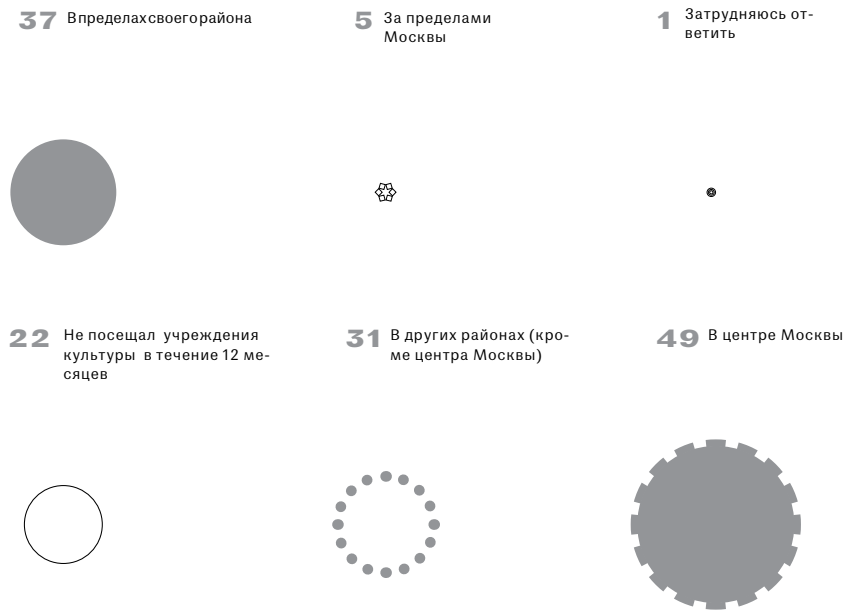
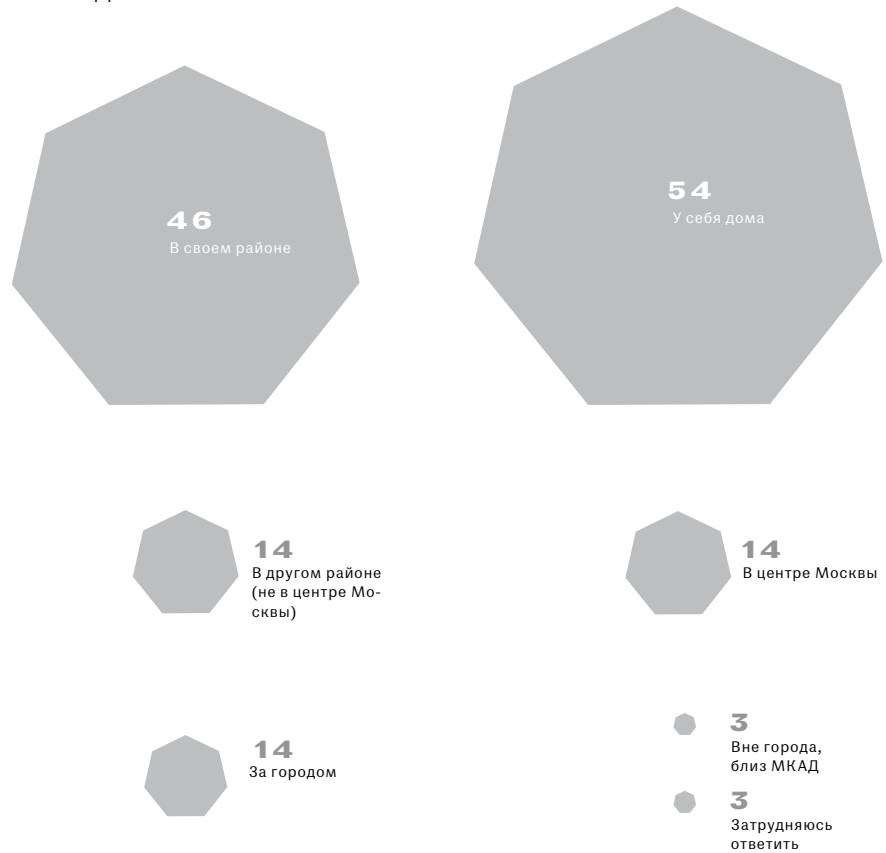


РИС. 4 ЕСЛИ У ВАС ПОЯВЛЯЕТСЯ ТРИ ИЛИ БОЛЕЕ ЧАСОВ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ, ГДЕ ВЫ ОБЫЧНО ЕГО ПРОВОДИТЕ?



телевизором по 6 и более часов в день. Мужчины пользуются телевизором более избирательно. 22% процента более молодых, 17% более пожилых мужчин имеют его включенным, по их словам, менее часа в день. Наиболее частый их ответ (36% и 40% соответственно), что у них телевизор работает 1–3 часа.

Налицо два разных режима использования телевизора: избирательное («мужской» тип) и неизбирательное («женский» тип). Известно из многих источников, что модальный российский телезритель это «женщины 40+». Наше исследование это подтверждает, но добавляет, что на просторах московской периферии готовятся к этой социальной роли женщины моложе 40 лет. Пребывание в зоне влияния телевидения по несколько часов заменяет им потребление города, городской среды и ее фокусов в лице центра города в лице учреждений культуры. В этом контексте интересно, что молодые женщины чаще остальных говорили, что парк или сквер находится близко от их дома. Прогулка в парке — такой городской вариант антиурбанистического поведения — им в силу их семейного положения (маленькие дети) более доступен, чем поведение городское. Таковое им заменяет телевизор как суперурбанистическая виртуальная среда. Другое дело, что они предпочитают или вынуждены предпочесть этот пассивный вид виртуального потребления более активному, которое представляет компьютер (рис. 2).

Перемещения по городу

Досуговое потребление центра города характерно для старших мужчин, они выбирают в центр, по их словам, чаще всех (27%). С такой же примерно частотой они отправляются в соседние районы. (Из анализа ответов на фокус-группах можно понять, что это по преимуществу поездки к родственникам). Отдых (в т. ч. в форме шоппинга) в моллах сразу за МКАД выбирают чаще те, кто живут в поясе «периферии», примыкающем к границе Москвы. Однако все эти формы досугового времяпрепровождения имеют куда меньшее распространение, чем досуг дома или в своем районе. Женщины проводят свободные часы скорее дома, мужчины — скорее в своем районе. Оседлость обеих гендерных частей московского периферийного социума несомненна. Они не хотели бы по преимуществу отсюда никуда уезжать (рис. 11).

О том, что вовсе не бывают в центре Москвы, сообщают почти 30% женщин после 40 лет (те, кто больше всего смотрит телевизор) и 22% женщин моложе 40. О поездках с деловыми (работа, учеба) целями в центр сообщают 50% молодых мужчин. Мужчины же чаще женщин ездят в центр для встреч со знакомыми (37%). О благородных целях сходить в музей, театр мужчины также рапортуют существенно чаще женщин (37% против 27%), о походах в кино — в два раза чаще (22% и 31% против 9%). Между тем, из других исследований известно, что аудитория подобных учреждений культуры по преимуществу женская. Возможно в ответах мужчин больше проявились намерения, чем реальная практика. Мужчины же в 2–3 раза чаще женщин посещают центр Москвы ради того, чтобы посидеть в ресторане или кафе. Прогуляться по улицам центра Москвы особенно нравится мужчинам старше 40 лет (29%).

Примечательно, что центр как средоточие административных учреждений нужен более всего сам себе, а не остальной Москве. Ради посещения органов власти, административных учреждений в центр сто-

лицы ездит 13%. По частоте упоминания это восьмая из десяти причина поехать в центр, девятая — посетить общественное мероприятие. За покупками повседневно в центр ездить не принято. Уж если за покупками, то в крупном торгово-развлекательном центре. Туда больше всех любят ездить не молоденькие девушки, а мужчины старше 40 (31%, молодые женщины — 10%). В противоположную сторону от центра ездят реже. Среди немолодых женщин там не бывает 39%, но если ездят, то активнее всех — на дачу 42%. За покупками туда отправляются мужчины (28%–29%) (рис. 6). Времени там в будни проводят немного. 54% жителей районов в будни за МКАД не ездят. Среди «гостей» ежедневно там бывают менее 5%. Опрос (рис. 5) показал, что основные поездки в будни москвичи совершают внутри пояса между МКАД и ТТК. Среди молодых мужчин поездки 3 раза в неделю и чаще приходится совершать 63%. Для сравнения: в центр за это же время из них ездят менее 32%, а за МКАД — 9%. Частое посещение центра Москвы в будние дни совсем не характерно для пожилых женщин (8%), вдвое чаще там бывают женщины моложе 40 лет (18%), еще чаще мужчины после 40 (21%) и чаще всех, как говорилось, молодые мужчины — самая мобильная часть населения. Но и в их среде в центр часто выезжают 32%, а в другие районы — вдвое больше (63%). Из высокой частоты этих поездок можно с уверенностью заключить, что по своему характеру это деловые поездки (рис. 7).

Из приведенных данных можно заключить, что чем ближе к Кремлю как «центру центра», тем меньше москвичей туда добираются в будни. Эти данные подтверждают сделанный ранее вывод о том, что для большинства москвичей центр города нужен как символический, а не деловой ресурс. Кроме того подтверждается и тезис о том, что радиально-кольцевая структура Москвы есть не только структура путей сообщения. Она сохраняет свое значение регулятора отношений с «периферией», отгораживая центр от наплыва с периферии. Сейчас эту функцию последовательных преград исполняют не городские стены и не проложенные на их месте магистрали, а сохранившаяся с тех времен функциональная специализация поясов Москвы, а также сохраняющаяся в служебном дискурсе московских правоохранителей иерархия статусов этих поясов, а соответственно и требований к поддержанию порядка, как они его понимают. На фокус-группах прямо говорилось, что в центре хорошо, туда черных почти не пускают.

Восприятие района

Далеко не все жители той части Москвы, которую в данном проекте решено назвать «периферией», принимают такое название для своего района. 37% среди «коренных» москвичей полагают свой район если не собственно центром, то районом «вблизи центра». Такая формули-

ТАБЛИЦА 3 КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БОЛЕЕ ВСЕГО ПОДХОДИТ ВАШЕМУ РАЙОНУ?

ЭТО ЦЕНТР МОСКВЫ	3
ЭТО РАЙОН ВБЛИЗИ ЦЕНТРА	32
ЭТО РАЙОН НА ПЕРИФЕРИИ ГОРОДА	36
ЭТО РАЙОН ВБЛИЗИ ОКРАИН	18
ЭТО ОКРАИНА МОСКВЫ	19
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	2

ровка вообще оказывается наиболее импонирующей всем группам населения. На определение своего района как «периферии» чаще всего (30%) соглашаются молодые женщины. Мужчины моложе 40 лет принимают с одинаковой частотой определения «периферия», «окраина» и «вблизи окраин» (21%–22%) (табл. 3). Москвичи отметили ряд достоинств своего района. Стоит сравнить мнения тех, кто живет в данном районе и тех, кто в него приехал на время (табл. 4).

В целом гости продемонстрировали по сравнению с жителями обследованных районов объяснимо меньшую уверенность в оценках (затруднившись с ответом в 3–4 раза больше). Москвичи в при описании своего района ответ «нет ничего непривлекательного» использовали в 20% случаев, гости — в 25%, т. е. дали в целом более благожелательную оценку району. Правда критический ответ «нет ничего привлекательного» они давали тоже вдвое чаще москвичей — патриотов своего района (13% против 6%), но он встречается у них вдвое реже общепозитивного ответа «нет ничего непривлекательного» (как сказано, 25%).

Среди москвичей максимум одобрения своему району высказали немолодые женщины (21%), а среди гостей их района максимум привлекательности в нем нашли женщины помоложе (29%). Первые знают ему цену, а вторые видят в нем перспективу для себя. Приехавшие в данный район — поскольку они приехавшие — более всего ценят в нем транспортную обеспеченность. Чаще всех ее отмечают немолодые женщины (37%). Этот фактор на первом месте и для молодых мужчин, но среди них ему придают значение менее 25%. Среди прибывших в район молодых женщин более, чем среди прочих категорий (32%), обращают внимание на «Развитость социальной инфраструктуры и ее удовлетворительное качество: школы, поликлиники, детские сады, и прочее». Женщин немолодых, приехавших в этот район — скажем, в качестве бабушек) особо привлекают такие факторы, как «Относительная „дешевизна“ жизни: близость рынков и сравнительно низкие цены на товары повседневного спроса и продукты питания» (32%).

Молодые мужчины ценят качество жилья в этом районе, но столь же высоко (19%) ставят они существующие в нем возможности для развлечения. Примечательно, что их ровесницы качество жилья оценивают несколько выше, а доступность развлечений — в два раза ниже. Видимо, часть видов времяпровождения, которые мужчины считают развлечением, женщины таким (для себя, или вообще) не считают. Если сравнивать, что в качестве преимуществ района отмечают гости-москвичи и гости-немосквичи, видно три главных отличия. Для не-москвичей этот район это в первую очередь место работы и потому его доступность в этом качестве для них в полтора раза важнее. Москвичи сравнивают жилье в этом районе со своим собственным в другом районе Москвы

ТАБЛИЦА 4 ЧТО ВАМ КАЖЕТСЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМ В ЭТОМ РАЙОНЕ?	ОТВЕТЫ ЖИТЕЛЕЙ	«ГОСТИ» НЕМОСКВИЧИ
ЖИЛЬЕ БЛАГОУСТРОЕНО И ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ В ХОРОШЕМ СОСТОЯНИИ	30	19
ОТНОСИТЕЛЬНАЯ «ДЕШЕВИЗНА» ЖИЗНИ: БЛИЗОСТЬ РЫНКОВ И СРАВНИТЕЛЬНО НИЗКИЕ ЦЕНЫ НА ТОВАРЫ ПОВСЕДНЕВНОГО СПРОСА И ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ	35	22
ХОРОШАЯ ТРАНСПОРТНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ	38	31
РАЗВИТОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ЕЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ КАЧЕСТВО: ШКОЛЫ, ПОЛИКЛИНИКИ, ДЕТСКИЕ САДЫ, И ПРОЧ.	40	21
НАЛИЧИЕ МЕСТ РАЗВЛЕЧЕНИЯ, ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ	16	15
БЛИЗОСТЬ К МЕСТУ РАБОТЫ	21	18
БЛАГОПРИЯТНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ, БЛИЗОСТЬ К КРУПНЫМ ПАРКАМ И ДРУГИМ ПРИРОДНЫМ ТЕРРИТОРИЯМ	25	12
УДОБНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЕЗДОК НА ДАЧУ	16	7
БЕЗОПАСНЫЙ РАЙОН	14	10
ХОРОШИЕ СОСЕДИ	16	2
ДРУГОЕ	3	3
НЕТ НИЧЕГО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО	6	13
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	3	12

ТАБЛИЦА 5 А ЧТО ВАМ КАЖЕТСЯ НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМ В ЭТОМ РАЙОНЕ?	ОТВЕТЫ ЖИТЕЛЕЙ	«ГОСТИ» НЕМОСКВИЧИ
МОНОТОННАЯ ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА, ПЛОХАЯ АРХИТЕКТУРА	19	11
ЖИЛЬЕ В ПЛОХОМ СОСТОЯНИИ, ГРЯЗНЫЕ ПОДЪЕЗДЫ, ЛИФТЫ	16	6
ПЛОХАЯ ТРАНСПОРТНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ, ТЯЖЕЛО «ВЫБИРАТЬСЯ» ИЗ РАЙОНА В ЦЕНТР ГОРОДА, ЗА ГОРОД	18	13
ДАЛЕКО ЕЗДИТЬ НА РЫНКИ, В МАГАЗИНЫ	10	4
ДАЛЕКО ОТ ХОРОШИХ ШКОЛ, ПОЛИКЛИНИК, ДЕТСКИХ САДОВ, И ПРОЧ.	6	2
НЕТ МЕСТ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУГА, ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ	11	6
ДАЛЕКО ОТ РАБОТЫ	10	4
ДАЛЕКО ОТ ЦЕНТРА ГОРОДА	17	21
ПЛОХАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ	14	12
НЕБЕЗОПАСНЫЙ РАЙОН, ПРЕСТУПНОСТЬ	12	10
ПЛОХИЕ СОСЕДИ	5	1
ДРУГОЕ	6	3
НЕТ НИЧЕГО НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО	20	25
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	8	22

ТАБЛИЦА 6 ЧТО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ, ЕСЛИ БЫ БЫЛА ВОЗМОЖНОСТЬ?

УЕХАТЬ ИЗ ЭТОГО РАЙОНА И НИКОГДА СЮДА НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ	6
ЖИТЬ В ДРУГОМ МЕСТЕ, НО ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ПРИЕЗЖАТЬ СЮДА	12
ЖИТЬ В ЭТОМ РАЙОНЕ, НО ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ЕЗДИТЬ В ДРУГИЕ МЕСТА	41
ЖИТЬ В ЭТОМ РАЙОНЕ И НИКУДА ОТСЮДА НЕ ВЫЕЗЖАТЬ	38

и не находят особых отличий, а приезжие сравнивают с тем, что они оставили в своих местах выхода и жилье здесь им гораздо чаще кажется привлекательным. То же самое можно сказать о восприятии социальной инфраструктуры. В общем же говоря, наибольшее число позитивных отзывов получила развитость социальной инфраструктуры в районе. Ее более всего оценили женщины (43%) главное оседлое население района. Транспортная обеспеченность вышла на второе место в целом, но безусловно на первое для молодых мужчин (42%). Ее особо ценят и менее зажиточные, т.е. те, у кого меньше собственных автомобилей (44%).

На третьем месте в целом оказалась «относительная дешевизна жизни», она важна для всех, наибольшее значение ей придают мужчины, притом старше 40 лет (39%). Хорошее качество жилого фонда, как было сказано, радуется прежде всего его владельцев.

Что касается отрицательных, непривлекательных черт района, в целом их отмечают существенно меньше, чем положительных (а именно в 2.3 раза меньше). Ответ «нет ничего непривлекательного» дают в 3.6 раз чаще, чем ответ «нет ничего привлекательного». Собственно, ответ об отказе видеть недостатки в среднем является наиболее частым. На первом месте среди претензий жителей района оказывается претензия к архитектуре, к монотонности застройки. На фокус-группах с жителями районов стало ясно, что по их мнению вполне сохраняется основание для того сарказма по поводу монотонности и однообразия застройки, который появился более 20 лет назад в ставшем знаменитым фильме «Ирония судьбы». Ясно, что ни обживание района, ни средства малой архитектуры и ландшафтного дизайна, ни, наконец, выросшие деревья не в состоянии компенсировать ту травму, которую наносит личности стандартизация облика жилищ. Если она и продолжает волновать жителей, то на первом месте для гостей-москвичей и для приехавших стоит удаленность от центра (21%). Особенно часто ее отмечают немолодые женщины (26%), немолодые мужчины (24%), для женщин более молодых этот фактор кажется чуть ли не вдвое менее значимым, зато они почти вдвое чаще отмечают транспортную сторону этого же положения, плохую транспортную обеспеченность (18%) (табл. 5).

Удаленность, воспринимаемая символически как «удаленность от центра» или физически как плохая транспортная обеспеченность, является главной претензией гостей к району. По сути дела, и у жителей района сумма этих факторов перевешивает любой иной. Но для жителей района играет важную негативную роль «плохая архитектура», для приезжих ее значимость не так велика. Приезжие и гости-москвичи одинаково часто (12%) выражают претензию к плохой экологической ситуации района, куда им пришлось приехать. Местные жители отмечают это еще чаще. Но в общем, ясно, что репутация районов приезжим известна. Местным бросается в глаза плохое состояние жилья, приезжие отмеча-

ТАБЛИЦА 7 ДАВНО ЛИ ВЫ ЖИВЕТЕ В ЭТОМ РАЙОНЕ?

МЕНЕЕ ГОДА	3
1–3 ГОДА	6
3–10 ЛЕТ	17
10–30 ЛЕТ	38
БОЛЕЕ 30 ЛЕТ	36

ют этот момент в несколько раз реже. Они меньше видят жилье «изнутри». Отметим при этом, что критерии загрязненности и запущенности у приезжих почти такие же, как у гостей-москвичей. 12% среди «хозяев» района (и особенно — немолодые женщины) озабочены небезопасностью района, «плохими соседями». Для тех, кто в район только заезжает на время, этот фактор играет меньшую роль, хотя и среди них старшая часть женщин обеспокоена преступностью в наибольшей степени. Показательно при этом, что фактор «плохие соседи» большая часть гостей просто не считает существенным. Известно, что маргинальные группы зачастую демонстрируют более высокую неприязнь к другим маргиналам, нежели это делают «коренные» жители. Жалобы на «плохих соседей» среди жителей района — урожденных москвичей встречаются вдвое реже, чем среди родившихся не в Москве, а среди москвичей — гостей района в три раза реже, чем среди приезжих из иных регионов (табл. 6).

Наибольшая часть населения района не хочет его покинуть совсем. Среди наиболее мобильной группы (мужчины младше 40) преобладает желание жить здесь, но ездить и в другие места (50%), того же хотят и мужчины после 40 (47%) и женщины до 40 (40%). Для наименее мобильной части (женщины старше 40 лет) заветное желание — жить в этом районе, никуда не выезжая (48%) Население района является явно «оседлым». Мы вернемся к этому вопросу при сравнении его с ответами приезжих. Жители района оценивали отдельно уровень безопасности, комфортности и чистоты в районе. Из ответов жителей района следует, что лучше всего, по их мнению, обстоит дело с чистотой, хуже всего — с безопасностью. О небезопасности говорят чаще всего люди менее обеспеченные (16%). Их общая незащищенность в жизни заставляет испытывать больше страхов. Менее всего испытывают страхи мужчины старше 40 лет (6%). Особо отметим, что максимум ответов о том, что в районе безопасно или в основном безопасно дают молодые женщины (56%). Не исключено, что такому ощущению способствует то, что они чаще передвигаются в автомобиле. Мужчины и женщины в большинстве случаев (от 55% до 66%) говорят о комфортабельности проживания в их районе, о его чистоте (67% — мужчины моложе 40).

Кто проживает в районе

Насколько «старое» население проживает в московской «периферии», видно из данных опроса (табл. 7). Стаж более 10 лет имеют три четверти жителей. Среди родившихся в Москве 45% живут в этом районе более 30 лет, т. е., вероятно это первопоселенцы района, те, кто некогда получили квартиры в новостройках. Московская демография такова, что среди старожил более всего пожилых женщин, а среди последних более всего проживших в этом районе более 30 лет. Таковы ответы самих

ТАБЛИЦА 8 КТО В ОСНОВНОМ ПРОЖИВАЕТ ВОКРУГ ВАС?

	ЖИТЕЛИ РАЙОНА		ГОСТИ	
	МОСКВИЧИ	ПРОЧ.	МОСКВИЧИ	ПРОЧ.
ЛЮДИ, РОДИВШИЕСЯ В МОСКВЕ	36	16	23	19
ЛЮДИ, ПРИЕХАВШИЕ В МОСКВУ БОЛЕЕ 15 ЛЕТ НАЗАД	23	33	12	15
ЛЮДИ, ПРИЕХАВШИЕ В МОСКВУ 5-15 ЛЕТ НАЗАД	14	18	21	21
ЛЮДИ, ПРИЕХАВШИЕ В МОСКВУ 2-5 ЛЕТ НАЗАД	7	7	7	12
ЛЮДИ, ПРИЕХАВШИЕ В МОСКВУ МЕНЕЕ 2 ЛЕТ НАЗАД	3	8	4	3
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	14	18	33	31

опрошенных. А кто, по их оценкам, в основном проживает в этом районе? Ответы на такой вопрос, т.е. на вопрос, кто есть символический хозяин этого пространства оказались весьма зависимыми от категории отвечающих. Жители района, родившиеся в Москве, чаще всех других заявляют, что здесь живут такие же, как они, т.е. родившиеся в Москве (36%). Те, кто живут в данном районе, но родились не в Москве, а приехали более 15 лет назад, чаще всего (33%) считают, что именно такие люди, как они, в основном живут в этом районе.

Среди гостей чаще всего (около трети) не имеют ответа на этот вопрос. Среди тех гостей-москвичей, кто имеет мнение, наиболее частый ответ — живут «родившиеся в Москве» (23%), но почти столь же часто говорят — «приехавшие в Москву более 15 лет назад». Среди гостей-приезжих, согласившихся отвечать, преобладает мнение, что здесь живут люди, приехавшие менее 15 лет назад. Чаще всех остальных категорий они называют срок пребывания в Москве 2–5 лет назад — 12%, тогда все москвичи, и гости и «хозяева» района — 7%. Приведенные выше результаты с очевидностью показывают, что оценка таких, казалось бы, «объективных» фактов, как состав населения по стажу пребывания в Москве, сама зависит от этого стажа. Здесь очевидным образом проявляется действие общей социально-психологической закономерности, согласно которой оптика каждой социальной группы определяется ее самопредставлением, а последнее во многом зависит от ее социального опыта и обстоятельств формирования. Другим фактором являются aspirations. Можно предполагать, что для многих приезжих является желанной целью закрепиться в Москве. Потому приезжие в отличие от «коренных москвичей» и живущих давно не считают «коренных» главной группой в населении района, а отдают первенство по численности приехавшим 5–15 лет назад. Наиболее резкое различие в ответах на вопрос, «кто здесь живет?», встречается в ответах по поводу доли «коренных» москвичей среди живущих в районе. Оценка, даваемая живущими в Москве пусть давно (две трети из них живут более 15 лет), но все же не с рождения, более, чем в 2 с лишним раза ниже, чем даваемая «коренными» же москвичами. При этом различие в оценках теми же группами долей не урожденных москвичей, а проживающих со стажем от двух до пятнадцати и более лет, незначительно. Думаем, это есть следствие важности статуса «коренного москвича», которая заставляет «коренных» утверждать свою главенствующую роль в районе, а «некоренных» ее занижать, ставя себя на первое место. Из всей суммы мнений можно сделать вывод, что более 60% лиц, живущих в кольце «периферии», бо-

ТАБЛИЦА 9 СООТНОШЕНИЕ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ КЛИШЕ-ПРЕДИКАТОВ (КЛЮЧЕЙ)

	ТРОПАРЕВО	МАРЬИНО	ГОЛьяНОВО	КАПОТНЯ
ПОЗИТИВНЫЕ	52	34	19	9
НЕГАТИВНЫЕ	-3	-15	-37	-45

лее 40% москвичей, находящихся там временно, и более 33% приезжих считают, что в Москве население в основном оседлое, живущее в Москве не менее 15 лет (табл. 8).

И другие данные исследования показывают, что население изучаемого пояса Москвы по преимуществу оседлое. Среди родившихся в Москве менее 14% живут здесь менее 10 лет. В своем районе даже люди моложе 40 лет в 70 и более случаях из 100 указывают, что живут не менее 10 лет. Характерно при этом, что и в категории до 40 лет и в категории старше 40 лет женщины чаще указывают, что живут здесь более 30 лет, а мужчины — что менее 30. Мужчины же обнаруживают меньшую связь с районом. В возрасте до 40 лет половина из них предпочли бы живя в этом районе, время от времени выезжая в другие места, лишь 27% хотели бы жить там и никуда не выезжать. Среди женщин до 40 лет меньше желающих жить в данном районе, выезжая в другие места (40%). Они в полтора раза чаще мужчин (38% против 27%) хотели бы здесь жить безвыездно. У мужчин старше 40 соотношение желающих жить здесь с выездами и жить безвыездно 47%:33%, у женщин этой возрастной категории ровно наоборот: 34%:48%. Имущественный статус сильно связан с возрастом. Старшее поколение, где доминируют пенсионеры, (а среди них — женщины), гораздо беднее более молодых, где доминируют работающие. Поэтому получается и результат, что пожилое население (оно же менее зажиточное и с большей долей женщин) и дольше прожило в этом районе и чаще (43%) выражает желание жить там, никуда не выезжая. А более зажиточные (они же более молодые и с большей долей мужчин) предпочли бы жить в этом районе, выезжая в другие места по мере надобности.

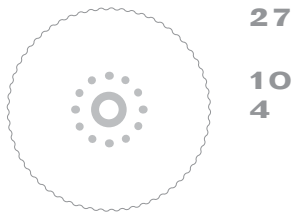
Разные периферии

В процессе групповых дискуссий представители четырех районов Москвы выполняли упражнение — давали характеристику своему району с помощью одного слова, но по несколько раз. В результате тестирования был получен массив из более чем 200 определений, относящихся к четырем районам. Тест позволяет обнаружить наиболее массовые представления горожан о районах их проживания, выявляет отношение граждан к своему району и указывает на стороны, которые для людей являются наиболее важными. Определения зачастую имеют яркую ценностную окраску позитивного или негативного характера. Определения образуют семантические области или поля, описывая важные для людей стороны их повседневной жизни в районе. Количество определений того или иного характера и их семантика позволяют судить о выраженности той или иной характеристики социального пространства, каковым является район в коллективном дискурсе его обитателей. Набор определений состоит как правило из повторяющихся слов-

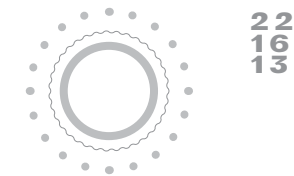
ключей и их более разнообразных синонимов и семантических расширений. Количество повторяющихся слов (ключей-клише) говорит об устойчивости данной характеристики места в массовом сознании, а также о ее важности, существенности, принадлежности к тому, что ценно (табл. 9). Общественное мнение Тропарева вполне устоялось и пользуется пятью расхожими определениями («зеленый», «чистый», «богатый» и пр.), утверждающими позитивное отношение жителей к своему району. Вокруг этих ключей организованы поля синонимов, нюансных трактовок этих ключевых понятий, их индивидуальных интерпретаций. В отношении отрицательных черт Тропарева собственно негативные определения есть (в небольшом количестве), но они не стереотипизированы ключами-клише. В случае с Капотней мы видим зеркально-симметричную картину. Пять определений с негативным значением («заброшенный, отдаленный», «забытый» и т.п.) организуют пространство где располагаются множественные их синонимы. Кроме того имеются сгущения однотипных претензий к району, но они не объединены в сознании единым ключом. Не исключением, а правилом является наличие в массовом сознании противоречащих друг другу определений. В этом находит свое отражение неперенное присутствие в нем разных логик, разных перспектив, за которыми стоят различные институциональные образования, иногда разные социальные группы или хотя бы разные социальные роли с их разными требованиями к среде и разными ее оценками. «Единомыслие» говорит об очень резком социальном доминировании апологетов или напротив критиков. Та или иная оценка приобретает нормативность. Прелести Тропарева и ужасы Капотни становятся притчей во языцех. Не только собственно жители этих районов единодушны в их оценках (о чем свидетельствуют результаты рассматриваемых тестов). Фокус-группы с жителями Гольяново и Марьино показали, что это именно так для общественного мнения Москвы в целом. Они ставили Тропарево на высшие позиции, а Капотню на низшие. Но в отношении Марьино и Гольяново и на фокус-группах вообще, и в ходе данного теста в частности наблюдалась гораздо большая противоречивость, большая естественность массовых мнений. Что касается ключей, т.е. стереотипов массового сознания то они были лучше всего представлены предикатом «зеленый» — так было сказано о каждом из четырех районов. Из опыта изучения различных городских зон известно, что это есть обозначение одного из важнейших для горожан качеств потребляемой ими среды. В применении к Тропарево это определение звучало 4 раза, в применении к Марьино и Гольяново — по три раза, в применении к Капотне — один раз. При этом в случае Капотни встречаются и противоположные оценки «не зеленый», «не озелененный». Слово «уютный», как и слово «забытый», применялось в отношении двух районов из четырех. В целом картина такова, что Тропарево оказывается в облаке позитивных оценок с минимумом негативных, а Капотня в облаке негативных с редкими вкраплениями позитива. «Марьино тяготеет к положительному полюсу, Гольяново — к отрицательному. Что полагается хвалить в Тропарево? Ключи названы — «зеленый», «уютный», «богатый». На одной из групп слово «загруженный» с позитивными коннотациями прозвучало несколько раз. Вот «признания в любви»: красивый, светлый, чудесный, замечательный, лучший, родной, который из детства. Вот статусные определения: престижный, современный, лучший, дорогой, приличный. Вот связанные с академическим профилем населения: культурный, ведущий, инновационный, институтский, студенческий, молодежный, образован-

РИС. 5 КАК ЧАСТО ВЫ В БУДНИЕ ДНИ ВЫЕЗЖАЕТЕ В

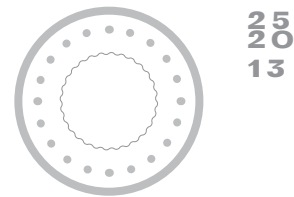
Центр Москвы ●●●●●
 Другие районы Москвы ~~~~~
 За МКАД =====



Ежедневно



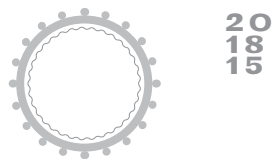
1-2 раза в неделю



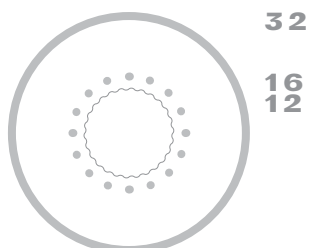
Реже 1 раза в месяц



3-5 раз в неделю



1-2 раза в месяц



Никогда

РИС. 6 С КАКИМИ ЦЕЛЯМИ ВЫ ОБЫЧНО ЕЗДИТЕ В РАЙОНЫ, ПРИЛЕГАЮЩИЕ КО МКАД С ВНЕШНЕЙ СТОРОНЫ, И БЛИЖНИЙ ПРИГОРОД?

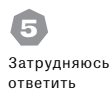
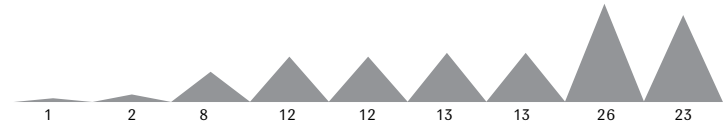
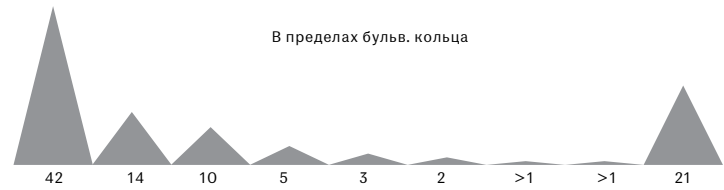


РИС. 7 СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ЗА ОБЫЧНЫЙ БУДНИЙ ДЕНЬ ВЫ ПРОВОДИТЕ

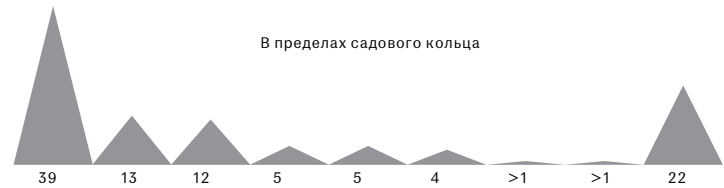
В пределах своего района



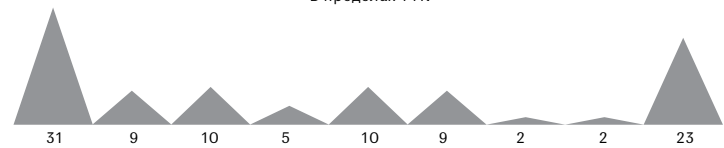
В пределах бульв. кольца



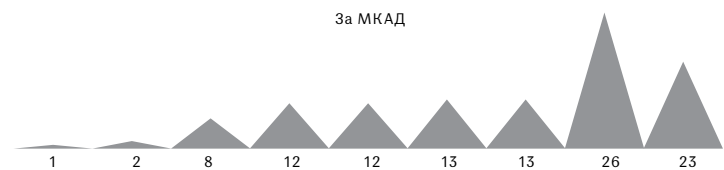
В пределах садового кольца



В пределах ТТК



За МКАД



Не бываю Менее 1 часа 1-3 часа 3-5 часов 5-8 часов 8-10 часов 10-12 часов Более 12 часов Нет ответа

ТАБЛИЦА 10 ОЦЕНКА ТРЕХ ФАКТОРОВ
В УСЛОВНЫХ БАЛЛАХ

	ЭКОЛОГИЯ	КОМФОРТНОСТЬ	БЕЗОПАСНОСТЬ	ИНТЕГР. ОЦЕНКА
КУНЦЕВО	7.28	6.71	7.67	21.66
ЩУКИНО	6.43	6.28	7.16	19.81
ТРОПАРЕВО-Н.	6.86	6.71	5.17	18.74
С. МЕДВЕДКОВО	4.57	4.28	4.5	13.35
Ю. ЧЕРТАНОВО	4.42	4.0	3.0	9.14
МАРЬИНО	2.14	4.0	3.0	9.14
ГОЛьяНОВО	2.85	1.0	3.0	8.85
КАПОТНЯ	1.0	1.0	2.0	4.0

ный интеллигентный, пунктуальный. Морфологические, городские градостроительные характеристики: большой, активный, ведущий, плотный, насыщенный, многоэтажный, энергичный ухоженный, свежий, застраивающийся, расстраивающийся строящийся. Что полагается ругать в Капотне: на месте признаний в любви (как в Тропарево), признание в ненависти: отвратительный. Далее одно из определений было: отрицательный. И в самом деле, среди определений почти половина — построенные на отрицании: Необорудованный, неразвитый, непродуманный, несовершенный, неудобный некомфортный, непопулярный, непрестижный, не зеленый, не озеленённый неприглядный, некрасивый, неэкологичный. О низком статусе говорят предикаты: депрессивный, низкокачественный. Сравнительно ласково звучат определения: панельный, холодный, серенький. Остальные являются прямо обвинениями: грязный, экологически грязный, опасный. О его расположении много говорят рисунки респондентов, но и в этом тесте сказано о его топосе много: одинокий, уединённый, забытый богом, запущенный, и, наконец, окраинный. Рассмотрим претензии к Марьино и Гольяново: главное — плохо развивающийся. Важные для нынешних москвичей претензии по поводу плохой экологической ситуации: неэкологичный, загрязненный. Как и Капотня, он описывается через не-: несовременный, неуспевающий, нестабильный, неудобный.

Вот претензии эстетического характера: плотно застроенный, пыльный, серый, скучный, старый, увядший, темный. Они же, но с включением оценок атмосферы: глушащий, тяжелый, кислый, простой, но тут же: сложный. Много говорится о его изолированности от остальных частей города: замкнутый (транспортно), замкнутый, отдаленный удаленный автомобильный, локационно-проблемный. По мнению жителей Гольяново их проблемы связаны во многом с терминалом междугородных автобусов: рыночный, автобусный, автовокзальный, привокзальный, междугородный. Этих проблем у Гольяново больше, чем у Марьино: беспокойный, проблемный, алкогольный, наркоманский, миграционный, бомжеватый, деревенский, некультурный, неформальный, приезжий, провинциальный.

В ходе групповых дискуссий представителям четырех районов (Тропарево-Никулино, Марьино, Гольяново, Капотня) было предложено оценить качество восьми районов — четырех, в которых они проживают, и еще четырех: Кунцево, Северное Медведково, Южное Чертаново, Щу-

ТАБЛИЦА 11

РАНЖИРОВАНИЕ ВОСЬМИ РАЙОНОВ ЖИТЕЛЯМИ ЧЕТЫРЕХ РАЙОНОВ (ПО СУММЕ ОЦЕНОК ТРЕХ ФАКТОРОВ)

ОЦЕНКИ ЖИТЕЛЕЙ РАЙОНОВ, (МЕСТО):	ТРОПАРЕВО-Н	МАРЬИНО	ГОЛЬЯНОВО	КАПОТНЯ
1	ТРОПАРЕВО-Н	ЩУКИНО	КУНЦЕВО	КУНЦЕВО
2	ЩУКИНО/КУНЦЕВО	КУНЦЕВО	ЩУКИНО	ТРОПАРЕВО-Н
3	ЩУКИНО/КУНЦЕВО	ТРОПАРЕВО-Н	ТРОПАРЕВО-Н	ЩУКИНО
4	Ю. ЧЕРТАНОВО	С. МЕДВЕДКОВО	Ю. ЧЕРТАНОВО	С. МЕДВЕДКОВО
5	С. МЕДВЕДКОВО	Ю. ЧЕРТАНОВО	С. МЕДВЕДКОВО	МАРЬИНО
6	ГОЛЬЯНОВО	МАРЬИНО/ГОЛЬЯНОВО	МАРЬИНО/ГОЛЬЯНОВО	Ю. ЧЕРТАНОВО
7	МАРЬИНО	МАРЬИНО/ГОЛЬЯНОВО	МАРЬИНО/ГОЛЬЯНОВО	Ю. ЧЕРТАНОВО
8	КАПОТНЯ	КАПОТНЯ	КАПОТНЯ	КАПОТНЯ

кино. Оценка проводилась по трем факторам: экологическая характеристика, комфортность проживания и безопасность проживания. Свое коллективное мнение участники дискуссий вырабатывали, расставляя восемь районов по местам в порядке убывания обсуждаемого качества (на первом месте район с наилучшими экологическими условиями, на последнем, восьмом — с наихудшими, то же самое в отношении комфортности и безопасности проживания) (таб. 10, 11). При ранжировании по экологическим условиям жители Тропарева-Никулино ставят собственный район на первое место, жители Марьино — на предпоследнее, жители Гольяново — на пятое, жители Капотни — на последнее. При ранжировании по комфортности проживания жители Тропарева-Никулино ставят свой район на первое и второе места, жители Марьино — на второе (старшие), и шестое (младшие), жители Гольянова — на шестое, жители Капотни — на последнее. При ранжировании по безопасности проживания жители Тропарева-Никулино ставят свой район на третье место, жители Марьино — на последнее и на четвертое (младшие), жители Гольяново — на предпоследнее, жители Капотни на последнее и четвертое (младшие). В общем и целом можно заключить о наличии довольно высокого сходства во мнениях у жителей четырех районов с весьма разными по их собственным оценкам уровнями качества жизни. Безусловно выделяются среди восьми районов три группы: «хорошие районы» (Кунцево, Тропарева-Никулино, Щукино), районы «средние» (Южное Чертаново и Северное Медведково), районы «плохие» (Марьино и Гольяново) и «очень плохой район» (Капотня). При этом отрыв оценок трех «хороших» районов и одного «очень плохого» от четырех остальных значительный. Корреляция оценок по факторам достаточно высокая, в особенности в отношении самых лучших и самых плохих районов. Хорошая репутация Тропарева-Никулино и поддерживается не только его жителями, но всеми остальными, точно так же, как и плохая репутация Капотни. О положении в Щукино были осведомлены не все. Но те, кто там бывали, очень высоко отзывались о новой застройке. Ситуация в Кунцево обсуждалась на повышенных тонах. Большинство выводили его достоинства не из собственного опыта посещения, а из давно сложившегося мнения, что это район, где живет элита. Им возражали, что это уже давно не так, что элита оттуда уехала, и ничего в нем нет. Но старые стереотипы явно преобладали. Аналогич-

но, в отношении к Капотне проявлялись не собственные впечатления от посещений, но дурная общемосковская репутация района. О том, что в Капотне ужасно, знают если не все, то очень многие. Жители Капотни готовы говорить о своем районе и добрые слова, но они признают эту стигматизацию и вынуждены считать ее справедливой. Интересно было наблюдать, как формируется в ходе дискуссии оценка таких мест, как Ю. Чертаново и С. Медведково. Людей имевших личные впечатления от проживания там или хотя бы посещения этих мест, бывало не очень много. Далеко не все представляли себе, где располагаются эти районы (уточняли через ветки и станции метро). Однако, с соответствующими топонимами в сознании москвичей явно связаны определенные оценки, именно они — а не личные впечатления бывавших там — приводили к тому, что на восьми (!) групповых дискуссиях эти районы помещали примерно на одни и те же места. По поводу районов Марьино и Гольяново можно сказать почти то же самое, но с таким отличием, что из восьми дискуссий на двух были представители Марьино и на двух — представители Гольянова. Таким образом, наше исследование позволяет говорить о том, что в поясе «периферийной» Москвы представлены районы разных степеней периферийности.

Заключение: город и поток

Идея городского давно и прочно связана с идеей движения. В характерной для европейской традиции оппозиции городское-сельское городскому началу приписывается как правило динамизм, сельскому косность, недвижность. Другая характерная для европейской традиции оппозиция прогресса-стагнации или прогресса-регресса связывает как правило прогресс, развитие именно с городом, городами. Грандиозная идея урбанизации как всемирно-исторического процесса целиком построена на представлении о движении. Урбанизацией зовутся и динамические демографические процессы, начиная с пространственного перемещения жителей села в города и далее процессы количественного роста городов — как в отношении их населения, так и в отношении их территории. Урбанизацией называется также иной вид движения, а именно противоположный по вектору процесс распространения из городов на сельскую округу городского образа жизни, в том числе свойственной ему подвижности, динамичности. Среди метафор движения одна из весьма распространенных — метафора течения, потока, тока — и можно рассмотреть город, и московскую периферию в этих понятиях. Результатом можно считать следующие наблюдения и заключения. Явления и процессы, которые обнаружены в результате проведенных исследований имеют по преимуществу стационарный характер. Относительно изучаемого объекта — «периферии» Москвы — можно заключить, что, в отличие от центра города и зоны вне МКАД, эта часть претерпела с момента своего формирования в 1960–1980е гг очень мало изменений как в градостроительном, плане, так и в плане отношений между его жителями. Помимо обнаруженной неизменности этого массива выявлены и установки на сохранение статус-кво в той субкультуре, которая характерна для обитателей этого социального пространства. Выявлены при этом элементы подвижности в названной социокультурной среде. Их общий признак — это выходы за пределы повседневности и одновременно выезды за пределы привычной среды. Есть четыре элемента московской социокультурной среды, которые в наибольшей степени

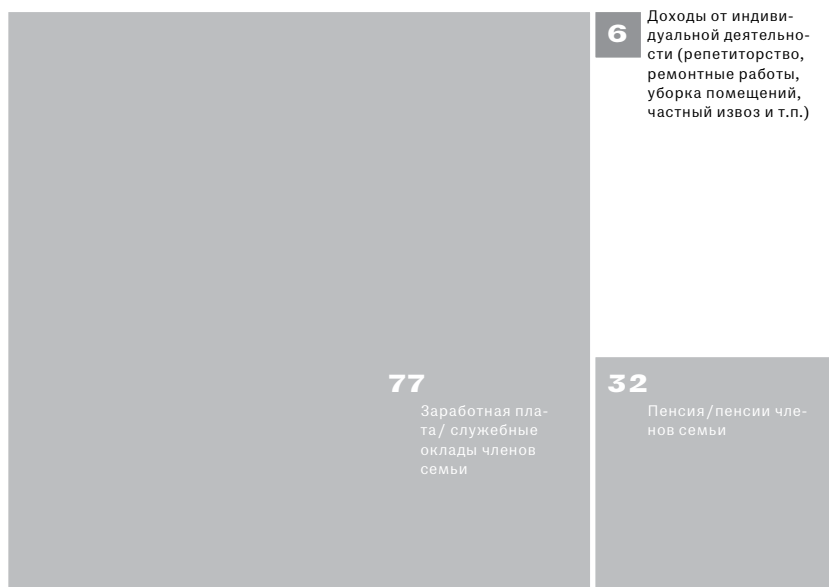


РИС. 8 КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

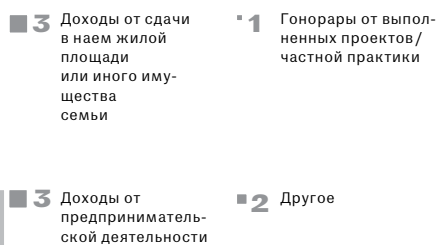


РИС. 9 ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ИМЕЕТСЯ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?

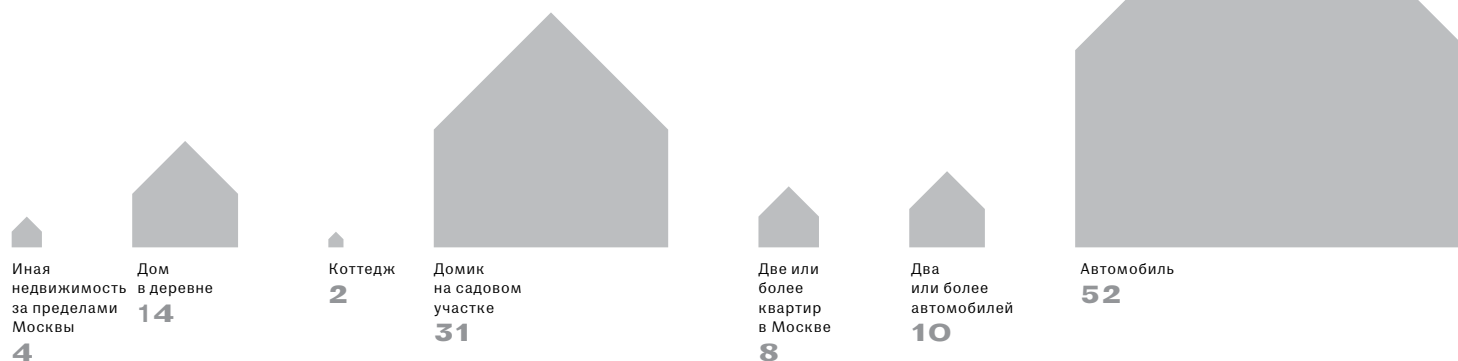


РИС. 10 ПОКУПАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКИХ РАЙОНАХ ГОРОДА?



отвечают этим определениям подвижного, текучего.

- Это представители авангардной художественной и бытовой субкультуры, чьими усилиями Москва преобразуется в центре и на второй периферии за пределами МКАД
- Это москвичи—как их называли, представители креативного класса, но только в те краткие моменты своего существования, когда они коллективно выходили за пределы политической и иной повседневности и образовывали шествие, заливающее московское городское пространство, интеллектуальное движение, заливающее интернет
- Это наиболее мобильные и включенные в мировые потоки москвичи, которые образовали поток эмигрантов, утекший за рубеж в последние годы. Они не присутствуют в физическом пространстве Москвы, но находятся в коммуникации с москвичами, присутствуют в московском интеллектуальном и политическом пространстве.
- Это приезжие, наиболее мобильный элемент среднеазиатских и кавказских обществ, прибывшие в Москву в поисках работы, продвижения. Они физически рассеяны по городу и пригородам, их физическое присутствие в московских пространствах ограничено. Но их присутствие в политическом и бытовом дискурсе москвичей гипертрофированно-велико

Москву охватывает конфликт «текучего» и «стоячего». В краткосрочной перспективе динамичный элемент, как правило, бурно растет и развивается. Затем наступает период стагнации, превращения динамичного и свободного движения в движение зарегулированное, типизированное, например челночное, комьютерное. Далее возможно превращение подвижного элемента в стационарный. В свете этой имманентной динамики необходимо принимать меры по направлению этих движений в те социальные места, где их появление будет наиболее благоприятным и для них и для принимающей стороны. При этом примем во внимание интересы наименее мобильной зоны — периферии. В отношении первой группы можно рекомендовать размножение институтов и институциональных средств воздействия на город. Опыт существования института Стрелка, зоны Винзавод и тп и совокупности арт-общин на одноименных территориях подсказывает, что следующим шагом должен быть их «выплеск» в город, размножение авангардных вмешательств в городскую среду центра и, конечно, периферии. В отношении второй группы следует поддерживать институциональными средствами переход активного класса к постоянно-существующим инициативам и длящимся действиям гражданского значения. Для этого очевидно следует менять общегородской уровень на муниципальный и переходить к гражданскому действию в жилых районах периферии. В отношении эмиграции вряд ли стоит ставить цели физического возвращения этих людей в ближайшее время, однако, укрепление и опубличивание этой связи с отечеством было бы к пользе обеих сторон.

Наконец, в отношении иммигрантов следует принять срочные меры для предотвращения возникновения гетто на территории Москвы или вблизи ее границ. Далее необходимо срочно создать научные и научно-практические учреждения по изучению соответствующих диаспор, далее по работе с ними в деле нормализации их отношений с принимающей стороной. Необходимо привлекать волонтеров для работы в этой среде, необходимо устанавливать контакт между различными категориями приезжих и местными сообществами.

РИС. 11 С КАКИМИ ЦЕЛЯМИ ВЫ ЕЗДИТЕ В ЦЕНТР ГОРОДА?



1. На работу, учебу, по делам, связанным с работой, учебной
33

2. За покупками повседневного характера
6

3. Посетить крупный торговый-развлекательный комплекс
10

4. Встретиться с знакомыми, родными, близким человеком
31

5. Посетить административное учреждение, министерство, органы власти
13

6. Сходить в музей, на выставку, театр, на концерт
30

7. Сходить в кино
16

8. Сходить в кафе, ресторан
15

9. Посетить общественное мероприятие, праздник, митинг
13

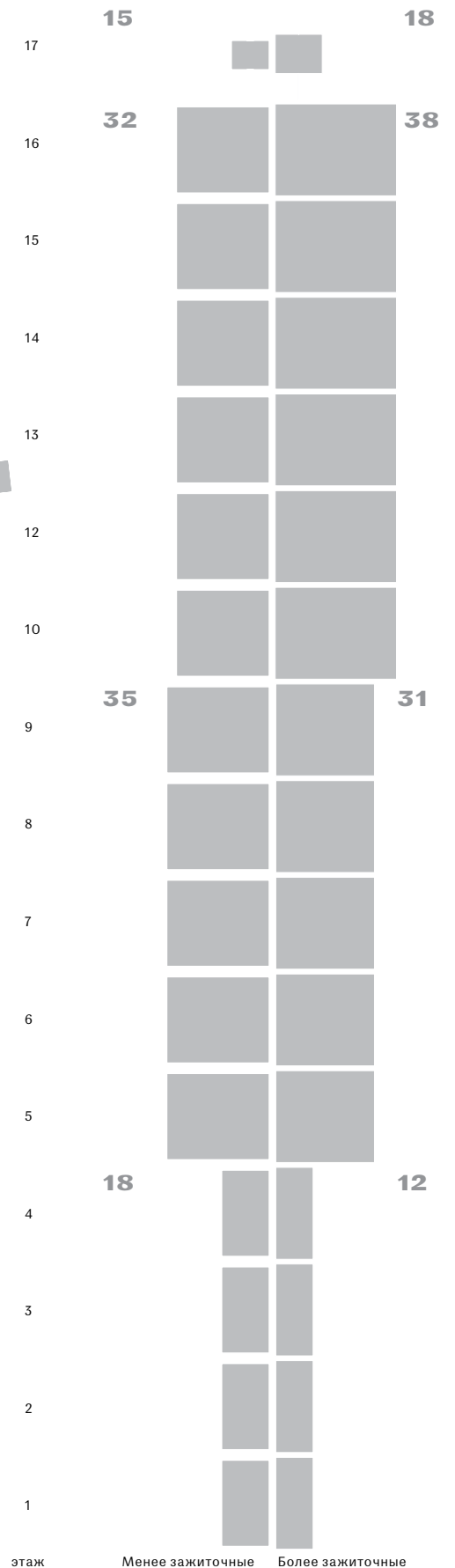
10. Прогуляться по улицам города, в парке
20

11. Другое
1

12. Не бываю в центре
17

13. Затрудняюсь ответить
1,9

РИС. 12 НА КАКОМ ЭТАЖЕ ВЫ ЖИВЕТЕ?



этаж

Менее зажиточные

Более зажиточные

Авторы текста
Надежда Косарева
Алексей Новиков
Татьяна Полиди
Александр Пузанов

Рабочая группа
Мария Головина
Екатерина Дыба
Елена Путилова

Организации
Фонд «Институт экономики города»
Thomson Reuters

S P A C E D

ЭКОНОМИКА

1. Введение
2. Особенности пространственной структуры Москвы
3. Основные дисбалансы в пространственной экономике города Москвы
 - 3.1. Плотность жилой застройки
 - 3.2. Рабочие места и промышленные зоны
 - 3.3. Предложение потребительских услуг
 - 3.4. Ценообразование на рынке жилья и качество городской среды
 - 3.5. Налоговое регулирование использования недвижимости
4. Теоретическая модель циклической деградации московской периферии
5. Новая модель последовательного развития московской периферии
 - 5.1. Контроль над плотностью жилой застройки на периферии
 - 5.2. Эффективное использование промышленных зон
 - 5.3. Качественная субурбанизация
6. Заключение

Равновесие в экономике неравновесного города

Надежда Косарева, Алексей Новиков,
Татьяна Полиди, Александр Пузанов

1. Введение

1 Расчет по паритету покупательской способности по данным Международного валютного фонда - Report for Selected Countries and Subjects, World Economic Outlook Database, октябрь 2013 года, www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/02/weodata/index.aspx.

Москва — это мегаполис с 15-миллионным населением, 30-я экономика мира, сопоставимая по размеру ВВП (порядка 440 млрд. долларов¹) с такими странами как Швеция и Норвегия, более чем в 1,5 раза превышающая ОАЭ и Португалию. Это город-государство, пятая часть экономики России, город, зажатый в тисках между глобальными финансовыми трендами и ресурсной экономикой самой большой по площади страны мира. Это еще и гигантский населенный пункт, спланированный по лекалам монопрофильного фордистского города с четким разделением территории по функциям: административный центр, производственные зоны и спальные районы.

Триумф статуса и масштаба, проблема открытой (при этом зависимой) экономики и трагедия пространственной организации формируют особенности московской экономической модели.

По общим показателям Москва обеспечивает своим жителям самый высокий в России уровень благосостояния и качества жизни. В среднем заработная плата здесь в два раза превышает среднероссийскую, а цены на недвижимость выше среднероссийских более чем в два раза. Одним из основных факторов такого опережающего развития оказывается столичное положение Москвы, обуславливающее в том числе высокие доходы ее бюджета — около 140 тыс. руб. на душу населения в год², что в среднем в три раза выше, чем в других российских городах.

Современная экономика Москвы в значительной мере зависит от макроэкономических факторов (инфляция, платежный баланс, государственные расходы, курсы валют и др.), на которые город практически не может повлиять. Ресурсный характер экономики страны создал условия развития «голландской болезни», первой жертвой которой стала Москва, одновременно получающая и самую большую выгоду от ресурсного богатства.

Потоки валюты от экспорта сырья, в условиях плохого инвестиционного климата и невнятной политики по диверсификации экономики страны, привели к удорожанию национальной валюты, росту издержек производства, падению производительности труда, снижению конкурентоспособности российских компаний.

2 Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда www.finder.mos.ru/pages/959.

В таких условиях не инновационный сектор, а жилье стало ядром экономической модели города. Разница в уровне жизни между Москвой и остальной Россией, огромный рынок труда и близость к государственным и коммерческим центрам принятия решений, стремительный рост сектора услуг, а вместе с ним и среднего класса, заинтересованного в улучшении жилищных условий — все это сформировало огромный спрос на рынке жилищного строительства Москвы. При этом основными прямыми инвесторами в жилищное строительство стали сами граждане, а не институциональные инвесторы и кредиторы. Существенный перекося финансовых потоков в пользу объектов недвижимости почти не отразился на структуре налоговых доходов города. Доля доходов бюджета Москвы от налога на землю составляет всего 0,09%, от налога на имущество физических лиц — 0,004%, доходы от сдачи в аренду земельных участков дают всего 0,02%³.

Отсутствие реального фискального федерализма в стране, жесткость федерального налогового законодательства ограничили возможность городских властей полноценно управлять своей налоговой базой. Слабость концепции и инфраструктуры перехода к рыночным отношениям в сфере земли сыграли не меньшую роль. В результате Москва не смогла усвоить и справедливо перераспределить эффект от потока инвестиций в жилую недвижимость в пользу качества жизни и развития городской среды. Налоговая система не сработала, эффект от роста сектора жилой недвижимости остался в монополизированном строительном комплексе. Парадокс экономической модели Москвы состоит в том, что, несмотря на свое столичное положение и ресурсы недвижимости добавленная стоимость такого благоприятного сочетания оказывается крайне невысокой.

3 Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда www.finder.mos.ru/pages/959.

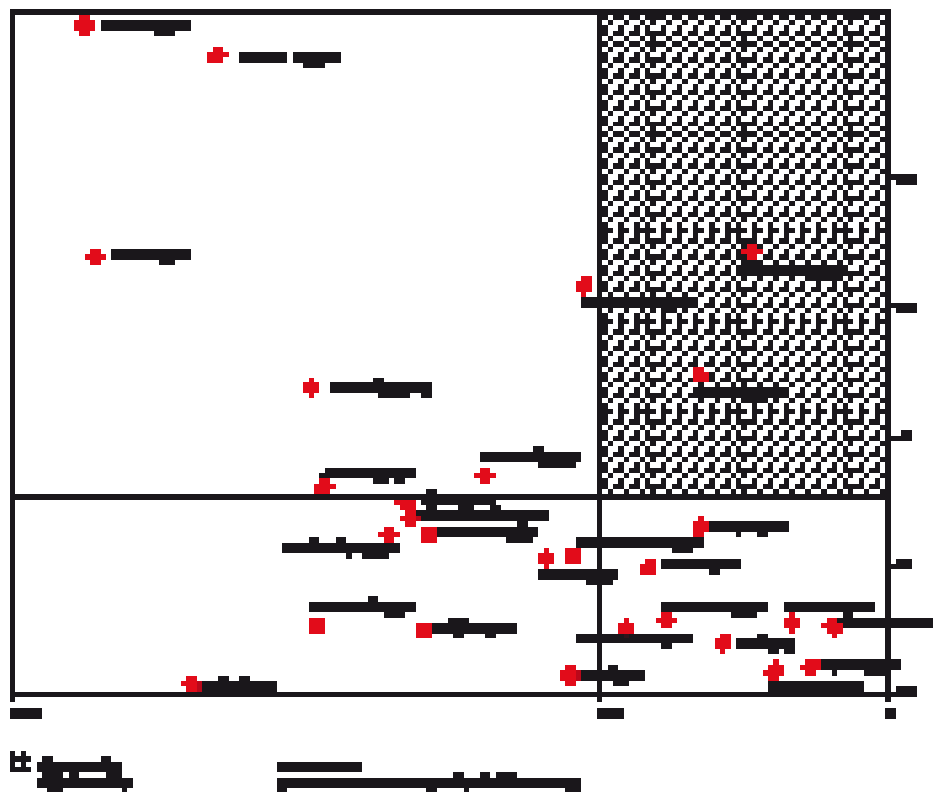
2. Особенности пространственной структуры Москвы

Особенности экономики Москвы обостряются ее пространственной структурой. Москва отличается целым рядом существенных пространственных диспропорций, прежде всего между центром и периферией. Периферия города по сравнению с его центром отличается «избыточной» плотностью населения и жилой застройки, низкой обеспеченностью местами приложения труда, недостатком потребительских услугами, слабой дифференциацией качества городской среды.

Плотность населения Москвы и ее территориальная структура — это ключевой индикатор клубка московских проблем. По плотности населения среди крупнейших городов мира Москва уступает лишь Дакке, значительно опережая другие города развивающихся стран, такие как Лагос, Бомбей, Гонконг, Сингапур, не говоря уже о Нью-Йорке и европейских столицах — Лондоне, Париже, Риме, Брюсселе.

Рисунок 1. Соотношение плотности населения и уровня комфорта в крупных городах мира.
Плотность населения (чел / км²)

На основании площади городской агломерации
© 2013 Centre for Liveable Cities
and Urban Land Institute



Сочетание высокой плотности населения и низкого качества жизни (по критериям компании Mercer, см. рис. 1) выводит Москву в группу наиболее проблемных городов мира наряду с Даккой и Лагосом, Бомбеем и Лимой. Примечательно, что Москва по уровню душевого дохода, который равен аналогичному показателю в Нидерландах, значительно превышает эти бывшие колониальные столицы.

4 Jane Jacobs. The Death and Life of Great American Cities, Vintage books. A Division of Random House, Inc, New York, 1992, page 208.

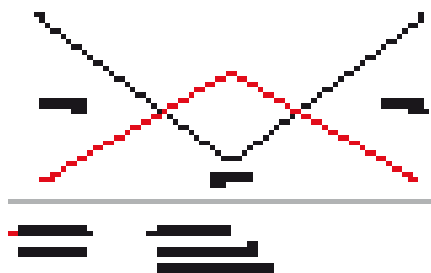


Рисунок 2 Схематичное изображение распределения плотности коммерческой и социальной инфраструктуры по территории Москвы.

В чем же дело? Ответ на этот вопрос кроется в пространственном сочетании плотности населения Москвы и плотности социальной и коммерческой инфраструктуры. Если плотность населения в Москве растет от центра к периферии, то объемные показатели и качество социальной и коммерческой инфраструктуры падает. В графическом исполнении это как бы две воронки направленные друг на друга (см. рис. 2).

В результате такого соотношения на периферии Москвы возникает так называемая «сырая», или «дурная» плотность населения, не подкрепленная соответствующим ей количеством предприятий малого и среднего бизнеса, обеспечивающих население всем необходимым в рамках пешеходной доступности.

Проблемы создает и свободная планировка, отсутствие квартальной застройки, неразвитость пешеходной инфраструктуры и отсутствие планировочных решений по смешанному землепользованию. Еще Джейн Джекобс обращала внимание на то, что комфортная городская среда нуждается в высокой плотности населения. Однако этот уровень комфорта достигается только тогда, когда в пределах пешеходной доступности размещается инфраструктура повседневной жизни⁴.

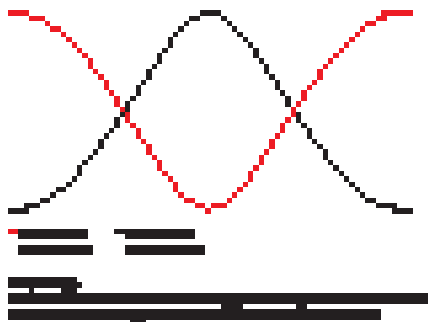
5 Land Use and Traffic Congestion Final Report 618 March 2012 Prepared by: J. Richard Kuzmyak Transportation Consultant, LLC Silver Spring, Maryland In Association with: Caliper Corporation Newton, Massachusetts and PolyTech Corporation Surprise, Arizona.

По данным доклада департамента транспорта штата Аризона, проводящего эмпирические исследования в агломерации Финикса и других городах США, проблемы трафика находятся в прямой зависимости от плотности населения⁵. Причем, чем она выше, тем меньше времени проводится в пробках, тем меньше нагрузка на сеть общественного транспорта.

Преобразование «сырой» плотности населения в «здоровую» и «креативную» должно вестись по принципу четырех D: density — высокая плотность, diversity — функциональное разнообразие использования городского пространства, design — градостроительное проектирование с учетом пешеходной доступности, destination — наличие транспортных альтернатив. В московских условиях реализация принципов 4D требует значительных капиталовложений. Растиражированный советскими властями принцип свободной планировки создал из Москвы рыхлый город, большая часть обитаемых пространств которого выходит за пределы человеческого масштаба.

Советские микрорайоны по своему замыслу включали пешеходную доступность к социальной и коммерческой инфраструктуре в качестве существенного элемента «советского образа жизни», однако поддержание этой доступности держалось на директивах и планах, расчетных показателях и отсутствии конкуренции за арендные площади. переходом к рынку «советский минимум» социальной и коммерческой инфраструктуры постепенно стал замещаться бизнесом, не всегда отвечающим ежедневным потребностям населения (банки, магазины сантехники, электроники, одежды и мебели, автодилерские пункты, т. д.).

Свободная планировка советских микрорайонов оказалась на редкость несоответствующей естественно складывающемуся рыночному пространству, в особенности в его пешеходном измерении. Отсутствие ярко выраженных улиц с первыми этажами, занятыми торговыми и социальными функциями, рассеянность предприятий торговли и услуг по микрорайону, не дают возможность предприятиям малого и среднего бизнеса получить необходимый по объему поток клиентов. С другой стороны, визуальная изолированность затрудняет потенциальным клиентам поиск нужных им магазинов или пунктов услуг (eye traffic): дома нарочито уведены от пешеходных и автомобильных артерий, заслонены зелеными насаждениями. Развитие на периферии Москвы качественной городской среды — проект не одного десятилетия. Существующие дисбалансы не могут быть устранены исключительно посредством рыночных отношений землепользователей и застройщиков.

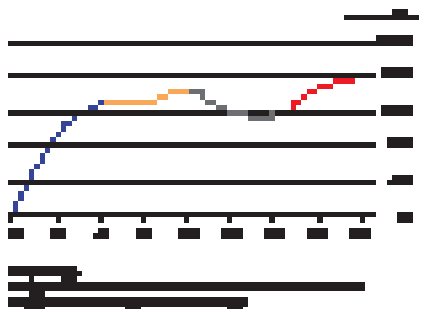
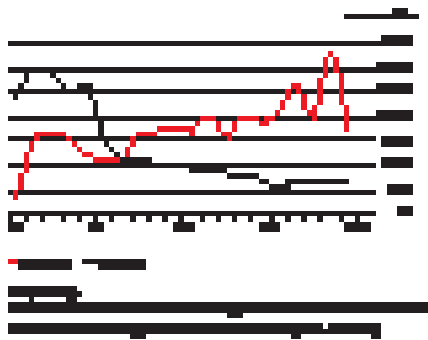


Достаточно упомянуть тот факт, что рынок жилой недвижимости Москвы не замечает даже 25% падения цен на нефть, продолжая опираться на бесконечный спрос и монопольный строительный бизнес, который идет еще дальше в заполнении пространства московской периферии и за пределами МКАД, заполняя пространство Московской области многоэтажным жильем — убежищем, «крышей над головой», без инвестирования в инфраструктуру креативной городской среды.

3. Основные дисбалансы в пространственной экономике города Москвы

Среди основных дисбалансов между центром и периферией Москвы особенно выделяются:

- 1 «избыточная» плотность населения и жилой застройки на периферии по сравнению с центром города — в среднем 136 человек на га против 72 человек на га соответственно;
- 2 высокая концентрация мест приложения труда в центре по сравнению с периферией — 37% рабочих мест расположено в Центральном административном округе, занимающем 5% территории города, 9,3% рабочих мест приходится на промышленные предприятия, занимающие 16% территории города (промышленные зоны), что в 13 раз меньше в расчете на 1 га;
- 3 недостаточная обеспеченность жилой застройки потребительскими услугами (бытовым обслуживанием, розничной торговлей и общественным питанием, инфраструктурой культуры и досуга) на периферии по сравнению с центром города — в среднем периферия в 3 раза менее обеспечена розничной инфраструктурой, чем центр;
- 4 слабая дифференциация качества городской среды за пределами центра — в центре разброс цен на жилье составляет в среднем 20%, а на периферии — 12%; положительная зависимость волатильности цен на жилье от уровня этих цен свидетельствует о том, что только в сегменте дорогого жилья качество городской среды является весомым фактором ценообразования;
- 5 отсутствие дифференциации налоговой базы по налогу на землю и налогу на имущество физических лиц между центром и периферией, в частности в силу преобладания (97%) государственной собственности на землю.



● Центральный административно-деловой пояс
 ● Первое кольцо плотной жилой застройки
 ● Промышленный пояс Москвы
 ● Второе кольцо плотной жилой застройки

3.1 Плотность жилой застройки

Как показывают исследования⁶, город с рыночной экономикой компактен и максимально плотен в центре, а город с плановой экономикой наоборот уплотняется к окраинам (см. рис. 3). В условиях рыночного ценообразования по мере увеличения населения города наиболее ценные центральные территории используются интенсивнее, плотность застройки и одновременно цены на недвижимость возрастают, оставшаяся потребность в дополнительной недвижимости удовлетворяется за счет увеличения площади города, при этом плотность такой застройки постепенно также увеличивается по направлению к центру города. В исследованиях внутригородской системы расселения постсоциалистических городов, проведенном в начале 2000-х годов Аланом Берто (2000–2004 гг.) показано, что в отличие от городов с более длинной историей рыночного развития в постсоциалистических городах плотность населения возрастает от центра к окраинам (см. рис. 4).

6 СМ. НАПРИМЕР: 1. Alain Bertaud (“Winds of Societal Change: Remaking Post-communist Cities”, the Russian and East European Center (REEC), University of Illinois at Urbana-Champaign // 17–19. June 2004. 2. Alain Bertaud, Marie Bertaud “The Spatial Development of Warsaw Metropolitan Area”, 2000.

Среди ярких примеров — Москва, Будапешт, Краков, Ереван и др. Как сказались 20 лет рыночной экономики на пространственной организации жилой застройки и расселения в Москве? Ответ на этот вопрос дает сравнительный анализ распределения плотности населения в зависимости от удаленности от центра вдоль 11 крупнейших транспортных артерий Москвы в 1989 и 2010 годах. Анализ проведен по следующей методике:

- 1 отобрано 11 крупнейших транспортных артерий: Кутузовский проспект, шоссе Энтузиастов, улица Профсоюзная, проспект Мира, Ленинградский проспект, Мичуринский проспект, Каширское шоссе, Звенигородское шоссе, Дмитровское шоссе, Щелковское шоссе и Волгоградский проспект;
- 2 каждая ось разделена на интервалы длиной по 2 км, в пределах которых были выделены кадастровые кварталы;
- 3 для каждого кадастрового квартала рассчитана плотность населения в 1989 и 2010 гг.⁷

7 Плотность населения рассчитана как частное от деления численности населения кадастрового квартала на площадь кадастрового квартала (по данным Публичной кадастровой карты). Численность населения кадастрового квартала рассчитана как произведение среднего размера домохозяйства в районе (по данным Всероссийской переписи населения 1989 и 2010 гг.), в котором расположен кадастровый квартал, и количества жилых единиц в кадастровом квартале. Количество жилых единиц в кадастровом квартале определено по данным информационной базы данных wikimapia.org (по спутниковому снимку определена типовая серия каждого здания и, исходя из этого, рассчитано количество жилых единиц внутри кадастрового квартала).

Результаты проведенного анализа позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, население по территории Москвы распределено крайне неравномерно. Описывая характер его распределения схематично (см. рис. 5), можно выделить 4 «пояса плотности».

ПОЯС 1

Центральный административно-деловой пояс (удаленность от центра 0–4 км). Историческое ядро города. В среднем значение плотности населения здесь составляет 72,3 чел/га (в отдельных районах достигается максимум в 127 чел/га). Невысокие значения плотности объясняются присутствием здесь исторических зданий и административных объектов. Здесь сконцентрированы центральные функции города. В пределы данной территории входит первый промышленный пояс Москвы, который располагается у границ пояса и в значительной степени уже застроен.

ПОЯС 2

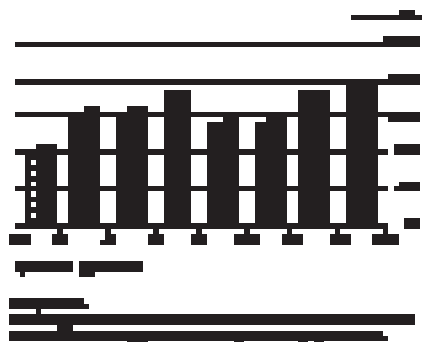
Первое кольцо плотной жилой застройки (удаленность от центра 4–8 км) — жилая застройка сочетается с промышленными и масштабными зелеными зонами. Территория присоединена к Москве еще в довоенное время (сталинская реконструкция Москвы). В среднем значение плотности населения здесь составляет 137,5 чел/га (в отдельных районах достигается максимум в 145 чел/га).

ПОЯС 3

Промышленный пояс Москвы (удаленность от центра 8–12 км) — активно расширяется в послевоенный период (до расширения города в 1960 г. данная территория была окраиной). В среднем значение плотности населения составляет 117,5 чел/га, однако и здесь сегодня начинают развиваться отдельные «пятна» жилой застройки, где значение показателя достигает 120 чел/га (пример — освоение территории промышленной зоны Очаково). В общем же степень застройки промышленного пояса не высока.

ПОЯС 4

Второе кольцо плотной жилой застройки (удаленность от центра 12–16 км) — территория начинает активно застраиваться после 1960 г., застройка продолжается вплоть до настоящего времени. В среднем значение плотности населения здесь составляет 152 чел/га (в отдельных районах достигается максимум в 377 чел/га).



8 При усреднении данных по плотности населения уплотнение оказывается более сглаженным из-за того, что промышленный пояс в одних частях Москвы шире, в других – уже. Четко отследить процесс уплотнения окраин можно только на уровне осей.

Во-вторых, за более чем 20 лет развития в условиях рыночной экономики модель распределения плотности населения Москвы не претерпела существенных изменений и не приблизилась к характеристикам пространственной организации «рыночного города» — как в 1989, так и в 2010 году городская периферия заселены намного плотнее, чем центр города (см. рис. 6.). Кроме того, важно отметить, что на макроуровне масштабные изменения плотности населения выявлены не были (что связано с неоднородностью пространства города).

Процесс уплотнения окраин наиболее заметен на уровне анализа осей⁸. Осевой анализ показал, что за период с 1989 по 2010 гг. московские окраины уплотнились существенно, чем центральная часть города, что отчетливо видно при индивидуальном анализе изменений по осям. Так, по оси «Мичуринский Проспект» плотность населения в районе Тропарево-Никулино выросла с 70 до 250 человек на гектар (т.е. прирост составил 257%), а в центре только на 23,4% — с 69 до 84 человек на гектар. Это указывает на запаздывание процесса становления полноценного рынка земли и недвижимости в г. Москве.

При этом, городская территория уплотняется очень выборочно: даже в рамках «привлекательного для инвесторов» второго пояса плотной застройки ядра максимальной плотности населения тяготеют к местам пересечения крупных транспортных магистралей с МКАД, и за последние 20 лет эти ядра, как правило, становятся все более весомыми.

3.2 Рабочие места и промышленные зоны

Сегодня в Москве насчитывается 209 промышленных зон. По некоторым оценкам их территория занимает 7,9 тыс. га, или 16% территории города. С учетом территорий перегрузочных, товарных и транспортных дворов, коммунальных зон и инженерной инфраструктуры территория производственных зон составляет около 15,5 тыс. га⁹ (для сравнения площадь Парижа — 10,5 тыс. га), из них 478 га находятся вне границ производственных зон. В общей сложности территорию Москвы пересекают около 150 км заборов по периметру промышленных зон, дробящих непрерывную ткань города на отдельные части.

Пятая часть всей площади производственных зон Москвы приходится на Юго-Восточный административный округ (четверть всей территории административного округа). Еще 15% на Южный и 8% на Юго-Западный административные округа. «Южные» административные округа Москвы (Южный, Юго-Западный и Юго-Восточный) концентрируют 41% территории всех производственных зон. Наименьшую долю земельных ресурсов Москвы занимают производственные зоны в Центральном и Северо-Западном административных округах — 2% и 4% соответственно.

По доле производственных зон в структуре территории административных округов лидирует Зеленоградский административный округ — в нем производственные зоны занимают 26% территории (972 га), это объясняется небольшой площадью самого округа. Лидером по аналогичному показателю среди округов в пределах МКАД является Юго-Восточный административный округ — 25% (2887 га), далее следует Южный — 18% (2309 га) и Северный — 18% (2018 га) административные округа (см. рис. 7). Наибольшее количество предприятий сконцентрировано в Северном и Северо-Западном административных округах, тем не менее, они имеют небольшую площадь и умеренное воздействие на окружающую среду, в то время как предприятия на юго-востоке Москвы более крупные и небезопасные для окружающей среды.

9 По данным ЕАИС ЕГИП города Москвы.

Рис. 7 Доля промышленных зон от территории административных округов Москвы.

Источник данных: расчеты авторов по данным <http://moscow.gks.ru>.



10 Федеральная служба государственной статистики. Статистический сборник регионы России. Социально-экономические показатели 2011 г.

11 clever-estate.ru/news/pressabout/ostanutsya-li-ofisyi-klassa-s-i-d-posle-reorganizacii-promzvon.

12 Постановление от 24 февраля 2004 г. N 107-ПП о целевой программе реорганизации производственных территорий города Москвы на период 2004-2006 гг. Пояснительная записка к программе.

13 Федеральная служба государственной статистики. Статистический сборник регионы России. Социально-экономические показатели 2011 г.

14 Стратегия социально-экономического развития Москвы на период до 2025 года.

Большинство (91%) промышленных предприятий Москвы находится в частной собственности, при этом доля таких предприятий в общем объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами составляет всего 26%¹⁰ от всех предприятий обрабатывающего производства Москвы. Таким образом, площади большинства частных предприятий в промышленных зонах используются не по назначению — как офисные, складские, торговые помещения. До 40% общей площади промышленных зон Москвы занимают офисы класса «С», еще 20% занимают помещения различного назначения: автомойки, сервисные центры и пр. Оставшиеся 40% территории используются для производственно-складских нужд¹¹. По данным Правительства Москвы, 24% промышленных предприятий убыточны, износ основных фондов составляет 47%, и только треть комбинатов, заводов и фабрик работают эффективно¹². Низкая эффективность использования территории промышленных зон подтверждается и низкой долей рабочих мест, расположенных в таких зонах. В 2011 году на предприятиях обрабатывающей промышленности Москвы работало 604 тыс. человек — 9,3% занятого населения столицы¹³. В то же время среднесписочная численность рабочих мест в Центральном административном округе составляет 2,4 млн. человек¹⁴. Таким образом, плотность рабочих мест (в расчете на единицу территории) в Центральном административном округе составляет 362,5 чел./га, в то время как в производственных зонах всего 27,5 чел./га, то есть в 13 раз меньше.

Дифференциация цен на жилье в российских и зарубежных городах¹⁵

ТАБЛИЦА 1

ГОРОД, СТРАНА	КОЭФФИЦИЕНТ ВАРИАЦИИ СРЕДНИХ ЦЕН НА ЖИЛЬЕ ПО РАЙОНАМ ГОРОДА, %	КОЭФФИЦИЕНТ ВАРИАЦИИ СРЕДНИХ ЦЕН НА ЖИЛЬЕ ПО РАЙОНАМ ГОРОДА, НЕ ВКЛЮЧАЯ ЦЕНТР, %	ПРЕВЫШЕНИЕ ВАРИАЦИИ СРЕДНИХ ЦЕН НА ЖИЛЬЕ ПО РАЙОНАМ ГОРОДА НАД ВАРИАЦИЕЙ СРЕДНИХ ЦЕН НА ЖИЛЬЕ ПО РАЙОНАМ ГОРОДА, НЕ ВКЛЮЧАЯ ЦЕНТР, %
ЛОС-АНДЖЕЛЕС, США	78	—	—
НЬЮ-ЙОРК, США	67	26	2,6
ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	39	20	2,0
МОСКВА, РОССИЯ	20	12	1,7
ЕКАТЕРИНБУРГ, РОССИЯ	21	15	1,4
ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ	20	18	1,1
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ	12	12	1,0
ПЕРМЬ, РОССИЯ	12	10	1,2

15 Расчеты авторов по данным: Нью-Йорк и Лос-Анджелес - «Hedonic versus repeat-sales housing price indexes for measuring the recent boom-bust cycle», 2010 (Dorsey, Hua, Mayer, Wang), а также Residential data report of The Real Estate Board of New York; Лондон - www.landregistry.gov.uk/; Париж - www.french-property.com/; Москва - база данных «Мониторинг рынка недвижимости», rosreestr.ru/wps/portal/; Санкт-Петербург - агентство недвижимости «Бекар», www.becar.ru/district_stat2.php; Екатеринбург - Региональная ассоциация «Уральская палата недвижимости», urn.ru/analytics/1793/2013/5/14135.htm; Пермь - ООО «Аналитический центр КД-консалтинг» analitika.kamdolina.ru/.

Дифференциация цен на жилье в Москве в зависимости от удаленности от центра города¹⁶

ТАБЛИЦА 2

	РАССТОЯНИЕ ОТ ЦЕНТРА, КМ	СРЕДНЯЯ ЦЕНА ЖИЛЬЯ, ТЫС. РУБ. ЗА 1 КВ. М.	КОЭФФИЦИЕНТ ВАРИАЦИИ ЦЕН НА ЖИЛЬЕ, %
ЦЕНТР	2	273	25
	4	173	16
ПЕРИФЕРИЯ	6	158	13
	8	149	12
	10	134	9
	12	138	15
	14	125	8
	16	121	5

16 Рассчитано авторами по данным базы Мониторинг рынка недвижимости, Росреестр. Используются данные по кадастровым кварталам вдоль 11-ти транспортных артерий: Кутузовский проспект, шоссе Энтузиастов, улица Профсоюзная, проспект Мира, Ленинградский проспект, Каширское шоссе, Звенигородское шоссе, Мичуринский проспект, Дмитровское шоссе, Щелковское шоссе и Волгоградский проспект.

Дифференциация цен аренды 2-х комнатной квартиры площадью 60 кв. м в Москве в зависимости от удаленности от центра города¹⁷

ТАБЛИЦА 3

	РАССТОЯНИЕ ОТ ЦЕНТРА, КМ	СРЕДНЯЯ ЦЕНА АРЕНДЫ, ТЫС. РУБ. В МЕСЯЦ	КОЭФФИЦИЕНТ ВАРИАЦИИ ЦЕН АРЕНДЫ, %
ЦЕНТР	2	91,9	39
	4	66,6	36
ПЕРИФЕРИЯ	6	49,1	46
	8	51,4	38
	10	49,4	36
	12	40,2	35
	14	40	12
	16	37,8	11

17 Рассчитано авторами по данным базы «Яндекс Недвижимость». Использованы данные по кадастровым кварталам вдоль 11-ти транспортных артерий: Кутузовский проспект, шоссе Энтузиастов, улица Профсоюзная, проспект Мира, Ленинградский проспект, Мичуринский проспект, Каширское шоссе, Звенигородское шоссе. Дмитровское шоссе, Щелковское шоссе и Волгоградский проспект.

Средняя цена аренды и ежемесячный платеж по ипотечному кредиту при аренде/приобретении 2-х комнатной квартиры площадью 60 кв. м в Москве в зависимости от удаленности от центра города¹⁸

ТАБЛИЦА 4

	РАССТОЯНИЕ ОТ ЦЕНТРА, КМ	СРЕДНЯЯ ЦЕНА АРЕНДЫ, ТЫС. РУБ. В МЕСЯЦ	ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЛАТЕЖ ПО ИПОТЕЧНОМУ КРЕДИТУ, ТЫС. РУБ. В МЕСЯЦ	ОТНОШЕНИЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ПЛАТЕЖА ПО ИПОТЕЧНОМУ КРЕДИТУ И ЦЕНЫ АРЕНДЫ
ЦЕНТР	2	91,9	140	1,5
	4	66,6	88,6	1,3
ПЕРИФЕРИЯ	6	49,1	81	1,7
	8	51,4	74,4	1,4
	10	49,4	68,8	1,4
	12	40,2	70,5	1,8
	14	40	64	1,6
	16	37,8	62	1,6

18 Предполагается, что доля ипотечного кредита в стоимости квартиры равна 70%, ставка по кредиту равна 12,3% годовых, срок кредита 15 лет.

3.3 Предложение потребительских услуг

Одним из показателей качества жизни является обеспеченность городской среды объектами коммерческого и социального назначения, включая малые предприятия торговли, бытовых услуг и культурно-досуговые учреждения, формирующие розничную инфраструктуру потребительских услуг. Повышение уровня жизни обеспечивается не только за счет увеличения предложения товаров и услуг в шаговой доступности, но и за счет повышения их качества, что обеспечивается высокой конкуренцией между мелкими предприятиями. Помимо этого малое предпринимательство выполняет социальные функции для города — развитие локальных рынков и создание рабочих мест для жителей, использование творческого потенциала граждан и развитие предпринимательского духа, расширение ассортимента, повышение качества товаров и услуг для населения. При этом потребление услуг бытового, культурно-досугового обслуживания, торговли и общественного питания происходит в процессе суточного цикла «потребления городской среды» жителями города и может быть привязано как к месту жительства, так и к месту работы, либо к крупным транспортно-пересадочным узлам. Рабочие места на территории Москвы сконцентрированы в пределах Центрального административного округа (37% всех рабочих мест), а радиально-кольцевая транспортная структура определяет преобладание пересадок в рамках суточных циклов москвичей также в центральных районах города. Этот факт позволил сформулировать гипотезу о том, что плотность коммерческой и социальной инфраструктуры потребительских услуг в Москве уменьшается от центра к периферии, что соответствует характеру распределения цен на жилую недвижимость и противоположно характеру распределения плотности населения. Для оценки обеспеченности городской среды организациями, предоставляющими потребительские услуги населению, был использован интегральный показатель, рассчитанный для муниципальных районов города Москвы. Показатель рассчитан по следующим данным¹⁹:

- количество объектов бытового обслуживания, в том числе бань, парикмахерских, фотостудий, ремонтных мастерских различного типа, объектов технического обслуживания и т. д. (10,1 тыс. объектов);
- количество объектов розничной торговли и общественного питания, в том числе продовольственных и непродовольственных магазинов, супермаркетов, торговых центров, киосков и палаток, аптек, автозаправок, кафе, ресторанов, баров и т. д. (58,2 тыс. объектов).
- количество объектов культурно-досугового типа (666 объектов).

Абсолютные данные по каждому из трех показателей были соотнесены с численностью населения соответствующего муниципального района и переведены в формат количества объектов на 10 тыс. жителей.

Следующим шагом стало нормирование данных относительно средних значений, что позволяет сопоставлять показатели между собой и оценить, насколько значение в каждом районе отличается от среднего по Москве. Для создания комплексной картины обеспеченности районов Москвы объектами коммерческой и социальной инфраструктуры был посчитан интегральный индекс как среднее от трех вышеперечисленных показателей.

19 Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по г. Москве, 2011. moscow.gks.ru.

Рис. 8 Обеспеченность объектами социальной и коммерческой инфраструктуры в муниципальных районах города Москвы относительно средней обеспеченности по городу Москве

Источник данных: расчеты авторов по данным <http://moscow.gks.ru>.



Рис. 10 Обеспеченность объектами бытового обслуживания в муниципальных районах города Москвы относительно средней обеспеченности по городу Москве

Источник данных: расчеты авторов по данным <http://moscow.gks.ru>.



Рис. 9 Обеспеченность объектами розничной торговли и общественного питания в муниципальных районах города Москвы относительно средней обеспеченности по городу Москве

Источник данных: расчеты авторов по данным <http://moscow.gks.ru>.



Рис. 11 Обеспеченность объектами культурно-досугового типа в муниципальных районах города Москвы относительно средней обеспеченности по городу Москве

Источник данных: расчеты авторов по данным <http://moscow.gks.ru>.



Помимо этого все административные районы Москвы были разделены на три типа: районы центра (внутри ТТК), районы периферии (между ТТК и МКАД) и районы, находящиеся за МКАДом. И для каждого типа районов были рассчитаны средние значения всех показателей. Как показано на рисунке 8, гипотеза о неравномерном распределении коммерческой и социальной инфраструктуры по территории Москвы полностью подтверждается. В среднем периферия в 3 раза менее обеспечена розничными услугами, чем центр.

Объекты культурно-досугового типа, которые относятся к категории эпизодического использования, тоже распределены крайне неравномерно между центром и периферией. В районах в границах ТТК значение этого показателя в среднем в 2,5 раза превышает среднее московское значение, а в периферийных районах, наоборот, среднее значение на 30% меньше среднемосковского. Подобная ситуация наблюдается и с объектами розничной торговли и общественного питания: в муниципальных районах центра значения показателя почти в 2,5 раза выше среднемосковского, в то время как районы между ТТК и МКАДом не дотягивают 25% до среднего по Москве. Наибольший разрыв между центром и периферией зафиксирован по обеспеченности учреждениями культуры и досуга — в 3,5 раз, почти на таком же уровне разрыв в обеспеченности учреждениями торговли и общественного питания — в 3,3 раза (см. рис. 9 и 11). Разрыв в обеспеченности учреждениями бытового обслуживания, предоставляющих наиболее повседневные услуги, хотя и не столь велик, но также чрезвычайно существен — почти в два раза (см. рис. 10). Однако внутри выделенных категорий объектов имеются некоторые различия. Наиболее характерные примеры — химчистки, парикмахерские и рестораны (см. рис. 12). Разрыв между центром и периферией в обеспеченности услугами химчисток и парикмахерских немного больше, чем у предприятий бытового обслуживания в целом — 2,2 раза. Для ресторанов, кафе и баров свойственен значительный разрыв — почти в 6 раз, в два раза выше, чем по объектам розничной торговли и общественного питания в целом.

3.4 Ценообразование на рынке жилья и качество городской среды

Приобретая жилье, человек приобретает жилищную услугу, которая является композитным благом: оно состоит как из самих жилых помещений, так и коммунальных услуг, услуг по обслуживанию этих помещений, придомовой территории, городской среды, доступности центра, доступности транспортной и социальной инфраструктуры, обеспеченности потребительскими услугами в шаговой доступности и др. Таким образом, дифференциация цен на жилье по территории города определяется всеми перечисленными факторами. Если цены на жилье в городе относительно однородны по всей его территории, это свидетельствует и об однородности характеристик жилья — либо они одинаковы плохие, либо одинаково хорошие.

Как видно из таблицы 1, в среднем российские города характеризуются более однородными ценами на жилье внутри города, чем зарубежные. Наибольшим разнообразием цен на жилую недвижимость отличаются американские города — в Лос-Анджелесе разброс цен составляет 78% от средней рыночной цены на жилье в городе, а в Нью-Йорке — 67%.

Значительно меньше дифференцированы цены в европейских городах, где разброс цен на жилье от средней рыночной цены на жилье в городе составляет: 39% в Лондоне и 20% в Париже.

Из российских городов в Москве и Екатеринбурге наблюдается наибольшая (и при этом все равно низкая) межрайонная внутригородская дифференциация цен (20–21% от средней цены на жилье в городе). В основном она относится к центральным районам города, тогда как за его пределами цены на жилье малоразличимы — разброс цен на жилье внутри равноудаленных от центра поясов Москвы снижается по мере удаления от центра — с 25% в центре до 5% в районе МКАД (см. табл. 2). При этом средние цены на жилье в центре существенно выше, чем на периферии. Наибольшая дифференциация цен на жилье наблюдается именно в дорогом центре, тогда как в более дешевой периферии цена на жилье значительно более однородна. В Санкт-Петербурге и Перми различия в ценах на жилье в центре и за его пределами еще меньше.

Таким образом, по общей дифференциации цен Москва сопоставима только с Парижем и существенно отстает от Лондона и Нью-Йорка, соответственно в 2 и 3,4 раза, а по разнообразию ценовых предложений на периферии Москва существенно отстает от всех представленных зарубежных городов — в 1,5–2 раза от нецентральных районов Лондона и Парижа и в 2,2 раза от периферии Нью-Йорка. Анализ цен на жилье в Москве свидетельствует об относительной однородности характеристик жилья, включая качественные характеристики городской среды, расположенного за пределами центральной части города. Однако в отличие от Парижа, эти характеристики московской периферии скорее одинаково неудовлетворительны, чем одинаково хороши, что подтверждается недостаточной обеспеченностью нецентральных районов розничной инфраструктурой, рабочими местами, избыточной плотностью населения.

Как видно из таблицы 3, цены аренды жилья более дифференцированы при равной удаленности от центра, чем цены приобретения жилья. Важно отметить, что ценообразование на рынке аренды жилья существенно отличается от ценообразования на рынке купли-продажи жилья по следующим основным причинам, которые могут влиять на более высокую вариацию цен:

- 1 рынок аренды жилья является значительно более дифференцированным по уровню правовых гарантий — «серые» договоры найма жилья влекут «премию за риск» (скидку) для нанимателя, легальные договоры найма — надбавку для наймодателя;
- 2 в издержки наймодателей, а значит, и в цену аренды, могут включаться либо не включаться инвестиционные затраты на приобретение жилья²¹.

21 Например, если жилье получено в собственность в порядке бесплатной приватизации.

Перечисленные причины влияют, прежде всего, на уровень цен аренды жилья в Москве, которые в среднем ниже, чем ежемесячный платеж по ипотечному кредиту при приобретении аналогичного жилья, в 1,5 раза (см. табл. 4). Этот разрыв увеличивается при движении от центра к периферии до 1,8 раз, а значит, цены аренды жилья снижаются быстрее при удалении от центра, что также свидетельствует об их большей чувствительности к местоположению объекта жилой недвижимости.

3.5 Налоговое регулирование использования недвижимости

Налоговое регулирование является одним из инструментов регулирования рынка недвижимости, в частности, рынка земли, жилья, коммерческой недвижимости и т. д. Налоги на недвижимость являются не только источником финансирования развития и содержания территорий общего пользования в городе, оказания социальных услуг, но и инструментом воздействия на выбор того или иного варианта использования недвижимости. Отсутствие рыночного налога на недвижимость приводит к дефициту бюджетного финансирования городских общественных благ (необходимости поиска иных источников), а также позволяет без больших потерь использовать землю или иные объекты недвижимости неэффективно. В России к налогам на недвижимость относятся налоги на имущество физических лиц и организаций, а также налог на землю. В Москве в силу преобладания государственной и муниципальной собственности на землю (97%) практически отсутствует база для налога на землю. В то же время и налоги на имущество не выполняют свою реальную функцию, поскольку рассчитываются исходя из инвентаризационной стоимости объектов (в части налогообложения недвижимости по налогу на имущество физических лиц) или по балансовой стоимости (в части налогообложения недвижимости по налогу на имущество организаций), которые могут быть ниже рыночной стоимости объектов недвижимости в десятки и сотни раз.

Такое положение привело к тому, что лишь 0,09% доходов бюджета Москвы составляет налог на землю, 0,12% — налог на имущество физических лиц и 5,7% — налог на имущество организаций. Основным источником пополнения бюджета города являются налоги на прибыль и на доходы физических лиц — по 35%. Для многих зарубежных городов характерны другие пропорции — 30–40% доходов бюджета приходится на налог на недвижимость (например, города США, Канады).

Таким образом, отсутствие эффективного налогового регулирования рынка недвижимости в Москве способствует сохранению диспропорций в использовании территории города, в том числе сохранению низкого уровня вовлеченности территорий промышленных зон в экономическую деятельность, что создает большие потери для общества.

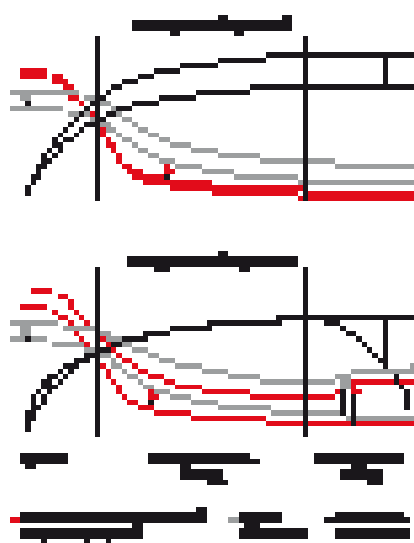
4. Теоретическая модель циклической деградации московской периферии

Рассмотренные диспропорции привели к фундаментальным искажениям по нескольким направлениям. Во-первых, основным фактором формирования цен на жилую недвижимость в настоящее время является доход потребителей, а не качественные характеристики жилья и среды, к которым цены остаются нейтральными.

Во-вторых, рыночные застройщики в условиях искаженного механизма ценообразования из двух стратегий — «конкурировать между собой только по цене» или «не конкурировать вообще» выбирают вторую, то есть сговор²¹. То есть, застройщикам невыгодно нести издержки на улучшение неценовых характеристик жилья, если это не отражается в ценах. В такой ситуации сговор является легко реализуемым, так как «договариваться» приходится лишь о цене, а не еще о ряде качественных характеристик, которые в этом случае пришлось бы сделать неразличимыми между объектами разных застройщиков (в текущей ситуации это уже так, что существенно облегчает сговор). Полученные искажения в экономике периферии запускают циклический механизм дальнейшего усугубления диспропорций в использовании указанных территорий (см. рис. 13), то есть дальнейшее повышение плотности жилой застройки, сохранение дефицита коммерческих площадей и социальной инфраструктуры, однородно низкого качества городской среды, и так далее до бесконечности.

5. Новая модель последовательного развития московской периферии

Следствием дальнейшего развития Москвы в рамках сложившейся модели неизбежно станет усугубление диспропорций в плотности населения, обеспеченности розничной инфраструктурой, рабочими местами, качестве городской среды (см. инерционный сценарий на рис. 12). Переход к новой модели последовательного развития требует принятия мер по выходу из постоянно воспроизводящегося цикла деградации, что приведет к корректировке имеющихся диспропорций, остановке процесса их нарастания, переходу на новую траекторию развития (см. предлагаемый сценарий на рис. 12). Набор мер, выводящих Москву из «порочного круга», определяется несколькими стратегическими целями.



Примечание: сплошные линии – текущее состояние, пунктирные линии – состояние при реализации сценария.

Рис. 12. Сценарии развития Москвы

- 1 Создание системы мер по ограничению плотности населения на периферии города на существующем уровне до 100 человек на га, а за пределами МКАД на уровне 50 человек на га, при сохранении ресурса увеличения плотности населения в центре в среднем на 40%.
- 2 Стимулирование роста обеспеченности периферии города рабочими местами в пропорциях соответствующих демографическому потенциалу периферии, что может увеличить число рабочих мест в городе за пределами центра примерно на 1/3 и довести ее долю во всех рабочих местах в городе до 80%;
- 3 Преобразование «сырой» плотности периферии в «здоровую»: сокращение разрыва между обеспеченностью потребительскими услугами на периферии по сравнению с центром города в среднем в 2 раза.

22 Рассчитано на основании средних удельных показателей кадастровой стоимости жилых помещений кадастровых кварталов на территории города Москвы по данным Правительства Москвы (www.mos.ru/documents/index.php?id_4=129699), а также данных Росстата об общей площади жилищного фонда и среднем размере квартиры по административным округам Москвы, с учетом вычета 20 кв. м. и налоговой ставки 0,1% от кадастровой стоимости жилого помещения.

23 По данным о среднем уровне кадастровой стоимости земель города Москвы в разрезе административных округов по видам разрешенного использования земельных участков (Постановление Правительства Москвы от 27 ноября 2012 г. N 670-ПП «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки земель города Москвы»), кадастровая стоимость земельных участков с видами разрешенного использования, предполагающих офисных зданий делового и коммерческого назначения, а также объектов торговли, общественного питания и бытового обслуживания, в три раза превышает кадастровую стоимость земельных участков, предназначенных для размещения производственных и административных зданий, строений, сооружений промышленности, коммунального хозяйства, материально-технического, продовольственного снабжения, сбыта и заготовок. Предполагается, что кадастровая стоимость объектов, размещенных на земельных участках с соответствующими видами разрешенного использования, различается так же, как кадастровая стоимость таких земельных участков.

- 4 Создание условий, при которых различия в качествах городской среды транслируются в ценовые сигналы на рынке жилой недвижимости, что, скорее всего, приведет к более высокой вариации средних цен на жилье между различными районами города за пределами центра: в среднем с 12% в настоящее время до 25%.
- 5 С помощью мер налогового регулирования, в частности постепенного введения налога на недвижимость, создание механизма, позволяющего городскому бюджету усваивать экономический результат от экономического потенциала московской недвижимости и перераспределять его в пользу благоустройства городской территории. Оценка поступлений в бюджет, проведенная на основе кадастровой стоимости объектов недвижимости, указывает на возможность 12 кратного увеличения до 23 млрд. рублей в год, или 1,4% всех доходов городского бюджета²²;
- 6 Изменение вида использования земельных участков, находящихся в промышленных зонах, и стимулирование развития на этих территориях офисных зданий делового и коммерческого назначения, а также объектов торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Побочным эффектом такой политики может стать увеличение объема поступлений в бюджет города Москвы от налога на имущество организаций (на основе кадастровой стоимости объектов недвижимости) в 3 раза²³.

Достижение обозначенных целей требует следующих мер:

- 1 создание системы регламентов правового зонирования и генерального плана Москвы, ограничивающих плотность жилой застройки на периферии города требованиями развития коммерческой и социальной инфраструктуры;
- 2 вовлечение промышленных зон на территории периферии в строительство коммерческих площадей, в том числе для размещения различных инновационных производств с целью создания мест приложения труда и повышения качественных характеристик периферии. В первую очередь такие промышленные территории предлагается использовать как ресурс для ухода от рынка земельной ренты застройщика на территории периферии к рынку компаний — производителей продукции и услуг с высокой добавленной стоимостью;
- 3 создание «второго центра» за пределами МКАДа, в котором предложить качественно другое жилье, в основном малоэтажные многоквартирные дома, в квартальной планировке, значительно более высокое по сравнению с уже застроенной многоэтажными домами периферией качество городской среды, обеспечить транспортную связанность внутри такой территории и с историческим центром города, предусмотрев жесткое градостроительное зонирование таких территорий.

В результате реализации такого плана цены на жилье в Москве станут более чувствительными к качественным характеристикам жилья и городской среды, что приведет к развитию конкуренции между застройщиками, а значит, к повышению дифференциации предложения жилья на рынке и появлению предложения нового продукта — благоустроенной жилой среды в городе.

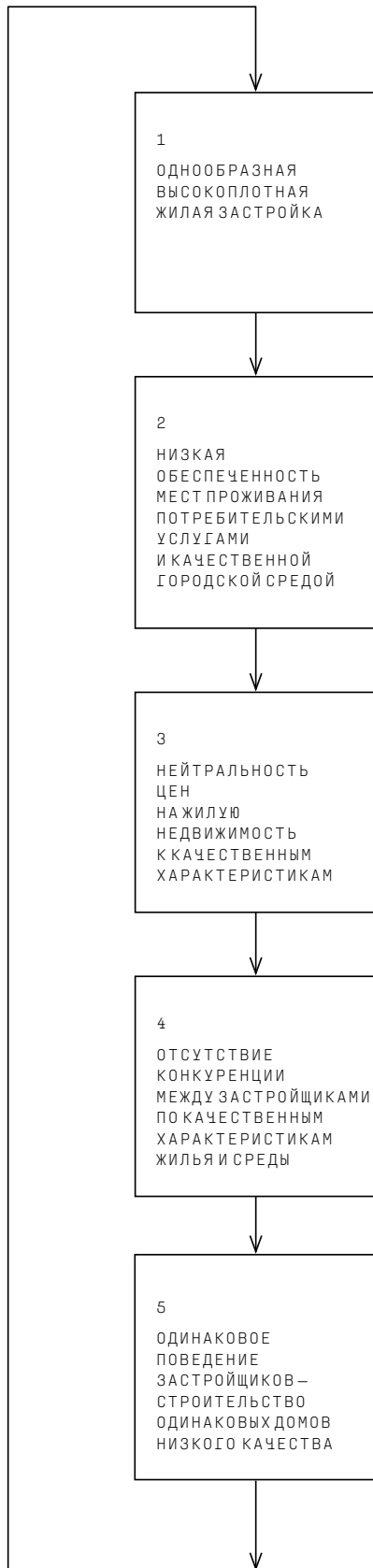


Рис. 13 Циклическая модель деградации жилищной сферы

5.1 Контроль над плотностью жилой застройки на периферии

Контроль над плотностью застройки, в частности жилой, является одним из инструментов политики по ограничению роста города (growth control). Такая политика или ее отдельные меры могут быть инициированы самими гражданами путем референдума или являться официальной политикой власти, имеющей полномочия на ее реализацию. Проведение такой политики характерно в частности для таких американских городов, как Сан-Франциско, Чикаго, Бостон.

В российских городах, в том числе в Москве, практика управления плотностью застройки практически отсутствует, что выражается в существенном преобладании проектов комплексного освоения все новых и новых территорий вокруг городов над проектами реконструкции (редевелопмента) застроенных территорий. Российские города тяготеют к расползанию, а не к компактности. Однако и в России известны примеры решений по ограничению плотности застройки — Пермь, Белгород, Южно-Сахалинск. В этих городах сделан осознанный выбор в пользу редевелопмента, что выражается в том числе в документах территориального планирования и градостроительно-зонирования городов. В большинстве же городов преобладают громоздкие проекты по строительству миллионов квадратных метров жилья в пригородных или присоединенных территориях (например, Екатеринбург).

5.2 Эффективное использование промышленных зон

Вопрос трансформации территории промышленных зон требует комплексного подхода и использования основного принципа — сохранить производство там, где оно возможно и эффективно, остальные территории переориентировать на новое использование. Поскольку большая часть промышленных зон находится на территории периферии города — это главный ресурс для устранения сложившейся в Москве диспропорции между высокой плотностью населения на периферии и низкой обеспеченностью местами приложения труда, коммерческой и социальной инфраструктурой²⁴. Промышленные зоны Москвы представляют собой потенциал для развития инновационной деятельности. В первую очередь — это ресурс для создания технопарков, лабораторий, опытно-конструкторских центров, оказывающих инженеринговые, консалтинговые и научно-исследовательские услуги. Исследование зарубежных городов показало, что в то время как промышленные предприятия готовы пожертвовать расположением в городе и покинуть его границы, наукоемкие высокотехнологичные производства не так однозначны в своем выборе. Это объясняется тем, что существование наукоемких отраслей опирается на высокооплачиваемый квалифицированный труд, лучшие инженерные кадры, сосредоточенные в городах. Кроме того, высокотехнологичные отрасли часто кооперируются в инновационные кластеры, используют гибкие инструменты работы с поставщиками и заказчиками, быстро реагируют на изменение внешних условий, что невозможно в отрыве от городской среды на изолированной территории.

24 Уже сейчас многие административные здания ликвидированных предприятий сдаются в аренду по доступной цене в качестве офисов класса «С», что делает их привлекательными для субъектов малого бизнеса Москвы.

Сан-Франциско

По данным департамента планирования Сан-Франциско в 1970-м году площадь индустриальных зон занимала почти 11,5 кв. км и составляла 14% от территории города. К 2000 годам площадь промышленных зон сократилась на 51% и составила 5,9 кв. км (5,8% территории города), при этом 37% территории заняли офисная и жилая застройка. В настоящий момент занятость в промышленном секторе составляет около 11% от числа всех занятых в городе.

Тем не менее, многие промышленные предприятия остались в черте города, имея веские причины расположения в Сан-Франциско, не желая жертвовать налаженными контактами и связями с клиентами, поставщиками, трудовыми ресурсами, транспортными сетями и пространством, необходимыми для успешного функционирования. Производственные фирмы в Сан-Франциско вкладывают средства в новые интенсивные технологии производства и имеют более высокую добавленную стоимость на одного работника, чем производственные фирмы в других частях Калифорнии. Оставшиеся в Сан-Франциско промышленные предприятия используют выгоды своего расположения для доступа к специализированным рынкам и рабочей силе и имеют возможность оплачивать ассоциированные с местоположением дополнительные расходы. Примером таких предприятий могут служить фирмы полиграфической промышленности.

Париж — трансформация территории заброшенного завода Рено

После окончания Второй мировой войны правительство Франции развернуло программу децентрализации французской промышленности и выносу предприятий за пределы парижской агломерации, территория которой концентрировала 80% автомобильной промышленности и большую часть производства оптики. Четыре тысячи промышленных предприятий покинули территорию Парижа, большая часть которых обосновалась в ближайшем пригороде. В результате подобных операций доля промышленности в экономике Иль-де-Франс сократилась с 26% в 1954 г. до 15% в 1995 г. Теперь здесь среди оставшихся заводов тяжелой промышленности преобладают заводы высокой технологии. Вместе с тем резко возрос вес промышленности и в некоторых пограничных с Иль-де-Франс департаментах (например, Уаза, Эр, Луара), в которых разместились многие парижские фирмы, выведенные из столицы. В настоящее время часть территории бывших промышленных зон используется для расширения железнодорожной сети, совершенствования транспортной системы всего региона Иль-де-Франс, другая часть предполагает строительство многофункциональных комплексов и парков. Одним из примеров реорганизации бывшей промышленной зоны служит проект культурного эко-центра на острове Сеген. На одном из островов Сены, расположенном к юго-западу от Парижа, когда-то был самый крупный автомобильный завод Луи Рено с общим количеством занятых более 20 тыс. человек. Для изменения образа территории и повышения его привлекательности был предложен проект создания культурного эко-центра. Почти 25 тыс. квадратных метров предназначены для офисов, магазинов, и публичных пространств. Проект предусматривает большое количество общественных пространств, зеленых зон и пешеходных дорог. Одним из ключевых моментов реорганизации

является создание на острове Сеген в пригороде Парижа большого музыкального комплекса с пространствами для записи музыки и различных представлений, а также модного центра искусств на берегу²⁵.

5.3 Качественная субурбанизация

Реализация предлагаемой модели невозможна без изменения качества субурбанизационных процессов за пределами МКАД, которые в настоящее время характеризуются следующими негативными особенностями:

25 Строительство планируется завершить в 2017 году.

- 1 распространением за пределы МКАД застройки территории по модели московской периферии в рамках так называемой «многоэтажной субурбанизации», что снижает потенциал таких территорий, связанный с лучшими экологическими показателями. Многоэтажная субурбанизация не создает урбанизированной среды и размывает центральные функции городов Ближнего Подмосковья так же, как это происходило при включении в границы Москвы небольших городов и деревень во второй половине XX века;
- 2 незавершенностью процессов «классической субурбанизации», характеризующейся переездом в пригороды более обеспеченных групп населения, предъявляющих спрос на более качественную среду в районах жилой застройки и лучшие условия проживания с точки зрения экологии. В результате московская субурбанизация имеет сугубо сезонный или «дачный» характер. В условиях концентрации «качественных» рабочих мест в центре Москвы и проблем с транспортной доступностью центра в рамках суточных циклов передвижения, собственники жилья в благоустроенных коттеджных поселках, пригодных для круглогодичного проживания, продолжают, в основном, использовать их как второе жилье, сохраняя квартиры в Москве в качестве основного места проживания.

В результате потенциал создания полноценной качественной городской среды в местах концентрации обеспеченных групп населения в пригородной зоне Москвы за пределами МКАД, что в свою очередь могло бы служить точкой притяжения «качественных» рабочих мест и развитой розничной инфраструктуры, не используется.

Для преобразования спальной периферии в город особенно важным становится развитие новых центральных мест, сопоставимых с центром по уровню комфортности городской среды, доступности «качественных» рабочих мест и качеству услуг «розничной инфраструктуры» как внутри городской периферии, так и за ее пределами. Несмотря на то, что в обозримой перспективе новые центры не смогут быть сформированы на территории сложившейся периферии Москвы, задача формирования локальных внутригородских центров остается чрезвычайно актуальной. Важным условием реализации предлагаемой модели формирования «второго центра», точнее множества «центров», в районах, прилегающих к МКАД и имеющих соответствующих потенциал.

Для решения данной задачи необходимо совершить несколько шагов.

- 1 Остановить развитие этих территорий по существующей модели расплощения московской периферии, для чего потребуются ввести меры градостроительного регулирования;
- 2 Осуществить реконструкцию сложившихся центров городов ближнего Подмосковья, сформировав там городскую среду, превосходящую по своей привлекательности городскую среду на территории периферии Москвы.

- Это потребует качественного улучшения процессов координации и взаимодействия органов публичной власти Москвы и Московской области, использования инструментов межмуниципального сотрудничества;
- 3 Сформировать новые муниципальные образования на базе крупных коттеджных поселков и их территориальных кластеров, поддерживать стимулы для выбора таких поселков в качестве мест постоянного проживания, осуществлять комплексное развитие таких муниципальных образований, включая создание на прилегающих территориях новых рабочих мест с высоким уровнем добавленной стоимости, строительство объектов социальной и коммерческой инфраструктуры, улучшение транспортной доступности таких поселений;
 - 4 Реализовывать проекты создания новых районов мало- и среднеэтажной застройки, как на территориях Новой Москвы, так и в других районах Ближнего Подмоскovie, предоставляющих новое качество жилья, привлекательную среду проживания, высокий уровень развития инфраструктуры и доступность услуг, сопоставимые с условиями исторического центра.

Отмеченные особенности российской субурбанизации определяют ограниченные возможности использования опыта городов других стран. В то же время, международный опыт показывает многочисленные примеры успешной реконструкции пригородов крупных городов.

Опыт развития «альтернативных центров» в крупных городах стран с рыночной экономикой

Так называемые «альтернативные центры» возникали в крупных городах развитых стран в ходе естественной субурбанизации. По мере развития различных видов транспорта (трамвай, затем массовый личный автотранспорт) более обеспеченные люди переселялись в пригороды. Относительно низкая цена земли на таких территориях позволяла приобретать качественное жилье, как правило, индивидуальный дом, в привлекательных неплотно населенных районах. Если на начальном этапе субурбанизации население пригородов было ориентировано на работу в центре города, то с течением времени рабочие места последовали в сами пригороды за обеспеченным и квалифицированным населением, в том числе стали покидать центры городов. Так было положено начало деградации городского центра. Небольшие поселения, находившиеся вблизи крупных городов, в процессе субурбанизации как правило не утрачивали своей самобытности, как это происходит в России, а становились ядрами новых городских центров.

Современные пригороды крупнейших городов — это, как правило, привлекательные для проживания территории с высоким уровнем жизни и достаточным количеством рабочих мест. Так, например, во внешней зоне Лондона (Outer London) плотность населения более чем в 2,5 раза ниже, чем в центре (Inner London), а доля нуждающихся в пособиях по бедности — в 1,3 раза ниже. Количество рабочих мест на одного жителя трудоспособного возраста составляет 0,6 единиц, что лишь в два с небольшим раза меньше, чем центральных районах Лондона²⁶.

Многие поселения, развивавшиеся как альтернативные центры в пригородной зоне крупнейших городов, приобрели мировую известность. Наиболее известен пример Кремниевой Долины близ Сан-Франциско, Джерси-Сити (Нью-Йорк), Хайвей 128 (Бостон), Ранстад (Амстердам-Роттердам-Гаага). Международный опыт показывает многочисленные примеры успешной реконструкции пригородов крупных городов.

Александрия, пригород Вашингтона (США)

Исторически Александрия развивалась как порт и промышленная зона (завод по производству торпед). Развитие субурбанизации в Вашингтонском

26 Расчитано по данным: <http://data.london.gov.uk/visualisations/atlas/borough-profiles/atlas.html>.

метрополитенском ареале определило спрос на качественную городскую среду в этом пригородном районе. Наличие сохранившегося исторического центра с историческими памятниками позволило осуществить реконструкцию, в рамках которой функции промышленно-транспортного центра были замещены функциями культурно-развлекательного центра. В настоящее время в Александрии располагаются Центр искусств (в помещениях бывшего торпедного завода), мастерские художников, выставочные залы и художественные галереи, большое количество музеев, ресторанов, антикварных магазинов, модных бутиков. Город имеет хорошую транспортную связность с центром Вашингтона (линия метрополитена), объекты городской инфраструктуры привлекают жителей не только близлежащих территорий, но и других районов Вашингтона, многочисленных туристов.

6. Заключение

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии существенных диспропорций в пространственной экономике Москвы. Реакцией рыночной экономики на полученные из советского прошлого внутренние дисбалансы в использовании территории города, в том числе его периферии, стал искаженный механизм ценообразования на рынке жилья. Этот механизм не только не противодействует усугублению пространственных диспропорций, но и поддерживает их, не стимулируя застройщиков создавать качественную и разнообразную городскую среду. Однообразие и низкое качество среды жилой застройки за пределами центра Москвы подтверждается чрезмерной плотностью населения, дефицитом коммерческой и социальной инфраструктуры, мест приложения труда. Однако это не ведет к низким ценам на жилье, уровень и рост которых обусловлен, как показывает анализ, не качеством этого жилья и окружающей его городской среды, а самим фактом его расположения в Москве. При этом привлекательность Москвы, к сожалению, не связана с высокой конкурентоспособностью ее экономики, а основана на столичных преимуществах, в том числе концентрации финансовых потоков, в первую очередь связанных с огромными экспортными доходами страны.

Имея такие дорогие активы, как жилье, землю и коммерческую недвижимость, город не получает адекватных доходов от этих активов для своего развития — территории промышленных зон убыточны, налоги на имущество и землю практически отсутствуют.

Полученная картина пространственной экономики Москвы позволяет с уверенностью констатировать необходимость перехода к качественно новой модели развития города, предполагающей исправление пространственных дисбалансов в плотности населения и качестве городской среды между центром и периферией путем вовлечения промышленных зон в эффективное использование для создания мест приложения труда в новой экономике, ограничения плотности жилой застройки на периферии, введения налога на недвижимость, проведение жесткой градостроительной политики с целью создания малоэтажной и комфортной пригородной территории, которая сможет конкурировать с центром.

Куратор
Алексей Новиков

Авторы текста
Валентин Богоров
Алексей Новиков
Екатерина Серова

Рабочая группа
Екатерина Серова (рук. рабочей группы)
Филипп Кац
Олег Киселев
Андрей Лукашенко
Сергей Любашин
Ирина Маслова
Вадим Смахтин
Эдуард Хайман
Сергей Христолюбов

Организации
Thomson Reuters
ОАО «МегаФон»
Mathrioshka

Мы используем предоставившуюся возможность, чтобы приветствовать читателей этой книги и выразить искреннюю признательность тем, кто сделал ее появление возможным.

Мы благодарим:

Юрия Григоряна, руководителя исследования «Археология периферии», за организацию проекта и формирование группы замечательных экспертов

Кураторов тематических направлений SPACE(D): Алексея Левинсона, Алексея Муратова, Григория Ревзина, а также специалистов, участвовавших в коллективных дискуссиях и мероприятиях, за интересную и продуктивную совместную работу

Наших партнеров, команду Института экономики города: Надежду Косареву, Татьяну Полиди и Александра Пузанова за регулярные плодотворные обсуждения исследования

Команду Дмитрия Барбанеля за работу над дизайном книги, а также Таисию Осипову, Глафиру Паринос, Марию Славнову и Нат Чамаяеву за гигантский труд по координации хода исследования и публикации его результатов

ОАО «МегаФон» и лично: Романа Постникова, Максима Воеводского, Павла Федякова, Сергея Шейпака за предоставленный сервис Геопроостранственного анализа

Членов команды исследования по направлению «Данные», которые внесли неоценимый вклад в его реализацию: Филиппа Каца, Олега Киселева, Ирину Маслову, а также цифровых художников Mathrioshka: Вадима Смахтина и Эдуарда Хаймана и их коллегу Сергея Любашина

Наших коллег по компании Thomson Reuters: Андрея Лукашенко и Сергея Христолюбова

S P A C E D

ДА Н Н Ы Е

- 1 Облако данных над городом
- 2 Транспортная сеть и социальная сеть: движение и мнение
 - 2.1 Мобильные телефоны вместо пассажиров
 - 2.2 Социальные сети о городе
- 3 «Пространство» без «места»
- 4 Методика

Самопознание города

Валентин Богоров, Алексей Новиков, Екатерина Серова

«На самом деле, наша озабоченность проблемой народонаселения вызвана вовсе не ростом его численности в мире. Скорее, она проистекает из того факта, что каждому в мире приходится теперь жить в условиях предельной близости с другими, созданной нашим электрическим вовлечением в жизни друг друга».

Маршалл МакЛюэн¹

1 Облако данных над городом

В середине XX века Маршалл МакЛюэн, канадский философ и теоретик медиа, пролил свет на будущее человечества. Он рассказал о том, как одновременно расширится и сожмется мир будущего, как с ног на голову перевернутся все традиционные категории, как произойдет информационная и коммуникационная революция и как во главе изменений окажется человек во взаимодействии с новыми технологиями.

Прошло почти пятьдесят лет, и мы видим все то, что пророчил Маршалл МакЛюэн: информация производится каждым из нас, в каждой точке земного шара и в каждый момент времени, а ежедневные, ежечасные и ежесекундные взаимодействия людей определяют изменения, которых не предугадать трудами аналитических групп и не достичь реализацией сложнейших стратегий. Информационные технологии переживают период урбанизации. С одной стороны, существующие наработки адаптируются в первую очередь к городским задачам. С другой стороны, сами города создают процессы и явления, формирующие запрос на новые технологии и новые данные.

Информация, производимая и потребляемая городами в единицу времени и на единицу площади, в таких условиях измеряется гигантскими объемами, и за несколько лет количество данных в мире удваивается.

Города вступают в эпоху «больших данных»².

В эпоху больших данных сбалансированное развитие города определяется не только работой специалистов и экспертного сообщества, но и информационным обменом между горожанами и объектами городской среды. Самонастройка — самостоятельная оптимизация городских сообществ и систем — зачастую превосходит по темпам и эффективности планировочные и стратегические решения.

¹ МакЛюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека Москва. – 2000.

² Большие данные (англ. big data) - разнообразная информация, производимая в больших объемах в режиме реального времени.

3 Smart Grid — интеллектуальная электроэнергетическая система.

4 ИТС — интеллектуальная транспортная система.

5 edition.cnn.com/2012/09/25/tech/innovation/self-driving-car-california/index.html
<http://edition.cnn.com/2012/09/25/tech/innovation/self-driving-car-california/index.html>

6 Параметрическая архитектура - вычислительная парадигма в архитектуре. www.lookatme.ru/mag/industry/industry-opinions/194585-parametric-architecture

7 3D-printing - трехмерная печать. <http://branchpoint.ru/2013/07/07/lekciya-petra-novikova-arxitekturnye-roboty-troitelnaya-ploshhadka-budushhego/>

8 www.rpa.com/labs/the-listening-cloud/

9 Дополненная реальность — дополнение реальности виртуальными элементами. <http://www.wired.com/gadgetlab/2009/08/augmented-reality/#more-22882>

10 DIY - культура участия в различных процессах и самостоятельного обучения многочисленным навыкам (от англ. do it yourself - «сделай сам»).

11 Фаблабы (англ. fabrication laboratories, FabLabs) — современные мастерские — «лаборатории производства». www.echo.msk.ru/blog/gorod_ot_uma/1041108-echo/

12 Совместное потребление — взаимовыгодный обмен между горожанами и совместное использование различных ресурсов, потребление товаров и услуг «в сотрудничестве».

13 Стартап — развивающийся бизнес-проект, нацеленный на быструю реализацию.

14 Райдшэринг (также «карпулинг») - совместное использование автомобиля, маятниковые трудовые миграции с попутчиками.

15 Шуровьески Дж. Мудрость толпы // Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М. — 2007.

Экспертиза заменяется динамикой и передачей информации, и ключевой ролью городских управленцев является участие в ежесекундном обмене данными, его мониторинг и модерирование.

В городе будущего анализ данных позволяет предсказывать события, встраиваться в них и их контролировать.

Это город, где все связано со всем и где между собой общаются не только сами горожане: в диалог вступает городская среда (интерактивные дисплеи, мобильные приложения, информационные терминалы) и элементы инфраструктуры (smart grid)³. Автомобили «разговаривают» с другими автомобилями (англ. vehicle-to-vehicle communication) и с элементами транспортной системы (ИТС⁴ и автомобили без водителя⁵), материалы — с инструментами (параметрическая архитектура⁶, 3D-printing⁷), дизайнерские объекты — с окружающей средой⁸.

Город, живущий сразу в нескольких измерениях (дополненная реальность⁹, онлайн-навигация). Город активный и интерактивный, где каждый объект производит и потребляет данные, и в этом информационном круговороте участвует также каждый из жителей города.

Коммуникации горожан переворачивают науку, бизнес, управление — все традиционные сферы деятельности и влияния. Промышленность заменяется творчеством (DIY¹⁰ — движение, фаблабы¹¹ и др.); массовая торговля — Интернет-коммерцией; рынок недвижимости и иных товаров и услуг — сообществами совместного потребления¹²; офисы — третьим местом и комфортными общественными пространствами для мобильных работников.

Все эти изменения происходят уже сегодня. Большая часть банковских транзакций проводится в виртуальной среде. Мировой рынок помещается на ладони — в мобильном телефоне. Представители традиционного бизнеса сражаются со стартапами¹³, основанными на взаимовыручке, обмене и социальном капитале (онлайн-сообщества аренды недвижимости, райдшэринг¹⁴ и др.), а доля горожан, не привязанных к определенному рабочему месту, растет изо дня в день.

Традиционные медиа становятся второстепенным каналом информации вслед за живым и виртуальным общением простых горожан; городское планирование определяется самонастройкой сообществ горожан и их участием в развитии города. Наступает триумф множества — эпоха партисипативности (англ. mass amateurization), где экспертом выступает все городское сообщество¹⁵.

В дискомфортной для непрерывных коммуникаций среде горожане переносят общение в Интернет-пространство, где формируется новый слой социальной жизни города, его виртуальное продолжение.

Жители сами находят решение наиболее критичных и злободневных проблем. Эти решения определяются непрерывным обменом данными, будь то мнения, идеи и новости из уст горожан, либо информация датчиков, сенсоров и иных измерителей состояния городских систем.

Эти решения воплощают новый подход к управлению и планированию развития города: в первую очередь исследовать и встраиваться в мощный поток коммуникаций и городской информации и лишь затем изменять его русло и строить дамбы.

«Нам нужна готовность, а не планы. Нам нужна такая готовность, которая позволяла бы распознавать зарождающиеся вызовы, когда еще можно на них ответить, и совершенные ошибки, когда их еще можно исправить».

Зигмунт Бауман¹⁶

16 Бауман З. Город страхов, город надежд
Логос. – 2008. – Т. 3. – С. 24-53.

Большие данные — это не просто отражение развития и жизни города. Это не только частный инструмент или материал для исследования. Большие данные — это сам город.

2 Транспортная сеть и социальная сеть: движение и мнение

От единичных фактов к анализу трендов

Большие городские данные — информационная среда, 4-е пространственное измерение города, его естественная производная, а также новый инструмент исследований урбанистических изменений. Коммуникации в 4D-пригороде, самонастройка городских сообществ, экономика совместного потребления (*collaborative consumption*) постепенно завоевывает многие городские агломерации мира, в том числе и Московскую. Вместе с тем производимые Москвой гигантские объемы информации по большей части остаются без применения: большие данные почти не используются при планировании городского развития, инфраструктура их обработки и анализа не развита.

В исследовании приведено несколько иллюстраций того, как новые типы данных открывают ранее неведомые особенности пространственной организации общества столицы и позволяют найти подтверждения/опровержения сложившимся стереотипам.

Из всего многообразия данных о городе особый интерес представляют два типа: информация, автоматически производимая в режиме реального времени (расходы на электричество и тепло, перемещения людей по городу, загрязнение среды, уборка снега и мусора, и т. п.), и семантические потоки, создаваемые пользователями социальных сетей.

Большие данные не просто задают новый ракурс, позволяют осознать и обобщить невидимую динамику потоков и раскрыть смыслы пространственного поведения горожан. Они становятся элементом городской инфраструктуры, не менее значительным, чем транспортная сеть, почтовая служба, сеть учреждений образования и т. п. В эпоху, когда носитель информации отделен от самой информации, большие данные, генерируемые большим городом, становятся самостоятельным агентом влияния, обратной связью для городских сообществ, позволяющей им самонастраиваться, избегая разбалансировки.

Большие городские данные — это вызов урбанистам-аналитикам. Потоки информации не самоценны; сырые данные, такие, например, как картина живой динамики транспортных потоков с высоты птичьего полета, поражают воображение, но не отвечают ни на один серьезный вопрос без соответствующей аналитики. Анализ больших данных требует переоценки многих традиционных понятий, в том числе иного осмысления того, что мы называем «городским событием».

В контексте больших данных «событие» означает не единичную инициативу, мероприятие или происшествие, а смену «тренда» во времени и пространстве. Переход к трендовому анализу городской динамики обеспечивает качественный скачок в понимании современного города.

2.1 Мобильные телефоны вместо пассажиров

Среди недавно открытых источников геопространственной информации — результаты анализа больших данных операторов сотовой связи, которые посредством фиксации сигнала мобильного телефона в различных точках города позволяют увидеть рисунок «пространственно-временной хореографии»¹⁷ горожан.

Сингапур, Стамбул, Лиссабон, Амстердам, Рим и некоторые другие города мира активно сотрудничают с провайдерами мобильной связи для получения динамической картины перемещений в городе, для контроля над автомобильным движением и выявления «узких» мест в транспортной сети города. Такой подход оказывается намного надежнее, репрезентативнее и на порядок дешевле опросов участников движения и анализа потока информации от камер видеонаблюдения. Вопрос о регулярности мониторинга в данном случае отпадает сам собой, так как сигналы мобильной связи фиксируются сотовой системой в непрерывном режиме. В целях анализа городской мобильности в Московской агломерации впервые использован сервис Геопространственного анализа. Он предоставлен специально для Московского урбанистического форума компанией «МегаФон» и открывает неожиданные закономерности городской мобильности.

Обманчивая «практика повседневной жизни»¹⁸

Стереотипный образ Москвы, выстроенный на основе повседневного опыта москвича, сводится к очень несложной картине:

- Москва — супер-мобильный город, большая часть его населения в пределах рабочего дня находится в движении.
- Рабочие места столицы¹⁹ сконцентрированы в основном в центре, куда каждое утро направляются мощные потоки жителей спальных районов города.
- Радиальные автомагистрали и ветки метрополитена перегружены; транспортная система города близка к коллапсу.
- Жители Московской области по преимуществу работают в Москве. Они, вместе с приезжими из других регионов и стран, есть причина тех перегрузок, которые испытывает городская среда и транспортная система столицы.

Большие городские данные если не полностью опрокидывают такое представление, то существенно уточняют и дополняют его.

17 Цит. Торстена Хегерстранда. Hagerstrand T. Space, time and human conditions. — 1975.

18 Цит. Мишеля де Серто. De Certeau M. The Practice of Everyday Life: Living and cooking. Volume 2. — U of Minnesota Press, 1998. — Т. 2.

19 По некоторым данным — до 90%. ria.ru/moscow/20121019/904375380.html

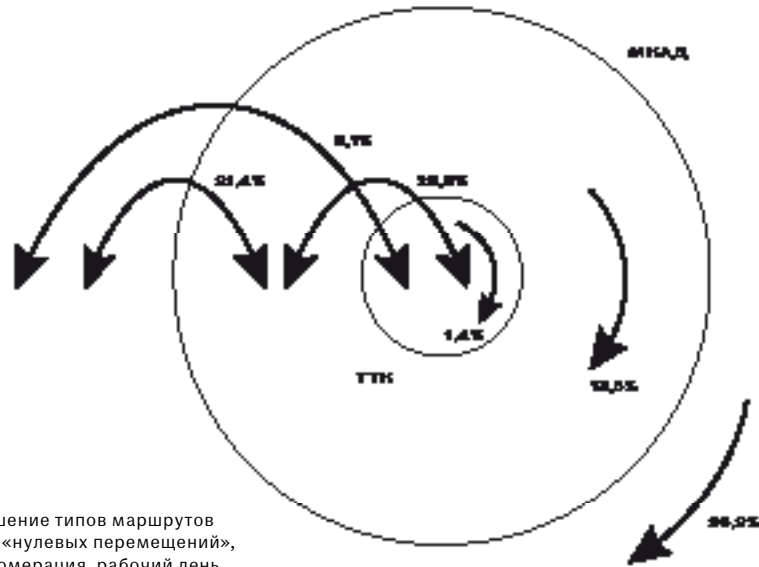


РИС. 1 Соотношение типов маршрутов горожан, %; без «нулевых перемещений», Московская агломерация, рабочий день сентября 2013 года.

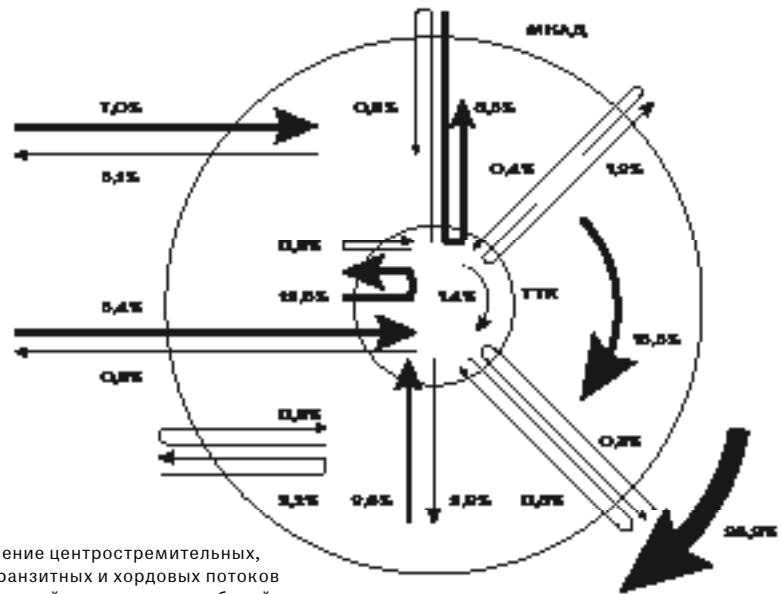


РИС. 2 Соотношение центростремительных, центробежных, транзитных и хордовых потоков в пределах Московской агломерации, рабочий день сентября 2013 года.

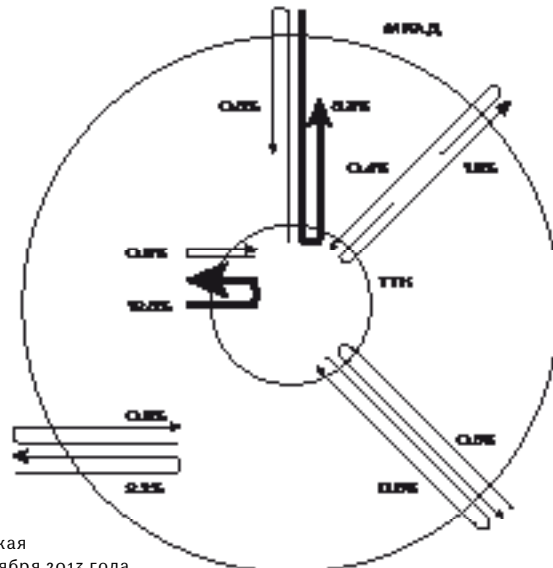


РИС. 3 Перепробеги, Московская агломерация, рабочий день сентября 2013 года.

20 Найти данное соотношение удастся с помощью замера так называемых «нулевых перемещений» — кратких по времени и маршруту, не выходящему за пределы радиуса в 1 км. Для простоты будем считать, что все перемещения длительностью менее получаса, не вышедшие за пределы участка в 1 км² и завершившиеся в месте старта, не попадают в категорию трудовых маятниковых миграций, а представлены лишь той частью населения, которая в основном передвигается на работу пешком или не работает, оставаясь привязанной к месту своего проживания.

Неподвижная Москва

Активная мобильная часть населения Большой Москвы, задействованная в трудовых маятниковых миграциях, составляет очевидное меньшинство. Более 2/3 жителей агломерации каждое утро остается дома, либо в непосредственной близости от места своего проживания. В периферийных зонах города и в Московской области доля тех, кто не выехал из дома, еще выше — около 3/4 от всех перемещений²⁰. Именно 1/3 жителей Большой Москвы «ответственна» за пробки и перегрузку линий общественного транспорта. Трудно представить, во что бы превратилась транспортная сеть Москвы, если бы число трудовых поездок в городе удвоилось.

Миф о нашествии в центр

Известно, что каждое утро жители агломерации направляются на работу в центр. Возьмем за 100% количество всех длинных перемещений в городе и посмотрим на роль каждого потока в системе двух концентрических колец вокруг центра Москвы — спальной периферии (ТТК-МКАД) и Московской области (за пределами МКАД).

Итого чуть более 15% перемещений в агломерации завязано непосредственно на центр как место окончания маршрута. Иными словами, очевидно, в них вовлечено всего лишь 4.5% населения Большой Москвы. В действительности нагрузка на центр несколько больше. Около 1/5 (12.6% из Москвы и 6.3% из Московской области) от всех утренних поездок в агломерации приходится на связанные с центром перепробеги — когда житель спального района Москвы или области заезжает в центр лишь для того, чтобы сделать пересадку, или в силу особенностей транспортной сети.

Хордовый дефицит

Качество транспортной сети в агломерации с определенной степенью погрешности можно оценить долей, которую в общем количестве перемещений занимают все перепробеги. Чем эта доля выше, тем хуже транспортная сеть отвечает на потребности горожан.

В Московской агломерации перепробеги отбирают на себя более 1/4 всех перемещений. Это, очевидно, очень большая цифра, которая свидетельствует о серьезной неразвитости московской транспортной сети и дефиците хордовых магистралей. Именно из-за перепробегов радиальные автомагистрали и ветки метро не справляются с перегрузками. В действительности на них попадают не только те горожане, которые направляются в центр, но и передвигающиеся в пределах периферии. Они могут пересечь кольцевые автодороги, совершая пересадку в центре, либо остаться в рамках зоны (ТТК-МКАД) — в любом случае маршрут пролегает по радиальным магистральям. «Радиусы» не справляются с нагрузками из-за неразвитости системы хордовых магистралей.

РИС. 4

Центростремительные потоки, Москва в пределах МКАД, рабочий день сентября 2013 года.

РИС. 5, 6

Перемещения в пределах Московской области; продолжительность пути: все перемещения (100%) и перемещения продолжительностью менее 30 минут (63%), Московская область, рабочий день сентября 2013 года.

Прим.: цифрами указано общее количество перемещений; заполнение Москвы в пределах МКАД подмосковными маршрутами связано с перепробегами.

21 company.yandex.ru/researches/reports/ya_jams_moscow_2010.xml

В этой связи нет ничего более далекого от потребностей города, чем продиктованные бытовой интуицией, а не реальными данными проекты расширения радиальных магистралей. Как показывают данные, на центростремительные перемещения (без учета центростремительных потоков) приходится около 40% всех поездок в агломерации. Половина из них — центростремительные перепробеги. Это означает, что нагрузку на радиальные магистрали при развитии хордовых связей и усложнении топологии транспортной сети можно сократить ровно в два раза. Для метро проблема отсутствия хордовых магистралей оказывается еще важнее. Примерно половина всех радиальных перемещений в Москве проходит под землей, а в общем количестве маршрутов с перепробегами и пересадками доля поездок в метро возрастает до 75%.

Подземка, очевидно, не справляется с приходящими на нее нагрузками, что подтверждают, в частности, результаты семантического анализа сообщений в социальных сетях. Существенную часть негативных отзывов о спальнях районов Москвы составляют жалобы на количество людей в вагонах и на станциях метро.

Московская область сама по себе?

Поездки из Московской области в Москву в общем количестве утренних поездок на работу составляют 12.4%. К ним добавляются перепробеги из Московской области в Московскую область транзитом через Москву в размере 6.3%.

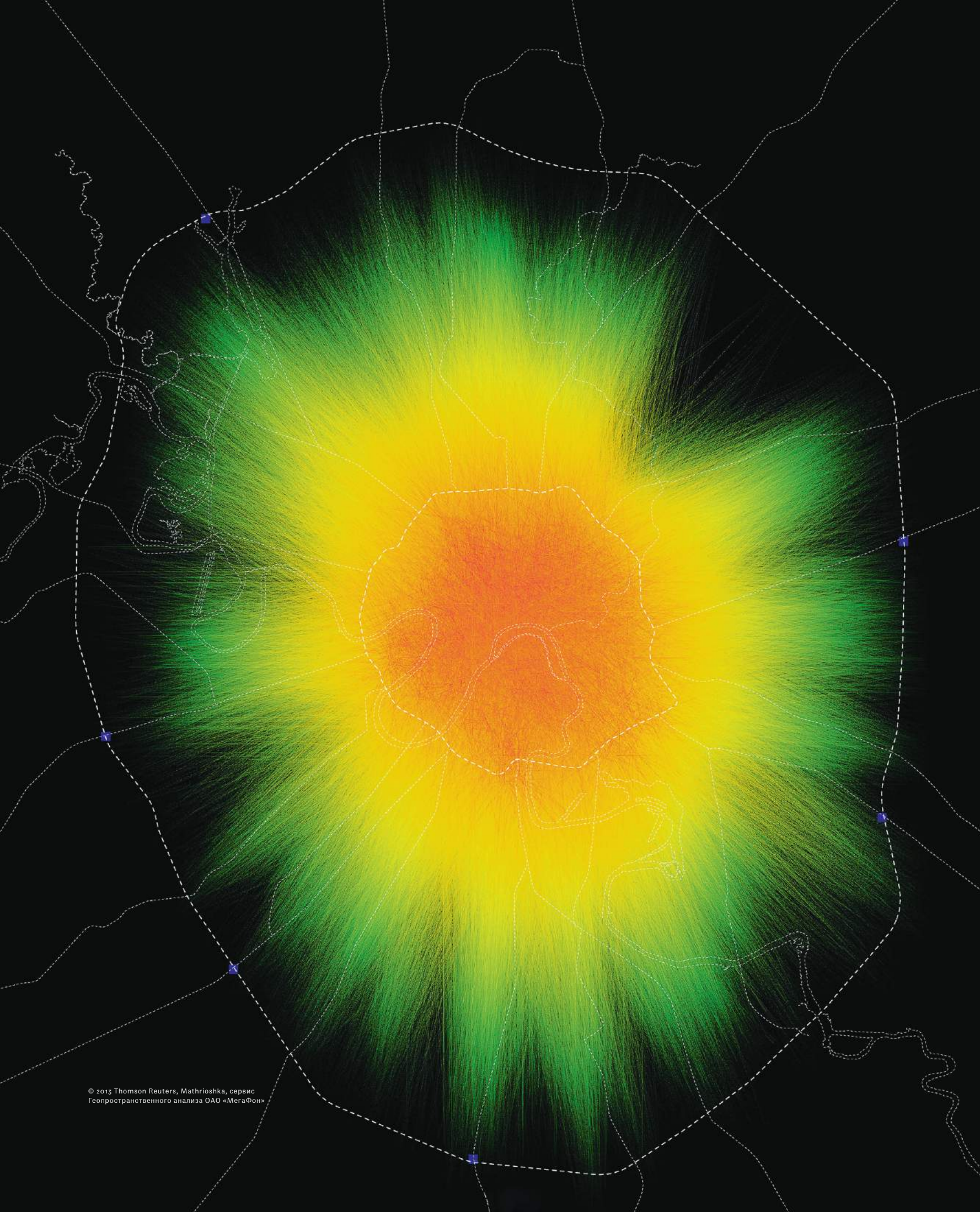
Таким образом, лишь 18.3% от общего числа поездок в агломерации начинаются в Московской области, и, так или иначе, заходят на территорию Москвы. Из них лишь каждая четвертая заканчивается в центре города, а остальные не имеют к нему никакого отношения.

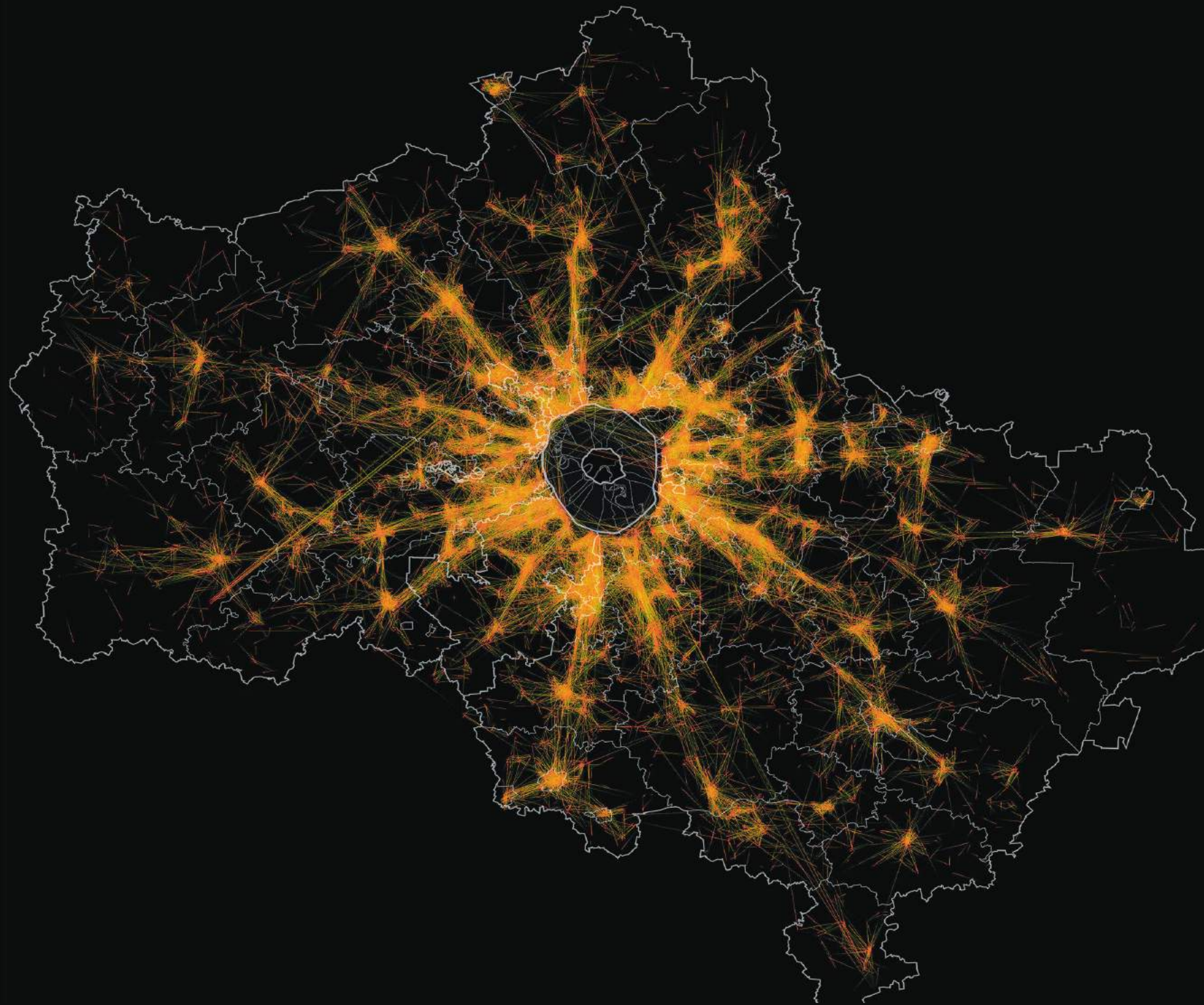
Связь Московской области с Москвой в целом отвечает, по данным исследования, за треть радиальных перемещений с пересечениями кольцевых автодорог. Однако периферия за МКАД гораздо больше держится на внутренних связях, которые составляют чуть меньше трети от всех перемещений в Московской агломерации. Маршруты в основном длятся менее получаса и не выходят за рамки населенных пунктов и близлежащих территорий.

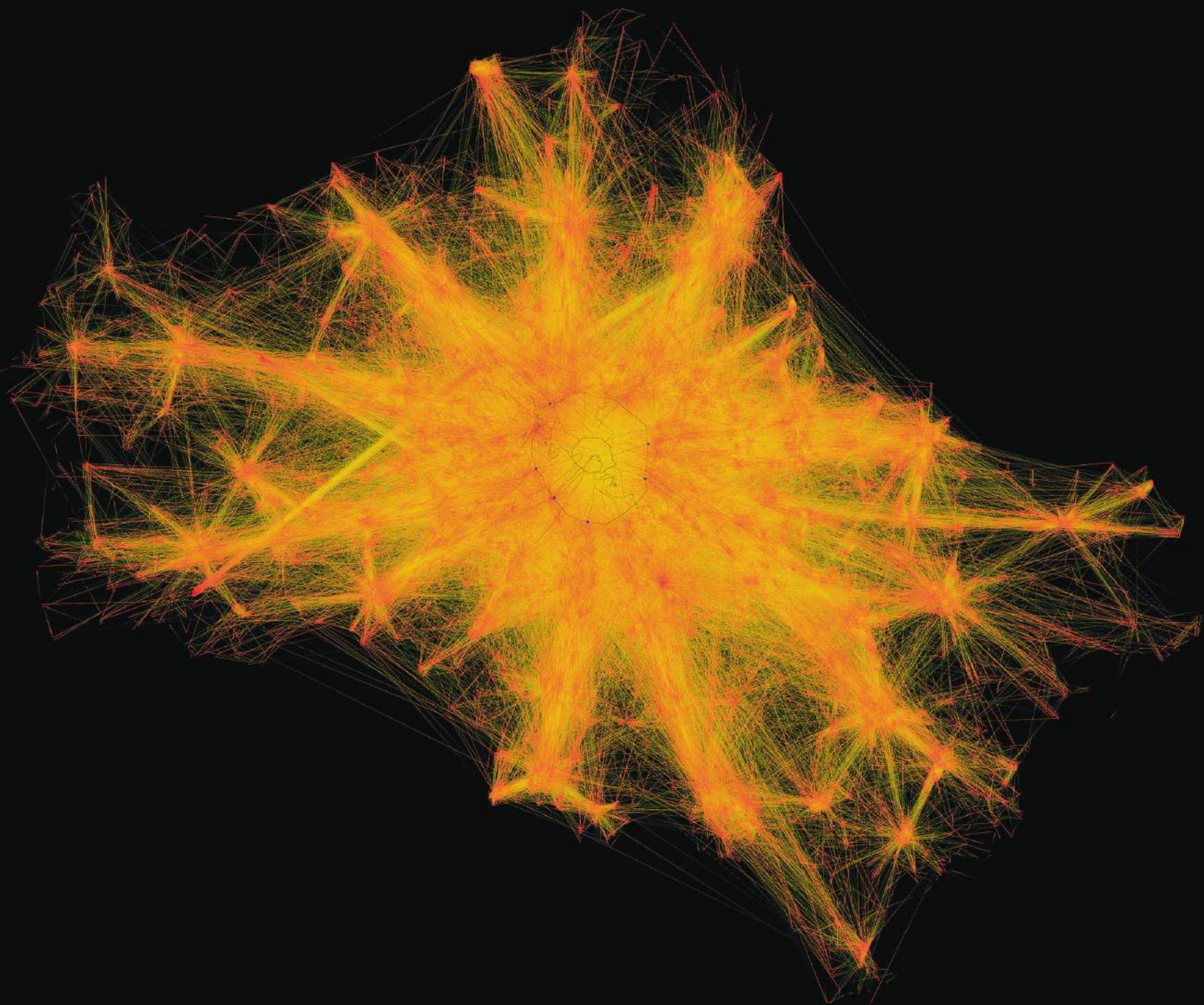
Еще одним удивлением стало число поездок, замыкающихся в рамках концентрических колец периферии. В общей сложности, на них приходится примерно 2/5 от всех перемещений в агломерации (43.6%). Около трети из них (13.3%) замкнута на московских спальнях районах между ТТК и МКАД, а 2/3 не выходят за пределы Московской области.

Косвенно это подтверждают и данные исследования на основе сервиса Яндекс-Пробки²¹. За перемещения в рамках колец отвечает в первую очередь движение транспорта по кольцевым автодорогам. По своей значимости в распределении транспортных потоков столицы кольцевые магистрали превосходят большинство радиальных: Садовое и Третье транспортное кольцо «перекачивают» автомобильные потоки в течение всего дня (в отличие от радиальных магистралей, у которых четко проявляется два пика загруженности) и при этом соотносимы по интенсивности движения с «радиусами».

Наиболее интенсивное движение, по данным Яндекс-Пробки, отмечается на внутренней стороне Садового кольца, так как оно работает в большей степени на центр, а также на внешней стороне ТТК, которое прежде всего участвует в распределении транспортных потоков между ТТК и МКАД.







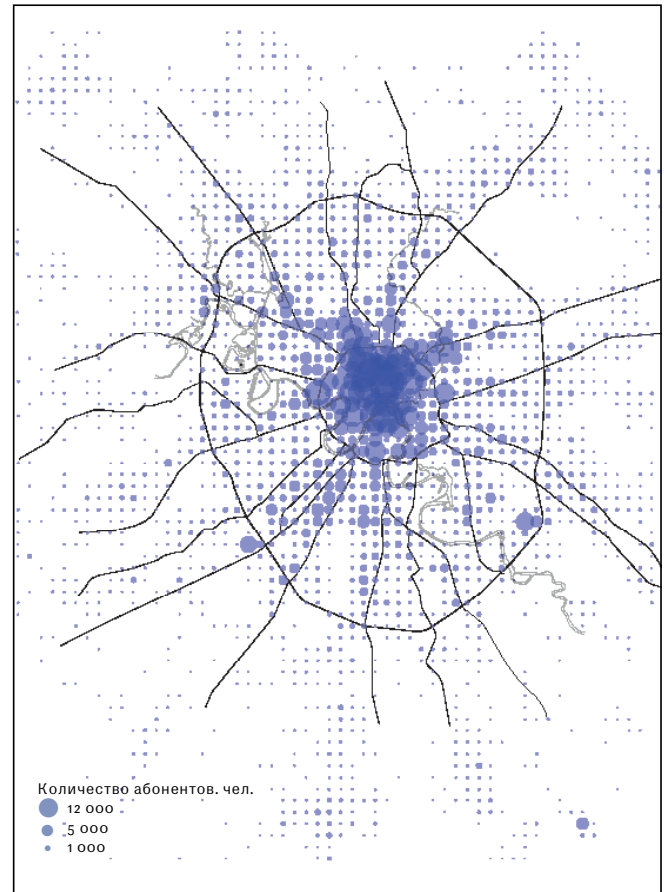


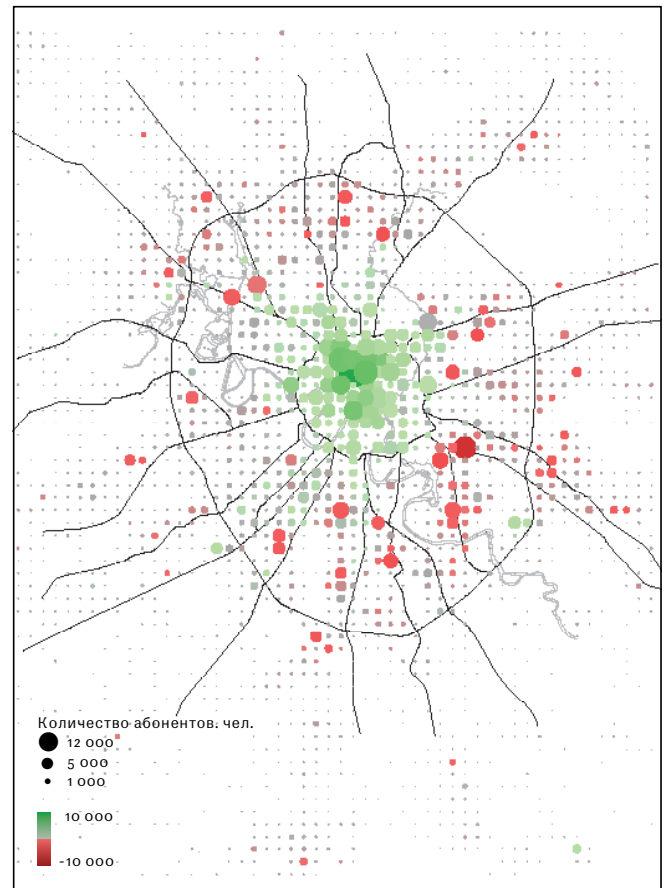
РИС. 7

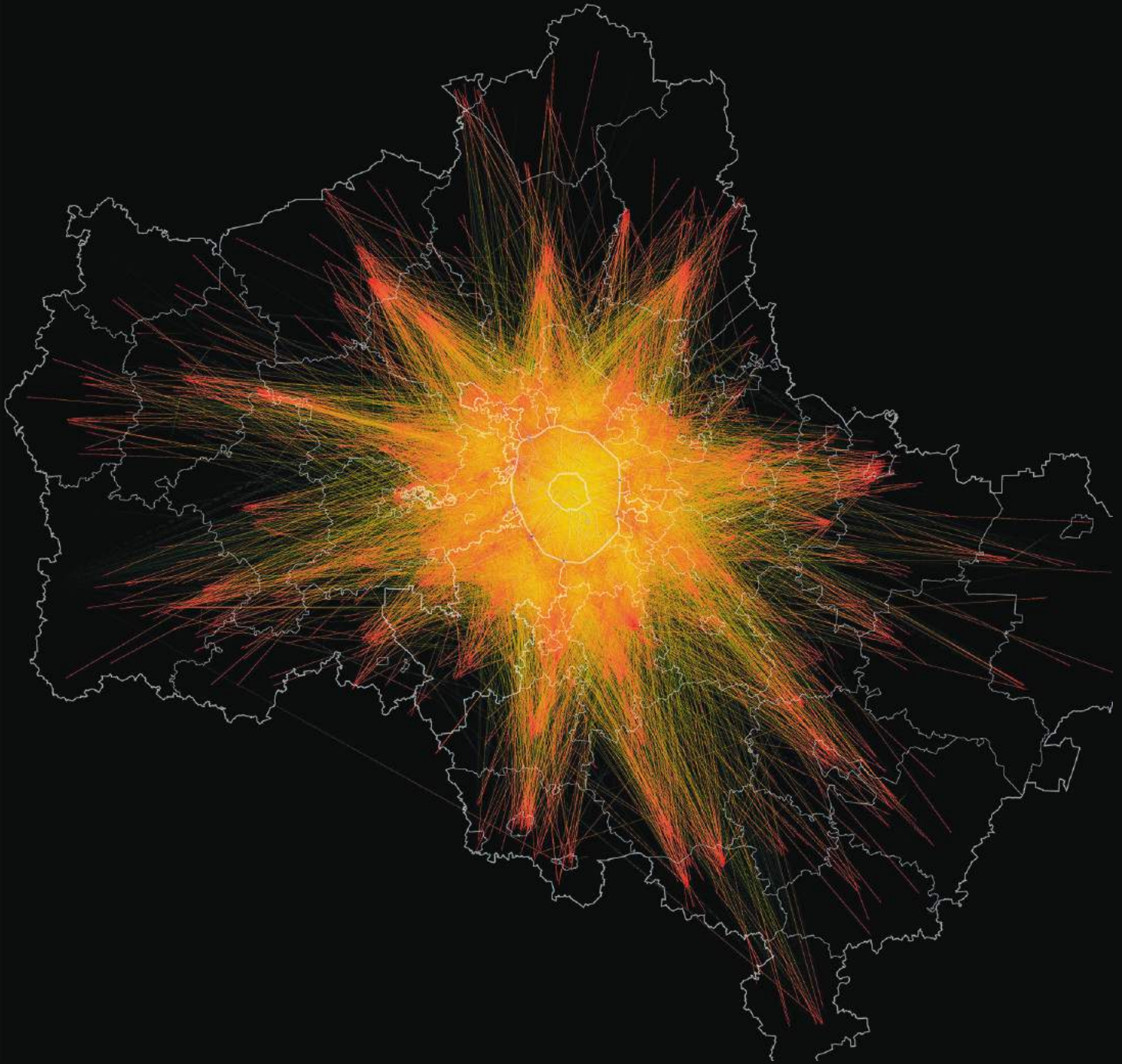
Использование жителями Московской области транспортной инфраструктуры Москвы: перемещения в пределах области с перепробегами через Москву; без «нулевых перемещений», рабочий день сентября 2013 года.

РИС. 8 Начальные точки утренних маршрутов жителей Москвы, рабочий день сентября 2013 года.

РИС. 9 Конечные точки утренних маршрутов жителей Москвы, рабочий день сентября 2013 года;

РИС. 10 Сальдо маятниковых трудовых миграций по ячейкам размером 1км² (разница между количеством вошедших и вышедших из Москвы).





22 Между тем, на сам центр приходится ничтожная часть перемещений – менее 1.5 % населения Большой Москвы в утренние часы передвигаются в пределах ТТК.

Ложная субурбанизация

Московская область совместно со спальными районами Москвы отвечают за существенную долю перемещений — около 40% всех потоков в пределах агломерации²². Вместе с тем маршруты в рамках периферии представляют сравнительно хаотическое движение, не формируя полюсов центральности. Можно ли говорить в таком случае о московской периферии как полноценном городе, или же она исчерпывается набором функций — спальной, промышленной, инфраструктурной — представленных на территории города анклавами: жилыми микрорайонами, промышленными зонами, транспортными развязками? Каждый из этих анклавов может стягивать к себе в хаотическом порядке население из разных мест всей огромной агломерации, не создавая при этом городского сообщества, центрального места или хотя бы его подобия. Территориальная сегрегация селитебной, промышленной, инфраструктурной и других функций на периферии Московской агломерации выдает черты, характерные для фордистского города или госплановского квази-городского пространства. Отсутствие существенного эффекта соседства и агломерации, несмотря на казалось бы обширные связи внутри периферийной зоны, есть прямое свидетельство ложной субурбанизации, при которой коммуникации не создают каркас городской среды, а больше походят на «блошинные прыжки». Если населенные территории Московской области есть сложившиеся городские поселения, то спальные районы Москвы в первую очередь представляют собой пункты «отправления» и «назначения», которые почти не образуют своих хинтерландов.

Доноры и акцепторы

Точки начала маршрутов рассеяны по территории спальных районов и центра Москвы, и утром вся Москва приходит в движение. Лидеры по выходящим потокам — яркие примеры периферийных районов Москвы (Царицыно, Печатники, Текстильщики, Западное Дегунино, Северное Медведково и др.). Пункты «назначения» отличаются концентрацией в пределах ТТК, однако периферия также принимает небольшие, но многочисленные потоки горожан. Магнитами выступают вылетные магистрали, такие как Ленинский проспект, Ленинградского шоссе и другие оси, где концентрируется рынок труда.

Размер круга пропорционален сумме входящего и выходящего потока. Есть примеры формирования центров притяжения маятниковых миграций в отдалении от магистралей, например, ареал на границе районов Капотня и Люблино (промышленная зона) или Щукино, но их немного. Низкая проницаемость периферии в хордовых направлениях создает не только транспортные проблемы и перегруженность радиальных магистралей, но и неравное развитие отдельных частей города. Развитие хордовых связей, возможно, могло бы искоренить порок московской периферии — ложную субурбанизацию — и создать центры кристаллизации полноценной городской среды в спальнях районах.

РИС. 11, 12

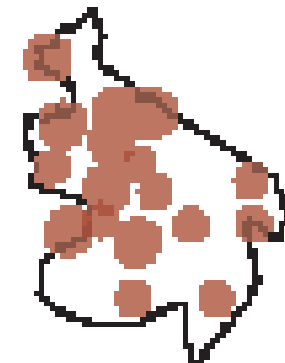
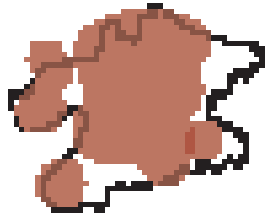
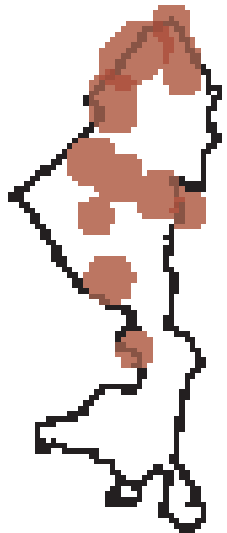
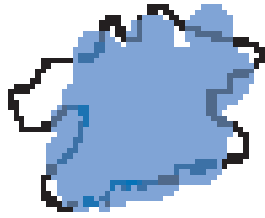
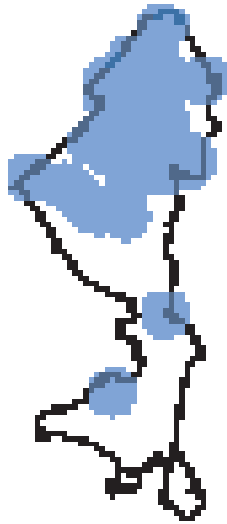
Концентрация упоминаний физической безопасности (позитив, тело) и рисков (негатив, тело) ЦАО, ЮЗАО и ЮВАО, август-сентябрь 2013 года.

2.2 Социальные сети о городе

Проведенный анализ показал, что на темы, связанные с городом, приходится весьма незначительная часть информации, формируемой в социальных сетях. Вместе с тем их поток достаточно велик и регулярен.

Локальные сообщества: вместо города в Интернете?

Самоорганизация москвичей в городском пространстве остается скрытой от большинства современных исследований.



23 «В географии под термином «вернакулярный район» понимается территория, выделяемая в первую очередь самими горожанами, обладающая в сознании её обитателей общепризнанным образом, состоящим из набора когнитивных, аффективных и ценностных компонентов». www.geogr.msu.ru/science/diss/oby/puzanov.pdf

24 Каганский В.Л. Невменяемое пространство // Отечественные записки, 2002, № 6 (7).

Социологические опросы дают бесценный эмпирический материал, но частое их проведение невозможно в силу дороговизны и трудоемкости. Городские социологи, культурологи и географы обычно соглашаются с тем утверждением, что в Москве трудно найти яркие локальные сообщества — так называемые вернакулярные районы²³ (vernacular regions) — и связанные с ними самоназвания (топонимы). В отличие от других крупных городов мира Москва относительно безлика. По меткому выражению российского культурного географа В. Л. Каганского москвичи «территориально невменяемы»²⁴. В социальную традицию горожан не входит создание локальных сообществ наподобие нью-йоркских SoHo (South of Houston) или Tribeca (Triangle Below Canal Street).

Но так ли это сегодня, в эпоху активного развития социальных сетей, которые отбирают на себя значительную долю социальной активности людей? Не на этой ли площадке растут и развиваются городские локальные сообщества?

Ответ на этот вопрос может дать современный инструментарий семантического анализа информационных потоков социальных сетей.

Безопасность как комфорт

Восприятие безопасности тесно связано с комфортом городской среды. Аналогия с комфортом настолько тесная, что эти два понятия зачастую отождествляются. Упоминания городской безопасности как проблемы в Интернет-дискуссиях горожан не ограничиваются сообщениями о физических рисках, криминале, полиции и чрезвычайных ситуациях. Более того, реальная география московских происшествий, засекаемая по данным служб скорой помощи и МЧС, слабо соотносится с восприятием безопасности в городе, обнаруживаемым в социальных сетях. Зачастую истинный резонанс в социальных сетях вызывают не самые яркие происшествия. Степень внимания к происшествиям чаще зависит не от масштаба самого события, а от репутации «места происшествия», его устойчивых отрицательных или положительных качеств. Такой взгляд на безопасность близок к трактовке Дж. Джекобс, которая понимала безопасность как общественное спокойствие и видела в ней связь горожанина с развитием местных сообществ, «спонтанный присмотр» со стороны уличных торговцев и прохожих, синоним «обжитого» городского пространства²⁵.

25, 26 Jacobs J. The life and death of great American cities. – 1961.

Основы общественного спокойствия

По Дж. Джекобс²⁶ «общественное спокойствие больших городов (спокойствие на их тротуарах и улицах) лишь во вторую очередь обеспечивается полицией, сколь бы необходима она ни была. Прежде всего, оно поддерживается сложной, почти незаметной сетью контроля и слежения, сотканной самим населением».

Примечательно, что в рейтингах городов мира по качеству жизни (англ. — liveability/quality of life rankings), составляемых такими компаниями как Mercer или Economist Intelligence Unit, безопасность служит одним из основных критериев, однако определяется только уровнем преступности, природными и политическими рисками.

Такие оценки не в полной мере описывают проблему безопасности в городе, поскольку статистика о происшествиях не может передать уровень общественного спокойствия и комфорта. По данным о вызовах экстренных служб, центр Москвы значительно опережает другие районы Москвы. Однако география чрезвычайных ситуаций по результатам семантического анализа публикаций в социальных сетях противоречит «объективной» географии. Упоминания центра нейтральны, в то время как согласно статистике здесь концентрируется большая часть негативных событий. Положительные и отрицательные характеристики центра (ЦАО), добытые из социальных сетей, многочисленны и примерно равны друг другу по количеству.

Такой сбалансированной картины по большинству районов периферии Москвы встретить не удастся. Между ТТК и МКАД²⁷ выделяется несколько очагов с очевидным преобладанием негативных оценок. Это такие районы как Печатники, Текстильщики, Люблино и Ясенево. Выделяются также Черемушки и окрестности станции метро Академическая, в отношении которых пользователи социальных сетей не скупаются на позитивные оценки. В целом картографический рисунок семантического пространства города оказался более сложным и разнообразным, чем география вызовов экстренных служб. И это при том, что объем данных семантического анализа ограничивается тематикой и словарем поиска. Требования москвичей к городской среде даже в сравнительно узком контексте безопасности оказываются весьма широкими. Жители требовательны к московской среде, а кроме того, разнообразны в своих требованиях²⁸.



РИС. 13 Количество позитивных и негативных упоминаний на один топоним, ЦАО, ЮЗАО и ЮВАО, август-сентябрь 2013 года.

27 В исследовании участвуют только юго-западный и юго-восточный сектора Москвы.

28 Показательным примером является соотношение один к одному негативных упоминаний реконструкции Ленинского проспекта с сообщениями о происшествиях в Битцевском лесопарке на юго-западе Москвы. По уровню возмущения, вызванного среди горожан градостроительная инициатива сходна с преступной деятельностью маньяка. Это, безусловно, не означает реальную сопоставимость этих двух явлений, однако говорит о разнообразии причин беспокойства и обсуждений горожан и о росте их требовательности к городу и городской среде.

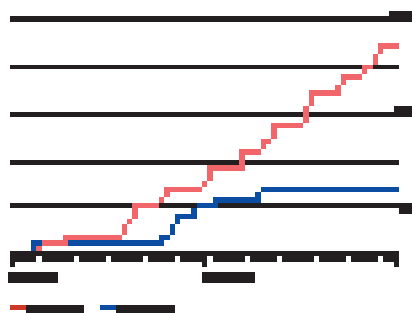


РИС. 14 Упоминания Чистопрудного бульвара август-сентябрь 2013 года.

29 Это доказывает тематика сообщений, в особенности в сентябре, когда за существенную долю упоминаний начинают отвечать транспортные проблемы.

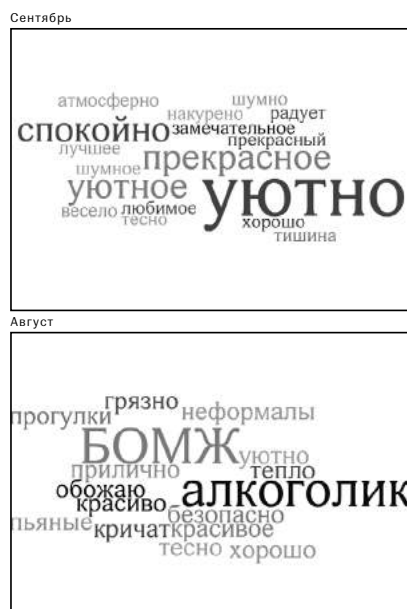


РИС. 15 Облака ключевых слов из упоминаний Чистопрудного бульвара, август-сентябрь 2013 года.

Постоянство в тревоге, непредсказуемость в похвале

Семантика отношений москвичей к городскому пространству подчиняется четко определенным закономерностям.

Отрицательные эмоции, как правило, имеют устойчивую географию. Места концентрации негативных эпитетов связаны с небольшим количеством постоянных локусов. Позитивное отношение, напротив, рассредоточено в пространстве, не привязано к определенным топонимам в городе и часто меняет свою географию. Отрицательных характеристик в сообщениях горожан в полтора раза больше, чем положительных. Семантическая география изменяется по сезонам, дням недели и времени суток, она сильно меняется также в зависимости от социальной группы. В сентябре, например, в сравнении с августом резко возрастает количество негативных характеристик в отношении районов города и отдельных объектов, а также сокращается количество позитивных упоминаний парков и зон отдыха.

Вместе с числом негативных эпитетов растет количество положительных высказываний, в основном за счет упоминаний мест работы, кафе, ресторанов, магазинов и т. д.

Если положительные оценки рассеиваются в пространстве, то негативные, напротив, концентрируются в нескольких местах.

Осенью позитивный настрой сохраняет свои позиции во многом за счет вернувшихся из отпуска на работу москвичей. Они переключаются с «пространств» на «объекты»: в сентябре на смену летним впечатлениям о зонах отдыха и парках приходят оценки «точек», по преимуществу кафе и ресторанов.

Хорошее настроение и летом, и осенью связано с отдыхом и свободным временем. Поэтому его география так широка и разнообразна: активно и творчески осваивающие город отпускники не скупятся на положительные отзывы о разных местах города.

Плохое настроение на протяжении всего года характеризуется устойчивой территориальной концентрацией, которая лишь усиливается в сентябре. Его субстрат — повторяющиеся день изо дня трудовые маятниковые миграции и сопутствующие им проблемы²⁹.

Чистопрудный бульвар: смена тренда

Любопытным примером смены образа с негативного на позитивный оказывается Чистопрудный бульвар.

Летом бульвары часто уступают в популярности садам и паркам и зачастую упоминаются в негативном контексте в связи с пробками, многочисленными бездомными или шумными компаниями и т. д. Осенью же они становятся в один ряд с парковыми зонами по количеству позитивных упоминаний. Причина — горожане, работающие вблизи бульваров и проводящие там обеденный перерыв или вечер после работы. Для них бульвар становится обжитым общественным пространством, активно используемым и любимым.



РИС. 16. Ареалы упоминаний отдельных тем (негативные отзывы), ЦАО, ЮЗАО и ЮВАО, август-сентябрь 2013 года.

По данным исследования бульвары меняют свой образ в социальных сетях от сезона к сезону. Так, Чистопрудный бульвар — это объект упреков со стороны местных жителей летом и предмет похвалы съехавшихся на работу москвичей осенью.

30 «Undesirables» по терминологии американского социолога и урбаниста У. Уайта. Whyte W. H. The Social Life of Small Urban Spaces. — 1980.

31 В исследовании участвуют только юго-западный и юго-восточный сектора Москвы.

32 Это преимущество социальных сетей активно используется и за рубежом, и в российских городах. Например, данные Twitter используют при поиске пострадавших во время природных катастроф (ураган Сэнди или землетрясение в Японии), а такие краудсорсинговые проекты как Ushahidi, SeeClickFix и др. используют ресурс соцмедиа для сбора информации о проблемах развития городской среды.

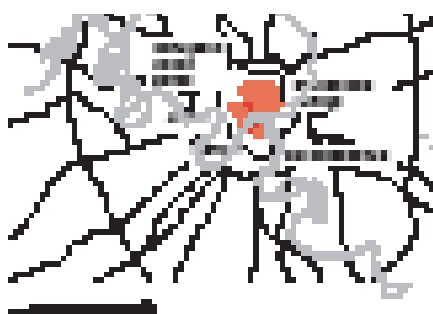


РИС. 17. Группы стабильных и многочисленных упоминаний топонимов центра, август-сентябрь 2013 года.

«Хорошо» значит комфортно, «плохо» — все что угодно

Москвичи «жалуются» на город по многочисленным причинам, а «хвалят» его, как правило, обобщенно, не вникая в детали.

Горожане редко положительно отзываются о высоком уровне безопасности того или иного места, воспринимая его как само собой разумеющееся, используя для этого, как правило, общие понятия вроде «комфортно», «хорошо», «приятно», «уютно».

Если же речь идет о проблемах, связанных с низким уровнем безопасности и недостатком комфорта, то в ход идут многочисленные и разнообразные определения.

В ходе анализа выделено 250 тематических блоков, по которым группируются ключевые слова из категории негативных характеристик. Большая их часть связана с конкретными проблемами.

Среди причин негативных отзывов выделяются происшествия (ДТП, кражи, нападения, убийства и т. д.) и жалобы на качество среды (грязь, запахи и пр.).

Особенно часто встречаются упоминания так называемых «нежелательных» групп горожан, в которые попадают бездомные, иммигранты и др.³⁰. Данная категория уступает только группе, связанной с криминалом, однако резко превосходит ее в отдельных спальных районах Москвы³¹. При этом среди «нежелательных» групп по концентрациям и количеству упоминаний выделяются иммигранты.

Анализ негативных отзывов москвичей о городской среде в социальных сетях служит не только индикатором локальных проблем и чрезвычайных ситуаций³², но и лакмусовой бумажкой социальных конфликтов и противоречий, например, ксенофобии.

Анизотропность городского пространства

По данным семантического анализа публичной информации социальных сетей восприятие городского пространства Москвы неоднородно:

- Упоминания топонимов, положенные на карту, образуют сгустки и разрежения в пространстве;
- Одни части города воспринимаются «точечно», другие условно «пространственно» — районами и ареалами;
- База данных семантического анализа позволяет увидеть механизм создания самобытности районов Москвы по характеру комментариев, добытых из социальных сетей.

Означает ли такая неоднородность тенденцию к образованию локальных центров на периферии города?

Консервативное восприятие центра

Границы центра Москвы воспринимаются исключительно консервативно, а реальной периферией для москвичей оказываются две узкие полосы вдоль МКАД на севере и на юге Москвы. Между ними формируется семантический «провал» в пространстве — периферия, которую не замечают и даже не комментируют.

В связи с тем, что большая часть населения Москвы проживает в спальных районах, отзывы о городе в Интернете чаще всего пишут именно жители периферии. Кроме того, по содержанию сообщений можно понять, что многие из них публикуются «неместными».

Возможно, именно взглядом «со стороны» объясняется консервативное восприятие центра города:

- Центр Москвы упоминается в социальных сетях вдвое чаще, чем периферия;
- Характеристики центра менее разнообразны;
- Описания центра в основном ограничиваются производными от слова «центр» (более 90% упоминаний);
- Границы центра, обозначенные его «стабильными» и частыми упоминаниями³³, проходят по кольцевой линии метро, при этом большинство упоминаний сконцентрировано в пределах Бульварного кольца Москвы.

Концентрации упоминаний центра формируют следующие «кластеры»:

- Бульварное кольцо: пл. Красная, ст. м. Китай-город, ул. Никольская, ул. Петровка, Камергерский пер., ул. Каретный ряд, ул. Кузнецкий мост, ул. Б. Дмитровка, пл. Театральная, пл. Пушкинская, ст. м. Тверская, ул. Тверская, ул. Волхонка, ст. м. Охотный ряд, ул. Мясницкая, ст. м. Лубянка, ст. м. Чистые пруды, ул. Сретенка;
- Арбат: р-н Арбат, ст. м. Арбатская;
- Замоскворечье: ул. Пятницкая, Овчинниковская наб., ул. Садовническая;
- Балчуг: Берсеневская наб., Болотная наб.;
- «Выплески»: Москва-Сити, ст. м. Бауманская (упоминание связано с рекламой недвижимости);
- Кольцевая линия московского метрополитена: Садовое кольцо, ст. м. Таганская/Марксисткая, пл. Комсомольская, ст. м. Менделеевская, наб. Фрунзенская, Цветной бул., ст. м. Маяковская, Дубининская, ул. Новослободская, ст. м. Проспект мира, ст. м. Парк культуры, ст. м. Баррикадная.

33 Публикации в августе, и в сентябре и более 3 упоминаний за исследуемый период.

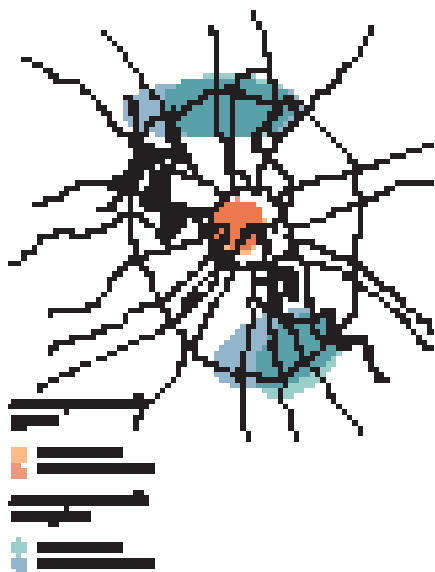


РИС. 18 Ареалы стабильных и многочисленных упоминаний топонимов центра и периферии, август-сентябрь 2013 года.

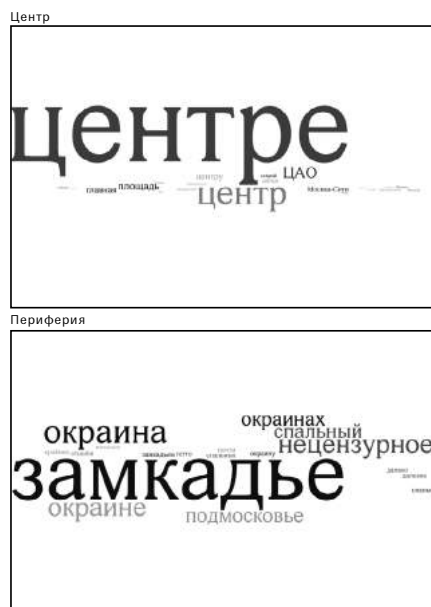


РИС. 19 Облака ключевых слов из стабильных и многочисленных упоминаний центра и периферии, август-сентябрь 2013 года.

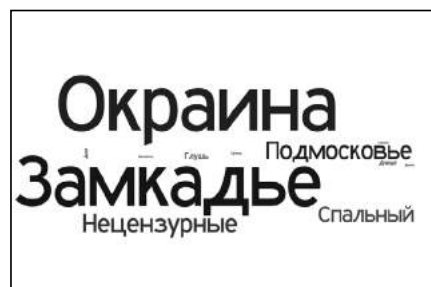


РИС. 20 Облака ключевых слов из всех упоминаний периферии, август-сентябрь 2013 года.

По упоминаниям в социальных сетях выявляются четко идентифицируемые кластеры: исторический центр и так называемые «точки отсчета»³⁴, значимые для активных пользователей социальных сетей: «медиа-набережные» (Стрелка) и переулки западной части острова Балчуг, а также Болотная площадь и прилегающие территории.

Однако по численности упоминания «точки отсчета» уступают кольцевой линии метро. Безоговорочным лидером по числу высказываний оказывается центр в пределах Бульварного кольца. Очевидно, что система городской навигации (карта метрополитена, туристические маршруты и т. д.) играет в таком консервативном представлении о центре не последнюю роль.

Отдельные упоминания удаленных от Бульварного кольца объектов в качестве центральных расширяют центр до Третьего транспортного кольца, однако, как правило, такие упоминания оказываются продуктом онлайн-маркетинга, а не топонимической активности горожан. Появление Пресненской набережной и ст. м. Бауманская в качестве маркеров центра связано с рекламой жилой и коммерческой недвижимости.

Семантический «провал» на периферии

Семантическая карта периферии неоднородна. Есть только два ареала, которые замыкают на себя большинство характеристик периферии — север и юго-восток города.

Остальной массив периферии представлен рассеянными в пространстве топонимами. Они не отличаются устойчивыми и многочисленными упоминаниями, во всяком случае таких существенно меньше, чем в центре: 12 против 3 соответственно. Между экстремумами центра и периферии простирается широкий пояс спальных районов Москвы, не попадающих ни в одну, ни в другую категорию — провал в семантическом пространстве города, не связанный с какими-либо ассоциациями и образами, еще одно свидетельство ложной субурбанизации.

Соотношение ареалов концентрации центральных и окраинных топонимов отражает упрощенное восприятие пространственной структуры города пользователями социальных сетей: сжатый Бульварным кольцом центр и две узкие зоны периферии³⁵ на севере и юго-востоке вдоль МКАД.

Периферия как приговор

Периферией, как правило, называют наиболее удаленные или неблагополучные районы города: периферия там, где «плохо» и «далеко». Этот термин несет эмоциональную нагрузку, а также связывается с самыми дальними и труднодоступными точками города.

В Москве в качестве периферии по большей части упоминаются окраины города, но иногда и части центрального ядра. Случается и обратная ситуация, когда окраинные районы получают определения центральных.

Среди «переходных» топонимов, упомянутых одновременно в качестве центра и периферии, выделяются следующие группы (по доле упоминаний в первом или втором контексте):

- «Центральные» упоминания периферии: МКАД (33% упоминаний — центр), ст. м. Бауманская (25%), Каширское ш. (33%)
- «Периферийные» упоминания центральных топонимов: ул. Тверская (7% упоминаний — периферия), пр-т Мира (34%), Садовое кольцо (34%), пр-т Ленинский (40%)

«Центральность» в характеристиках места связана в первую очередь с указанием на близость к центру — главный фактор привлекательности, упоминаемый в рекламных публикациях. Когда же часть центра называется «периферией», это, как правило, указывает на отрицательное отношение к качеству среды и услуг в данном месте (именно услуг, поскольку в большинстве случаев речь идет о точечных объектах инфраструктуры).

Опыт посещения и опыт проживания пространства

Если позитивные упоминания в центре в основном относятся к удовлетворенности услугами, негативные отзывы на периферии связаны с низким качеством окружающей среды. Значит ли это, что центр воспринимается как множество объектов, а периферия — как среда и пространство в целом?

О «точечном» восприятии центра говорит как распределение упоминаний по его территории, так и их содержание: в облаке ключевых топонимов, связанных с центром, отчетливо доминируют точечные объекты — кафе, рестораны, магазины. Возможно, москвичи просто плохо знают периферийные районы города. Как уверял создатель теории «ментальной географии» Кевин Линч³⁶, «районное», «площадное» восприятие территории указывает на плохое понимание устройства города, которое в этом случае хуже, чем знание городского пространства, построенное на навигации, ориентирах и путях. Тем не менее, семантический анализ упоминаний топонимов Москвы в социальных сетях по двум исследуемым темам («центр-периферия» и «безопасность-комфорт») выявил, что пространство города воспринимается все более требовательно и внимательно и наделяется москвичами определенными смыслами.



РИС. 21 Облако ключевых упоминаний городских объектов в контексте центра, август-сентябрь 2013 года.

36 Линч К. Образ города // М.: Стройиздат. — 1982. — Т. 7.

Семантическая неоднородность Москвы

Различия между двумя типами отношения к безопасности: как к проблеме физической угрозы, с одной стороны, и комфорту/дискомфору окружения, с другой стороны — вскрывают интереснейшую особенность московского пространства.

Выявляются четкие различия между тремя исследуемыми административными округами:

На юго-востоке Москвы очевидно преобладание негативных оценок над позитивными. Большая их часть относится к проблемам низкого качества окружающей среды и дискомфорта. Противоположная картина складывается в отношении юго-запада. Здесь позитивные настроения выражаются в основном в отношении среды, а вот тревоги посвящены как вопросам среды, так и проблемам физической безопасности.

По поводу центра города очевидно преобладают позитивные настроения, причем прежде всего в отношении среды и объектов, ее составляющих. Негативные комментарии в центре связаны в основном с происшествиями. В центре положительные высказывания составляют более 60% от всех упоминаний, в то время как на юго-западе таких менее половины — 40%, а на юго-востоке — всего 11%. Всплески позитивных комментариев отмечаются в Марьино и Черемушках.

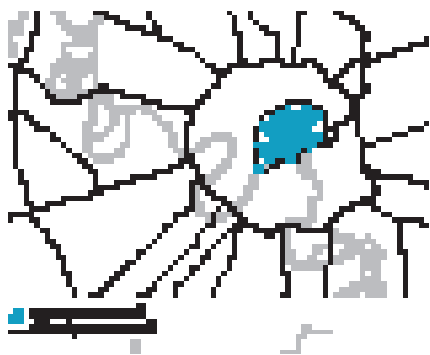


РИС. 22 Ареал и ядра упоминаний центра через сервис Foursquare, август-сентябрь 2013 года.

37 Большинство публикаций, согласно результатам семантического анализа, принадлежит «гостям», а не местным жителям.



РИС. 23 Облако ключевых топонимов - упоминаний географических объектов в контексте периферии, август-сентябрь 2013 года.

Негативные отзывы о московской спальной периферии³⁷, полученные от жителей других районов Москвы, выстроены на противопоставлении «чужого» и «своего». Местные жители, напротив, чаще настаивают на позитивном образе своего района, противопоставляя его оценкам внешних комментаторов. Такого рода «местный патриотизм» характерен прежде всего для юго-восточного сектора. Ярким примером является район Марьино, лидирующий на юго-востоке как по позитивным, так и по негативным отзывам. Несмотря на большое количество негативных комментариев со стороны, местные жители характеризуют свой район в позитивных тонах. Семантический анализ показывает, что городское сообщество пока еще слабо, но все же пытается создавать локальную самобытность, наделяя пространство различными смыслами. Высокая степень незнания своего города, впрочем, препятствует этому процессу. Дифференцирующим фактором, как правило, является проблема, а не особенности местного сообщества.

3 «Пространство» без «места»

Модель Москвы как гипермобильного города с доминирующим центром и обширной периферией оказалась не верна. В повседневных центростремительных поездках участвует не более 10% москвичей; более 2/3 горожан вообще не покидают утром мест своего проживания, а в социальных сетях почти вся «спальная» зона, большая часть территории города, практически не замечается.

Взгляд на структуру мобильности населения и на смыслы, которыми наделяют московское пространство пользователи социальных сетей, позволяет обнаружить интересное противоречие. В зоне между ТТК и МКАД «пустота» на семантической карте совпадает с весьма активной зоной мобильности.

Здесь проживает подавляющее большинство горожан, совершается не меньше половины всех трудовых поездок, однако в городском сознании эта зона не определяется ни в целом, ни в виде множества отдельных устойчиво идентифицируемых мест. Картографирование потоков сообщений в социальных сетях показывает, что это пространство, за небольшими исключениями, есть поле смыслового «белого шума», подвижное и слабо географически дифференцированное. В общественном сознании «серединная зона» Москвы представляется по сути «пустым» с точки зрения культурного осмысления, транзитным пространством, зажатым между смысловыми полюсами «центра» и «периферии». «Внеместность» сознания, где четко запечатлены пространственные координаты (центр-периферия) и барьеры (такие как МКАД), но крайне слабо присутствуют образы места и районы с выраженной культурной самоидентификацией жителей, является основной характеристикой этой зоны. По всей видимости, «внеместность» не только не противоречит активной мобильности жителей «спальной зоны», но и поддерживает ее. Здесь важен рисунок мобильности, а не только ее интенсивность. Хаотическое движение людей по периферии от точки к точке, отсутствие сколь-нибудь отчетливо выраженных центральных точек, слабость эффекта агломерации не позволяют говорить о полноценной городской среде применительно к этой зоне.

Можно предположить, что «невидимость» и «внеместность» пояса ТТК — МКАД связаны не только и не столько с малой насыщенностью этой территории объектами социальной и культурной инфраструктуры или местами приложения труда (часто встречающееся объяснение). Здесь важны особенности социального устройства города в целом,

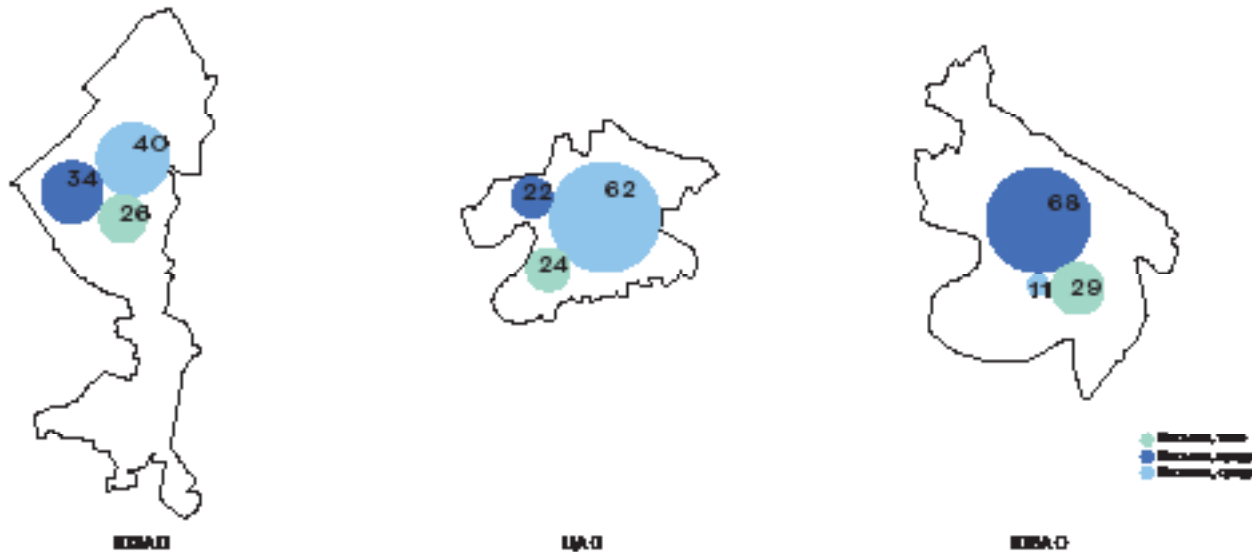


РИС. 24 Различение округов Москвы по плавающему признаку (комфорт/безопасность), ЦАО, ЮЗАО и ЮВАО, август-сентябрь 2013 года.

прежде всего, со слабо выраженной местной самоорганизацией общества, и, как следствие, с крайне слабой локальной социально-культурной идентичностью.

Смысловые облака понятий «центр» и «периферия», бедны какими-либо специфически местными чертами и ассоциациями, в том числе топонимами. На самом деле, понятия «центр» и «периферия», существующие в сознании москвичей, относятся в гораздо большей степени к категориям «пространства», чем к категориям «места». Они задают лишь определенные пространственные координаты социального и экономического статуса горожанина, а не описывают какие-либо конкретные места города. Основным определителем дихотомии «пространства»/«места» является их восприятие человеком. Под «пространством» понимается абстрактная, «объективно существующая» реальность, не зависящая от восприятия или воли индивидуальной человеческой личности. Именно присутствие человеческой личности превращает «пространство» в «место».

Каждый пространственный объект, войдя в мир жизни (lifeworld) человеческой личности, становится «местом». Это касается объектов любого масштаба: от самого малого (например, помещения жилой комнаты) до самого большого (например, города или страны).

Основным процессом взаимодействия человека с пространством является его «оживание»: именно в процессе «оживания» человек преобразует абстрактное «пространство» в конкретное, имеющее личную значимость «место». При этом речь идет не только о физическом, но, прежде всего, о смысловом «оживании»: преобразуя «пространство» в «место», человек наделяет его субъективным социальным смыслом. Именно такого «оживания» лишена московская периферия.

Работа, проведенная в рамках проекта SPACE (D), впервые дала возможность провести эмпирический анализ образов города и категорий культурного восприятия пространства горожанами, а также пространственных паттернов их повседневного поведения, которые ранее лишь описывались на уровне экспертных оценок, косвенным образом обосновывались через артефакты гуманитарного знания (например, на исследования образов города в литературе и искусстве и т. д.) или служили предметом точечных социологических исследований.

4 Методика

1. Анализ семантических потоков из соцмедиа (Вконтакте, Twitter и Foursquare).

Анализ данных из социальных сетей отражает особенности восприятия населением городской среды.

Исследование сконцентрировано на двух темах:

- ментальные границы и восприятие центра и периферии города;
- отношение к городской среде и критерии комфорта и безопасности.

Работа с большими данными из социальных сетей осуществлена в четыре этапа:

Сбор

Сбор информации из социальных сетей осуществлен через открытые API Вконтакте, Twitter и Foursquare, а также с помощью специальных алгоритмов-роботов. Поиск упоминаний по двум темам исследования основан на системе специально разработанных запросов-словарей.

Семантический анализ и пространственная привязка

Семантический анализ выполнен с помощью специальных алгоритмов, а также в существенной части доработан вручную. Пространственная привязка основана на упоминании тех или иных географических объектов (косвенная локализация).

Обработка

Ошибки и ограничения проверены по нескольким направлениям: релевантность упоминаний, точность пространственной привязки, уточнение данных семантического анализа. Обработка в режиме баз данных дополнена анализом первичной визуализации, которая наглядно отражает неточности и ошибки.

Визуальный анализ

Инфографика подготовлена на основе визуализации в программах ArcGIS и Grasshopper; для создания цифровой визуализации разработано специальное программное обеспечение на базе VVVV и R.

2. Анализ данных сервиса Геопространственного анализа ОАО «Мегафон».

Геопространственные данные позволяют отслеживать закономерности городской мобильности через перемещения групп горожан разной продолжительности и в различных направлениях.

Работа с большими данными сервиса Геопространственного анализа осуществлена в три этапа:

Сбор

База данных для анализа городской мобильности включает информацию о первом утреннем маршруте различных групп горожан в один из рабочих дней сентября. Группировка данных по абонентам позволяет сохранить анонимность информации без ущерба для детальности.

Перемещения определены по точкам начала и окончания маршрута. Так называемые «воздушные перемещения» (прямая линия между точками старта и финиша) уточнены до приблизительных траекторий с введением категории пересечений основных кольцевых дорог (МКАД, Третье транспортное кольцо).

Обработка

Стадии уточнения: проверка ошибок и ограничений; отсечение маршрутов за пределами Московской агломерации; отсечение неподвижных групп абонентов.

Визуальный анализ

Инфографика подготовлена на основе визуализации в программах ArcGIS и Grasshopper; для создания цифровой визуализации разработано специальное программное обеспечение на базе VVVV и R.

Куратор
Алексей Муратов

Сокуратор
Ольга Вендина

Эксперты, авторы текстов и аналитических записок

Михаил Блинкин
Валентин Богоров
Анна Броновицкая
Наталья Волкова
Александр Ложкин
Тимоти Мизир
Глафира Паринос
Мария Ромакина
Джемал Сурманидзе
Ксения Толкачева
Эдуард Трутнев
Евгений Шингарёв
Алексей Щукин
Брайан Эванс
Алексей Яценко
Анатолий Белов

Организации

Высшая Школа Урбанистики Национального
исследовательского Университета Высшая
Школа Экономики
ВШУ НИУ ВШЭРук. Александр Высоковский

Авторы благодарят руководителя проекта «Археология периферии» Юрия Григоряна за щедрое предложение войти в междисциплинарную команду специалистов, изучающих, анализирующих и обсуждающих столь интересную и доселе мало проработанную тему как кольцо панельных районов Москвы. Мы также выражаем признательность кураторам отдельных направлений исследования Алексею Левинсону, Алексею Новикову, Григорию Ревзину за бескорыстный обмен информацией и доброжелательный диалог в ходе данной коллективной работы. Нельзя не отметить и конструктивное участие в совместных акциях и обсуждениях таких специалистов, как Василий Аузан, Валентин Богоров, Федор Кудрявцев, Александр Пузанов, Денис Ромодин, Екатерина Серова, Дмитрий Сиваев, Сергей Ситар, Наталья Татунашвили, Ефим Фрейдин, Наталья Чамаева и др.

Бесценную помощь нам оказали авторы различных материалов и исследований, специально подготовленных для данного раздела: Ася Белоусова, Михаил Блинкин, Анна Броновицкая, Наталья Волкова, Александр Ложкин, Тимоти Мизир, Глафира Паринос, Мария Ромакина, Джемал Сурманидзе, Ксения Толкачева, Эдуард Трутнев, Евгений Шингарев, Алексей Щукин, Брайан Эванс и коллектив Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ под руководством Александра Высоковского. Ряд этих исследований издан отдельным тиражом в рамках серии публикаций «Библиотека Суперпарка», на которые мы постоянно ссылаемся в тексте. Нельзя не отметить и наших консультантов, квалифицированные советы которых позволили углубить содержание данной работы и, как надеются авторы, избежать вопиющих ошибок: Олега Баевского, Олега Григорьева, Джамеля Клуша, Филиппа Мойзера, Кирилла Никитина, Юлию Панкратьеву, Алексея Яценко.

S P A C E D

ПОЛИТИКА

Вступление

Движущие силы спальной Москвы

Обеспечить связанность территорий

Продуктивность микрорайонных ландшафтов

Краткие выводы

Социальный атлас Москвы — Ольга Вендина

Транспортный аспект управления территориями микрорайонов —

Михаил Блинкин

Экология периферии — Брайан М.Эванс

На пути к Суперпарку

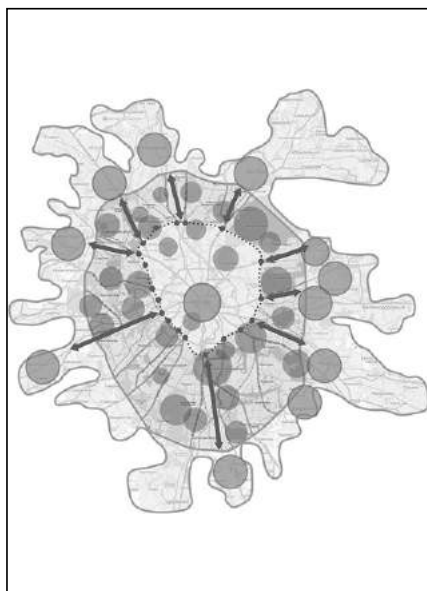
Ольга Вендина, Алексей Муратов

Вступление

У администрации крупных мегаполисов нет инструментов, которые обеспечивали бы тотальный контроль над социальными и экономическими процессами — есть только возможность влиять на них. При этом, политика городского развития предполагает согласование решений, принимаемых различными субъектами (группы населения, власти, бизнес, эксперты), интересы которых не всегда совпадают. Из множества политик, связанных с управлением городским развитием — от борьбы с бедностью и нелегальной иммиграцией до превращения Москвы в международный финансовый центр, — мы отдаем приоритет градостроительной политике. Устанавливая нормы, правила и формы организации городского пространства, градостроительная политика прямо влияет на социальную и экономическую жизнь горожан.

Часть Москвы, на которой сфокусировано это исследование — «панельный бублик», пояс перемежающихся парками и индустриальными зонами микрорайонов, — можно определить как двойную периферию. Роль центров для этой территории играют, во-первых, историческое ядро столицы, а во-вторых — ее административная граница, в значительной степени совпадающая с МКАД. Крайность районов «панельного бублика» относительно исторического ядра подкрепляется формированием «новых центральных» вокруг транспортно-пересадочных узлов, создаваемых на Малом кольце Московской железной дороги. Относительно МКАД процесс оформления окраины подкрепляется развитием центров второго порядка в процессе развития подмосковных территорий.

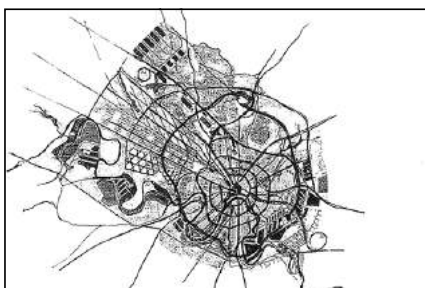
Роль двойной периферии ставит вопрос о конструктивности модели срежиссированного полицентрического развития. Отрицательный ответ на этот вопрос, в частности, дают итальянские урбанисты Бернардо Секки и Паола Вигано. Рассуждая о структуре региона в ходе Международного конкурса на концепцию развития Московской агломерации, который прошел в 2012 году, они констатируют, что, как правило, попытки создать многополюсные территориальные образования оканчиваются неудачей — на такие проекты не хватает времени и средств. Сама идея полицентричности противоречит, по их мнению, представлению о городе как «пространстве социальной, экономической



В процессе развития Московской агломерации «панельный бублик» постепенно становится двойной периферией. Роль исторического ядра столицы как места концентрации городской активности в перспективе дополнительно укрепит кольцо новых центров, которые образуются вокруг транспортно-пересадочных узлов на МК МЖД. В то же время продолжится и формирование центров второго порядка с внешней стороны МКАД.



Иллюстрацией концепции непрерывной центральности является предложение Бернардо Секки и Паолы Вигано, выдвинутое в ходе Международного конкурса на развитие Московской агломерации (2012). Застройка новых территорий сгущается в пределах квадрата, более-менее органично вырастающего из ткани юго-запада столицы.



Своеобразным выражением идеи непрерывной центральности служит знаменитая парабола Николая Ладовского (1930), предложившего линейную схему развития Москвы в северо-западном (ленинградском) направлении.



Картина благоустройства территории микрорайонов, нарисованная участниками консорциума Грумбах-Вильмотт в ходе Международного конкурса на концепцию Московской агломерации (2012).

и физической непрерывности»¹. По мнению Секки и Вигано, следует стремиться к «расширенной центральности», охватывающей и ядро, и периферию.

Применительно к Москве пространственный образ «расширенной центральности» олицетворяет парабола архитектора Николая Ладовского, предложенная им в 1929 году: концепция предполагала развитие города вдоль одной оси, идущей от исторического ядра на северо-запад. Близкой является концепция поляризованной биосферы географа Бориса Родомана, основанная на идее пересечения двух независимых и достаточно обособленных коммуникационных сетей, одна сеть сформирована человеком, другая — природой. Производственные и транспортные коридоры оставляют место для зеленых зон, поддерживающих на урбанизированной территории биологическое разнообразие. Ликвидация одной из этих сетей приводит к превращению «поляризованной биосферы в парализованную»².

Идеи расширенной центральности и поляризованной биосферы позволяют по-новому взглянуть на «панельный бублик» и его роль двойной периферии. Сохраняя окраинность в деловых и транспортных сетях мегаполиса, районы «бублика» способны стать узлами (центрами) социальных сетей, социальной инфраструктуры и опорой экологического каркаса столицы — своего рода Суперпарком.

По своему характеру Суперпарк является в некотором смысле антитезой Супергороду — пространству высокой плотности социальной и предметной среды, сверхинтенсивных финансовых, товарных, транспортных и информационных потоков. Модель тесного сосуществования Супергород и Суперпарка ставит вопрос о дифференцированном развитии мегаполиса, нацеленном на характерный для постиндустриальной эпохи поиск и выявление потенциалов на основе различий.

На трех темах на начальном этапе формирования Суперпарка следует сфокусироваться особо. Первая тема — взаимодействие общества и власти в деле совершенствования городской среды. Вторая — крупный, агломерационный масштаб, который позволяет взглянуть на «бублик» как на определенную целостность, выработать инструменты сохранения его специфичности в ходе комплексного и сбалансированного развития. Третья связана с уровнем микрорайона — основной планировочной единицы московской периферии.

Движущие силы спальной Москвы

Все постсоветское двадцатилетие в Москве градостроительную политику определяли интересы городской экономики, зачастую смешивающиеся с интересами конкретных инвесторов и девелоперов. Московская власть была главным застройщиком, основывая свой бизнес на праве распоряжения городской землей³. Мы же исходим из того, что политика является первичной по отношению к экономике: всякая экономика хорошо работает там, где решены политические вопросы, расставлены приоритеты и определены правила игры. Политического решения, в частности, требуют проблемы взаимодействия общества и власти в деле обустройства жизненной среды⁴.

Выбор градостроительной политики не может происходить

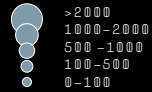
Экономический профиль районов Москвы



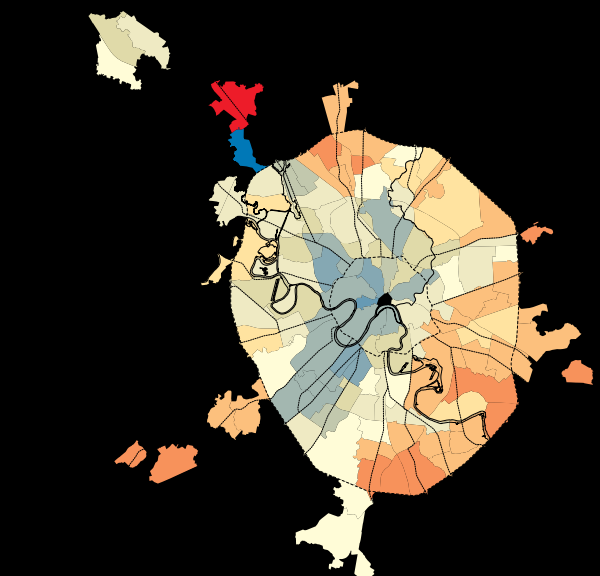
Типы районов Москвы

- Гипериндустриальные
- Индустриальные
- Транзитные дезиндустриализующиеся
- Индустриально-сервисные, транспортные
- Сервисные
- Постиндустриальные
- Спальные-сервисные
- Спальные-рабочие

Число торговых мест на рынках, 2011



Президентские выборы, 2012 Про-реформистское и про-советское голосование



Г. Зюганов > М. Прохорова, М. Прохоров > Г. Зюганова n% пунктов



МОСГОРСТАТ, 2011

ЦЕНТРИЗВЕРКОМ РФ, 2012

«Сто городов» Москвы



- 1. до 50 тыс. человек
- 2. 50-100 тыс. человек
- 3. 100-150 тыс. человек
- 4. 150-200 тыс. человек
- 5. больше 200 тыс. человек [областной центр]
- 6. Город-миллионер.

Выборы мэра Москвы, 8 сентября 2013 Электоральная поддержка С. Собянина. Результат выборов 51,37% голосов



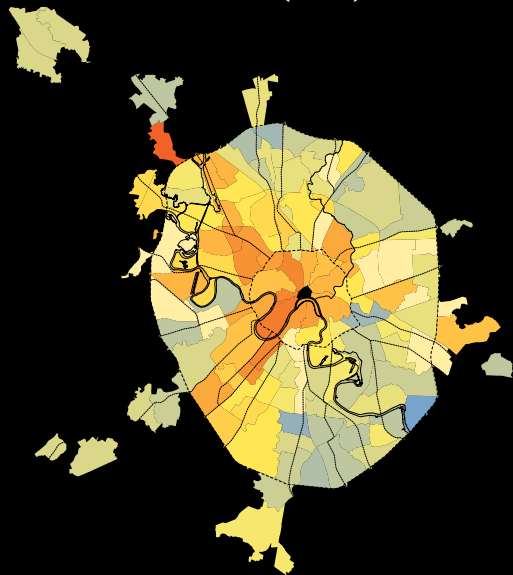
% голосов, набранных С.Собяниным по районам

- >55
- 53-55
- 51-53
- 49-51
- 47-49
- 45-47
- 43-45
- 41-43
- 39-41
- 37-39

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ, 2010

ЦЕНТРИЗВЕРКОМ РФ, 2013

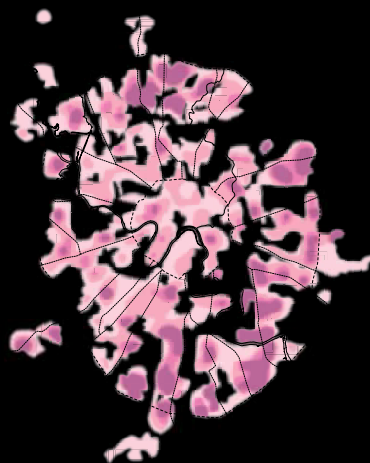
Человеческий капитал: уровень высшего образования. Среднее значение для Москвы (2010) — 40,1%



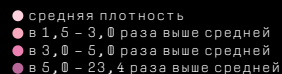
Отклонение от среднего значения, %



Человеческий капитал: расселение лиц, не имеющих российского гражданства



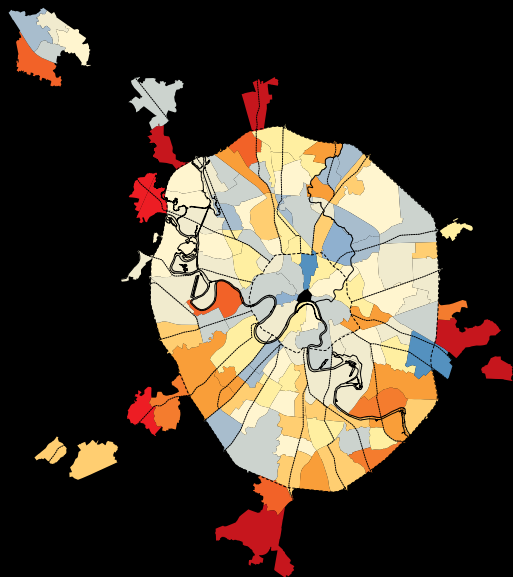
Отклонение от среднего значения, %



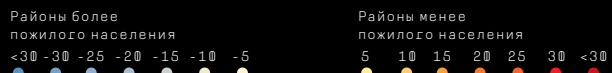
ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ, 2010

Ведкина О. Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2010

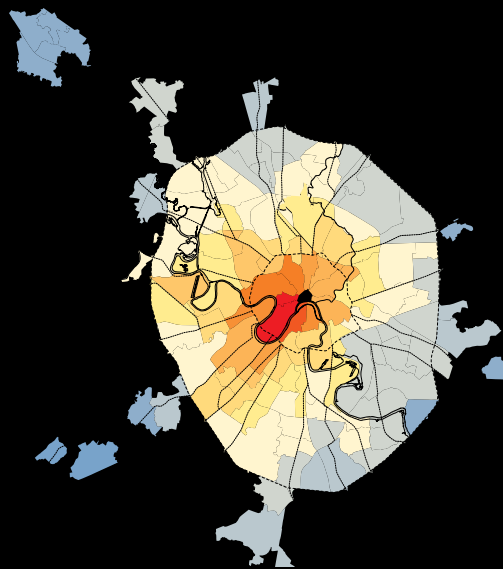
Москва стареющая
Население в возрасте 55 лет и старше



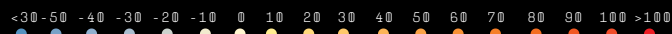
Значимость возрастной группы в населении района.
Отклонение от среднего значения для Москвы 26,6%



Рынок жилья Москвы, октябрь 2013
Стоимость 1 кв.м. на вторичном рынке жилья

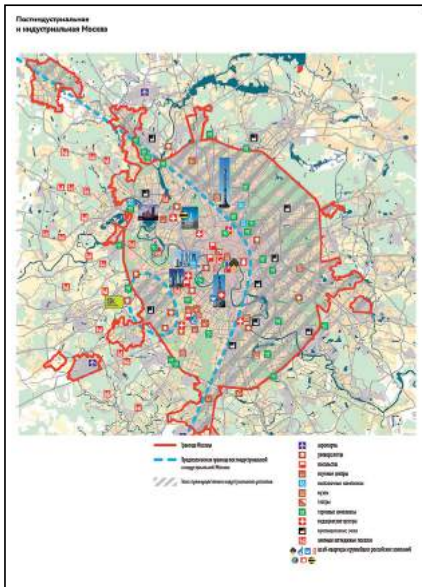


Отклонение от среднего значения для Москвы — 171,2 тыс. руб/кв.м. (5,3 тыс. \$ или 4 тыс. "), %



перепись населения Москвы, 2010

источник: www.domovoy.ru



Постиндустриальная и индустриальная Москва. Иллюстрация из Социального атласа Москвы, разработанного Ольгой Вендиной (консорциум I'AUC) в рамках Международного конкурса на концепцию развития Московской агломерации (2012);

исключительно «сверху», он должен предполагать участие общества как субъекта политического самоопределения. Это позволит власти вести относительно эффективную политику в общегородском масштабе и достигать улучшения качества жизни людей, делегируя на места решение большого количества вопросов.

Однако потребность в самостоятельно организованной среде повседневной жизни, регулируемой недвусмысленными и понятными гражданам правилами, находится, по мнению российских социологов⁵, в противоречии с произвольной регламентацией гражданских и имущественных прав, практикуемой институтами власти. В Москве на сегодняшний день коммуникация между властью и обществом явно нарушена. Серия выборов, прошедшая в 2012–2013 годах, наглядно продемонстрировала⁶, что те, кто доверяет нынешней власти и кому доверяет власть как минимум в вопросах электоральной поддержки, рассчитывают на проведение патерналистской политики. И, напротив, тех, кто считает, что государство обслуживает, а не опекает общество, нынешняя власть не устраивает.

Уровень анонимного доверия в московском сообществе стабильно низкий. В 2001 году только 18% москвичей полагало, что можно доверять большинству людей. При этом почти 70% москвичей говорили о своем доверии друзьям, родственникам и знакомым, а совсем никому не доверяли 9% москвичей⁷. В 2012 году картина изменилась мало — соответствующие показатели составили 14% и 76%, причем 38% респондентов сказали, что доверяют только близким родственникам и друзьям⁸. Низкий уровень анонимного межличностного доверия резко ухудшает возможности любых взаимодействий и перспективы развития представительной и партисипаторной демократии⁹. Представительная и партисипаторная демократия — не одно и то же, между ними существует сложное соотношение. Рост числа социальных групп, интересы которых не представлены в традиционных выборных институтах, как правило, подталкивает людей к переходу от конвенциональных форм участия в политике (выборы, партийная деятельность и проч.) к прямым действиям. Растет и значение общественных объединений, которые выдвигают политические требования в связи с необходимостью решения местных проблем — таких как движение защитников Химкинского леса или противников реконструкции Ленинского проспекта. Российские социологи не исключают, что именно «общественные организации, а не политические партии (большинство которых не являются выразителями интересов каких-либо социальных групп), смогут стать представителями интересов граждан, донести их требования до власти, а также проконтролировать их исполнение»¹⁰.

Тенденции снижения легитимности представительной демократии и роста партисипаторной хорошо видны на примере Москвы. За прошедшее десятилетие доверие к институту выборов было подорвано, и интерес к ним заметно снизился. Если в 2001 году о своей готовности участвовать в выборах заявляли 83,9% москвичей, то в июле 2013 года — 60%¹². Снизилась и фактическая активность московских избирателей. На выборах в Государственную Думу в 2011 году явка составила 61%, на выборах Президента РФ в 2012 году — 49,7%, на выборах мэра Москвы в 2013 году — 33%. Низкими в Москве остаются показатели степени доверия власти, однако, внимания заслуживают сдвиги, происходящие в этой сфере (табл. 1). В начале двухтысячных основной капитал доверия

Уровень доверия москвичей разным органам власти Москвы

ТАБЛИЦА 1

	2001*		2012**	
	НЕ ДОВЕРЯЮТ И СКОРЕЕ НЕ ДОВЕРЯЮТ, %	ПОЛНОСТЬЮ ДОВЕРЯЮТ, %	НЕ ДОВЕРЯЮТ И СКОРЕЕ НЕ ДОВЕРЯЮТ, %	ПОЛНОСТЬЮ ДОВЕРЯЮТ, %
ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ	33.5	12.4	38.4	10.9
ПРЕФЕКТУРЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОКРУГОВ	39.4	5.7	34.0	13.8
РАЙОННЫЕ УПРАВЫ	42.7	4.0	32.8	13.6
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА	32.8	6.3	33***	1***
МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ	45.1	2.1	29.7	15.3

15 Источники: * Гражданское участие, социальный капитал и перспективы демократического управления в Москве», ИГРАН, 2001. ** Жители Москвы о работе территориальных органов исполнительной власти. Аналитический отчет. Департамент СМИ и рекламы города Москвы, 2012. *** Москвичи о городской Думе. Левада-Центр, пресс-выпуск, 10.10.2012

был сосредоточен «наверху» — там, где концентрируются финансовые и административные ресурсы. Сегодня резервы доверия к верхним эшелонам власти убывают, но низовые институты, работающие непосредственно с людьми, напротив, повышают свою значимость. Особенно разительные изменения произошли в отношении к муниципальным собраниям — негосударственным выборным органам, которые при минимальных полномочиях и отсутствии финансовых ресурсов все-таки имеют возможность отстаивать интересы своих избирателей¹³.

Накануне выборов мэра Москвы в 2013 году 23% опрошенных сказали, что у них сложилось плохое впечатление о деятельности муниципальных депутатов, а 12% — хорошее. Правда, 42% москвичей ничего об этом не знали¹⁴. Происходящий процесс особенно впечатляет на фоне эрозии, которой подверглось доверие к московской городской Думе: почти 70% москвичей полагают, что в своем нынешнем составе она не отражает интересы жителей города¹⁵.

Но, хотя полномочия, делегированные муниципальным депутатам, прямо касаются населения, люди об этом плохо знают. Согласно данным департамента СМИ правительства Москвы: 7% москвичей полагают, что районная управа и муниципалитет — это одно и то же; 28% — не могут объяснить, в чем состоят различия между ними, и 25% затрудняются с ответом¹⁷. Учитывая низкий уровень информированности жителей города о принципах работы власти и постоянную смену правил игры, не стоит удивляться, что люди все равно предпочитают апеллировать к высшим исполнительным инстанциям, рассчитывая на их влияние и административные ресурсы в решении проблем.

Одновременно, в Москве интенсивно развиваются низовые инициативы¹⁸, связанные с жилищными проблемами, экологией, формами

проведения досуга. Не менее распространена и спонтанная общественная активность¹⁹. Но для развития таких инициатив и повышения степени их участия в городской жизни важно, чтобы представление о гражданском обществе или городском сообществе было столь же ясным, как и о городской власти.

Существуют разные трактовки гражданского общества, наиболее авторитетная из них опирается на идеи Томаса Хемфри Маршала²⁰ о гражданстве как полноте членства в обществе. Задачам вовлечения жителей в управление городом в наибольшей степени отвечают идеи Эрнеста Геллнера, который понимал гражданское общество как «совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему выполнять роль арбитра и миротворца между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества»²¹. Другая трактовка гражданского общества принадлежит российскому философу Борису Капустину²³. Он подвергает сомнению тезис о независимости институтов гражданского общества от государства, обращает внимание на консервативность и архаичность многих институтов гражданского общества, указывает на зависимость НКО от источников финансовой поддержки, на частые случаи наличия эгоистических и корыстных интересов у лидеров организаций.

Задавшись вопросом, что может означать в таких условиях гражданское общество, Капустин отвечает: «Только форму практики (и тот участок социального пространства, на котором она осуществляется), объединяющую многих частных лиц в деле, направленном на общее благо, борьбу за его осуществление или защиту»²⁴. Общее благо в данном контексте означает не абстрактный моральный идеал, а конкретные потребности отдельных групп лиц, понимающих для чего они затевают то или иное дело. Отстаивание общего блага превращается в постоянный «торг», полемику и конфликты, требует выстраивания договорных отношений. Несмотря на критику взглядов Капустина²⁶, его теория хорошо описывает подъем гражданской активности в Москве зимой 2011–2012 годов и развитие сетевых форм гражданского активизма.

Основой консолидации городских сообществ часто становятся протестные движения, возникающие как реакция на негативно воспринимаемые действия властей или бизнеса. Но для городской политики важно не только понимать, чего не стоит делать — о чем чаще всего сигнализируют протесты, но и что необходимо. Здесь первая скрипка принадлежит проектным инициативам. Московская администрация, как правило, с недоверием относится к городскому активизму и возможности развития города с опорой на энергию общественной самоорганизации. В программе «Приоритеты развития Москвы» читаем: «Только треть респондентов (по итогам соцопросов в Москве) готова взаимодействовать с властью. Из них только 5% готовы вносить конкретные предложения, остальные выражают готовность контролировать деятельность власти»²⁷. При этом, в городе существуют сотни проектных инициатив, имеющих несомненное практическое значение (табл. 2). Гражданское общество Москвы испытывает не столько недостаток гражданской активности, сколько дефицит признания со стороны населения и власти — гражданское общество ощущается «изнутри», но его не видно «извне»²⁸. Многие общественно-значимые проекты прекратили свое существование только потому, что лишились «дома»²⁹ или не имели надежды его обрести. Препятствием для деятельности НКО является

и существующее в России законодательство (например, закон об «иностранных агентах»). Так ли уж необходимо гражданское общество для решения задач городского развития, повышения экономической и социальной продуктивности городской среды, нашего Суперпарка? Вклад гражданского общества в развитие городов многообразен, оно способно прямо влиять на жизнь города и его хозяйство.

Вот несколько примеров такого влияния:

- А защита интересов населения, не учитываемых при реализации крупных градостроительных проектов (например, борьба с «точечной» застройкой);
- Б оказание социальных услуг в тех сферах, где государство демонстрирует недостаточную состоятельность, а бизнес проявляет избирательную заинтересованность (например, поддержка детей-сирот и инвалидов);
- В помощь лицам, дискриминируемым существующим правовым режимом и жизненной практикой общества (например, помощь мигрантам, наркоманам и проч.);
- Г инициирование и распространение социальных изменений посредством внедрения позитивных поведенческих практик, связанных со здоровым образом жизни, энергосбережением и проч.;
- Д борьба с отрицательными явлениями, такими как коррупция, некомпетентность управленческого корпуса, нарушение политических и социальных прав человека и проч.;
- Е содействие личностному развитию, стимулирование проектного мышления, наращивание человеческого и социального капитала, а также укрепление отношений доверия в обществе.

Названные эффекты очень важны, но экономически плохо просчитываются³⁰. Утверждается, что город выигрывает за счет сокращения будущих ущербов от ненаступающих негативных последствий социальных и политических процессов. В чем же состоят потенциальные, но все-таки очевидные позитивные эффекты, заставляющие власть делиться своими полномочиями с обществом и идти навстречу пожеланиям активистов?

Во-первых, снижение вероятности криминализации городской среды. Рост числа и разнообразия форм городской активности, реализуемой в открытых публичных пространствах, влечет за собой повышение уровня социального контроля за территориями и увеличивает безопасность находящихся там людей.

Во-вторых, ослабление тенденций сегрегации. Практика социального «торга» вокруг вопросов развития районов, вовлечение в этот процесс как можно более широкого круга участников, позволяет людям лучше узнавать друг друга, расширять круг контактов и дружеских связей, изживать социальные страхи и подозрительность.

В-третьих, укрепление городской идентичности. Неучастие гражданских активистов в процессе городского управления влечет за собой ослабление городской солидарности и идентичности. Это становится критичным в момент, когда необходимо принимать непопулярные решения или проводить в жизнь дорогостоящие социальные и экономические программы, имеющие общегородское значение.

В-четвертых, разделение ответственности за проводимую политику между властью и обществом. Гражданские активисты «заражают» людей своей энергией, дают примеры активной жизненной позиции. Напротив, их отсутствие способствует сохранению апатии в обществе. Власть в такой ситуации практически лишена возможности частично



Стратегия развития московских библиотек, разработанная архитекторами SVESMI совместно с известным издателем Борисом Куприяновым, подразумевает восполнение существующего дефицита мест общения между горожанами.

снять с себя груз социальной ответственности.

В-пятых, возможность более тонкой настройки политики, что способно повышать эффективность принимаемых мер. Неучастие местных сообществ в процессе принятия решений приводит к непониманию властью запросов населения в конкретных местах, шаблонности реализуемых программ и, как следствие, неадекватному расходованию средств городского бюджета (например, размещение игровых детских площадок там, где практически нет детей).

Какие практические действия могут направить энергию самоорганизации в русло общегородского развития?

Социолог Алексей Левинсон полагает, что представления значительной части жителей спальных районов Москвы мало изменились с брежневских времен, а образ жизни «законсервировался»³¹. Но есть и другая категория граждан, определяющая повестку дня. Их идентичность во многом основана на разделяемых идеалах и ценностях, понимаемых не только в морально-этическом, но и поведенческом смысле. Городское пространство для них является ценностью, оно важная составляющая интересной и насыщенной жизненной среды. Еще одной представительной группой являются те, кого объединяет чувство принадлежности к определенной религии, этносу, землячеству — внутренняя солидарность дополняется недоверием ко всем тем, кто не входит в избранный круг.

Данные исследований доказывают, что только социальные группы, способные выстроить доверие, основанное на взаимных уступках и соглашениях применительно к избираемым целям, поддерживают развитие отношений социальной и кооперации между разными слоями общества³². Значит ли это, что на уровне политики нужно поддерживать только избранных, доказавших свою гражданственность? Такой селективный подход способен принести больше вреда, чем пользы.

Подобно малому и инновационному бизнесу, гражданское общество закаляется в условиях реального функционирования и агрессивной внешней среды, но для своего выращивания нуждается в тепличных условиях. Инфраструктура самоорганизации населения предполагает создание центров общения и гражданских «инкубаторов».

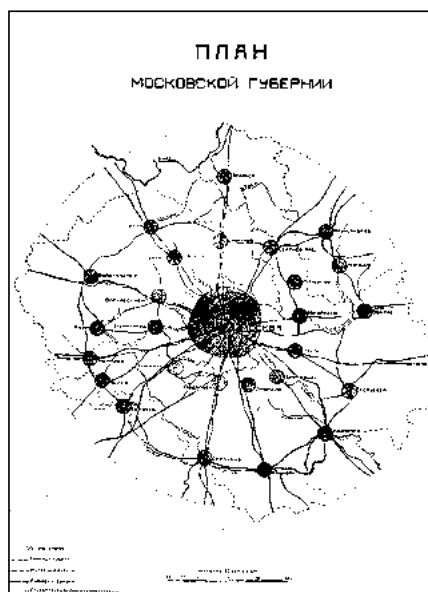
В роли первых способны выступать и уже существующие объекты

социальной и культурной инфраструктуры — такие как библиотеки³³, дома культуры и проч. Вторые — это новая форма, ориентированная на обслуживание гражданского общества. Гражданская «теплица» могла бы взять на себя функции экспертного совета и института повышения квалификации, предоставлять IT-услуги, различные консультации и шире — правовую и организационную инфраструктуру для общественной деятельности. Важным результатом работы центров общения и гражданских «инкубаторов» может стать повышение социального статуса и общественного веса гражданских активистов.

Обеспечить связанность территорий

Переводя политику согласования общих и частных интересов из социальной в территориально-пространственную плоскость следует прежде всего говорить о поиске механизмов, которые обеспечивали бы сбалансированное развитие в масштабах агломерации. Такое развитие должно, с одной стороны, стимулировать повышение связанности протяженной урбанизированной территории, а с другой — способствовать сохранению специфичности конкретных мест.

Границы агломерации могут устанавливаться по-разному, что показал, в частности, международный конкурс на концепцию развития Московской агломерации³⁴. В любом случае, речь идет о согласованном развитии двух субъектов Федерации — Москвы и Московской области. Необходимость такого подхода осознается очень давно, едва ли не с плана «Большая Москва» Сергея Шестакова 1926 года. Однако и поныне данное осознание выливается в конкретные шаги лишь эпизодически. Последним по времени таким эпизодом стало создание в феврале 2011 г. Координационного совета по развитию транспортной системы Москвы и Московской области, куда, помимо руководителей двух регионов, вошли руководство Минтранса РФ, представители МЭР, Минрегиона, Федерального дорожного агентства и проч. Совет был сформирован для координации работы по предупреждению и устранению причин затруднений в движении транспорта в регионе. Была принята программа развития транспортного узла, которая, в частности, предусматривает реконструкцию вылетных магистралей, и создана Автономная некоммерческая организация «Дирекция Московского транспортного узла». Впрочем, после активного старта работа совета начала постепенно затихать.



Необходимость разработки стратегии развития Москвы в региональном масштабе ощущалась еще в начале XX века. Большая Москва в ожерелье городов-спутников в проекте Сергея Шестакова (1926).

Сегодня территориальное развитие Москвы и Московской области во многом идет в автономных режимах. Вследствие чего значительный ущерб нанесен Лесопарковому защитному поясу столицы, крупные куски которого застроены со стороны области³⁵, размещение нового строительства слабо увязано с транспортной системой региона, затруднено движение по МКАД.

Многие эксперты полагают, что для нормального взаимодействия в сфере управления агломерацией требуется специальный закон. Такую точку зрения, в частности, отстаивал консорциум под управлением Андрея Чернихова в ходе Международного конкурса на концепцию Московской агломерации³⁶. Распространена точка зрения и о том, что для эффективного управления регионом требуется изменение его административных границ, которые должны охватить всю реально существующую агломерацию.

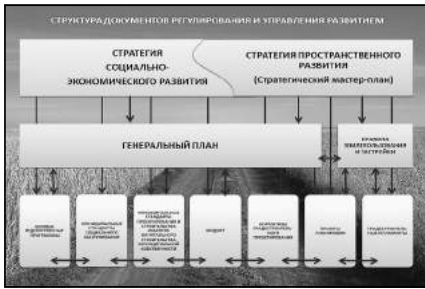
Большинство западных исследователей скептически оценивают подобные инициативы. Они считают, что функциональные границы агломерации отличает постоянная подвижность, за которой не угнаться с помощью такого сложного и долгого процесса, как изменение административных границ³⁷. В целях минимизации возможных побочных эффектов для управления на уровне агломерации, как правило, рекомендуется находить такие модели, которые не требуют существенной перекройки сложившегося административного деления региона.

Более того, как считает научный руководитель направления «Рынок недвижимости» Института экономики города Эдуард Трутнев, агломерационное управление можно выстраивать и в рамках существующего законодательства³⁸. Даже несмотря на то, что некоторые законодательные новеллы суживают применение такой модели. Речь, в частности, идет об упразднении из Градостроительного кодекса РФ ранее введенного института добровольной совместной подготовки документов территориального планирования несколькими субъектами публичной власти (№ 41-ФЗ).

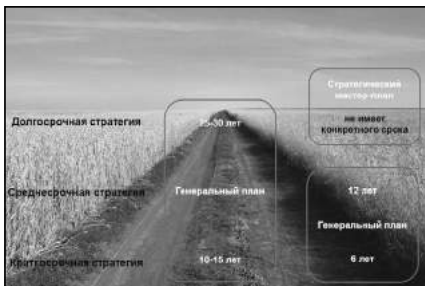
В рамках нашего исследования Трутнев предложил схему взаимодействия, которая могла бы использоваться властями Москвы и Подмосквья — она подразумевает заключение соглашения между двумя субъектами Федерации, а также органами местного самоуправления данных субъектов. Такое соглашение должно включать в себя несколько взаимных обязательств.

- А Совместно подготовить и согласовать друг с другом общую концепцию развития территории в границах агломерации³⁹.
- Б Использовать согласованную концепцию как основание для подготовки технических заданий (ТЗ) для документов территориального планирования.
- В Перед утверждением проекты документов территориального планирования согласуются всеми участниками не только по предметам, определенным федеральным законодательством, но и на соответствие общей концепции.
- Г Приведенные в соответствие с общей концепцией документы территориального планирования транслируются в правила землепользования и застройки (ПЗЗ) — юридически значимые градостроительные регламенты, определяющие основу правового режима использования земельных участков и предъявляющие всем субъектам градостроительной деятельности как правовые гарантии, так и правовые запреты.
- Д Соглашением может определяться также и совместная подготовка планов реализации документов территориального планирования в части распределения обязательств и ответственности (в том числе и в отношении объемов финансового участия в инфраструктурных проектах).

Другой важной задачей градостроительной политики на уровне города и агломерации является сочетание среднесрочных и долгосрочных стратегий территориального планирования. Едва ли не единственным российским городом, в котором была разработана и положена в основу градостроительной документации стратегия территориального планирования, является. Речь идет о Стратегическом мастер-плане, выполненном в 2010 г. компанией КСАР (рук. Кейс Кристиансе) из Нидерландов. На Московском урбанистическом форуме, состоявшемся в декабре 2013 г., руководитель стройкомплекса Москвы Марат Хуснуллин



Структура документов регулирования и управления развитием. Автор схемы Александр Ложкин.



Одноуровневая и двухуровневая модели территориального планирования городов.



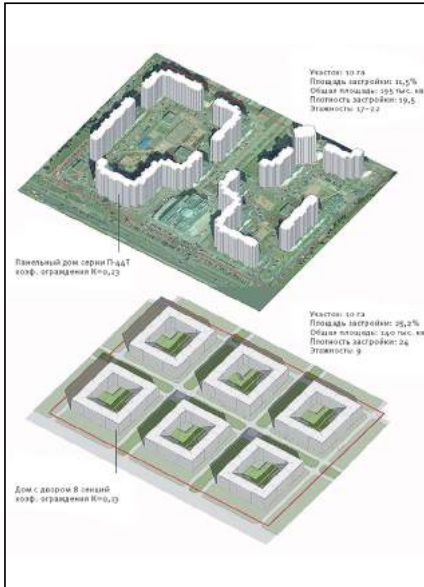
Разработка Стратегического мастер-плана и Генерального плана Перми велась последовательно-параллельно.

и главный архитектор города Сергей Кузнецов заявляли, что мастер-план получит и столица. Российское законодательство не требует подготовки стратегических документов территориального планирования. Такая роль отводится генпланам. Однако, констатирует Александр Ложкин, урбанист, трудившийся в Пермском бюро городских проектов, а сейчас возглавляющий Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников, на деле это приводит к смешению в одном документе долго-, средне- и краткосрочных стратегий и, как следствие, заведомой нереализуемости заложенных решений в течение планового периода. В качестве показательного примера подобной порочной практики Ложкин приводит генеральный план Новосибирска, который в период с 2010–2030 гг. предполагает строительство свыше 700 км дорог и более 40 станций метрополитена. Эти показатели совершенно не подкреплены бюджетным финансированием, очевидно, что подавляющее большинство этих дорог и станций построено в среднесрочной перспективе не будет. Включение такой «фантастики» в генеральный план⁴² отнюдь не безобидно. Подобные решения в части инфраструктуры обуславливают возможность высокоплотной застройки периферии города, что в перспективе может привести к тяжелым транспортным проблемам. «Избежать подобной ситуации, — утверждает Ложкин, — позволяет переход от одноуровневой (генеральный план) к двухуровневой (стратегический мастер-план плюс генеральный план) модели территориального планирования»⁴³. Такая схема была реализована в Перми. При этом и мастер-план, и разработанный на его основе генеральный план (Бюро городских проектов, рук. Андрей Головин) являются лишь элементами обширного инструментария планирования, регулирования и управления развитием, которым располагает муниципалитет. Александр Ложкин выделяет основные качества мастер-плана:

- А он определяет цели и задачи градостроительной политики в увязке с социально-экономической политикой города;
- Б он является не проектом, а целевым прогнозом, это продукт политического соглашения;
- В стратегия носит долгосрочный характер, она представляет общее видение направлений преобразования города в достаточно отдаленной перспективе (на 25–30 лет);
- Г важным компонентом документа являются не только целевые установки преобразований, но также стратегии и методы их достижения;
- Д генеральный план является инструментом воплощения в жизнь стратегий, заложенных в мастер-плане — он детализирует и уточняет первые 2–3 этапа реализации мастер-плана.

Первый этап продолжительностью от четырех до восьми лет должен быть расписан в генеральном плане с максимальной степенью детализации. «Планирование этого уровня, — отмечает Александр Ложкин, — является в основном директивным и требует построения механизмов контроля за исполнением. Планирование последующих этапов в большей мере прогнозно-индикативное, а их конкретизация производится по окончании реализации первого этапа. Таким образом, генеральный план из документа, разрабатываемого раз в 20–30 лет, формально жестко определяющего планы развития города, а на деле игнорируемого, превращается в регулярно актуализируемый, реально исполнимый документ»⁴⁴.

Продуктивность микрорайонных ландшафтов



Сравнение плотности района на улице Островитянова, застроенного 17- и 22-этажными секционными крупноборными домами, преимущественно серии П-44т, с 9-этажными периметральными кварталами. Схема из статьи: Татунашвили Н. Гуманная плотность // Журнал «Проект Россия». № 52. 2/2009. С. 80–83.

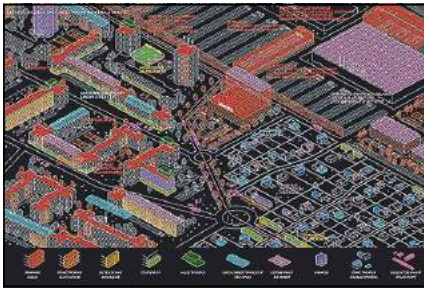


Схема наполнения одного из пригородов Парижа различными легкосборными объектами и конструкциями. Из проекта консорциума Agence Jean Nouvel, AREP, Michel Cantal-Dupart, подготовленного в рамках Международной консультации по Большому Парижу (2009) годами. Схема из статьи: Татунашвили Н. Гуманная плотность // Журнал «Проект Россия». № 52. 2/2009. С. 80–83.

Недостатки городской среды «бублика» хорошо известны. Это и рыхлость и низкая степень связанности урбанистической ткани, выражающаяся, в частности, в недостаточной плотности улично-дорожной сети, доля которой в общем балансе территорий не превышает 10%. Это и монотонность и монофункциональность застройки, трудность в создании активного уличного фронта. Это и слабая артикулированность придомовых участков и пространств общего пользования, потребность в централизации инженерного снабжения зданий, мероприятий по благоустройству внутрирайонных территорий. Есть и много других проблем. Но отличительным признаком этой среды является выраженный дисбаланс между плотностью и процентом застроенности территорий. Если первый показатель достигает 25 тыс. кв. м/га, что сопоставимо с плотной квартальной застройкой исторических городов Европы, то второй колеблется в пределах 10–15%, что в полтора–два раза ниже, чем в европейских кварталах. Соответственно, при схожих и даже более высоких объемах строительства микрорайоны характеризуются наличием значительного количества свободной земли.

И это обстоятельство может считаться недостатком. Протяженные незастроенные пространства внутри жилых территорий требуют значительных расходов на поддержание и благоустройство. Наличие пустошей затрудняет жизнь горожан, вынуждая их преодолевать значительные расстояния даже до объектов повседневного пользования. Но почему бы не взглянуть на большое количество земли как на ресурс для создания Суперпарка? Это, в первую очередь, предполагает повышение продуктивности микрорайонных ландшафтов, их трансформацию в генератор средовых и жизненных ценностей. Подобная продуктивность может рассматриваться и оцениваться сквозь призму, как минимум, трех сфер — социальной, экономической и экологической, — которые следует рассматривать в комплексе. Повышение социальной продуктивности, выражающееся в формировании более спаянных, активных и солидаризированных городских сообществ, призвано способствовать как росту экономической отдачи территории, так и решению экологических проблем города. И наоборот.

Необходимой предпосылкой роста социальной продуктивности микрорайонных ландшафтов является создание условий для конструктивного участия населения, наряду с властью и бизнесом, в преобразовании города. Выше уже говорилось о том, что следует поддерживать развивающиеся в Москве конструктивные «низовые» инициативы, связанные с жилищными проблемами, экологией, формами проведения досуга. Должна появиться и городская инфраструктура самоорганизации, связывающая гражданскую активность и общественное пространство.

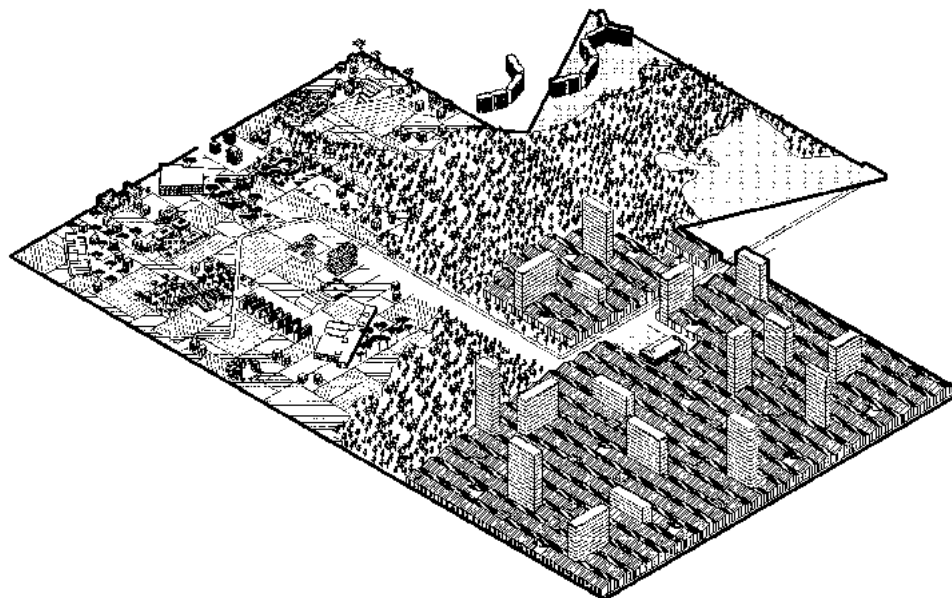
«Центры общения» в микрорайонах могут располагаться в библиотеках, помещениях на первых этажах жилых зданий, даже в быстровозводимых объектах павильонного типа. Желательность наполнения районов многоэтажного индустриального домостроения подобными объектами осознается в мире с давних пор — в США об этом говорила еще Джейн Джекобс⁴⁸. Широкий ассортимент таких построек предлагает команда Жана Нувеля в проекте, сделанном в рамках международной консультации по Большому Парижу в 2008 году — они служат и офисами, и магазинами, и теплицами,



Предложения по преодолению рыхлости и монофункциональности микрорайонной застройкой, выдвинутые консорциумом I'AUC в ходе Международного конкурса на развитие Московской агломерации (2012).



На сайте «Что хочет Москва» Денис Семькин предлагает ставить на территориях парков и микрорайонов «контейнерные» модули Prefab (3 x 3 x 6 м), в которых могли бы помещаться магазины, шоу-румы, кафе.



и местами собраний⁴⁹. Сходной идеологией пронизан эскизный проект, сделанный консорциумом под руководством французского бюро I'AUC в рамках Международного конкурса на концепцию развития Московской агломерации (2012). Рисуя возможный образ будущего панельного микрорайона на примере застройки в районе метро «Кантемировская», коллектив под руководством Джамеля Клуша делает акцент на заполнении пустырей между панельными многоэтажками легкими металлостеклянными конструкциями, где размещаются офисы, оранжереи, мастерские и защищенные от непогоды общественные пространства. Во многом созвучен описанным предложениям и проект «Создай свою жизнь», выложенный на сайте краудсорсингового портала «Что хочет Москва»⁵⁰ — автор идеи Денис Семькин предлагает некапитальные «контейнерные» модули, которые хорошо подходят для шоу-румов, небольших магазинов, кафе, учреждений соцкультбыта и проч. Вопрос внедрения подобных объектов в ткань жилой застройки поднимает тему экономической продуктивности микрорайонных ландшафтов. Одним из инструментов повышения данного вида продуктивности



Строительство таунхаусов и городских вилл в квартале Les Aviateurs, расположенном в парижском пригороде Орли, позволило, с одной стороны, лучше артикулировать периметр застройки, сделав ее четче разделенной на частные и общественные зоны, а с другой — привлечь людей с хорошим достатком и, как следствие, повысить качество человеческого капитала в ранее неблагополучном районе.

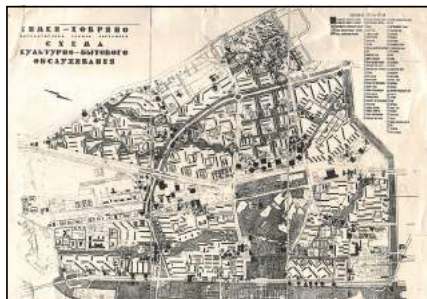


Схема культурно-бытового обслуживания района Химки-Ховрино, разработанная Таисией Вольфтруб в 1970-х гг. Зеленая организована согласно следующей иерархии: «палисадник» — жилой двор — бульвары и то, что раньше называли микрорайонными садами, — городские сады — защитные насаждения. У каждой территории свое предназначение. «Палисадник» — это зеленая кайма вокруг подножия дома, в оформлении которой принимают участие сами жители дома. Жилые дворы служат местом отдыха наименее мобильным группам населения (маленькие дети, пожилые люди). Микрорайонный сад или бульвар можно описать как благоустроенную транзитную зону, удобную для связи с детскими садами, школами, магазинами. Это также место для прогулок. Городские сады меньше связаны с повседневностью, сюда скорее приходят по выходным и праздникам. Защитные насаждения несут основную экологическую нагрузку, хотя на экологию города работает каждое посаженное здесь дерево.

является новое строительство, в том числе сборных временных конструкций. Говоря же о капитальных объектах, следует учитывать и без того высокую плотность застройки большинства микрорайонных территорий. Однако опыт проведения политики резиденциализации во Франции показывает, что дозированное и продуманное возведение новых зданий может благотворно сказаться на панельных районах⁵¹. В частности, строительство таунхаусов и городских вилл в квартале Les Aviateurs, расположенном в парижском пригороде Орли, позволило, с одной стороны, лучше артикулировать периметр застройки, сделав ее менее свободной и более регулярной, то есть четче разделенной на частные и общественные зоны, а с другой — привлечь людей со средневысоким и высоким достатком и, как следствие, повысить качество человеческого капитала в ранее неблагополучном районе. Этому мероприятию предшествовал серьезный подготовительный период: разработка мастер-плана, долгосрочной стратегии развития куда более обширных пространств, нежели квартал Les Aviateurs, а затем — детальный проект планировки территории, включающий проект межевания ранее неразделенных земельных участков⁵². Целесообразность комплексного подхода к территориям панельной застройки, высвеченная примером Les Aviateurs, подкрепляется исследованием Алексея Щукина, посвященного вопросам управления многоквартирными панельными домами⁵³. По данным Щукина, полученным в результате опроса специалистов в сфере ЖКХ, минимальный модуль управления жилфондом составляет 70–100 тысяч м² общей площади домов, что в целом соответствует размерам одного микрорайона. «При меньшем массиве, — заключает исследователь, — управляющая компания не может вести полноценную деятельность. Платежей от жителей не хватит даже для аренды офиса и зарплат минимально необходимому количеству работников (диспетчер, специалист по сбору платежей, инженеры)».

Другие способы извлечения доходов и снижения существующих издержек содержания многоквартирных домов и жилых территорий следует искать в альтернативной энергетике⁵⁵, повышении энергоэффективности застройки, а также в городском огородничестве, всплеск которого наблюдается повсеместно — от Гаваны до Канады. Тема продуктивности микрорайонных ландшафтов за-

кономерно подводит нас к вопросу о ценности территорий панельной застройки и как экономического актива, и как общего блага. «Панельный бублик», занимающий порядка 900 кв. км, ограничен и снаружи, и изнутри — его «подпирают» ТТК и МКАД, территории с иной структурой и иными перспективами развития. В этой ситуации «панельный бублик», трактованный как Суперпарк, становясь «двойной» периферией, призван принять на себя роль внутреннего зеленого пояса — территории «разрядки», предохраняющей мегаполис от чрезмерных перегрузок.

Очевидно, что в перспективе значимость «бублика» в масштабе агломерации будет только возрастать. Как учесть это в градостроительной политике?

Одним из примеров сверхрачительного землепользования в общих интересах может являться Сингапур. Власти этого островного государства площадью порядка 700 кв. м, начиная с 1950-х гг., целенаправленно скупали земельные участки. К настоящему моменту правительство консолидировало в своей собственности 70% территории острова. Благодаря столь значительному ресурсу в сочетании с продуманным планированием администрации Сингапура удалось не только изжить жилищную проблему, предоставив комфортные современные квартиры 82% своих граждан, но и решить задачу создания гармоничной жизненной среды на плотно заселенной территории, фактически превратив весь остров в «тропический город-сад»⁶².

Соотношение 70% на 30% между общественной (государственной) и частной землей, высвеченное на примере Сингапура, дает представление о том, какое «окно возможностей» должно быть у власти для проведения результативной политики развития в условиях сопоставимых с Москвой ограниченных территориальных ресурсов. Однако в российской столице наблюдается прямо противоположная тенденция. Здесь развернулась активная подготовка проектов межевания жилых территорий, которая должна завершиться в 2014 году⁶³. Согласно уже выполненным проектам участки общего пользования составляют порядка 15–30% площади микрорайонов⁶⁴. Все остальное должно закрепляться за разного рода объектами, то есть за их собственниками. Налицо обратное соотношение. Обусловлено ли оно какой-то специфической политикой?

На этот вопрос ответить непросто. Действия столичной администрации отличаются закрытостью, основные решения в сфере территориального развития принимаются непублично — в ходе заседаний Градостроительно-земельной комиссии, рассматривающей условия продажи и аренды земельных участков, проекты планировок, территориальные и отраслевые схемы и проч. С расширением Москвы утвержденный в 2010 году Генеральный план фактически утратил свою применимость, до сих пор не разработаны и не приняты Правила землепользования и застройки столицы, подлежащий опубликованию документ, устанавливающий градостроительные регламенты для всех участков. На кадастровый учет ставится крайне ограниченное число участков — к концу 2012 года в Москве в частную собственность было оформлено лишь 50 участков под жилыми домами⁶⁵. Нерешительность чиновников легко понять. Ведь с размежеванными территориями, участки которых прошли постановку на кадастровый учет, крайне сложно что-либо сделать. Действующее законодательство ограничивает возможные маневры со стороны властей. Размеры участков нормируются, причем для



Большое количество земли, находящееся в государственной собственности (порядка 70%), позволяет властям Сингапура гармонично сочать благоустроенные зеленые пространства с высокоплотной многоэтажной застройкой.



Большое количество земли, находящееся в государственной собственности (порядка 70%), позволяет властям Сингапура гармонично сочать благоустроенные зеленые пространства с высокоплотной многоэтажной застройкой.

застроенных территорий речь идет о применении градостроительных нормативов и правил, действовавших в период застройки данных территорий.

Это положение, преемственно перешедшее из ГрК 1998 года в нынешний Градкодекс (часть 1 статьи 43), вызывает неоднозначную оценку профессионалов. «Что такое нормативы предыдущих периодов? — вопрошает Эдуард Трутнев, один из авторов действующего ГрК. И сам дает ответ. — Это представления о некоем качестве среды, некоем удельном объеме пространства, которое приходится на жителя. Данное представление инкорпорирует разные компоненты: озеленение, детские, спортивные площадки и т. д. Чтобы в процессе межевания отчего-то оттолкнуться, как раз и фиксируется данное статус-кво».

Более скептичен Олег Баевский, заместитель директора НИиПИ Генплана, организации выпускающей проекты межевания. В интервью авторам он рассказал: «В наших нормативах, начиная с 1924 года и заканчивая последними МГСН, вообще нет понятия территории жилого дома. Территории были едиными, не разделенными на участки общего пользования и участки жилых домов. Чтобы попасть к своему дому в жилом районе советской постройки, например районе пятиэтажек, ты должен проехать мимо всех своих соседей. Это самый минимальный путь прокладки трассы. Но при межевании территории такая ситуация влечет за собой необходимость установления публичных сервитутов на все участки. Другой момент — в советской Москве нормативы менялись задним числом. Появление нового типа застройки, скажем девятиэтажной, сопровождалось внесением изменений в нормативы: насколько можно уплотнить территорию, чтобы впихнуть энное количество девятиэтажек. И все предыдущие нормативы отменялись. В итоге, применяя при межевании нормативы, действующие на период застройки, мы получаем дефицит территорий в каждом квартале». Выход из ситуации, когда совокупность рассчитанных по нормативам участков домов превышает общую площадь межуемой территории, подсказывает авторам проекта другое положение ГрК, постулирующее, что размеры участков могут устанавливаться «с учетом фактического землепользования» (часть 1 статьи 43). На практике это выливается в двухшаговую операцию: расчет площадей участков по нормам, а затем применение понижающего коэффициента, позволяющего выдержать долю территорий общего пользования в пределах тех самых 15–30%, значительная часть которых приходится на существующие элементы УДС. Заметим, что в силу неопределенности понятия «фактического землепользования», а также отсутствия понижающих коэффициентов в юридически значимых документах, которыми являются градостроительные нормативы и правила, возникают серьезные основания для судебного оспаривания установленных по данной методике размеров земельных участков. Участки при этом все равно оказываются крупными. Проанализировав несколько проектов межевания московских микрорайонов, мы получаем следующие цифры. Среднее соотношение площади придомовых участков к общей площади МКД составляет 0,6–0,7 м. Средняя площадь одного участка равна порядка 0,8–0,9 га. При этом размер незастроенной территории превышает площадь здания «по подошве» в 5–6 раз. Это на порядок больше, чем минимально установленный показатель для участков частных МКД в Сингапуре. В островном государстве он лимитирован 600 кв. м при плотности застройки 14–16 тыс. кв. м/га и 800 кв. м при 21–28 тыс. кв. м/га⁶⁷. Больше наши нормативы

и минимально установленных размеров придомовых участков в Германии. Наименьший возможный отступ равен там трем метрам от внешнего контура здания, что дает соотношение площади участка к площади «подошвы» порядка 1,7. Во Франции же размеры придомовых участков при межевании застроенных территорий вовсе не нормируются, а определяются в соответствии с проектом планировки. Что позволяет гибко варьировать установление границ между общественным и частным.

Напомним, что часть 3 статьи 43 ГрК РФ содержит положение, согласно которому подготовка проектов межевания может осуществляться в составе проектов планировки территории. (Впрочем, проект может подготавливаться и в виде отдельного документа.) Также в Градкодексе говорится, что проект планировки является основой для разработки проекта межевания территории (часть 9 статьи 42). Проект планировки разрабатывается на основании генерального плана, правил землепользования и застройки, действующих нормативов и регламентов (часть 10 статьи 45). При этом в соответствии с Земельным кодексом (пункты 1 и 3 статьи 33) размеры участков, предоставляемых гражданам в собственность, устанавливаются в соответствии либо с нормативами, либо с правилами землепользования и застройки, землеустроительной, градостроительной и проектной документацией. Данное положение дополнительно подкрепляет пункт 1 статьи 11.9 ЗК РФ, согласно которому максимальные и минимальные размеры участков, в отношении которых установлены градостроительные регламенты, определяются такими регламентами.

Из этого следует, что, если придерживаться законодательно прописанной схемы, подразумевающей подготовку и принятие ПЗЗ, в состав которых входят градрегламенты, а затем на основании этого документа выполнять проекты планировки, то разработанные в соответствии с последними проекты межевания могут содержать размеры участков, отличные от тех, которые были установлены нормативами на период застройки территорий.

Таким образом, в рамках существующего законодательства все же существует маневр для ведения более гибкой политики землепользования. Встает вопрос об определении такой политики. Для ответа на него уместно изучить определенные плюсы и минусы для власти и граждан в случае реализации двух альтернативных подходов к межеванию. Первый следует нормативам, когда за отдельными объектами закрепляется от 70% территории микрорайона и выше. Второй носит ограничительный характер, при котором вымежеваются минимальные участки — из расчета отступа в 1–5 м от внешних контуров зданий (Илл. табл. 4 и 5). С точки зрения и города, и жителей (собственников, но и не только) у обоих вариантов существуют свои плюсы и минусы. Обладание таким ресурсом, как земля, подразумевает и определенные возможности, и определенные, в первую очередь финансовые, издержки. Для реализации стратегии создания Суперпарка предпочтительнее в целом второй вариант, который мы с большой долей условности назвали сингапурским.

Такой вариант предполагает прежде всего три вещи:

- А формулирование четкой градостроительной политики, понимание ее средне- и долгосрочных целей и задач, а также возможных развилок;
- Б наличие высококвалифицированного класса управленцев-технократов;
- В комплексный и в то же время дифференцированный, адресный подход к территориальным зонам.

Помимо прочего, последнее позволяет проводить градостроительную политику с достаточной долей реализма. Если подготовка качественных ПЗЗ и проектов планировок для всей территории города в ближайшее время представляется маловыполнимой, то надо остановиться на ограниченном числе районов, комплексное развитие которых видится первоочередным. Возможно, здесь сто́ит присмотреться к опыту Франции, где в 1996 году был введен статус Чувствительных городских зон (ZUS), то есть территорий требующих безотлагательных вмешательств⁶⁸. Отобранные по ряду критериев, высвечивающих социальные, экономические и градостроительные проблемы, они стали местами концентрации усилий социума и власти в деле улучшения жизненной среды. Возможно, формирование Суперпарка следует начинать с таких районов, как Западное Бирюлево, которое Михаил Блинкин определяет как «безнадёжно unliveable»⁶⁹. И пока, к сожалению, жизнь подтверждает мнение эксперта.

Краткие выводы

Мы касаемся лишь нескольких, самых неотложных вещей, которые, на наш взгляд, следует предпринять в отношении московской периферии, названной в этой работе «панельным бубликом». Суммируем вышесказанное в нескольких тезисах:

Каждый район «бублика», каждая его территориальная зона нуждаются в индивидуальном, адресном подходе. Это касается всех сторон жизни микрорайонов, включая социальное, экономическое, транспортное и территориальное развитие. Трансформация энергии гражданской активности в движущую силу развития спальных районов подразумевает формирование инфраструктуры поддержки и самоорганизации населения. Такая инфраструктура, включающая центры общения и гражданские «инкубаторы», может быть создана по подобию учреждений поддержки малого бизнеса на основе сети городских библиотек.

Сохранение специфичности «панельного бублика» и его сбалансированное развитие в системе протяженных урбанизированных территорий, охватывающих Москву и Подмоскowie, невозможно без проведения градостроительной политики в агломерационном масштабе. Существуют простые и не требующие законодательных изменений схемы, позволяющие запустить данный процесс. Важным элементом грамотной и реалистичной градостроительной политики является сочетание среднесрочных и долгосрочных стратегий территориального планирования. Мы показываем, как работает такая схема на примере Перми. Если Москва хочет пойти по тому же пути рекомендуется внести соответствующее дополнение в Статью 25 Градостроительного кодекса столицы. Межевание, как минимум, самых проблемных кварталов рекомендуется проводить на основе принятых ПЗЗ и проектов планировки. Положения федерального и московского законодательства, согласно которым размеры земельных участков многоквартирных домов должны определяться, исходя из градостроительных нормативов и правил, действующих на период застройки территорий, представляются не вытекающими из логики развития советских микрорайонов и чреватými существенными сдержками их дальнейшего развития. В заключение отметим, что не менее важным представляется выработка властью артикулированной и публично предьявленной политики развития мегаполиса. По ходу исследования авторы данной работы убедились, что такой политики нет, а риторика и действия столичной администрации диктуются главным образом разнонаправленными сиюминутными интересами. Несмотря на очевидную маневренность московской власти, хочется пожелать сформировать все же общее стратегическое видение. Возможно, наше исследование чем-то поможет в этом.

- 1 Цит. по: Studio 012 Secchi – Viganò. Городское великолепие // Журнал «Проект Россия». № 66. 4/2012. С. 213.
- 2 Цит. по: Родоман Б. Поляризованная биосфера. Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002
- 3 См., напр.: Трутнев Э. Логика развертывания системы правового градоуправления в Москве: чем опасно и чем полезно прошлое для будущего // ПР62. С. 149–156.
- 4 Подходы к решению вопросов собственности на землю в городах и конкретная городская политика в этой сфере рассмотрены в разделе этого текста, посвященном проблемам межведения городских территорий, а также в работе Ксени Толкачевой, посвященной программе резиданциализации кварталов социального жилья во Франции. См.: Толкачева К. Новая жизнь больших ансамблей. Серия «Библиотека Суперпарка». М.: 2013
- 5 Хлопин А. Д. Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006. С. 377–398.
- 6 См.: карты выборов в атласе «Москва за пределами исторического центра: городские районы и их социальные лица». См. стр 394
- 7 Квартирный опрос 3500 чел. в рамках проекта «Гражданское участие, социальный капитал и перспективы демократического управления в Москве». Институт географии РАН, 2001. Данный опрос цитируется в дальнейшем, если иные источники не указаны.
- 8 Исследование «Потенциал социально-культурного развития Москвы: культурный аудит и социальная картография». М.: Московский институт социально-культурных программ и Центр социологических исследований РАНХиГС, 2012.
- 9 См., напр.: Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в Современной Италии. Библиотека МШПИ. М.: Ad Marginem, 1996.
- 10 О соотношении представительной и партисипаторной демократии см., напр.: Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., и др. Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. Отв. ред. Горшков М.К. Вып.7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 518–540.
- 11 Левада-центр. Москва накануне выборов мэра: полное исследование. Пресс-выпуск, 17.07.2013. www.levada.ru/17-07-2013/moskva-nakanune-vyborov-mera-polnoe-issledovanie.
- 12 Левада-центр. Москва накануне выборов мэра: полное исследование. Пресс-выпуск, 17.07.2013. www.levada.ru/17-07-2013/moskva-nakanune-vyborov-mera-polnoe-issledovanie.
- 13 Детально вопросы взаимодействия гражданских активистов и депутатов муниципальных собраний см.: Высоковский А.А. и др. Потенциал развития местного сообщества на примере района Тропарево-Никулино. Серия «Библиотека Суперпарка». М., 2013.
- 14 Левада-центр. Москва накануне выборов.
- 15 Москвичи о городской Думе. Левада-Центр, Пресс-выпуск, 10.10.2012. www.levada.ru/10-10-2012/moskvichi-o-gorodskoi-dume-elektoralnye-predpochteniya-zhitelei-stolitsy.
- 17 Жители Москвы о работе территориальных органов исполнительной власти. Ана-литический отчет. Департамент СМИ и рекламы города Москвы, 2012
- 18 Раздел, посвященный низовым инициативам и активизму написан совместно с Натальей Волковой.
- 19 Например, движение «городских стихийных планировщиков», выступающих за право «свободного высказывания или действия, направленного на переосмысление и перестройку городской среды». Цит по.: Манифест партизанских городских перепланировщиков. partizaning.org/?page_id=6.
- 20 Наиболее известным и цитируемым трудом Маршалла является «Гражданство и социальный класс»: Marshall T.H., 'Citizenship and Social Class,' in *Citizenship and Social Class and other essays*, Cambridge: Universty of Cambridge Press, 1950, pp. 1–85.
- 21 Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его противники. М.: Москов-ская школа политических исследований, 2004. С. 14.
- 23 Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2011.
- 24 Капустин Б.Г. Что такое «гражданское общество»? // Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. С. 35.
- 26 См., напр.: Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2011. С. 7–51.
- 27 Приоритеты развития Москвы: «Москвах — город, удобный для жизни». Правительство-ство Москвы, 2013. С. 125. URL: www.depir.ru/UserFiles/File/akt_dok/Moscow_programm_2.pdf.
- 28 См. Агентство социальной информации. Информационная поддержка гражданских инициатив. www.asi.org.ru/news/moskovskie-nko-ob-edinenie-nko-v-soobshhestvo-vozmozhno-tol-ko-e-volyutsionny-m-putem/
- 29 Показательна история, произошедшая с клубом Подвал «Чердак». См.: Высоковский А.А. и др. Потенциал развития местного сообщества на примере района Тропарево-Никулино.
- 30 Этот вопрос подробно проанализирован в статье Аузан А., Тамбовцев В. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. №5. 2005. С. 28–49.
- 32 См., напр.: Dalton, R., 'Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation,' in *Political Studies*, vol. 56, 2008, pp. 76–98; Inglehart, R., and Welzel, C., *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*, New York: Cambridge University Press, 2005; Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации. Научный доклад. Ч. 1. М.: ИС РАН, 2006; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд. «АСТ», 2004.
- 33 См.: Бронувицкая А. Призыв советского резерва. Библиотеки как платформа для формирования городских сообществ. Серия «Библиотека Суперпарка». М.: 2013.
- 34 См.: Большая Москва. Журнал «Проект Россия». № 66. 4/2002; Концепция развития Московской агломерации. Отчет Правительству Москвы. М.: ГУП «НИИПИ Генплана Москвы», 2013.
- 35 В советское время генеральные планы территорий ближнего Подмосковья, входящих в зону ЛПЗП, разрабатывала соответствующая мастерская НИИПИ Генплана Москвы. Несмотря на то что в постсоветский период некоторые районы (в частности, Мытищинский) и поселения продолжали сотрудничать со столичным НИИПИ, координация развития террито-рий, входящих в зону ЛПЗП, была практически утрачена.
- 36 См.: Технический отчет Международного коллектива профессора Международной академии архитектуры (IAA) Чернихова А.А. Рукопись. М.: 2012.
- 37 См.: Iván Tosics, *Governance challenges and models for the cities of tomorrow*, Budapest: Metropolitan Research Institute, 2011.
- 38 См. Трутнев Э. Управление развитием агломераций в рамках действующего законодательства. Серия «Библиотека Суперпарка». М.: 2013.
- 39 Описание технологии делегирования полномочий и проведения конкурса на размещение государственного, муниципального заказа см.: вопрос 16.2 в книге Трутнев Э.К., Бан-дорин Л.Е. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации: ответы на проблемные вопросы градостроительной деятельности. М.: Экзамен, 2008. www.urbanecomics.ru/texts.php?folder_id=9&mat_id=440&page_id=14399.
- 42 Напомним, что и подготовленный во время руководства столицей Ю.М. Лужкова Генеральный план развития Москвы до 2025 г. содержал поистине стахановские цифры. В частности, за 15 лет он предполагал возведение в городе 100 млн кв. м жилья (при том, что на пике строительной активности в 2007 г. было построено 5,7 млн кв. м), прокладку 350 км ли-ний метрополитена (в 2010 г. общая протяженность сети составляла 300 км), формирование каскада перехватывающих парковок емкостью 250 тыс. машиномест (в 2010 г. существовала

«Московский» вариант. Межевание по нормативам (около 70% территории района)

ТАБЛИЦА 4

СОБСТВЕННИКИ/ЖИТЕЛИ	
PRO	<p>А компенсация амортизации, которое приведет к падению стоимости жилого фонда;</p> <p>Б защита от «точечной» застройки;</p> <p>В ограниченные возможности извлечения дохода с участка (организация платной парковки, строительство пристроек, размещение временных сооружений и проч.);</p> <p>Г возможность использовать территорию для рекреационных целей (устройство детских и спортивных площадок и проч.);</p> <p>Д возможность формирования локальных сообществ на базе интереса к обустройству собственной среды обитания</p>
CONTRA	<p>А уплата земельного налога;</p> <p>Б несение расходов по благоустройству и поддержанию придомовых территорий;</p> <p>В риск деприватизации вследствие неплатежеспособности;</p> <p>Г потенциальные сложности в комплексном благоустройстве и управлении жилищно-коммунальным хозяйством, связанные с возможным присутствием на территории микрорайона нескольких УК, а также разным уровнем благосостояния собственников придомовых участков (что может привести к уменьшению стоимости недвижимости вследствие деградации среды);</p> <p>Д отсутствие возможности капитализации факта наличия большого числа жителей, в частности, посредством выхода на оптовый рынок электроэнергии;</p> <p>Е ограниченные возможности использования участка, в том числе с целью извлечения дохода</p>
ГОРОД	
PRO	<p>А получение земельного налога;</p> <p>Б освобождение от несения расходов по благоустройству соответствующих территорий;</p> <p>В возможность использовать невымежеванные земли для городских нужд;</p> <p>Г повышение мобильности населения и гибкости использования жилого фонда, в том числе вследствие деприватизации;</p> <p>Д потенциальная возможность снижения стоимости расселения аварийных домов в случае массовой деприватизации</p>
CONTRA	<p>А потеря значительного территориального ресурса для развития;</p> <p>Б затруднительность, если не невозможность, проведения комплексных реконструктивных и благоустроительных мероприятий, включая новое строительство;</p> <p>В затруднительность проведения антиавтомобильной политики;</p> <p>Г недополучение доходов от организации платных парковок;</p> <p>Д повышение расходов по расселению аварийных домов, связанное с необходимостью выкупа земельных участков;</p> <p>Е повышение расходов на прокладку элементов УДС и инженерной инфраструктуры, обусловленное необходимостью выкупа земельных участков;</p> <p>Ж расходы по межеванию, кадастровому учету и созданию инфраструктуры сбора земельного налога;</p> <p>З потенциальный риск геттоизации отдельных районов, в том числе вследствие массовой деприватизации</p>

всего одна такая парковка, рассчитанная на 650 автомобилей). См.: Журнал «Проект Россия». № 57. 3/2010. С. 73–192.

43 Цит. по: Ложкин А. Градорегулирование в Российской Федерации. Рукопись. Пермь, 2013. С. 15.

44 Цит. по: Ложкин А. Зачем и как. Серия «Библио

49 См.: Толкачева К. Новая жизнь больших

ансамблей; Agence Jean Nouvel, AREP, Michel Santal-Dupart. Париж–Метрополия: Рождение и возрождение 1001 парижского счастья // Журнал «Проект International». № 29. Июнь 2011. С. 120.

50 <http://moscowidea.ru/ideas/proposals/18/>. Авторы работы благодарят директора проекта «Чего хочет Москва» Ольгу Полищук за предоставленные материалы.

51 См. Толкачева К. Указ. соч.

52 Заметим, что сходные стратегии реновации территорий панельной застройки предлагаются в Стратегическом мастер-плане Перми (КСАР, 2010). См. Ложкин А. Зачем и как.

53 См.: Шукин А. Некоторые вопросы управления многоквартирными домами. Серия «Библиотека Суперпарка». М.: 2013.

55 Если, скажем, установка солнечных

«Сингапурский» вариант. Межевание по минимуму (менее 30% территории района)

ТАБЛИЦА 5

СОБСТВЕННИКИ/ЖИТЕЛИ	
PRO	<p>А минимизация земельного налога;</p> <p>Б минимизация расходов по благоустройству и поддержанию придомовых территорий; облегчение процесса управления микрорайоном, являющегося по сути целостным пространственным, ландшафтным и технологическим образованием, вследствие передачи значительной части территории одной УК;</p> <p>Г потенциальная возможность повышать качество среды, а следовательно и стоимость недвижимости, за счет бюджета Москвы;</p> <p>Д возможность формирования локальных сообществ на базе интереса к обустройству собственной среды обитания</p>
CONTRA	<p>А минимизация компенсации амортизации и, как следствие, падения стоимости жилого фонда</p> <p>Б риск возникновения объектов «точечной» застройки в непосредственной близости от жилых домов;</p> <p>В риск того, что неполучение земельного налога, а также платы за благоустройство и содержание территорий от жителей город будет компенсировать путем увеличения ставок налога на имущество, кадастровой стоимости участков, а также взимания различных сборов (напр., организация платных стоянок на внутрирайонных территориях);</p> <p>Г невозможность извлечения дохода с участка (организация платной парковки, строительство пристроек, размещение временных сооружений и проч.);</p> <p>Д ограниченность использования территории в рекреационных целях (устройство детских и спортивных площадок и проч.);</p> <p>Е зависимость от города в плане обеспечения качества среды</p>
ГОРОД	
PRO	<p>А наличие значительного ресурса для развития, в том числе нового строительства, а также прокладки элементов УДС и инженерной инфраструктуры;</p> <p>Б широкие возможности распоряжаться земельными ресурсами, в том числе арендовать и продавать земельные участки, проводить комплексные благоустроительные мероприятия и проч.;</p> <p>В широкие возможности для организации платных автостоянок и проведения антиавтомобильной политики (в том числе организации кар-шеринга, размещения велодорожек и проч.);</p> <p>Г широкие возможности контроля качества среды и, как следствие, потенциальные возможности для увеличения сборов местных налогов вследствие роста стоимости недвижимости;</p> <p>Д снижение расходов по расселению аварийных домов вследствие минимизации размера выкупа земельного участка</p>
CONTRA	<p>А недополучение земельного налога;</p> <p>Б несение значительных расходов по благоустройству и поддержанию территорий;</p> <p>В несение расходов по межеванию кадастровому учету и созданию инфраструктуры сбора земельного налога при низких показателях его собираемости</p>

батарей – задача, которая может быть решена в рамках одного дома, то другие технологии подразумевают более масштабные подходы. Соз-дание системы тепловых насосов, питающих 120 тыс. кв. м застройки в американской Тусле, потребовало площади размером в 1 га. Срок окупаемости этого проекта, сократившего энер-гопотребление на 60%, составил семь лет (По данным компании SWA Group).

62 См. подробно: Мизир Т. Публичное

жилье в Сингапуре. Серия «Библиотека Суперпарка». М.: 2013. В этой работе содержится и критика сингапурской модели.

63 См.: <http://riarealty.ru/news/20121206/399024106.html>.

64 См., напр.: Проект межевания квартала, ограниченного улицами: Шипиловская ул., Каширское шоссе, Ореховый бульвар, Домодедовская ул. НИИПИ Генплана Москвы, 2012.

65 См. сноску 19.

67 См.: www.ura.gov.sg/circulars/text/dchbr/pt1condoflats-dchbr.pdf.

68 См. Толкачева К. Новая жизнь больших ансамблей.

69 Некомфортное, не удобное для жизни (англ.).

70 <http://mosurbanforum.ru/research>

Транспортный аспект управления территориями микрорайонов

Михаил Блинкин

Районы, расположенные в «панельном бублике», могут быть классифицированы по объективным признакам, характеризующим их транспортные достоинства и недостатки. Если же транспортную классификацию наложить на классификацию по средовому потенциалу, то становится понятным общее состояние дел в районе. Приведем несколько примеров.

С точки зрения баланса преобладающей типологии застройки и преобладающей типологии мобильности пространство «панельного бублика» является примером совмещения несовместимого: типичное transit oriented development соседствует с выраженной (и растущей) car oriented mobility. Высокий, порядка 400 автомобилей на 1000 жителей, уровень автомобилизации обусловлен не только общим потребительским трендом. На многих случаях автомобильный выход из рассматриваемых территорий во внешний мир (даже с учетом московских заторов!) является более привлекательным, чем использование наземного общественного транспорта или пешеходных подходов к станциям метрополитена.

Типичным местом ночного хранения автомобилей здесь являются плоскостные парковки, чаще всего — стихийные, занимающие междомовые и межквартальные проезды, дворы, тротуары и т.п. Суммарная площадь этих парковок столь велика, что становится одним из ключевых препятствий на пути создания комфортной городской среды. Если принять среднюю площадь застройки микрорайонов «по подошве» в 15%, а затем учесть сложившийся там уровень автомобилизации населения, то получается примерно следующая картина.

Расчеты сделаны в первом приближении и, разумеется, их нужно уточнять, но очевидно, что суммарная занятость земли строениями и парковками становится несоразмерно высокой.

Следует непреложный вывод: любые серьезные шаги, направленные на достижение устойчивых позитивных изменений в «панельном бублике», предполагают проведение в городе транспортной политики, связанной с подавлением спроса на автомобильные поездки, с развитием качественного общественного транспорта и с созданием комфортной пешеходной среды. Другими словами, нам понадобится транспортная политика, ориентированная на западноевропейские, японские, сингапурские и аналогичные образцы.

Матвеевское	
СВЯЗЬ С ВНЕШНИМ МИРОМ	Главный выход — на Аминьевское шоссе, а также выходы на Кутузовский проспект и Минскую улицу. С юго-востока — тупиковое замыкание Киевской железной дорогой. Ситуация несколько улучшилась после ввода станции метро «Славянский бульвар», доступ к которой имеется, однако, только с противоположной стороны Кутузовского проспекта.
КАЧЕСТВО ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ	Местная сеть НГПТ, проездов и проходов — вполне удовлетворительная.
СРЕДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ	Площадь застройки «по подошве» — 2,1 млн кв. м (11,9% территории района). Средняя высотность — 9 этажей. На качество среды позитивно влияет близость Матвеевского леса и природного заказника «Долина реки Сетунь».
ВЫВОД	Вполне реально улучшить связь территории с внешним миром посредством капитальной реконструкции существующего «прокола» в насыпи Киевской железной дороги, либо сооружения нового путепровода. При этом транспортные проблемы (отсутствие пешеходного доступа к метро, длинные утренние очереди на выезд к Аминьевскому шоссе и т.д.) останутся во всех случаях. Консолидация и разграничение частных и общественных пространств; повышение проницаемости кварталов и их связанности с городской структурой помогут улучшить состояние района.
ЗЮЗИНО	
СВЯЗЬ С ВНЕШНИМ МИРОМ	Выходы к трем станциям метро (Каховская, Севастопольская, Нахимовский проспект), а также к четырем магистральным улицам городского значения (Балаклавский проспект, Севастопольский проспект, Нахимовский проспект, Варшавское шоссе).
КАЧЕСТВО ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ	Местная сеть НГПТ, проездов и проходов — вполне удовлетворительная.
СРЕДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ	Площадь застройки «по подошве» — 723 тыс. кв. м (13,2% территории района). Средняя высотность жилых домов — 5 этажей. По московским понятиям это обжитой, зеленый район.
ВЫВОД	Зюзино может стать хорошим полигоном для реализации проектов трансформации районов многоэтажной жилой застройки в комфортную социальную и предметно-пространственную среду.
ЗАПАДНОЕ БИРЮЛЕВО	
СВЯЗЬ С ВНЕШНИМ МИРОМ	Имеется один главный выход через ул. Подольских курсантов к Варшавскому шоссе и станции метро «Пражская», автомобильный выход на МКАД через Востряковский проезд с ограниченной пропускной способностью.
КАЧЕСТВО ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ	Территория разделена ветками Курской и Павелецкой железных дорог. Развитие сети автомобильных проездов и пешеходных проходов слабое.
СРЕДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ	Площадь застройки «по подошве» — 1,1 млн кв. м (13% территории района). Средняя высотность многоквартирных домов — 12–14 этажей. Близкое соседство жилой застройки с промзонами и кладбищем.
ВЫВОД	Западное Бирюлево останется территорией безнадежно unliveable, неприспособленной для жизни. Сформировать здесь структурированную, дифференцированную, откликающуюся на требования рынка городскую среду невозможно.
ГОЛЬЯНОВО	
СВЯЗЬ С ВНЕШНИМ МИРОМ	Территория ограничена Окружной железной дорогой, границами парка Лосиный остров, а также Щелковским шоссе и МКАД. Выходы на Щелковское шоссе и МКАД — проблемные. Основной для района транспортный узел у метро Щелковское — один из самых тяжелых в городе.
КАЧЕСТВО ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ	Местная сеть наземного транспорта, проездов и проходов оставляет желать лучшего.
СРЕДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ	Площадь застройки «по подошве» — 1,6 млн кв. м (10,8% территории района). Средняя высотность — 5–9 этажей. Примыкание к парку Лосиный остров — позитивное обстоятельство с точки зрения качества среды, однако, оно же консервирует положение района в качестве «транспортного полуострова».
ВЫВОД	Возможно проведение реконструкции транспортного узла у метро Щелковское, включая сооружение двухуровневой развязки, обеспечивающей дополнительный выход из Гольяново в район Измайлово. Возможна реконструкция выхода на МКАД через Хабаровскую улицу. Район имеет шансы на ревитализацию, однако, в транспортном отношении он останется тяжелым.

Экология периферии

Брайан М.Эванс

Жизнь с неизбежностью заставляет администрации большинства городов в основном фокусироваться на экономических и социальных процессах. Однако экология и ландшафт вместе с климатом города и культурой населяющих его людей могут быть важными элементами стратегий развития. Города являются заложниками географии, климата и природной среды. Однако лишь в последние десятилетия эти данности нашли отражение в теориях урбанистов и стали одной из основ градостроительного планирования.

Прародителем этого направления мысли стал Ян Макхарг, который писал об использовании природных систем в планировании крупных городов и регионов. В книге «Проектируя с природой» Макхарг, возможно, первым показал не только то, как природные силы формируют обитаемую среду, но и как человек может использовать их в городском планировании. Эта книга вошла в число главных текстов — наряду со «Смертью и жизнью больших американских городов» Джейн Джекобс, «Образом города» Кевина Линча, — изменивших парадигму градостроительного мышления после десятилетий царствования опустошительных теорий Ле Корбюзье. Идеи Макхарга подхватил Майкл Хаф, который в своих работах о природе различных регионов развивает теорию экологического градостроительства. Есть грань, хотя и очень тонкая, отделяющая «экологический урбанизм» от «ландшафтного». Адепты последнего утверждают, что в основе организации городов как целостных социально-пространственных систем должна лежать грамотная работа с ландшафтом. Этот подход отличает несколько односторонняя ориентация на видимые и физически ощущаемые явления, будь то топография рельефа или пейзажные особенности мест. В этом смысле «экологический урбанизм» больше ориентирован на процессы. Рассматривая широкий спектр явлений, связанных с антропогенной деятельностью, он выдвигает на передний план вопросы ресурсосбережения, а также протекания в малых и крупных масштабах различных природных процессов, которые способны оказать влияние на развитие городов. В верности этого подхода сегодня убеждается Китай — главным образом, на примере собственных ошибок.

Что же говорит экологический градостроительный подход применительно к периферии Москвы? География, климат и топография обуславливают такой важнейший элемент экологического урбанизма как гидрографическая сеть. В этом отношении Москва отнюдь не обделена. Жители российской столицы пользуются неограниченным доступом к свежей чистой воде, поступающей с севера, из бассейна Волги, через сеть озер, речушек, каналов и водохранилищ, обслуживающих город. В свою очередь, гидрографическая система поддерживает второй важнейший компонент экологического градостроительства — растительность. В случае Москвы это растительность зоны южной тайги. Что бы ни происходило с политикой, экономикой и даже культурой, в контексте именно этой системы водоемов и лесов протекает

повседневная жизнь жителей московской периферии. Власти уже давно осознали важность водных ресурсов для горожан, хотя иногда доступ к ним обеспечивался чудовищной ценой, как, например, во время строительства Канала имени Москвы при сталинском режиме. И пусть сегодня во многих местах эта система либо загрязнена от стоков поверхностных вод, либо закреплена подземными трубами и каналами, она все же существует и снабжает город, а также воспевается в российской литературе и особенно изобразительном искусстве (илл.2)

В современном градостроительстве пешая доступность является основополагающим параметром разумного планирования жилых территорий — 20 минут до железнодорожной станции, магазинов и т. д. (илл.3). Если применить этот критерий по отношению к водоемам, то окажется, что доступ к ним имеют существенное большинство горожан, проживающих на периферии Москвы. На схеме 3 видно, что за исключением таких мест, как Измайлово, Кузьминки и Зябликово на востоке, почти все районы имеют хороший доступ к воде. Это хорошая предпосылка для качественного улучшения среды.

Охранные зоны, создаваемые по обоим берегам рек, формируют коридоры шириной от 25 м до 100 м. Эти коридоры являются основой ландшафтной сети, на базе которой можно сформировать систему линейных парков для пеших, велосипедных, а зимой и лыжных прогулок. Вода и лес предстают основой природного каркаса, дополняемого «зелено-голубой» системой парков, формирующими разветвленную рекреационную сеть (илл.4). Эта система унаследована от советских, а порой досоветских времен. Кое-где, без должного внимания, она пришла в упадок. Но если приложить усилия, ситуацию можно исправить — обеспечить целостность и чистоту системы для будущих поколений. Необходимые меры подразумевают очистку водотоков, увеличение площади зеленых насаждений, создание аллей и рекреационных павильонов, которые могут работать вечером и зимой. Важным фактором также является квалифицированное управление, поддерживающее социальную активность на территориях в разное время дня и года.

Схемы 6 и 7 иллюстрируют принципы экологического градостроительства на примерах отдельного района и группы урбанизированных территорий. Их планировка характеризуется обширными незастроенными пространствами, которые зачастую являются нефункциональными, разрозненными и редко приносящими жителям ту пользу, которую им следовало бы приносить. На схемах 6С и 6D показано, как все эти пространства могут быть объединены в целостную систему путем создания дорожек, зеленых насаждений, экологических коридоров и рекреационных зон. На схемах 7А — 7D более детально рассматривается возможность структурирования ландшафтной системы внутри жилой территории. Речь



- Existing built form
- Existing principal road network
- Existing water network
- Existing open space
- Existing employment
- Existing cultural asset
- Existing forest
- Creation of green network linkages
- Creation of green core
- Raion central core
- Proposed forest
- Proposed formal park
- Proposed green boulevards
- Proposed recreational parkland
- Proposed water cleansing landscape
- Proposed urban agricultural zone
- Proposed urban agricultural market zone
- Proposed path network



- Existing micro-raion footprint
- Existing water network
- Existing open space
- Existing Forest
- Proposed Forest
- Proposed forest
- Proposed recreational/Ecological Network
- Proposed Formal Park
- Proposed Green Boulevards
- Proposed Urban Agricultural Zone
- Proposed Urban Agricultural Market Zone

идет об улицах и проездах, а также о береге Москвы-реки и «микрорайонных садах». На схеме 7 А изображена типичная пространственная композиция микрорайона. Схема 7В демонстрирует озелененную улично-дорожную сеть, 7 С — местные «сады» и 7D — линейные парки вдоль водотока, которые могут стать стержнем ландшафтной системы микрорайона. В современных жестких экономических условиях ландшафт должен рассматриваться не просто как отвлеченное общее благо, а как благо с функциональной и экономической составляющими, которые дополняют эстетические и духовные качества природного окружения. Кооперативы, занимающиеся городским огородничеством в Гаване, стали примером для городов в развитых странах. На Кубе перебои с топливом и несовершенство транспортной системы привели к развитию городской агрономии — более 10 тыс. га земли, используемой в Гаване под огородничество, являются основой местного рынка свежих продуктов и обеспечивают работой более 100 тыс. человек. Лондон оказывает такое воздействие на окружающую среду, что, по данным ВОЗ, нейтрализовать его может только территория, превышающая размеры самого Лондона в 125 раз (практически равная всей площади Британии).

В небольших масштабах сельскохозяйственная деятельность в Лондоне все еще ведется, однако она связана с использованием химикатов и с животноводством, а не выращиванием фруктов и овощей, что могло бы приносить гораздо больше пользы. Любая попытка развивать агрономию в Лондоне неизбежно сталкивается с конкуренцией со стороны жилищного строительства и иных инвестиционно привлекательных секторов экономики. Однако ситуация, возможно, начинает меняться — парки и сады уже признаны территориями с особой ценностью, а исследования ВОЗ и других специалистов, в частности Андре Вильхоена и Джо Хоуве, свидетельствуют, что общественные настроения могут изменить взгляд на все формы использования свободных пространств внутри города.

Можно утверждать, что «ландшафтный» подход к регенерации территорий точно так же применим и по отношению к бывшим промзонам. Подобные процессы мы можем наблюдать в городах Западной Европы и Северной Америки. Среди положительных примеров — регенерация аэродрома Темпельхоф в Берлине и военной базы в районе Даунсвью (Торонто). Второй пример в нашем контексте особенно уместен. Сходные с Москвой холодные климатические условия не помешали отвести в новом парке крупнейшего города Канады значительную территорию для занятий огородничеством.

В заключении исследования подчеркнем, что существует четыре фундаментальных вещи, связанных с экологией периферии Москвы, которые необходимо учитывать в городском планировании:

- А Гидрографическая система с ее охраняемыми зонами предоставляет стратегическую возможность создания устойчивого природного каркаса и рекреационной сети для москвичей.
- Б Эта возможность требует осмотрительного подхода при составлении проектов межевания застроенных территорий. Главным образом потому, что неправильная парцелляция может нарушить непрерывность водотоков, которые являются «стержнем» этих природных зон.
- В Водно-зеленый каркас периферии таит в себе огромный потенциал для обеспечения физического и психологического здоровья москвичей.

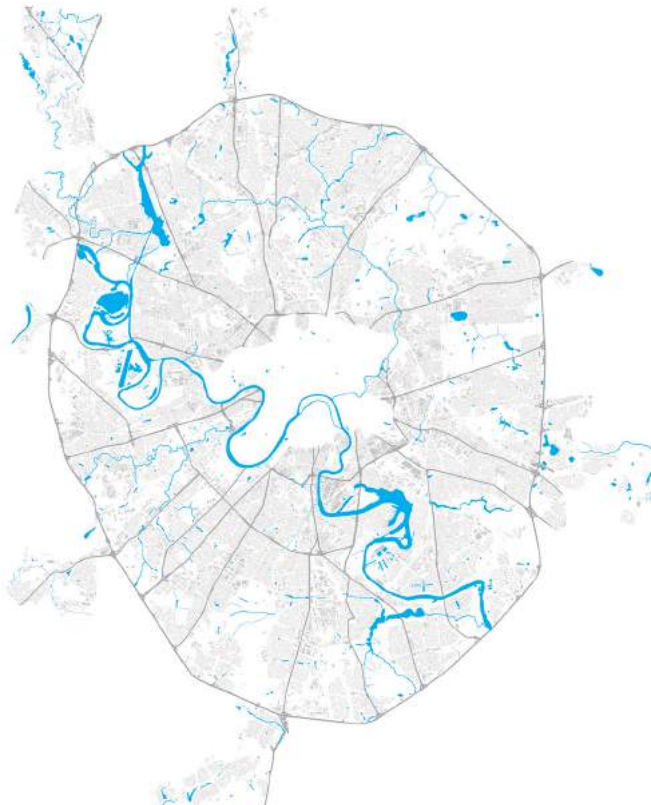


Figure 1
 ■ The Moscow Periphery
 — Existing principal road network
 ■ Existing water network

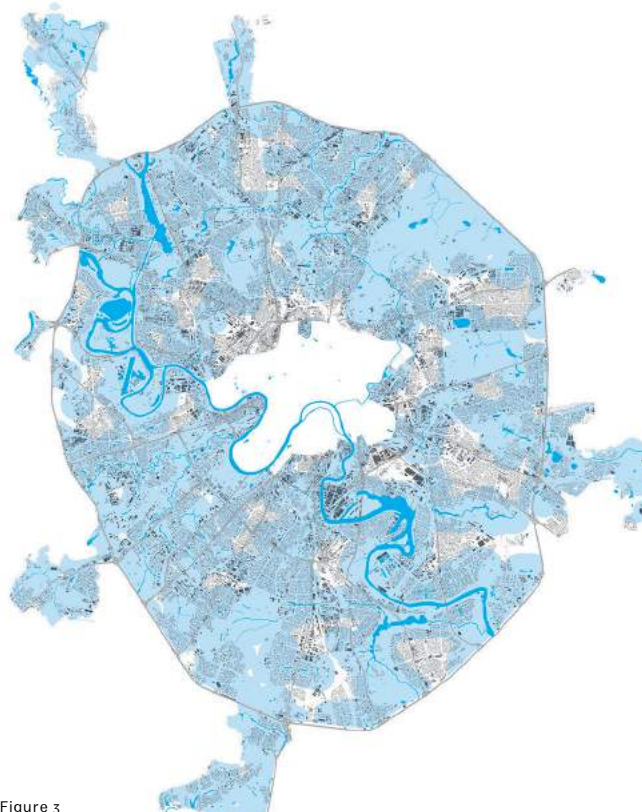


Figure 3
 ■ The Moscow Periphery
 — Existing principal road network
 ■ Existing water network
 ■ Access to water network (30/30 minute walk / 1 km catchment)

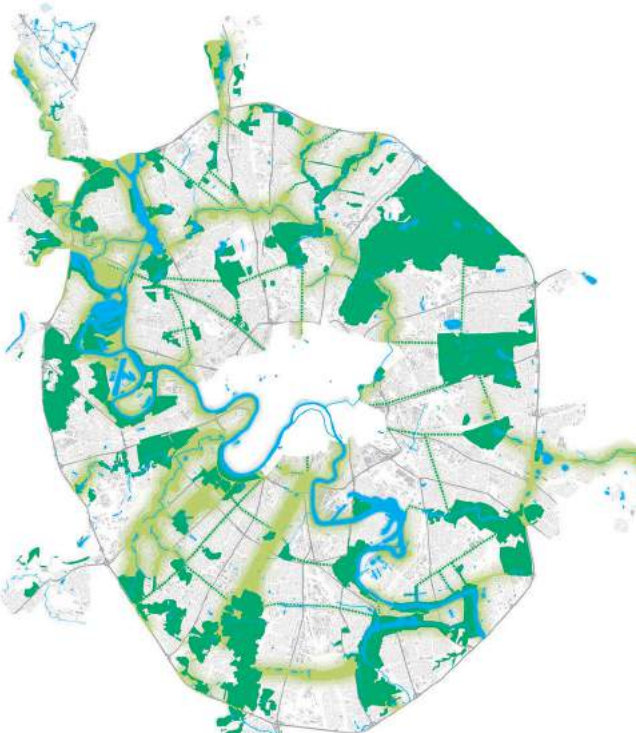


Figure 4
 ■ Creation of green network linkages
 ■ Existing forest
 ■ Creation of green network linkages
 ■ Existing forest
 — Proposed forest
 — Proposed formal park
 ... Proposed green boulevards

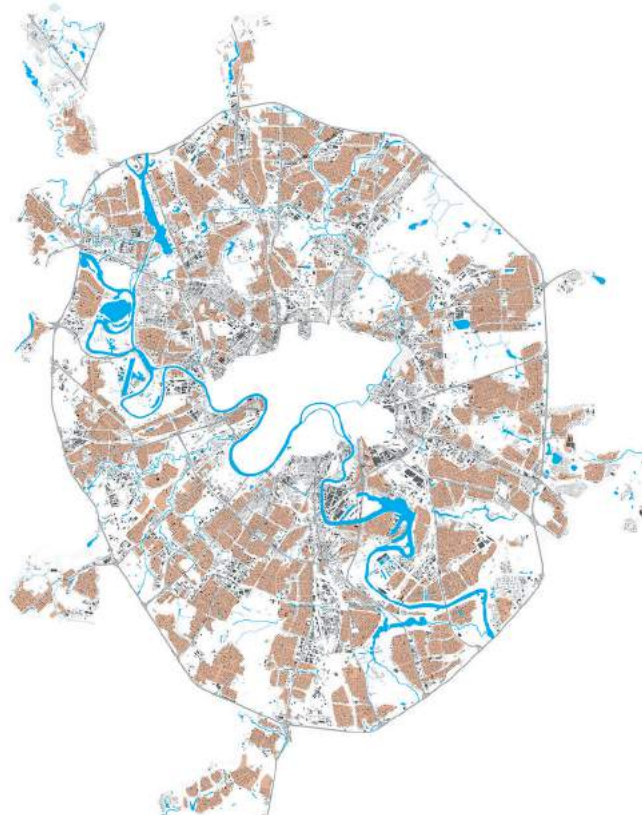


Figure 5
 ■ The Moscow Periphery
 — Existing principal road network
 ■ Distribution of micro-raions

Вокруг окраин

ФОТООТЧЕТ

Юрий Пальмин

ЮРИЙ ПАЛЬМИН

Архитектурный фотограф (род. 1966), работает по заказам ведущих российских и зарубежных архитекторов, преподаватель программы «Фотография. Базовый курс» в Британской высшей школе дизайна. Лауреат спецприза «Серебряной камеры» (МДФ, Москва, 2001). Сотрудничает с такими популярными и профессиональными изданиями, как AD Magazine, Vogue, World Architecture, RIBA Journal, Icon Magazine, Domus, Abitare, Speech, EXIT, Mark Magazine, «Проект Россия». Автор иллюстраций к книгам о современной и исторической российской архитектуре. Участвует в художественных проектах совместно с известными художниками А. Кирцовой, А. Бродским, В. Ефимовым, С. Леонтьевым.

Предложение сделать серию фотографий о пространстве между двумя кольцами — ТТК и МКАД — я принял без долгих раздумий. Оно привлекло меня своей неопределенностью: сама площадь территории свидетельствовала о принципиальной невозможности сколько-нибудь осмысленного и логически обоснованного подхода к работе. Вдумчивый анализ, поиск внятной и красивой концепции работы, серьезное исследование темы — об этом пришлось забыть. Страшная, на первый взгляд, бездна отсутствия смысла разверзлась передо мной — как раз то, что и нужно для подобного занятия. Опорой послужили два любопытных факта: административное деление Москвы определяет строго географическую топонимику округов; но стороны света совершенно не играют роли в городском ориентировании москвича. Вне зависимости от погоды и времени суток, даже ночью или в густом тумане, житель Нью-Йорка не задумываясь укажет вам, где находится север. У москвича нет ни внутреннего компаса, ни потребности в нем. Радиально-кольцевая структура города и его особое место в мифологической географии приводят к появлению особой москвоцентрической модели мироздания. Я принял эту модель и отказался от попыток проложить свой маршрут в этом пространстве. Я поставил штатив — и город сам стал вращаться вокруг своей оси и показывать мне себя.





































Сохранение. Каталог нового наследия

Территория вне центра была исследована на предмет поиска новых объектов культурного наследия — городских жемчужин.

Сведены в один каталог списки от нескольких организаций и экспертов:

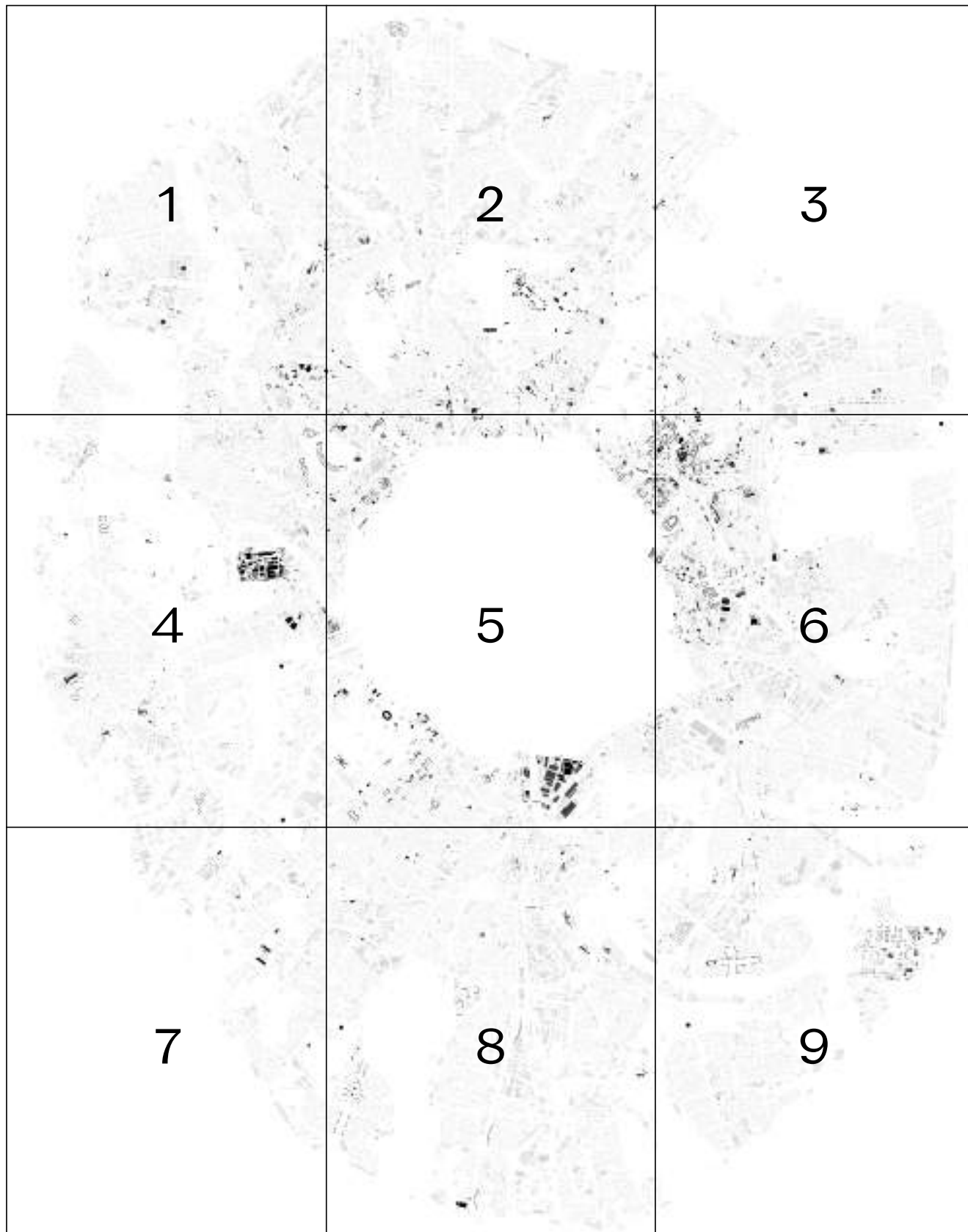
- 1 Москомнаследия, 407 единиц (официальный);
- 2 Архнадзора, 83 единицы (ценные исторические здания, не имеющие официального статуса);
- 3 А. Броницкой, 28 единиц (объекты 1920-1960 гг., субъективный);
- 4 О. Казаковой, 19 единиц (объекты 1960-1980 гг., субъективный);
- 5 П. Филлиповой, 88 единиц (объекты, образующие городскую среду, субъективный).

Общее количество жемчужин:

625

Нумерация объектов велась без иерархии по часовой стрелке от Ленинградского шоссе.

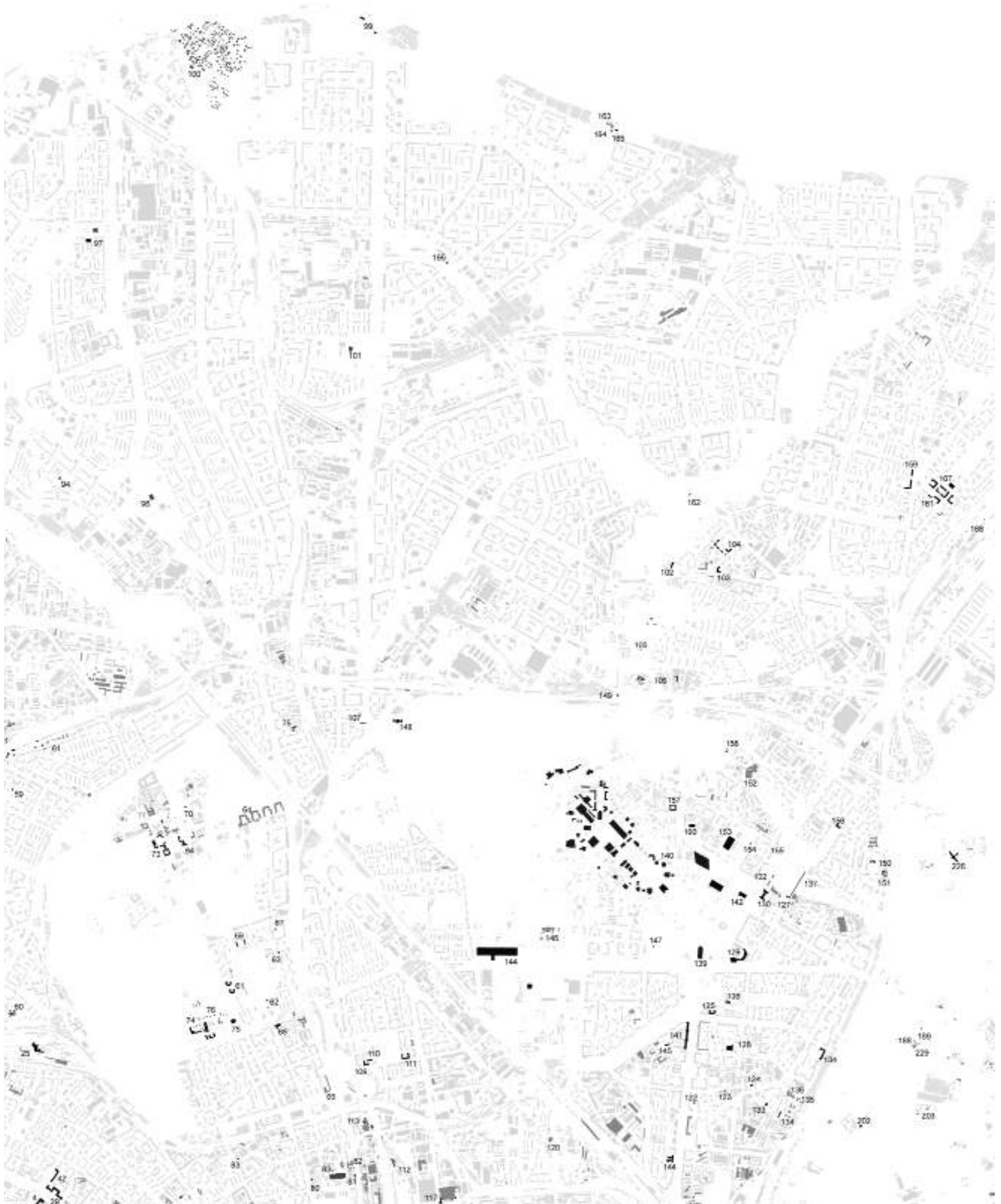
Вблизи ТТК большинство объектов — исторические здания, входящие в список Москомнаследия. Ближе к МКАД это новые объекты, не имеющие охранного статуса, часто промышленные сооружения.



- 1—Здание Гидрометеорологической службы Вооруженных сил РФ, 1920-е гг.
- 2—Здание, 1931 г.
- 3—Ансамбль застройки района Сокол, 1955–1957 гг., арх. М. Розенфельд, А. А. Мндоянц.
- 4—Здание, 1940–1950 гг., арх. М. В. Посохин.
- 5—Комплекс зданий и сооружений станции «Пресня», 1903–1908 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша.
- 6—Корпус института инвалидов, 1929–1930-е гг., архитектор М. Я. Гинзбург.
- 7—Ансамбль Николаевских казарм Первого Донского казачьего полка и Первой гренадерской артиллерийской бригады на Ходынском поле, 1898–1899 гг., арх. С. У. Соловьев.
- 8—Дом, в котором в квартире №25 в 1948–1958 гг. жил, работал поэт Н. А. Заболоцкий.
- 9—Ансамбль домов, 1945–1947 гг., арх. Д. Н. Чечулин.
- 10—Ансамбль застройки района Сокол, 1955–1957 гг., арх. З. М. Розенфельд, А. А. Мндоянц.
- 11—Ансамбль жилых домов, 1948–1950 гг., арх. М. В. Посохин, А. А. Мндоянц, инж. Б. С. Лагутенко.
- 12—Жилой квартал, построенный немецкими военнопленными, 1950–1957 гг.
- 13—Ансамбль жилых домов на Ходынском поле.
- 14—Гостиница «Аэрофлот», 1963 г., арх. Л. Баталов, Б. Будин, В. Климов.
- 15—Экспериментальный крупнопанельный дом коридорного типа, 1964 г., арх. Л. Б. Карлик, Н. А. Джеванширова.
- 16—Ансамбль завода «Знамя труда», 1920–1930 гг.
- 17—Царский павильон XV Всероссийской торгово-промышленной и художественной выставки, 1882 г., арх. А. Э. Вебер, А. С. Каминский.
- 18—Храм в честь Вадопедской иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» у Николаевских казарм на Ходынском поле, 1907–1909 гг., арх. В. Д. Адамович.
- 19—Жилые дома советского периода, арх. Д. Н. Чечулин.
- 20—Фабрика-кухня, 1927–1928 гг., арх. А. И. Мешков.
- 21—Центральный онкологический институт Наркомздрава РСФСР, Московский научно-исследовательский онкологический институт им. П. А. Герцена.
- 22—Ансамбль солдатенковской больницы, 1915–1925 гг., арх. И. А. Иванов-Шиц.
- 23—Военно-воздушная инженерная академия Н. Е. Жуковского, 1936 г., арх. А. В. Юганов.
- 24—Центральный дом авиации, 1927 г.
- 25—Ансамбль паровозного депо станции «Подмосковная», 1901 г., арх. Ю. Ф. Дидерикс.
- 26—Бывшая дача Лаврентия Берии, 1900 г.
- 27—Церковь Благовещения в Петровском парке, 1843–1847 гг., арх. Ф. Ф. Рихтер.
- 28—Здание ресторана «Аполло» в Петровском парке, кон. XIX — нач. XX в. С 1925 г. в здании располагается Центральный дом (музей) авиации и космонавтики.
- 29—Жилой дом, 1938 г., арх. С. М. Кравец.
- 30—Стадион «Динамо», 1928 г., арх. Чериковер Л. З. Спортивный парк «Динамо» (составная часть Петровского парка), 1820–1830-е гг., арх. А. Менелас.
- 31—Жилой дом, 1930-е гг.
- 32—Два наземных вестибюля, станция Московского метрополитена «Динамо», 1938 г., арх. Я. Г. Лихтенберг, Ю. А. Ревко.
- 33—Художественное училище, 1936–1938 гг., арх. Г. П. Гольц.
- 34—Институт общей и экспериментальной патологии. Здесь в 1934–1961 гг. работал ученый-патолофизиолог, академик А. Д. Сперанский.
- 35—Городок художников (с мастерскими и квартирами), 1930–1950-е гг., бригада АСНОВА, арх. Ю. Н. Герасимов, В. Ф. Кринский, Л. М. Лисенко, А. М. Рухлядев.
- 36—Трамвайное депо, нач. XX в.
- 37—Вилла «Черный лебедь» Н. П. Рябушинского в Петровском парке, 1908–1909 гг., арх. В. Д. Адамович, В. Д. Маят, в 1915 г. братья Веснины.
- 38—Жилой дом, 1953 г., арх. М. М. Дзисько, Л. М. Мочин. Здесь жили авиаконструктор С. В. Ильюшин, изобретатель М. Л. Новиков.
- 39—Жилой дом с квартирами художников, 1930-е гг., арх. Ф. М. Кринский, А. М. Рухлядев. В доме жили: В. А. Фаворский, В. А. Ватагин, Ю. И. Пименов.
- 40—Изо-фабрика, 1933–1934 гг., арх. Г. П. Гольц.
- 41—Студенческий городок во Всехсвятском, 1929–1930 гг., арх. П. Н. Блохин, Б. В. Гладков, А. Зальцман.
- 42—Жилой дом, 1954 г. Здесь жили и работали К. Симонов, А. Галич, А. Тарковский, Ю. Нагибин и др.
- 43—Могила Багратиона Ивана Александровича (1730–1795).
- 44—ЦКБ «Алмаз», 1952 гг., арх. В. С. Андреев, Г. М. Вольфсон.
- 45—Архитектурно-планировочный комплекс поселка «Сокол», 1925–1930 гг., арх. И. Кондаков, Н. Марковников, братья Веснины, Н. Дюрнбаум.
- 46—Комплекс зданий и сооружений станции «Серебряный бор», 1903–1908 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша.
- 47—Кинотеатр «Ленинград», 1956 г.
- 48—Ансамбль домов, 1930 г.
- 49—Ансамбль застройки района Песчаных улиц, 1947–1955 гг., арх. З. М. Розенфельд, П. В. Помазанов.
- 50—Общежитие бывшего кооперативного института 1930–1931 гг., арх. К. Рябов.
- 51—МГХПУ им. Строганова, 1958 г., арх. И. В. Жолтовский.
- 52—Жилой дом, XX в. Здесь в квартире №112 жил и работал поэт Н. Хикмет.
- 53—Комплекс студенческих общежитий «Сокол-МАИ».
- 54—«Гидропроект» имени С. Я. Жука, 1960–1967 гг., арх. Г. Яковлев.
- 55—Комплекс жилых домов в микрорайоне «Лебедь», 1966–1972 гг., арх. А. Мearсон.



- 56—Школа, в которой в 1933–1941 гг. училась Зоя Космодемьянская.
- 57—Здание вокзала станции «Подмосковная», 1901 г., арх. Ю. Ф. Дидерикс.
- 58—Водный стадион «Динамо», 1938 г., арх. Г. Я. Мовчан.
- 59—Усадьба Михалково (графа П. И. Панина), конец XVIII в., арх. В. И. Баженов.
- 60—Клуб «Красный балтиец», 1929 г.
- 61—Комплекс зданий и сооружений станции «Лихоборы», 1903–1908 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша.
- 62—Храм Святого Николая у Соломенной сторожки. В 1916 г. его построили по проекту арх. Ф. Шехтеля, в 1960 г. снесли, а в 1997 г. восстановили по старому авторскому проекту почти на прежнем месте.
- 63—Дача начала XX в.
- 64—Учебные корпуса Тимирязевской академии, 1926–1931 гг., арх., Б. М. Иофан.
- 65—Комплекс жилых домов Наркомпищепрома, 1936 г., арх. А. В. Снегарев.
- 66—Жилой дом, кон. XIX в.
- 67—Жилой дом П. И. Лисицына, 1929 г.
- 68—Лабораторный корпус Всероссийского НИИ холодильной промышленности, 1932 г.
- 69—Жилой дом, кон. 1930-х гг.
- 70—Метеорологическая обсерватория им. В. А. Михельсона. Комплекс, 1910 г., арх. Н. Н. Чернецов.
- 71—Дом священника Храма апп. Петра и Павла в Петровско-Разумовском, 1860-е гг. Здесь в 1863–1879 гг. прошли детские годы художника А. Я. Головина.
- 72—Дом-мастерская скульптора Е. В. Вучетича.
- 73—Усадьба «Петровско-Разумовское», кон. XVIII—XIX вв. Флигель дворца, XIX в.
- 74—Комплекс домов.
- 75—Светотехнический купол НИИСФ.
- 76—Деревня Соломенная сторожка (первое упоминание в 1870 г.) при акад. им. Тимирязева.
- 77—Котельная, 1899 г., 1927 г., 1-я пол. XX в., нач. 2000-х гг.
- 78—Шелкопрядильная фабрика, 1899 г., арх. М. С. Шуцман, 1911–1913 гг. арх. А. П. Семилетов, кон. 1920-х гг.
- 79—Объекты современного строительства.
- 80—Клуб фабрики «Свобода», основана в 1843 г.
- 81—Жилой дом, 1903 г., арх. Л. В. Стеженский.
- 82—Доходный дом, 1913 г., арх. И. А. Стаканов.
- 83—Церковь Митрофания Воронежского при детских приютах принца Ольденбургского и дом причта, XIX в.
- 84—Здание Фабрики «Свобода», 1843 г.
- 85—Колокольня Скорбященского монастыря, XIX в.
- 86—Научно-исследовательский машиностроительный институт (НИМИ), 1937 г., 1941 г.
- 87—Северный речной вокзал, 1932–1937 гг., арх. А. И. Рухлядев.
- 88—Усадьба «Михалково» (графа П. И. Панина), конец XVIII в., арх. В. И. Баженов.
- 89—Церковь Знамения усадьбы Ховрино («Грачевка»), 1868–1870 гг.
- 90—Дом В. И. Иокиша, директора Товарище-
- ства суконной мануфактуры «Иокиш», 2-я пол. XIX — нач. XX в., архитектор Д. П. Сухов.
- 91—Усадьба «Космодемьянское» («Белые столбы») Зотовых–Горихвостова–Патрикеевых, 1-я пол. XVIII — XX в., инж. А. А. Никифоров.
- 92—Роспись плафона вестибюля общези-тия Института гражданской авиации, 1980 г., худ. И. В. Николаев.
- 93—Храм иконы Божией Матери «Знаме-ние» в Аксиньине, 1883–1884 гг., XX в., арх. А. Г. Вейденбаум.
- 94—Церковь Бориса и Глеба, XIX в.
- 95—Храм св. прп. Сергия Радонежского в Бусинове, 1857–1860-е гг., инж. В. О. Грудзин, пом. А. Ф. Ярошевский.
- 96—Кинотеатр «Ереван».
- 97—ДК «Восход» (Бывшая церковь XVII в.).
- 98—Церковь Рождества во Владыкине, 1859 г.
- 99—Усадьба Алтуфьево, XVIII–XIX вв.
- 100—Поселок имени Ларина.
- 101—Кинотеатр «Марс».
- 102—Главный корпус ЦНИИС.
- 103—Офисное здание ЦНИИС.
- 104—Комплекс трехэтажных домов, 1950–1955 гг.
- 105—Усадьба, XIX в.
- 106—Суконная фабрика И. Г. Кожевни-кова, 1819–1822 гг., арх. Т. Г. Простаков, кон. XIX–нач. XX вв., 1960–1970-е гг.
- 107—Кинотеатр «Рига».
- 108—Водонапорная башня оборотного депо Москва–Савеловская–Бутырская.
- 109—Сталинская послевоенная малоэтажная жилая застройка.
- 110—Сталинская послевоенная малоэтажная жилая застройка.
- 111—Жилой дом с фонтаном и трансформа-торной подстанцией, 1947 г., арх. Я. Г. Лихтен-берг.
- 112—Элеватор.
- 113—Хлебозавод № 9 им. Семнадцатого парт-съезда.
- 114—Здание, в котором в июле 1941 г. фор-мировались части дивизии народного опол-чения.
- 115—Здание Рижского (Виндавского) вок-зала, 1897–1901 гг., арх. Ю. Ф. Дидерикс, С. А. Бржозовский.
- 116—Ансамбль Миусского кладбища, кон. XVIII — нач. XIX вв., арх. А. Ф. Элькинский.
- 117—Завод «Борец» (бывш. Густава Листа), основан в 1870 г. Производственные корпуса, конторы.
- 118—Здание Московского художественного училища прикладного искусства, 1950-е гг., арх. Гейна.
- 119—Гараж «Интуриста», 1934 г., арх. К. С. Мельников.
- 120—Храм в честь иконы Божьей Мате-ри «Нечаянная радость» в Марьиной Роще (с арх.-худ. интерьерами), 1903–1904 гг., 1909 г., арх. П. Ф. Кротов, И. М. Цвинилев.
- 121—Водонапорная башня.
- 122—Деревянный дом и дворовая постройка.
- 123—Сохраненный фасад дома XIX в.
- 124—Трехэтажный дом 1950-х гг.
- 125—Финансовая академия правительства



- РФ, 2-я пол. 1940-х гг.
- 126 — Ансамбль Пятницкого кладбища, XIX в. Церковь, флигель — арх. Г. Григорьев.
- 127 — Дом у акведука через р. Язу.
- 128 — Здание, в котором в июле 1941 г. формировались части дивизии народного ополчения Ростокинского района.
- 129 — Росписи лифтовых холлов гостиницы «Космос» (восемь композиций), 1979 г., худ. Н. И. Андронов.
- 130 — Жилой дом, 1956 г., арх. И. В. Жолтовский.
- 131 — Жилой дом, 1968–1969 гг., арх. В. С. Андреев.
- 132 — Комплекс клуба с общежитием бывшей Ватной фабрики, 1928 г., арх. М. Я. Гинзбург.
- 133 — Завод «Водоприбор», 1928 г. Алексеевская водонасосная станция.
- 134 — Сиротский приют имени братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных, кон. XIX в.
- 135 — Здание, кон. XIX в.
- 136 — Жилое здание, XIX в.
- 137 — Акведук через р. Язу, 1779–1785 гг., инж. Ф. Б. Бауер и Герард.
- 138 — Тихвинская церковь, 1676–1682 гг.
- 139 — Мемориал «Покорителям космоса», 1964 г., арх. М. О. Барщ, А. Н. Колчин.
- 140 — ВДНХ. Комплекс Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.
- 141 — Полиграфический комбинат, 1936 г., арх. М. Л. Зильбергейт, инж. А. И. Абрамович, С. Б. Коганович.
- 142 — Скульптура «Рабочий и колхозница», 1938 г., ск. В. И. Мухина, арх. Б. М. Иофан, нержавеющая хромоникелевая сталь.
- 143 — Павильон «Колхозный дом культуры на ВВЦ» (ВДНХ), 1954 г., арх. Л. Н. Авдотин, Ю. П. Корнеев, В. И. Копарин.
- 144 — Ансамбль телевизионного технического центра в Останкино.
- 145 — Полиграфический комбинат, 1936 г., арх. М. Л. Зильбергейт, инж. А. И. Абрамович, С. Б. Коганович.
- 146 — Усадьба Останкино, конец XVIII в.
- 147 — Дом, в котором в 1959–1966 гг. жил Главный конструктор космических кораблей С. П. Королев (дом-музей).
- 148 — Главный ботанический сад АН РФ.
- 149 — Суконная фабрика И. Г. Кожевникова, 1819–1822 гг., арх. Т. Г. Простаков, кон. XIX — нач. XX в., 1960–1970-е гг.
- 150 — Бывш. Центральная железнодорожная больница, 1911–1914 гг.
- 151 — Дом при бывш. Центральной железнодорожной больнице у станции Язу. Нач. XX в.
- 152 — Ростокинская камвольно-отделочная фабрика, кон. XIX в.
- 153 — Ростокинское трамвайное депо, 1933 г.
- 154 — Павильон конечной станции «Ростокино», кон. XIX в.
- 155 — Бревенчатый домик стрелочного поста с садом, нач. XX в.
- 156 — Несколько домов Ростокина, городок Моссовета, 1930–1950 гг.
- 157 — Здание Коминтерна, 2-я пол. 1930-х гг., арх. И. А. Голосов.
- 158 — Церковь в селе Леонове, 1719–1722 гг. Колокольня, 1770–1776 г.
- 159 — Пятиэтажный трехподъездный кирпичный жилой дом, 1960 г.
- 160 — Здание ВГИК, кон. 1930-х — сер. 1950-х гг. Учебный центр отечественной кинематографии, XX в.
- 161 — Застройка центральной части города Бабушкина, кон. 1930-х — нач. 1950-х гг.
- 162 — Церковь Покрова, XVI–XVII вв.
- 163 — Здание бывшей школы, нач. XX в.
- 164 — Здание, 1920–1925 гг.
- 165 — Здание, 1900–1920 гг.
- 166 — Храм прп. Сергия Радонежского в Бибирево, 1893–1894 гг., арх. Ф. В. Рыбинский.
- 167 — Здание кинотеатра «Арктика», нач. 1960-х гг.
- 168 — Водонапорная башня станции «Лосиноостровская».
- 169 — Жилой дом, нач. XIX в.
- 170 — Храм свв. мчч. Адриана и Наталии в Бабушкине у станции «Лосиноостровская», 1914–1917 гг., арх. В. Д. Глазов, С. М. Ильинский.
- 171 — «Ромашка» — главный аудиторный корпус МГСУ, 1960-е гг., арх. «Моспроект-1», мастерская В. В. Степанова.
- 172 — Детский сад московской обойной фабрики, 1952 г., арх. М. С. Ламова, А. И. Зайцев.
- 173 — Жилой дом (деревянный), 1902 г.
- 174 — Загородный дворец Елизаветы Петровны, XVIII–XIX вв.
- 175 — Жилой дом М. А. Страхова (деревянный), 1903–1906 гг., арх. Л. И. Лазовский. Ограда с воротами по ул. Гастелло.
- 176 — Жилой дом И. П. Чирикова — С. И. Алексеева, 1800–1910-е гг., кон. XIX в., 1901 г., арх. В. А. Попов.
- 177 — Жилой дом, 1927 г., арх. М. И. Мотылев.
- 178 — Ансамбль Сокольнического отделения Городского работного дома и Дома трудолюбия, XIX — нач. XX в.
- 179 — Ансамбль жилой застройки, 1926–1927 гг., арх. М. И. Мотылев.
- 180 — Домовая церковь Троицы в Александровском отделении Ермаковской богадельни, 1875 г., арх. П. И. Иванов, 1899 г., арх. П. М. Самарин.
- 181 — Ансамбль Коронационного убежища и Дома призрения И. Д. Баева, 1900-е гг.
- 182 — Универмаг, 1926 г., арх. Б. М. Великовский.
- 183 — Храм Спаса Преображения в Богородском, 1877(?)–1800 гг., 1890-е гг., арх. Н. А. Ипатьев, Ф. П. Скоморошенко.
- 184 — Главный корпус Московского товарищества резиновой мануфактуры.
- 185 — Алексеевский женский монастырь в Красном селе, XIX в., 1930-е гг.
- 186 — Церковь Всех Святых, 1887–1891 гг.
- 187 — Сокольническая больница, 1899–1903 гг., арх. А. И. Рооп.
- 188 — Усадьба П. В. Цигель в Сокольниках, 1915–1917 гг., 1930-е гг., арх. С. Я. Айзикович.
- 189 — Дача М. П. Хлебниковой, кон. XIX в.
- 190 — Здание, в котором в 1941 г. был сформирован 20-й гвардейский Будапештский стрелковый полк.
- 191 — Центральные Сокольнические ремонтные мастерские, нач. XX в.
- 192 — Жилой дом, 1930 г., арх. А. Потапов, Т. Ларионов.



- 193 — Жилой дом, 1930 г., арх. А. Потапов, Т. Ларионов.
- 194 — Ансамбль жилых домов «Матросская тишина», 1927 г., арх. М. И. Мотылев.
- 195 — Жилой дом, 1929 г., арх. Г. Вульфзон.
- 196 — Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы при саперном батальоне, 1906 г.
- 197 — Преображенская психиатрическая больница (Московский доллгуаз), 1804–1809 гг., арх. И. А. Селехов.
- 198 — Комплекс зданий и сооружений станции «Ростокино», 1905–1906 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша, А. Д. Проскуряков. Пассажирское здание вокзала.
- 199 — На этом месте в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. формировались дивизии «Катюш».
- 200 — Приют им. Ф. П. Гааза для малолетних призреваемых, 1913 г., арх. А. Ф. Мейснер.
- 201 — Госпиталь (бывшая дача), XIX–XX вв.
- 202 — 7-й центральный военный клинический авиационный госпиталь, 1920–1930 гг.
- 203 — Дача М. А. Сиротининой, кон. XIX — нач. XX в.
- 204 — Флигель усадьбы «Покровское», XVIII в.
- 205 — Детская больница Св. Владимира, 1876 г., 1880-е гг., арх. Р. А. Гедике, Н. А. Тютюнов.
- 206 — Трамвайное депо им. Русакова.
- 207 — Театр «Тиволи», кон. XIX–нач. XX вв., 1926 г., 1970-е гг. Здесь в 1920 г. выступал В. И. Ленин.
- 208 — Дом экспедиции «Калининского медо-пивоваренного товарищества», деревянный, с резьбой, на каменном основании, 1885–1891 гг.
- 209 — Сокольнический частный (полицейский) дом, 1880-е гг., арх. М. К. Геппенер.
- 210 — Наземный вестибюль станции «Сокольники».
- 211 — Клуб фабрики «Буревестник», 1927–1929 гг., арх. К. С. Мельников.
- 212 — Особняк И. Л. Динга, 1903 г., арх. А. М. Калмыков. Главный дом.
- 213 — Училище в Сокольниках, 1902 г.
- 214 — Церковь Воскресения Словущего у Сокольнической заставы, 1909 г., арх. А. П. Толстых, с домом причта.
- 215 — Хозяйственная постройка, 1910 г.
- 216 — Дом причта храма Воскресения Словущего у Сокольнической заставы, 1911 г., арх. Л. И. Лазовский, П. А. Толстых.
- 217 — Богдельня братьев Боевых, 1890-е гг.
- 218 — Здание, нач. XX в.
- 219 — Двухэтажный корпус (надстроен), XVIII–XIX вв.
- 220 — Екатерининская (Матросская) богдельня, XVIII–XIX вв.
- 221 — Дом культуры им. Русакова, 1927–1929 гг., арх. К. С. Мельников.
- 222 — Больница для хронических больных им. братьев Бахрушиных, 1884–1887 гг., 1890–1892 гг., арх. Б. В. Фрейденберг; 1908 г., арх. А. И. Иванов-Шиц, В. В. Лебедев.
- 223 — Жилой дом, 1927 г., арх. А. Волков.
- 224 — Дача И. Я. Тестова, кон. XIX — нач. XX в.: главный дом, флигель, крытый переход.
- 225 — Ансамбль деревянных домов, нач. XX в.
- 226 — Корпус туберкулезного института 1930–1932 гг., арх. Р. Я. Хигер.
- 227 — Жилые дома, 1910–1930 гг.
- 228 — Ансамбль зданий в парке Сокольники, кон. XIX–нач. XX вв.
- 229 — Усадьба, 1915–1917 гг., 1930-е гг., арх. С. Я. Айзикович.
- 230 — Квартал, 1939 г.
- 231 — Кирпичный 3-этажный дом, 1861 г., надстроенный двумя этажами и получивший фасад в стиле позднего сталинского ампира.
- 232 — Жилой дом, 1945–1955 гг.
- 233 — Городская усадьба Г. К. Горбунова, 1905–1911 гг., арх. О. Пиотровский, Ю. Ф. Дитерихс. Здесь в 1904–1917 гг. размещалась типография Г. К. Горбунова.
- 234 — Введенский народный дом — Клуб электролампового завода, 1904 г., 1940-е гг., арх. И. А. Иванов-Шиц, Б. В. Ефимович.
- 235 — Жилой дом, 1900 г.
- 236 — Школа, 1920–1930 гг.
- 237 — Дом купца Бавыкина, 1840-е гг., 2-я пол. XX в.
- 238 — Дом купца Хлебникова, XIX в., (перестроен во 2-й пол. XX в.).
- 239 — Жилой дом с залом кинотеатра «Орион», 1913 г., арх. К. А. Дулин (перестроен во 2-й пол. XX в.).
- 240 — Жилой дом, 2-я пол. XX в. (в основе — флигель усадьбы купца Бавыкина).
- 241 — Ансамбль памятников Преображенской старообрядческой общины, XIX — нач. XX в., арх. Л. Н. Кекушев.
- 242 — Жилой поселок Преображенский, 1928–1929 гг., арх. И. С. Николаев, М. М. Русанова.
- 243 — Собор, 1811 г.
- 244 — Палаты, 1805 г., перв. четв. XIX — нач. XX в., арх. Ф. К. Соколов.
- 245 — Больничная палата, арх. М. Ф. Казаков.
- 246 — Первая женская палата, арх. М. Ф. Казаков.
- 247 — Сторожка, XIX в.
- 248 — Ансамбль Никольского Единоверческого монастыря, XVIII–XIX вв.
- 249 — Главный дом городской усадьбы (Носова), 1870-е гг., 1883 г., арх. П. Щеголев, 1910-е гг., арх. А. Агеенко, И. В. Жолтовский с участием Л. Н. Кекушева.
- 250 — Жилой дом, XIX в.
- 251 — Городская усадьба (Носова), XIX в.
- 252 — Здание суконной фабрики купца Ковылина, 1790-е гг. (в основе палаты 1-й пол. XVIII в.).
- 253 — Жилой дом, 1912–1917 гг.
- 254 — Жилой дом — административное здание, 1911–1912 гг., арх. А. Н. Марков, 1990-е гг.
- 255 — Конторское здание фабрики купца Тихомирова, сер. XIX в.
- 256 — Жилой дом (перестроен), кон. XVIII в., 1860 г.
- 257 — Доходный дом В. С. Лерх.
- 258 — Жилой дом, кон. XIX в.
- 259 — Церковь Ильи Пророка, 1690 г.
- 260 — Дом причта церкви Ильи Пророка, XIX в.
- 261 — Загородная резиденция московских ми-



- трополитов (Митрополичья дача).
- 262 — Жилой дом, 1899–1900 гг., арх. В. Н. Елагин, 2000-е гг.
- 263 — Производственный корпус кондитерской фабрики Л. Ф. Тиде, 1894–1907-е гг., 1940–1950-е гг., 2000-е гг.
- 264 — Административное здание, 1900–1920 г.
- 265 — Здание, 1930 г.
- 266 — Ансамбль фабрики товарищества «Проводник», 1916 г., арх. Г. П. Евланов.
- 267 — Особняк Носова на Введенской пл., 1903 г., арх. Л. Н. Кекушев.
- 268 — Товарищество Шелковой мануфактуры Мусси, кон. XIX — нач. XX в., инж.-арх. В. Залесский, инж. И. И. Кондаков («Шелковый комбинат им. П. П. Щербакова»).
- 269 — Объект исторической среды.
- 270 — Жилой дом, 1-я пол. XIX в.
- 271 — Преображенская психиатрическая больница (Котовская часть), 1904 г., 1912–1914 гг., арх. И. П. Машков.
- 272, 273 — Производственный корпус кондитерской фабрики В. Ф. Тиде, 1886 г., 1907 г., арх. В. Ф. Жигардлович, 1940–1950-х гг., 2000-е гг.
- 274 — Электрозавод МЭЛЗ.
- 275 — Кинотеатр «Янтарь».
- 276 — Черкизовские пруды.
- 277 — Храм свв. прп. Зосимы и Савватия в Гольяново, XIX в., техник архитектуры В. Ф. Баранов.
- 278 — Универмаг «Первомайский». 1967–1969 гг.
- 279 — Спорткомплекс «Трудовые резервы».
- 280 — Кинотеатр «София», построен по проекту М. Н. Мошинского.
- 281 — Спорткомплекс «Трудовые резервы».
- 282 — Сиреневый сад.
- 283 — Измайлово. 1-й, 2-й кварталы Измайлово. Комплекс 3- и 4-этажных зданий за электродепо.
- 284 — Сталинская послевоенная малоэтажная жилая застройка. Дом, построенный для рабочих электролампового завода (1951 г.).
- 285 — Дача-мастерская, в которой в 1920–1952 гг. жил и работал скульптор С. Д. Меркуров (достопримечательное место).
- 286 — Клуб, 1952 г.
- 287 — Рождественская церковь, 1676 г. Колокольня, I-я пол. XVIII в.
- 288 — Измайловское депо, 1932 г.
- 289 — Станция метрополитена «Измайловский парк», 1944 г.
- 290 — Палаты, 1681 г. Фонтан, XIX в. Царская усадьба Измайлово, XVII в, стр. М. Иванов, И. Кузнечик, Т. Макаров, К. Мымрин, А. Фомин, Я. Янов и др.
- 291 — Творческие мастерские Союза художников, 1950-е гг.
- 292 — Комплекс конноспортивной школы в Измайлово.
- 293 — Ансамбль жилых домов, нач. 1950-х гг.
- 294 — Измайловская (Николаевская) военная богадельня, 1835 г., арх. К. А. Тон.
- 295 — Ансамбль жилой застройки с бульваром.
- 296 — Ансамбль жилой застройки с бульваром.
- 297 — Гостиничный комплекс «Измайлово», 1974–1980 гг., арх. Д. И. Бурдин, В. А. Климов, Е. В. Путятин, Ю. К. Матясов, А. С. Солдатов, В. М. Музыченко.
- 298 — Сталинский 5-этажный дом, 1953 г.
- 299 — Измайловский совхоз декоративного садоводства.
- 300 — Здание начала XX века.
- 301 — Семеновский слободской дом, XVIII–XIX вв.
- 302 — Церковь Воскресения Христова на бывшем Семеновском кладбище, 1855 г.
- 303 — Дом, XIX в.
- 304 — Поликлиника, кон. 1920-х — нач. 1930-х гг.
- 305 — Дом, в котором жил и работал один из основоположников советского ракетостроения Ф. А. Цандер.
- 306 — Комплекс зданий и сооружений станции «Лефортово», 1903–1908 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша, А. Д. Проскуряков.
- 307 — Наземный вход в метро «Электrozаводская».
- 308 — Универмаг «Перовский», 1960–1970 гг.
- 309 — Кинотеатр «Родина», 1937–1938 гг., 1973 г., арх. В. П. Калмыков.
- 310 — Жилой дом, 1790–1800-е гг.
- 311 — Дом культуры им. В. И. Ленина Московско-Рязанской ж/д, 1928–1930 гг., арх. Г. П. Гольц.
- 312 — Бывшее веерное паровозное депо с поворотным кругом, 1909 г.
- 313 — Фабрика-кухня, 1929–1930 гг., арх. Б. Виленский.
- 314 — Фабрика Бонакера и завод Пэлке, нач. XX в.
- 315 — Рабочий дворец им. В. М. Загорского В. М., на открытии которого 1 мая 1920 г. выступал В. И. Ленин, нач. XIX в.
- 316 Фабрика Бонакера и завод Пэлке, нач. XX в.
- 317 — Ткацкая фабрика купцов Ивановых общества «Рихард Симон и К», сер. XIX в., кон. XIX в., 1912–1914 гг.
- 318 — Промышленное сооружение в неорусском стиле.
- 319 — Авторемонтный завод.
- 320 — Здание Главного вычислительного центра ЦСУ СССР, арх. Л. Павлов.
- 321 — Испытательный цех №6.
- 322 — Первый военный госпиталь. Основан Петром I, строительство начато в 1706 г. Главный корпус, расширен и закончен в 1797–1802 гг., арх. И. В. Егоров. Пристройка со стороны плаца, 1820 г., арх. С. Мельников.
- 323 — Храм свт. Николая Чудотворца в Покровском, 2-я пол. XVIII — XIX в., арх. П. П. Зыков, А. А. Назаров.
- 324 — Жилой дом, 1790–1800-е гг.
- 325 — Ансамбль Покровской мещанской богадельни, XIX в.
- 326 — Церковь Покрова в Рубцове, 1619–1627 гг.
- 327 — Жилой дом, XIX в.
- 328 — Ансамбль «Буденовский поселок» (фрагмент планировки и застройки Москвы 1920–1930-х гг.), 1926–1927 гг., 1929–1930 гг., 1970-е гг.
- 329 — Жилые дома, 1929–1930 гг., 1970-е гг.
- 330 — Дом купца Шурова, 1798 г., 1891 г.
- 331 — Храм св. вмц. Ирины (Троицы Живоначальной) в Покровском, 1790–1800 гг.,



- 1820–1830-е гг., 1888–1891 гг., кон. 1930-х гг., архитектор П.П.Зыков.
- 332 — Комплекс общежитий Московского строительного института, 1933 г.
- 333 — Первый военный госпиталь. Основан Петром I и начат строительством в 1706 г. Главный корпус расширен и закончен в 1797–1802 гг., арх. И.В.Егоров.
- 334 — Дом Шаховской, начало XIX в., арх. О.И.Бове. Интерьеры с живописью plafонов начала XIX в.
- 335 — Храм Воскресения Слоущего, 1902–1903 гг., архитектор И.И.Поздеев.
- 336 — Студенческое общежитие, 1920–1930-е гг.
- 337 — Студенческое общежитие, 1920–1930-е гг.
- 338 — Жилой дом, 1900 г., арх. И.П.Машков.
- 339 — Жилой дом, XIX в.
- 340 — Комплекс складов и гаражей Снабгрэса, 1934 г., арх. В.Н.Никольский.
- 341 — Административно-конторский корпус Всероссийского энергетического института, 1927–1929 гг., арх. Л.Н.Мейльман, В.Я.Мовчан, Г.Я.Мовчан.
- 342 — Лефортовские казармы, служебные корпуса Екатерининского дворца, 1831 г.
- 344 — Жилой дом, 1930 г., арх. Н.Молоков.
- 345 — Гараж для Госплана, 1936 г., арх. К.С.Мельников.
- 346 — Комплекс зданий и сооружений станции «Андроновка», 1903–1908 гг., арх. А.Н.Померанцев, инж. А.Д.Проскураков, С.Карейша. Пассажирское здание.
- 347 — Жилой дом, 1903–1908 гг., арх. А.Н.Померанцев.
- 348 — Церковь Петра и Павла в Солдатской слободе, кон. XVII — нач. XVIII в.
- 349 — Студенческое общежитие МВТУ в бывшей Анненгофской роще, 1930 г.
- 350 — Ансамбль жилых домов, 1930–1950 гг.
- 351 — Всехсвятский женский монастырь, XIX в., арх. Н.А.Ипатьев.
- 352 — Жилые дома, 1950–1960 гг.
- 353 — Комплекс студенческих общежитий в Аненгофской роще.
- 354 — Ансамбль жилых домов, 1930–1950 гг.
- 355 — Сталинская послевоенная малоэтажная жилая застройка. Остатки Немецкого городка в Перово, 1945–1946 гг.
- 356 — Жилой дом, 1948 г.
- 357 — Здание стоматологической поликлиники.
- 358 — Жилой дом, сер. 1950-х гг.
- 359 — Жилой дом, сер. 1950-х гг.
- 360 — Ансамбль жилой застройки, сер. 1950-х гг.
- 361 — Усадьба «Перово».
- 362 — Жилой дом, сер. 1950-х гг.
- 363 — Дом культуры московского Локомотиворемонтного завода, 1927–1928 гг.
- 364 — Клуб завода «Компрессор», 1920 г.
- 365 — Бани, 1920 г.
- 366 — Кинотеатр «Слава», 1952–1957 гг., типовой двухзальный кинотеатр, арх. И.В.Жолтовский при участии В.Воскресенского и Н.Сукояна.
- 367 — Кинотеатр «Владивосток».
- 368 — Музей наивного искусства—западный модерн нач. XX в.
- 369 — Усадьба Терлецких, кон. XVIII—XIX вв.
- 370 — Дом-дача актера-режиссера А.Д.Дикого, в котором он жил в 1916–1955 гг., 1890 г., арх. В.Г.Ульянинский.
- 371 — Никольская Единоверческая церковь, 2-я пол. XVIII в., 1863 г.
- 372 — Ансамбль Рогожской старообрядческой общины, XIX в.
- 373 — Церковь Знамения, 1784 г., XIX в.
- 374 — Государственный музей керамики и усадьба «Кусково», XVIII в.
- 375 — Здание клуба, 1952 г.
- 376 — Жилой дом с парикмахерской, промтоварным и продуктовым магазинами, кон. 1930-х гг., 1950–1952 гг.
- 377 — Жилой дом, 1950–1952 гг.
- 378 — Жилой дом с приемным пунктом прачечной, 1950–1952 гг.
- 379 — Жилой дом с аптекой, 1950–1952 гг.
- 380 — Жилой дом, 1952–1955 гг.
- 381 — Служебное здание Окружной железной дороги (36 км) у пересечения с Курской дорогой, 1900–1910 гг.
- 382 — Жилой дом, 1950–1952 гг.
- 383 — Жилой дом, 1950–1952 гг.
- 384 — Жилой дом, 1950–1952 гг.
- 385 — Жилой дом с магазинами, поликлиникой и детским садом, 1953–1955 гг.
- 386 — Жилой дом, 1953–1955 гг.
- 387 — Школа, 1950–1954 гг.
- 388 — Котельная, 1953–1955 гг.
- 389 — Жилой дом с магазином, библиотекой, ателье и детскими яслями, 1953–1955 гг.
- 390 — Жилой дом, 1950–1952 гг.
- 391 — Котельная, 1950–1952 гг.
- 392 — Жилой дом, 1950–1954 гг.
- 393 — Жилой дом, 1950–1952 гг.
- 394 — Жилой дом, 1950–1952 гг.
- 395 — Детский сад на 125 мест, 1950–1952 гг.
- 396 — Жилой дом, 1952–1954 гг.
- 397 — Жилой дом, 1947–1953 гг.
- 398 — Административное здание, 1947–1953 гг.
- 399 — Здание ветеринарной академии им. К.И.Скрябина, 1956 г. Здесь в 1950-х гг. работали ученые С.Н.Вышелесский, М.Ф.Иванов, М.П.Тушов.
- 400 — Ансамбль ветеринарной академии им. К.И.Скрябина, 1950-е гг.
- 401 — Ансамбль жилой послевоенной малоэтажной застройки района Текстильщики, 1947–1953 гг.
- 402 — Ансамбль подмосковной усадьбы «Кузьминки», кон. XVIII — нач. XX в.
- 403 — Жилой дом, 1950–1954 гг.
- 404 — Усадьба Дурасовых, XVIII—XIX в., кон. XVIII — нач. XIX в.
- 405 — Люблинское кладбище.
- 406 — Ансамбль подмосковной усадьбы «Люблино», кон. XVIII — нач. XIX в., арх. И.В.Егоров.
- 407,408 — Ансамбль жилых домов, 1950-е гг.
- 409 — Жилой дом, 1952–1954 гг.
- 410 — Комплекс зданий и сооружений станции «Угрешская», 1903–1908 гг., арх. А.Н.По-



- меранцев, инж. С. Карейша, П. Рашевский, А. Д. Проскуряков. Приемный покой.
- 411 — Жилой дом, 1950-е гг.
- 412 — Комплекс зданий Николо-Перервинского монастыря, XVIII—XIX вв.
- 413 — Перервинский гидроузел.
- 414 — Закрытый поселок Перервинского гидроузла.
- 415 — Поселок малоэтажной застройки Курьяново.
- 416 — Промышленный комплекс, кон. XIX — нач. XX в. Четыре корпуса, водонапорная башня.
- 417 — Кинотеатр «Экран».
- 418 — Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Капотне, 1860–1870-е гг.
- 419 — Коттеджный поселок социального жилья для многодетных семей с пятью и более детьми.
- 420 — Ансамбль марьинской застройки вокруг марьинских прудов.
- 421 — ОАО «Газпромнефть—Московский НПЗ».
- 422 — Государственный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Коломенское».
- 423 — Дьяково.
- 424 — Дом, 1961 г.
- 425 — ДШИ им. Рихтера, арх. Г. С. Тер-Сааков, Н. Г. Анисифоров.
- 426 — Жилой дом, 1960 г.
- 427 — Жилой дом, 1959 г.
- 428 — Жилой дом, 1961 г.
- 429 — Жилой дом, 1960 г.
- 430 — МИФИ, ансамбль зданий, 1950–1962 гг.
- 431 — Никольская церковь, 1693 г.
- 432 — Каскад Борисовских прудов.
- 433 — Ансамбль усадьбы Царицыно, XVIII в.
- 434 — Деревня Царицыно, 1860 г.
- 435 — Кинотеатр «Авангард».
- 436 — Аптека, 1973 г., арх. А. Ларин, Е. Асс.
- 437 — Дом конструктора стрелкового оружия С. Г. Симонова, который жил и работал в нем в 1950–1986 гг., 1950-е гг.
- 438 — Железнодорожная станция «Царицыно-Дачное» Московско-Курской железной дороги, 1908 г., арх. В. К. Филиппов.
- 439 — Кинотеатр «Эльбрус».
- 440 — Сталинская трехэтажка.
- 441 — Библиотека Льва Толстого №146 (фонды открыты в 1908 г.), арх. Розенфельд.
- 442 — Кожуховский мост Малого кольца Московской железной дороги.
- 443 — Ансамбль жилых домов, кон. 1940-х гг.
- 444 — Бани-бассейн Рогожского-Симоновского района, 1930 г., арх. В. Панин.
- 445 — Контора первого в России автомобильного завода АМО (основан в 1916 г.), 1918–1921 гг.
- 446 — ЗИЛ.
- 447 — Сады и ансамбль Психиатрической больницы им. Н. А. Алексеева 1890 г., арх. Л. О. Васильев.
- 448 — Комплекс зданий и сооружений станции «Канатчиково», 1903–1908 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша, А. Д. Проскуряков. Сторожевой дом.
- 449 — Жилой дом в Даниловской слободе, XIX в.
- 450 — Жилой дом, 1890 г.
- 451 — Промышленный ансамбль «Даниловская мануфактура».
- 452 — Жилой дом, 1950-е гг.
- 453 — Усадьба Меншиковых, XVIII—XIX вв.
- 454 — Жилые коттеджи, 1940-е гг.
- 455 — Площадь Академика Вишневого.
- 456 — Учебный аэродром (фрагмент) в Чертаново.
- 457 — НИЦЭВТ, 1970 г.
- 458 — Церковь Бориса и Глеба, 1694 г.
- 459 — Усадьба Прозоровских-Бекетовых «Зюзино».
- 460 — Кинотеатр «Одесса».
- 461 — Водонапорная башня станции Бирюлево-Товарное, нач. XX в.
- 462 — Остатки паровозного депо станции Бирюлево-Товарное, нач. XX в.
- 463 — Храм Святителя Николая Мирликийского в Бирюлево.
- 464 — Жилые дома в форме трех цветков.
- 465 — Центр технического обслуживания автомобилей «Жигули», 1968 г., арх., Л. Н. Павлов.
- 466 — Роспись с рельефом на стенах кафе станции технического обслуживания автомобилей «Жигули», 1975 г., худ. И. И. Лаврова, И. В. Пчельников.
- 467 — Автотехцентр 1978 г., арх. Л. Павлов, Л. Гончар.
- 468 — Усадьба Ясенево, XVIII в.
- 469 — Усадьба «Узкое» (Стрешневых-Голицыных), XVII–XIX вв.
- 470 — Кинотеатр «Ханой».
- 471 — Усадьба «Ясенево», XVIII–XIX вв.
- 472 — Палеонтологический музей, 1978 г., арх. Ю. Платонов.
- 473 — ДК «Новатор», 1952 г.
- 474 — Комплекс зданий и сооружений станции «Канатчиково», 1903–1908 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша, А. Д. Проскуряков. Жилой дом.
- 475 — «Гидронавты», витраж вестибюля Института океанологии АН СССР, 1977 г., худ. Л. Г. Полищук, С. И. Шербинина. Литое стекло.
- 476 — Автобаза РАН, 1930-е гг.
- 477 — 9-й квартал района Новые Черемушки, 1956–1958 гг., архитекторы Н. А. Остерман, С. Лященко, Г. Павлов и др.
- 478 — Дом нового быта (Дом аспиранта и стажера МГУ), 1965–1971 гг., арх. Н. А. Остерман, А. В. Петрушкова.
- 479 — Рельеф-эмблема на фасаде Центрального экономико-математического института, 1975 г., худ. В. К. Васильцев, Э. А. Жаренова. Бетон, мозаика.
- 480 — Кинотеатр «Тбилиси».
- 481 — Центральный экономико-математический институт. арх. Л. Павлов, Г. Дембовская, И. Ядров, 1975–1977 гг.
- 482 — Институт информации Академии наук СССР (ИНИОН), 1978 г., арх. Я. Б. Белопольский.
- 483 — Усадьба Коньково-Сергиевская, XVII–XIX вв.
- 484 — ИПУ РАН, до 1974 г., арх. Д. А. Метаньев, Е. И. Фомина.



- 485 — Пруды (Коньково).
- 486 — Здание, 1947–1950 гг.
- 487 — Усадьба «Богородское» («Воронино»).
- 488 — Кинотеатр «Казахстан» (1971 г.), ныне Киноклуб «Эльдар».
- 489 — Административно-жилой комплекс «Парк Плейс», 1989–1992 гг., арх. Я. Белопольский, Н. Лютомский, Ю. Эроумер.
- 490 — Клиническая детская больница.
- 491 — Усадьба Воронцова, XVIII–XIX вв.
- 492 — Мозаичное панно на фасаде библиотечного корпуса 2-го Медицинского института (2-го МОЛГМИ) «Исцеление человека», 1975 г., худ. Полищук, Л. Г., Щербин.
- 493 — Консульство Германии и Гете-институт, бывшее посольство ГДР.
- 494 — Жилой дом, 1961 г., дом Совмина.
- 495 — Жилой дом, 1959 г., арх. Е. Н. Стамо, ранее здесь находилась дирекция «Русского лото».
- 496 — Универмаг «Москва», 1959–1962 гг.
- 497 — Научно-исследовательский институт удобрений и инсектофунгицидов им. Я. В. Самойлова, 1939 г.
- 498 — Институт кристаллографии им. А. В. Шубникова РАН.
- 499 — Усадьба Дмитриева-Мамонова.
- 500 — Жилой дом. Здесь жил геолог М. И. Агошков.
- 501 — Дворец пионеров и школьников им. 40-летия Всесоюзной пионерской организации, 1962 г., архитекторы В. С. Егерев, В. С. Кубасов, Ф. А. Новиков, Б. В. Палу.
- 502 — «Мальчиш-кибальчиш». Скульптура, 1972 г., скульп. В. К. Фролов, арх. В. С. Кубасов, кованная медь, гранит.
- 503 — Институт физических проблем Академии наук СССР, 1934–1949 гг., 1950-е гг., архитекторы П. Николаев, Б. М. Иофан, Е. Н. Стамо при участии Г. А. Асеева.
- 504 — Здание лаборатории взрывов и горения Института химической физики им. Н. Н. Семенова, 1949 г., арх. П. И. Сидоров.
- 505 — Оранжерея, 1833 г. Дворец, 1756–1761 гг., арх. С. И. Чевакинский, И. Жеребцов, Д. И. Жиллярди.
- 506 — Жилой дом сотрудников Института химической физики им. Н. Н. Семенова, 1940-е гг., арх. П. И. Сидоров.
- 507 — Парк и ограда Института металлургии, 1946–1951 гг., арх. А. В. Щусев.
- 508 — Объект историко-градостроительной среды.
- 509 — Сквер, 1947–1950 гг., арх. А. В. Щусев, И. В. Жолтовский и др.
- 510 — Ансамбль зданий Института металлургии, 1946–1951 гг., арх. А. В. Щусев, А. В. Снягинев, Н. М. Морозов, Б. М. Тарелин.
- 511 — Здание ВЦСПС, 1936 г., арх. А. В. Власов.
- 512 — Физический институт им. П. И. Лебедева, 1946–1951 гг., арх. А. В. Щусев, А. В. Снягарев, Н. М. Морозов, Б. М. Тарелин.
- 513 — Дом, в котором в квартире №35 жил и работал Ю. Н. Рерих.
- 514 — Настенные росписи в холле Института нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина, 1976 г., худ. О. П. Филатчев.
- 515 — Институт органической химии им. Н. Д. Зелинского. Главное здание, 1946–1951 гг., арх. А. В. Щусев, А. В. Снегарев, Н. М. Морозов, Б. М. Тарелин.
- 516 — Ограда, 1946–1951 гг.
- 517 — Институт генетики АН СССР (НИИ по удобрениям и инсектофунгицидам им. Я. В. Самойлова РАН), 1936–1939 гг., арх. А. В. Щусев.
- 518 — Жилой дом для преподавателей МГУ, 1953 г., арх. Я. Б. Белопольский, Е. Н. Стамо, инж. Г. Н. Львов.
- 519 — Здание, 1963 г.
- 520 — Ансамбль Горного института РАН, 1951 г., 1956 г., 1961 г., арх. И. В. Жолтовский, соавторы: арх. К. И. Соломонов, П. Н. Швердяев, Ш. А. Айрапетов.
- 521 — Корпус Богадельни, начало XIX в.
- 522 — Ансамбль зданий Института химической физики АН СССР, 1947–1950-е гг., арх. Б. С. Мезенцев, И. В. Жолтовский, С. Н. Гринев, П. И. Доморацкий, А. М. Горбачев, 1960-е гг.
- 523 — Ансамбль жилой застройки, 1952–1954 гг., арх. Д. И. Бурдин.
- 524 — Здание президиума РАН, с кон. 1960-х до нач. 1990-х гг. Арх. А. А. Батыевой, Л. А. Барщ.
- 525 — Детский музыкальный театр, 1979 г., арх. А. Великанов.
- 526 — Большой московский государственный цирк, 1969 г., арх. Я. Б. Белопольский.
- 527 — «Гостеприимная Россия», мозаичное панно в фойе Концертного зала Олимпийской деревни, 1980 г., худ. Б. А. Тальберг. Смальта.
- 528 — Мозаичное панно «Культура, искусство, театр» в фойе Большого зала Концертного комплекса, 1980 г., худ. В. К. Замков.
- 529 — Церковь Михаила Архангела, 1693 г.
- 530 — Олимпийская деревня.
- 531 — Жилой дом, 1950-е гг.
- 532 — Дом, 1950-е гг., с мемориальной доской в честь И. С. Соколова-Микитова.
- 533 — Олимпийский почтамт.
- 534 — Ансамбль пятиэтажек с прудом.
- 535 — Парк 50-летия Октября.
- 536 — Большая спортивная арена, 1956 г., арх. А. В. Власов, И. Е. Рожин, А. Ф. Хряков, Н. Н. Уллас, инж. В. Н. Насонов, Н. М. Резников, В. П. Поликарпов.
- 537 — Хамовники.
- 538 — Комплекс зданий Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1949–1953 гг., арх. Л. В. Руднев, С. Е. Чернышев, П. В. Абросимов.
- 539 — Церковь Троицы в Воробьеве, 1811 г.
- 540 — Городская усадьба, XVIII–XIX вв.
- 541 — Комплекс зданий и сооружений киностудии «Мосфильм», 1920–1950-е гг.
- 542 — Троицкая церковь, 1644 г.
- 543 — Комплекс зданий и сооружений киностудии «Мосфильм», 1920–1950-е гг.
- 546 — Дом, в котором останавливался Ленин.
- 547 — Никольская церковь, 1706 г.
- 547 — Загородная усадьба кн. Троекурова на Сетуни, XVIII–XIX вв.
- 548 — Два западных флигеля, XIX в.
- 549 — Круглый жилой дом №2.
- 550 — Кинотеатр «Планета».
- 551 — Жилой дом, 1950-е гг.
- 552 — Часовня Архистратига Божия Михаила

- при Кутузовской избе (в 1910–1920-х гг. — музей Отечественной войны 1812 года), 1910–1912 гг.
- 553 — Фабрика-кухня, 1920-е гг.
- 554 — Музей-панорама «Бородинская битва», 1961–1962 гг., архитекторы А. Р. Корабельников, А. А. Кузьмин, С. И. Кучанов, инженер-конструктор Ю. Е. Аврутин.
- 555 — Комплекс зданий и сооружений станции «Кутузово», 1903–1908 гг., арх. А. Н. Померанцев, инж. С. Карейша, Л. Д. Проскуряков.
- 556 — Площадь Победы.
- 557 — Парк Победы.
- 558 — Станция «Кунцево-1», 1912 г.
- 559 — Церковь Знамения в Кунцево, 1900-е гг., арх. С. У. Соловьев.
- 560 — Пристройка церкви, 1930-е гг.
- 561 — Дача в Кунцево, нач. XX в.
- 562 — Фундаменты деревянного храма прп. Серафима Саровского, 1907–1909 гг., арх. В. Ф. Жигардлович.
- 563 — Комплекс Серафимовской женской обители, нач. XX в.
- 564 — Звонница-часовня со сторожкой и пилоном ворот, 1915–1928 гг., арх. В. Ф. Жигардлович.
- 565 — Могила, в которой похоронен А. Н. Брандыс (1923–1988), дважды Герой Советского Союза.
- 566 — Церковь Спаса на Сетуни, 1676 г.
- 567 — Двухэтажный дом. Парк (дубовая роща). Усадьба Сетунь.
- 568 — Здания Ткацкой фабрики им. Петра Алексеева, 1838 г.
- 569 — Дача булочника Дмитрия Филиппова, 1890 г., арх. М. Арсеньев.
- 570 Застройка, 1930-х гг., и клуб «Заветы Ильича», 1928 г.
- 571 — Деревянные дома, кон. 1920-х гг.
- 572 — Ансамбль жилых домов 11-го квартала района «Кунцево», 1950-е гг.
- 573 — Кинотеатр «Кунцево».
- 574 — Вокзал станции Фили.
- 575 — Загородная усадьба, XVIII в.
- 576 — Церковь Покрова в Филях, 1693–1694 гг.
- 577 — Фабрика-кухня в Филях, 1931 г.
- 578 — Клуб им. С. П. Горбунова в Филях, 1931–1938 гг., архитектор Я. А. Корнфельд.
- 579 — Церковь в селе Крылатском, XVIII в.
- 580 — Трибуна гребного канала, 1973 г., арх. В. И. Кузьмин, В. Д. Колесник.
- 581 — Олимпийский велотрек, 1980 г., арх. Н. Воронова, А. Ослепников.
- 582 — Церковь Троицы, 1693 г.
- 583 — Ансамбль конного двора Хорошевской конюшенной слободы, XVIII в., арх. Е. Ключарев, XIX в.
- 584 — Хозяйственная постройка.
- 585 — Здания и сооружения Казарм гусарского полка, 1930–1850-е гг., арх. Е. Д. Тюрин, нач. 1920-х гг.
- 586 — Живописный мост.
- 587 — Ансамбль конного двора Хорошевской конюшенной слободы, XVIII в.
- 588 — Карамышевский гидроузел, 1932–1938 гг., арх. А. М. Рухлядев.
- 589 — Кинотеатр «Патриот».
- 590 — Поселок Терехово.
- 591 — Бывшая пристань. Серебряный бор.
- 592 — Жилые и административные здания, 1950 г., арх. А. В. Щусев.
- 593 — Дом, 1953 г.
- 594 — Жилые дома на Октябрьском поле, кон. 1940-х гг., арх. Д. Н. Чечулин, М. Г. Куповский.
- 595 — Ансамбль «Академгородок лаборатории №2 АН СССР», 1945–1949 гг., арх. И. В. Жолтовский, Л. Б. Карлик.
- 596 — Жилые дома, 1957 г.
- 597 — Храм иконы Божией Матери «Скоропослушница» на Ходынском поле, 1901–1902 гг.
- 598 — Жилые дома «на Октябрьском поле», кон. 1940-х гг., арх. Д. Н. Чечулин, М. Г. Куповский.
- 599 — Жилой дом, 1937 г. Первый кооперативный дом в Москве (генштаба летчиков аэродрома в Тушино).
- 600 — Усадьба Карзинкиных, 2-я пол. XIX — нач. XX в.
- 601 — Жилые дома, 1947 г.
- 602 — Кинотеатр «Восток».
- 603 — Село Троице-Лыково. С XVI в. — дворцовое село.
- 604 — Два трехэтажных дома, 1950 г.
- 605 — Дот, 1941 г.
- 606 — Дача В. А. Носенкова, 1909 г.
- 607 — Дача В. В. Лужского «Чайка» (после 1917 г. — дом отдыха «Чайка»), 1904 г., арх. В. А. Симов, Л. А. Веснин. Здесь в 1920 г. бывал В. И. Ленин.
- 608 — Фрагменты каменной ограды. Дача В. А. Носенкова, 1909 г., арх. В. А. Симов, Л. А. Веснин.
- 609 — Дача «Грековка», 1890-е гг., арх. В. А. Симов.
- 610 — Храм Спаса Преображения в Спасском-Тушине, 2-я пол. XIX в., инж. В. О. Грудзин.
- 611 — Аэроклуб им. В. П. Чкалова на Земляном Валу, 1935 г., инж. В. М. Светличный. Клуб посещали И. В. Сталин, А. В. Косарев, М. Н. Тухачевский, В. П. Чкалов.
- 612 — Дача Зегера в Покровском-Глебове, 1898 г.
- 613 — Усадьба «Покровское» («Глебово-Стрешнево»), XVIII–XIX вв.
- 614 — Село Спас.
- 615 — Ансамбль усадьбы Братцево, XVIII–XIX вв.
- 616 — Дача в Кунцево, нач. XX в.
- 617 — Дача в Кунцево, нач. XX в.
- 618 — Кунцевское кладбище.
- 619 — Ансамбль жилых домов 11-го квартала района «Кунцево», 1950-е гг.
- 620 — Кинотеатр «Минск».
- 621 — Петровский подъездной дворец, 1775–1782 гг., арх. М. Ф. Казаков.
- 622 — Недостроенный медицинский центр.
- 623 — Онкологический центр, 1980-е гг.
- 624 — Дом культуры тушинской чулочной фабрики, 1950 г.
- 625 — Жилой дом, 1900 г.





3



14



16



24



25



30



32



44



45



47



54



55



58



64



65



67



68



69



73



75



76



84



87



89



100



106



113



116



125



126



129



130



131



137



139



140



142



146



148



156



157



172



187



191



274



282



286



292



295



294



297



299



307



318



319



321



333



341



344



345



355



362



374



399



402



412



413



414



415



420



421



423



432



433



434



436



438



441



442



446



447



450



453



457



464



467



469



470



472



473



475



476



478



482



484



485



486



491



499



502



520



525



526



529



538



539



544



549

М О С К В А

Развитие за пределами центра

За полвека территория Москвы увеличилась примерно в 10 раз. Это не естественно сложившиеся городские районы, а результат воплощения проекта — политического, социального, экономического и архитектурного. Это мир по плану, и для понимания московской периферии, нам прежде всего необходимо реконструировать этот план. В социально-политическом смысле перед нами реализованный проект создания нового советского человека. Принципиально важными здесь являются две темы. Во-первых, идея материального равенства, в рамках которой дифференциация в жизненном уровне людей воспринимается как недостаток, подлежащий исправлению. Во-вторых, логика обновления человеческого сознания, предполагающая, что человек не должен быть включен в социальные объединения, кроме тех, которые предлагает ему государство и производство. В идеале житель периферийных районов — это человек, не отягощенный традициями, который реализует свою социальную активность в рамках профессиональных или партийных объединений на производстве. Соответственно институтов формирования местных сообществ в самих периферийных районах не предполагалось. Это территории спроектированы и выстроены так, что сами по себе не порождают повестки собственного развития — оно должно приходить извне для решения внешней задачи. В экономическом смысле перед нами реализованный проект индустриальной модернизации. Спальные районы Москвы не имели смысла вне концепции индустриального города. Индустриализация фордистского типа требовала большого количества стандартной рабочей силы

(в Москве численность рабочих доходила до 5 млн. человек). Жилые районы — это место для локализации и воспроизводства рабочей силы, которую необходимо довести до места работы и обратно, расселить, накормить, обучить, вылечить и т. д. При таких масштабах задач каждая из них решается путем создания соответствующей индустрии — расселения, питания, образования — которая также требует рабочей силы. Рабочая сила нуждается в той же стандартизации, что и выпускаемый продукт, отсюда необходимость создания одинаковых условий проживания, снабжения, питания, социального и культурного обеспечения в масштабах мегаполиса. Естественные города развиваются по пути дифференциации, они производят разнообразие и различия, индустриальный город — тождество. Идеалом здесь является таблица с одинаковыми ячейками, не имеющая ни центра, ни периферии вообще.

В урбанистическом смысле перед нами реализованный проект авангардной модернизации. Дома понимаются как машины для жилья, машины выпускаются индустриально, индустриализация требует максимальной стандартизации для сокращения издержек. Качество проектного решения определяется или его функциональностью, или экономичностью, правильное решение — самое функциональное и дешевое в своем классе. Это общее свойство проекта, породившего периферию Москвы, при этом реальное наполнение периферийных районов — это наложение четырех модернизационных волн (конец 1950-х — 1960-е, хрущевская волна, ранний соцмодернизм; 1970-е — брежневская волна, развитый соцмодернизм; 1980-е — начало

1990-х, позднесоветская волна, 2000-е — снос пятиэтажек и реконструкция периферийных районов). Каждая из этих волн определяется своим уровнем развития технологий и экономики.

Три проекта модернизации — политический, экономический, урбанистический — были тесно увязаны между собой, и создали феномен устойчивого искусственного поселения. Московская периферия отличается достаточно высокими жизненными стандартами, в соответствии с проведенными нами социологическими опросами жители большинства периферийных районов позитивно оценивают свое положение, район и жилье, и, за исключением отдельных изолированных районов (Капотня и Гольяново), не ощущают своей периферийности и не стремятся в центр. При этом существенные аспекты проекта соцмодернизации оказались не нужными в современной жизни и существуют практически в археологическом состоянии. Прежде всего, то, для обслуживания чего они были созданы — промышленные зоны. Промзоны сегодня продолжают занимать 16% территории Москвы, при этом говорить об их производственной функции сложно, для владельцев они интересны как территориальный актив (91% промзон в частной собственности), там работает 5% населения столицы, при этом треть промышленности работает эффективно, треть безубыточно и треть убыточно, то есть эта функция будет сокращаться и дальше. Во-вторых, это система периферийных центров. Соцмодернистские проекты исходили из необходимости создания общественно-политических центров территорий в спальнях районах, и наше исследование позволяет выделить множество таких

центров на уровне районных планировок, однако это, по нашей терминологии, «спящие» центры — им не удастся найти функций, и они не собирают вокруг себя район.

В-третьих, это система «культурного обслуживания» микрорайонов. Если сети здравоохранения, соцобеспечения и образования закреплены законодательно и продолжают существовать, а система торговли и услуг оказалась полностью изменена в рыночных условиях, то система культурного обслуживания (библиотеки, клубы, выставочные залы, театры и кинотеатры) на периферии практически не востребована, а меры московского правительства по ее поддержанию практически выглядят как искусственное поддержание на плаву коммерческих структур, выросших на месте этих учреждений, и вероятно не имеют больших перспектив.

В-четвертых, это дифференциация в рамках различных проектов соцмодернистской периферии. Каждая из четырех волн модернизации была фиксацией нового уровня технического и социального прогресса, которого добилась страна. Однако мы не фиксируем каких либо различий между разными типами урбанистических решений ни в рыночной оценке (корреляция между картами цен на недвижимость и картами «возраста» застройки оказывается очень слабой), ни в культурной рефлексии (после первых «Черемушек», которые стали общим именем для всех спальных районов, ни один модернистский район и проект не получил в Москве зафиксированного культурной традицией имени. Общество просто не заметило всех усилий по улучшению жизни в этих районах.

Те базовые ценности, которые были заложены в соцмодернистский проект, оказались высоко востребованными (из ценностей городской структуры это прежде всего зеленые насаждения, парки — большинство опрошенных называют парк рядом главным достоинством своего жилья, при том, что эти парки есть везде). Те исключительные ценности, которые пытались внести в каждый из районов или которые там присутствовали изначально — особенности архитектурных и планировочных решений, наличие памятников архитектуры, культурных учреждений, наличие специфических производств — или нивелировались или остались не замеченными. В результате мы имеем гигантское гомогенное пространство, где районы не различаются между собой, не имеют ни собственного архитектурного, культурного и социального лица, ни даже имени. Исследование московской топонимики по соцсетям, проведенное нами в рамках настоящего исследования, выявило потрясающий факт — вся гигантская территория Москвы, на которой сидят пользователи сетей, практически не упоминается в них, не вызывает ни негативных, ни позитивных коннотаций, то есть практически отсутствует в их сознании. При попытке нарисовать ментальную карту периферии Москвы по соцсетям мы получаем белый лист — люди ничего не думают о том, где они находятся.

Как показывают социологические данные, это достаточно устойчивый социум хотя и с очень слабым социальным клеем. Наше исследование показало неожиданно малую мобильность жителей Москвы — 2/3 жителей Москвы фактически не выезжают из своих районов, не пользуются ни городов в целом, ни его центром, причем

это достаточно надежные данные, подкрепленные независимыми исследованиями Big Data и социологии. Женщины, дети, пенсионеры и значительная часть молодежи живет не в Москве, а в конкретном районе, по городу в основном перемещаются мужчины трудоспособного возраста (и мигранты). При том, что Москва считается европейским городом, образ жизни здесь какой-то патриархальный, азиатский, удивительным образом Москва, крупнейший мегаполис XXI века исхитрился воспроизвести свойства большой деревни. Главным раздражающим фактором по данным социологическим опросам оказывается появление на территории «чужих», при этом поскольку большинство населения не является коренными жителями периферийных районов, система распознавания «свой-чужой» приобретает откровенно ксенофобские черты. Чужие — люди не русского происхождения.

По предположению Алексея Левинсона, разделяемому всеми кураторами исследования, мы имеем дело с по сути советским типом жизни без советской мобилизационной экономики, которое смогло себя в определенной степени воспроизвести. Положительным свойством этого города является его большая устойчивость — люди в целом довольны своим положением, не ощущают необходимости резких перемен. Отрицательным являются слабые возможности развития.

Обеспечение существования этого социума возможно только в условиях той нефте-газовой ренты, которую Москва получает в виде налогов и перераспределяет в форме социальных выплат. Основным продуктом, который Москва производит сама,

является квадратный метр, который продается на внешнем рынке (это позволяет определить экономику Москвы как экономику плантационного типа), причем средства на покупку этого продукта также в основном берутся на нефтегазовом рынке. Москва — 30-я экономика мира, и при этом эта экономика больна «голландской болезнью» в сильной форме.

Создавшаяся структура трудно поддается изменениям. Главной ценностью для жителей остается квадратный метр московской жилплощади, эти же метры мы продаем на внешний рынок, при этом наше исследование показывает, что здесь действует механизм циклической деградации качества продукта, однако выйти из этого цикла мы не можем. Городу необходима иная экономическая модель развития, однако средства на иную политику взять некуда. Горожане мало участвуют в городской экономике, лишь 0,09% доходов бюджета Москвы составляет налог на землю, 0,004% — налог на имущество физических лиц и 5,7% — налог на имущество организаций. Однако попытки изменения этой ситуации, например, введение межевания, как показывает исследование, чреваты тяжелыми социальными последствиями.

Проблема видится еще в том, что созданная периферия чрезвычайно слабо готова взаимодействовать с внешними источниками воздействия. Исследование по политике города показывает, что горожане практически никак не реагируют на действия муниципальных властей, очень слабо представляют себе их структуру и компетенции и фактически опознают лишь первое лицо города без сколько-нибудь отчетливого понимания его программы. При этом инициативы гражданского общества,

как выясняется, достаточно многочисленные в Москве, по сути тоже не встречают никакого широкого отклика во всех вопросах городского управления кроме самых общих (типа борьбы с коррупцией и с приезжими). Любые экономические инициативы, в особенности в области девелопмента, также вызывают резко отрицательное отношение горожан. В целом они живут хорошей с их точки зрения жизнью и хотели бы, чтобы их не трогали.

Однако этого не может быть. Модернистская периферия — это городская ткань с ограниченным сроком годности. В этом ее решительное отличие от урбанистических образований предшествующего времени, где, разумеется, строения также изнашивались от времени, но их тотальный снос не предполагался — считалось, что их можно и нужно чинить неограниченное число раз. Здесь ситуация иная — вслед за сносом пятиэтажек в 2000-е гг. встанет вопрос о тотальной замене типовых домов следующих поколений, и вся рассматриваемая территория станет ареной существенных урбанистических трансформаций на протяжении ближайших тридцати лет.

Мировая практика дает нам три возможных сценария развития модернистской периферии, которые различаются в зависимости от того, кто является их наиболее активным субъектом — власть и крупный девелоперский бизнес, граждане и банковский капитал или граждане и муниципальные бюджеты.

Первый вариант дают нам азиатские страны — это возникновение жилых небоскребов, когда один дом вбирает в себя предшествующий микрорайон. Такой девелопмент характерен для Китая, Гонконга, Сингапура, он развивается

в условиях «сильной», авторитарной власти и крупного бизнеса, действующего в непосредственной связи с ним. По этому пути московская архитектура начинала двигаться в 2000-е годы (Сити, жилые комплексы «Донстроя»). Издержками такого развития является то, что возникновение такого типа города требует тотальной реконструкции всех предшествующих городских сетей — существующие транспортная, инженерная, социальная инфраструктура не справляется с увеличением нагрузки на порядок, которые возникают при строительстве таких комплексов. Попытки посадить их на существующие сети, как это практиковалось во времени Юрия Михайловича Лужкова, приводят к существенному ухудшению уровня жизни жителей соседних домов и росту социальной напряженности, а также к необходимости крупных капиталовложений в инженерные инфраструктуры за счет муниципального бюджета, осуществляемые в пользу частных девелоперов. Таким образом, этот путь может успешно реализовываться при наличии двух условий — способности сильной власти подавлять возмущение жителей и экономического подъема, дающего большие средства в бюджет.

Второй вариант демонстрируют нам англосаксонские страны. Это периферийные районы, развивающиеся по типологии «города-сада», состоящие из коттеджной застройки и застройки таунхаузами. Это классическая американская или английская субурбия, основанная на культурном институте свободного гражданина, обладающего значительными правами и высоким уровнем благосостояния и четко ограниченными законодательством правами власти. Такое развитие требует

фактической децентрализации сетей водоснабжения, канализации и электричества, поскольку централизованное управление сетями огромной протяженности, возникающими при такой субурбии, оказывается экономически абсурдно. Условиями такого развития является наличие экономически сильного среднего класса, попытки его искусственно создать для решения проблемы массового жилья приводят к экономическим катастрофам уровня ипотечного кризиса 2008 года в США, ставшего спусковым механизмом тотального экономического кризиса.

Третий вариант — реконструкция модернистского индустриального жилья с заменой инженерных систем и утеплением фасадов — демонстрируют нам европейские страны, прежде всего опыт Берлина 1990–2000-х гг., где фактически решена задача реконструкции периферии, аналогичной той, которую мы имеем в Москве (социалистическое домостроение в Восточном Берлине). Этот вариант наиболее «щадящий» в отношении жителей города — он не требует от них крупных капиталовложений в свое жилье и не ухудшает их жизненных условий. Издержками такого развития является то, что практически все расходы по реконструкции принимает на себя городской бюджет, что возможно только при условии гигантских вложений государства в городское развитие (налогов горожан здесь совершенно недостаточно). Так произошло в Германии в связи с объединением страны, но повторить этот опыт пока ни одной из европейских стран не удалось по экономическим причинам. Все стратегии имеют свои крайне существенные издержки, поэтому пока мы не выбрали ни одной. Однако этот

выбор не может быть не сделан — проблема реальна и требует решения.

Нам необходима целостная концепция развития периферии города. В нашем исследовании мы предлагаем один из возможных путей, основанный на «берлинском» сценарии — на том, что в целом структура периферии сохранится и будет предметом «мягких» трансформаций. В этом случае имеет смысл обратить особое внимание на стихийно складывающиеся периферийные центры, места повышенной концентрации жизненной активности, не предусмотренные в урбанистической структуре (в исследовании они называются «метагородами») — Сокол, Чермушки, Черкизово и Марьино. Это места, где любое вмешательство — урбанистическое, экономическое или политическое — вызовет наибольший резонанс. С другой стороны, основная часть периферийных районов может развиваться по пути улучшения тех свойств модернистского проекта, которые «заснули» — так, многочисленные парки и пронизываемые зелеными пространства микрорайонов позволяют нам поставить вопрос о создании одной системы суперпарка на периферии, промышленные зоны должны стать новыми местами приложения труда, также, как и заснувшие модернистские центры. Новая градостроительная политика требует акцентирования сильных сторон советских городских ландшафтов, таких как доступность и связанность, что препятствует их фрагментации и геттоизации, и преодоления слабых — дефицит разнообразия и центральности, уравновешенный сегодня спонтанными процессами самоорганизации. Эти идеи позволят на наш взгляд существенно

улучшить качество среды периферии.

Основные вызовы периферии лежат не только в области улучшения качества среды, но и в выборе базовой экономической и социальной модели развития. Преодоление пороков экономики, опирающейся на жилищную ренту, требует увеличения социальной и культурной продуктивности городской среды, поддерживающей рост человеческого капитала.

Ни одна из задач развития Москвы не может быть решена в рамках узкоотраслевых подходов, а требует комплекса взаимоувязанных программ, учитывающих социальные, политические и прочие потенциалы и издержки экономических или технологических решений. Использование современных технологий управления и мониторинга, систем обработки больших данных и анализа поможет сделать процесс управления более точным и нацеленным на исправление существующих диспропорций.

Окно для обновленной политики еще открыто, и есть еще время и ресурсы для проведения необходимых преобразований. Перенесение внимания на потенциал территорий вне центра должно привести в будущем к сбалансированному и устойчивому развитию Москвы и агломерации.

Группа SPACED

ВНЕ ЦЕНТРА

(Культ центра и его последствия) Allison Mei; Kwong Yee Cheng; Elekh; M. Clarise Moore; allthebestkdg; MichaelMehaffy; Gene Driskell; Nate Roberts; InSapphoWeTrust; University of Michigan School of Natural Resources and Environment; (Шесть в одном: издержки централизации Пекина) absorbb; Axel Drainville; Beijing Urban Planning Bureau; John Gulliver; Tom Spender; Underline Office; (Берлифери) blondyimp; el captain; Felix O; Gaellery; Jacob Appelbaum; Joseph; Michael Day; Michael Nyika; Susanne Stoop; Tammisto; (Новая жизнь американских пригородов: Чикаголенд) Rose Trinh; Silwertand, Helen ST; (Пределы роста) Alex Osaki; jankie; Kara van Malssen; Мойан Brenn; (Париж и его окраины) Chris; ariel martini; david gastaо; Nicolas Viaz for Le Monde, published on March 15, 2013; La Societeb du Grand Paris www.societedugrandparis.fr; (Сан-Пауло: опыт интеграции трущоб) Kevin Dooley; Diet Munhoz; Dylan Passmore; Francisco Antunes; Google Street View; Carlos Fortner; Sehab Collection, Marcos Boldarini Collection; Produced by Elisabete Franca; (Меньше слов, больше дела) Shaun Garrity; Kiran Jonnalagadda; Ming Xia; (Развитие Токио: вариации на тему центра) Tokyo Times; tokyoform; (Периферизация Мехико) Christian von Wissel; (Под давлением окраин) Deden Rukmana. Pavlo Dyban (www.urbanexpedition.eu); Максим Шер SPACED

Allie_Caulfield; Adrian Sulc; A.Savin; (Wikimedia Commons).
Paul Dubbleman.
Claudia, dysturb, (Flickr: CC);
faraazandaneesa.wordpress.com
www.skyscrapercity.com
landscapeurbanism.com
www.dailymail.co.uk
www.aljazeera.com
www.affordablehousinginstitute.org
Reuters
David Guttenfelder
Baloncici
Юрий Пальмин
blondyimp
Thomson Reuters
Mathrioshka
Сервис Геопространственного анализа
ОАО «МегаФон»
Левада-Центр
Авторские права на фотографии
РАЗДЕЛ АРХИТЕКТУРА
Жилье
9 фотографий
Аэрофотосъемка компании Aerorecord
(aerorecord.ru)
Суперблоки
1. Panoramio : michaelschmidt «Тольятти Новая Земля»
2. Wikimedia Commons license:
<http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/>
victoria.camara © 2012 «Бразилиа»
Сохранение
Материалы из альбома-путеводителя
«Москва за Садовым кольцом: архитектурные прогулки» издательства Астремедиа (2007 г.)
Н. Калашников: 3,32,45,47,64, 65, 76, 87, 89, 148, 156, 187, 191, 286, 297, 333, 341 344, 355, 362, 399, 441, 450, 453, 469, 473, 475, 491, 520, 595, 613, 621, 624, 625
Мария Федорова
319
Студенты МГУ курса Урбанистика Ольги Зиновьевой, принимавшие участие в

создании фотобанка ценных объектов
Дарья Коренева,Татьяна Куманина,Полина Короткова,Регина Магомедзагирова,Мария Волик,Юлия Неронска, Богдана Герасимец:
544 549 557 568 569 570 571 586 603 14 24 54
84 113 484 525 526 318 447 475 482 502 539
556
Wikimedia Commons
license: <http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/>
140 © 2012 Victorgrigas
172 © 2005 Erik79
436 © 2010 Tohey
429 © 2012 mac alastair
75, 467 © 2010alexq
623 © 2012 Akkit
Yandex Photo
16 — 2011, Night-City-Dream
30 —2009, kudima177ru
44 2012 FotoGeorg
55 2012 Flash rockin' man 82
58 — 2013, losip1
106 — 2011, olgalytaeva
116 — 2012, alexeelena
125 — 2012, zelen1881
126 — 2010, serg63ant
130 — 2012, aleksiiz
137 — 2012 olgadon2
139 — 2010 Camodd
142 — 2013, alex-raduga
146 — 2010, komar1rina
157 — 2005, St_Sebastian (Wikimapia)
274 — 2012 Routemaster
282 — 2010 tolyanich
292 — 2011, amurenich
295 — 2011 bobirev
296 — 2012 Angels-foto
299 — 2012 MF-B
321 — 2008 vale-gol
307 — 2011, serkov-sergey
374 — 2013, rimial
402 — 2012, rusdaos
412 — 2013, alek-ka4alin2012
413 — 2013 Ольга Лытаева
414 — 2011 Boris
415 — 2010 Татьяна
420 — 2008 bor9101
421 — 2011 Katevas.32
422 — 2010 setster
423 — 2011 Дмитрий
432 — 2012 Mixas
433 — 2013, alex-raduga
434 — 2009, serg63ant
438 — 2009, vlad2135
446 — 2009 Поло Марко
464 — 2009 av-lelik
457 — 2011 synthart
470 — 2013, motyaalex
472 — 2013 zaslava
478 — 2013 Serg63Ant
485 — 2013, mityan
486 — 2011, pano-maps
499 — 2012, votabruk
519 — 2009 codmal
529 — 2013, gomper
538 — 2013, oleynik-anna
578 — 2012, trolleway
592 — 2012 Predtechy
614 — 2012 awze

ВНЕ ЦЕНТРА: ГОРОДА МИРА.

Култ центра и его последствия /Брендан Кормье

Brent D. Ryan, *Design After Decline: How America Rebuilds Shrinking Cities*, (издательство «University of Pennsylvania Press», 2013) p. 201.

Greg Lindsay 'Port-au-Prince 2.0: A City of Urban Villages?' Fast Company, 26 января 2011. (доступна по адресу: www.fastcompany.com/1720799/port-au-prince-20-a-city-of-urban-villages)

Революция городов/Леонид Смирнягин Смирнягин Л.В. Мегарегионы как новая форма урбанизации. «Вестник МГУ, серия географическая», 2011. №4.

Cox Wendell. Major Metropolitan Areas in Europe. *NewGeography*, 15 Aug. 2013. Kotkin Joel. The Next Urban Crisis, And How We Might Be Able To Avoid It . *NewGeography*, 19 Sept., 2013.

Florida R., Gulden T., Mellander Ch.. *The Rise of the Mega Region*. The Martin Prosperity Institute, Toronto, 2007.

Harkness P. The Metropolitan Era. "Governing", June 30, 2008, www.governing.com/articles/0806harkb.htm

Peirce N., Johnson C., Hall J. *Citistates: How Urban America Can Prosper in a Competitive World*. Seven Lo-cks Press. 1993.

ЧИКАГО

Новая жизнь американских пригородов:

Чикаголенд /Эллен Данхэм-Джоунс Вааб, Eddie, "Empty big-box stores drive up retail vacancy," . Онлайн-версия от 11 мая 2009 г. www.chicagorealestatedaily.com/article/20090511/CREDO2/200033999 Chicago Case Study Working Group of The Great Cities Institute, "Metropolitan Decentralization in Chicago", (College of Urban and Public Affairs, University of Illinois at Chicago, 2001), онлайн-версия: www.uic.edu/cuppa/gci/publications/workingpaperseries/pdfs/Sprawl.pdf.

"Chicago Southland's Green TIME Zone" (Center for Neighborhood Technologies, 2010), онлайн-версия: www.cnt.org/media/CNT_GTZ.pdf.

"Chicago's South Suburbs: Smart Growth in Older Communities" (Center for Neighborhood Technologies, 2011), онлайн-версия: www.cnt.org/media/CNT_SS-Case-Study.pdf.

Davis, B., Dutzik, T., Vaxandall P., Transportation and the New Generation: Why Young People are Driving Less and What it Means for Transportation Policy (Frontier Group, and U.S. Public Interest Research Group, 2012). Онлайн-версия: www.uspirg.org/sites/pirg/files/reports/Transportation%20%26%20the%20New%20Generation%20vUS_O.pdf.

Dunham-Jones, E., and Williamson, J., *Retrofitting Suburbia: Urban Design Solutions for Redesigning Suburbs* (Hoboken: Wiley: 2008).

Frumkin H., Frank L., and Jackson, R. J., *Urban Sprawl and Public Health: Designing, Planning, and Building Healthy Communities* (Washington DC: Island Press, 2004).

Gorsche J., "Circular Logic Reshapes Downtown Normal," *The Architect's Newspaper*, онлайн-версия: archpaper.com/news/articles.asp?id=4768.

Hayes, N. 'Lincolnwood Plan Commission moves Purple Hotel development forward. Developers unveil new name for mixed retail site'. *Lincolnwood Review*, Nov. 4, 2013, онлайн-версия с планировкой района: lincolnwood.suntimes.com/news/purplehotelname-LWR-10032013:article.

Hickey, R., Lubell, J., Haas, P., and Morse S., "Losing Ground; The Struggle of Moderate-Income Households to Afford the Rising Costs of Housing and Transportation," (2012).

Онлайн-версия: www.cnt.org/repository/LosingGround.FINAL.pdf.

Kingkade, T., "Millenials Would Rather Give Up Their Car Than Smartphone or Computer: Zipcar Survey," *Huffington Post*, March 1, 2013, онлайн-версия: www.huffingtonpost.com/2013/03/01/millennials-car-ownership_n_2789454.html

Kneebone, E., and Berube A., *Confronting Suburban Poverty in America* (Washington DC: Brookings Institution Press, 2013).

Littman, T., "Smart Growth Savings: What we Know About Public Infrastructure and Service Costs and How They are Misrepresented by Critics," *Victoria Transport Policy Institute*, 25, April, 2013. Онлайн-версия: www.vtpi.org/sg_save.pdf.

Marohn, C., "The American Suburbs are a Giant Ponzi Scheme," *Grist*, June 22, 2011, онлайн-версия: grist.org/sprawl/2011-06-22-the-american-suburbs-are-a-giant-ponzi-scheme.

Nelson, A. C., *Reshaping Metropolitan America* (Washington DC: Island Press, 2013).

Oldenburg R. *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Hair Salons, and Other hangouts at the Heart of a Community* (Marlowe & Co., 3rd ed., 1999).

"West Cook County COD+TOD Report" (Center for Neighborhood Technologies, 2012), онлайн-версия: www.cnt.org/media/CNT_WestCookCountyCODTOD.pdf

Wig J., "Raleigh Planners Look to ROI for Future Growth," *Raleigh Public Record*, Feb 11, 2013.

Онлайн-версия: raleighpublicrecord.org/news/2013/02/11/raleigh-planners-look-to-roi-for-future-growth.

ДЖАКАРТА

Под давлением окраин/Деден Рукмана Cowherd, Robert. (2005). Does planning culture matter? Dutch and American models in Indonesian urban transformations. In *Comparative Planning Culture*. Bishwapriya Sanyal (Ed.). New York and London: RoutledgeCox, Wendell. (2011). The evolving urban form: Jakarta (Jabotabek). www.newgeography.com/content/002255-the-evolving-urban-form-jabotabek.

Cybriwsky, Roman and Ford, Larry R. (2001). City profile: Jakarta. *Cities* 18(3): 199-210.

Djaja, R., Rais, J., Abidin, H.Z., and Wedyanto, K. (2004). Land Subsidence of Jakarta Metropolitan Area. A paper presented at the Third FIG Regional Conference in Jakarta, October 3-7, 2004.

Emmerson, D.K. (1999). *Indonesia beyond Suharto: Polity, Economy, Society, Transition*. New York: M.E. Sharpe.

Firman, Tommy and Ida Ayu Indira Dharmapatni. (1994). The challenges to sustainable development in Jakarta Metropolitan Region. *Habitat International* 18(3): 79-94.

Firman, Tommy. (1997). Land conversion and urban development in the Northern Region of West Java, Indonesia. *Urban Studies* 34(7): 1027-1046.

Firman, Tommy. (1998). The restructuring of Jakarta Metropolitan Area: A "global city" in Asia. *Cities* 15(4): 229-243.

Firman, Tommy. (1999). From "global city" to "city of crisis": Jakarta Metropolitan Region under economic turmoil. *Habitat International*

23(4): 447-466.

Firman, Tommy. (2002). Urban development in Indonesia, 1990-2001: from the boom to the early reform era through the crisis. *Habitat International* 26: 229-249.

Firman, Tommy. (2003). Potential impacts of Indonesia's fiscal decentralization reform on urban and regional development: towards a pattern of spatial disparity. *Space and Polity* 7(3): 247-271.

Firman, Tommy. (2004). New town development in Jakarta Metropolitan Region: A perspective of spatial segregation. *Habitat International* 28(3): 349-368.

Firman, Tommy. (2008). In search of a governance institution model for Jakarta Metropolitan Area (JMA) under Indonesia's new decentralization policy: Old problem, new challenges. *Public Administration and Development* 28: 1-11.

Garnaut, R. (1998). The financial crisis: the watershed in economic thought about East Asia. *Asian-Pacific Economic Literature* 12(1): 1-11.

Goldblum, Charles, and Wong, Tai-Chee.

(2000). Growth, crisis and spatial change: A study of haphazard urbanization in Jakarta, Indonesia. *Land Use Policy* 17: 29-37.

Hadiz, V.R. (2004). Decentralization and Democracy in Indonesia: A Critique of Neo-Institutionalist Perspective. *Development and Change* 35(4): 697-718.

Henderson, Vernon. (2003). The urbanization process and economic growth: The so-what question. *Journal of Economic Growth* 8:47-71

Hudalah, Delik and Johan Woltjer. (2007). Spatial planning system in transitional Indonesia. *International Planning Studies* 12(3): 291-303

Hudalah, Delik, Dimitra Viantari, Tommy Firman, and Johan Woltjer. (2013). Industrial land development and manufacturing deconcentration in Greater Jakarta. *Urban Geography* 1-22.

Leaf, Michael. (1994). The suburbanization of Jakarta: A concurrence of economics and ideology. *Third World Planning Review* 16(4): 341-356.

Nomura, Ko. (2007). Democratization and environmental non-governmental organizations in Indonesia. *Journal of Contemporary Asia* 37(4): 495-517

Nyman, Mikaela. (2006). Democratizing Indonesia: The challenges of civil society in the era of reformasi. Copenhagen: Nias Press

Silver, Christopher. (2007). Planning the megacity: Jakarta in the twentieth century. London and New York: Routledge.

Steinberg, Florian. (2007). Jakarta: Environmental problem and sustainability. *Habitat International* 31(3-4): 354-365

United Nations. (2006). *The United Nations World Population Prospects* Vatikiotis, M.R.J. (1998). Indonesian Politics under Suharto: The Rise and Fall of the New Order. London: Routledge.

Wessel, I. (2005). Democratization in Indonesia: After the Fall of Suharto. Wijayanti, Laksmi. (1998). Environmental planning in Indonesia: The linkage between spatial planning and environmental impact assessment. Thesis. Boston: Massachusetts Institute of Technology.

Winarso, Haryo and Tommy Firman. (2002). Residential land development in Jabotabek, Indonesia: triggering economic crisis? *Habitat International* 26: 487-506.

МЕХИКО

- Периферизация Мехико/Кристиан фон Виссель
 Aguilar, Adrian Guillermo. 2008. Peri-urbanization, Illegal Settlements and Environmental Impact in Mexico City. *Cities* 25:133–45.
- Aguilar, Adrian Guillermo, and Peter M. Ward. 2003. Globalization, Regional Development, and Mega-city Expansion in Latin America: Analyzing Mexico City's Peri-urban Hinterland. *Cities* 20:3–21.
- Alarcón, Sandra. 2008. El tianguis global. Universidad Iberoamericana.
- Álvarez, Ana, Valentina Rojas Loa, Fionn Petch, Christian von Wissel, and Kristien Ring, eds. 2008. *Citámbulos Mexico City: Journey to the Mexican Megalopolis*. Berlin: Jovis.
- Ávila Sánchez, Héctor. 2009. Periurbanización y Espacios Rurales En La Periferia de Las Ciudades. *Estudios Agrarios* 96–123.
- Berry, Eduardo, Iván Martínez, and Ramiro Pedraza. 2007. Como Nosotros mismos/As Ourselves. Available at www.allardvanhoorn.com/puimex/puimex.asp, accessed 1 June 2012.
- Castillo, José. 2007. After the Explosion. Pp. 174–85 in *The Endless City: The Urban Age Project* by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society, edited by Richard Burdett and Deyan Sudjic. London: Phaidon.
- CONAPO, Consejo Nacional de Población, ed. 2000. *Escenarios Demográficos y Urbanos de La Zona Metropolitana de La Ciudad de México, 1990 – 2010*, Síntesis. México D.F.: CONAPO.
- Delgado, Javier. 2003. La Urbanización Difusa, Arquetipo Territorial de La Ciudad Region. *Sociología (UAM Azcapotzalco)* 18:13–48.
- Epstein, Gerald A. 2005. *Financialization and the World Economy*. Cheltenham UK; Northampton MA: Edward Elgar Publishing.
- García Canclini, Néstor. 2007. *Makeshift Globalization*. Pp. 186–91 in *The Endless City: The Urban Age Project* by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society, edited by Richard Burdett and Deyan Sudjic. London: Phaidon.
- Garza, Gustavo. 2000a. *Ámbitos de Expansión Territorial*. Pp. 237–46 in *La Ciudad de México En El Fin Del Segundo Milenio*, 1. ed., edited by Gustavo Garza. México: El Colegio de México Centro de Estudios Demográficos y de Desarrollo Urbano; Gobierno del Distrito Federal.
- Garza, Gustavo. 2000b. *La Megalópolis de La Ciudad de México Según Escenario Tendencial, 2020*. Pp. 753–62 in *La Ciudad de México En El Fin Del Segundo Milenio*, 1. ed., edited by Gustavo Garza. México: El Colegio de México Centro de Estudios Demográficos y de Desarrollo Urbano; Gobierno del Distrito Federal.
- GEM, Gobierno del Estado de México. 2005. *Plan Regional de Desarrollo Urbano Del Valle Cuautitlan-Texcoco*. Available at seduv.edomexico.gob.mx/dgau/planes_regionales/prduvct/RVCT%2010-06-05.pdf, accessed 14 October 2013.
- Harvey, David. 1996. *Cities or Urbanization?* *City* 1:38–61.
- Harvey, David. 2008. *The Right to the City*. *New Left Review* 53:23–40.
- Häuermann, Hartmut, Dieter Lapple, and Walter Siebel. 2008. *Stadtpolitik*. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung.
- Heeg, Susanne. 2013. *Wohnungen Als Finanzanlage. Auswirkungen von Responsibilisierung Und Finanzialisierung* Im Bereich Des Wohnens. *sub \ u r b a n. zeitschrift für kritische stadtforschung* 0:75–99.
- Iracheta, Alfonso. 2006. *Governing the Megacity*. P. 7 in *Mexico City: Growth at the Limit?*, edited by Urban Age Programme. London: London School of Economics and Political Science and Alfred Herrhausen Society.
- Islas Rivera, Víctor. 2000. *Transporte Metropolitano de Pasajeros*. Pp. 371–7 in *La Ciudad de México En El Fin Del Segundo Milenio*, 1. ed., edited by Gustavo Garza. México: El Colegio de México Centro de Estudios Demográficos y de Desarrollo Urbano; Gobierno del Distrito Federal.
- Lacy Tamayo, Rudolf. 2000. *La Gestión Ambiental*. Pp. 505–8 in *La Ciudad de México En El Fin Del Segundo Milenio*, 1. ed., edited by Gustavo Garza. México: El Colegio de México Centro de Estudios Demográficos y de Desarrollo Urbano; Gobierno del Distrito Federal.
- Lefebvre, Henri. 2008. *The Urban Revolution*, [French original 1970]. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Negrete Salas, María Eugenia. 2000. *Dinámica Demográfica*. Pp. 247–55 in *La Ciudad de México En El Fin Del Segundo Milenio*, 1. ed., edited by Gustavo Garza. México: El Colegio de México Centro de Estudios Demográficos y de Desarrollo Urbano; Gobierno del Distrito Federal.
- Ngo, Anh-Linh, Kristina Herresthal, Anne Kockelkorn, and Martin Luce. 2007. *Editorial: Indischer Inselurbanismus*. *Archplus*, November, 11–2.
- Nivón Bolán, Eduardo. 2005. *Hacia Una Antropología de Las Periferias Urbanas*. Pp. 140–67 in *La Antropología Urbana En México*, 1. ed., edited by Néstor García Canclini. México D.F.: Consejo Nacional para la Cultura y las Artes ;Universidad Autónoma Metropolitana ; Fondo de Cultura Económica.
- Olivera Lozano, Guillermo. 2005. *La Reforma Al Artículo 27 Constitucional y La Incorporación de Las Tierras Ejidales Al Mercado Legal de Suelo Urbano En Mexico*. *Scripta Nova* IX.
- Rubalcava, Rosa Maria, and Martha Scheingart. 2000. *Segregation Socioespacial*. Pp. 287–96 in *La Ciudad de México En El Fin Del Segundo Milenio*, 1. ed., edited by Gustavo Garza. México: El Colegio de México Centro de Estudios Demográficos y de Desarrollo Urbano; Gobierno del Distrito Federal.
- SEDESOL, CONAPO, and INEGI. 2007. *Delimitación de Las Zonas Metropolitanas de México 2005*. México D. F.: Secretaría de Desarrollo Social; Consejo Nacional de Población; Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática.
- Simone, AbdouMaliq. 2004a. *For the City yet to Come: Changing African Life in Four Cities*. Durham and London: Duke University Press.
- Simone, AbdouMaliq. 2004b. *People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg*. *Public Culture* 16:407–29.
- Soja, Edward. 1992. *Inside Exopolis: Scenes from Orange County*. Pp. 94–122 in *Variations on a Theme Park*, edited by M. Sorkin. New York: Noonday Press.
- Varley, Ann. 2013. *Postcolonialising Informality? Environment and Planning D: Society and Space* 31:4–22.
- Villoro, Juan. 2008. *Horizontaler Schwindel: Mexiko Stadt Als Diskurs*. Pp. 27–41 in *Verhandlungssache Mexiko Stadt: Umkämpfte Räume, Stadtaneignung, Imaginarios Urbanos*, edited by Anne Becker, Olga Burkert, Anne Doose, Alexander Jachnow, and Marianna Poppitz. Berlin: b_Books.
- Ward, Peter M., and G. A. Jones. 1998. *Privatizing the Commons: Reforming the Ejido and Urban Development in Mexico*. *International Journal of Urban and Regional Research* 22:76+.
- Wissel, Christian von. 2007. *Un Paseo Entre Límites: Segregación Socio-espacial y Fragmentación Urbana. Piso: Arquitectura, diseño y cultura urbana*. Available at www.pisoonline.com/numeros_anteriores/articulo.php?id=56, accessed 26 July 2011.
- Wissel, Christian von. 2008. *Im Wilden Westen von Mexiko Stadt: Sozialräumliche Territorialisierung Und Städtische Öffentlichkeit Am Beispiel Der Schlucht Des Río Mixcoac*. Pp. 79–93 in *Verhandlungssache Mexiko Stadt: Umkämpfte Räume, Stadtaneignung, Imaginarios Urbanos*, edited by Anne Becker, Olga Burkert, Anne Doose, Alexander Jachnow, and Marianna Poppitz. Berlin: b_Books.
- Wissel, Christian von, and Valeria Marruenda. 2010. *Nosotros Ciudadanos: Percepción y Aprehensión de La Megalopolis*. Public round table discussion Presented at the, Mexico, DF, 23 August. Available at bambuser.com/v/977924.
- Нецауалькойотль: как «непокоренная земля» превратилась в Манхэттан на окраине Мехико /Феликс Мадрасо
- Bassols Ricárdez, Mario. & Espinosa Castillo, Maribel. *Construcción social del espacio urbano: Ecatepec y Nezahualcóyotl. Dos gigantes del oriente*. *Polis* vol.7 no.2 México 2011
- Bredenoord, Jan. Verkoren, Otto. *Between self-help e and institutional housing: A bird's eye view of Mexico's housing production for low and (lower) middle-income groups*. *Habitat International* 34 (2010) p 359 365.
- Canclini, Nestor Garcia. Castellanos, Alejandro. Mantecón, Ana Rosas. *La ciudad de los viajeros. Travesías e imaginarios urbanos: Mexico 1940-2000*. 1996. Editorial Grijalbo.
- Castillo, Jose. *PRAXIS ISSUE 2: MEXICO CITY: PROJECTS FROM THE MEGACITY*. *El Universal*. www.avisooportuno.mx/inmuebles/detalles_ara.php?anuncio=Venta%2BCasas%2BNezahualc%F3yotl-430_119
- Espinosa-Castillo, Maribel. *Procesos y actores en la conformación del suelo urbano en el ex lago de Texcoco*. *Economía, Sociedad y Territorio*, vol. VIII, núm. 27, mayo-agosto, 2008, pp. 769-798, El Colegio Mexiquense, A.C. México.
- INEGI. Instituto Nacional de Estadística y Geografía. *Censo de Población y Vivienda 2010*. Kugel, Seth. *Urban Tactics; Destination, Neza York*. *The New York Times*. February 15, 2004. www.nytimes.com/2004/02/15/nyregion/urban-tactics-destination-neza-york.html
- Lewis, Oscar. *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. Basic Books. 1959.
- Moreno, Miriam. *Neza, el callejón sin salida* letraslibres.com/revista/convivio/neza-el-callejon-sin-salida
- Nadal, Sara. Puig, Carles. *Around / Alrededor de Gustavo Gili 2002*
- Ocotitla Saucedo, Pedro. *Movimientos de colonos en Ciudad Nezahualcóyotl: Acción colectiva y política popular 1945-1975*. *Maestría en Humanidades.Especialidad en Historia*. Universidad Autónoma Metropolitana-Iztapalapa UAM-I División de Ciencias Sociales y Humanidades.
- Slim, Carlos. *La ciudad que construyó en Neza*. *El Universal*. April 4, 2011. eluniversaldomex.mx/nezahualcoyo/

nota15074.html
Ward, Peter M. Intra-City Migration to Squatter Settlements in Mexico City. *Geoforum*, Vol. 7, pp. 369-382, 1976. Pergamon Press.
Valek-Valdés, Gloria, Agua, reflejo de un valle en el tiempo, México, Universidad Nacional Autónoma de México. 2000
ZMVM. LCM Laboratorio de la Ciudad de Mexico. Fernando Romero. 2000.

ПАРИЖ

Париж и его окраины/Софи Боди-Гендро Body-Gendrot, Sophie. *The Social Control of Cities. Comparative Perspectives*, Oxford, Blackwell, 2000.
Body-Gendrot, Sophie. *Globalization, Fear and Insecurity-The Challenges for Cities North and South*, Palgrave Macmillan, 2012.
Body-Gendrot, Sophie. *Violence in the City: Challenges of Global Governance* in J. Stiglitz and M. Kaldor (eds), *The Quest for Security*, Columbia University Press, 2013, 260-275.

ПЕКИН

Шесть в одном: издержки централизации Пекина / Цзян Цзюнь
Beijing News, 11 ноября 2010 г.
Qianlong News, 1 августа 2013 г. beijing.qianlong.com/3825/2013/08/01/2500@8830760.htm
China Academician Report, 2008 г. www.cuaa.net/cur/2009ysdc
www.phb168.com, 2011
www.safea.gov.cn/embassies.php

БЕРЛИН

Берлифери/Тео Дойтингер
„20 Gründe (zurück) nach Berlin zu ziehen“, *Der Tagesspiegel*, 06.02.2013; текст доступен по адресу: www.tagesspiegel.de/berlin/ferneheimweh-heimliches-fernweh-20-gruende-zurueck-nach-berlin-zu-ziehen/7738506.html
„Berlin, Berlin, wir fahren nach Berlin“, Jakob Strobel у Serra, *Frankfurter Allgemeine*, 30.11.2007; текст доступен по адресу: www.faz.net/aktuell/reise/nah/hauptstadtpopulismus-berlin-berlin-wir-fahren-nach-berlin-1487310.html
“Berlin — German Capital and Global City?”, *Die Erde*, Elmar Kulke, стр. 219-233 2003; материал доступен по адресу: www.die-erde.de/DIE_ERDE_2003-3_KulkeX.pdf
Berlin und sein Umland - Statistische Anmerkungen zur Bevölkerungsentwicklung und zur Umsetzung des politischen Konzepts der dezentralen Konzentration; in *Monatsschrift Berliner Statistik*, by Katharina Breinssl & Eckart Elsner, 01/2003; доступен по адресу: www.statistik-berlin-brandenburg.de/Publikationen/Aufsaezte/2003/MS-BE_200301-01.pdf
“Der Bär ist los“, *Die Zeit*, 13. April 1990; материал доступен по адресу: pdf.zeit.de/1990/16/der-baer-ist-los.pdf
“Formlosigkeit“ & ‘automatischer Urbanismus’, Philipp Oswalt, Berlin 2001, текст доступен по адресу: www.oswalt.de/de/text/txt/urbanautom.html
HWWI/Berenberg Kulturstädteranking 2012; материал доступен по адресу: www.berenberg.de/fileadmin/assets/publikationen/Kulturstaedteranking/2012-08-02_Berenberg_HWWI_Kulturstaedteranking_2012.pdf
Identitätskonstruktionen im digitalen Zeitalter — Zur Berliner Schloßdebatte; Philipp Oswalt, 2008; текст доступен по адресу: www.oswalt.de/de/text/txt/schloss_p.html

Koolhaas, Rem. “Imagining the Nothingness”, 1985
Landesentwicklungsplan Berlin Brandenburg LEP BB (1998 — 2008); доступен по адресу: gl.berlin-brandenburg.de/imperia/md/content/bb-gl/landesentwicklungsplanung/lep_ev.pdf
Scheffler, Karl. Berlin. Ein Stadtschicksal, E. Reiss, 1910
Sloterdijk, Peter. *Sphären III — Schäume*, Suhrkamp Verlag Frankfurt/Main 2004, Kapitel I: Insulierungen, S. 315
Städteranking 2011 — Die 50 größten deutschen Städte im Test; Bericht der IW Consult GmbH im Auftrag der Initiative Neue Soziale Marktwirtschaft; Kän, den 9. Dezember 2011
Ungers, O.M. (and others), *Cities within the city, 1977*; текст доступен по адресу: isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic1031999.files/March%209/Ungers_Cities%20Within%20the%20City_1978.pdf

САН-ПАУЛУ

Сан-Пауло: опыт интеграции трущоб / Элизабете Франса
Del Rio, V. and Siembieda, W. *Contemporary Urbanism in Brazil: Beyond Brasilia* (Gainesville: University of Florida Press, 2010).

МОСКВА

Москва вне центра: поляризация продолжается/Татьяна Нефедова Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. № 6 (57), ноябрь — декабрь, 2012. С. 6-19.
Каганский В.Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982.
Каганский В.Л. Пространственные закономерности культурного ландшафта современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. М., 2012.
Махрова А. Рынок жилья и расселение в Московском регионе. ДЕМОСКОП. Электронная версия бюллетеня «Население и общество», № 247 — 248, 22 мая — 4 июня 2006 // www.demoscope.ru/weekly/2006/0247.php.
Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегаполис? // *Демоскоп weekly*, № 517-518 14 августа 2012 г. www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/index.php,
Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и Новая Москва // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. № 6 (57), ноябрь — декабрь, 2012.
Махрова А.Г., Нефедова Т.Г. Пространственно-урбанистические структуры в центре России и Новая Москва // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Екатеринбург, 2013, Изд-во Уральского гос. экон. ун-та
Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования, № 5, 2008.
Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. М.: URSS, 2013.
Нефедова Т.Г. Большой, средний, малый город и село в России // География,

градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. М.: Московский государственный университет, Смоленск: Ойкумена, 2013
Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования, № 2, 2010
Регионы России. М.: Федер. служба госуд. статистики, 2002-2011.
Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. - Смоленск: Ойкумена, 2002.
Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999.
Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция, инновации в развитии российского крупного городского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации.- М.: Институт географии РАН, 2003.
Terra incognita / Владимир Каганский Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. - М.: Новое литературное обозрение, 2001.
Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты. — URL: www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography. 2011. Культурная география.
Каганский В.Л. Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.
Родоман Б.Б. Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях // Российская глубинка: модели и методы изучения: М.: ИГРАН-МАРС, 2012

SPACED

Метод: междисциплинарность и гуманитарный поворот / Сергей Ситар «Смерть и жизнь больших американских городов», Джейн Джекобс, М.: Новое издательство, 2011.
Jack P. Gibbs (ed.) *Urban Research Methods*. (Toronto - London — New York - Princeton: D. Van Nostrand Co. Inc., 1961), p. XIV-XV.

АРХИТЕКТУРА

Мобилизованный ландшафт / Сергей Ситар: Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., Европа, 2011.
Мошкова Э., Перников Е. Как машина в кубики играет. — М., Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1963.
Паперный В. Культура Два. — М., Новое литературное обозрение, 2011.
Слотердак П. Хрустальный дворец. — Проект Россия 68. — М., А-Фонд, 2013; с. 193.
Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. — СПб., Наука, 2011.
Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М., Касталь, 1996.
Хрущев Н. Воспоминания. Избранные фрагменты. — М., Вагриус, 1997; с. 381.
ЦСУ РСФСР. Народное хозяйство за 60 лет. Статистический ежегодник. — М., Статистика, 1977; с. 2
Эль-Лисицкий. Новое русское искусство. — В кн.: Эль-Лисицкий, 1890-1941, к выставке в залах Государственной Третьяковской

галереи. — М., 1991; с. 116.

Aureli, Pier Vittorio. The Possibility of an Absolute Architecture. Cambridge: MIT Press, 2011. Рус. пер. первой главы: Проект International 35. — М., А-Фонд, 2013; с. 165. Cache, Bernard. Terre meuble. Orléans: Editions НУХ, 1997. Рус. пер. избранных фрагментов: Проект International 16. — М., А-Фонд, 2007; с. 161.

Город идей: история планирования / Анна

Броновицкая

Баранов Н.В. О теориях динамического градостроительства // «Архитектура СССР, 1967, №3, с. 31.

Вавакин Л.В. Новая градостроительная концепция развития Москвы // Москва 850 лет. — М., 1997, т. 2, с. 177-181.

Гутнов А.Э., Лежава И.Г. Будущее города — М., 1977.

Диденко П. Взяться большевистскими

темпами за перепланировку Москвы //

«Строительство Москвы», 1931, №10, с. 10.

Зеленый город // «Строительство Москвы», 1930, №3, с. 9-29.

Кольцов, М. Дача так дача // «Правда», 30 января 1929 г.

Лавров В. Планировочная структура столичных городов и их центров // «Архитектура СССР», 1968, №7, с. 1-12.

Ладовский Н. Москва историческая и социалистическая // «Строительство Москвы», 1930, №1, с. 19-20.

Лежава И.Г. О конкурсе 1967 г. // Москва 850 лет. — М., 1997, т. 2, с. 148.

Охитович М. Заметки по теории расселения // «Современная архитектура», 1930, №1-2, с. 7-15.

Семенов В.Н. Как планировать и строить Москву // «Строительство Москвы», 1932, №8-9, с. 9.

Симбирцев В.Н. 4 решения // «Строительство Москвы», 1930, №3, с. 29.

Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. — М., 1980. С. 305.

Чернышев С.Е. План реконструкции столицы // Строительство Москвы», 1935, №7-8, с. 14. Шестаков С.С. Большая Москва. — М., 1925.

КУЛЬТУРА

а. Модернистский проект городской культуры и его судьба в Москве / Григорий Ревзин, Розалия Тарновецкая, Маргарита Чубукова

Блок, М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986

Гаврилов, А.П. Интегральный анализ социально-урбанистических данных Гаврилов, А.П.. «Построение аналитической ценовой поверхности стоимости жилой площади в Нижнем Новгороде». Нижний Новгород, 2012.

Глазычев, В. Культура в городе - город в культуре. www.glazychev.ru/courses/2003-10-16_lecture_cultura_v_gorode.htm

Гуревич, А. Я.. Исторический синтез и Школа «Анналов». М, 1993.

Гутнов, А. Э., Глазычев, В. Л. Мир архитектуры: Лицо города М., 1990.

Долгин, А. «Экономика символического обмена». М., 2005

Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление // Психология мышления.

М., 1980, К. Леви-Стросс. Структурная антропология. М., 2001

Мёрдок, Дж.П. Социальная структура. М, 2003

Распоряжение Правительства РФ от

23.11.2009 N 1767-р

Региональные нормативы градостроительного проектирования. do.gendocs.ru/docs/index-50487.html?page=57

Центральность и периферийность в культуре

городской жизни Нижнего Новгорода

Эванс-Притчард, Э. История

антропологической мысли. М., 2003.

Davis, M. The city of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. LA,

1992

Davis, M. Dead Cities and Other Tales. NY, 2002.

Dear, M.J. (ed.) From Chicago to LA: Making Sense of Urban Theory. Thousand Oaks; Sage, 2002.

Lloyd S. (1957). Least square quantization in PCM's. Bell Telephone Laboratories Paper. Mammford, L. The Myth of the Machine (1967-1970)

Mead, M., R. L. Bunzel. The Golden Age of American Anthropology. NY, 1960.

Pearson K., On lines and planes of closest fit to systems of points in space, Philosophical Magazine, (1901) 2, 559-572

The State of the World's Cities 2012/2013.

Prosperity of Cities, UN-HABITAT, 2012

ДАННЫЕ

Самопознание города

Каганский В.Л. Невменяемое пространство

// Отечественные

записки, 2002, № 6 (7).

Линч К. Образ города // М.: Стройиздат. —

1982. — Т. 7.

Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре

// Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108-115.

Шуровьески, Дж. Мудрость толпы // Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М. — 2007.

De Certeau M. The Practice of Everyday Life: Living and cooking. Volume 2. — U of Minnesota Press, 1998. — Т. 2.

Hägerstrand T. Space, time and human conditions. — 1975.

Jacobs J. The life and death of great American cities. — 1961.

Kitchin R. The Real-Time City? Big Data and Smart Urbanism // Big Data and Smart Urbanism (July 3, 2013). — 2013.

Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital // Journal of democracy. — 1995. — Т. 6. — №. 1. — С. 65-78.

Shirky C. Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. — ePenguin, 2010.

Tuan Y. F. Space and place: The perspective of experience. — U of Minnesota Press, 1977.

Whyte W. H. The Social Life of Small Urban Spaces. — 1980.

ЭКОНОМИКА

Федеральная служба государственной статистики. Статистический сборник регионов России. Социально-экономические показатели 2011 г

Bertaud A. ("Winds of Societal Change: Remaking Post-communist Cities", the Russian and East European Center (REEC), University of Illinois at Urbana-Champaign // 17.-19. June

2004

Bertaud A., Bertaud M. "The Spatial Development of Warsaw Metropolitan Area", 2000

Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities, Vintage books. A Division of Random House, Inc, New York, 1992, page 208

Land Use and Traffic Congestion Final Report

618 March 2012 Prepared by: J. Richard Kuzmyak Transportation Consultant, LLC Silver Spring, Maryland In Association with: Caliper Corporation Newton, Massachusetts and PolyTech Corporation Surprise, Arizona

ПОЛИТИКА

а. На пути к Суперпарку / Алексей Муратов, Ольга Вендина

Аузан А., Тамбовцев В. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. №5. 2005. С. 28-49.

Большая Москва. Журнал «Проект Россия». № 66. 4/2002; Концепция развития Московской агломерации. Отчет

Правительству Москвы. М.: ГУП «НИИПИ Генплана Москвы», 2013.

Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его противники. М.: Московская

школа политических исследований, 2004. С. 14.

«Гражданское участие, социальный капитал и перспективы демократического управления в Москве». Институт географии РАН, 2001.

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое

издательство, 2011.

Капустин Б.Г. Что такое «гражданское общество»? // Капустин Б.Г. Критика

политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. С. 35.

Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2011.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. С. 500.

Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма. Пер. с фр. С. Эфирова // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19-26.

Лифшиц А. Морковный город. Выставка проектов городского фермерства в Торонто // Журнал «Проект International». № 24. Март 2010. С. 118-119.

Лихачев, Д.С. «Экология культуры» // «Москва» в 1979 г. (№ 7. С. 173-179).

Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2011. С. 7-51.

Московичи С. Век толпы. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. С. 241

Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в Современной

Италии. Библиотека МШПИ. М.: Ad Marginem, 1996.

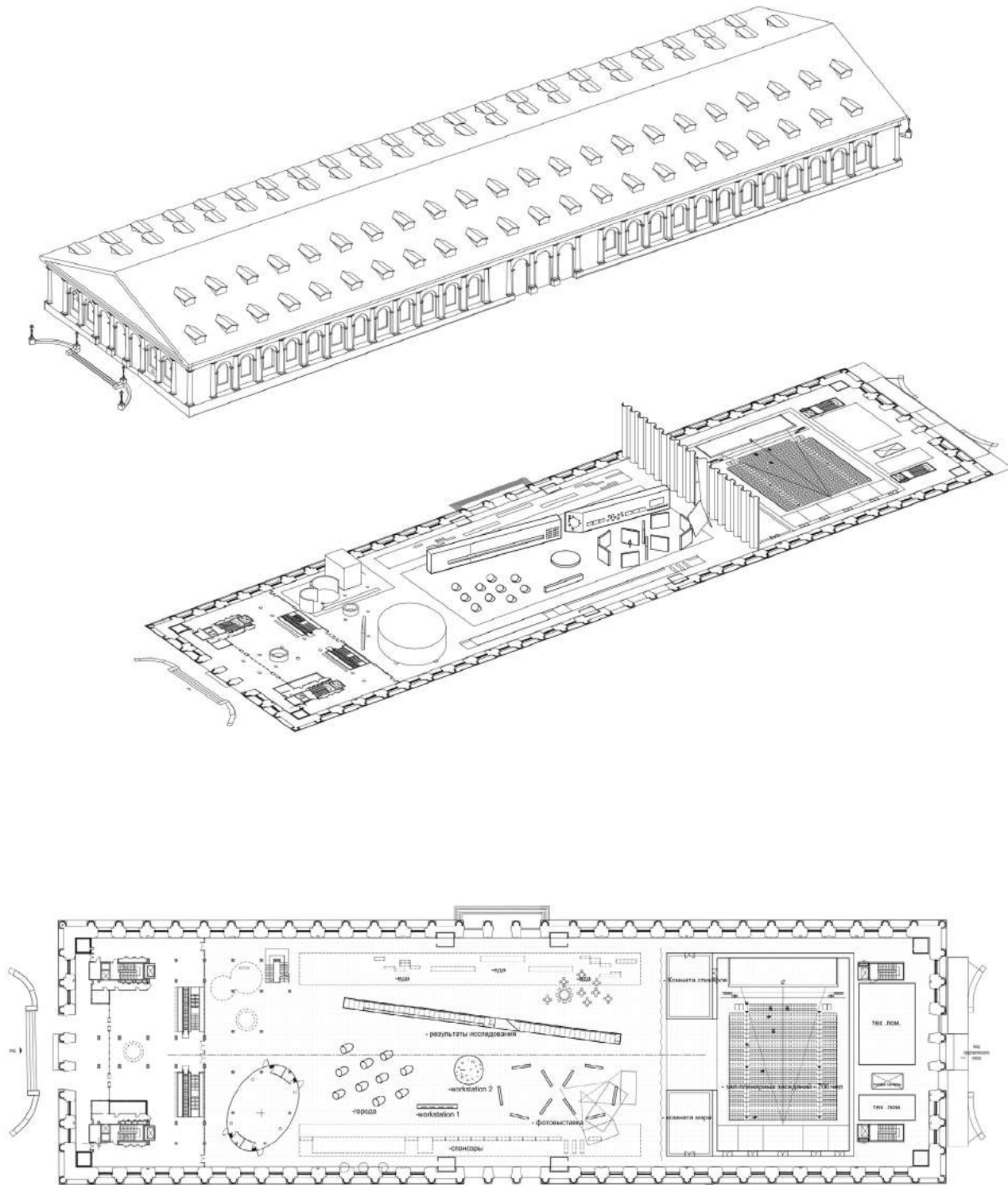
Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., и др. Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. Отв. ред. Горшков М.К. Вып.7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 518-540.

«Потенциал социально-культурного развития Москвы: культурный аудит и социальная картография». М.: Московский институт

социально-культурных программ и Центр социологических исследований РАНХиГС, 2012.

Родоман Б. Поляризованная биосфера. Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002.

- Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. Т. III. Пена. Пер. с нем. К.В. Лощевского. СПб.: Наука, 2010.
- Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации. Научный доклад. Ч. 1. М.: ИС РАН, 2006;
- Толкачева К. Новая жизнь больших ансамблей; Agence Jean Nouvel, AREP, Michel Cantal-Dupart. Париж–Метрополия: Рождение и возрождение 1001 парижского счастья // Журнал «Проект International». № 29. Июнь 2011. С. 120.
- Трутнев, Э.К. (рук.). Градорегулирование: основы регулирования градостроительной деятельности в условиях рынка недвижимости. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.
- Трутнев, Э.К. Логика развертывания системы правового градоуправления Москвы: чем опасно и чем полезно прошлое для будущего // Журнал «Проект Россия». № 62. 2011. С. 149–156
- Трутнев, Э.К., Бандорин, Л.Е. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации: ответы на проблемные вопросы градостроительной деятельности. М.: Экзамен, 2008.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд. «АСТ», 2004.
- Хлопин А. Д. Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006. С. 377–398.
- Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.
- Agence Jean Nouvel, AREP, Michel Cantal-Dupart. Париж–Метрополия: Рождение и возрождение 1001 парижского счастья // Журнал «Проект International». № 29. Июнь 2001. С. 130.
- Authier Jean-Yves, « La question des ,effets de quartier» en France. Variation contextuelles et processus de socialisation, » in Authier Jean-Yves, Bacque Marie-Hélène, Guerin-Pace France (dir.), Le quartier : enjeux scientifiques, actions politiques et pratiques sociales, Paris, La Découverte, 2006.
- Au Waipang. 6 April 2011. 'The Coming S\$270 Million Bailout', Yawning Bread. yawningbread.wordpress.com/2011/04/06/the-coming-s270-billion-bailout/
- Berita Singapura. 1965 Housing Development Board Flats. www.youtube.com/watch?v=-VosvrTlw7c
- Bishan-Toa Payoh Town Council. www.btptc.org.sg
- Building Construction Authority. 2005. Strata Living in Singapore. Singapore: Building Construction Authority.
- Carriou Claire et Fijalkow Yankel, « L'École de la rénovation urbaine : un nouveau bricolage idéologique ? » – metro.politiques.eu.
- Chin, Lawrence. 2004. Public Housing in Singapore: Current Issues and Challenges. Singapore: National University of Singapore.
- Dalton, R., 'Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation,' in Political Studies, vol. 56, 2008, pp. 76–98;
- Dufaux Frédéric et Fourcaut Annie, Le monde des grands ensembles, Creaphis, 2004.
- Durand, Jean-Nicolas Louis, Précis des leçons données à l'École Polytechnique, Paris, 1802.
- Guattari, F., 'The Three Ecologies,' Trans. by Chris Turner, in New Formations, No. 8, Summer 1989, pp. 131–147
- Guerin-Pace, France, « Le quartier entre appartenance et attachement : une échelle identitaire ? » in Authier, J.Y., Bacqué, M.H., Guérin-Pace, F. (dir.), Le quartier : enjeux scientifiques, actions politiques et pratiques sociales.
- Harvey, D., Rebel City: From the Right to the Cinty to the Urban Revolution, London: Verso, 2012.
- Ho, Peter. 2013. The Planning of a City-State. "Lee Kuan Yew and the Physical Transformation of Singapore" conference, Singapore, 18 Sep 2013. Transcript: www.ura.gov.sg/uoi/media-room/speeches/2013/sep/pr13-58.aspx
- Housing Development Board. HDB Infoweb (online resource). Web. www.hdb.com.sg
- Housing Development Board. 2013/ HDB Annual Report 2011/2012. www.hdb.gov.sg/fi10/fi10320p.nsf/w/AboutUsAnnualReports.
- Inglehart, R., and Welzel, C., Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence, New York: Cambridge University Press, 2005;
- Inland Revenue Authority Singapore. IRAS e-tax guide. Web. www.iras.gov.sg/irashome/uploadedfiles/e-Tax_Guide/etaxguides_PT_revision%20of%20annual%20values%20for%20HDB%20flats%20from%201%20Jan%202013_2012-11-27.pdf
- Iván Tosics, Governance challenges and models for the cities of tomorrow, Budapest: Metropolitan Research Institute, 2011.
- Klein Richard, Hamel Gerard, McLean Alex, Les grands ensembles – Une architecture du XXème siècle, Dominique Carré, 2011.
- La Mache Denis, L'art d'habiter un grand ensemble HLM, Paris, L'Harmattan, 2006.
- Lee, Christofer, and Jacoby, Sam (ed.), AA Agendas 5. Typological Formations. Renewable Building Type and the City, 1st edition, London: Architectural Association Publications, 2007.
- Lefebvre, H., Le droit à la ville, 3ème éd., Paris: Economica & Anthropos, 2013
- Les problèmes de la vie dans les grands ensembles d'habitation », Le Compte-rendu de la réunion du 20 septembre 1957
- Li Chung-Yan. 2006. "Privatisation of Public Housing in Singapore". Master of Housing Management Dissertation, University of Hong Kong. Web: hdl.handle.net/10722/131418
- Lim Swee Say. Speaking on "A Political Forum on Singapore's Future", Channel 8, Mediacorp, 3 Apr 2011. Transcribed and translated by Donaldson Tan at newasiarepublic.com/?p=26648
- Low, Donald. 2013. Rethinking Singapore's Housing Policies. IPS Commons. Singapore: Institute of Policy Studies. Web. www.ipsccommons.sg/index.php/categories/featured/140-rethinking-singapores-housing-policies
- Marshall T.H., 'Citizenship and Social Class,' in Citizenship and Social Class and other essays, Cambridge: University of Cambridge Press, 1950, pp. 1–85.
- Merlin Pierre, Les grands ensembles, des discours utopiques aux « quartiers sensibles, » La Documentation française, 2010.
- Merlin Pierre, Des Grands Ensembles aux Cités : l'Avenir d'une Utopie, Ellipses Marketing, 2012.
- Ministry of National Development. Town Councils Web Portal. Web. www.towncouncils.sg
- Ministry of National Development. 2001. The Control of Rent (Abolition) Bill. Press Statement, 23 Feb 2001. www.ura.gov.sg/pr/text/pr01-07.html
- Mitchell, D., The Right to the City. Social Justice and the Fight for the Public Space, NY: The Guilford Press, 2003;
- National Library Board. 2009. 'Public Housing in Singapore'. Singapore Infopedia. Web: infopedia.nl.sg/articles/SIP_1585_2009-10-26.html
- Ole Johan Dale. 1999. Urban Planning in Singapore: The Transformation of a City. New York: Oxford University Press.
- Peggy Teo, Brenda Yeoh, Ooi Giok Ling, Karen PY Lai. 2004. Changing Landscapes of Singapore. Singapore: McGraw-Hill.
- Phang Sock-Yong; David Lee, Alan Cheong, Kok-Fai Poon & Karol Wee. 2013. Housing Policies in Singapore: Evaluation of Recent Proposals and Recommendations for Reform. Paper presented at the Singapore Economic Review Conference. Singapore, 6–8 August 2013.
- Singapore Land Authority. Weblink: www.sla.gov.sg/htm/ser/ser02.htm
- Sloterdijk, P., Sphären. Plurale Sphärologie, Band III, Schöne, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2004.
- Tampines Town Council. Weblink: www.tampines.org.sg
- Tan Meng Wah. 2013. Equity and Sustainability in Public Housing Pricing. IPS Commons. Singapore: Institute of Policy Studies. Web. www.ipsccommons.sg/index.php/categories/economics/121-equity-and-sustainability-in-public-housing-pricing-.
- Teo Alida. 'HDB statistics, facts & figures'. Housing in Singapore. Web. www.teoalida.com/singapore/hdbstatistics/
- Urban Redevelopment Authority. URA Integrated Map System. Web. www.ura.gov.sg/uramaps/?config=config_preopen.xml&preopen=Master%20Plan%20%28incorporate%20amendments%29.
- Zhui Meng. "Is COV (Cash-Over-Valuation) considered a Housing Valuation?" Trans. Pearl Lim. ICompare Loan. 10 April 2013. Web. www.icompareloan.com/resources/is-cov-cash-over-valuation-considered-as-a-housing-valuation-a-translation/
- б. Экология периферии/Брайан Эванс 'Garden State: Newly fashionable, allotments would profit from a touch of the market,' in The Economist, 5th October 2013, стр. 33.
- Hough, Michael. Out of Place: Restoring Identity to the Regional Landscape, Yale University Press, 1992.
- Hough, Michael. Cities & Natural Process: A Basis for Sustainability, Routledge, 2004.
- McHarg, Ian L., Design with Nature (25th Anniversary Edition), Wiley, 1995.
- Mostafavi, Mohsen. Gareth Doherty, Ecological Urbanism, Harvard University Press, 2010.
- 'Ped-sheds', the Congress for the New Urbanism. URL: www.cnu.org/sites/files/CNU_Ped_Sheds.pdf.
- Steel, Carolyn. Hungry City: How Food Shapes our Lives, Vintage, 2013.
- The Capital Cities Planning Group. Концепция развития Московской агломерации // Журнал «Проект Россия». №66. 4/2012. С. 89–104.
- The Landscape Urbanism Reader, Charles Waldheim (editor), Princeton Architectural Press, 2006
- Venturi, Robert. Complexity & Contradiction in Architecture, Museum of Modern Art, 1984.
- Viljoen, Andre & Howe, Joe (eds.), Continuous Productive Urban Landscapes: Designing Urban Agriculture for Sustainable Cities, architectural Press, 2005.



ВЫСТАВКА ИССЛЕДОВАНИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ПЕРИФЕРИИ» НА МОСКОВСКОМ УРБАНИСТИЧЕСКОМ ФОРУМЕ 2013
 Москва, Манеж 05 – 07 декабря
 Дизайн Проект Меганом, Елена Угловская

Archaeology of the Periphery



ИССЛЕДОВАНИЕ ДЛЯ МОСКОВСКОГО УРБАНИСТИЧЕСКОГО ФОРУМА 2013
«МЕГАПОЛИСЫ: РАЗВИТИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦЕНТРА»

Команда ПРОЕКТ МЕГАНОМ / Институт медиа, архитектуры и дизайна СТРЕЛКА

Дорогой читатель, имейте в виду: будущее в ваших руках! В контекстах урбанистики, архитектуры ли, критики — периферия оказывается одной из тех концепций, что привлекают нас по ассоциации и ассоциациями. Оттесняемая зачастую на окраины социальные и структурные, периферия не отпускает нас от себя. Она привлекает поэтов, писателей, кинематографистов, бродяг. Периферия резонирует с окраиной, резонирует с остаточным, с лиминальным; вот он — протезис, протез, позволяющий увечному не просто идти, но бежать, конкурировать наравне с остальными. Здесь важно отсутствие центра, его безместность. Периферия — не центр, но возможность однажды им стать...

Роджер Конна, редактор